АБХАЗСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

О. В. МААН

ВОПРОСЫ ЭТНОЛОГИИ АБХАЗОВ

Сухум
2026

УДК 391/395
ББК 63.5 (5Абх)
М 12

Научный редактор: доктор исторических наук,
член-корреспондент АНА, академик АМАН
Ю. Д. Анчабадзе

Рецензенты:
доктор исторических наук, профессор *Г. Д. Гумба,*
кандидат исторических наук, доцент *А. Н. Габелия*

Рекомендовано Учебно-методическим советом АГУ

Маан О. В.
Вопросы этнологии абхазов. – Сухум: РИО АГУ, 2026. – 577 с.

В книге освещаются различные проблемы хозяйственного развития, этикетно-поведенческих норм, межэтнических браков, состязательных игр, военной культуры и другие вопросы этнографии абхазов в сравнении с культурами народов Кавказа. Обращено внимание на интерпретацию ряда положений истории и этнографии абхазов в трудах некоторых зарубежных авторов.

Издание адресуется этнографам, историкам, а также более широкому кругу читателей, интересующихся историей и культурой абхазского народа.

г/р 978-5-166-87-070

© Маан О. В., 2026
© Абхазский государственный университет, 2026

Введение

В исследовательском пространстве абхазоведческой гуманитарной науки особое место принадлежит этнографии, без которой невозможно изучение генезиса и культуры абхазского этноса. Этнографический облик абхазов, сочетающий в себе общесеверокавказский культурный субстрат и специфические черты, сформировался в процессе адаптации к окружающей природной и социокультурной среде, а также в результате межэтнических и межкультурных взаимодействий, в которые был вовлечен абхазский этнос на протяжении истории своего развития. Этнокультурные основы народного быта абхазов были заложены уже в период этногенеза и закреплены в процессе автохтонного исторического развития, которое протекало в природно-экологической нише предгорной полосы южной покатости западных отрогов Большого Кавказского хребта[1].

Становление этнографического абхазоведения связано с именем командира линейного батальона и подполковника русской армии С. Т. Званба, который в конце 1840 – начале 1850-х гг. опубликовал ряд ценных очерков и этюдов по этнографии абхазов[2]. Работы С. Т. Званба содержали уникальный материал о культуре, религиозных верованиях абхазов, большинство из которых давно исчезло из быта народа. Поэтому многие этнографические материалы, содержащиеся в его работах, носят характер первоисточника.

---

[1] См.: Анчабадзе Ю. Д. Абхазы // Абхазия. Краткая энциклопедия в двух томах. – Сухум: СПб, 2022. Т. I. С. 99. Его же. Этнография абхазов. Т. II. С. 535.

[2] См.: Званба С. Т. Абхазские этнографические этюды / Составитель, автор биографо-библиографического очерка и ответственный редактор член-корреспондент АН ГССР, профессор Г. А. Дзидзария. – Сухуми, 1982. С. 43–85; Анчабадзе Ю. Д. Научное наследие Ш. Д. Инал-ипа в истории кавказоведения // Первые Международные Инал-иповские чтения. (Сухум, 9–12 октября 2007 г.). – Сухум, 2011. С. 11; Малия Е. М. С. Т. Званба // Т. I. С. 461.

В ряду тех, кому мы обязаны дальнейшим накоплением этнографических знаний об абхазах, были русские ученые А. А. Миллер, Н. С. Державин, Г. Ф. Чурсин, Е. М. Шиллинг и др. Посильный, порой весьма значительный вклад внесли местные краеведческие силы – Н. С. Патейпа, Н. С. Джанашиа, А. И. Чукбар. Этнографические сведения по абхазам накапливались и в грузинской научной и краеведческой литературе[3].

С установлением советской власти в Абхазии, этнографическая проблематика была включена в сферу научных интересов образованного в 1922 г. Абхазского научного общества (АБНО). Первым, кто силами местных специалистов стал проводить экспедиционные этнографические наблюдения в Абхазии в полевых условиях, был С. П. Басария[4].

Начало систематическому и планомерному изучению вопросов этнографии абхазского народа, его духовной и материальной культуры, было положено Академией абхазского языка и литературы, учрежденной в 1925 г.[5] В 1938 г. в Абхазском институте, при отделе истории, была организована этнографическая группа в составе И. А. Аджинджала и И. Е. Адзинба[6]. В дальнейшем, уже после Великой Отечественной войны, к исследовательской деятельности приступил Ш. Д. Инал-ипа, монография которого «Абхазы» стала своеобразным энциклопедическим справочником по этнографии абхазов.

---

[3] См.: Анчабадзе Ю. Д. Научное наследие Ш. Д. Инал-ипа в истории кавказоведения // Первые Международные Инал-иповские чтения. (Сухум, 9–12 октября 2007 г.) ... С. 11.

[4] Там же см. подробнее.

[5] См.: Авидзба В. Ш. Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа: история, проблемы, перспективы // Кавказ: история, культура, традиции, языки. По материалам Международной научной конференции, посвященной 75-летию Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа АНА 28–31 мая 2001 г. – Сухум, 2003. С. 4.

[6] Анчабадзе Ю. Д. Научное наследие Ш. Д. Инал-ипа в истории кавказоведения… С. 13.

Абхазские и русские этнографы и краеведы, в том числе и исследователи культуры и быта абхазов, советского и постсоветского периодов – Ш. Д. Инал-ипа, Ц. Н. Бжания, Е. М. Малия, Л. Х. Акаба, Г. Г. Копешавидзе (Тарджман-ипа), Р. К. Чанба, В. Л. Бигвава (Бигуаа), С. А. Дбар и др. – за относительно короткий отрезок времени смогли выявить и ввести в научный оборот огромный массив полевого материала по этнической культуре абхазского народа. На основе анализа обширного круга источников, прежде всего полевых материалов, путем их систематизации и классификации, абхазским этнографам удалось сделать и теоретические выводы. Со времени выхода в свет научных трудов И. А. Аджинджала, Ш. Д. Инал-ипа, Ц. Н. Бжания и других абхазских этнографов, были достигнуты значительные результаты в изучении происхождения, состава, расселения, культурно-бытовых особенностей, материальной и духовной культуры абхазского народа. Решение перечисленных проблем, безусловно, явилось неоценимым вкладом в академическую науку Республики Абхазия.

Проблемы, изучаемые в настоящее время абхазскими этнологами, по-видимому, и в обозримом будущем будут оставаться актуальными и, соответственно, востребованными, в том числе для формирования прогнозов будущего направления развития абхазского этноса. Однако в современных условиях многие компоненты традиционной культуры абхазов претерпели значительные изменения. Так, после войны 1992–1993 гг. произошел достаточно массовый отток сельского населения в города Сухум, Гагру и отчасти Гудауту, а также в некоторые прибрежные поселки городского типа. Миграция в город, как отмечают исследователи, мало влияет на этнокультурный облик современных абхазов, так как мигранты переносят большинство культурных и бытовых особенностей сельского образа жизни в город[7]. Вместе с тем соблюдение многих традиционных установок, правил осуществления обрядово-ритуальной практики в

[7] Ачугба Т. А., Хашба А. Ш. Этнодемографическая характеристика и география расселения // Абхазы. Народы и культуры. – М., 2012. С. 55.

городе идет по пути их упрощения и нивелировки. Например, при проведении *ацуныхэара* (общинного моления для вызывания дождя при засухе) выбор места определяется возможностью разместить всех предполагаемых участников обряда, что приводит к ситуации, когда ритуал вынужденно проводится вне сакрального пространства, что может оказывать разрушающее воздействие на ритуал как таковой[8]. В свою очередь, сложившийся в городе сценарий обрядовых практик в качестве образца проецируется на село, значительно ускоряя процесс трансформации традиционной обрядности[9]. Исходя из вышеизложенного, существенные сдвиги, происходящие в традиционной сфере абхазов, наряду с поиском и реконструкцией уже исчезнувших форм народной культуры продолжают занимать центральное место в научных изысканиях абхазских этнографов.

Рассмотрению ряда не до конца изученных вопросов традиционной этнической культуры абхазов посвящено и настоящее исследование. Проблематика монографии, в частности, касается традиционной хозяйственной деятельности, соционормативной и военной культуры абхазов. В основу разработки данных вопросов легли главным образом полевые этнографические материалы, собранные автором начиная с 2000 г. в селах Гудаутского и Очамчырского районов Абхазии и в г. Сухуме. В настоящую книгу включены и несколько работ, опубликованных автором ранее. Это, прежде всего, исследование по истории виноградарства и виноделия у абхазов с древности до настоящего

---

[8] Подробнее см.: Ботяков Ю. М. Проявления системы организации абхазского сельского сообщества в условиях современного города (на примере Сухума) // Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Режим доступа: http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-230-2/. С. 227–229 и сл.

[9] Там же. С. 244. Об этнокультурном облике современного абхазского общества см. также: Соловьева Л. Т. Судьба традиции в эпоху глобализации: Абхазия в начале XXI века // «Кавказ & Глобализация». 2007. Том 1 (3). С. 82–92.

времени. Данная тема достаточно хорошо освещена[10]. Вместе с тем к настоящей работе привлечены неопубликованные материалы проф. Ш. Д. Инал-ипа. В 1962–1963 гг. им была написана историко-этнографическая статья под названием «Из истории виноградарства и виноделия в Абхазии». Первоначально труд не был опубликован, но позже значительная часть текста была включена ученым во второе издание его монографии «Абхазы» (1965 г.). Те же материалы, которые не вошли в нее, используются нами в настоящей работе. Сама статья Ш. Д. Инал-ипа «Из истории виноградарства и виноделия в Абхазии» любезно предоставлена автору этих строк в сентябре 2016 г. супругой ученого, почетным доктором Академии наук Абхазии Миррой Константиновной Хотелашвили-Инал-ипа.

В разделе по виноградарству нами обращено внимание и на то, что в начале XX в. в Абхазии в одичалом виде произрастали десятки местных сортов винограда, дававших прекрасное и вполне самобытное вино. Из наших этнографических материа-

[10] См.: Джанашиа Б. П. Абхазская лексика виноградарства и виноделия. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. фил. наук. – Тб., 1955. Его же. Абхазская лексика виноградарства и виноделия. – Тбилиси, 2010; Инал-ипа Ш. Д. Абхазы. – Сухуми, 1960. С. 245–258; 1965. С. 245–259; Чамагуа Е. И. Виноград Абхазии. – Сухуми, 1968; Аджинджал И. А. Из этнографии Абхазии. – Сухуми, 1969. С. 146–156; Бжания Ц. Н. Из истории хозяйства и культуры абхазов (Исследования и материалы). – Сухуми, 1973. С. 182–208; Айба В. Ш. Аборигенные сорта винограда Республики Абхазия – агробиологическая оценка и перспективы производства. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. сельхоз. наук. – Краснодар. 2011; Григулевич Н. И. Традиции винопития и здоровье нации // Первые Международные Инал-иповские чтения. – Сухум, 2011. 168–181; Бигуаа В. Л. Виноградарство // Абхазы. Серия «Народы и культуры». Ответственные редакторы: Ю. Д. Анчабадзе, Ю. Г. Аргун. – М., 2012. С. 130–140, и др. Так что утверждение одного из авторов научно-популярной работы «Виноградарство и виноделие у древних абхазов» (Москва, 2020) винодела Н. Ачба (соавтор Ф. Кобахия), что о наличии виноделия у абхазов «никаких научных доказательств... не существовало» (см.: «Абаза ТВ». «Виноделие в Абхазии». Репортаж о фильме Ибрагима Чкадуа 29.12.2021), абсолютно не соответствует действительности.

лов также с уверенностью можно сделать вывод о том, что вся история виноделия и виноградарства имеет тесную связь с культурой, экономикой и повседневным бытом абхазского народа, у которого традиционно была развита и культура потребления вина. Абхазия и в настоящее время остается одним из заметных винодельческих регионов Южного Кавказа.

В работе представлена тема истории развития фруктового садоводства в Абхазии. Даны описания традиционных технических приемов при высаживании разных сортов плодовых деревьев для их взаимного опыления, орудий, использовавшихся для срезания веток фруктовых деревьев, говорится об отношении народа к посадке плодовых деревьев как одному из условий воспитания личности. Специальное внимание уделено типологическому разнообразию традиционных садов, в частности наличию садов – священных рощ, храмовых плодовых садов, наличии лесосадов. Садоводство играло значительную роль в экономической жизни Абхазии, вплоть до того, что констатировано вхождение плодовых культур и винограда абхазов в уплату налога в пользу Османской империи (закономерно, что значение садов в экономической жизни абхазов еще более возросло, особенно в условиях развития товарно-денежных отношений).

Состав садовых культур не оставался неизменным за счет появления в абхазских садах новых сортов и видов фруктовых деревьев. Так, в работе рассматривается процесс интродукции в Абхазию цитрусовых и др. Приводятся материалы, свидетельствующие о том, что культура садоводства абхазов и адыгов перенималась даже народами Средиземноморья. В этом случае очевидно, что нахождение народов Причерноморья, в том числе абхазов, адыгов, мегрелов и др., в тесных торгово-экономических и культурных связях неизбежно вело к постоянному обмену сортами культурных растений, технологиями и товарной продукцией. Исследование садоводческой отрасли традиционного хозяйства дает небезынтересный материал для этнической

истории абхазов, поскольку через распространение новых видов растений и появление в Абхазии ряда сортов фруктов прослеживаются этнические контакты абхазов.

Зарождение и развитие садоводства уходит своими корнями в историю земледелия, поэтому и этой отрасли хозяйства абхазов в работе уделено самое пристальное внимание. Ранее автор уже обращался к данной теме в аспекте сравнительного изучения с земледелием у народов Северо-Западного Кавказа. Однако к настоящему времени накоплен новый источниковый материал, который позволяет проследить за ранними этапами развития данной отрасли производящего хозяйства абхазов, связями с раннеземледельческими культурами Передней Азии, а также более глубоко рассмотреть сложившуюся у абхазов и ряда других народов Кавказа практику земледелия на горных склонах, орошения полей. О древности земледельческой традиции абхазского народа свидетельствуют в первую очередь новые археологические материалы. Лучшему пониманию и выявлению исторических периодов в развитии земледельческих навыков абхазов способствуют письменные источники позднего Средневековья, Нового и Новейшего времени, а также лингвистические и фольклорные материалы.

В тесной связи с земледелием рассматривается другое важнейшее занятие абхазов – отгонно-яйлажное скотоводство. В этом разделе рассмотрены вопросы формирования альпийского скотоводства, представлены свидетельства широком распространении в культуре абхазов отгонного скотоводства, института пастушества, влиянии горного скотоводства на формирование местного ландшафта и др. Необходимость рассмотрения этих вопросов вызвана тем, что среди исследователей – историков и этнографов – нет единого мнения относительно времени зарождения у абхазов яйлажного скотоводства. Обобщив этнографические материалы, автор высказывает предположение, что с абхазскими каменными оградами ацангуарами могут иметь ана-

логии остатки каменных стен от загонов у некоторых народов Северного Кавказа.

Наиболее важным вкладом абхазского и адыгского народов в сокровищницу мировой культуры можно считать их этикетные нормы и традиционную нравственную культуру. Поведенческие нормы «знаменитого абхазского этикета»[11] в книге рассматриваются в сопоставлении с культурой поведения других народов Кавказа, выявляются их общие и отличительные особенности. Причины различий поведенческих правил абхазов и некоторых соседствующих с ними народов автор видит в социальном устройстве традиционного абхазского социума, дававшего, по сравнению с феодальным строем, несравнимо больше прав и свобод членам общества. Прослежено значительное воздействие на нравственные устои и обычаи абхазов их юго-восточных соседей.

Самостоятельным разделом в работе представлены материалы по национально-смешанным (межэтническим) бракам, имеющим у абхазов, судя по всему, давнюю традицию. Показано состояние межэтнической брачности абхазов на различных этапах исторического развития, показатели которой особенно усилились со второй половины XIX в. во время аграрной колонизации, когда мегрелы стали арендаторами земель, освободившихся в связи с махаджирством, а также при советской власти, особенно во время организованного переселения крестьян из районов Западной Грузии в Абхазию. Вопросы межэтнической брачности абхазов в конце XIX – начале XXI в. в различных регионах Абхазии рассмотрены на основе проведенных научными сотрудниками отдела этнологии АбИГИ этнодемографических исследований, при этом обращено внимание на традиционные установки народа к межнациональному браку и отношение к нему на современном этапе. Делается вывод о влиянии межэт-

[11] Чеснов Я. В. Нравственные ценности в традиционном абхазском поведении // ПИИЭ 1980–1981 гг. – М., 1984. С. 107.

нических браков, главным образом между мегрелками и абхазами, реже между абхазками и мегрелами, на этнокультурные и языковые процессы у потомков от этих браков.

Отдельный раздел посвящен анализу традиционной семейно-общественной обрядности абхазов. В ней рассмотрены обряды похоронного цикла, которые, имея сходство с аналогичными обрядами в традиционной культуре других народов Кавказа, больше всего отражают самобытные черты абхазского народа. Обращено внимание на функционирование института горевестника, «траурного» языка, поведения близких покойного во время похорон, на способы погребения умершего, специфике обряда ингумации в погребальной обрядности древнего населения Абхазии, виды захоронений, состав и размещение погребального инвентаря, помещение в могилу умершего напутственной пищи и т. д. Погребальные обряды рассматриваются как переходные, обеспечивающие смену культурного состояния и социальной позиции умершего человека.

В третьей главе работы представлена тема военной культуры абхазов в период Средних веков и раннего Нового времени: вопросы вооружения и военного дела, в том числе мореплавания и пиратства. Рассмотрение военной темы обусловлено милитаризованным бытом абхазского общества вплоть до середины XIX в. Исходя из этих условий традиционного быта, одной из важнейших основ народной жизни абхазов в указанные периоды истории являлась военная организация социума. Военные условия жизни выработали у абхазов особое отношение к оружию, которое было необходимо им для защиты своей семьи, рода и народа. На основе археологических и письменных источников в работе предпринята попытка рассмотрения предметов наступательного и защитного вооружения, которые использовали абхазы в период Средневековья. Показано, что оружие абхазов менялось вместе с развитием техники и общественных отношений и что при определенном внешнем влиянии основные элемен-

ты комплекса вооружения абхазов продолжали свое развитие вплоть до периода позднего Средневековья. В этом же разделе рассмотрены способы, навыки и умения ведения военных действий, снаряжение воинов-абхазов, одежда, походная пища, а также совокупность традиционных норм поведения, регламентировавших поведение абхазов в военной обстановке.

Суровые условия военизированного быта абхазов диктовали необходимость уделять особое внимание военно-физическому воспитанию молодежи. Этому было подчинено большинство состязательных игр, которые также рассмотрены в настоящей работе достаточно подробно. С их помощью абхазы самым существенным образом влияли на общий уровень боевой подготовки молодого поколения. Многие виды физических упражнений, военно-спортивных игр и состязаний абхазов сформировались в период феодализма. Причем само существование в Закавказье раннефеодального Абхазского царства было бы невозможно без развитой системы физической культуры. Отмечен полифункциональный характер традиционных военных игр абхазов, которые в разное время, наряду с военной, выполняли функции: развлечения, коммуникативную, компенсаторную, обрядовую и ряд других.

Среди исследований о спортивных играх абхазов мы отмечаем посвященную истории спорта в древней Абхазии малоизвестную работу Ю. Н. Воронова[12]. На основании археологических данных и ряда письменных источников ученый описал до десяти видов спортивных игр древних абхазов (о них см. в соответствующем разделе), большинство из которых берут свое начало в методах физического воспитания, заключавшихся в обучении различным приемам преследования, нападения и защи-

[12] См.: Воронов Ю. Н. К вопросу об истории спорта в древней Абхазии // 4-я научная конференция работников по физической культуре и спорту Абхазской АССР. Тезисы докладов. – Сухуми, 1968. С. 16–18.

ты[13]. Вывод Ю. Н. Воронова сводится к тому, что многие виды спорта в Абхазии появились в древности и прошли длительный путь развития. Со временем совершенствовались и видоизменялись техника изготовления, материалы и приемы, однако форма «спортивных снарядов» оставалась в основном постоянной.[14]

Богатые материалы приводятся в монографии О. В. Вахания[15]. Она содержит главу о теории игр с их анализом и историей возникновения. Другой особенностью его работы является подчеркивание важности развития народных игр и некоторых физических упражнений абхазов для восстановления их на массовых народных праздниках. Но нельзя не отметить, что виды и количество абхазских народных игр, описанные О. В. Вахания, являются неполными, о чем можно судить по традиционным играм, сохранившимся у абхазов, проживающих в Турции. Это служит подтверждением существующего в этнографической литературе положения о том, что наиболее архаичные пласты этнической культуры лучше сохраняются порой у той части этноса, которая удалена от основной территории расселения и живет в инонациональном окружении.[16] Об этом же свидетельствуют публикации абхазских историков, приводящих списки более 70-ти не зафиксированных в научной литературе состязательных игр абхазов[17] .

В заключительной главе монографии приводятся критические заметки относительно трактовки вопросов истории и этнографии абхазов в трудах ряда зарубежных исследователей. В настоящем издании это касается работ некоторых грузинских авторов, которые, как и ранее, заняты реинтерпретацией из-

---

[13] Там же. С. 16.

[14] Там же. С. 18.

[15] Вахания О. В. Абхазские народные игры. – Сухуми, 1959.

[16] См.: Комарова Г. А. Этнография детства: междисциплинарные исследования. – М., 2014. С. 45–46.

[17] См.: Агуажба Р. «В настоящем мужчине скрыто дитя» // Журн. «Абаза». 10.04.2015. С. 43.

вестных мировой академической науке материалов этнографии абхазов. Приводятся примеры использования грузинскими авторами сфальсифицированных фактов истории и этнологии абхазов (они коснулись и учебников для средней и высшей школы Грузии), на которые мы обращаем внимание ввиду необходимости адекватного реагирования на искажение вопросов культуры, быта, обычаев и традиций абхазов. Вопреки тенденциозным построениям отдельных грузинских этнологов и историков, имеется большое количество содержательных и ценнейших материалов об этнографической культуре абхазского народа, оставленных множеством иностранных (западноевропейских, русских) авторов, которые были написаны ими начиная с периода позднего Средневековья. Они убедительно свидетельствуют о самобытности существования абхазского этноса в этнокультурном пространстве Кавказа, подтверждают, что абхазы — коренные жители Черноморского побережья Кавказа.

Таким образом, к созданию книги максимально привлечена предшествующая историко-этнографическая литература, а также учтены все высказывания по поднятым в издании проблемам. Источниковедческая база рассматриваемых в работе традиционной хозяйственной деятельности, соционормативной, военной культуры абхазов была существенно расширена и дополнена новыми историко-археологическими материалами. Поднятые в книге проблемы автор старался рассмотреть на широком сравнительном и сопоставительном фоне, изучая не только специфические особенности, отличающие абхазов от других, но и черты, общие с другими народами. Отличительные черты этнической культуры абхазов в работе рассмотрены в историческом развитии, доводя изучение до сегодняшнего дня, а в историческое прошлое проникая настолько, насколько это возможно.

ГЛАВА I
КУЛЬТУРА ТРАДИЦИОННОЙ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Земледелие

Для любого этноса или его компонента характерны формы хозяйства, которые на соответствующем уровне социально-экономического развития могут стать этнодифференцирующим признаком. Другими словами, речь идет о специфичности хозяйственно-культурного типа этнического социума в целом (например, чукчи и эскимосы как арктические охотники на морского зверя), либо об отдельном направлении хозяйственной специализации этноса, каковым является, например, овцеводство для тушин, коневодство для кабардинцев, златокузнечество для даргинцев, виноградарство и виноделие для кахетин и т. д. У абхазов такой характерной формой хозяйства является симбиоз земледелия и скотоводства, с тем уточнением, что на побережье Абхазии и в плодородных речных долинах сравнительно больше было развито земледелие, а в горных частях страны вплоть до XIX в. преобладало скотоводство. Исключение из этого, возможно, составляли некоторые предгорные области, в частности верховья р. Кодор, где проживали мисимиане. Основу хозяйства последних еще в VI в. н. э. составляло, по-видимому, хлебопашество[18]. По сравнению с этим, практически по всему Северному Кавказу, у народов, населявших горы, земледелие получило большее развитие, нежели у жителей равнин. Ярким примером может служить хозяйственный быт шапсугов[19].

---

[18] Агафий. О царствований Юстиниана. Перевод, статья и примечания М. В. Левченко. –М.–Л., 1953. С. 115.

[19] См. напр.: Кучмезов Б. Х. Земледелие у балкарцев // ЭО. 2001. № 1. С. 68.

У истоков. Эволюция земледелия и орудий труда на территории древней Абхазии, судя по данным археологии, шла по восходящей линии с эпохи мезолита. Древнейшие памятники земледелия на территории нашей страны относятся к заключительной стадии среднекаменного века. Они представлены находками в верхнем слое грота Хупынипшахуа в Кодорском ущелье, где найдены изготовленные из кремня трапециеобразные микролиты, а также орудия из сланца и песчаника: зернотерки, треугольные и овальные терочники и, наконец, сделанные из ребра гальки мотыги[20].

Эти и другие находки орудий труда, несомненно, говорят о том, что в указанную эпоху на территории древней Абхазии появляется и делает первые шаги в своем развитии земледельческая культура. Начальным этапом формирования земледельческого уклада считается «усложненное собирательство» растительной пищи уже в эпоху верхнего палеолита, о чем говорят те же находки в гроте Хупынипшахуа. Наличие в культурных слоях верхнего и даже среднего палеолита ряда стоянок Восточной Европы специфических каменных орудий – пестов-терочников, связанных с приготовлением (растиранием до состояния муки) растительных продуктов для многолетнего хранения, говорит о длительном «подготовительном» периоде формирования земледелия.

Возможности прогрессивных изменений в хозяйственной жизни древнейшего населения Абхазии и темпы этих изменений определялись, в частности, характером контактов с имевшими более развитое производство переднеазиатскими обществами. В этом отношении Кавказ, на юге примыкая к Передней Азии, находится в непосредственной близости от территории так называемого плодородного полумесяца, в первую очередь Загроса, которая, считается одним из самых ранних очагов воз-

[20] Соловьев Л. Н. Об итогах археологических раскопок в гроте Хупынипшахва в 1960 г. // Труды АИЯЛИ. – Сухуми, 1961. Т XXXII. С. 194.

никновения и развития мирового земледелия[21] и древнейшей цивилизации.

Как утверждают Р. М. Мунчаев и Н. О. Бадер, «еще в X–IX тыс. до н. э. охотники Ближнего Востока начали систематически собирать дикие злаки, а в VIII–VII тыс. до н. э. появились первые земледельческие поселения в районах естественного распространения злаков»[22]. Таким образом, можно сделать вывод, что древнейшее злаковое земледелие возникло именно в Передней Азии[23], что позволяет, на наш взгляд, допустить вхождение в этот ареал и Кавказа.

Такой важный и стимулирующий фактор, как соседство и постоянно усиливавшиеся связи Восточного Причерноморья с Передней Азией, способствовал синхронному развитию в обоих ареалах раннеземледельческого хозяйства VIII–V тыс. до н. э., с чем связано появление на территории Западного Закавказья первых зерновых культур[24]. Распространение зерновых из Передней Азии в Закавказье и наоборот могло происходить путем культурно-экономического взаимообмена земледельческо-ско-

---

[21] Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века. – М., 1975. С. 8, 77, 78.

[22] Мунчаев Р. М., Бадер Н. О. Раннеземледельческое поселение в Северной Месопотамии // Вестник АН СССР. 1979. № 2. С. 107; Мунчаев Р. М. Новейшие археологические исследования в Месопотамии // Первая Абхазская Международная археологическая конференция. – Сухум. 2006. С. 65.

[23] См.: Решетов А. М. Основные хозяйственно-культурные типы ранних земледельцев // Ранние земледельцы: Этнографические очерки. – Л., 1980. С. 34–38. См. также. Массон В. М. Проблема неолитической революции в свете новых данных археологии // ВИ. 1970. № 6. Его же. Поселение Джейтун. Проблема становления производящей экономики. – Л., 1971; Мерперт Н. Я. Древнейшее земледелие на Ближнем Востоке // Природа. 1981. № 11. Его же. «Неолитическая революция» на Ближнем Востоке (некоторые моменты разработки проблемы в зарубежной науке) // КСИА. 1984. № 180.; Шнирельман В. А. Возникновение производящего хозяйства. – М., 1989; Мунчаев Р. М. Новейшие археологические исследования в Месопотамии… С. 65.

[24] Энеолит СССР. – М., 1982. С. 95–96; История Абхазии. – Сухум. 1991. С. 23.

товодческого населения этих крупных соседствующих регионов древнейшей цивилизации.

На неолитических поселениях Абхазии встречается значительное число обсидиановых орудий труда и их обломков, которые свидетельствуют о том, что орудия труда изготавливали не только из камня, древесины, кости, но и из других природных материалов. Так, жители поселения Лемса (западнее совр. Цебельды), «уже пользовались жатвенными ножами-вкладышами из кремневых пластинок, примитивными терочниками для размола зерна, каменными мотыжками, орудиями из обсидиана, попавшего сюда из далекого Армянского нагорья»[25]. Но, как уже отмечалось в литературе, более вероятным является поступление обсидиана в Абхазию из сырьевых источников Главного Кавказского хребта.[26] Можно полагать, что основной поток северокавказского обсидиана шел в Хупынипшахуа (где выявлены довольно многочисленные орудия из этого материала), расположенного вблизи Клухорского перевального пути. Затем обсидиан мог распределяться по другим стоянкам, в частности расположенным в окрестностях Цебельды – пещера Апианча, поселение Лемса.

Значение земледелия на территории древней Абхазии особенно очевидно на энеолитической стадии развития общества, когда развивается мотыжное ручное земледелие. Стоянка энеолитической эпохи, выявленная на горе Гуадиху в 1952–1953 гг., содержала множество каменных топоров, мотыжек, зернотерок, керамику[27]. Эти находки обнаруживают многочисленные аналогии на селищах того времени – Мачара, Псоу, в соответствующем слое Кистрикского поселения[28]. Каких-либо указаний

---

[25] Бгажба О. Х., Лакоба С. З. История Абхазии. С древнейших времен до наших дней. – Сухум. 2015. С. 29.

[26] См.: Маан О. В. Проблемы этнического развития и традиционно-бытовой культуры абхазов. – Сухум. 2014. С. 6–8.

[27] См.: Трапш М. М. Труды. – Сухуми, 1969. Т. II. С. 18.

[28] Лукин А. Л. Неолитическое селище Кистрик близ Гудаут // СА. 1950.

на применение тягловой силы животных в процессе обработки земли пока нет.

К более передовому плужному земледелию предки абхазов перешли в следующую эпоху раннебронзового века. В с. Пичора (абх. Бҷара) Галского р-на найдена, как полагают, наиболее ранняя на Кавказе деревянная соха ближневосточного типа[29] (что еще раз говорит об очень древних связях между земледельческими культурами). Эта находка свидетельствовала о качественном изменении в развитии древнеабхазского земледелия, – пахотное земледелие подразумевает применение уже тягловой силы[30] (об этом говорит и тот факт, что в указанную эпоху по всему Закавказью распространяются фигурки быков). По данным археологии, на целине пахари с помощью пары волов теперь могли обработать и засеять неизмеримо большую площадь, чем мотыгами при подсечном земледелии (с помощью мотыги человек мог обрабатывать до 5 соток в день, применение же тягло-

---

Вып. XII. С. 260. Зернотерки из Кистрикского селища были размером около 20–24 см в поперечнике, при толщине до 14 см. Движение их было круговым. Продольные терки с вальковыми курантами при 18, 22 и 24 см ширины нижнего камня имели примерно двойную длину и толщину от 4 до 6 см. (Там же.)

[29] Барамидзе М. В. Археологические исследования в Гальском районе // Археологические открытия в Абхазии 1986–1987 гг. – Тб., 1990. С. 53–54. При этом считается, что в Закавказье пашенные орудия могли попасть в течение III тыс. до н. э. из Месапотамии. В позднем бронзовом веке, как полагают, на Кавказе уже несомненно были примитивные рала (См.: История первобытного общества. Эпоха классообразования. – М., 1988. С. 22. См. также: Пятых Г. Г. Земледелие энеолита – бронзы как индикатор классогенеза // Цивилизационные центры и первобытная периферия в эпоху раннего металла: модели взаимодействия. Тезисы докладов круглого стола, посвященного памяти Н. Я. Мерперта. 5–7 февраля 2013 г. – М., 2013. С. 31–32).

[30] Р. М. Мунчаев отмечает, что по сравнению с предшествующим периодом эпоха ранней бронзы в Закавказье характеризуется качественно более высоким уровнем развития техники земледелия. Вспашка производится уже примитивной сохой с применением тягловой силы (Мунчаев Р. М. Кавказа на заре бронзового века... С. 160).

вой силы скота увеличивало норму выработки до 1 га, т. е. в 20 раз больше)[31]. Это создавало излишки прибавочного продукта и вело к увеличению населения. Так, в III тыс. до н. э. имеет место резкий рост масштабов закавказских поселений, особенно основанных в земледельческих районах[32]. В них должно было быть сконцентрировано большое население, обеспечение которого зерном под силу лишь технически относительно развитому аграрному хозяйству. Все эти археологические и экономические показатели, взятые вместе, дают возможность с большей достоверностью говорить о достаточно развитом пашенном земледелии на Кавказе в рассматриваемую эпоху. Понятно, что этапу весьма развитого пашенного земледелия в III тыс. до н. э. предшествовал длительный период внедрения древнейших пахотных орудий, который мог охватывать время по меньшей мере с конца V до конца IV тыс. до н. э.

Темпы качественных изменений в экономике древнейшего населения Абхазии определялись не только контактами с переднеазиатскими обществами, но и условиями и особенностями внутреннего развития социумов эпохи ранней бронзы. Справедливость данного положения подтверждают Б. А. Колчин и Э. В. Сайко, которые пишут: «Только внутренняя подготовленность последних, прежде всего определенная степень развития всего производства, обеспечивала активное восприятие ими прогрессивных начал»[33]. Развитие земледелия на территории древней Абхазии в эпоху бронзы, несомненно, было также в первую оче-

---

[31] См.: Борисов А. В., Коробов Д. С. Древнее и средневековое земледелие в Кисловодской котловине: итоги почвенно-археологических исследований. – М., 2013. С. 46.

[32] Кушнарева К. Х. О времени становления пашенного земледелия на Южном Кавказе (К постановке проблемы) // Историко-филологический журнал. 1977. № 4 (79). С. 93.

[33] См.: Колчин Б. А., Сайко Э. В. Особенности развития и организации производства // Становление производства в эпоху энеолита и бронзы. – М., 1981. С. 10.

редь связано с увеличением количества населения, которое способствовало росту трудовых ресурсов и содействовало подъему сельского хозяйства. При этом исследователи отмечали, что в эпоху бронзы земледелие в Абхазии играло даже более видную роль, чем в предгорной полосе Северного Кавказа[34].

Это позволяет заключить, что земледельческая культура народов Западного Закавказья складывалась на протяжении длительного исторического периода в системе других уже существующих аналогичных культур, поэтому неудивительно, что равнозначно важным, характерным и традиционным у абхазов и соседних народов – мегрелов, убыхов, западных адыгов – являлось занятие земледелием[35]. В местах расселения западных абхазов (садзов), убыхов и прибрежных адыгов земледелие было развито в Сочинской, Цемесской, Суджукской и Адагумской долинах, в бассейнах рек Псекупса и Пшиша, на левобережьях рек Кубани и Лабы. Земледелие в Прикубанье в I тыс. до н. э., как предполагается, было плужным, хотя остатки плуга или сохи (железные сошники) пока еще не найдены[36].

Адыги, убыхи и абхазы занимались интенсивным земледелием в местах, где не проходили торговые и военные пути. Ни в одном из погребений, например вдоль пути на Клухорский и Марухский перевалы, не выявлены сельскохозяйственные орудия. Но в тех же могильниках найдено по нескольку наконечни-

---

[34] См.: Лавров Л. И. Земледелие на Северо-Западном Кавказе // Материалы по истории земледелия СССР. 1951. Вып. 1. С. 186–225.

[35] В связи с этим примечательно, что даже у твердых овцеводов карачаевцев существовала поговорка «владелец стада поклонится земледельцу», хотя в высокогорье обеих горных систем Кавказа и в степных районах Северного Кавказа и Азербайджана лидировало скотоводство (См.: Дмитриев В. А. Земледелие и виноградарство на Кавказе. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ethnomuseum.ru/zemledelie-i-vinogradarstvo-u-narodov-kavkaza).

[36] См.: Прокопенко Ю. А. Этнокультурные связи оседлых и кочевых народов Центрального Предкавказья во второй половине I тыс. до н. э. Дисс. на соиск. уч. ст. докт. ист. наук. – М., 2006.

ков копий и топоров, из чего следует, что население этих мест охраняло путь на Северный Кавказ. Что касается отдаленных от этого пути мест: Апушта, Атара, Цкыбын (бывш. Шаумяновка) и других, то в них сельскохозяйственные орудия встречаются часто[37].

Важное место земледелия в системе жизнеобеспечения абхазов подтверждается не только археологическими находками[38], но и народным календарем, имевшим ярко выраженный аграрно-магический характер. Например, май по-абхазски называется «лацара», что значит «сеять»; июнь –«рашэара», т. е. «мотыжить» («время прополки поля»); октябрь – «жьҭаара» («месяц сбора винограда»); ноябрь – «абҵара» («месяц сбора урожая»). У абхазов, как и у всех народов древнейшего земледелия, данный вид деятельности нашел отражение в системе разветвленных культов аграрно-земледельческих божеств, связанных с почитанием покровителей плодородия, божеств грозы и дождя, земли и духов растений, культ священных мест и т. п.[39]. При этом из аграрных божеств абхазов наибольшим культовым почитанием пользовались: Нан – «великая богиня плодородия», Цьацьа (Джаджа) – «покровительница посевов»; Анапа-нага – «мать проса», Саунау – божество мукомольни, Кэыкэын (Кукун)

---

[37] Гунба М. М. Абхазия в первом тысячелетии н. э. – Сухуми, 1989. С. 47.

[38] См.: Каталог археологических материалов. Музей Грузии. Т. II. – Тбилиси, 1955; Шамба Г. К. Раскопки древних памятников Абхазии. – Сухуми, 1984. С. 78; Соловьев Л. Н. Энеолитическое селище у Очемчирского порта в Абхазии // Материалы по истории Абхазии. – Сухуми, 1939. Сб. 1. С. 22–39; Барамидзе М. В., Бжания В. В., Квирквелия Г. Т. Раскопки в Адзюбжа // Археологические открытия 1978 года. – М., 1979. С. 496; Бжания В. В., Бжания Д. С., Когония Л. М., Джопуа А. И. Раскопки Тамышского поселения // Археологические открытия 1983 года в Абхазии. – Тбилиси. 1987. С. 11; Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х. Главная крепость Апсилии. – Сухуми, 1986. С. 27, 55; Амичба Г. А. Абхазия в эпоху раннего Средневековья (Очерки по истории народного хозяйства и социально-экономических отношении в VI–X вв.). – Сухум, 2002. С. 19–20.

[39] Токарев С. А. Ранние формы религии. – М., 1990. С. 368.

– покровительница льна и конопли, Нар – богиня виноградарства и плодоводства.

Давние земледельческие корни абхазов нашли отражение и в героическом Нартском эпосе, в котором труд крестьянина-землепашца ярко идеализируется. Согласно сказанию, невзрачный на вид калека-пахарь запросто справился с прославленным богатырем Сасрыквой. Не умаляя значения боевых качеств главного героя Сасрыквы, а наоборот, идеализируя их во всем Нартском эпосе, в то же время народ созданием образа могучего пахаря подчеркнул первостепенность созидательного начала, так как жизнь в конечном итоге создается только трудом.

Вместе с тем, по сравнению с другими народами, у которых основным занятием было земледелие и наибольшее развитие получила календарно-земледельческая обрядовая поэзия, у абхазов этот жанр устно-поэтического фольклора занимает совершенно незначительное место. По мнению фольклористов, это можно объяснить тем, что обрядовая поэзия, отражавшая в себе трудовую деятельность земледельца, не дошла до наших дней, осталась незафиксированной[40]. На основании имеющегося материала можно сделать вывод о том, что многочисленные обряды, связанные с земледелием, у абхазов не сопровождаются особыми, созданными специально для этого случая песнями или иными поэтическими произведениями. Они ограничиваются лишь молитвами, словесными формулами весьма общего характера, произносимыми чаще главой семьи, обращенными к покровителям различных отраслей хозяйства.

Системы земледелия и агротехнические приемы. Население Колхиды, вместе с входившими в их число древнеабхазскими племенами, издавна занималось ведением подсечного земледелия. Это подтверждается, например, раскопками в Гюэносе, где перед основанием раннеантичного поселения площадь была

[40] См.: Салакая Ш. Х. Обрядовый фольклор абхазов // Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор. – М, 1974. С. 19–26.

освобождена с помощью выжигания и выкорчевания кустарников. Материальными свидетельствами развития земледелия в древней Абхазии этого периода служат орудия труда, зернообрабатывающие и мукомольные орудия, в том числе обнаруженные на территории древнего Сухума[41]. О наличии земледельческого хозяйства в районе античной Диоскуриады говорит терракотовая скульптурка богини земледелия (Деметра? Кибела?), а также неоднократно обнаруживаемые тканевые отпечатки на керамике, иногда даже и на металлических предметах (Красный маяк, Эшера). Находки многочисленных зерен в местной амфоре и на тарелках в эллинистических слоях Эшерского городища[42] опять же свидетельствуют об определенном уровне ведения сельского хозяйства в древней Абхазии.

В раннем Средневековье господствующей в Абхазии системой являлась подсечно-огневая, с параллельным применением залежи перелога[43]. Последнее, по мнению исследователей, могло иметь значительное место еще в начале Средневековья, когда наличествовали незанятые еще феодалами свободные земли[44] (кстати говоря, имеются сведения о том, что в раннем Средневековье зерно и соль на территорию Абхазии и в Константинополь завозили из Северного Причерноморья). В зрелое

---

[41] См.: Шамба Г. К. Культура племен Абхазии в первом тысячелетии до н. э. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. докт. ист. наук. – Ереван, 1987. С. 14.

[42] Там же. С. 15.

[43] Амичба Г. А. Абхазия в эпоху раннего Средневековья (Очерки по истории народного хозяйства и социально-экономических отношений в VI–X вв.)... С. 8.

[44] Там же. Следует при этом подчеркнуть, что, например, и в 60-х гг. XIX в. в Абхазии были земли, которые не были еще заняты. Во всяком случае, по свидетельству ген. Понсэ, «весь южный склон хребта, отделяющего Абхазию от долины Бзыба, еще свободен от населения». Причем, по данным того же автора, земля в Абхазии «имела мало цены» (Цит. по.: Дзидзария Г. А. Труды. – Сухуми, 1988. Книга I. С. 278), что являлось следствием «смутного состояния» страны. «Более земли, – писал Понсэ, – ценятся люди и рабы, как работники и как товар». (Там же.)

Средневековье, судя по археологическим материалам, в Абхазии наблюдается отсутствие достаточного количества удобной земли и пастбищ, что объясняется значительным экономическим развитием и демографическим подъемом страны[45]. Площади обрабатываемых полей абхазов особенно сокращаются в позднем Средневековье. Одной из причин этого могло быть распространение работорговли, в результате чего население, опасаясь похищения, обрабатывало земли в непосредственной близости от своего жилья[46]. По другим причинам, согласно Арк. Ламберти, большая часть земель оставалась необработанной у юго-восточных соседей абхазов. Арк. Ламберти объяснял это желанием владетельного князя Мегрелии иметь побольше свободного места «для охоты на оленей и кабанов»[47]. По утверждению того же автора, «у мингрельцев какой бы высокий и знатный человек ни был, сам обрабатывает свои поля и извлекает оттуда свое пропитание». «Дворянин... сам берется за сапку и вместе с другими работает в поле...» «Начиная с владетельного князя, – продолжает Ламберти, – до последнего мингрельца, все с удовольствием занимаются земледелием...»[48] В отличие от Ламберти, Е. Л. Марков, например, в 1887 г. помещикам с долины Риони давал более правдоподобную характеристику: «Пирушки, кутежи, охота, переезды целым обществом друг к другу составляют их главное занятие, при котором не приходится уде-

[45] См.: Воронов Ю. Н. Научные труды. – Сухум, 2014. Т. IV. С. 152.

[46] На ранних же ступенях развития земледелия расположение полевых земель и угодий в непосредственной близости от жилищ можно объяснить отсутствием еще дифференциации между полеводством и огородничеством.

[47] Ламберти Арк. Описание Колхиды, называемой теперь Мингрелией. С картою 1654 года. Перевел с итальянского К. Ф. Ган // СМОМПК. – Тифлис, 1913. Вып. 43. С. 56.

[48] Там же. С. 55–56. Своим сообщением о собственноручной обработке земель мегрельским владетелем и его подданными Ламберти, очевидно, хотел услужить Левану II Дадиани, чтобы перевести его на свою сторону для обращения в католицизм.

лять много времени и забот своему хозяйству»[49]. В то же время у мегрелов земледелие было одним из ведущих хозяйственных занятий, ввиду того, что основу пищевого рациона составляли продукты земледелия, и в первую очередь, просо, из которого готовилась мамалыга – главное блюдо их системы питания[50].

В системе земледелия абхазов в XIX в., по мнению Р. К. Чанба, в соответствии с природными условиями и хозяйственно-экономическим уровнем развития преобладающей была «залежно-переложная система земледелия»[51] (в Восточной Грузии преобладали переложная и паровая системы земледелия, а в Западной наряду с ними существовала залежная и подсечная системы). Но нужно при этом иметь в виду, что у абхазов (в том числе у садзов) и их ближайших соседей – убыхов и адыгов – все удобные для пахоты участки земель были заняты сельскохозяйственными культурами и садами, виноградниками, а также лугами и пастбищами. Например, Ф. Ф. Торнау поселение «абхазского горского племени ахчипсу» в верховьях р. Мзымта описывал так: «По обе стороны реки раскиданы купы домов и хижин, окруженных темною зеленью садов, виноградниками, посевами кукурузы, проса, пшеницы и свежими бархатными лугами»[52]. А М. Селезнев в 40-х гг. XIX в. в районе с. Лыхны и долине р. Мчышь видел «красивые жилища с садами, лугами и пахотями»[53]. Поэтому, исходя из этих и других сведений, вряд ли можно считать, что в XIX в. наиболее распространенной у

---

[49] См.: Кавказ: музей мировой истории. Марков Е. Л. Очерки Кавказа. – Нальчик, 2011. С. 243, 251.

[50] См.: Макалатия С. История и этнография Мегрелии. – Тб., 1941. С. 182 (на груз. яз.).

[51] См.: Чанба Р. К. Земледелие и земельные отношения в дореволюционной Абхазии (XIX – начала XX вв.). – Тб., 1977. С. 13, 17–18.

[52] Торнау Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера. – Черкесск, 1994. С. 141.

[53] Селезнев М. Руководство к познанию Кавказа. – СПб., 1847. Книга II. С. 191.

абхазов была залежно-переложная система земледелия в чистом виде. Учитывая весь комплекс земледельческой культуры абхазов, их система земледелия, скорее всего, может быть названа пашенно-садоводческой.

Абхазы и адыги, расчищая посевные поля от леса, во-первых, никогда не производили его вырубку на больших площадях[54], во-вторых, обязательно оставляли на своих участках одиночные деревья, в-третьих, производили искусственное лесонасаждение вокруг и по соседству со своими полями[55]. Соседство земледельческих угодий с лесом создавало ряд преимуществ. Во-первых, мощная корневая система деревьев практически полностью исключала возможность масштабных эрозионных процессов на пахотных участках. При этом кроны деревьев защищали почву от иссушения, оптимизируя таким образом водно-воздушный режим почв. Во-вторых, посевы оказывались большую часть светового дня затененными, что предохраняло растения от солнечной радиации и выгорания[56]. Кроме того, сохраненные лесные массивы (несмотря на то, что турки покупали лес за высокую цену) способствовали защите полей от неблагоприятного влияния зимнего морского климата.

Общекавказской чертой горного земледелия является терасирование полей[57] (возникло, как полагают, одновременно с появлением производящего хозяйства), посредством которого в

---

[54] Писатель С. И. Васюков в 90-х гг. XIX в. отмечал, что черкесы «лесоистреблением не занимались» (Васюков С. И. Русская община на кавказско-черноморском побережье // ВЕ. 1905. № 12).

[55] Гарданов В. К. Земледелие у адыгов в XVIII – первой половине XIX века // СЭ. 1965. № 4. С. 76, 77.

[56] См.: напр.: Дьячков-Тарасов. Гагры и их окрестности // ЗКОРГО. 1903. Кн. XXIV. С. 85. См. также: Борисов А. В., Коробов Д. С. Древнее и средневековое земледелие в Кисловодской котловине... С. 45–46.

[57] Калоев Б. А. Земледелие народов Северного Кавказа. – М., 1981. С. 62. См. также, напр: Сотникова Н. Н. Этноэкологическая культура как адаптивное средство жизнеобеспечения этносов // Современные проблемы науки и образования. – М., 2012. № 4.

условиях малоземелья создавалась возможность искусственного увеличения пахотных угодий и эффективной борьбы против избыточных вод. Имеются сведения о том, что естественная террасная система земледелия в прошлом была распространена у шапсугов[58] (у той части шапсугов, которая жила на равнине, земледелие было экстенсивным и слаборазвитым, тогда как у горных шапсугов земледелие и садоводство, как уже отмечалось, достигли довольно большого развития)[59]. Склоновые участки хребтов нередко террасировались и у убыхов[60]. По словам И. О. Орехова, они «мастерски пользовались каждым клочком земли»[61]. В местах их обитания до настоящего времени сохранились следы полей, каменных оград, земляных насыпей, каналов, служивших для орошения полей, а также небольшие нагромождения круглых неиспользованных камней. По материалам В. К. Гарданова, «используя для нужд земледелия нередко довольно крутые склоны гор, адыги... прибегали к их искусственному террасированию, укрепляя склоны при помощи каменных стен. Участки террасного земледелия встречались в горах Черкесии повсюду»[62]. Террасное земледелие существовало и в средневековой Алании[63].

Террасное земледелие и орошение наличествовало и в горах Грузии[64]. На территории Абхазии искусственные террасы

---

[58] Калоев Б. А. Земледелие народов Северного Кавказа... С. 63.

[59] См.: Гарданов В. К. Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX в.). – М., 1967.

[60] См.: Кишмахов М. Х.-Б. Проблемы этнической истории и культуры убыхов. – Сухум–Карачаевск, 2012. С. 230.

[61] Цит. по: Анчабадзе Ю. Д. Абаза (К этнокультурной истории народов Северо-Западного Кавказа) // КЭС. – М., 1984. Вып. VIII. С. 155.

[62] Гарданов В. К. Земледелие у адыгов в XVIII – первой половине XIX века... С. 79.

[63] Кузнецов В. А. Алания в X–XIII вв. – Орджоникидзе, 1971. С. 71–72. Равнинным осетинам поливное земледелие не было знакомо, хотя из-за засух земля нуждалась в поливах (См.: Калоев Б. А. Осетины (Историко-этнографическое исследование). – М., 1971. С. 71).

[64] См.: Робакидзе А. И. Некоторые черты горского феодализма на Кавказе.

зафиксированы в исторической Цебельде[65]. По утверждению Ю. Н. Воронова, они использовались под поселения, жилища и хозяйственные постройки позднеантичных и раннесредневековых цебельдинцев[66]. Относительно террасирования обрабатываемых полей в Цебельде Ю. Н. Воронов не приводит каких-либо данных.

Для других территорий древней и средневековой Абхазии, по письменным и устным сообщениям абхазских археологов, отсутствуют археологические доказательства наличия пахотных участков в виде террас.

Но есть свидетельство автора 70-х гг. XIX в. С. Смоленского относительно Кодорского ущелья о том, что в Дале «ни одна терраса не остается незанятой»[67]. Очевидно, это были террасные поля естественного происхождения на поймах и древних речных террасах, так как сведений об искусственном происхож-

---

// СЭ. – М., 1978. № 2. С. 17; Гадло А. Этнография народов Средней Азии и Закавказья: традиционная культура. – СПб., 1998. С. 75–76; Грузины. Народы и культуры. – М., 2015. С. 268–275. Одними из самых древних в мире считаются террасы майкопской культуры, которые строились, как считают, примерно с IV тыс. до н. э. Предположительно племенами кобанской культуры террасовые системы были построены 3,7–2,6 тыс. лет назад. Также в одном из древнейших очагов террасного земледелия – в Дагестане – первые террасы появились в эпоху бронзы. Но своего наивысшего развития террасное земледелие в Дагестане достигло на рубеже II–I тыс. до н. э. (Котович В. Г. О хозяйстве населения горного Дагестана в древности // СА. 1965. № 3. С. 5–13). И в настоящее время в Дагестане древние террасы достаточно активно обрабатываются и являются ярким примером позитивных возможностей адаптивно-ландшафтной системы склонового земледелия.

[65] Воронов Ю. Н. Тайна Цебельдинской долины. – М., 1975. С. 19.

[66] Там же. С. 19, 22, 24, 25, 26. Если террасирование склонов практикуется различными горными этносами для возделывания сельскохозяйственных культур с IV тыс. до н. э., то для строительства жилищ – с ещё более ранних времен (Скрипникова М. И. Рукотворные террасовые агроэкосистемы горных ландшафтов Евразии // Вестник АГАУ, 2007. 10 (36). С. 35).

[67] Цит. по: Анчабадзе Ю. Д. Абаза (К этнокультурной истории народов Северо-Западного Кавказа)... С. 155.

дении дальских террас нет. Наличие пахотных террас в Дале объяснялось значительным малоземельем проживавшего там населения. Недостаточной обеспеченностью землей для ведения сельского хозяйства отличалась и Цебельда. Вследствие этого цебельдинцы, как полагает Ю. Н. Воронов, использовали под сельскохозяйственные культуры небольшие площади земель[68]. Не исключено, что ограниченность обрабатываемых площадей была связана и с тем, что население основных военных поселений Цебельды могло получать часть продуктов от жителей окраин Апсилии, большая часть населения которой участвовала в земледелии. То, что горцы восполняли недостаток зерновой продукции у жителей равнинной зоны, находит подтверждение и в более поздних письменных материалах XIX в. По одному из этих сведений, многие группы горных абхазов (медовеевцев), будучи не в состоянии обеспечить себя достаточным количеством продуктов питания, вынуждены были каждую осень выходить на Кавказскую линию, где они «выпрашивали у родичей своих и знакомых» продукты[69].

Многие источники сохранили ценные сведения о произрастании в горной зоне Абхазии, и в частности на Псху, «разного рода хлеба» (об этом сообщал, например, пристав Цебельды в 1837–1841 гг. Ф. Я. Лисовский)[70], но некоторые авторы писали о якобы неусердной обработке абхазами своих земель. Тот же Ф. Я. Лисовский о земледелии псхувцев сообщал: «Посевы могли бы хорошо удаваться, при рачительном

---

[68] Воронов Ю. Н. Тайна Цебельдинской долины... С. 55–56.

[69] Цит. по: Анчабадзе Ю. Д. Абаза (к этнокультурной истории народов Северо-Западного Кавказа)... С. 155.

[70] См.: Агумаа А. Н. Черноморская береговая линия //Абхазоведение. – Сухум, 2012. № 7. С. 151; Бобров А. В. Загадки Псху. Исторический очерк. – изд. «Буки Веди», 2017. С. 5–9; Западный Кавказ в первой половине XIX века. По материалам Ф. Я. Лисовского и П. Л. Чуркина. Сборник архивных документов (составитель, автор предисловия, примечаний и указателей к. и. н. Л. И. Цвижба). – М., 2019. С. 102.

обрабатывании земли»[71]. Но в литературе первой половины XIX в. имеются высказывания и другого рода. Они свидетельствуют о том, что жители Псху в условиях сложного горного ландшафта стремились как можно более интенсивно обрабатывать почву для получения высокого урожая. Непосредственно к обществу Псху относится сообщение о том, что его жители создавали ирригационные каналы, расчитанные на многоразовый полив возделываемых участков. Строительство абхазами из Псху оросительных каналов (в отличие, например, от абазин, которые не знали искусственного орошения)[72] подтверждается сведениями автора конца XIX в. о том, что он видел около «Псху, на речке Решаве (Рашрюа – **О. М.**), левом притоке р. Бзыби, около водопада Эширипш, ясные следы ирригационных каналов»[73]. О том, что жители Псху были трудолюбивыми хозяевами, говорят построенные ими ирригационные каналы (вследствие чего «храброе племя аибгов» называли «культурным»)[74].

---

[71] Западный Кавказ в первой половине XIX века. По материалам Ф. Я. Лисовского и П. Л. Чуркина. Там же.

[72] Лавров Л. И. Абазины (Историко-этнографический очерк) // КЭС. – М., 1955. Т. I. С. 19.

[73] Газ. «Черноморский вестник». 24 августа 1895 г. № 45. Долина Псху была заселена оседлыми общинами с древних времен, о чем свидетельствуют монументальные погребальные и культовые сооружения – дольмены (III – сер. II тыс. до н. э.). Наиболее ранние памятники, указывающие на появление в Псху человека, относятся к мустьерскому времени (См.: Хварцкия М. Х., Полякова Н. Е., Очередной А. К. Мачагуа – памятник среднего каменного века в Абхазии. – СПб., 2005. С. 12).

[74] Газ. «Черноморский вестник». 24 августа 1895 г. № 45. Местное население, как писал в свое время М. М. Иващенко, сохраняет еще рассказы о былом богатстве жителей Псху – «о купцах, приезжавших сюда из Турции и даже из Аравии, о бывших здесь больших базарах, лавках оружейников, золотых дел мастеров и прочего». Рассказы эти передавались им старыми абхазами, не выселившимися из сел соседних районов (Цит. по: Хотелашвили – Инал-ипа М. К. История и этнография Абхазии. Сборник научных статей. – Сухум, 2019. С. 280).

При этом, говоря о состоянии земледелия у псхувцев в описываемый Ф. Я. Лисовским период, нужно иметь в виду, что это было время пика Кавказской войны и проведения царскими войсками карательных операций против горских обществ Кавказа (в том числе псхувцев, аибговцев и ахчипсувцев), упорно отстаивавших свою независимость. Поэтому горные абхазы не могли обеспечить себя необходимыми продуктами питания не только по причине недостатка земель, но и потому, что военные экспедиции российских войск приводили к уничтожению их полей, посевов, садов, собранного урожая и угону скота. В условиях военных действий население не могло уделять своему хозяйству большого внимания, поэтому неудивительно, что обработка земель ухудшилась и земледельческое хозяйство в целом у народов Северо-Западного Кавказа находилось в состоянии упадка. Вдобавок в год окончания Кавказской войны в Абхазии был неурожай. Российский военный, служивший в 1864-1865 гг. в рядах Сухумского гарнизона И. И. Аверкиев свидетельствовал о том, что, «в 1864 г. действительно был дурной урожай кукурузы, главной пищи горцев, а потому в зиму 1865 г. чувствовался недостаток на хлеб»[75]. Такая же ситуация наблюдалась в Абхазии после Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и насильственного выселения абхазов. Так, Карла Серена о положении дел в административном центре Самурзаканской Абхазии селе Окум писала, что население там поредело и поля пришли в разорение[76]. К тому же в 1877 г. этот регион Абхазии пострадал не только от засухи (в течение июня и июля не было дождя), но и от разразившейся снова чумы рогатого скота[77].

Ранее уже упоминалось о естественном террасировании полей, с помощью которых в условиях малоземелья увеличивали

---

[75] Цит. по: Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX – нач. XX вв.). Сост. Агуажба Р. Х., Ачугба Т. А. – Сухум, 2005. Книга I. С. 277–278.

[76] Карла Серена. Путешествие по Абхазии... С. 39.

[77] Газ. «Голос». 16 августа 1877 г. № 186.

пахотные участки. О существовании на территории Абхазии искусственного террасирования склонов могут свидетельствовать и наблюдения, сделанные В. И. Сизовым в районе средневекового Цхума в 1886 г. На основе проведенных там археологических раскопок он утверждал: «Что же касается местности, лежащей на юг от Сухуми, по другую, левую, сторону Беслеты и близко от ее устья... то местность эта, включая сюда и замок Баграта, и ближайшие искусственно выровненные террасы гор, принадлежит средневековому христианскому Сухуму...»[78]

Для других территорий древней и средневековой Абхазии, по письменным и устным сообщениям абхазских археологов, отсутствуют археологические доказательства наличия пахотных участков в виде террас.

Под пашню абхазы использовали земли, расположенные по возвышенностям, или же для культивирования злаков выбирали наиболее ровные и пригодные участки (о чем говорят наличие поселений, например, по долинам рр. Бзыбь, Гумста, Кодор). Сообщениям письменных источников о том, что предки абхазов (гениохи) «обрабатывали скудную почву»[79], противоречит факт тяготения абхазских поселений к речным долинам. Поэтому можно считать, что предки абхазов «скудно» обрабатывали почву в том смысле, что возделывали землю столько, сколько необходимо было для нужд семьи (к тому же гениохи больше занимались морским разбоем). О качестве абхазских земель автор первой половины XIX в. Абрюцкий 2-й отмечает: «Вообще земля (абхазов – **О. М.**) довольно плодородна, особенно в долинах и в местах, открытых для солнца»[80]. Отметим и другое важное замечание Абрюцкого о том, что абхазец, «место (для

---

[78] Сизов В. И. Восточное побережье Черного моря: Археологические экскурсии // МАК. – М., 1889. Вып. II. С. 19.

[79] Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. – СПб., 1890. Т. 1. С. 134.

[80] Абрюцкий 2-ой. Статистический взгляд на Абхазию // Краткие исторические сведения об Абхазии // Тифлисские ведомости. 1831 г. № 27–29.

пашни – **О. М.**) занимает, где ему нужно, ибо разделения земель вовсе нет и споров в сем отношении не бывает»[81].

Долины Ингура, Кодора, Бзыби и других рек хорошо орошались периодическими разливами этих больших абхазских рек. По этому поводу одно из первых кратких сообщений приводится автором позднего Средневековья Я. Рейнеггсом[82]. Карла Серена в 80-х гг. XIX в., в свою очередь, писала об орошении равнин Юго-Восточной Абхазии (в частности, Окума, Очамчыр) протекавшими через нее водами рр. Аалдзга (Галидзга), Мыку (Моква), Кодор и др.[83]. В этих местах, подчеркивала автор, «кукуруза достигает небывалой высоты»[84]. Такие почвы, по утверждению Н. В. Фон-Дервиза, «должны быть отнесены к самым плодородным и не требующим отдыха, так как легко выдерживают, не уменьшая урожайности, посевы в течение многих лет подряд»[85]. Все это должно свидетельствовать о том, что и в более ранние периоды истории абхазы использовали простейшие формы орошения земель паводковыми водами[86].

---

[81] Там же. Еще ранее, в 1828 г., почти о том же сообщал штабс-капитан российской армии О. Г. Блом (Материалы по истории Абхазии XIX века (1803–1839). Сборник документальных материалов. Сост. Г. А. Дзидзария. – Сухум, 2008. Т. I. С. 167).

[82] Цит. по: История Абхазии. – Сухуми, 1991. С. 131. О том, что ил, например, р. Кодор оказывает большое благотворное влияние на урожайность, может свидетельствовать тот факт, что вкусовые качества мандаринов на правобережье р. Кодор лучше, чем на левобережье, поскольку правый берег реки чаще затопляется в периоды повышения уровня Кодора и здесь мощнее слой аллювиальных почв, благоприятных для произрастания цитрусовых.

[83] Карла Серена. Путешествие по Абхазии. Автор проекта и редактор, предисловие и комментарии: Денис Чачхалиа. – М., 1999. С. 33–34, 66, 76, 91, 98, 100.

[84] Там же. С. 91.

[85] Фон-Дервиз Н. В. Сухумский округ // ЗКОИРГО. – Тифлис, 1906. Кн. XXV. Вып. 8. С. 22.

[86] Хорошие урожаи обеспечивались также наличием плодосменной системы земледелия и удобрением полей (некоторые авторы XIX в. писали, что «земля у абхазов не требовала удобрения»). Плодородию весьма способ-

Наряду с этим еще древнеабхазские земледельцы прибегали к рациональному использованию речного ила и превращению в том числе и заболоченных лесных массивов в земледельческие угодья. В этой связи интересно сообщение Псевдо-Гиппократа (V в. до н. э.) о том, что в болотистых местах в Колхиде существовали многочисленные каналы, по которым люди разъезжали на однодревках[87]. После изучения «жилых холмов» Колхиды было высказано мнение, что они были окружены кольцом рвов-каналов, которые окружали поселения несколько раз и были разделены между собой дамбами. Эти каналы являлись не только путями сообщения и имели оборонительное значение, но и служили мелиорации и дренажу почвы. Такая система древних каналов на территории Абхазии существовала, например, в с. Пичора Галского р-на[88].

Выше упоминалось о существовании в Абхазии оросительных каналов, в том числе на землях псхувцев. Другой пример о проведении абхазами воды для увлажнения полей находим у административного начальника Сухумского военного округа в 1857–1919 гг. В. К. Прогульбицкого. В своих путевых заметках о поездке в Дальское ущелье он сообщал о «следах оросительных канав, изрезывающих и по сию пору долину (Дала – **О. М.**) в разных направлениях». Они, как отмечал тот же автор, «не оставляют сомнения» в существовании «на этой поляне когда-то большого селения, которое, к сожалению, никто из... абхазцев не мог подтвердить, вероятно, потому, что все они люди молодые и едва ли видели Далы в цветущее его время»[89]. Ороше-

ствовало и отмеченное выше сохранение лесов и специальных древесных насаждений, которые проводились абхазами.

[87] Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1947. № 2. С. 295.

[88] См.: Барамидзе М. В. Археологические исследования в Гальском районе // Археологические открытия в Абхазии 1986–1987 гг... С. 51–56.

[89] Газ. «Кавказ». 1892. // Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX – нач. XX вв.). Сост: Агуажба Р. Х., Ачугба Т. А. – Сухум, 2008. Книга II.

ние полей, судя по всему, вводилось прежде всего феодалами, в том числе из владетельской фамилии. Так, по свидетельству А. Пахомова, в имении Гумста удельным князем Гасанбеем Чачба (Шервашидзе)[90] был разведен «большой огород с искусственным орошением»[91].

Систематическое орошение, продолжавшееся и в последующие периоды, позволяло населению Псху, Цебельды и жителям других горных местностей, так же как и на равнинной и предгорной территории Северного Кавказа, заниматься земледелием в довольно широких масштабах. Вместе с тем сведения об искусственном орошении у абхазов в источниках встречаются довольно редко, ввиду того, что этот агротехнический прием, очевидно, применялся только в некоторых горных районах страны.

Представленные сведения, на наш взгляд, убедительно опровергают широко распространенную в литературе точку зрения, что земледелие в горах было примитивнее, чем на равнине. В качестве свидетельства о большой эффективности земледельческой отрасли хозяйства и в последующие времена можно приве-

---

С. 302. С древности Дальское (Кодорское) ущелье было «густо заселено, о чем красноречиво свидетельствуют сохранившиеся здесь многочисленные развалины построек, а также остатки садовых культур» (Квезерели-Копадзе Н. Дорожные сооружения древней Абхазии. – Сухуми, 1955. С. 39).

[90] Четвертый сын Келешбея Чачба-Шервашидзе (владетельного князя Абхазии в 1780–1808 гг.) от цебельдинской княжны Амаршьан Кац-ипха.

[91] Пахомов А. Исторические записки по истории Абхазии и князей Шервашидзе // Исторический вестник. – Тбилиси, 1957. Т. 7. С. 248. Кстати, и абхазские цари занимались строительством каналов и искусственным орошением земель. Заслуживает, в этой связи, внимания, например, строительство во время царствования абхазского царя Константина III (899–929) сложной оросительной системы в нынешнем Хашурском районе Грузии. Сведения об этом сохранились в надписи на стене Самцеврисской церкви близ Хашури (См.: Очерки истории Грузии. – Тбилиси, 1988. Т. II. С. 360). Известия же о проведении средневековыми абхазскими правителями каналов для орошения полей на территории этнической Абхазии, и в частности в ее горных районах, не сохранились.

сти слова источника о том, что в Абхазии труженик с помощью одной цалды и мотыги мог выращивать столько зерна, что мог платить натурой ренту и прокормить семью[92].

Размеры обрабатываемых участков абхазов и их соседей зависели от рельефа местности и расположения пашни. Эти участки в Средние века и в Новое время, как можно предполагать, были небольшими. Для периода первой половины XIX столетия, как констатировал проф. Г. А. Дзидзария, – «величина посевных площадей» «была невелика»[93] . Например, обрабатываемые под посев земли западных абхазов (садзов), шапсугов и убыхов представляли из себя «небольшие прямоугольники, несколько вытянутые перпендикулярно направлению склона, и обыкновенно не превышали 1 десятины, редко 2–3»[94]. Подобные площади пашен можно, очевидно, объяснить главным образом трудозатратами, требуемыми для распашки одного участка в течение одного рабочего дня пахарем, который использовал простое рало и упряжку из двух волов, а также в предполагаемой интенсивной системе землепользования с чередованием возделываемых культур.

Ассортимент возделываемых культур. Уже самые ранние свидетельства начального этапа земледелия на территории Абхазии позволяют судить об ассортименте возделываемых

---

[92] Цит. по: Гунба М. М. Абхазия в первом тысячелетии н. э. ... С. 49.

[93] Дзидзария Г. А. Труды. – Сухуми, 1988. Книга I. С. 95. Ввиду отсутствия в стране обширных пахотных угодий, в земледелии абхазов не находил должного применения и труд пленных. У адыгов в XVIII–XIX вв. труд рабов и крепостных довольно широко применялся во время сенокоса и заготовки кормов для скота.

[94] См.: Клинген И. Н. Основы хозяйства в Сочинском округе // Старые черкесские сады. Ландшафт и агрикультура Северо-Западного Кавказа в освещении русских источников 1864–1914 гг. Сост. С. Х. Хотко. – М., 2005. Т. 2. С. 44. В конце XIX в. агроном Г. А. Рыбинский констатировал, что у абхазов «посев кукурузы небольшой», чтобы его было достаточно для домашнего потребления и угощения гостей (Рыбинский Г. А. Сухумский округ. Абхазия в сельскохозяйственном и бытовом отношении. – Тифлис, 1894. С. 13).

культур. Так, во время раскопок мезолитического памятника Хупынипшахуа в бассейне р. Кодор были выявлены несколько десятков обугленных зерен какого-то неопределенного вида дикого проса[95]. Это дает основание предполагать, что в рацион обитателей Холодного грота входили и зерновые наряду с другими продуктами собирательства. В гроте Юпсы в Бзыбском ущелье выявлены окультуренные обугленные зерна различных злаковых, которые находились на глубине 3 м, в слоях, свидетельствущих о контактах с майкопской культурой эпохи ранней бронзы. При этом, по утверждению В. В. Бжания, на древнейших этапах эпохи раннего металла племена майкопской культуры занимали не только северные, но частично и южные склоны Главного Кавказского хребта[96].

Большое количество остатков культурных злаков – пшеница, рожь, овес и др. – было обнаружено на Пичорском поселении (холм Диха Гудзба) эпохи средней бронзы (конец III – начало II тыс. до н. э.)[97]. На левом берегу р. Ингур, на холме, также носящем название Диха Гудзуба, в слоях почти того же времени, что и в с. Пичора, в свою очередь были выявлены просо (могар), голозерная пшеница, пшеница Маха, многорядный ячмень[98]. О том, что данная местность еще ранее была земледель-

---

[95] Соловьев Л. Н. Об итогах археологических раскопок в гроте Хупынипшахва в 1960 г. ... С. 194. См. также: Анчабадзе З. В. История и культура древней Абхазии. – М., 1964. С. 37.

[96] См.: Бжания В. В. Памятники майкопской культуры в горах Абхазии // V Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. – Махачкала, 1975. С. 11–12.

[97] Джибладзе Л. В. Стратиграфия, хронология и периодизация поселений Колхидской низменности в эпоху бронзы (на материалах центрального холма Пичорского комплекса). Автореферат. – Тбилиси, 1990. С. 18.

[98] Менабде В. Л. Ботанико-систематические данные о хлебных злаках древней Колхиды // Сообщения Грузинского филиала АН СССР. – Тбилиси, 1940. Т. I. № 9. С. 684–688; Барамидзе М. В. Археологические исследования в Гальском районе // Археологические открытия в Абхазии 1986–1987 гг. ... С. 54. См. также: Синская Е. Н. Историческая география культурной флоры

ческим районом, свидетельствует тот факт, что керамика эпохи неолита, найденная на левом берегу р. Ингур, была украшена орнаментом из колосьев.

Разнообразие культивируемых злаков на обоих берегах р. Ингур можно расценивать как показатель развития сельского хозяйства. Культурные злаки, обнаруженные в указанном регионе, возделывались на территории Абхазии и позднее[99]. Эти же находки показывают, что в Западном Закавказье и на территории Абхазии произрастали особые сорта хлебных злаков, которые были характерны только для этого региона. О местном их происхождении говорит то, что один из сортов – пшеница-маха – сохранился лишь в предгорьях Западного Закавказья[100]. Вместе с тем ассортимент злаков, как видно по ингурским находкам, свидетельствует, очевидно, о том, что древнеабхазские земледельцы возделывали их определенные виды, способные максимально обеспечить пищей.

Земледелие абхазов было ориентировано и на выращивание технических культур, например конопли (аныцэ) и льна (акэны), использовавшихся при изготовлении материалов для одежды, при плетении сетей для рыболовства, при изготовлении шнуров и веревок. По археологическим материалам, одним из древних растений, разводимых на территории Абхазии, является лен. Наиболее важным свидетельством его выращивания древними абхазами является находка льняных семян в 1980 г.

(на заре земледелия). – Ленинград, 1969. С. 48, 52–53; Габелия А. Н. Абхазия в предантичную и античную эпохи. – Сухум, 2014. С. 108.

[99] См. напр.: Габелия А. Н. Абхазия в предантичную и античную эпохи... С. 108. По данным Р. М. Мунчаева, в эпоху ранней бронзы и позже в Закавказье и на Северо-Восточном Кавказе культивировались твердая круглозерная и мягкая голозерная и пленчатая пшеницы, различные сорта ячменя (пленчатый двурядный и шестирядный) и просо. Причем наиболее распространенным видом пшеницы в Закавказье в ту эпоху и позднее являлась мягкая пшеница (Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века... С. 379).

[100] Гунба М. М. Абхазия в первом тысячелетии н. э. ... С. 41.

во время раскопок Эшерского городища[101]. Их обнаружение (в слое II–I вв. до н. э.) является первым случаем за все время изучения древностей Кавказского Причерноморья[102]. Принято считать, что из Колхиды лен, где начало его культуры имело место не позднее нового каменного века, распространился в Среднюю Европу[103].

Относительно состава возделываемых культурных растений на территории расположения меото-синдских и сарматских городищ и могильников, датируемых IV в. до н. э. – II–III вв. н. э., можно сказать, что в них исследователи неоднократно находили обуглившиеся зерна пшеницы, проса и других культурных растений[104]. Там же были обнаружены каменные ручные жернова, железные серпы и другие земледельческие орудия. Исходя из сказанного, есть все основания утверждать, что у отдаленных предков адыгов уже в I тыс. до н. э. земледелие было достаточно широко развито. Это неудивительно, если учесть, что на всем протяжении античной эпохи прикубанские земли, населенные меотскими племенами, являлись крупным зерновым районом, поставлявшим на внешний рынок (особенно в Афины) пшеницу[105]. Дальнейшее поступательное развитие земледелия у предков адыгов наблюдалось в Средние века[106]. При этом нужно

---

[101] См.: Шамба Г. К. Древний Сухум. – Сухум, 2005. С. 46.

[102] Там же.

[103] Синская Е. Н. Историческая география культурной флоры... С. 56–57.

[104] См.: Кругликова И. Т. Сельское хозяйство Боспора. – М., 1975. С. 180–181. Зерна культурных злаков (пшеница одно- и двузернянка, ячмень пленчатый и голозерный) на Северном Кавказе были обнаружены еще в культурных слоях неолитических поселений Кабардино-Балкарии, Осетии, Чечни, Ингушетии, Дагестана (См.: Борисов А. В., Коробов Д. С. Древнее и средневековое земледелие в Кисловодской котловине... С. 41).

[105] См.: Брашинский И. Б. Афины и Северное Причерноморье в VI–II вв. до н.э. – М., 1963. С. 54–55, 89 и сл.

[106] Покровский М. В. Из истории адыгов в конце XVIII – первой половине XIX века: социально-экономические очерки [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.kavkaz–uzel. ru/articles/198649/.

иметь в виду, что населенная меотами территория Прикубанской (Кубано-Приазовской) низменности, в отличие от горной полосы Северо-Западного Кавказа, где проживали абхазы и адыги, была чрезвычайно благоприятна для плужного земледелия.

В отличие от адыгов, в других районах Северного Кавказа, и в частности у горских обществ Дагестана, по мнению некоторых авторов, в основе производственной деятельности и экономического благосостояния лежали разбои и набеги[107]. Однако абсолютизация этого фактора является ошибочной. Набеги и для народов Северо-Восточного Кавказа не были источником достатка (так же как и для абхазов и адыгов, у которых «разбои» и «грабежи» являлись нормативным стереотипом удальства и доблестного поведения). Главные средства существования лезгинам (дагестанцам) давали земледелие и скотоводство[108]. Иными словами, набеги не определяли систему горского хозяйствования, являясь источниками лишь дополнительных доходов[109]. Вместе с тем следует считать несомненным тот факт, что на территориях, заселенных абхазами и адыгами, имелось больше площадей, используемых под сельскохозяйственные земли.

В настоящее время никто из исследователей не сомневается в том, что начало земледелию в Кавказском Причерноморье заложили культура проса и ее разновидностей, а также рожь[110]. Сказанное подтверждается этнографическими материалами, согласно которым из культивировавшихся в Абхазии нескольких видов зерновых древнейшим является просо

---

[107] См. напр.: Мирзоев А. С. Традиционные институты военной культуры черкесов и их трансформация в период с Раннего Средневековья по 30-е гг. XX в. Дисс. на соиск. уч. ст. докт. ист. наук. – Сухум, 2024. С. 81.

[108] Омаров А. И. «Набеговая система» как фактор горской социально-экономической жизни // Вестник ДГУ, 2015. Том 30. Вып. 4. С. 42.

[109] Там же. С. 43.

[110] См.: Небиеридзе Л., Цквитинидзе Н. Неолит Западного Кавказа. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://saunje.ge/index.php?id=1615&lang=ka).

(*ашы, ахудз*)[111]. Иными словами, с древности на обширной территории и на землях, занимаемых лазами-мегрелами, абхазами, убыхами и западными адыгами, отдавалось предпочтение культивированию проса, так как оно находило здесь благоприятные географические условия (по сравнению с этим, на берегу Каспийского моря, например, особенно в области Талыш, основной выращиваемой культурой является рис). Одно из разновидностей проса было известно у абхазов под названием *ача*, а у адыгов *ачэ* – «хлеб», «пшеница».

Культура проса, как это видно по материалам грота Хупынипшахуа, является эндемным злаком Западного Кавказа. Примечательно в этой связи то, что просо отсутствует в древнейших земледельческих культурах Передней и Малой Азии. В то же время просо уже культивировалось древнейшими земледельцами Европы – племенами докерамического неолита Греции. Просо в обуглившемся состоянии было найдено на поселении культуры Старчево и в неолитических стоях Олинфа в Македонии[112]. Без наличия археологических данных, некоторые авторы предполагали о возможном пути проникновения культуры проса через Северное Причерноморье[113]. Однако находки проса в Холодном гроте дают основание полагать, что путь с территории древней Абхазии был самым возможным для попадания этого злака в Европу. Но в силу множества разновидностей проса, на данный момент, по справедливому мнению ученых[114], нет возможности определить вид, который заложил начало европейским видам проса.

В Средние века и в Новое время западнокавказское население, судя по всему, возделывало просо постоянно и не толь-

---

[111] В настоящее время просо не выращивается, и оно растет как сорное растение.

[112] Титов В. С. Древнейшие земледельцы в Европе. Археология старого и нового света. – М., 1966. С. 29.

[113] Там же.

[114] См.: Небиеридзе Л., Цквитинидзе Н. Неолит Западного Кавказа. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://saunje.ge/index.php?id=1615&lang=ka.

ко на низменности, но и в горах. Об этом сообщал, например, Т. Лапинский на основе своих наблюдений земледелия «народа абаза» в 1857–1859 гг.[115]. Просо в горах выращивалось и у северных соседей абхазов – алан[116]. В отдельные периоды в истории Абхазии были случаи, когда просо завозили в страну. Так, по сведениям Давида Дадиани 1852 г., гоми из Мегрелии продавался не только в Имерети и Гурию, но и в Абхазию[117]. Это сообщение, очевидно, может соответствовать действительности, поскольку, по высказываниям авторов первой половины XIX в., просо являлось главной злаковой культурой абхазов до 1840-х гг. В последущем, ввиду его нехватки (в связи с тем, что, посев проса, во-первых, занимал у абхазов небольшую площадь земли и, во-вторых, его недоставало из-за увеличения посевов кукурузы), просо, как сказано, иногда могли завозить из соседней страны. Еще в первой половине XIX в. на больших свадьбах абхазских феодалов мамалыгу (абысту) продолжали готовить из проса.

Просо являлось наиболее распространенным и для равнинных адыгов: в горах главной культурой был ячмень, особые сорта мягкой пшеницы и овес[118]. Из горных абхазов просо и пшеницу (ача) сеяли жители Ахчипсу[119]. При этом, согласно эт-

---

[115] Лапинский Т. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. – Нальчик, 1995. С. 55; Нальчик. 2021. С. 33. Просо сеяли и в некоторых горных районах Восточной Грузии (Волкова Н. Г., Джавахишвили Г. Н. Бытовая культура Грузии XIX–XX веков: традиции и инновации. – М., 1982. С. 81).

[116] См.: Коробов Д. С. Система расселения алан Центрального Предкавказья в I тыс. н. э. (ландшафтная археология Кисловодской котловины). Дисс. на соиск. уч. ст. докт. ист. наук. – М., 2014. Т. 1. С. 369.

[117] Грузины. Народы и культуры. – М., 2015. С. 235.

[118] Калоев Б. А. Земледелие народов Северного Кавказа... С. 78, 80, 81, 85, 87.

[119] См.: Анчабадзе Ю. Д. Абаза (к этнокультурной истории народов Северо-Западного Кавказа)... С. 155. В абхазском языке словом «ача» обозначается как пшеница, так и хлеб.

нографическим материалам XIX в., абхазы пользовались урожаем пшеницы главным образом «по особым случаям, таким как свадебное или поминальное угощение, для выпечки хлеба...» и т. д.[120]. По другому сообщению, пшеничным хлебом абхазы «подчивали только дорогих гостей»[121].

Некоторые авторы, имея в виду выращивание абхазами проса, пшеницы и ячменя, полагают, что земледельческая культура абхазов никогда не развивалась изолированно. Соседство же и непосредственные связи с Боспорским царством и вхождение Абхазии во II в. до н. э. в состав Понтийского царства «несомненно влияли на увеличение ассортимента засеваемых злаков»[122]. В этом нет ничего удивительного, так как в самом Боспоре главной культурой была пшеница. Вместе с тем, имеются достоверные данные о том, что пшеница на территории Абхазии выращивалась издревле[123] и, следовательно, она была знакома древним абхазам до существования Боспорского и Понтийского государств. Об этом могут свидетельствовать, как сказано, материалы Пичорского поселения эпохи средней бронзы, где были выявлены зерна пшеницы (на левом берегу р. Ингур, в слоях почти того же времени, что и в с. Пичора, также были найдены голозерная пшеница и пшеница Маха)[124]. При этом, учитывая тесные хозяйственно-культурными связи на северо-западе с предками адыгов, нельзя исключать, что древнеабхазское население заимствовало некоторые элементы меотской земледельческой культуры. Нужно также учесть, что пшеница (как и ячмень) является относительно неприхотливой, высококалорийной и готовой

---

[120] Карла Серена. Путешествие по Абхазии... С. 18.

[121] См.: Отчет комиссии по исследованию земель на северовосточном берегу Черного моря между реками Туапсе и Бзыбью. – Тифлис, 1867. С. 12.

[122] Чанба Р. К. Земледелие в дореволюционной Абхазии (ХЙХ – нач. XX вв.). Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. – Ленинград, 1971. С. 8.

[123] См.: Земледелие и скотоводство у абхазов. – Тбилиси, 1986. С. 20–21.

[124] Менабде В. Л. Ботанико-систематические данные о хлебных злаках древней Колхиды... С. 684–688.

к употреблению в разном виде культурой. Для ее выращивания не требовались высокие агротехнические знания[125]. Для воспроизводства этого растения достаточно было лишь расчистить от кустарников поле и разрыхлить верхний слой почвы с помощью самых простых орудий[126]. По этнографическим данным, географическими районами, в которых абхазы сеяли пшеницу, являлись ровное горное плато Цабал, долины рр. Кодора, Мыку, Аапсты и другие с аллювиальной почвой[127].

Что касается выращивания абхазами в период раннего Средневековья пшеницы, для нас важное значение имеет сообщение ранневизантийского историка Агафия Миринейского о том, что апсилы занимались хлебопашеством[128]. Это доказывается (помимо находок на некоторых памятниках Абхазии зернотерок, жатвенных орудий и т. д.) открытием в Питиунте складского помещения с обугленной пшеницей[129]. Из этого, надо полагать, следует, что византийские гарнизоны, находившиеся на территории Абхазии, как справедливо считает М. М. Гунба, снабжались местными продуктами, хотя сами византийские авторы ничего об этом не пишут[130].

---

[125] См.: Борисов А. В., Коробов Д. С. Древнее и средневековое земледелие в Кисловодской котловине... С. 40–41.

[126] В поселении Кюль-Тепе недалеко от Нахичевани также были найдены обугленные зерна пшеницы, датированные периодом неолита. В Армении в местах раскопок поселений, возраст которых составляет от 5 до 8 тыс. лет (Шенгавит и другие), были найдены главным образом смеси зерен пшеницы и ячменя. Чистые зерновые культуры пшеницы появились позже, приблизительно 3 тыс. лет назад (Кармир-Блур, Аргиштихинили и др.). (См.: Цветущие уголки биоразнообразия. – Рим, 2011. С. 99.)

[127] Бжания Ц. Н. Из истории хозяйства и культуры абхазов... С. 146.

[128] Агафий. О царствований Юстиниана. Перевод, статья и примечания М. В. Левченко... С. 115.

[129] Апакидзе А. М., Микеладзе Т. К., Лордкипанидзе О. Д., Рамишвили Р. М. Итоги археологических исследований Причерноморской археологической экспедиции АН ГССР летом 1960 г. – Тбилиси, 1962. С. 35.

[130] См.: Гунба М. М. Абхазия в первом тысячелетии н. э. … С. 49.

Наряду с сообщением Агафия о выращивании апсилами хлеба, имеется свидетельство другого византийского автора – Прокопия Кесарийского – о том, что в Себастополис (совр. Сухум) с берегов Рима вместе с другими товарами завозили и зерно[131]. Это сообщение Прокопия нужно понимать так, что наибольшее количество хлеба привозилось, по-видимому, для византийских гарнизонов в Абхазии, тем более что, согласно прямому указанию того же автора, «питаться, подобно колхам, долгое время местным пшеном, к которому они (византийцы – **О. М.**) не привыкли, они совершенно не могли», того же продовольствия, которое им приносили местные жители, «им совершенно не хватало»[132]. Если были излишки зерна или выпадали неурожайные годы, зерно могли поставлять и местному населению.

О возделывании в Абхазии в XVII–XVIII вв. пшеницы сообщают Эвл. Челеби, Ж. Шарден, Вахушти. Судя по всему, в период зрелого и позднего Средневековья абхазы выращивали пшеницу в достатке[133]. В некоторых хозяйствах и селах Бзыбской Абхазии в конце XIX в. пшеница восполняла даже недостаток кукурузы. Культивировали пшеницу, как сказано, в мягких почвах на возвышенностях и в холмистой части страны, где она давала большие урожаи (абхазам, по-видимому, был известен и особый вид пшеницы «*апш*», название которой было перенесено на кукурузу – «*апш*»). При этом если к началу XX в. абхазы пшеницу выращивали мало, то в древности и в средневековое время, судя в том числе по языковым и фольклорным материалам, пшеница «*ача*», по-видимому, была для них основным хлебным продуктом питания (это подтверждается и данными, приводимыми Ш. Д. Инал-ипа). Об этом говорит, прежде всего, название основного элемента абхазского гостеприимства – угощения «ачеиджика» (ачеицьыка), что дословно переводится как

---

[131] Прокопий из Кесарии. Война с готами. – М., 1950. С. 418.

[132] Там же.

[133] Цит. по: Гунба М. М. Абхазия в первом тысячелетии н. э. … С. 49.

«хлеб-соль». Об интенсивном выращивании абхазами пшеницы свидетельствуют также десятки производных от этой основы других абхазских слов: *ача* («хлеб», «пшеница», «рожь») – *ачарʒ // ачарыц* («пшеничное зерно»), *ачажэла* – «семена пшеницы», *ачха* – «колос хлебный», *ачашыла* – «пшеничная мука», *ачара* – «есть», «насыщаться», *ачара* – «свадьба», «застолье», *ачеицьыка* – «хлеб-соль», *ачыс* – «мучные изделия», «пища», *ачаʒьа* – «крошка», *ачхэар* – «поджаристая корка», *ачашэ* – «сырники», «пирог с сыром (хачапур)», *ачаць* – «блинчики», *ачгьахьа* – «скоромный», *ачгара* – «поститься», *ачафага* – «средство существования», *ачахра* – «откармливание», *ачарʒэ* – «деревянная лопата», «хлебная лопата», «хлебная доска», *ачарҭа / ачатҭра* – «хлебное поле», *ачаԥра* – «урожай» из ачаура, букв. «возделывание пшеницы», *ачебыга / ачапыга* – «коса с обоюдоострым лезвием» (*ачебыга* срав. с абаз. *ачеа* – «трава», «сено»), бзыб. *ачаала* – «коса», *ачаз* – «хлебная солома», «мякина», *ача* – «перепелка», *ачалт* – «борона», *ачачра* – «молотить», *ачабаб* – «плетенка из хлебных или кукурузных стеблей», *ачаћэа* – «куча», «стог хлебных стеблей»[134] и др.

Имеющиеся письменные материалы убеждают в том, что в период развитого Средневековья пшеница вывозилась из Абхазии. Можно в этой связи вспомнить, что в XIV–XV вв. абхазский хлеб из Средневекового Сухума (Севастополиса) доставлялся в Кафу, особенно в неурожайные годы или тогда, когда она была отрезана или осаждена татарами. Так, весной 1360 и 1374 гг. власти Кафы направляли в Сухум корабли для закупки зерна[135].

---

[134] См.: Кварчия В. Е. Животноводческая (пастушеская) лексика в абхазском языке. – Сухуми, 1981. С. 116.

[135] Карпов С. П. Торговля зерном в Южном Причерноморье в XIII–XV вв. // ВВ. № 50. 1989. С. 30. Нужно отметить, что в конце XIV–XV вв. хозяйственное состояние Абхазии существенно отличалось от экономического положения некоторых соседних стран. В указанный период в результате многократных опустошительных нашествии Тамерлана, экономика, например, современной Восточной и большей части Западной Грузии пришла в

Для истории изучения продовольственных культур Абхазии чрезвычайно ценным является упоминание в источнике XVI в. импорта из Абхазии риса[136]. О давнем возделывании риса абхазами писал и начальник Черноморской береговой линии Н. Н. Раевский (младший) в своих «Записках». «О занятиях жителей Абхазии и необходимости открытия казенного сада» в 1839 г. он отмечал: «Жители (абхазы – **О. М.**) издревле занимаются виноделием, шелководством, сеянием хлопчатной бумаги и риса...»[137]

Принято считать, что в Восточном Причерноморье культура риса распространилась в IX–X вв. из Византии[138]. Данные письменных источников увязываются с полевым этнографическим материалом, согласно которому абхазы наряду с выращиванием проса, чумизы и пшеницы в Средние века и Новое время занимались и выращиванием риса – *абрындж* (у адыгов рис называется «пындж»). На этом основании можно считать, что культура риса, начиная по крайней мере с периода раннего Средневековья, являлась одним из экспортных продуктов абхазов. Важно отметить, что рис не шел транзитом из Восточной Азии, а производился и вывозился с территории Абхазии.

Рис возделывали и абхазы, проживающие в Аджарии[139]. Они же занимались разведением болотного риса. Последний вы-

---

катастрофический упадок (Берадзе Т. Н. Мореплавание и морская торговля в средневековой Грузии. – Тбилиси, 1989. С. 123). Абхазия же избежала прямых последствий нашествия среднеазиатского эмира. Сохранилось ее население и не была разрушена ее экономика.

[136] См.: Маан О. В. Из истории торгово-экономических связей древней и средневековой Абхазии (VI в. до н. э. – 70-е гг. XIX в.). – Сухум, 2012. С. 237–238.

[137] См.: Материалы по истории Абхазии XIX века (1803–1839). Сборник документальных материалов. Сост. Г. А. Дзидзария. – Сухум, 2008. Т. I. С. 243.

[138] Цит. по: Амичба Г. А. Абхазия в эпоху раннего Средневековья… С. 23.

[139] Цит. по: Копешавидзе Г. Г. Хозяйственно-бытовой уклад абхазов, проживающих в Аджарии (вторая половина XIX – нач. XX вв.). – Сухуми, 1978. С. 9.

ращивался и в Мегрелии: «Во многих частях Одиши, – писал Арк. Ламберти, – где стоит вода и сеять гоми нельзя, сеют рис, который родится в... изобилии... им запасаются также турецкие корабли, которые приходят в эти воды»[140].

Важное значение для сельского хозяйства абхазов, имели связи с Османской империей, повлиявшие на увеличение ассортимента засеваемых злаков. Так, в XVII в. непосредственно из Турции в Абхазию проникает культура кукурузы, которая начала играть ведущую роль в хозяйстве абхазов в конце XVIII – начале XIX в.[141].

Карла Серена, находясь в прилегающем к Западной Грузии Самурзакане – в районе сс. Оцарце[142] и Саберио, в 1881 г. сообщала: «Всего несколько лет как кукуруза стала здесь распространенной культурой; раньше этот злак выращивался только на полях самых богатых людей, и к ним обращались менее зажиточные жители, когда им приходилось принимать какого-нибудь гостя»[143]. В конце XIX в. агроном Г. А. Рыбинский также кон-

---

[140] Ламберти Арк. Описание Колхиды, называемой теперь Мингрелией... С. 59. Другой, более поздний автор С. С. Анисимов по поводу выращивания риса населением Мегрелии, в частности, сообщал: «Болотистые заросли занимают широкие полосы при устьях Риона и Ингура. Внутри болот расположилось озеро Палеостом, верст в тридцать в окружности. В непроходимых лесах, растущих на гнилом болоте, гурийцы и мингрельцы устраивают кое-где посевы риса. Для этого срубаются и валятся деревья: стоя на их стволах, засевают рис, ухаживают за ним и собирают. Такой урожай стоит больших трудов» (Анисимов С. С. Кавказский край. – Сухум, 2022. С. 268). В советские годы (с 1932 г.) в Грузии было решено выращивать вместо риса чай (См.: Цветущие уголки биоразнообразия... С. 28).

[141] См.: Чанба Р. К. Полеводство // Абхазы. Народы и культуры. – М., 2012. С. 121.

[142] Данная местность, по утверждению К. Д. Мачавариани, носила абхазское название «Ауасацарта», т. е. «место переправы овец», однако с переселением мегрелов в Самурзакань (Мурзакан) местность и переправа через Ингур, по свидетельству того же автора, стала называться «Оцарце» (См.: газ. «Черноморский вестник». 1899. № 138).

[143] Карла Серена. Путешествие по Абхазии... С. 18. П. Паллас о западных

статировал, что у абхазов «посев кукурузы небольшой», чтобы его было достаточно для домашнего потребления и угощения гостей.

По сообщениям старожилов, у абхазов произрастал свой, традиционный сорт кукурузы под названием «аҧсуа цьыкәрей» (абхазская кукуруза). На каждом растении, по их словам, имелось пять-шесть початков, редко меньше, которые располагались от самой кроны почти до корней[144]. Данное сообщение, однако, вызывает большие сомнения, так как тогда такой продукт существовал бы в Абхазии в диком виде и науке были бы известны его сорта для окультуривания. По всей видимости, факт наличия кукурузы в Абхазии в течение нескольких столетий с XVII в. воспринимался старожилами XX в. как его значительная древность и, главное, его аборигенность.

В Абхазии в основном сеяли желтую кукурузу *алагаж (алагажэ)*, которая превосходит белую кукурузу по питательным свойствам и урожайности. Так, в советское время в Юго-Восточной Абхазии с га опытного участка урожай желтой кукурузы составлял 5,8 т, белой – 4,7 т[145] (в Грузии в старину также сеяли только желтую кукурузу)[146].

По свидетельству С. С. Орбелиани, по-грузински под названием «*цьиқура*» известен сорт проса, который выращивали

адыгах конца XVIII писал, что они сеют довольно много кукурузы (Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. – Нальчик, 1974. С. 206–219). По другому сообщению Т. Лапинского, у народа абазы «в последнее время» получило весьма большое распространение возделывание кукурузы. В Мегрелии главным образом кукурузу, просо, гоми и лобио высевали в бассейнах рр. Хоби, Абаша и Ингур.

[144] По словам информаторов, «художник Тариел Ампар в г. Гудауте, в ведомственном доме отдыха в районе кинотеатра «Кьараз» оставил роспись, на которой изобразил старцев за столом, и туда в качестве элемента он внес изображение абхазской кукурузы, о произрастании которой в Абхазии рассказывали абхазские старожилы».

[145] Газ. «Республика Абхазия». 1–2 апреля 1999 г.

[146] Грузины. Народы и культуры… С. 236.

джихи (джики (садзы)). И. А. Джавахишвили также называет растение под названием «*цьиқура*», имеющим местное, кавказское происхождение. По его же утверждению, это грузинское название непосредственно указывает на его происхождение из страны джихов (садзов) Джигетии.[147] (Нелишне здесь же отметить, что в Аджарии, где поселились абхазы-махаджиры, кукуруза получила у местного населения название «абазура» (абхазская), так как была завезена из Абхазии.)[148]

Кукуруза у абхазов, кроме *алагаж (алагажэ), алгаж (алгажэ),* носила еще название *алатачача*. Названия эти, по всей вероятности, связаны с турецким словом «лазут», происходящим от этнического «лаз», которым турки обозначили египетское зерно, т.е. кукурузу, в связи с усвоением ими этой культуры от лазов[149].

Особое значение имела культура кукурузы в системе продовольственной безопасности абхазов и адыгов, например в период Кавказской войны. Кукуруза была в несколько раз калорийнее проса, у нее более высокие урожаи, ее было легче хранить, для нее требовалось меньше посевных площадей, она хорошо росла практически в любом пункте страны, в том числе в горных районах, в условиях горно-лесистой местности и

---

[147] Джавахишвили И. А. Экономическая история Грузии. – Тб., 1931. Т. I. С. 371 (на груз. яз.); Джалабадзе Г. В. Земледелие в Самегрело // Самегрело. Материалы по этнографическому изучению Самегрело. – Тб., 1979. С. 10 (на груз. яз. с русск. резюме); Бжания Ц. Н. Из истории хозяйства и культуры… С. 147; Хотелашвили–Инал-ипа М. К. Очерк о мукомольном производстве в Абхазии с древнейших времен // ТАГМ. – Сухум, 2008. Вып. VI. С. 41. «Цьиқура» значит «джигетское растение» (Бгажба Х. С. Бзыбский диалект абхазского языка. – Тбилиси, 1964. С. 208).

[148] Копешавидзе Г. Г. Хозяйственно-бытовой уклад абхазов, проживающих в Аджарии (вторая половина XIX – нач. XX вв.)... С. 11; Ее же. Культура и быт абхазов, проживающих в Аджарии. – Тбилиси, 1985. С. 17.

[149] Материалы по истории Абхазии. 7; Кипшидзе И. Грамматика мингрельского (иверского) языка с хрестоматиею и словарем. – С.-Петербург, 1914. С. 270.

подсечно-огневого земледелия. Расчищенный и спрятанный в лесу небольшой участок земли в 2–3 десятины, засеянный кукурузой, мог прокормить одну семью. Во время Кавказской войны одной из причин трудностей завоевания горных районов Чечни российские генералы считали леса и кукурузу. Это в такой же степени относилось и к Западному Кавказу, его населению[150].

Аналогичная роль кукурузы проявилась и в новейшее время: в период Отечественной войны народа Абхазии 1992–1993 гг., несмотря на поставки гуманитарной помощи, основу продовольственного обеспечения абхазской армии и гражданского населения составляли местные продукты, в первую очередь кукуруза и фасоль[151].

Считают, что почти одновременно с кукурузой в Восточном Причерноморье появляется также усвоенная от турок фасоль (на нее абхазы перенесли название более древней бобовой культуры – «акуд»)[152]. Появление фасоли в Восточной части Черного моря датируют второй половиной XVI в., распространение – се-

---

[150] См.: Мирзоев А. С. Генезис и эволюция традиционной военной культуры черкесов (Средневековье – Новое время). – Нальчик, 2021. С. 145.

[151] Вопрос продовольственной безопасности Абхазии и в настоящее время является важнейшим для страны. К сожалению, после войны 1992–1993 гг. производство кукурузы и фасоли, ввиду слабого технологического оснащения сельского хозяйства, резко упало и не обеспечивает потребности местного населения. Из-за этого их приходится завозить в Абхазию из-за границы. В данной связи нужно сказать, что, по единодушному мнению исследователей, если страна завозит 25 % продуктов, она теряет продовольственную независимость. По словам министра сельского хозяйства Абхазии Б. Джопуа, «Абхазия потеряла ее, так как давно перешагнула этот порог. За последние годы импорт продовольственных товаров достиг критической отметки – сначала с 25 до 75 %», а впоследствии «этот показатель вырос до 83 %» (См.: Газ. «Республика Абхазия». 18 сентября 2023 г.).

[152] Об этом см.: Маан О. В. О некоторых сторонах этнокультурной истории абхазов // Абхазия в мировой истории и международных отношениях. Памяти Владислава Григорьевича Ардзинба. К 70-летию со дня рождения. Материалы Международной научной конференции. Сухум, 14–17 мая 2015 г. – Сухум–Москва, 2016. С. 359.

рединой XVII в.[153]. Во второй половине XIX в. в Абхазии было два основных сорта фасоли: один скороспелый невьющийся, с пестрыми зернами и меленькими кустами, другой – вьющийся, который сеяли во время прополки кукурузы и пускали виться на нее [154].

По мнению некоторых авторов, в начале XX в. у ряда народов Северного Кавказа получают известность фасоль и горох, «называемые общим грузинским термином *кудару*. Последние к карачаевцам и балкарцам проникли через сванов и кабардинцев, о чем свидетельствуют названия *эбзе кудору* и *черкес кудору*»[155]. У карачаевцев и балкарцев и сегодня фасоль действительно называется «кудору»[156]. Но весьма сомнительно, что происхождение слова и, в особенности, основа слова «кудору» грузинские, так как грузины называют фасоль (она появилась в Грузии во второй половине XVI в. или в конце этого столетия)[157] «лобио», что, в свою очередь, производно от мегрельского слова «льебиа» (то же). Название «кудору» отсутствует и у этнографических групп грузин. Нет этого слова и в сванском языке: сваны называют фасоль так же, как и мегрелы – «льебиа». Слово «кудору» отсутствует и у кабардинцев и других адыгов. И только в абхазском языке (а также у абазин) есть слово, точнее основа слова «кудору» – «куд», что значит «фасоль» (русское слово «фасоль» производно от арабского «фаусулиан» и турецкого «фасулу»).

---

[153] Джавахишвили И. А. Экономическая история Грузии... С. 371.

[154] Такой же вьющийся на жердях, но уже сорт огурцов, аджарцы называли «абазура» (абхазский), так как был завезен абхазами в период их переселения в Аджарию (Копешавидзе Г. Г. Культура и быт абхазов, проживающих в Аджарии. С. 17).

[155] См.: Текеев К. М. Карачаевцы и балкарцы. Традиционная система жизнеобеспечения. – М., 1989. С. 313.

[156] Русско-карачаево-балкарский словарь. – М., 1965. С. 679.

[157] Джавахишвили И. А. Экономическая история Грузии. – Тб., 1935. Кн. II. С. 53 (на груз. яз.); Джалабадзе Г. В. Земледелие в Самегрело... С. 13 (на груз. яз. с русск. резюме).

Таким образом, у сванов нет слова «кудору», но карачаевцы называют фасоль «эбзе кудору» («сванская фасоль»). В связи с этим, следует указать на абхазское название у сванов – *ашэануа*, что дословно означает «местонахождение страны ашуов». Есть мнение, что *ашуа* – это «далекие предки абхазов, абазин и убыхов»[158]. Термином «ашуа» (ашэуа) и сегодня абхазы называют жителей Северо-Западного Кавказа, и в том числе абазин. Значит, можно предположить, что в местах, занятых в настоящее время сванами, в далеком прошлом проживал народ ашэуа, название которого перешло на пришлые племена картвельского языкового происхождения[159]. Надо полагать, что от этого народа (предков абхазов) и сохранилось слово «куд», которое перешло и к карачаевцам, но уже под названием «сванская фасоль». Аналогичным абхазскому названию фасоли словом «къвыд» называется эта культура, как сказано, и у родственных абхазам абазин[160]. Другими словами, «куд» мог быть заимствован и от абазин черкесами, а от них – балкарцами и карачаевцами. При этом заметим, что и в основе термина «эбзе», которым карачаевцы и балкарцы называют сванов, лежит корень «бз», говорящий о названии населения, предшествовавшего в этих местах сванам[161]. Ш. Д. Инал-ипа указывает на связь термина «эбзэ» с самоназванием абхазо-абазин – «абаза»[162]. Н. Г. Волкова сообщала, что экзоэтноним «эбзе», «возможно, свидетельствует не только о миграционных движениях сванского населения, но и о наличии какого-то древнего населения эбзе», ассимилиро-

---

[158] Турчанинов Г. Ф. Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. – Л., 1971. С. 95.

[159] Кварчия В. Е. Об абхазских этнонимах «осетин» и «сван» // Вопросы кавказской филологии и истории. – Нальчик, 1982. С. 49.

[160] Абазинско-русский словарь. – М., 1967.

[161] Инал-ипа Ш. Д. Труды в 11 томах. Вопросы этнокультурной истории абхазов. – Сухум, 2011. Т. III. С. 410.

[162] Там же. С. 412, 446.

ванного затем сванами[163]. Полагаем также, что название «эбзэ» является и отголоском существования Абхазского царства, когда сваны находились в составе этого государства.

Формирование в Восточном Причерноморье новой политической единицы под названием «Абхазское царство» стало возможным именно благодаря наличию у абхазов развитого земледелия (а также отгонного скотоводства), то есть собственных производительных сил.

Почти с полной уверенностью можно утверждать, что земледелие в Абхазском царстве больше носило пашенный характер, наилучшим археологическим доказательством которого являются находки железных лемехов от плуга[164]. Основными культурами в сельском хозяйстве оставались ячмень, просо, пшеница, чечевица. В то же время считается, что в Абхазском царстве не было обширных свободных земель, поскольку оно было густо заселено[165]. Поэтому производство зерна, по мнению некоторых авторов, служило только для удовлетворения внутренних потребностей. Более того, как они полагают, в эпоху Абхазского царства, считающегося страной развитого земледелия, сюда завозили вместе с другими товарами и зерно[166].

В основном соглашаясь с характеристикой, какая дается здесь земледелию в Абхазском царстве, нельзя не сказать о том, что некоторые историки состояние земельного фонда и вообще

---

[163] Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. – М., 1973. С. 92. Существование «в тюркских языках имени эбзе, – пишет в свою очередь С. Хотко, – в настоящее время обозначающего сванов, возможно, свидетельствует о более позднем характере сванского населения на территории Сванетии. До сванов этот район Центрального Кавказа занимало, по всей вероятности, древнее абхазское население. Родство этнонимов эбзе и абаза (эбзе и апсуа) достаточно очевидно» (Хотко С. Х. Этногенез карачаевцев // Карачай. Страна на вершине гор. – Майкоп, 2011. С. 17).

[164] См.: Амичба Г. А. Абхазия в эпоху раннего Средневековья... С. 14.

[165] Гунба М. М. Абхазия в первом тысячелетии н. э. … С. 37, 38.

[166] Амичба Г. А. Абхазия в эпоху раннего Средневековья… С. 23–24.

сельского хозяйства на территории Картли механически переносили на Абхазию. Что касается тезиса об отсутствии в Абхазском царстве обширных посевных площадей, то он также, видимо, соответствует действительности. В этой связи можно предполагать, что в эпоху Абхазского царства – период относительно мирной жизни и экономического прогресса – страна действительно была плотно заселена[167]. Малоземелье в Абхазии очевидно, ведь только 26,2 % ее территории занимают равнины, а остальное – горные и лесные массивы[168].

Вместе с тем, относительно высокий уровень агротехники в Абхазском царстве позволял получать устойчивые урожаи и удовлетворять потребности населения в различных зерновых, а также технических и огородных культурах. Это не исключало и завоз зерна в Абхазию, что осуществлялось, надо полагать, для обмена на нужные иноземцам местное сырье и продукты (например, того же животноводства). Согласно наблюдению Ц. Н. Бжания производство зерна в Абхазии вплоть до второй половины XIX в. носило натуральный характер, т. е. служило для удовлетворения внутренних потребностей. Это подтверждается, по его мнению, и тем, что во всех известных исторических документах, сведениях греко-римских и средневековых авторов при описании торгово-экономических взаимоотношений и торговых операций абхазов не упоминается вывозная торговля зерном[169].

Действительно, ни в одном из известных текстов того времени не зафиксирована экспортная торговля зерном. Если до образования царства имел место ввоз зерна (и только в основном для византийских солдат), то в эпоху Абхазского царства есть

---

[167] Инал-ипа Ш. Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов. – Сухуми, 1976. С. 404.

[168] Куфтырева Н. С., Лашхия Ш. В., Мгеладзе К. Г. Природа Абхазии. – Сухуми, 1961. С. 26.

[169] Бжания Ц. Н. Из истории хозяйства и культуры абхазов... С. 144.

основания полагать, что его импорт носил очень ограниченный характер, так как в этом не было необходимости, поскольку зерно главным образом выращивалось на северо-западных территориях левобережья Кубани, закрепление которых за Абхазским царством позволило не просто производить в большом количестве хлеб, но, вероятно, и вывозить его за границу.

По имеющимся у нас материалам, торговля зерном в Средние века, в том числе в генуэзский период, являлась одной из важных статьей экспорта Абхазии, поэтому продукты, изготавливаемые на основе пшеницы, ржи, ячменя, проса, несомненно, составляли значительную часть пищевого рациона жителей средневековых абхазских городов и, в частности, населения Анакопии, Цхума-Сухума и др. Выявленные в этих и других крепостях жернова свидетельствуют о том, что во время легких осад население, укрывшееся в крепостях, запасалось определенным количеством зерна[170]. Сказанное находит подтверждение, например, и в предварительных результатах археологических раскопок, проводимых с 2013 г. совместной экспедицией Института археологии РАН и АбИГИ, по исследованию Маркульского городища в Очамчырском районе Абхазии. Они показывают, что основу питания проживавшего здесь в IV–XV вв. (и позднее) древнего и средневекового абхазского населения составляли зерновые. Об этом свидетельствует найденный на городище склад из более чем пяти пифосов (они могли предназначаться также для хранения вина или воды)[171]. Словом, можно сделать вывод о том, что большие запасы зерна или вина сохранялись в домах древней и средневековой абхазской знати, очевидно, в течение многих лет.

---

[170] См.: Гунба М. М. Абхазия во II тысячелетии нашей эры (XI–XIII вв.). – Сухум, 1999. С. 11.

[171] Древние пифосы из Маркулы [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://sputnik abkhazia.ru/news/20210731/1032945035/Drevnie-pifosy-bylinaydeny-na-arkheologicheskikh-raskopkakh-v-Merkule.html.

Орудия земледельческого труда. В силу достаточно раннего развития у абхазов земледелия, в весьма ранний период должна была возникнуть у них и идея создания одного из важнейших орудий земледелия – пахотного рала. Об этом свидетельствует находка в юго-восточной части Абхазии деревянного пахотного орудия второй половины III тыс. до н. э. (о нем речь шла выше). У некоторых лемехов, по предположению археологов, уже в позднебронзовый период могла быть металлическая оковка. По крайней мере, в VII–VI вв. до н. э., как об этом говорят материалы из с. Пичора, существовали железные лемехи, предназначенные для деревянных плугов[172].

Для характеристики развития земледелия и орудий труда на территории античной Абхазии большое значение имеет раскопанный М. М. Трапш в окрестностях Сухума железный лемех (железный плуг упоминается, в частности, и в сказании об аргонавтах). Он, по мнению того же автора, является первой среди находок сошников в Западном Закавказье, относящихся в эпохе раннего железа[173]. Данный факт свидетельствует, что и в IV–III вв. до н. э. предки абхазов занимались пашенным земледелием с применением сошника[174]. Такие же сошники рала были найдены в 1936 г. при раскопках на территории совр. г. Краснодара[175]. По форме и размеру сошники, использовавшиеся древними абхазами и адыгами, почти аналогичны сошнику рала, еще недавно применявшемуся в горах Северного Кавказа[176]. Новой находкой для Абхазии является сошник, обнаруженный в селе

---

[172] См.: Барамидзе М. В. Восточное Причерноморье во II – первой половине I тыс. до н. э.: (Основные проблемы): АДД / АН Груз. С. 152–153.

[173] Трапш М. М. Труды. – Сухуми, 1969. Т. II. С. 232. Там же см. описание сошника.

[174] Там же. Сошники раннеантичного времени в большом количестве были выявлены, например, и в сел. Багмаран Гулрыпшского района (См.: Гунба М. М. Абхазия во втором тысячелетии нашей эры (XI–XIII вв.)... С. 10).

[175] Калоев Б. А. Земледелие народов Северного Кавказа... С. 9.

[176] Там же.

Атара в июне 2003 г. и, предположительно, датируемый VIII–X вв. н. э.[177]

Во второй половине XVIII в. академиком И. А. Гюльденштедтом в Абхазии было обнаружено пахотное орудие, которое он назвал «котен» или «котен-мача» (koten-madsa)[178]. По мнению грузинских авторов, абхазское наименование «акәаҭан» является производным от груз. гутани – «плуг»[179]. Но хорошо известно, что термин «гутани» – общекавказское слово, которое бытует у многих народов Кавказа в разных вариациях, о его появлении ученые высказывают разные точки зрения. Так, В. И. Абаев появление этого названия плуга связывает со скифами [180]. Еще раньше проф. Г. С. Читая писал, что все абхазские орудия принадлежат к одному основному типу, имеющему широкое распространение по всему Кавказу, и типологически восходят к древнейшему шумерскому орудию пахоты[181]. В отношении же «мача» И. А. Джавахишвили считал, что оно связано с грузинским «манҷуа», с названием одного из видов плуга в Грузии[182]. На самом деле, в термине «котен-мача», как верно отметил Ц. Н. Бжания, мы имеем выражение «акуаҭан маҷ», т. е. «малый акуатан», от абхазского слова «амаҷ»[183]. Таковым и выглядел

---

[177] См.: Квициниа В. К. Новая находка древнего плуга из села Атара // Труды АГМ. – Сухум, 2008. Выпуск VI. С. 70–71.

[178] Цит. по: Бжания Ц. Н. Из истории хозяйства и культуры абхазов... С. 174.

[179] Цит. по: Бахия-Окруашвили С. Этнологическая интерпретация историко-культурных особенностей Абхазии. // Очерки из истории Грузии. Абхазия с древнейших времен до наших дней. – Тбилиси, 2009. С. 314.

[180] Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. – М.–Л., 1958. Т. 2. С. 527. Термин гутон, по мнению В.И.Абаева, идет из «скутан», «кутан», что значит «скифский плуг». (Там же.)

[181] Читая Г. К вопросу о происхождении абхазских пахотных орудий // Сообщения АН Груз. ССР. – Тбилиси, 1941. Т. II. № 3. С. 294.

[182] Цит. по: Бжания Ц. Н. Из истории хозяйства и культуры абхазов... С. 175.

[183] Там же.

один из вариантов (типов) абхазской древней сохи, предназначенный для вспашки маленьких делянок и огородов. Исконным абхазским названием пахотного орудия является *ацэмаа*, наряду с которым в Абжуйской Абхазии (сс. Кындыг, Тамыш, Джгиарда) в качестве названия его рукояти встречается термин «ауаркуама-ауаркуам» (в Бзыбской Абхазии он не встречается). Этот термин считают производным от мегрельского слова «еркванн» (название пахотного орудия)[184]. В настоящее время, писал Ц. Н. Бжания, под этим названием в Грузии нет пахотного орудия[185]. Только у горцев-мтиулов и хевсуров этим термином («еркванн-верквани») называется ручка пахотного орудия *ачача*[186]. Последний термин вызывает несомненный интерес, ибо близок по звучанию с абхазской владетельской фамилией Ачачба. В литературе уже высказывалось мнение о том, что этот термин следует генетически связать с совершенно вышедшим из употребления у абхазов, в связи с его глубочайшей архаичностью, древнейшим видом плуга, сохранившимся у хевсуров и пшавов и известным у них под названием «*ачача*». По Д. И. Чубинашвили, ачачи – «плуг»[187].

По этнографическим описаниям второй половины XIX в., употребляемый в Абхазии плуг был похож на плуг мингрельский[188]. Г. С. Читая, на основе анализа сведений по пахотным орудиям абхазов, считал, что в Абхазии в конце XIX – начале XX вв. существовали три вида пахотных орудий: 1) пахотное орудие, у которого ручка приделана сверху к дышлу и имеет ре-

---

[184] Кантария И. В., Чанба Р. К. Некоторые вопросы земледельческой культуры (грузино-абхазские параллели) // Этнографические параллели. – Тбилиси, 1987. С. 50.

[185] Бжания Ц. Н. Из истории хозяйства и культуры абхазов... С. 176.

[186] Там же.

[187] Чубинов (Чубинашвили) Д. И. Грузино-русский словарь. – Тбилиси, 1984. С. 79.

[188] Пахомов А. Абхазия в сельскохозяйственном отношении // ЗКОСХ. – Тифлис, 1868. №№ 1–2. С. 37–38.

зак; 2) пахотное орудие с ручкой-стойкой, прикрепленной нижним концом к подошве, а другим привязанной лыком или виноградной лозой к дышлу; 3) пахотное орудие с ручкой-стойкой, верхним концом прикрепленной перекладиной к кривой части дышла. Первые две разновидности орудий, по Г. С. Читая, являются общими для мегрелов и абхазов (они широко бытовали у многих других народов Кавказа и, в частности, имелись у причерноморских черкесов)[189], а третья известна только у абхазов[190].

В 60-х гг. XIX в. П. К. Усларом в Абхазии было зафиксировано пахотное орудие, которое названо им в русском произношении «ацваху»[191]. Он считал, что это слово происходит от *аҷв* – «бык». И. А. Джавахишвили, подвергая сомнению происхождение этого термина от абхазского *аҷв* (ацэ), отмечал, что если отбросить характерный абхазский префикс «а-», то «цваху» будет соответствовать «цоху», которое, в свою очередь, является фонетическим местоимением более первичного термина «ҭоху» и «ҭохи». Тем более что в грузинском языке имеется такое соответствие, как, например, «ҭохна» // «цохна» в названии прополки[192].

---

[189] Белл Дж. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1839 годов. – Нальчик, 2007. Т. I. С. 151. По описанию Дж. Белла, обитатели долины Субеш (устье р. Шахе) пользовались сохами с остроконечным в виде стрелы, сошником, которым они только скребли поверхность почвы, причем ручки сохи поставлены почти перпендикулярно и, следовательно, так коротки, что не дают пахарю возможности проявить силу» (Белл Дж. Дневник пребывания в Черкесии. Там же).

[190] С конца XIX в. в с. Хашупсе зоны г. Гагры бытуют однорукояточно-кривогрядильные пахотные орудия, занесенные сюда армянами-переселенцами из Турции. Больше нигде в Абхазии и в Грузии этот тип орудия не зафиксирован (См.: Чанба Р. К. Пахотные орудия Западного Кавказа XIX в. // Всесоюзная научная сессия по итогам этнографических и антропологических исследований 1986–1987 гг. Тезисы докладов. – Сухуми, 1988. С. 236–237).

[191] Услар П. Этнография Кавказа. Языкознание. Абхазский язык. – Тифлис, 1885. С. 272.

[192] Бжания Ц. Н. Из истории хозяйства и культуры абхазов… С. 175.

Не соглашаясь с этими положениями, Ц. Н. Бжания отмечал, что для определения названия пахотного орудия термин «ацваху» в абхазском языке отсутствует[193]. По его утверждению, термин «ацваху», зафиксированный Усларом, в первом композите которого ученый усмотрел неправильно *ацӷэ* – «бык», не что иное, как известное абхазское пахотное орудие «ацэаҳэ», и он не связан своим происхождением с «ацэ», а тем более с грузинскими словами «ცохна» //«цохна» – «полоть»[194].

Одним из первых орудий, которое использовали древние насельники Абхазии для разрыхления почвы и копания, являлась палка-копалка. Одна из таких палок-копалок была зафиксирована в верхнем слое мезолитической пещерной стоянки Куабчара в Кодорском ущелье. Правда, эти орудия не всеми признаются земледельческими, в связи с чем нужно вспомнить один из древних способов обработки земли у абхазов: землепашец, разрыхлив почву, брал несколько сучьев с ветками до одного дюйма толщиной, заострял его концы, связывал их один с другим в ряд и, «вспахав» землю, засевал хлеб (абыста). Можно полагать, что эти палки-копалки в определенное время выполняли подобные функции. Такого мнения придерживается, например, и Г. К. Шамба[195].

Важными археологическими памятниками, говорящими о развитии земледелия на территории Абхазии в период бронзы, являются каменные мотыжки, получившие в литературе назва-

---

[193] Там же.

[194] Там же. Размеры и характер абхазского землевладения В. А. Гурко-Кряжин в 1926 г. в значительной степени объяснял «первобытным» сельскохозяйственным инвентарем, которым располагает, и то не в достаточной степени, крестьянское население. По данным Наркомзема, «всего в Абхазии имеется около 3.700 железных плугов (на 32.000 деревянных плугов и сох), 278 железных борон (при 4.100 деревянных) и т. п. ... Опять-таки и здесь зловещую роль сыграла гражданская война, спровоцированная меньшевистской оккупацией» (Гурко-Кряжин В. А. Абхазия. – М., 1926. С. 17).

[195] Шамба Г. К. Древний Сухум... С. 34–35.

ние *сухумского* и *сочи-адлерского типа*[196]. Мотыжки первого типа имели овальную форму с обработанными краями. Высота орудий составляет от 5,5 до 13 см, ширина рабочей поверхности – от 4 до 10,5 см.[197]. Эи орудия предназначались для первичного рыхления почвы. Только на Гумистинском поселении найдено свыше 300 экз. мотыжек сухумского типа[198].

Другая форма орудий сочи-адлерского типа, мотыгообразная с выделенным черенком, видимо, для закрепления к деревянной ручке[199]. Конкретизируя значение каменных мотыжек, одни ученые считают их орудиями для обработки земли, другие относят к изделиям разделки туши кожи животного. Но связь этих мо-

---

[196] Соловьев Л. Н. Новый памятник культурных связей Кавказского Причерноморья в эпоху неолита и бронзы – стоянки Воронцовской пещеры // Труды АИЯЛИ. – Сухуми, 1958. Т. XXIX. С. 137, 138, 144. См. также: Хотелашвили М. К. О древнейших земледельческих орудиях Абхазии // Сборник статей преподавателей и аспирантов СГПИ им. А. М. Горького. – Сухуми, 1970. С. 110–113. Выявление в 2003–2004 гг. серии мотыжек сочи-адлерского типа в непотревоженном слое при раскопках поселения эпохи бронзы в с. Абгархук Гудаутского р-на позволило датировать их последней четвертью II тыс. до н. э. (См.: Скаков А. Ю., Джопуа А. И., Цвинария И. И. К вопросу о времени бытования мотыжек типа «Сочи-Адлер» // Четвертая Кубанская археологическая конференция. – Краснодар, 2005. С. 261–263).

[197] Соловьев Л. Н. Новый памятник культурных связей Кавказского Причерноморья в эпоху неолита и бронзы... С. 137

[198] Бжания В. В. Результаты обследования Гумистинского поселения в 1964 г. // КСИА. – М., 1969. Вып. 115. С. 58–60.

[199] См.: Шамба Г. К. Древний Сухум... С. 35. Каменные мотыжки сочи-адлерского типа по форме обнаруживают наиболее близкие аналогии в каменных мотыжках раннеземледельческой эпохи из некоторых памятников Передней Азии (Хассуна) (См.: Марковин В. И., Мунчаев Р. М. О двух типах каменных орудий Северного Кавказа // КСИА. – М., 1961. Вып. 84. С. 27–29; Соловьев Л. Н. Мотыгообразные орудия сочи-адлерского типа // Известия АИЯЛИ. – Тбилиси, 1972. Вып. I. С. 81–97; Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века… С. 71–72, 376; Энеолит СССР… С. 127–128). Традиционно же принято считать, что их появление в Кавказском Причерноморье было результатом влияния Древнего Востока (См.: Формозов А. А. Каменный век и энеолит Прикубанья. – М., 1965. С. 61).

тыжек с прибрежными поселениями (Мачара, Гумста, Гуандра и др.) говорит, что их действительно применяли для обработки земли в устьях рек и речушек, то есть в илистых местах, где без особого труда подготавливали территорию для выращивания зерновых. При этом, вообще, для обработки земли в поселениях пещерного типа (Окумская, Воронцовская пещера-Очажный грот, Ахштырь) они не выявлены. Найденные там наконечники стрел и копий указывают на то, что основную роль в хозяйстве этих поселений играла охота.

К бронзовому периоду относятся мотыги, выявленные в ряде пунктов Абхазии. Найденные на Пичорском поселении бронзовые мотыги имеют овальные и подтреугольные формы; в том же поселении было найдено 60 двустворчатых форм для отливки топоров и мотыг. Бронзовые мотыги, согласно А. Н. Габелия, делятся на несколько типов: с широким лезвием и слегка согнутым корпусом, вытянуто-прямоугольной формы, согнутые в середине и листовидные[200]. Помимо бронзовых мотыг древние абхазы пользовались близкими им сегментовидными «сечками», напоминающими по форме каменные мотыжки сочи-адлерского типа.

В период раннего железного века большее распространение в Абхазии имели железные киркообразные и теслообразные мотыги, а в Западной Грузии – треугольные железные мотыги[201]. В связи с особенностями рельефа и почвы в древности и Средневековье мотыги в земледелии широко применяли там, где не всегда удавалось обрабатывать землю пахотными орудиями, также с их помощью разрыхлялась земля и производилась прополка.

Мотыги являются довольно частыми находками в женских захоронениях Абхазии античного времени. Металлографиче-

---

[200] Габелия А. Н. Абхазия в предантичную и античную эпохи... С. 109.

[201] Кантария И. В., Чанба Р. К. Некоторые вопросы земледельческой культуры (грузино-абхазские параллели) // Этнографические параллели... С. 47.

ский анализ показал, что древнеабхазские кузнецы изготовляли мотыги как из чистого железа, так и из стали. Кроме того, пользовались местной закалкой и трехслойной сваркой[202].

В Средние века, судя по всему, в Абхазии употреблялись мотыги разной формы. В раннесредневековой Цебельде при обработке почвы использовались мотыги как тесловидной, так и обычной формы с рабочим лезвием и вытянутым обухом. Они по своей форме имеют сходные черты с мотыгами, использовавшимися в тот же период в окрестностях Сочи[203]. Наряду с железными[204] долгое время были в употреблении и деревянные мотыги разных форм[205], изготовлявшиеся у абхазов и у их соседей из твердых пород, прежде всего самшита[206].

Авторы XIX в., описывая мотыги абхазов и их соседей, указывали на их сходство. Так, по источнику 60-х гг. XIX в., «для полотья сорных трав в кукурузных и просяных полях они (абхазы – **О. М.)** употребляли мотыгу, совершенно похожую на имеретинскую тохи»[207]. А. А. Миллер утверждал, что абхазские мотыги имели большое сходство с черкесскими[208], а И. С. Хатисов

---

[202] Бгажба О. Х. По следам кузнеца Аинара. Из истории кузнечного ремесла древней и средневековой Абхазии (VIII в. до н. э. – XV в. н. э.). – Сухуми, 1982. С. 26.

[203] Воронов Ю. Н. Древности Сочи и его окрестностей. – Краснодар, 1979. С. 81–82, 95.

[204] См. напр.: Сангулия Г. А. Джгиардский клад железных орудий труда (Очамчырский район, Абхазия) // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Махачкала, 23–28 апреля 2012 г. – Махачкала, 2012. С. 233.

[205] Бжания Ц. Н. Из истории хозяйства и культуры абхазов... С. 167.

[206] Макалатия С. История и этнография Мегрелии... С. 185 (на груз. яз.); Инал-ипа Ш. Д. Абхазы. – Сухуми, 1965. С. 234.

[207] См.: ЗКОСХ. 1867. №№ 1–2. С. 12; Земледелие и скотоводство у абхазов... С. 69. См. также: Таниа Е. Ш. Земледельческая лексика в абхазском языке. – Сухум, 2013. С. 52 (на абх. яз.).

[208] Миллер А. А. Из поездки по Абхазии в 1907 г. // Материалы по этнографии России. – СПб., 1910. Т. 1. С. 74.

отмечал, что у садзов использовались мотыги, совершенно похожие на имеретинские тохи[209]. Но употреблявшаяся абхазами на крутых и очень каменистых местах мотыга отличалась «от мингрельской тохи своими меньшими размерами и треугольной формой»[210].

Собственно, мотыга у мегрелов носит название «берги»[211]. По данным С. Макалатия, мегрелы сеяли и обрабатывали землю малой мотыгой, которая называлась «ченги»[212]. Мы полагаем, и это подтверждают лингвисты, что слово «ченги» производно от абхазского названия мотыги – «ачага». Это может быть доказано тем, что окончание «-га» (-ге) в слове «чага-ченги» является орудийным суффиксом, а «-н-» закономерным наращением в мегрельском. Популярность этого орудия у соседних народов доказывается и заимствованием его названия в карачаево-балкарском языке, где сохранено исконно абхазское название мотыги – «чага»[213].

Для предохранения почвы от высыхания, выравнивания ее поверхности, разрушения почвенной корки и уничтожения сорняков проводили боронование. В качестве бороны в XIX в. абхазы использовали четырёхугольную вязанку из хвороста и второе приспособление, состоявшее из ряда жердей, переплетенных хворостом. Бороны-волокуши из связанного хвороста в XIX в. бытовали у многих народов Кавказа[214]. Абхазское название бороны «ачалт», по мнению Б. Г. Джонуа, является произ-

---

[209] См.: ЗКОСХ. 1867. № № 5, 6. С. 12.

[210] Пахомов А. В. Абхазия в сельскохозяйственном отношении... С. 59.

[211] Кипшидзе И. Грамматика мингрельского (иверского) языка... С. 203.

[212] Макалатия С. История и этнография Мегрелии... С. 185.

[213] Аппоев А. К. Лексико-семантические группы этнографической терминологии карачаево-балкарского языка // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 13 (228). Филология. Искусствоведение. Вып. 54. С. 26–30.

[214] Чанба Р. К. Земледелие и земельные отношения... С. 85.

водным от мегр.-груз. «чарти-челти»[215]. Существует и противоположная точка зрения о том, что груз. «чалти» происходит от абх. «ачалт»[216] (у абхазов «ачалтом» называются еще плетеные носилки, на которых подносили мясо, мамалыгу и другое угощение к свадебному навесу – *ашапе*, а также плетеный настил дома *абыцатдзы*, служивший потолком небольшому навесу). С начала XX в. стали появляться бороны с железными зубьями, но в крестьянских хозяйствах они были редким исключением.

Серп-коса у абхазов назывался «ачаала». По мнению Ц. Н. Бжания, «возможно, что название «ачаала» находится в определенной лингвистической связи с грузинским названием «цели»[217]. Другим названием серпа-косы у абхазов является «амагана», которую Ц. Н. Бжания также увязывает с груз. «намгали»[218] (она, в свою очередь, имеет параллель в ассирийском слове «намгалу»)[219]; по-мегр. же серп называется *магана*[220], он имел острое лезвие длиной 20 см и применялся для срезания початков кукурузы. Ген.-лейт. А. В. Верещагин во второй половине XIX в. с интересом отмечал, что женщины «из черкесов», поселенных на Кудепсте, убирали урожай пшеницы серпом, но таким малым, что он был похож скорее на детскую игрушку[221]. Такими же миниатюрными серпами жали и женщины Абхазии. Образцы подобных серпов хранятся в фондах Абхазского госмузея.

В период поздней бронзы в Закавказье, в том числе и в Абхазии, найдены немногочисленные серпы кубанских типов и

---

[215] Джонуа Б. Г. Заимствованная лексика абхазского языка. – Сухум, 2002. С. 121.

[216] Гублиа Р. К. Очерки по абхазской этимологии. – Сухум, 2013. С. 272, 285–286.

[217] Бжания Ц. Н. Из истории хозяйства и культуры абхазов... С. 169.

[218] Там же. С. 156. Ср. армянское название серпа – «мангах».

[219] Народы Кавказа. Этнографические очерки. – М., 1962. С. 241.

[220] Кипшидзе И. Грамматика мингрельского (иверского) языка... С. 275.

[221] Верещагин А. В. Путевые заметки по Черноморскому округу. – М., 1874. 82.

топоры-кельты[222]. Серпы кубанских типов отличаются от традиционных колхидских серпов поздней бронзы по следующим чертам. Кубанские серпы имеют изогнутое лезвие или практически одинаковой ширины, или сужающееся к носку, длинный кованый стержень для крепления рукояти, являющейся продолжением лезвия со стороны спинки. Для Южного Кавказа конца эпохи бронзы серпы с черенками для крепления рукояти не были характерны – здесь были распространены, в первую очередь, серпы, рукоять которых крепилась к лезвию двумя штифтами. Серпы же близкие «кубанским» на территории Абхазии были обнаружены в кладе на северо-западной окраине г. Очамчыры[223]. Они имели отверстие для дополнительного крепления рукояти. Такие же отверстия фиксируются на кубанских серпах поздней бронзы.

В эпоху раннего железа на территории Абхазии встречаются топоры, напоминающие по форме бронзовые. К позднему времени относится выявленный на Сухумской горе своеобразный комбинированный железный топор-молоток, датируемый V–IV в. до н. э., а также цалды – клюквенные железные топоры с круглым обухом и с широко раскрытой втулкой для посадки на топорище. Согласно А. Иессену и Б. Куфтину, эти цалды берут начало от бронзовых прообразов, которые были распространены в Колхиде в конце II и начале I тыс. до н. э. Железные цалды (абх. *аигушэ*), несколько видоизмененные, находят широкое применение и в сельском хозяйстве Западной Грузии[224].

В конце I тыс. до н. э. появляется топор цебельдинского типа, который с незначительными локальными особенностями, выра-

---

[222] См.: Пелих А. Л. Некоторые примеры контактов населения Закавказья и Прикубанья в позднебронзовое время // Первая Абхазская Международная археологическая конференция. – Сухум, 2006. С. 275.

[223] См.: Воронов Ю. Н. Археологическая карта Абхазии. – Сухуми, 1969. С. 40.

[224] Каландадзе А. Археологические памятники Сухумской горы. – Сухуми, 1954. С. 76–78, 83.

жавшимися в форме обушной части, просуществовал вплоть до первой четверти XX в. Данный тип топора у абхазов называется *ацуа-еиха*, т. е. «абхазский топор». Во второй половине XIX в. в Абхазии появляются массивные топоры четерехугольной формы рачинского типа. В Бзыбской Абхазии его называют *акыртуа еиха*, что означает «грузинский топор». Его распространение в Абхазии связано с плотниками из Рачи и Гурии, строившими в Абхазии деревянные дощатые дома. С 30-х гг. XX в. абхазский и грузинский топоры постепенно были заменены русскими топорами фабричного производства.

Весьма специфичными орудиями труда, предназначенными для рубки хвороста и очистки полей от кустарников, колючек и мелколиственных растений лесной и безлесной полосы, являются цалды. Это клюквенные железные топоры с круглым обухом и с широко раскрытой втулкой для посадки на топорище. Согласно А. Иессену и Б. Куфтину, эти цалды берут начало от бронзовых прообразов, которые были распространены в Колхиде в конце II и начале I тыс. до н. э. Железные цалды (абх. *аигушэ*), несколько видоизмененные, находят широкое применение и в сельском хозяйстве Западной Грузии[225].

В данной связи обращает на себя внимание тот факт, что ремесленники-кузнецы из Эшерского городища рубежа I в. до н. э. ковали цалды, прототипы которых нужно искать в начале I тыс. до н. э.[226]. Железные цалды из Эшеры копируют форму бронзовых изделий Юго-Восточного Причерноморья (ближе в совр. Аджарии, включая северную Турцию)[227]. Данное обстоятельство справедливо объясняют тем, что среди жителей Эшеры была группа ремесленников, вышедшая из земель Юго-Вос-

[225] Каландадзе А. Археологические памятники Сухумской горы. – Сухуми, 1954. С. 76–78, 83.

[226] Шамба Г. К. Древний Сухум... С. 40–42.

[227] Там же.

точного Причерноморья[228]. Что касается повторения и изготовления цалд более раннего периода, то в истории материальной культуры имеется много тому примеров, когда наблюдается возврат к более ранним формам орудий труда.

Поле вспахивали обычно два раза. Но если почва была мягкая, то, разбросав семена по полю, лишь один раз вспахивали его и бороновали. При благополучных погодных условиях в среднем с десятины получали по 10–12 арб кукурузы.

Простейшим орудием для размола зерна, рассчитанным на переработку небольших объемов сырья, являлась зернотерка (*алу*). Их находки, достаточно многочисленные в археологических памятниках Абхазии и соседних регионов начиная с эпохи энеолита, хорошо известны[229]. Производительность труда при работе на зернотерке была невелика[230]. Переход от зернотерки к ручной мельнице был вызван необходимостью переработки больших объемов зерновой продукции, получаемой вследствие развития пашенного земледелия. Внедрение ручных мельниц намного повышало производительность труда мукомольного дела[231].

---

[228] Там же. Эти данные убеждают в том, что квалифицированные мастера на протяжении длительного исторического времени являлись одной из наиболее подвижных групп населения (наряду с наемниками, прорицателями, врачами), что, в частности, было характерно как для Черноморского бассейна, так и для Восточного Причерноморья.

[229] Подробнее об этом см.: Хотелашвили-Инал-ипа М. К. Очерк о мукомольном производстве в Абхазии... С. 36–63.

[230] Так, по экспериментальным данным австрийских археологов, на ручной зернотерке можно было смолоть за 1 час от 400 г до 1 кг зерна (Малинова Р., Малина Я. Прыжок в прошлое. Эксперимент раскрывает тайны древних эпох. – М., 1988. С. 66). А по свидетельству Л. П. Потапова, изучавшего шорцев в 20–30-х гг. XX в., на каменной зернотерке длиной 45–55 см и шириной 20–25 см можно было переработать 2–2,5 кг зерна за целый день (Потапов Л. П. Очерки по истории Шории. – М.-Л., 1936 // Труды Института востоковедения. Т. 15. С. 74).

[231] По данным Л. П. Потапова, использование ручной мельницы с диа-

Дальнейшее развитие земледелия связано с применением водяных мельниц, источником энергии которых были текущие реки. Это существенно повышало производительность труда в мукомольном деле и способствовало высвобождению значительного количества трудовых ресурсов.

Водяные мельницы использовались в античном мире со II–I вв. до н. э., и, соответственно, они должны были получить распространение и в Восточном Причерноморье и на территории Абхазии. Первоначально сооружались водяные мельницы в виде плетёных построек круглой формы с конусообразными крышами[232] (на Северном Кавказе, по мнению Б. А. Калоева, водяные мельницы появились лишь в эпоху позднего Средневековья, хотя имеются аргументы и в пользу более раннего их существования)[233]. В раннем Средневековье (VI–X вв.), с расширением посевных площадей под зерновые культуры и с получением значительно больших урожаев, потребность в водяных мельницах на территории Абхазии еще больше возрастает[234]. В период зрелого и позднего Средневековья (XIV–XVIII вв.), с ростом населения, количество их в Абхазии увеличивается: они становятся обязательной принадлежностью владельческих хозяйств. Правда, в результате частых войн, в том числе и в XIX в., в связи с сокращением производства и потребления водяные мельницы разрушались или разорялись. По этой причине, а также если в селах не было рек с постоянным уровнем воды, мололи ручными мельницами. По данным источника второй поло-

---

метром жерновов 50 см увеличивало производительность труда в 3–4 раза (Потапов Л. П. Очерки по истории Шории... С. 74). А по материалам экспериментов австрийских археологов, использовавших кельтскую мельницу, эти показатели колебались от 5 до 12 раз, составляя 5 кг переработанного зерна за 1 час (Малинова Р., Малина Я. Прыжок в прошлое... С. 66).

[232] См.: Аджинджал И. А. Из этнографии Абхазии… С. 146.

[233] См.: Коробов Д. С. Система расселения алан Центрального Предкавказья в I тыс. н. э. ... С. 372.

[234] Аджинджал И. А. Из этнографии Абхазии… С. 146.

вины XIX в., «в селениях, не имеющих быстротекущих ручьев, почти на каждые десять домов есть ручные мельницы для ежедневного помола кукурузы и гоми в количестве, потребном для обеда и ужина»[235]. Наряду с общесельскими бытовали родовые или фамильные мельницы, обслуживавшие целую фамилию. Значительное количество водяных мельниц в Абхазии появляется в советский период. К 1944 г. общее их число достигло 66 со среднесуточной производительностью муки в 100–150 кг. После завершения Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. по специальному проекту создавались и электрические мельницы. В настоящее время кукурузу мелят обычно на мельницах. Но нередко пользуются и ручными мельницами, главным образом в тех случаях, когда срочно требуется небольшое количество муки.

Существование в абхазском языке обширной, разветвленной земледельческой лексики свидетельствует о том, что она не только заимствовала слова, но и оказывала влияние на словарный запас тех народов, с которыми абхазы входили в экономические и этнолингвистические контакты. Например, большие деревянные молотки *акалакут*, которыми абхазы очищали зерно (*алахэара*), ударяя по снопам, у мегрелов назывались почти аналогичным словом «какути»[236]. Вторая прополка в абхазском языке – *акуакуара*, этим же термином называется рыхление почвы под посев огородных культур, а орудие (мотыга), при помощи которого выполняют этот процесс – *акуакуага*. Термин «акуакуара» известен и в Грузии. Так, в мегрельском языке слово «кекуа» означает размельчение почвы, а в Имерети мотыгу принято называть «кеко»[237]. Неплодородная, тощая земля на абхазском языке «адгыл млачыр», на мегрельском языке «мелчви-

[235] Цит. по: Хотелашвили-Инал-ипа М. К. Очерк о мукомольном производстве в Абхазии... С. 59.

[236] Инал-ипа Ш. Д. Абхазы... С. 240.

[237] Бжания Ц. Н. Из истории хозяйства и культуры абхазов... С. 159.

ли»; большие глиняные кувшины для хранения зерна у абхазов носят название «аԥшьырҳа», то же самое и у мегрелов; мегр. *саки*, абх. (абж.) *асакь* – «мешок»[238] (в самом мегрельском слово «саки» идет из греческого «сакос»)[239].

Из заимствованных абхазским языком в земледельческой лексике картвельских терминов, по мнению Б. Г. Джонуа, следует отнести слова: *ахандейра* – «трудиться (особенно в поле)» (от мегр. «ханда//хандеба»); *ачарт* – «часть арбы» (от мегр. «чарти») [240], *а-q'iar* – «две пары волов»; *акыла* – «сноп» (от мегр. «киле(?)» [241]; *шьинка* (дыня) – от мегр. «шьинка»; *ахабырзакь* (арбуз) – от мегр. «хабурзакьи», а также абх. *адгьыл* – «земля», что идет из груз. «адгили»[242]. Данное слово, согласно Б. Г. Джонуа, относится к числу наиболее рано усвоенных абхазами лексем, т. е. до XIV в.[243]. По мнению других авторов, «адгьыл» состоит из нескольких словообразующих элементов – *-д-, -гь-, -л,* каждый из которых этимологизируется на основе абхазского языка. В связи с этим «адгьыл» возводится к древнейшему абхазскому языковому пласту[244]. Абхазское название ярма *аугэ, а уыгэ, ау(ы)гу,* по мнению Б. Г. Джонуа, также идет из мегр. «угу»; некоторые же лингвисты возводят данное слово к рекон-

---

[238] Джонуа Б. Г. Заимствованная лексика абхазского языка... С. 117.

[239] Кипшидзе И. Грамматика мингрельского (иверского) языка... С. 315.

[240] Джонуа Б. Г. Указ. раб. С. 117.

[241] Бебиа И. Мегрельские заимствования в абхазской земледельческой лексике // Материалы XX республиканской научной диалектологической сессии. – Тб., 2000. С. 27–30 (на груз.яз.).

[242] Кантария И. В., Чанба Р. К. Некоторые вопросы земледельческой культуры... С. 50.

[243] Джонуа Б. Г. Заимствованная лексика абхазского языка... 109.

[244] См.: Гублиа Р. К. Очерки по абхазской этимологии... С. 279. Термин «адгьыл» присутствует в слове «аԥсадгьыл» («родина»). Обращает на себя внимание, например, и тот факт, что у мегрелов большой жернов, мельница называется словом, идущим из персидского языка – «долаби» . Ср. также с абхазским названием серванта (шкафа, буфета) – адулаԥ.

струированному индоевр. *lug* – «ярмо»[245]. Высказано мнение и о том, что в основе абх. *ау(ы)гэ* («ярмо») лежит более древняя форма *юыгэ*, что букв. значит «две доски», «две перекладины»[246]. Действительно, такое значение термина «ауыгэ» вполне соответствует древнему виду ярма, которое составлялось из двух обтесанных досок-перекладин: одна из них ложилась на шеи тягловой пары животных, другая же закреплялась снизу под шеей путем связывания (закрепления) ее с верхней перекладиной, с фиксацией боковых сторон на шее животного[247]. Интересно, что у абхазов нижняя доска такого ярма именовалась ацатцгэы, букв. «подложная доска» (т. е. нижняя доска), получившая и переносное значение «основа», «основание», «подоплека».

С учетом изложенных материалов и как это уже отмечалось в специальной литературе[248], нельзя согласиться с превалирующей в грузинской историографии точкой зрения о том, будто в XVII в. абхазы занимались в основном скотоводством, а не земледелием, что якобы указывает на их недавнее переселение с Северного Кавказа. Установлено, что и в XVII–XVIII вв. основными видами занятий населения Абхазии были земледелие, скотоводство, охота, пчеловодство и разные формы ремесел[249]. При этом многие из присутствующих в основном словарном фонде абхазского языка специальных терминов, относящихся к земледельческому хозяйству, восходят к глубокой древности и со-

---

[245] Климов Г. А. Этимологический словарь картвельских языков. – М., 1964. С. 186.

[246] См.: Кварчия В. Е. Из этнической истории абхазского (апсуа//абаза) народа или о языке и истории абхазов и абазин. – Сухум, 2015. С. 45.

[247] Там же.

[248] См.: Анчабадзе Г. З. Изучение вопросов этнической истории абхазов на фоне грузино-абхазского конфликта // Аспекты грузино-абхазского конфликта. Выпуск 2. Материалы грузино-абхазской конференции. Конобеево (Московская область). Август 1999. Ирвайн 2000.

[249] Характерно и то, что абхазское население облагалось османским правительством поземельным налогом (хараджем), что прямо свидетельствует о причастности его к земледельческому труду.

хранились в современном языке, фольклоре и этнографической действительности абхазов. Примечательно в этой связи и то, что термин «анхаю», обозначавший основную категорию крестьян в феодальной Абхазии, переводится как «земледелец»[250]. Все это лишний раз доказывает, что издревле абхазы преимущественно являлись земледельцами.

Виноградарство и виноделие

Многие специалисты считают, что родиной культуры винограда является Западная Азия – Средняя и Малая Азия, Сирия, Месопотамия, Иран, южные берега Каспийского и Черного морей, включая территорию Закавказья. Именно в пределах этого региона впервые из дикого винограда доместицированы его культурные формы, которые уже 5000–7000 лет тому назад были широко распространены в Сирии, Месопотамии и Египте; 3000 лет тому назад виноградарство процветало уже и в Древней Греции[251]. Закавказье сыграло выдающуюся роль как один из важнейших регионов развития культурного виноградарства

[250] Дзидзария Г. А. Труды. – Сухуми, 1988. Книга I. С. 246. Термин «анхаҩы» производен от «анхара». Последнее выражает одновременно «хозяйство» и «оседлость», причем под «анхара» понимается прежде всего земледельческое хозяйство.

[251] Неделчев Н., Кондарев М. Виноградарство. – София, 1959. С. 7. По другим данным, в Месопотамии виноградарство процветало с IV тыс. до н. э. Приблизительно в те же времена виноделие было известно и в Греции, так как уже за десять столетий до Рождества Христова Гомер свидетельствует об этом в «Илиаде» и «Одиссее» (Гомер. Илиада. Одиссея. – М., 1967. С. 641). О появлении и распространении культуры винограда см. также: Арутюнов С., Вейнхольд Р. Напитки // Материальная культура. Серия «Свод этнографических понятий и терминов». – М., 1989. Вып. 3. С. 84–86; Симанович Е. А. Развитие виноградарства и виноделия на Северном Кавказе во второй половине XIX в.–1914 г. Дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. – Краснодар, 2005. С. 3, 4 и сл.

и виноделия. Об этом свидетельствуют многочисленные исторические источники. Сошлемся хотя бы на некоторые из них. В Ханларском поселении (Азербайджан, X–VII вв. до н. э.) в большом сосуде, впущенном в пол одного из раскопанных жилищ, оказались косточки винограда vitis vinifera, «свидетельствующие о далеком прошлом виноградарства и виноделия в Закавказье»[252]. На территории Армянского нагорья виноградарство было широко распространено и имело еще до нашей эры многовековое развитие. Достаточно указать хотя бы на огромные кладовые для вина, раскопанные акад. Б. Б. Пиотровским в Кармирблуре[253].

С древних времен известна как классическая страна виноделия Грузия. Как указывают Н. Кецховели, М. Рамишвили и Д. Табидзе, «Грузия издавна была виноградарской и винодельческой страной, только такая страна могла обогатить мировую сортовую сокровищницу более чем 500 сортами (Ркацители, Саперави, Мцване, Цоликаури, Хихви, Цицика, Чинури и др.)»[254]. Большое значение имеют и абхазские материалы по истории виноградарства и виноделия. Так, например, интересен следующий факт: «В 1927 г. при устройстве колодца на усадьбе крестьянина Г. Джинджуа в с. Лыхны (1,5 км от г. Гудауты) на глубине 7–15 метров был обнаружен ствол крупного орехового дерева, обвитый виноградной лозой, находившийся в грунте вертикально. Такое глубокое залегание этого дерева свидетельствует об очень давней, тысячелетней культуре грецкого ореха и винограда в Абхазии»[255].

---

[252] Пиотровский Б. Б. Археология Закавказья. – Л., 1949. С. 71.

[253] Пиотровский Б. Б. Ванское царство (Урарту). – М., 1959. С. 142–146.

[254] Кецховели Н., Рамишвили М., Табидзе Д. Ампелография Грузии. – Тбилиси, 1960. С. 55.

[255] Хашба Л. Х. Культура грецкого ореха в Абхазии. – Сухуми, 1959. С. 8–9. Согласно Википедии, территория Абхазии является «второй после Ближнего Востока областью, где обнаружены следы древней цивилизации, знакомой с виноделием. Об этом свидетельствуют археологические наход-

Из археологических находок, свидетельствующих о глубоких корнях абхазского виноделия, самой знаменитой является антропоморфная бронзовая статуэтка «винопийцы» и бронзовый ритон из Бамбор позднебронзовой эпохи[256]. Изображение «винопийцы» представляет собой мужчину, полусидящего-полулежащего на интересном приспособлении, состоящем из полусферического ложа с неровным краем, к которому на изгибе прикреплены трапецевидные пластины, расходящиеся под углом в 45 градусов. На удлиненной шее расположено крепление для подвешивания статуэтки на ажурную бронзовую подвеску. Туловище практически закрыто огромным рогом, идущим по диагонали от головы, спускающимся к туловищу до пояса и загнутым влево. Мужчина сжимает рог (абх. *аԥатԥхь*)[257] в руках[258]. Традиция пить вино из рога *аԥатԥхь* сохранилась и считается почетной у абхазов и в настоящее время.

Ценные сведения о древней истории развития местного виноградарства были получены при раскопках территории набережной у Сухумской крепости. В слое, относящемся к III–II вв. до н. э., были найдены виноградные косточки, которые принадлежали древнейшему местному сорту винограда *акачич* [259] (на-

---

ки – кувшины с остатками виноградных косточек, найденные в дольменах III–II тысячелетий до н. э.». Нам неизвестно, откуда взяты эти сведения. Они не подтверждаются и археологами, по данным которых в дольменах остатки винограда не были выявлены.

[256] Лукин А. Л. Материалы по археологии Бзыбской Абхазии // Эрмитаж, Ленинград, отдел истории первобытной культуры. Труды. – Л., 1941. Т. 1. С. 19, 68.

[257] Следует отметить, что термином «цатхи» грузины называют иглу для вязания сетей (Чубинов (Чубинашвили) Д. И. Грузино-русский словарь... С. 1294).

[258] Подробное описание фигуры «винопийцы» см.: Брилева О. А. Антропоморфная пластика из Бамборского клада. Новый взгляд // Первая Абхазская Международная археологическая конференция. Посвящена памяти Ю. Н. Воронова. – Сухум, 2006. С. 125–129.

[259] Апакидзе А. М., Лордкипанидзе О. Д. Новые материалы к археоло-

звание получил от имени абхаза Качича). К этому же периоду относятся выявленные на территории древнего Сухума садовые ножи, «с помощью которых обрезали виноградные лозы»[260]. Семена винограда были найдены и в слое Эшерского городища[261].

В начале греческой колонизации территории древней Абхазии местное население уже занималось выращиванием винограда, но количество сортов было ограниченным. По аналогии с другими регионами древнегреческой колонизации Черноморского побережья можно предполагать, что аборигенные сорта, адаптированные к местным условиям выращивания, а также применяемые технологии не обеспечивали получение вин, достигающих качества греческих, из-за чего греческие вина пользовались большим спросом, являясь одной из составляющих торговли. С появлением в регионе греческих поселенцев, как и в других областях Причерноморья, на территории древней Абхазии был внедрен ряд сортов из привезенных греками, которые адаптировались к местным условиям выращивания или породили, в результате скрещиваний с местными сортами, новые сорта.

Если до начала эллинизма виноградарство не играло заметной роли в хозяйственной жизни древних абхазов, то в IV в. до н. э. виноградарство в Диоскуриаде, как полагает Ю. Н. Воронов, было поставлено на промышленную основу, с чем, вероятно, связано и начавшееся здесь в этот же период массовое производство амфорной тары[262]. В данном случае Ю. Н. Воронов, видимо, имел в виду то обстоятельство, что с приходом греков вино у абхазов приобретает товарный характер.

Особую роль в этом контексте играет диоскурийская тарная посуда, которая начинает производиться с IV в. до н. э. Тот факт,

---

гии Диоскурии – Себастополиса // Труды АИЯЛИ. Сухуми, 1963. Т. XXXIII–XXXIV. С. 222.

[260] Шамба Г. К. Древний Сухум... С. 43.

[261] Там же.

[262] См.: Воронов Ю. Н. Научные труды. – Сухум, 2006. Том I. С. 133.

что на диоскурийских амфорах ставили клейма с указанием названия города, от имени которого они выпускались, говорит о том, что продукты, и в первую очередь вино, изготовленное жителями древнего Сухума, были рассчитаны на вывоз далеко за его пределы. То же самое можно сказать и по отношению к другим амфорам из местной глины со своеобразными клеймами (граффити) из Эшерского городища [263].

Это подтверждается находками диоскурийской тарной керамики, в частности, на античном городище Китее (на западном берегу Керченского пролива), где были выявлены диоскурийские амфоры[264]. От общего числа амфор, поступавших в Китей, по материалам раскопок до 1995 г., эти амфоры составляют около 2,5 % [265]. Поступление в Китей диоскурийской керамической продукции с вином началось с середины IV в. до н. э., то есть с самого начала производства в Диоскуриаде данного вида керамической тары. Вызывает интерес сопоставление находок диоскурийских амфор на разных раскопах города. Если основная масса амфорной тары ведущих греческих центров концентрируется в центральном комплексном святилище города, то диоскурийские амфоры распространены более или менее равномерно по всей площади жилых районов Китея[266]. Очевидно, это объясняется тем, что вино из древней Абхазии для боспорцев было повседневным продуктом питания, а не напитком для торжественных или праздничных случаев.

Существуют и другие археологические свидетельства об экспорте вина с территории древней Абхазии в Северное Причерно-

---

[263] См.: Шамба Г. К. Культура племен Абхазии в первом тысячелетии до н. э. ... С. 15–16. См. также: Шамба Г. К., Джопуа А. И. Керамическая печь в поселке Гуандра // Журнал литературы, науки и публицистики. – Сухум, 2006. № 1. С. 321–325.

[264] Молев Е. А., Молева Н. В. Кавказские находки в материалах Китейской экспедиции // Первая Абхазская Международная археологическая конференция. – Сухум, 2006. С. 253–254.

[265] Там же. С. 255.

[266] Там же.

морье. В частности, находки в курганных погребениях скифского времени, расположенных в лесостепной зоне между Днепром и Доном, обнаружены античные колхидские амфоры[267]. Подобные находки согласуются с достоверными сведениями Геродота о значении вина в быту и социальной практике скифских воинов[268].

Таким образом, с появлением греков виноделие у абхазов становится широко развитым товарным призводством. Следует добавить и то, что развитие товарного виноградарства, т. е. выведение долговременной и требующей постоянной заботы культуры, могло сложиться, во-первых, лишь в условиях спокойствия и политической стабильности в стране и, во-вторых, существования надежного и рассчитанного на перспективу рынка сбыта продукции.

Из этого можно заключить, что такая существенная и, очевидно, доминирующая в древней Абхазии отрасль земледельческого хозяйства, как виноградарство и виноделие, в значительной мере находилось в зависимости от торговли, и это обстоятельство не могло не оказывать влияния на экономическое положение населения.

Некоторые авторы, со ссылкой на С. Н. Джанашиа и А. М. Апакидзе, считают, что в эллинистическую эпоху в Восточном Причерноморье в виноградарстве, виноделии и в производстве пифосов имело место широкое применение рабского труда[269]. Следует однако заметить, что на территории древней Абхазии рабов было очень мало, что можно объяснить отсутствием са-

---

[267] Безматерных А. Е. Античный керамический импорт в курганах скифского времени Днепро-Донского лесостепного междуречья: греческие амфоры. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. – Воронеж, 2006. С. 16, 20.

[268] См.: Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. – М., 1982. 455 с.

[269] Кахидзе А. Ю. Восточное Причерноморье в античную эпоху (VI–I вв. до н. э.). Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. докт. ист. наук. – Тбилиси, 1981. С. 45, 49.

мой рабовладельческой системы. И в Средние века на территории Абхазии эксплуатация рабов не имела производственного значения, чем и объясняется их экспорт отсюда. По материалам XIX в. можно судить о том, что многие зажиточные крестьяне использовали в хозяйстве труд домашних рабов. Однако в садоводстве абхазов (как и в земледелии в целом) труд рабов использовался очень мало (меньше, чем в ремесленном производстве). Это объяснялось тем, что уход за виноградниками и другими плодовыми деревьями требовал особых знаний и умений. Поэтому садоводы не доверяли рабу, который мог из-за небрежного отношения или отсутствия знаний повредить плодовые деревья.

На основании археологических и фольклорных материалов устанавливается, что абхазы из виноградных лоз и в позднеантичный период разводили главным образом *акачич*. Новые находки того же вида винограда были выявлены в культурном слое III–IV вв. римской крепости Себастополис[270]. Это свидетельствует и о том, что местное вино потребляли римские солдаты, дислоцировавшиеся в Себастополисе-Сухуме. На данный факт указывает и преобладание среди амфорного материала Себастополиса фрагментов амфор местного производства[271], в которых вино доставлялось в крепость. Среди керамического материала Сухумской крепости был выявлен и обломок стенки красноглиняного кувшинчика с рельефным изображением птицы и виноградных листьев и гроздьев[272], что, несомненно, указывает на культ винограда среди древнеабхазского населения.

Со своей стороны римляне, имевшие большие традиции виноделия (в основном заимствованные из греческого опыта), могли способствовать развитию местного виноделия[273], так как

---

[270] Воронов Ю. Н. Тайна Цебельдинской долины... С. 57.

[271] См.: Габелия А. Н. Абхазия в предантичную и античную эпохи... С. 433–436.

[272] Апакидзе А. М., Лордкипанидзе О. Д. Новые материалы к археологии Диоскурии – Себастополиса... С. 220.

[273] Римская традиция изготовления вина оказала глубокое влияние на

известно, что они прилагали значительные усилия, чтобы распространить виноградарство по всей империи. Наряду с этим есть сведения о том, что «ароматные вина, сделанные из аборигенных сортов винограда», из позднеантичного Сухума поставляли в Рим[274]. Сказанное может иметь подтверждение в том, что в Риме употреблялось как местное, так и привозное, в том числе из северовосточного Причерноморья, вино.

Употребление вина, судя по имеющимся свидетельствам письменных источников поздней античности, относящимся к Западному Закавказью, нередко (а, скорее всего, очень часто) превращалось в его злоупотребление. Свое влияние на культуру винопития местного населения должны были оказать и контакты жителей Колхиды с римлянами и византийцами. В связи с этим в источниках сохранились интересные описания нравов позднеримского общества. Римский историк Евнапий Сардийский (ок. 347 – ок. 420 гг. н. э.), рассказывая о начальнике телохранителей из местного населения (привлекались на службу в византийскую армию), отмечал, что этот человек «пил вина больше, нежели мог вместить, но все-таки его желудок, благодаря привычке и сильным, свойственным юности, телесным упражнениям, все переносил... Выпив или не выпив, он всегда был пьян, но умел скрывать свое опьянение: хотя и ходил шатаясь, но старался не падать... и удерживался на ногах. Он был царского рода, настоящий колх из живущих выше Фасиса...»[275]. Из этого свидетельства можно полагать, что в потреблении вина между местными жителями, очевидно, теми из них, которые служили в римской крепости Фасис и римлянами, включая легионеров, стоявших в этом укреплении, существенных отличий

историю основных винодельческих регионов Франции, Германии, Италии, Португалии и Испании.

[274] См.: Авидзба В. Б. Посадим лозу абхазского винограда // Газ. «Республика Абхазия». 2011. № 63. С. 2.

[275] Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1947–1949. С. 600.

не наблюдалось, поскольку сами римляне пили вино в больших количествах[276]. Сообщения об употреблений жителями долины Риони (Фасиса) вина сверх нормы встречаются и в источниках позднего Средневековья и Нового времени, о чем будет сказано ниже.

Историко-археологические материалы, относящиеся к периоду поздней античности, дают возможность проследить различные направления экономического развития древних абхазов. Показателен тот факт, что в V в. в Цебельде стали выпускать амфоры, которые предназначались специально для морских перевозок[277]. Эти амфоры были приспособлены и для вьючной транспортировки на Северный Кавказ, что является единственным в Причерноморье случаем такого рода[278].

Начиная с эллинистической эпохи импорт на Абхазское побережье «массовых продуктов», в первую очередь вина, не играл сколько-нибудь важной роли (в отличие, например, от меотских племен Прикубанья, где в первой и третьей четверти IV в. до н. э. значительное по объему место занимал ввоз гераклейского и синопского вина)[279]. Вероятно, это было следствием того, что древняя Абхазия обладала достаточно развитым производством данного продукта.

С распространением христианства среди местного населения вино становится предметом обряда – его используют для

---

[276] Римляне вино обычно разбавляли водой, при этом очень крепким считалось вино, разбавленное наполовину; если же стремились к опьянению, то вино не разбавляли.

[277] Бгажба О. Х., Лакоба С. З. История Абхазии. С древнейших времен до наших дней. – Сухум, 2006. С. 87.

[278] История Абхазии. – Сухум, 1991. С. 47.

[279] Античные государства Северного Причерноморья. – М., 1984. С. 178; Улитин В. В. Торговые связи меотских племен Прикубанья с античным миром в конце VII – первой половине I в. до н. э. (По материалам греческой керамической тары) // Первая Абхазская Международная археологическая конференция. – Сухум, 2006. С. 335.

причастия. Эти обстоятельства вынуждали церкви и монастыри производить или закупать вино. Вино было обязательным продуктом, которое приносили в пользу церкви в качестве пожертвования. Наряду с хлебом вино являлось неотъемлемой частью ежедневного рациона и священнослужителей, им угощали и путников, останавливавшихся в монастырях, располагавшихся, например, на пролегавших через территорию Абхазии западнокавказских ответвлениях Великого Шелкового пути или в местах, тяготеющих к ним (только на отрезке от Клухорского перевала до Сухума насчитывается более пятидесяти раннесредневековых церквей или церковных руин). Немалое количество потребляемого вина косвенно должно указывать и на большие объемы его производства. Служители церкви сами выращивали виноград. Об этом свидетельствует название одного из сортов винограда у абхазов – *ауахәамажь*[280], т. е. «церковный виноград»: последнее относилось к сорту *акуашьар*, который особенно рос в с. Бедиа[281]. Другим термином, указывающим на занятие священнослужителей виноделием, является *апап-ижь*, что значит «виноград священника»[282]. Можно предполагать, что названные сорта стали культивировать в Абхазии после распространения и принятия

---

[280] Амичба Г. А. Абхазия в эпоху раннего Средневековья (Очерки по истории народного хозяйства и социально-экономических отношений в VI–X вв.)... С. 33.

[281] См.: Авидзба В. Б., Адзинба Ю. Д. Абхазские аборигенные сорта винограда. – Сухум, 2013. С. 18. Трудно сказать, об этом ли сорте винограда идет речь, но в литературе имеется описание виноградной лозы именно из с. Бедиа, которая цвела в феврале или в марте, а в конце апреля или в начале мая давала «совершенно зрелые плоды» (См.: Мачавариани К. Д. Абхазские вина // Газ. «Кутаисские губернские ведомости». 1888. № 124).

[282] Джанашиа Б. П. Абхазская лексика виноградарства и виноделия... Приложение. В данном случае можно вспомнить и сообщение К. Д. Мачавариани о том, что виноградные лозы покрывали старинные каменные церкви Абхазии (Цит. по: Бигуаа Вяч. Абхазское виноделие // Журн. «Эхо Кавказа». – М., 1992. № 1. С. 48).

христианства, появления церковного хозяйства, в том числе виноградников (с винодельнями, легкими постройками, в которых обрабатывали виноград, получая вино). В дополнение к упомянутым фактам о занятиях священнослужителей производством вина следует отметить обнаружение археологами в упомянутом с. Бедиа (в юго-западном конце Бедийского плато, влево от тропы, идущей от Патрахуцской дороги к Бедийскому храму) давильни для винограда, которая была выдолблена в скале[283]. По детальному описанию винодельни, сделанной М. М. Трапшем, давильня внутри имела размеры 5,84 х 1,35 м, глубину у восточного края – 1,08 м, в середине – 0,52 м и у слива – 0,2 м. Вдоль всего дна посередине был продолблен желоб шириной 15 м и глубиной до 5 см (у края), который заканчивался соскообразным сливом, выступавшим на 6 см. На 50 см ниже слива находилась ровная каменная плита. Отсюда в 5 м к западу в обрыве скалы имелась выемка в виде помещения, очевидно, для вина, на площади которого в 5 м от слива в земле располагались обломки керамики от пифоса[284]. Множество керамической тары для вина (среди которой был найден фрагмент с желтой поливой) было обнаружено на всей территории расположения бедийской виноградодавильни[285]. Тот факт, что винодельня была вырублена в скале, сам по себе предполагает прочность и длительность использования ее в производстве.

Широкое распространение виноделия в Абхазии доказывается и выявленной внутри крепостного сооружения Цибилиум давильней в помещении VI–VII вв., служившем винным складом. Оно было перекрыто цемянкой, которая предназначалась для сохранения вина в постоянной прохладе. Там же найдено около 20 врытых в землю пифосов местного производства[286].

---

[283] Трапш М. М. Труды. – Сухум, 2021. В пяти томах. Том IV. С. 212–213.

[284] Там же. С. 213.

[285] Там же.

[286] Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х. Главная крепость Апсилии... С. 37–38.

В художественно-архитектурном решении небольшой зальной церкви в той же крепости Цибилиум, изображение винограда было использовано в качестве орнаментального украшения. Об этом можно судить по орнаментации капители VI–VII вв., на одной стороне которой изображен равноконечный крест в круге, на второй нанесена виноградная лоза, произрастающая из сосуда (представлен в виде полукруга), на третьей – лоза в сочетании с равноконечным крестом, на четвертой – голубь, клюющий виноград, и голова быка[287]. Этот репертуар капители обнаруживает очень близкое сходство с плитами и фрагментами из пос. Мрамба[288]. Описанные скульптурные памятники являются привозными, однако они отбирались, надо полагать, с учетом потребностей и особенностей страны предназначения, т. е. «заказчика». Украшение раннехристианских памятников лозой, видимо, хорошо сочеталось с реально развитым натуральным виноградарством в Абхазии. Высказанное мнение отчасти подтверждают также некоторые другие изображения на памятниках раннехристианской скульптуры Абхазии. Так, на плите из храма, расположенного на р. Басла (Беслетка) изображена виноградная гроздь в высоком рельефе, по обеим сторонам – ветви с отогнутыми, узкими, плотно расположенными листьями. По мнению Л. Г. Хрушковой, данный растительный мотив имитирует изображение пальмы, символика которой связана с традиционным кругом представлений о рае и бессмертии[289]. Нужно полагать, что замена традиционной в византийско-христианском мире символики пальмы лозой подтверждает влияние виноградарства на сельское хозяйство, развитость культа виноградной лозы, ставшей символом идеологии раннесредневековой Абхазии.

---

[287] См.: Хрушкова Л. Г. Скульптура раннесредневековой Абхазии. V–X века. – Тбилиси, 1980. С. 36–37.

[288] Там же.

[289] Там же.

В народной традиции абхазов сохранились материалы (приветственные, молитвенные формулы и т. д.), свидетельствующие о культе виноградной лозы (в связи с этим важен, например, и древний термин «акэаца» – для обозначения виноградника и вообще фруктового сада, который во множестве зафиксирован в различных пунктах Абхазии). Следует также сказать о сохранившихся в бытовой культуре абхазов представлениях о листьях, стеблях и коре винограда, как обладающими лечебными свойствами и другими положительными качествами (лечебные свойства винограда абхазы использовали против ангины, кровотечений, как слабительное, мочегонное, отхаркивающее и общеукрепляющее средство).

Эти материалы, наряду с изображением лозы и гроздей винограда на отмеченных выше раннехристианских памятниках архитектуры Абхазии, по мнению Г. А. Амичба, дают основание предположить, что в раннем Средневековье в Абхазии кресты делались из виноградной лозы[290]. Хотя в качестве главных символов поклонения абхазы изготовляли в основном Т-образные деревянные кресты из дуба (*адж*), предположение Г. А. Амичба вполне допустимо с учетом наличия у древних и средневековых абхазов культа виноградной лозы. В целом же, полезное значение виноградарства в хозяйственной жизни абхазов находило свое отражение в почитании этой культуры.

В период Абхазского царства виноградарству, как интенсивной отрасли хозяйства, уделялось особое внимание[291], тем более что к винным регионам страны добавилась область Мохириси в районе Кутаиса с развитым виноделием (последняя в VIII в. была включена в состав Абхазского царства). Еще Прокопий Кесарийский сообщал, что в этой области было развито вино-

[290] Амичба Г. А. Абхазия в эпоху раннего Средневековья (Очерки по истории народного хозяйства и социально-экономических отношений в VI–X вв.)... С. 30.

[291] Очерки истории Абхазской АССР. – Сухуми, 1960. Ч. I. С. 50.

делие[292], чего не наблюдалось «нигде в остальной Лазике»[293] (развитие виноградарства не прекращалось и в период турецкого господства как в Абхазии[294], так и, например, в Юго-Восточной Грузии, поскольку определенное место оно занимало и в самой Турции)[295]. В этом отношении укажем на концентрацию на территории исторической Апсилии, в частности в сел. Атара, огромного количества высококачественной керамической продукции[296]. Вырабатываемая ремесленниками Атары продукция всегда пользовалась постоянным и притом большим спросом на рынке, но вывоз ее за границу, по мнению М. М. Гунба, был незначительным[297]. В таком случае можно полагать, что значительная часть керамической продукции в период существования царства предназначалась для вывоза вина, поскольку изготовление амфор развивается только с наступлением известного экономического благосостояния, делающего возможным экспорт сельскохозяйственных продуктов, а в данном случае вина (оно экспортировалось в амфорах больших размеров: емкость одной из таких амфор могла достигать 200–300 литров)[298].

---

[292] Георгика. – Тбилиси, 1936. Т. III. С. 194.

[293] Цит.по: Гунба М. М. Абхазия в первом тысячелетии н. э. ... С. 60.

[294] Сообщения средневековых грузинских письменных источников об Абхазии. Тексты собрал, перевел на русский язык, предисловием и комментариями снабдил Г. А. Амичба. –Сухуми, 1986. С. 77; Чанба Р. К. Земледелие в дореволюционной Абхазии (XIX – нач. XX вв.). Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук... С. 8.

[295] Робакидзе А. И. Традиционные формы поселения в Аджарии // Очерки этнографии Аджарии. – Тбилиси, 1982. С. 3–37. Следует подчеркнуть, что, по данным 1956 г., Турция по площади виноградников и производству вина занимала четвертое место в мире – после Италии, Испании и Франции (См.: Неделчев Н., Кондарев М. Виноградарство... С. 7).

[296] Гунба М. М. Атарские гончарные печи. – Тбилиси, 1985. С. 43, 52–53. Его же. Абхазия во II тысячелетии нашей эры (XI–XIII вв.)... С. 20.

[297] Гунба М. М. Атарские гончарные печи... С. 43, 52–53.

[298] Там же. С. 11, 20–22. Само производство керамических изделий было сложным процессом. Каждую гончарную печь, видимо, обслуживала большая группа ремесленников, которые, в свою очередь, делились на подгруп-

Для хранения и перевозки продуктов, главным образом вина, использовались, например, и желобчатые амфорные сосуды северокавказского происхождения, найденные в слоях VII–X вв. Анакопийской крепости[299].

К периоду X–XIV вв. относятся обнаруженные в крепостном дворе замка Баграта три погреба с большими глиняными кувшинами[300], предназначенными для хранения продовольственных запасов, главным образом вина и воды, в чем особенно нуждалось население крепости во время ее неоднократных осад противником (об этом говорит значительное количество разновременных наконечников стрел, обнаруженных с наружной стороны крепости). Один из погребов с 19 кувшинами был устроен вблизи стены у восточной башни. Другой с восемью кувшинами находился у обрыва крепостного двора. Третий с тремя кувшинами был расположен рядом со стеной у западной башни. Эти сосуды, в отличие от сосудов из других погребов, были залиты известковым раствором и обложены сцементированными камнями[301]. Нужно сказать, что в замке Баграта во время нападений врагов на средневековый Сухум укрывалась привилегированная часть абхазского населения.

Виноделие в Абхазии, судя по всем имеющимся источникам, достигает расцвета времен античности, в период генуэзского присутствия в Абхазии. Итальянцы, как и греки в древности, поддерживали виноделие на высоком уровне. Поэтому не случаен тот факт, что именно при генуэзцах в XIV–XV вв. Севастополис стал известен как крупный экспортер вина; его вывозили,

---

пы: одни занимались замесом глины, другие – формовкой сосудов, третьи – обжигом керамических изделий, четвертые – заготовкой топлива и т. д. Первые три занятия требовали высокой квалификации. Заготовкой же топлива могли заниматься наемные крестьяне.

[299] Трапш М. М. Труды. – Сухуми, 1975. Т. IV. С. 139.

[300] Трапш М. М. Труды. – Сухум, 2021. В пяти томах. Том IV. С. 186.

[301] Там же.

например, в Золотую Орду (Тану, близ устья Дона)[302] и Кафу. Так, в 1371 г. в той же Кафе был введен специальный налог на ввоз вин из Турции и Севастополиса. А в 1425 г. компания купцов из Севастополиса была освобождена от налогов за привезенное вино[303]. Эти данные, несомненно, говорят о том, что абхазы и в указанное время широко занимались виноградарством. А сами генуэзцы в Абхазии, как известно, нет.

Несмотря на имеющиеся очевидные факты, некоторые грузинские авторы стремятся показать отсталость абхазов в области виноделия. Со ссылками на средневековых иностранных авторов, и в частности на Дж. Лукку, грузинские историки пишут, что в XVII в. абхазы еще довольствовались только вином из меда[304]. При этом совершенно игнорируется сообщение того же Дж. Лукки о том, что абхазы изготовляют вино в большом количестве. Авторы XVII, XVIII, а также XIX вв., касавшиеся интересующего нас вопроса (хотя и не дают конкретных данных, например, о размерах площадей под виноградниками и о сортовом составе винограда), одинаково утверждают, что на всей территории Абхазии роскошно произрастал виноград, который имел широкое распространение в стране. К тому же почти все наблюдатели отмечали очень хорошее качество абхазских вин[305]. То, что утверждения грузинских авторов об отсталости

---

[302] Масловский А. Хронология импорта тарной керамики в Золотоордынский город Азака (Тану) в XIII–XV вв. // Первая Абхазская Международная археологическая конференция. – Сухум, 2006. С. 247–249.

[303] Карпов С. П. Торговля итальянских республик в Южном Причерноморье в XIII–XV вв. Дисс. на соиск. уч.ст. докт. ист. наук. – М., 1987. С. 93.

[304] Мамиствалишвили Э. Из истории Черноморского побережья Грузии // Газ. « Народное образование». 1989 г.

[305] Из авторов, писавших о развитии виноградарства и виноделия у абхазов в XVIII–XIX вв. см.: Вахушти. География Грузии. – Тбилиси, 1941. С. 171 (на груз. яз.); Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. – М., 1823. Ч. I. С. 326; Дюбуа де Монпере Фредерик. Путешествие вокруг Кавказа. – Сухуми, 1937. Т. I. С. 135; Торнау Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера. – М., 1864. С. 37; Дубровин Н. История

абхазов в сфере производства вина не соответствуют истине, подтверждается исследователем виноградарства и виноделия в Северо-Восточном Причерноморье А. П. Степанченко. По его данным, начиная с XVI и вплоть до конца XVIII в. в отмеченном регионе Причерноморья происходит угасание старых центров виноделия (основанных на античных греческих традициях) и формирование (в начале XVII в.) новых в узкой прибрежной полосе Черноморского побережья, которые характеризуются «сильным влиянием абхазских и грузинских винодельческих традиций»[306].

В исследовании данной проблемы большую ценность представляют археологические материалы из Западной Грузии, где в 60-х гг. XX в., как пишет историк Р. Гожба, обнаружили при раскопках пифос, на дне которого сохранился сгусток высохшего вина. Пифос осторожно вырыли и достали сгусток. Там сохранились зерна. Их высадили, некоторые из них взошли. Затем стали искать аналог древней лозы. И единственное место, где была обнаружена подобная лоза — это с. Звандрипш (ставшее впоследствии его поселком Акуаскямце (Амлахо), в Бзыбской Абхазии)[307]. Кстати, отметим, что наряду со Звандрипшем виноград, как всегда считали абхазы, в Бзыбской части Абхазии лучше всего также произрастал в сс. Хуап, Джирхуа, Лыхны, Ачандара Мгудзырхуа, Апцхэы. В Центральной и Восточной Абхазии виноград хорошо произрастал в Цабале, Абжакуа, Адзюбже, Члоу, Джгиарде и других местах.

войны и владычества русских на Кавказе. – СПб., 1871. Т. 1. Кн. 2. С. 6–7; Чернявский В. Плоды Абхазии, Джигетии и Мингрелии, дикорастущие и полукультурные // Вестник императорского Российского общества садоводства. – СПб., 1877. С. 77–78, и др.

[306] См.: Степанченко А. П. Развитие виноградарства и виноделия в Северо-Восточном Причерноморье (II в. до н. э. – середина XIX в.). Дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. –Краснодар, 2016. 261 с.

[307] Агуажба Р. О виноделии и традициях застолья у абхазов // Журн. «Абаза». 2015 г. № 2. С. 80.

Поселок Акуаскямца, о котором шла речь выше, являлся одним из основных, в котором делали вино для владетельского стола. Этим занимались крестьяне Амаба, проживавшие в том же поселке. Они отвечали за качество вина, подаваемого к столу владетеля. В указанном поселке владетель имел 35 дес. виноградных и фруктовых садов. Здесь был устроен «винокуренный» и винные погреба, вмещавшие до 350 штук 25-ведерных кувшинов[308]. Много вина расходовалось на свадьбах и иных праздниках владетельного князя и других феодальных особ. По свидетельству А. В. Пахомова, удельный князь Дмитрий Чачба (Шервашидзе) получал до 3 тыс. ведер вина и все это почти «расходовалось на домашнее потребление, угощение гостей», которых в доме князя нередко бывало около 60 чел., да столько же его свиты[309].

Абхазы издавна разводили, как сказано, главным образом виноград сорта «качич». Между тем, во второй половине XIX в. разными авторами было зафиксировано несколько десятков сортов абхазского винограда. В середине XX в. Б. П. Джанашиа учтено до 60 названий сортов, а также варианты некоторых из них[310]. Ш. Д. Инал-ипа перечисляет 61 сорт абхазского винограда, а также дает сжатую их характеристику[311].

---

[308] См.: Материалы и записки по вопросу о владетельских и имущественных правах потомков светлейшего князя Михаила Шервашидзе, последнего владетеля Абхазии. Веден. 1913. С. 7–9. Утвержденный Александром I 17 февраля 1810 года. Текст документа: I. ПСЗРИ. – СПб., 1830. Т. X; ССКГ. 1872. Вып.VI. Отд. III. С. 23.

[309] Цит. по: Дзидзария Г. А. Труды. – Сухуми, 1988. Книга I. С. 234.

[310] Джанашиа Б. П. Абхазская лексика виноградарства и виноделия... Приложение.

[311] Инал-ипа Ш. Д. Из истории виноградарства и виноделия в Абхазии. Рукопись. 1962–1963 гг. С. 11–21. См. также: Агуажба Р. О виноделии и традициях застолья у абхазов... С. 87–88. В книге В. Б. Авидзба и Ю. Д. Адзинба «Абхазские аборигенные сорта винограда» дается описание сорока одного абхазских аборигенных сортов винограда (Авидзба В. Б. Адзинба Ю. Д.. Абхазские аборигенные сорта винограда... С. 16, 21–150).

Переходя к самой краткой характеристике сортов винограда, нужно, прежде всего, отметить поражающее обилие различных видов этой культуры в Абхазии. Древностью культуры винограда и важным ее значением в земледелии и хозяйственной жизни абхазов объясняется очевидное многообразие абхазской лексики по виноградарству и виноделию при исключительном богатстве терминов, связанных с классификацией вин, болезнями вина и т. п.[312].

В то же время действительно выявлено очень большое число четко выраженных местных, включая эндемичные разновидности винограда. Как отмечают специалисты, в отдельных случаях в лесах находятся вполне развитые лозы, развивающиеся без всякой помощи со стороны человека. Так, в конце XIX в. дикий виноград был отмечен Н. М. Альбовым в лесах между Гудаутами и Гаграми, по долине р. Кодор до 450–750 м над уровнем моря. В 1930-х гг. А. В. Васильев сообщал, что дикий виноград сохранялся еще кое-где лишь спародически[313].

Местные сорта встречаются уже по преимуществу единичными экземплярами, за исключением разве «качича» и «ауасырхуа», насаждения которых имеются еще в селах Ачандара и некоторых других местах.

Перечень сортов абхазского винограда начнем с тех видов, которые в той или иной степени, хотя бы единичными экземплярами, кое-где еще сохранялись в 60-х гг. XX столетия. Таких сортов в указанное время оставалось не многим более одного десятка. Эти сорта следующие:

Качич (качичыжь, ажькачич и др.), виноград Качича, ягоды черные (по описанию Н. М. Альбова, «качич темнокрасный

---

[312] Подробнее см.: Джанашиа Б. П. Абхазская лексика виноградарства и виноделия... Приложение; Бигуаа В. Л. Виноградарство... С. 137–138. См. также: Клычев Р. Н. О старом названии вина в абазинском языке // Вопросы абазинской и адыгской филологии. – Ставрополь, 1974. Вып. II. С. 18–22.

[313] Васильев А. В. Дикорастущие плодовые и пищевые древесные породы Абхазии. – Сухуми, 1938. С. 135.

сорт с овально-кругловатыми ягодами»)[314]. Вино из сорта «качич» в 1893 г. было удостоено серебряной медали на юбилейной выставке в Тифлисе[315]. Полагают, что виноград сорта «качыч» могли культивировать в древней Колхиде с давних времен под другим названием и лишь во второй половине XIX в. сорт стал известен под названием «качич» и распространился почти повсеместно в районах Абхазии[316] и отчасти Мегрелии.

Ачкык, ачкыкажь, черный виноград, крупный, название в дословном переводе означает «сосок кобылы». Встречается в Абхазии единичными лозами на высокоствольных деревьях, а также был в коллекционных посадках Гудаутского опорного пункта[317].

Атэыжь, черный, означает «полный», «наполненный виноград», т. е. дающий крупные ягоды.

Атыркуажь, букв. «турецкий виноград», белый. Считается местным абхазским сортом, хотя, судя по названию, возможно, завезен из Турции[318].

Папын-ижь (апапыныжь), черный виноград, от имени человека.

Ауасархуа (ауасырхуажь), белый виноград, употребляется как столовый, так же и для вина. От названия поселка в с. Ачандара (в переводе с абх. «ауасархуа» означает «предгорье, где пасутся бараны»). В 1893 г. ауасархуа был удостоен серебряной медали на выставке в Тифлисе. На Всероссийской сельскохо-

---

[314] Альбов Н. М. Состояние садоводства в Абхазии// Из «Записок императорского общества сельского хозяйства Южной Россий». – Одесса, 1892. № 3. С. 19.

[315] См.: Герман В. Виноградарство и виноделие в Сухумском округе // ЧСХ. Цит. по: Инал-ипа Ш. Д. Из истории виноградарства и виноделия в Абхазии… С. 13.

[316] Авидзба В. Б. Адзинба Ю. Д. Абхазские аборигенные сорта винограда... С. 43.

[317] Там же. С. 103.

[318] Чамагуа Е. И. Виноград Абхазии... С. 129.

зяйственной выставке в 1923 г. (Москва) вино ауасархуа урожая 1909 г. из с. Гулрыпш получило следующую оценку: «чистое в блеском, темно-золотистое, с фруктовым букетом, гармоничное, с достаточной полнотой, тип южного столового вина с большим содержанием спирта и малой свежестью». Недостаток свежести в вине объясняется поздним сбором винограда, но наряду с этим специалисты отмечают и особые метеорологические условия года, так как вообще вино ауасархуа отличается повышенной кислотностью. Основным очагом произрастания сорта был Гудаутский район (сс. Дурипш, Ачандара и Куланырхуа), где ауасархуа возделывался сплошными насаждениями[319]. Специалисты также отмечают, что производство сортов винограда «ауасархуа» и «качич» является наиболее экономически выгодным[320].

Бабыл, виноград темного цвета.

Амлаху, темно-розовый виноград (по описанию Н. М. Альбова, амлаху – «розовый виноград с продолговатыми ягодами, одна сторона которых янтарного цвета, другая – немного темнее»)[321]. По сведениям К. Д. Мачавариани, абхазы говорят, что виноград «амлаху» вывезен из имения грузинских князей Амилахвари[322]; виноград прижился в Абхазии и позднее был назван ими в честь того же князя[323]. Этот древний сорт винограда, отмечает со своей стороны Е. И. Чамагуа, «иногда безо всякого

---

[319] Биологическое описание сорта винограда «Ауасархуа» см.: Авидзба В. Б., Адзинба Ю. Д. Абхазские аборигенные сорта винограда... С. 21

[320] См.: Айба В. Ш., Трошин Л. П., Кравченко П. В. Изучение аборигенных сортов винограда Абхазии // Научный журнал КубГАУ. 2014. № 104 (10). С. 21.

[321] Альбов Н. М. Состояние садоводства в Абхазии... С. 19.

[322] Мачавариани К. Д. Абхазские вина // Газ. «Кутаисские губернские ведомости». 1888. № 124.

[323] Бахия-Окруашвили С. И. Этнологическая интерпретация историко-культурных особенностей Абхазии // Очерки из истории Грузии. Абхазия с древнейших времен до наших дней... С. 77.

на то основания называют Амилохвари», что противоречит лексическим требованиям абхазского языка[324]. Название «амлаху» состоит из «амла» (голод) и «ахэы» (еда, пища, доля) и может быть объяснено исходя из абхазского языка как «питательный», «сытный», «утоляющий голод».

Существует и абхазское предание, говорящее о том, почему этот сорт винограда получил такое название. Как-то охотники потерялись в лесу и остались без воды и еды. К тому же их застала непогода. Они случайно набрели на амлаху, который стал для них спасительным «нектаром»[325]. Вино настоящего амлаху, писал В. Чернявский, розовато-золотистое. Российский публицист Ю. Назанский в статье «Сухум и его район», опубликованной в «Экономическом журнале» за 1887 г., «амлаху» из с. Лыхны (наряду с виноградом «Гумский») относил к лучшим абхазским сортам[326]. Амлаху некоторыми знатоками сравнивается с высшими Бордо[327]. Из винограда сорта «амлаху», произраставшего в поселке Акуаскямце (Амлахо), в Бзыбской Абхазии, готовили вино, служившее украшением владетельского стола.

Амгурчал, с черными, мелкими ягодами.

*Агбажь (А*гбыжь*, ахбыжь)*, ягоды черные: часто употреблялся и для окраски других сортов вина. Название, означающее в переводе «пароходный виноград», указывает, может быть, на то, что этот сорт не местный, а привозной,

Абыстажь, совершенно белый виноград, по названию это мамалыжный или просяной виноград.

Акабыл, черный виноград, из него получали очень хорошее вино.

---

[324] Чамагуа Е. И. Виноград Абхазии... С. 9.

[325] Спутник Абхазия. 6 декабря 2022 г.

[326] Шкунов В. Н. Абхазия в системе внешней торговли Российской империи в XIX веке // Журн. «Известия Самарского научного центра РАН». – Самар, 2010. № 2. С. 42.

[327] Чернявский В. Плоды Абхазии, Джигетии и Мингрелии, дикорастущие и полукультурные... С. 78.

Агрыжь, черный, название в переводе может означать «приморский», «прибрежный» «виноград (фамилии) Агрба» (по Б. П. Джанашиа – «мегрельский виноград»).

Амханчкьыр, темнорозовый, давал превосходное вино.

Акмышэтал, белый, из него делали лучшее вино с прелестным ароматом.

Апап-ижь, «виноград попа».

Хуна-лыжь, белый сорт, свое название получил от женщины по имени Хуна.

Ашэаб, черный, давал превосходное вино.

Ацысыжь, темный, «пташечный виноград» с мелкими ягодами, встречался повсюду в Абхазии в диком виде.

Ауасыжь, т. е. «овечий виноград», белый.

Хут-ижь, т. е. виноград по имени некоего Хута, белый. Это был, говорят, любимый сорт бывшего владетеля Абхазии, ему подавали к столу именно этот сорт винограда.

Абааажэжь, т. е. «виноград из старой крепости» или «замковый», «башенный» виноград, сорт белый.

Адзныжь, т. е. «зимний» виноград, поспевал в декабре, сорт белый.

Ажьыцгэоу, т. е. «виноград с длинными ягодами», черный.

Адзырпара, черный; название, указывающее, видимо, на место распространения этого вида, означает «водопад» (в Псырцхе).

Ацымлыжь, т. е. вероятно, виноград некоей женщины по имени Цыма, ягоды черные.

Акуб, черный, совпадает с другим сортом под названием ажьгара.

Ахардан, в Мегрелии «хардан» – такой же сорт, как и предыдущие два, только ягоды его продолговатые.

Амшэкьачыжь, т. е. «виноград короткого медведя», сорт черный.

Ажьиа, поздний сорт, давал вино невысокого качества.

Ацхажь, т. е. «медовый» виноград, красный, поздний, мелкий. Ачемлыжь, т. е. виноград с очень крупными, овальными

тонкокожими ягодами, получивший свое название, возможно, по имени женщины Ачем.

Кямахта, называется так и в Мегрелии, встречался в изобилии повсюду, ягоды зеленовато-белые, безвкусные, вяжущие.

Аклыж, ягоды белые, крупные.

Агашкур, ягоды белые, крупные и очень сладкие.

Ажьапшь, т. е. красный виноград, ягоды розовые, сладкие, об этом сорте В. Чернявский писал: «…превосходный сорт».

Агулаха или *амлархужь*, т. е. «сытный» виноград, или виноград для утоления голода, ягоды белые.

Ажьгра, т. е. «пестрый» виноград с черными, крупными и очень сладкими ягодами.

Ажьеикуацэа, т. е. «черный» виноград; по словам В. Чернявского, «один из наиболее часто выносимых абхазами на продажу».

Ахэыхэжь, т. е. «голубиный», дикий виноград; по описанию проф. Кварацхелия, ягоды мелкие, очень сладкие, мякоти мало, кожица довольно жесткая.

Акушьар, ягоды черные.

Атасрыква, ягоды черные (видимо, по названия пос. в с. Куланырхуа или Абгархук).

Атожера, ягоды красноватые.

Ажьш, ягоды зеленые, вяжущие, не для еды, но давали самое крепкое вино.

Ажишкуата, ягоды белые.

Абаблаш (по В. Чернявскому).

Ханедзия, ягоды рыжевато-красные, вино получалось чрезвычайно крепкое.

Амлахур, ягоды белые.

Ажьшкэакэа, т. е. белый виноград с белыми ягодами средней величины.

Татлыжь, т. е. «виноград Таты» (имя женщины).

Кац-ижь, т. е. «виноград Каца».

Петр-ижь, т. е. «виноград Петра».

Тагэ-ижь, «виноград Тагу».

Хэтын-ижь, «виноград Хутуны» (так звали самурзаканского владетеля середины XVIII в. Хутуниа Шервашидзе).

Ашэыгажь, т. е. «красящий» виноград.

Ажьш или *апсуажь*, т. е. «белый» или «абхазский» виноград, его называли и третьим именем – ауасырхуажь.

Ажьымчыг, по названию поселка с. Лыхны.

Апилакэ, сероватый, ранний сорт.

Ацхурышь, черный мелкозернистый виноград.

Агучырхал, т. е. виноград с мякотью цвета репы.

Акасыжь.

Хупажьыш.

Акасара.

Ажьшата.

Аурысыжь, т. е. «русский» виноград, в Очамчырском районе он известен больше под названием «Ахардан», это американский гибрид «Изабелла», завезенный на Кавказское побережье под названием «Одесса» в 50-х гг. XIX в. Тот самый сорт, который теперь встречается повсеместно в Абхазии и который к концу XIX в. вытеснил, благодаря своим преимуществам, из производственной практики все (или почти все) местные сорта.

Таким образом, еще в начале XX в. в Абхазии находили в одичалом виде десятки эндемичных сортов винограда, дававших прекрасное и вполне характерное вино. Наибольшее промышленное значение имели в первую очередь «качич», «ауасырхуажь», «амлаху», а также «акабил», «агбыжь», «папынижь» и др.

Некоторые абхазские сорта винограда получили распространение в других местах, например, в Грузии. Так, названия ряда сортов винограда Мегрелии, Гурии, Аджарии и других частей Грузии (например, «абхазура», «апхазура», «гудаватари») указывают на их абхазское происхождение. Кроме того, такие на-

звания сортов винограда в Грузии, как «качичи»[328], «апшилури уча», «апшилури» и др.[329], также происходят из Абхазии. Кстати, авторы «Ампелографии Грузии» Н. Кецховели, М. Рамишвили и Д. Табидзе в своем перечне названий сортов винограда Грузии приводят около 50 названий виноградных сортов из Абхазии[330]. Однако в этом труде, как уже отмечалось в литературе, в большинстве случаев искажены лингвистические основы названий абхазских сортов. Некоторые абхазские сорта называются грузинскими словами. Например, сорт «ажьшкэакэа» (по-абхазски «белый виноград»), назван «абхазура тетри» (по-грузински «абхазский белый»). Такая же картина и с сортом «абхазури шави» («абхазский черный» – Ажьеиқэатцәа)[331]. Отметим, что в настоящее время в Грузии, культивируют 11 сортов абхазского винограда.

О высокой значимости виноградарства и виноделия в хозяйстве абхазов свидетельствует, в частности, то, что в абхазском календаре месяц ноябрь именуется «месяцем сбора винограда» – «жьҭаарамза». У абхазов известен и свой Дионис – покровитель виноделия – Нар. Ему было посвящено специальное моление с просьбой о защите во время нахождения на деревьях, во время сбора винограда или других плодов под названием «атцла-ныҳәа»[332]. Вхождение божества Нар в абхазский земледельческий пантеон произошло, очевидно, в период возникно-

---

[328] Макалатия С. История и этнография Мегрелии... С. 189.

[329] Чирикба В. А. Абхазские заимствования в мегрельском языке // Абхазоведение. – Сухум, 2009. Вып. 3. С. 97, 112.

[330] Кецховели Н., Рамишвили М., Табидзе Д. Ампелография Грузии... С. 424–428.

[331] Виноград в Абхазии [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://vinograd.info/stati/arhivy/vinograd-abhazii.html.

[332] Джанашиа Н. С. Статьи по этнографии Абхазии. – Сухуми, 1960. С. 45–46; Чурсин Г. Ф. Материалы по этнографии Абхазии. – Сухуми, 1957. С. 52; Инал-ипа Ш. Д. Труды. В 11 томах. Вопросы этнокультурной истории абхазов. Т. 3. С. 277.

вения самого виноградарства как отрасли хозяйства, а по сути, его формирование восходит к периоду «собирательского» хозяйства[333]. Несомненный интерес вызывает и название вина у абхазов – *аҧы* («перемешанное»). Оно соответствует конечному итогу процесса перемешивания мезги и напоминает известный обычай народов античного мира, с которыми древние абхазы находились в тесных культурных связях, разбавлять вино водой перед употреблением[334]. В связи с этим очевидно родство абхазского названия вина «аюы» с хетт. «вийаны», латин. «винум», греч. «ойнос», финик. «йайн», рус. «вино», груз. «гвино» и других близких к ним вариантов, выступающих в значении «вино»[335]. Н. Я. Марр и Г. В. Церетели предполагали грузинское происхождение данного слова, объясняя это главным образом библейским преданием, в котором говорится о Закавказье как родине виноградарства и виноделия[336]. Однако авторы Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов – грузинское название вина «гвино» (gwino) рассматривают как иноязычный вклад в грузинский язык.

Некоторые лингвисты на основе анализа абхазского названия вина «аҧы» и фонетически близкой к нему реконструированной индоевропеистами его исходной формы wei/uei считают, что неосложненная форма абхазского названия вина «юы» является показателем ее более древнего происхождения по сравнению

---

[333] В связи с именем Нар большой интерес, несомненно, вызывает ближайшее его сходство с именем хеттской богини Инара (Инары) (См.: Иналипа Ш. Д.. Вопросы этнокультурной истории абхазов. – Сухуми, 1976. С. 143). С именем Инары может быть связано и адыгское родовое название «Инароко» («Инарокъуэ – «Инар и къуэ», «сын Инары» (См.: Бетрозов Р. Происхождение и этнокультурные связи адыгов. – Нальчик, 1991. С. 60).

[334] Бигуаа В. Л. Вопросы традиционной религии и бытовой культуры абхазов. – Сухум, 2012. С. 214.

[335] Кварчия В. Е. Из этнической истории абхазского (апсуа//абаза) народа или о языке и истории абхазов и абазин... С. 123.

[336] Там же. С. 124.

с вышеназванными производными вариациями исходного его наименования[337]. Однако слово «вино» все же, очевидно, восходит в финикийскому «йайн», которое с течением времени претерпело определенные изменения. Финикийцы, как известно, разводили виноград и оливы, но главным их занятием была торговля. Они плавали не только по Средиземному, но и по Черному морю. Известно об их торговых и военных контактах с населением Кавказского побережья.

Нужно отметить, что если русское слово «вино», французское «levine», немецкое «wein», английское «wine» происходят от латинского «vinum», которое служит основой и названия «виноград», то абхазский язык для обозначения понятий «виноград» и «вино» использует термины «ажь» и «аҩы», которые, как видно, не имеют ничего общего между собой, так как представлены совершенно различными корнями. Этимология их малопонятная, если не считать ближайшее сходство слова «виноград» со словом, обозначающим мясо, плоть (ажьы), хотя на первый взгляд трудно представить себе, в связи с какой ассоциацией предки абхазов могли связать представления о плоти с виноградом.

Природно-климатические условия на Черноморском побережье Абхазии таковы, что здесь, по сравнению с низменными районами Западной Грузии, выпадает наименьшее количество осадков (в среднем 1400 мм, что вдвое меньше, чем на Аджарском побережье); она также характеризуется меньшей влажностью. Исходя из этого, в Западной Грузии и, в частности, в Мегрелии, по данным виноделов, ягоды винограда не набирают много сахара и в итоге сусло не накапливает спирта. Даже вино «Изабелла» в Мегрелии получается водянистым. Мегрельский «Цоликаури» также получается слабым, отчего восточные грузины с усмешкой называют его «Цкаликаури» («цкали» – «вода»).

---

[337] См.: Кварчия В. Е. Из этнической истории абхазского (апсуа//абаза) народа... С. 123.

Вместе с тем Мегрелия славится полусладким вином «Оджалеши» (в букв. перев. с мегр. «растущий на деревьях»). Его делают из винограда этого сорта. Вино это, согласно легенде, появилось на свет благодаря одному из потомков наполеоновского маршала Мюрата. Свадьба в 1868 г. принца Ашиль Шарль Луи Наполеона Мюрата и княжны Соломеи Дадиани-Мегрельской затем послужила поводом для переселения в Мегрелию потомка маршала, привезшего с собой французские лозы винограда.

В Абхазии, по историко-этнографическим материалам, виноградная лоза до середины XIX в. «бурно произрастала» не только на всем побережье от Сочи до Ингура, но даже в таких отдаленных горных ущельях, как Мзымта, Дал[338], в районе с. Гьанцэыш (на высоте 600–700 м) и других местах, где виноград произрастает хорошо[339]. Более того, русскому лесоводу, графу Альфонсу Варгас-де-Бедемару, в 1867 г. исследовавшему Черноморское побережье между реками Туапсе и Бзыбь, удалось установить, что виноградная лоза встречалась не только вдоль самого берега, но и на высотах вплоть до 3 тыс. футов (914 м) над уровнем моря[340]. Посажена она была горцами, как и в других местах, возле деревьев, «но без всякого ухода». Несмотря на это, ввиду благоприятных климатогеографических условий, плоды оставались «хорошими и крупными»[341].

Наряду с вывозом готового вина, во все времена, в том числе и в советские годы, «виноградная лоза из Абхазии, – по свидетельству Ц. Н. Бжания, – вывозилась в соседние страны, в частности в Мегрелию»[342].

---

[338] Бжания Ц. Н. Из истории хозяйства и культуры абхазов... С. 189.

[339] Куфтырева Н. С., Лашхия Ш. В., Мгеладзе К. Г. Природа Абхазии... С. 308.

[340] См.: Черкесское и абхазское виноградарство и виноделие на Северо-Западном Кавказе. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://winekuban.ru/cherkesskoe-vinodelie-na-kavkaze.

[341] Там же.

[342] Бжания Ц. Н. Из истории хозяйства и культуры абхазов... С. 186.

Выше нами приводились сведения римских источников, характеризующие отношение жителей Колхиды к винопитию. Письменные сообщения о культуре употребления вина населением Западного Закавказья можно почерпнуть и из документов позднего Средневековья. Так, Арк. Ламберти о соседях абхазов – мегрелах – писал, что на пирах они «доходят до такого состояния, что от излишнего употребления вина совершенно теряют сознание, и домой ведут их под руки». Тот же, который «выпьет так и сознания не теряет, считается великим человеком». Ламберти писал и о том, что владетельного князя Мегрелии Левана Дадиани «никогда не видели пьяным, хотя пьянство в его стране служит общим пороком»[343]. Относительно других соседей абхазов – черкесов, генерал И. Ф. Бларамберг, возможно, несколько преувеличивавший реальное положение дел, писал, что они «не слишком строго соблюдают законы, предписывающие воздержание от алкоголя, и в отличие от своих соседей абхазов весьма склонны к алкоголю»[344]. В 30-х гг. XIX в. П. Зубов относительно убыхов сообщал, что они, «несмотря на запрещение Корана, бывают почти ежедневно в нетрезвом состоянии»[345].

Традиционно в абхазской культуре одним из важных качеств мужчины считается умение выпить много и не опьянеть[346]. Вину

---

[343] Ламберти Арк. Описание Колхиды, называемой теперь Мингрелией. Перевод с итальянского К. Ф. Ган... С. 25, 54. Об обильном питье и проистекавших, в том числе от этого, рукопашных потасовках на мегрельской свадьбе («свадьба редко проходила без драки») в первой половине XX в. сообщал С. Макалатия (Макалатия С. История и этнография Мегрелии... С. 268).

[344] Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. – М., 2010. С. 141.

[345] Зубов П. Картина Кавказского края, принадлежащего России, и сопредельных ему земель в историческом, статистическом, этнографическом, финансовом и торговом отношениях // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. – Нальчик, 2001. Т. 2. С. 30

[346] Интересно, что в прошлом у абхазов был обычай, по которому при рождении сына ему намазывали губы вином, чтобы он, повзрослев, мог хорошо пить и не захмелеть.

абхазы приписывали и пагубное действие: оно «развязывало» языки, горячило кровь, превращая людей в ведомых «дьяволом» орудия его замыслов. Абхазы говорят, надо чтобы «ты выпивал вино, а не оно тебя», «лишнее слово надоедает человеку, лишнее вино отнимает ноги», «виноградная лоза хитра: она паразитически вьется до самого верха дерева, и вино также бьет в голову человека». О негативном отношении абхазов к пьянству писали многие авторы. «Но в одном они стоят и теперь упорно на своем – в ненависти к пьянству и не перенимают его от других наций», – писал Ф. Ф. Торнау; «абхазы не склонны к пьянству» (Ф. Ф. Бларамберг), «пьянство между абхазами совершенно неизвестно, была и есть большая культура винопития…» [347]. Проявление признаков опьянения считалось нарушением этикетного поведения. При проявлении антиэтикетного поведения (например, если человека выводили из-за стола или со двора, поддерживая за руку, а тем более если в гостях человек засыпал за столом) предпринимали различные меры: заставляли публично клясться в отказе от употребления вина. При несоблюдении обета человек становился изгоем, его считали неполноценным, маргиналом, пребывающим меж двух миров – темной и светлой стихиями.

До выселения в Османскую империю у абхазов, как и у других приморских жителей Западного Кавказа – убыхов и приморских адыгов, древним способом выращивания винограда являлась его посадка под деревьями и затем пускание лозы наверх по высоким деревьям[348]. Об этом можно судить по свидетельству

[347] См.: Альбов Н. М. Этнографические наблюдения в Абхазии // ЖС. – СПб., 1893. Вып. 3. С. 315; Айба М. В. Апсуара, апсуа кьабз, этническая идентичность //Апсуара. Материалы и исследования. Второй тематический сборник. – Сухум, 2014. С. 167–168. По свидетельству Г. А. Рыбинского, «в их (абхазов – **О. М.**) быту вас поразит отсутствие той отвратительной формы пьянства, какая развита среди поселян (колонистов Абхазии – **О. М.**) (Рыбинский Г. А. Сухумский округ... С. 17).

[348] Об этом см., например, в кн.: Пелях М. А. Янтарные гроздья. – Кишинев, 1963. С. 35.

одного путешественника: в 1672 г. он увидел на Черноморском побережье Кавказа виноградные лозы, «которые поднимались по деревьям так высоко, что невозможно было воспользоваться их плодами»[349]. О давней традиции высокоствольного способа выращивания виноградной лозы у абхазов косвенно свидетельствует форма приветствия с человеком, собирающим на дереве виноград: «Нар улбааит!» («Благополучного спуска тебе!» Нар является, как сказано, именем полузабытого древнего божества высоты, высоких деревьев с виноградной лозой и виноделия) или «Мар умоуп!» («Да будет тебе обилие!»)[350].

Обратимся далее к некоторым примерам, свидетельствующим о состоянии виноградарства у северо-западных соседей абхазов до их выселения в Турцию. Так, П. Зубов отмечал, что убыхи производят «величайшее множество винограда, из коего жители делают вкусное вино и водку»[351]. По словам Дюбуа де Монпере, убыхи, в отличие от своих северо-западных соседей – натухайцев, которые вовсе не занимаются виноделием, умели делать вино «хорошего качества»[352]. И. Ф. Бларамберг о виноделии населения Северо-Западного Кавказа писал: «Все они выращивают виноград, особенно убыхи, и делают из него хорошее вино в больших количествах, это вино они называют «сана». По свидетельству Генриха-Юлиуса Клапрота, как и в Мингрелии, у убыхов можно видеть своеобразный прессованный и твердый мед, который они употребляют, размешивая его в воде в виде напитка[353].

---

[349] [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.bahus. com/ru/ wine/ history/.

[350] Инал-ипа Ш. Д. Очерки об абхазском этикете. – Сухуми, 1984. С. 149.

[351] Зубов П. Картина Кавказского края, принадлежащего России, и сопредельных ему земель в историческом, статистическом, этнографическом, финансовом и торговом отношениях... С. 30.

[352] Дюбуа де Монпере Фредерик. Путешествие вокруг Кавказа... С. 60.

[353] См.: Абазины в источниках иностранных и российских авторов. – Черкесск, 2008. С. 65; [Электронный ресурс]. Режим доступа: rusvina. ru /

Из всех адыгов только черноморские шапсуги и небольшая часть натухайцев занимались виноградарством. Это являлось результатом адаптации к местным природным условиям: на Черноморском побережье Кавказа виноград не требуется укрывать на зиму, поэтому там его выращивали в больших количествах. В отчете комиссии по исследованию земель на северо-восточном берегу Черного моря сказано, что «некоторые боковые ущелья, по коим текут маленькие речки, впадающие в р. Псезуапе, очень живописны и богаты растительностью: обилие виноградных и фруктовых садов поражает путешественника... виноградников много не только на склонах ущелья р. Аше, но и в соседних ущельях и горах»[354]. К северу от реки Аше количество виноградников постепенно уменьшалось, а севернее Туапсе, как отмечалось в отчете, «виноградные лозы встречаются повсюду», но нет сплошных садов, наподобие тех, которые встречала комиссия в ущельях рек Аше, Псезуапе, Дагомыс и пр.[355].

Агротехнические приемы, активно применявшиеся адыгами при возделывании винограда (прививка, размножение черенками, прореживание кроны, омолаживание и т. д.), практиковались как в Абхазии, так и в Западной Грузии. Но уровень развития виноградарства у адыгов был сравнительно невысоким. По сравнению с Абхазией, в Адыгее, по утверждению А. Н. Садового, было известно всего восемь-десять сортов винограда[356].

---

wineopedia/view. Php % 3FEL… См. также: Степанченко А. П. К вопросу о виноделии у адыгов и абхазов // Археология и этнография Понтийско-Кавказского региона. – Краснодар, 2015. Вып. 3. С. 146.

[354] Хатисов И. С., Ротиньянц А. Д. Отчет комиссии по исследованию земель на северо-восточном берегу Черного моря // ЗКОСХ. – Тифлис, 1867. № 1–2. С. 64–66.

[355] См.: Тхамокова И. Х. Традиционное хозяйство и культурные ландшафты Шапсугии в первой половине XIX в. // Исторический журнал: научные исследования. – М., 2020.

[356] Садовой А. Н. Традиционная культура и природопользование (автохтонное население Черноморского побережья Кавказа в XIX веке) // Вестник КемГУКИ. 2015. № 32. С. 21.

Возможно, эта ситуация определялась упадком отрасли, связанным с появлением у адыгов запретов на потребление спиртных напитков из винограда. Борьбу против виноделия и виноградарства активно вели муллы (эфенди), прибывавшие из Турции. Однако объяснить только этими причинами относительно низкий уровень развития отрасли трудно[357]. Возможно, причинами являлись отсутствие специализации и слабый уровень развития товарного виноделия.

В предреволюционный период из всех мусульманских народов Северо-Западного Кавказа наименее исламизированными оставались причерноморские адыгейцы-шапсуги[358]. Отмечая, что адыгское население долгое время сопротивлялось распространению ислама и не желало соблюдать этот запрет на употребление вина, Дж. Белл писал о приморских адыгах: «Старинная привычка пить вино удержалась среди большей части населения этого края, и я полагаю, что будет процветать еще долгое время, несмотря на упреки в неверности со стороны правоверных мусульман, так как привычка сильнее всяких предписаний». Некоторые из адыгов, не желая оставить виноделие, отказались принять ислам. С принятием ислама адыги вместо вина стали употреблять бузу, которая не была запрещена мусульманской религией. По словам И. Клингена, адыги приготовляли водку из кукурузы и гоми[359].

Если у адыгов с приходом в регион ислама виноградарство и виноделие пришло в упадок, у абхазов в условиях почти трехсотлетнего присутствия на территории Абхазии султанской Турции (препятствовавшей призводству вина) данная отрасть

---

[357] Там же.

[358] См.: Токарев С. А. Религиозные пережитки среди черкесов-шапсугов и их преодоление // Религиозные пережитки у черкесов-шапсугов. – М., 1940. С. 6–7.

[359] См.: Культура адыгов: пчеловодство, садоводство, охота. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://adygeya-republic.info/adyghe-culture/pchelovodstvo-sadovodstvo-okhota.

хозяйства не сократилась и не деградировала. Об этом можно судить, например, по воспоминаниям русского исследователя В. А. Разевига, побывавшего «в дебрях Абхазии» в начала XX в. По его данным, у абхазов, часть которых исповедует ислам, дома всегда было вино, которым они из огромного кувшина потчевали русского гостя, да и сами «пили исправно», «очевидно, учение Магомета не пустило здесь глубоких корней», отмечал автор[360].

У адыгов, как было отмечено, виноград пускали на деревья. Виноградная лоза в виде высокой вьющейся лианы являлась господствующей еще в XIX в. и для Западной Грузии, в то время как в Восточной Грузии (и в Армении) основной формой виноградарства издревле являлась низкоствольная культура лозы[361]. При этом для абхазов (а также убыхов и адыгов до принятия ими ислама) характерны преимущественно черные сорта винограда, а для картвелов – светлые. Белые сорта винограда мегрелы и грузины до войны 1992–1993 гг. в Абхазии выращивали в основном в граничащем с Западной Грузией Галском районе.

В советское время абхазы начали сажать на своих участках новые сорта низкорастущего винограда. С середины XX в. во многих сельскохозяйственных районах Абхазии широко культивируется низкоствольный сорт белого винограда «цоликаури». Его закладывают по шпалерной системе[362]. По данным Н. И. Григулевич, в противовес более архаическому способу выращивания винограда на деревьях, «следуя грузинской виноделческой культуре, абхазы постепенно начинают возделывать виноградную лозу на кольях (шпалерах)»[363], что, скорее всего, соответствует действительности. Но абхазы не отказались и

---

[360] Черкесское и абхазское виноградарство и виноделие на Северо-Западном Кавказе. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://winekuban.ru/cherkesskoe-vinodelie-na-kavkaze.

[361] Народы Кавказа. Этнографические очерки. – М., 1962. С. 243.

[362] Бигуаа В. Л. Виноградарство //Абхазы. Народы и культуры... С. 134.

[363] Григулевич Н. И. Традиции винопития и здоровье нации... С. 169.

от традиционного способа выращивания винограда, так как в условиях сырого и влажного климата виноград, пущенный на дерево, меньше подвергается сырости и влажности, получает больше тепла и солнечных лучей.

Уборка винограда «почти целиком лежала на обязанности юношей и мальчиков-подростков, легко забиравшихся на самую верхушку дерева, по которому вилась лоза. Взрослые помогали только носить тяжелые корзины»[364]. Виноград укладывали в остродонные плетеные корзины *амӷәышә*, к которой привязывали крючкообразную ручку – *агуаргуал* (ср. с мегр. гваргвали – «ручка корзины). Когда корзина наполнялась, сборщик спускал ее на веревке на землю. Там ее содержимое перекладывали в большие корзины *акалатӷ*, которые употребляются и при уборке кукурузы; термин идет из греческого, где «калаҭа» означает «корзину»[365], но в абхазский язык слово «калатӷ», по мнению Б. Г. Джонуа, пришло через грузинский язык[366].

Собранный виноград доставляют в специальное помещение, где приступают к выжиманию виноградного сока. Элементарный технологический прием этого процесса, вероятно, зародился вместе с появлением у человека навыков виноделия. Во всяком случае, этот прием получения сока применялся со времен античности (скорее всего и ранее), он был хороошо известен в Боспорском царстве (IV в. до н. э.), в разных областях Римской и Византийской империи, до позднейшего времени он сохранялся в крупнейших винодельческих центрах Италии, Франции, Испании. Этот способ встречается в Мегрелии, Дагестане и других местах[367]. Наиболее древний способ получения сока, сохранившийся до второй половины XIX столетия в Абхазии,

---

[364] Смирнова Я. С. Семейный быт и общественное положение абхазской женщины (XIX – XX вв.) // КЭС. – М., 1955. Т. I. С. 123.

[365] Чубинов (Чубинашвили) Д. И. Грузино-русский словарь... С. 590.

[366] Ср. также с мегр. «калаҭи» – корзина (Кипшидзе И. Грамматика мингрельского (иверского) языка... С. 251).

[367] Бигуаа Вяч. Абхазское виноделие... С. 49.

впервые описал Ф. Ф. Торнау: «Жители делают яму в земле, обкладывают ее глиною и потом обжигают, сколько нужно, разложив в ней огонь. Вытоптав виноград ногами в этой яме, из нее вычерпывают вино, когда сок перебродил, и хранят его в глиняных кувшинах, зарытых в земле»[368].

По существующей в литературе точке зрения, в названии винного кувшина-пифоса для хранения вина у абхазов *аҳаԥшьа* вторая часть слова «ԥшьа» переводится как «священный» или «освященный» (первая же часть слова «аха» означает «груша» и указывает на грушевидную форму сосуда), что свидетельствует о непосредственной связи «аҳаԥшьа» с религиозной обрядностью абхазов[369]. Согласно Р. К. Гублиа, «аҳаԥшьа» – «пифос», «амфора», «глиняная посуда», из *ҳа* – «наращенное» (о полом пространстве) и *ԥшьа* – «освященный»[370].

В абхазских крестьянских хозяйствах, на самом деле, предварительно зарывали в землю специальные глиняные кувшины-пифосы, наполненные с осени вином [371], которое сохраняли для сакральных практик: молений в честь божеств, покровительствовавших здоровью членов семьи (один из таких кувшинов и в наше время также осенью заполняют «чистым», т. е. без добавления воды и сахара, вином, который обычно открывают на Пасху)[372]. Почти каждый крестьянин зарывал и специальный кувшин с вином, предназначенный для отправления ежегодного моления в честь общеабхазских святилищ. Именно такие кув-

---

[368] Цит. по: Дзидзария Г. А. Труды. – Сухуми, 1988. Книга I. С. 102.

[369] Бигуаа Вяч. Указ. раб. С. 48.

[370] Гублиа Р. К. Очерки об абхазской этимологии... С. 260. Об этом см. также: Степанченко А. П. К вопросу о виноделии у адыгов и абхазов // Археология и этнография Понтийского-Кавказского региона. – Краснодар, 2015. Вып. 3. С. 148.

[371] Все мужчины и мальчики в соответствии с возрастом имели по одному такому кувшину (Чочуа А. М. Избранные сочинения. – Тбилиси, 1987. С. 20).

[372] Соловьева Л. Т. Семейные и фамильные традиции в современной Абхазии // Современная сельская Абхазия. Сб. статей. – М., 2006. С. 158–181.

шины-пифосы, а точнее вино, хранившееся в них, называлось «священным». Возможно, в слове «аҳаԥшьа» основой является не «аԥшьа» – «святой», а «аԥшь», что означает «красный», «рыжий», выступая в том же смысле, что и в слове «нышэ-аԥшь» – «красная глина» (сравн. также, например, *ажь-аԥшь* – «красный виноград», *аџэ-аԥшь* – «розовый» и др.). То есть, термин «аҳаԥшьа» указывает на цвет глины, из которой изготавливался сосуд. Что касается первой части слова, то *-ҳа-* означает «камень». Здесь, очевидно, имелось в виду то, что глина после обжига становится каменной. В целом же «аҳаԥшьа» может переводиться как «каменная красная глина» или «обожженная глина».

О традиции абхазов хранить вино вышеназванным способом писал в первой половине XIX столетия и Дюбуа де Монпере. Он отмечал, что абхазы сохраняют свое вино в больших кувшинах, зарывая их в землю; их кувшины по своей вместительности меньше изготовляемых в Мингрелии. Вместимость кувшинов возрастает по мере того, как продвигаешься на восток, и самые большие можно встретить в Кахетии, где они отличаются действительно гигантскими размерами, достигая иногда девяти футов высоты[373].

Вино в бочках легче может испортиться; кроме того, храня его в бочках, необходимо иметь хорошие погреба с каменными стенами и сводами, – большое затруднение для бедного абхаза или грузина; но ни тот, ни другой и не нуждается в таких погребах, зарывая свои кувшины где-нибудь под деревом вблизи дома.[374].

С точки зрения приведенных сведений Дюбуа де Монпере, несомненно, следует говорить о масштабах виноделия в Восточной и Западной Грузии и Абхазии. Большие масштабы виноделия в Восточной Грузии (она в основном и является здесь

[373] В данной связи можно отметить, что на Маркульском городище (в нынешнем Очамчырском районе Абхазии), в котором абхазы проживали в IV–XV вв. и позже, один из найденных пифосов мог вместить 300–400 литров вина (См.: Эхо Кавказа. 25 августа 2022 г.).

[374] Дюбуа де Монпере Фредерик. Путешествие вокруг Кавказа... С. 230.

главным винодельческим регионом) были связаны и с ее большим вовлечением в торговлю этим товаром, тогда как у абхазов в XIX в., например, наблюдалось отрицательное отношение к торговле вином.

Помимо хранения вина в пифосах, абхазы сохраняли его и в погребе. Согласно материалам XIX в., винохранилища чаще содержались в специальном винном сарае – *аԥцара*. С. И. Бахия пишет, что, «в отличие от абхазов из Абжуа и Самурзакано, у бзыбских абхазов для хранения вина особого помещения не имелось»[375]. Тот же автор в другой своей работе отмечает, что «бзыбские абхазы рыли ямы для кувшинов на каком-нибудь возвышенном месте на территории приусадебного комплекса. Винные кувшины абхазы прикрывали открытым навесом из прутьев, чтобы их не залило дождем». Иное отношение, по мнению С. И. Бахия, «к этой отрасли хозяйства было у абжуйских абхазов, что объясняется более тесными экономическими и хозяйственными контактами с грузинами». Они «постепенно переняли от картвельского населения традиционную культуру марани и кувшинов-квеври[376] для культового вина «зедаше»[377], а

---

[375] Бахия С. И. «Абхазская «абипара» – патронимия». – Тбилиси, 1986. С. 16, 22.

[376] Технология изготовления кувшинов-квеври зародилось в государстве Урарту, являвшаяся в древности главным производителем вина в Передней Азии (Пиотровский Б. Б., Джанполадян Л. М. Виноделие в Урарту // Виноделие и виноградарство СССР. 1956. № 1). Если в Восточной Грузии для обозначения винных сосудов утвердился термин «квеври», то в Мегрелии они называются «лагвани». Следует отметить, что одна местность в районе Скурчинской бухты в Абхазии носит название «Олагуана» (Маан О. В. Абжуа. Историко-этнологические очерки Очамчирского района Абхазии… С. 89). Слово в переводе с мегр. означает «место обжига кувшинов». Появление термина «Олагуана» на территории Скурчи следует относить, очевидно, к периоду захвата данной местности мегрельскими владетелями Дадиани в 30–50-х гг. XVII в.

[377] Бахия-Окруашвили С. И. Этнологическая интерпретация историко-культурных особенностей Абхазии // Очерки из истории Грузии... С. 316.

также технологию снятия «чачи» (груз.: виноградные выжимки) и использования её для перегонки водки»[378].

Согласно нашим полевым этнографическим материалам, почти в каждом селе Бзыбской Абхазии минимум в пяти-шести хозяйствах имелось специальное винное помещение – *аԥца-ра*[379]. Винные сараи были трех типов: плетеные, деревянные и, реже, каменные (по И. А. Аджинджалу, винодельни сооружались плетеные, бревенчатые (рубленые) и дощатые)[380]. Их наличие подтверждается тем фактом, что Бзыбская Абхазия (где отдельные крестьяне заготавливали в год до 1800 ведер вина) по сей день считается наиболее винодельческим районом страны. Еще раз при этом отметим статуэтку «Винопийцы» эпохи поздней бронзы и раннего железа из Бамбор, изображение которой можно найти на этикетке вина «Апсны». Не исключено, что это изображение отмеченного выше абхазского божества виноделия и винопития Нара. О многом говорит и то обстоятельство, что одну из древнеабхазских народностей, населявших в античный период именно Северо-Западную Абхазию, санигов (садзов позднего Средневековья) античные авторы называли «виноделами»[381].

Продолжая разговор о винохранилищах, отметим, что их наличие у абхазов подтверждается и материалами Ц. Н. Бжания: собранный виноград доставлялся в специальное крытое помеще-

---

[378] Там же.

[379] Маан О. В. Дневник этнографической экспедиции АбИГИ АН Абхазии 2005 года. Тетрадь 1, л. 5. (домашний архив). К периоду оккупации мегрельскими феодалами Дадиани Юго-Восточной Абхазии и прохождения абхазо-мегрельской политической границы по нижнему течению р. Кодор до 80-х гг. XVII в., также очевидно, следует относить появление на данной территории топонима «Дадианишь намарани», что букв. значит «винный погреб Дадиани» (Инал-ипа Ш. Д. О топонимике Очамчирского района. Рукопись. 1949 г. С. 6. Домашний архив М. К. Хотелашвили-Инал-ипа).

[380] Аджинджал И. А. Из этнографии Абхазии... С. 148.

[381] См.: Кишмахов М. Х.-Б. Проблемы этнической истории и культуры убыхов... С. 92, 166, 249.

ние, служившее для давления винограда и хранения вина (*аҧцара*). Внутри такого помещения находился винодельческий инвентарь: давильня (*ашаҳәа*), бочки (*ауалыр*), различные черпаки, кувшины малой формы (*аирыʒ*), плетенки, кожаные мешки (*акури*), а также винные кувшины, зарытые в землю (*аҳаԥшьа*)[382]. Отмеченная традиция абхазов, плотно закрыв, зарывать в землю по горлышко винный кувшин с вином уходит, как отмечалось в монографии «Народы Кавказа», в далекое прошлое[383] (небезынтересно при этом отметить, что абхазы-махаджиры, которым посчастливилось возвратиться на родину, находили в своих старых усадьбах зарытые ими когда-то в землю винные кувшины с вином)[384].

Что касается утверждений о перенятии населением Абжуйской Абхазии «от картвельского населения традиционной культуры марани», то можно заметить, что в античный период помещение под винодельню у абхазов имело круглую (по аналогии с *акуацә* – наиболее ранним видом жилища абхазов), а затем, в феодальную эпоху, четырехугольную форму[385], что, по-видимому, свидетельствует о его большой древности. А по поводу использования чачи для перегонки водки следует сказать, что этой традиции абхазы действительно «научились сравнительно недавно»[386], со второй половины XIX века, не от грузин, а от русских переселенцев. Об этом говорят материалы, записанные Б. П. Джанашиа: у абхазов в старину не было винокурения, а «виноградные выжимки выбрасывались; водку стали гнать недавно», со времен знакомства абхазов с русскими переселенцами[387]. Водку, называемую теперь абхазами заимствованным из

---

[382] Бжания Ц. Н. Из истории хозяйства и культуры абхазов... С. 202.

[383] Народы Кавказа. Этнографические очерки. – М., 1962. С. 243–244.

[384] Маан О. В. Дневник этнографической экспедиции АбИГИ АН Абхазии 2010 года. Тетрадь 1, л. 6. (домашний архив).

[385] Аджинджал И. А. Из этнографии Абхазии... С. 148.

[386] Инал-ипа Ш. Д. Абхазы. – Сухуми, 1965. С. 255.

[387] Джанашиа Б. П. Абхазская лексика виноградарства и виноделия... С. 62.

русского словом «ауатка» (употребляли в весьма малых дозах), в старину, по утверждению Б. П. Джанашиа, называли «araxэ», а также «aroma» или «arowma». «Araxэ» – то же самое, что в грузинском языке и в мегрельской речи «raxi» – «водка первой гонки, не очищенная от сивухи». «Araxэ» (абх.), «raxi» (груз., мегр.) идет от арабского «aragi» – «пот; водка»[388].

По свидетельству Н. И. Григулевич, для грузин виноградная лоза издревле считалась древом жизни и плодородия, а вино, выжатое из его плодов, священным напитком. Абхазы, вероятнее всего, и то и другое переняли у грузин[389]. В традиционном абхазском сознании виноградная лоза и вино также обладали явными сакральными коннотациями: у абхазов «виноградная лоза относилась к разряду священных растений»[390], а само вино имеет божественное происхождение – «анцəа ишеит»[391] (абхазы, как они сами выражаются, не просто пили вино, а общались между собой и произнося тост совершали молитву богу)[392]. Некоторые религиозные обряды у абхазов проводились не только под открытым небом, но и «в погребе у винного кувшина»[393].

Одним из способов использования виноградного сока у абхазов, помимо производства вина, является изготовление традиционного лакомства *акалмышь* – своеобразного киселя из винного сусла на мелко просеянной кукурузной муке. После варки киселеобразную массу разливают в посуды (тарелки) и подают

---

[388] Там же.

[389] Григулевич Н. И. Традиции винопития и здоровье нации... С. 170.

[390] Акаба Л. Х. Исторические корни архаических ритуалов абхазов. – Сухуми, 1984. С. 65.

[391] Бигуаа В. Л. Традиционно-бытовая культура абхазов и современная действительность. – Сухум, 2013. С. 17.

[392] Агуажба Р. О виноделии и винопитии у абхазов // Газ. «Новый день». 30 июня 2006 г. Его же. О виноделии и традициях застолья у абхазов // Журн. «Абаза», 2015, № 2. С. 76.

[393] Джанашиа Н. С. Статьи по этнографии Абхазии... С. 37; Акаба Л. Х. Исторические корни архаических ритуалов абхазов... С. 69.

на стол в холодном виде. Другая традиционная сладость, которую абхазы готовят из виноградного сока, – аджынджыхуа. В горячий акалмыш обмакивают нанизанные на нитки зерна грецкого ореха или фундука в форме висячих палочек. Затем аджанджыхуа высушивают на солнце, после чего возможно длительное хранение. Она обычно служит в качестве закуски к водке, подается на десерт. Из белого винограда готовили особый напиток *ахмарцыз*, который считался очень полезным при желудочных и катаральный заболеваниях. Сок белого вина смешивали с парным козьим молоком и пили утром натощак[394].

В течение в основном второй половины XIX в. в Абхазии в области виноградарства происходят значительные изменения, выразившиеся главным образом в вытеснении многих абхазских сортов винограда. По мнению Ф. К. Кварацхелия, вымирание местных сортов винограда в Абхазии следует приписать продолжительному воздействию «филлоксеры» и грибков. Сами же абхазы объясняют исчезновение многих местных сортов как результат вытеснения их более урожайным сортом «Изабелла» (абх. *ахардан*), известного среди абхазов под названием «Одесса». По словам старожилов, сорт винограда «Изабелла», который, как им казалось, даже обладал каким-то неприятным запахом, отнюдь не превосходил по качеству местные сорта, взял верх над всеми, по их мнению, благодаря обилию даваемого им урожая. Этот вид винограда стал распространяться в Абхазии прежде всего вследствие его стойкости к различным заболеваниям.

Основоположником промышленного виноделия в Абхазии по праву можно считать Н. Н. Смецкого. В личном хозяйстве Н. Смецкого большое значение придавалось размножению лучших сортов винограда, среди которых были абхазские сорта – «амлаху», «абкурзен», «атуркуажь», «авасырхуа», «акачич» и др. Его вино «Хуап» высоко оценили в Москве на

[394] Бжания Ц. Н. Из истории хозяйства и культуры абхазов... С. 205.

Всероссийской сельскохозяйственной выставке в 1923 г.[395].

Современное промышленное виноделие в Абхазии было создано на базе крестьянских хозяйств в 1925 г., а особого подъема оно достигло в 60–90-е гг. XX в. Абхазские вина, такие как «Апсны», «Букет Абхазии», «Лыхны» и другие, в советское время были не менее популярны грузинских (в Грузии, как сказано, сейчас выращивают 11 сортов абхазского винограда)[396]. После окончания Отечественной войны народа Абхазии 1992–1993 гг. перечисленные марки абхазских вин стали выпускать и в Грузии как грузинские вина[397]. И это несмотря на то, что именно Сухумский винзавод является экспортером, а марки этих вин созданы в Абхазии и не раз отмечены наградами международных конкурсов[398].

Значительное увеличение интереса к абхазским винам в Российской Федерации совпало с введением запрета на поставки вин из Грузии. Под запрет попали и вина из Абхазии, так как до признания Российской Федерацией независимости Абхазии в 2008 г. они считались грузинскими. В 2008 г. ввоз в Россию абхазской винодельческой продукции возобновился.

---

[395] Из воспоминаний Н. Н. Смецкого: Имение Гулрыпш // ТАГМ. – Сухум, 1957. Вып. II. С. 182–183. Материал подготовил к печати В. И. Карчава. См. также: Авидзба В. Б. Посадим лозу абхазского винограда... С. 2; Кобахия Ф. М., Ачба Н. В. Становление промышленного виноделия в Абхазии // Перспектива. 2021. Материалы Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. – Нальчик, 2021. Том II. С. 192.

[396] См.: Эхо Кавказа. 7 декабря 2016 г.

[397] Хотелашвили-Инал-ипа М. К. Слово в защиту абхазской аджики // Газ. «Республика Абхазия». 2006, 11. 07.

[398] Начиная с 2004 г. было организовано несколько экспедиций по районам Абхазии по поиску аборигенных сортов винограда. За время работы было выявлено более 15 наименований, и около 2 тыс. черенков винограда высажено на Ачадарском опытном участке. В 2009 г. Институт виноградарства и виноделия «Магарач» (г. Ялта) посредством новых технологий размножил около 10 наименований аборигенных сортов винограда в количестве 5 тыс. саженцев (См.: Авидзба В. Б. Адзинба Ю. Д. Абхазские аборигенные сорта винограда... С. 16).

В нынешних условиях старейший винный завод Абхазии «Вина и воды Абхазии» помимо местного винограда использует виноматериал, который привозят из Молдавии и Испании. По словам специалистов завода, «это общеизвестная практика, которую применяют и в Европе, они могут покупать виноматериал у разных заводов». Вместе с тем, как отмечают винопроизводители, «мы с каждым годом увеличиваем посадки виноградников, стараемся пускать все больше нашего местного материала в купажи вин – и белых, и красных, и полусладких». По тем же данным, вино «Лыхны» на 30–40 % состоит из местного винограда, «Чегем» – на 50–60 %, а такие виды как «Ашта лаша», «Атауад» и «Диоскурия» полностью производятся из абхазского винограда. Площадь виноградных насаждений в разных регионах Абхазии составляет 1500 га, из них плодоносящих около 600 га. У винзавода имеется много площадей под посадку, которые расположены в сс. Гумста, Пшап, Кындыг.

Садоводство

Древние традиции в Абхазии, наряду с виноградарством, включают плодоводство, развитие которого указывает на переход к более интенсивным формам землепользования. Согласно абхазской мифологической традиции все плодовые деревья были дарованы людям двумя нартскими героями – Сасрыквой и Цвицвем. Согласно легенде богатыри, воспользовавшись силой грома и молнии, проникли в неприступную обитель великанов, где произрастали все известные растения. Добыча была разделена между братьями по обоюдному согласию, за исключением виноградной лозы, которая в конечном итоге досталась Сасрыкве[399]. Согласно этнографическим материалам, приводимым В. Л. Бигуаа, божеством плодоводства

[399] См.: Инал-ипа Ш. Д. Памятники абхазского фольклора. – Сухуми, 1977. С. 23.

является Нар (он же божество виноградарства)[400], становление которого фактически восходит к периоду «собирательского» хозяйства. По данным Г. В. Смыр и других авторов, божествами деревьев являются два брата – Хыдзыр и Алиашв (Хьыʒыри Алиашəи). Из них первый является защитником фруктовых деревьев, «который желает, чтобы плодовые деревья ежегодно давали хороший урожай»[401].

Начало появления первых садов можно отнести к периоду неолита[402], когда древние люди при родовых поселках стали культивировать некоторые растения и фруктовые деревья[403]. Следовательно, начало устройства садов совпадает с началом оседлости, «и целью этой деятельности было выращивание око-

---

[400] См.: Бигуаа В. Л. Ритуальный мир традиционной религии абхазов. – М., 2018. С. 45.

[401] См.: Зухба С. Л. Абхазская мифология. – Сухум, 2012. С. 602 (на абх. яз.); Акаба Л. Х. Избранные труды. – Сухум, 2021. В двух томах. Том I. С.17. Другое божество – Алиашэ – приносит вред и «является защитником плохих деревьев»: ивы, тополя, кизильника, многорядника щетинистого и др. (Об этом подр. см. также: Габниа Ц. С. Миф и ритуал. Статьи и фольклорные записи. – Сухум, 2012. 144–146 (на абх. яз.).

[402] При этом, как считает, например, индийский ученый, доктор М. Рандхава, культурное садоводство и сельское хозяйство появились в неолите одновременно (Рандхава М. Сады через века. – М., 1981. С. 25). Вместе с тем, некоторые авторы высказывают предположение о том, что садоводство в Абхазском Причерноморье в указанное время предстает даже в более развитой форме, нежели земледелие (Подробнее см.: Канделаки Д. А. Доместикационный потенциал Абхазского Причерноморья и древнейшие очаги зарождения производящей земледельческой экономики // Труды Ботанического института АН Абхазии. Выпуск III. – Сухум, 2014. С. 16–24).

[403] Следует при этом отметить крайнюю сложность отбора наиболее полезных растений и их культивации, как и одомашнивания диких животных. А между тем неолитический человек приручил и одомашнил почти всех и притом наиболее рационально отобранных животных и культивировал почти все наиболее полезные в пищевом и отчасти в техническом отношении растения, которые до настоящего времени имеются в сельском хозяйстве (См.: Брюсов А. Я. К вопросу о теории диффузии // СА. № 1. 1957).

ло жилья полезных растений»[404]. Другими словами, поскольку сады позволяли снимать урожай в течение многих лет, их появление стало еще одним фактором, обусловившим прочную оседлость. Существенным последствием седентаризации стало развитие обособленной, а затем и частной собственности на землю. Кроме того, садоводство вело к дальнейшему разделению труда и усилению роли обмена[405].

Таким образом, с указанного времени многие полезные растения естественной флоры Абхазии не только использовались абхазами, но и в результате многовековой народной селекции вводились ими в культуру. По утверждению М. Т. Бгажба, многообразие видов и сортов культурных растений, произрастающих в нашей стране, показывает, что с самого возникновения здесь земледелия Абхазия являлась областью садоводства и виноградарства, где другие отрасли растениеводства – полеводство, овощеводство, возделывание технических культур – «всегда имели второстепенное экономическое значение»[406].

Об абхазском садоводстве в период античной эпохи, а также раннего и зрелого Средневековья, ввиду отсутствия письменных сообщений свидетельствуют археологические находки из различных регионов Абхазии, – это серповидные ножи, цалды и цалдеобразные орудия[407]. Все фруктовые деревья в Абхазии

---

[404] См.: Кохно Б. И. Садово-парковое искусство. – Л., 1980. С. 5. По мнению некоторых авторов, со второй половины V (в IV–III) тыс. до н. э. садоводство, которое помимо винограда включало культуру оливы, финиковой пальмы, фигового дерева, граната, каштана, грецкого ореха и других фруктовых деревьев, в разном наборе в зависимости от региона широко распространилось в странах Восточного и Северного Средиземноморья и, видимо, в некоторых районах Причерноморья и Кавказа (См.: История первобытного общества. Эпоха классообразования. – М., 1988. С. 26).

[405] История первобытного общества. Эпоха классообразования. – М., 1988. С. 26.

[406] Бгажба М. Т. Растениеводческие основы сельского хозяйства Абхазии. – Тбилиси, 1963. С. 18.

[407] Гунба М. М. Абхазия в первом тысячелетий н. э. ... С. 57.

были высокоствольными, и для срезания их веток нужны были специальные орудия с длинными рукоятиями. Именно такими являются цалды с раскрытыми втулками, найденные на Сухумской горе и в Новом Афоне (Анакопии). Если афонский материал относится к более позднему времени, т. е. к раннему Средневековью, то сухумский материал датируется античной эпохой. Иными словами, названные садоводческие орудия бытовали, по мнению М. М. Гунба, непрерывно более полутора тысяч лет[408]. Согласно М. М. Трапш, подобные цалды и серповидные орудия, использовавшиеся в том числе для срезания виноградной лозы, сохранились у абхазов почти до современности»[409].

Абхазы и адыги были знакомы со способами измененения свойств растений с помощью окулировки, которые передавались у них из поколения в поколение в течение многих веков. Прививку абхазы делали в основном в марте месяце. В конце зимы, пока не началось сокодвижение, обрубали черенки с культурных деревьев и закапывали в землю или песок. Позже эти черенки служили в качестве привоя. Не закапывались только черенки сорта «зимние яблоки», так как сокодвижение и рост этого дерева начинались позже других. С наступлением весны, в пору сокодвижения, делали прививку: откапывали черенки, отрубали на два-три глазка и отесанным концом вставляли в расщелину дичка, затем обвязывали накрепко корой молодого побега шелковицы, место прививки обмазывалось пластичной красной глиной, на которую клали мох и опять перевязывали корой шелковицы. Глина мешала проникновению влаги, а мох защищал от чрезмерного нагревания весной. Обычно к дичку прививали два черенка, но если подвой был большим, прививали и больше[410]. Судя по всему, искусством прививки диких де-

---

[408] Там же. С. 57–58. См. также: Воронов Ю. Н. Научные труды. Т. IV... С. 220, 222, 224.

[409] Трапш М. М. Труды. – Сухуми, 1969. Т. II. С. 233.

[410] См.: Чанба Р. К. Земледелие и земельные отношения в дореволюционной Абхазии... С. 57.

ревьев культурными сортами у абхазов и адыгов владело почти все взрослое мужское население. «Ошибаются те, – отмечал Ф. Завадский в 1882 г., – которые полагают, что яблоки, виноград и орехи, которые дают такие хорошие фрукты, дико растут в Абхазии. Напротив, яблони привитые; виноград и орехи разведены трудами туземного населения»[411]. По причине того, что абхазы издревле были знакомы с искусством прививки, без которой немыслимы культурные сады, важно мнение одного из специалистов в области эволюции и селекции культурных растений П. М. Жуковского: «В Средиземноморье баски знали о прививках раньше эллинов и научили делать прививки иберов. Но баски, возможно, связаны корнями с Кавказом, откуда и восприняли прививки. Родина прививок – Кавказ. Индия их не знала»[412].

По-видимому, культуру садоводства абхазов и адыгов и других жителей Северо-Восточного Причерноморья перенимали и древние средиземноморские народы. Это должно соответствовать действительности, так как Кавказ, и в особенности южный склон Кавказского хребта, по утверждению И. В. Мичурина, П. М. Жуковского и др., отличается исключительным богатством диких форм плодовых растений. В этой связи представляется правомерным и следующее утверждение А. О. Шмита: «История прочно устанавливает тот факт, что знакомство римлян с побережьем Черного моря привело их к разведению у себя обширных садов»[413]. Поэтому в целом можно считать, что римляне, используя самые выдающиеся достижения не только египтян и

---

[411] Газ. «Кавказ». 1882. № 153.

[412] Жуковский П. М. Культурные растения и их сородичи. – Ленинград, 1971. С. 461–462.

[413] Шмит А. О. Что кому из нас сажать в своих садах // «Полеводство». 1889. № 4. С. 275–292. В одной из работ адыгских ученых – А. С. Куека и М. Г. Куек также отмечается: известно, что «древние греки и римляне вывозили из причерноморских районов Кавказа плодовые растения... и разводили их у себя» (Куек А. С., Куек М. Г. Священное дерево у адыгов // Святилища абхазов и святые места адыгов. – Майкоп, 2015. С. 70).

греков, но и народов Западного Кавказа, позаимствовав у них наиболее передовые достижения в области возделывания плодовых и ягодных культур[414] и перенеся их на свою почву, создали свою римскую садовую культуру. В то же время, по мнению абхазских ботаников, древние связи абхазов (с греками, римлянами, арабами, генуэзцами, венецианцами) не могли не оказать влияние на появление в Абхазии новых для нее растений. Отдельные экземпляры грецкого ореха, платана и некоторых других иноземных видов, имеющих возраст 400 и более лет, подтверждают догадки о том, что уже четыре века назад велась интродукция растений. Однако сведения о проникновении новых растений в давние времена настолько скудны, что не позволяют делать обобщений.

Судя по многочисленным историко-этнографическим материалам, под садами, виноградниками, огородами, бахчами находились значительные площади сельскохозяйственных земель жителей Западного Закавказья и предгорий Северо-Западного Кавказа[415]. Так, по свидетельству Ю. Н. Воронова, культурное садоводство занимало видное место в сельском хозяйстве позднеантичных и раннесредневековых цебельдинцев[416]. И это не-

---

[414] Например, о появлении в Европе домашней груши П. М. Жуковский писал, что вряд ли Средиземноморье имеет приоритет в происхождении культурных форм груши; наоборот, все данные за то, что именно Кавказ явился ареной эволюции груши – как дикой, так и культурной. «Древность народов Греции, ее естественные грушевые ресурсы и опыт населения не могут идти в сравнение с таковыми на Кавказе» (Жуковский П. М. Культурные растения и их сородичи... С. 461–462). Аналогичные выводы были сделаны П. М. Жуковским относительно яблони, айвы, алычи, орешника, сливы, терна, черешни, кизила, каштана... (Там же. С. 426–431, 426, 463 и др.). Согласно его убедительным научным доводам, генезис всех наиболее распространенных дикорастущих и домашних плодовых культур Евразии некогда происходил именно с Кавказа.

[415] См. подборку источников, напр., в кн.: Земледелие и скотоводство у абхазов… С. 41.

[416] Воронов Ю. Н. Тайна Цебельдинской долины... С. 57.

смотря на то, что, согласно тем же археологическим данным Ю. Н. Воронова, под сельскохозяйственные культуры цебельдинцы использовали небольшую площадь земель вокруг поселений, так как наиболее удобные для земледелия участки были заняты под кладбища[417]. Данное обстоятельство Ю. Н. Воронов объясняет следующим образом: «Тесные политические и культурные связи с Римом, а затем его преемницей Византией, вызвали некоторую однобокость внутреннего развития страны, что выразилось, в частности, в невнимании к своей экономике – все лучшие для обработки земли ушли под кладбища»[418].

В письменных источниках более поздних времен имеются указания на наличие плодовых садов, по сути, при каждом абхазском дворе. Из этого можно сделать вывод о том, что для традиционной абхазской усадьбы были обязательны не только виноград, но и фруктовые деревья. Например, прекрасно знавший все местности Абхазии лесничий Н. В. Фон-Дервиз, описывая хозяйство абхазов, отмечал, что здесь сады имелись почти у каждого крестьянина[419]. Примерно то же самое писал А. Городищев о Самурзаканской Абхазии: «Почти у каждого дома большой двор и сад»[420]. Г. А. Дзидзария, характеризуя народное хозяйство абхазов дореформенного периода, со своей стороны отмечал: «Сады, а также группы привитых плодовых деревьев встречались в каждом населенном пункте на приусадебных участках, на полях и лугах[421]. Г. А. Дзидзария приводит и слова

---

[417] Там же. С. 54.

[418] Воронов Ю. Н. Указ. раб. С. 104.

[419] Фон-Дервиз Н. В. Сухумский округ... С. 44.

[420] Городищев А. (А. Ф. Селиванов). Абхазия // Русская беседа. – С.-Петербург. Июнь 1895. С. 70. О богатстве Самурзаканской Абхазии плодами говорил в 1920 г. и проф. М. Бутба: На правом берегу Ингура «все было заполнено фруктовыми деревьями» (Бутба М. Кавказские воспоминания. – Сухум, 2021. С. 198).

[421] Дзидзария Г. А. Труды. – Сухуми, 1988. Книга I. С. 102. См. также: Анисимов С. С. Абхазские Альпы. – Москва–Ленинград, 1930. С. 22.

Ф. Ф. Торнау, который описывая горное абхазское общество Ахчипсоу, писал, что «каждое семейство имеет около жилища своего сад»[422]. Эти факты, несомненно, не только свидетельствуют о том, что сады, как отмечено, были неотъемлимым признаком хозяйств абхазов, но и доказывают наличие у них большой и длительной «садовой» практики.

Сами фруктовые деревья и деревья с вьющимися виноградными лозами на участках абхазских усадеб, по материалам Л. Х. Акаба, росли отдельными группами. Иногда же они росли разбросанно отдельными деревьями во всей усадьбе[423]. Наши полевые этнографические материалы также говорят о том, что в отличие от посадок ровными рядами, т. е. прямоугольной симметрии сада, фруктовые деревья в усадьбах абхазов росли особыми группами или рассеянно. При этом абхазы высаживали рядом разные сорта плодовых деревьев для взаимного опыления их (сам процесс посадки растений и, вообще, бережное отношение к деревьям рассматривался абхазами как один из факторов воспитания личности). Важной причиной того, что фруктовые деревья абхазы сажали вперемешку с другими, было суеверное представление о том, что место, засаженное большим числом яблоневых деревьев (хотя яблоня считалась у абхазов «райским деревом»), со временем пустеет и станет вымершим[424]. Вместе с тем, как отмечалось в газ. «Черномор-

---

[422] Дзидзария Г. А. Ф. Ф. Торнау и его кавказские материалы. – М., 1976. С. 105.

[423] См.: Малия Е. М., Акаба Л. Х. Одежда и жилище абхазов. – Тбилиси, 1982. С. 147.

[424] См.: Акаба Л. Х. Исторические корни архаических ритуалов абхазов... 1984. С. 14. По этнографическим материалам, яблоневое дерево у абхазов защищало двор и усадьбу, считалось почитаемым деревом, у которого проводились моления. Согласно легенде, яблоня является одним из первых фруктовых деревьев, которое произрастало в Абхазии (Габниа Ц. С. Миф и ритуал. Статьи и фольклорные записи... С. 172–174). Археологические раскопки свидетельствуют о том, что яблоня была распространена в эпоху неолита. По одной из версии, первоначально произрастало в районе

ский селянин», «правильными рядами, как груши или персики в хорошем саду»[425] абхазы около своих усадеб сажали ольховые и тутовые деревья, по которым пускали виноградную лозу[426]. Ольха считалась у абхазов священным деревом[427], тогда как шелковица – приносящим несчастье, поэтому абхазы чаще пускали виноградную лозу на грабовое дерево (граб не вырубался и на участке, предназначавшемся для посадки фруктовых деревьев). По этому поводу А. Городищев заметил, что стоящие в усадьбе «грабовые деревья служат подпорками для виноградных лоз, достигающих громадных размеров»[428]. Если у абхазов фруктовые деревья свободно размещались по всей усадьбе[429] и

между Каспийским и Черным морями, а уже оттуда было завезено в другие районы мира.

[425] Газ. «Черноморский селянин». 1 августа 1912 г. № 15. С. 226.

[426] Тутовое дерево или шелковицу абхазы используют для приготовления пирогов, компотов, а также национального алкогольного напитка – чачи.

[427] По материалам Я. В. Чеснова, «ольха у абхазов, имеющая мягкую древесину, не вредит жизни человека... Ольха обладает еще свойством снимать опьянение» (Чеснов Я. В. Народная культура. Философско-антропологический подход. – М., 2014. С. 395).

[428] Городищев А. (А. Ф. Селиванов). Абхазия // Русская беседа... С. 79–80. Вообще же, во дворе любой традиционной абхазской усадьбы чаще всего граб, а также липу, грецкий орех высаживали с умыслом. Липу принято высаживать и на семейно-родовых кладбищах. Грецкий орех и каштан, как плодовые и к тому же засоряющие двор растения, чаще высаживаются за пределами двора. Предпочтение грабу, как и липе, объясняется, очевидно, шатровидностью их густой кроны, под сенью которой летом, в условиях знойного климата, образуется тень или навес, создающие благостный уют. Предпочтение грабу, видимо, еще объясняется тем, что издревле считают его деревом-громоотводом (по словам старожилов, «никогда ни один абхаз не видел, чтобы громовой удар упал на граб»). У липы свои дополнительные достоинства – необыкновенный аромат цветков, богатых нектаром (липовый мед!). За формированием кроны деревьев, высаженных во дворе, следят – всякий раз убирают сушняк из кроны.

[429] Согласно данным, приводимым Н. В. Фон-Дервизом у абхазов в конце XIX в., «на каждую семью отводилось или выбиралось самим поселявшимся усадебное место в размере от 3/4 до 1 десятины и около него же пашни (кана-

стояли около проезжих дорог[430] (ибо, по представлениям абхазов, «фрукты являются достоянием всех»)[431], а также могли размещаться и за пределами усадьбы на огороженной территории, то о мегрельских садах Арк. Ламберти писал, что мегрельские крестьяне «устраивают только маленькие сады, ибо, как только какой-нибудь крепостной устроит большой сад, помещик забирает решительно все, что ему понравится. Но есть и такие, которые, уверенные в доброжелательном к ним отношений своего господина, устраивают очень красивые сады»[432]. Другой автор, отмечая, что мингрельцы и гурийцы «кормятся садоводством и полевым хозяйством», в то же время подчеркивал, что они «на сады кладут тоже не слишком много заботы. Их сады скорее похожи на рощи, наполовину поросшие фруктовыми деревьями и кустами. По их стволам и ветвям пускают виться виноградную лозу»[433].

Одним из способов увеличения урожайности садов абхазы считали прореживание загущенной кроны и удаление сушняка. Для восстановления плодоношения старых садов широко практиковали их омолаживание путем сильного укорачивания веток, отчего дерево вновь приобретало силу и начинало плодоносить[434].

Важным свидетельством в пользу того, что «обработанные фруктовые насаждения»[435] составляли непременную часть аб-

---

ши), которые и считаются уже собственностью живущего» (Фон-Дервиз Н. В. Сухумский округ в сельскохозяйственном и лесном отношениях // КСХ. 1894. № 48).

[430] Басария С. П. Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении. – Сухум-кале, 1923. С. 114.

[431] Там же.

[432] Ламберти Арк. Описание Колхиды, называемой теперь Мингрелией... С. 60.

[433] Анисимов С. С. Кавказский край... С. 421.

[434] Чанба Р. К. Земледелие и земельные отношения в дореволюционной Абхазии... С. 57.

[435] Чанба Р. К. Село Мгудзырхва. (Хозяйство и культура в прошлом и на-

хазской усадьбы, является зафиксированный в различных пунктах Абхазии древний термин для обозначения виноградного и фруктового сада – «ақэатца»[436] (фруктовый сад у абхазов обозначается и словом «абаҳча», от перс. باغچه – «сад», «огород»; производным от него является слово *ашэырбаҳча*, что значит «плодовый», «фруктовый» сад)[437]. Сама планировка абхазских поселений, их рассредоточенный характер, производил на путешественников и бытописателей Абхазии впечатление большой озелененной территории со своим ландшафтом. Так, например, во второй половине XIX в. Н. Н. Дубровин отмечал: «Деревня, несмотря на то, что абхазцы живут небольшими группами, от пяти до десяти семейств, рассыпается по холмам и косогорам, на значительное расстояние, и оттого местность принимает вид огромного и великолепного парка»[438]. «Вся береговая Абхазия, Цебельда и верхние долины рек Бзыби и Кодора представляют собой как бы один сплошной сад», – сообщал А. Городищев[439]. Графиня П. С. Уварова сравнивала окружающий ландшафт в районе р. Мачара с «роскошнейшими английскими парками»[440]. Согласно представлениям абхазов, природа связана с челове-

---

стоящем) // Сборник статей преподавателей и аспирантов Сухумского государственного педагогического института им. А. М. Горького. – Сухуми, 1970. С. 158.

[436] См.: Шакрыл К. С., Конджария В. Х. Словарь абхазского языка. Первый том. – Сухуми, 1986. С. 359; Кварчия В. Е. Топонимика Абхазии. – Сухум, 2002. С. 241, 261, 369, 399, 411, 432, 448, 463 (на абх. яз.).

[437] Генко А. Н. Абхазско-русский словарь. – Сухум, 1998. С. 365.

[438] Дубровин Н. Н. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1. Кн. 2... С. 37.

[439] Городищев А. (А. Ф. Селиванов). Абхазия // Русская беседа... С. 59–60. То же пишут Ф. П. Доброхотов и др. в книге «Черноморское побережье Кавказа: Справочная книга. Абхазия (географо-исторический очерк)». – М., 1916, М., 2009. С. 402–410 // Абхазия – страна души в 2 т. Сост. М. и В. Котляровы. – Нальчик, 2011. Т. 2. С. 360–364.

[440] Кавказ. Абхазия, Аджария, Шавшетия, Посховский участок. Путевые заметки графини Уваровой. – М., 1891. Ч. 2. С. 95.

ком незримой прочной нитью, и поэтому неудивительно, что они старались создать вокруг себя среду, близкую окружавшей их природе. Наряду с этим, «живописные роскоши пейзажей Абхазии», на которые обращали внимание, например, Дюбуа де Монпере[441] и другие наблюдатели[442], отчасти являлись следствием трудов абхазов. Это справедливо и в отношении адыгов: «Сама живописность пейзажей Черкесии первой половины XIX в., – отмечал В. К. Гарданов, – была в известной степени результатом трудовой деятельности населения»[443]. Западные адыги фруктовые сады, огородные и бахчевые культуры разводили в горной зоне. Знаменитые черкесские сады, славившиеся по всему Кавказу, возникли именно в горах Западного Кавказа[444]. Но наиболее широкое распространение садоводство у адыгов имело на Черноморском побережье Кавказа, что объяснялось прежде всего природными условиями.

Письменные источники раннего Средневековья сохранили единственное в своем роде сообщение о благоустройстве города Себастополиса (современный Сухум), которое принадлежит византийскому автору середины VI в. Прокопию Кесарийскому.

---

[441] Дюбуа де Монпере Фредерик. Путешествие вокруг Кавказа... С. 116.

[442] Образно характеризуя и восхищаясь красотами природы Абхазии, русский поэт-моряк пушкинского времени Е. П. Зайцевский в стихотворении «Абхазия», написанном в Сухуме в 1823 г., в частности, писал: «Волшебный край! Приют цветов! Страна весны и вдохновений! Где воздух напоен дыханием садов» (См.: Дзидзария Г. А. Декабристы в Абхазии. – Сухуми, 1970. С. 84; Пачулиа В. П. Русские писатели в Абхазии. – Сухуми, 1980. С. 6).

[443] Гарданов В. К. Общественный строй адыгских народов. (XVIII – первая половина XIX в.)... С. 70–71.

[444] Тхагушев Н. А. Адыгейские (черкесские) сорта яблони и груши. – Майкоп, 1948; Гарданов В. К. Земледелие у адыгов в XVIII – первой половине XIX века... С. 73, 74, 77, 81–82. В отличие от Западного Кавказа и Дагестана, на территории, например, горной Осетии вследствие исключительного малоземелья и сурового климата почти не было известно садоводство и огородничество (Калоев Б. А. Осетины (Историко-этнографическое исследование)... С. 71).

По его словам, при императоре Юстиниане Себастополис по красоте и по величине сделался «одним из самых замечательных городов»[445]. Следовательно, речь должна идти о возведении в городе жилых построек, культовых и общественных зданий, восстановлении крепостных стен, развитии ремесла и т. д. В этих мероприятиях не последнее место занимало и развитие жизни в земледельческих округах города (по косвенным данным, в окрестностях Себастополиса было больше всего садов), продукция которых участвовала в торговом взаимообмене. Об этом может свидетельствовать тот факт, что, по материалам Ю. Н. Воронова, в VI–VII вв. фрукты из Абхазии вывозились в Византию[446].

Кстати, известная мозаика пола Пицундского собора конца V–VI вв.[447], имеющая важное значение для изучения истории искусства абхазов (в числе ее изображений, таких как фонтан живой воды с птицами, ваза, рыбы, гранатовые деревья), дошла до нас в сильно поврежденном состоянии, т. к. на покрывавшей ее наносной почве долгое время находился монастырский фруктовый сад[448] .

Подъемы и спады в развитии садоводства абхазов находились в прямой зависимости от исторических обстоятельств и экономических условий. Так, создание и укрепление Абхазского царства с VIII в. означало появление условий для развития

---

[445] Прокопий Кесарийский. О постройках // ВДИ. – М., 1939. Т. 4. С. 249.

[446] См.: Воронов Ю. Н. Тайна Цебельдинской долины... С. 87. В 542 г. в связи с появлением у империи опасного противника в лице Сасанидского Ирана, римляне, по словам Прокопия, «до самого основания» разрушают Себастополис, после чего на определенной его части прекращается городская жизнь. Через 13 лет византийцы возвращаются в Себастополис и отстраивают его (Цит. по: Воронов Ю. Н. Научные труды. Т. IV... С. 248, 249).

[447] Шервашидзе Л. А. Средневековая монументальная живопись Абхазии. – Тбилиси, 1980. С. 33.

[448] Там же. С. 9, 14, 15, 17, 20 и сл.

всех видов народного хозяйства[449], постепенного расширения строительной деятельности, большого развития, в частности, виноделия, о чем свидетельствует продукция Атарского керамического производства[450]. И для развития садоводства во времена Абхазского царства создавались благоприятные условия. В эпоху Абхазского царства, отмечает Г. А. Амичба, особое внимание уделялось виноградарству и садоводству, как интенсивным отраслям сельского хозяйства[451]. По имеющимся данным можно судить о том, что абхазские цари и правители осуществляли благоустройство и озеленение своих городов и территорий общественного значения. Так, по свидетельству источника, во втором после Анакопии стольном городе Абхазского царства – Кутаисе абхазскими властями были проведены благоустроительные работы[452]. Именно вокруг Кутаиса располагалась известная область Мохириси, описание которой приводит Прокопий Кесарийский. По его словам, в названной области имелось множество «многолюдных поселков»[453]. «Из всех земель Колхиды, – подчеркивает Прокопий, – эта самая лучшая. Тут... растет много хороших плодов, чего нет нигде в остальной Лазике»[454]. Таким образом, включенная после VIII в. в состав Абхазского царства территория, располагавшаяся в основном в долинах рек Риони и Цхенисцкали, являлась богатым земледельческим краем и наиболее развитым районом Эгриси. При всем при этом, по утверждению Прокопия, собственно Абхазия по сравнению

---

[449] См.: Гунба М. М. Атарские гончарные печи... С. 47–48.

[450] Там же.

[451] Амичба Г. А. Абхазия в эпоху раннего Средневековья (Очерки по истории народного хозяйства и социально-экономических отношений в VI–X вв.)... С. 30.

[452] См. напр.: Джаошвили В. Ш. Население Грузии. – Тбилиси, 1968. С. 205.

[453] Прокопий Кесарийский. Война с готами. – М., 1950. С. 423.

[454] Там же.

с Лазикой была более плодородной и густо населенной[455]. Авторы более позднего периода также замечали, что в Абхазии растет виноград и множество фруктов, а хурмы, каштанов, яблонь, персиков[456] здесь больше, чем в Картли[457].

При планировке средневековых городов, и особенно таких крупных, как Цхум, Никопсии, Пицунда, других крепостей[458], всегда находились, очевидно, места для посадки плодовых деревьев и кустов. «Цхум грузинских летописей и Акуа – абхазцев»[459], в своем культурном развитии не отставававший от крупных городских центров Закавказья, в XII–XIII вв. являлся, как известно, одной из летних резиденций царицы Тамар[460]. От города вглубь страны вели дороги и тропы, соединявшие его с довольно многочисленными монастырями, феодальными поместьями и сельскими усадьбами в окрестностях[461]. К строительным работам, которые велись в городе, привлекались лучшие зодчие[462]. В этот период в Цхуме, как и в царских резиденциях других государств, закладывался, очевидно, и регулярный увеселительный сад, созданный абхазскими садовыми мастерами.

---

[455] Прокопий Кесарийский. Война с готами... С. 423.

[456] О выращивании персика («персидское яблоко») на территории Абхазии еще в IV–II вв. до н. э. говорят археологические материалы (Воронов Ю. Н. Научные труды. Том IV... С. 222.).

[457] Цит. по: Гунба М. М. Абхазия в первом тысячелетии... С. 57. При этом сама Картли в рассматриваемое время являлась высокоразвитой в экономическом отношении страной, о чем сообщает, например, византийский историк VI в. Менандр Протиктор. Он особо отмечал, что земли Иберии были весьма плодородны и давали шахской казне большой доход (Цит. по: Очерки истории Грузии. – Тбилиси, 1988. Т. 2. Гл. IV–VII. § 1).

[458] Хорошо известно, что раннесредневековая Абхазия была страной «со значительным количеством городов, крепостей, храмов» (Трапш М. М. Труды. – Сухуми, 1975. Т. IV. С. 124, 129, 139, 142, 143. 150 и др.).

[459] Сизов В. И. Восточное побережье Черного моря... С. 19.

[460] История и восхваление венценосцев. – Тбилиси, 1954. С. 87.

[461] Воронов Ю. Н. Научные труды. Т. IV... С. 256.

[462] Пачулиа В. П. Сухуми. Акуа. От Диоскурии до наших дней. Историко-культурный очерк. – Сухуми, 1989. С. 161.

Сады являлись частью домов и имений абхазской знати, о чем свидетельствуют некоторые письменные источники нового времени. Так, М. Селезнев о саде владетельного князя Абхазии Михаила Чачба (Шервашидзе) писал: «Каменный и деревянный дворец владетеля Абхазии построены на высоте, командующей над Соуксами (Лыхны – **О. М.**), имеют перед собой зеленый луг, по сторонам которого идут отдельные сакли его служителей, также храм... С боку дворца прилегает сад»[463]. М. Селезнев приводит описание и другого сада, который в середине XIX в. сохранялся в с. Кутол, где находился владетельский дом: «В селении Катаул в резиденции Абживскаго округа местами еще существует древний сад, имеющий высокие ореховые древа, черешни и другие плодовые растения, которые обвиваются до верха виноградными лозами, диаметром в 5 вершков»[464]. Большим любителем садов был удельный князь Гасанбей Чачба (Шервашидзе), который во многих своих имениях разводил большие сады и огороды. Так, по материалам 60–70-х гг. XIX в. А. Пахомова, с переходом Гасанбея на жительство из Сухума в Кяласур в своем имении им было разведено «много фруктовых садов»[465]. Также в имении Гумста, где существовал «главный помещичий хутор», Гасанбеем «была устроена мельница и разведен фруктовый сад», который в этом поместье (как, очевидно, и в других) не обходился без полива, поэтому владельцем было устроено и искусственное орошение[466]. В другом месте у того же А. Пахо-

---

[463] Селезнев М. Руководство к познанию Кавказа. Кн. II // Материалы по истории Абхазии XVIII–XIX вв. (1762–1859). Сборник документальных материалов. – Сухум, 2011. Т. II. С. 278. В Византии, например, фруктовые сады, где росли яблони, груши, вишни, сливы, персики, финиковые пальмы и др., обычно также примыкали к господскому дому.

[464] Селезнев М. Руководство к познанию Кавказа. – СПб., 1850. Кн. III. С. 152.

[465] Пахомов А. Исторические записки по истории Абхазии и князей Шервашидзе... С. 268.

[466] Там же. С. 248.

мова читаем, что Гасанбей «приняв в свое владение Айбухца[467], велел вырубить там лес и развести фруктовый сад». Айбухцинский сад, по утверждению автора, являлся лучшим в Абхазии, «особенно по качеству тамошнего винограда»[468]. Помимо того, Гасанбей, выбрав своим имением местность Парнаут, «отличающуюся очень здоровым климатом, своим летним местопребыванием развел там хороший сад и поселил там для своей услуги несколько анхаю...»[469]. Кроме практических целей, фруктовый сад в жаркое лето давал тень и прохладу и являлся обычным местом отдыха семьи и приема гостей.

К особому типу садов относились священные рощи, связанные с религиозным культом, о которых сообщал еще Прокопий Кесарийский (абазги, писал он, «в мое время почитали рощи и деревья»)[470]. Упоминания о почитании рощ и священных деревьев у абхазов встречаются практически у всех позднейших авторов[471]. Например, по сообщению автора работы «Абхазия

---

[467] По расположению Айбухца (абх. Аибыхуца) соответствует современному пос. Келасур в с. Мачара.

[468] Пахомов А. Исторические записки по истории Абхазии и князей Шервашидзе... С. 271, 272.

[469] Там же. С. 279.

[470] Прокопий Кесарийский. Война с готами. Абхазская интернет-библиотека. Подавляющее большинство дохристианских святилищ на территории Абхазии представляло собой дубовые рощи или отдельные экземпляры этого дерева. До наших дней на правобережье реки Кодор сохранилось абхазское название целого округа – Аджбна (Аԥьбна), т. е. «Дубрава». Широко были распространены также моления в грабовых, буковых, пихтовых, липовых рощах. Например, храм в с. Лыхны и дворец владетельного князя Абхазии, дошедший до нас в виде развалин, были построены в священной липовой роще.

[471] Об этом см. в работе: Акаба Л. Х. Исторические корни архаических ритуалов абхазов. – Сухуми, 1984. Почитание деревьев у абхазов было широко распространенным явлением вплоть до начала XX в. Поклонение священным деревьям и рощам сохранялось и у убыхов, шапсугов, натухайцев и других приморских жителей, вплоть до их выселения в Турцию. Лес и деревья были широко почитаемы у населения Западной Грузии (и в целом у гру-

и ее христианские древности» архимандрита Леонида (Кавелина), «около Пицунды находятся так называемые священные леса абхазцев, которым они поклонялись до принятия христианства в VI веке»[472]. К уникальным рощам относится «знаменитая сосновая Пицундская роща»[473], которую абхазы когда-то охраняли как сакральную[474]. «В старой Абхазии», писал в этой связи С. С. Анисимов, «во времена язычества и полуязычества-полухристианства леса на Пицунде считались священными, может быть это и сохранило их»[475]. Лесничий Н. В. Фон-Дервиз ошибочно полагал, что пицундская сосновая роща «возникла во времена владычества римлян или генуэзцев и создана ими искусственно для парка»[476]. В действительности, пицундская сосновая роща является остатком понтийской флоры третичного периода[477].

Наряду с обычными светскими, на территории Абхазии существовали и храмовые плодовые сады. Если в Западной Европе в эпоху феодализма храмовые сады развивались в основном в монастырях, на защищенной и укрепленной территории, то сады абхазских храмов, не ограничиваясь стенами церквей, рас-

---

зинских племен), что генетически восходит к почитанию тотемного дерева. К числу священных и счастливых деревьев в наше время абхазы относят, главным образом, ясень, яблоню, черешню, грушу, орех.

[472] Абхазия и ее христианские древности. Составил А. Леонид. – М., 1887. С. 40.

[473] Там же.

[474] Пачулиа В. П. Жемчужина Причерноморья. – М., 1987. С. 34.

[475] Анисимов С. С. Кавказский край... С. 80.

[476] Фон-Дервиз Н. В. Сухумский округ... С. 64.

[477] Значительный интерес представляют приводимые Миной Медичи данные о совершении абхазами в священных рощах брачных ритуалов (Цит. по: Акаба Л. Х. Исторические корни архаических ритуалов абхазов... С. 10). В священных лесных рощах абхазы также производили «древесные», «воздушные» погребения мужчин (погибших на войне), жрецов, старейшин, части знати, еще не воспринявшей или отошедшей от христианства или ислама. Обычай «древесного» погребения в пережиточном виде сохранялся у абхазов и адыгов до середины XIX в.

полагались как в пределах монастырей, так и на прилегающих к ним территориях. М. Селезнев, характеризуя сад при Пицундском храме, приводит следующее его описание: «Внутри каменных стен Пицундского монастыря, как и за стенами его, на большое пространство простираются садовые фруктовые растения, посаженные в древности монахами или колонистами»[478] (в этой связи можно отметить и то, что, по свидетельству старожилов, существовал традиционный абхазский сорт яблонь под названием «абертцәа», что означает «яблоня монаха», которые росли при монастырях)[479]. Другой автор, архимандрит Леонид (Кавелин) в 80-х гг. XIX в. о ландшафте вокруг Пицундского храма сообщал: «Перед восточной (со входа) стеной (храма – **О. М.**) растут ряды стройных итальянских тополей, под их сенью приютились гранатовые деревья, а между ними заметил я (в мае) дерево цветущих китайских роз. Подходя к самому монастырю вправо (на север), расстилается великолепная долина, покрытая по местам купами фруктовых и других деревьев»[480]. Известно также о том, что на территории Симоно-Кананитского монастыря в Анакопии монахами были разведены цветы и кустарники, фруктовый сад, масличная плантация, огород[481]. Можно при этом полагать, что свои сады имелись практически при всех храмах Абхазии, а число таких храмов и церквей на территории страны, крупных и менее значительных, насчитывалось, как известно, большое количество. Вместе с тем, подобно тому, как архитектурные

---

[478] Селезнев М. Руководство к познанию Кавказа. Кн. III... С. 111.

[479] Записано со слов старожила Л. К. Мхонджия, 1941 г. р. Отметим и то, что при оградах древних монастырей, в тени фруктовых и иных деревьев, устраивались народные собрания, как и народные суды (Аверкиев И. С северо-восточного прибрежья Черного моря» // Газ. «Кавказ». 1866. № 7). Устраивавшиеся жителями абхазских сел воскресные народные гуляния с традиционными развлечениями обычно проводились в обширных рощах, которых было достаточно вблизи сел и городов.

[480] Абхазия и ее христианские древности... С. 31.

[481] Там же. С. 51.

каноны христианских памятников Абхазии сложились под византийским влиянием, церковные сады как элемент планировки абхазских храмов, очевидно, также были привнесены из Византии и распространились наряду со строительством монастырей.

Поскольку в Средние века, после распада Абхазского царства, имели место бесконечные межфеодальные столкновения, а в дальнейшем (в позднем Средневековье) абхазы вели в большинстве случаев оборонительные войны, их земли были основным театром военных действий со всеми вытекающими отсюда последствиями (и в Западной Европе Средние века с их непрекращающимися войнами не благоприятствовали развитию садоводства, поэтому сады располагались, как сказано, за крепостными стенами и в монастырях). По мнению З. В. Анчабадзе, в течение всего XVI в. Абхазия «продолжала оставаться в непосредственной вассальной зависимости от Мегрельского княжества»[482] (в действительности, Чачба-Шервашидзе подчинялся и приносил присягу имеретинскому царю). Основанием для таких выводов послужили церковные грамоты, в которых говорится о том, что владетель Мегрелии Мамиа III Дадиани Пицундскому храму пожертвовал села «Айтарне, Аруха и Рабица, расположенные вокруг Пицунды, и гору Айтарне с маслинами»[483]. Однако села возле Пицунды вряд ли могли быть подарены, так как они находились на территории абхазских владений. Тем более что ни в одном источнике XVI в. не говорится о каком-либо влиянии Дадиани за рекой Кодор[484]. В данном

---

[482] Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии (VI–XVII вв.). – Сухуми, 1959. С. 258.

[483] Цит. по: История Абхазии. – Сухум, 1991. С. 108.

[484] В тех же грамотах сказано, что вышеназванные владетели являлись царями Кабарды и Осетии. Но на самом деле их власть не распространялась на эти страны. Однако очевидно, что влияние церкви выходило за рамки политических границ (Об этом см.: Хибба Р. А. Вопросы политической и социально-экономической истории Абхазии XVI–XVIII вв. – Сухум, 2014. С. 30–31).

случае нас больше интересует то, что в упомянутой грамоте мегрельского владетеля сказано о возвышенности (горе) с произраставшими на ней маслинами (абх. *амасхэа, азеитын*)[485]. На Черноморское побережье Кавказа и в Абхазию маслина (она же «оливковое дерево») попала, судя по письменным источникам и некоторым археологическим данным, по-видимому, еще до нашей эры из Греции или из Малой Азии (например, еще в IV в. до н. э. оливковое масло и маслины в большом количестве привозились из Синопы в Диоскурию (совр. Сухум)[486]. По данным «Большой Российской энциклопедии», маслина «введена в культуру в 3–2 тыс. до н. э. в странах Ближнего Востока, откуда распространилась по всему Средиземноморью, затем и в др. районы мира»[487]. В «Сборе сведений по культурам ценных растений» за 1895 г. дается перечень «пунктов, где масличные деревья разведены... в отдаленные времена греческими колонистами, представляют [собой город] Гагры, находящийся на берегу Черного моря, на границе Черноморского и Сухумского округов [и территорию в Новом Афоне]. В настоящее время плантация оливковых деревьев, заключающаяся до 7000 экз., по словам монахов, занимает только в Новом Афоне пространство около 50 десят[ин]». По другим сведениям, новоафонские плантации маслин начали закладывать в 1879 г. Сейчас наиболее крупная плантация маслин находится на землях Новоафонского монастыря (об «обширных оливковых садах, тянущихся вокруг Ново-Афонского монастыря (теперь Псырцха)» писал в 1922 г. и К. Паустовский)[488]. Следует привести еще одно более раннее сообщение «комиссии по исследованию земель на северовосточном берегу Черного моря между реками Туапсе и Бзыбью»

---

[485] Русско-абхазский словарь. В 3 томах / сост. В. А. Касландзия, Б. Г. Джонуа. – Сухум, 2016. Т. 1. А – М.

[486] См.: Трапш М. М. Труды. Т. 2. С. 238, 239.

[487] БРЭ. 2005–2019.

[488] Паустовский К. Где нашли золотое руно // Абхазия в русской литературе. Сост. И. И. Квициния. – Сухуми, 1982. С. 152.

в 1867 г. о произрастании вдоль морского берега в районе Гагр «довольно больших и сильных оливковых деревьев, приносящих в некоторые годы хорошие плоды»[489]. Та же комиссия писала об оливковых деревьях, росших «в некоторых пунктах по склону хребта» в «диком состоянии и в смеси с разными лесными породами». Как отмечала названная комиссия, «явление это весьма редкое на Кавказе»[490]. В настоящее время, по данным Б. Г. Аргуна, в районе Гагры, в ущелье Жоэквары, встречаются одиночные масличные деревья на известковых скалах[491]. Они являются живыми свидетелями широкого распространения культурного дерева маслины на территории Абхазии.

При нашествиях внешних врагов, а также в результате междоусобных войн прежде всего сжигались дома абхазов, вытаптывались посевы и вырубались сады. Так, например, по данным, приводимым одним из авторов 70-х гг. XIX в., происходило с «нашествием джигетов с севера или сванетов с запада» – «они сжигали все жилища абхазов, истребляли сады, угоняли скот»[492]. Такими же были результаты неоднократных набегов других горских народов и общин (убыхов, ахчипсувцев, псхувцев, цебельдинцев) на предгорные и прибрежные регионы Абхазии. Систематические набеги исключали в ряде районов Абхазии ведение правильного хозяйства, в том числе и, несомненно, садоводства. Весьма пагубно действовали на состояние сельского

---

[489] См.: Отчет комиссии по исследованию земель на северо-восточном берегу Черного моря между реками Туапсе и Бзыбью... С. 4. По сообщению, например, С. С. Анисимова, местность от Туапсе до Сухума была «похожа на огромный, роскошный природный сад» (Анисимов С. С. Кавказский край... С. 80).

[490] Отчет комиссии по исследованию земель на северо-восточном берегу Черного моря между реками Туапсе и Бзыбью... С. 4.

[491] См.: Аргун Б. Г. Культура маслины в Абхазии. – Сухуми, 1962. 122 с.

[492] Аскоченский В. Абхазцы и Пицунда // Домашняя беседа. – СПб., 1877. Вып. 33. С. 929.

хозяйства абхазов «частые нашествия турецких агрессоров»[493]. Кстати, согласно данным, приводимым Эвл. Челеби, плодовые культуры и виноград абхазов входили в уплату налога в пользу Османского государства. Но, как отмечает по этому поводу Эвл. Челеби, турки-османы не могли заставить абхазов выплачивать дань и платить налог с урожая виноградников и садов[494] (что свидетельствует о том, что Абхазия в XVII в. не была завоевана турками). Большой урон сельскому хозяйству наносили также карательные экспедиции царских войск. В частности, в декабре – январе 1841 г. полковник Н. Н. Муравьев обрушился особенно на Дал (с. Лата), в результате чего жилища и зимний запас продовольствия абхазов были «преданы огню»[495] (в том числе и традиционно заготавливавшиеся абхазскими женщинами в большом количестве сушеные яблоки, каштан, инжир, дикая хурма и др., которые были естественной заменой продукции земледелия, например, в неурожайные годы)[496]. По сведениям Н. М. Альбова, упадок садоводства «начался со времени окончательного покорения Абхазии русскими, когда массы самых деятельных и способных туземцев выселились в Турцию»[497].

Полному разорению и разрушению сельское хозяйство абхазов подверглось в период Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. По этому поводу корреспондент газ. «Тифлисский вестник» сообщал: «Богатейшая в мире страна, начиная от реки Моквы и кончая Гудаутами, Гаграми, Пицундой и проч., – обратилась в

---

[493] Антелава И. Г. Очерки по истории Абхазии XVII–XVIII веков. – Сухуми, 1949. С. 99.

[494] Челеби Эвл. Книга путешествия. – М., 1983. Вып. 3. С. 108.

[495] История Абхазии. – Сухум, 1991. С. 173.

[496] «В неурожайные годы, – писал З. В. Анчабадзе, – несмотря на природные богатства края, немало людей умирало и от голода» (Анчабадзе З. В. Очерк этнической истории абхазского народа. – Сухуми, 1976. С. 80).

[497] Альбов Н. М. Состояние садоводства в Абхазии // Из «Записок Императорского Общества Сельского Хозяйства Южной России»... С. 18.

пустыню»[498]. Другой автор информировал о том, что «прекрасные сады и виноградники были или уничтожены, или не находилось более рук для уборки их»[499]. Подводя печальный итог, газ. «Голос» констатировала: «Поля, сады, виноградники – все это истоптано, уничтожено и не скоро уже может быть приведено в прежнее состояние»[500].

Негативное воздействие на плодоводство оказывали и холодные зимы, которые выпали, в частности, на 1878, 1892 и 1895 гг. Наиболее пагубное влияние на садовые культуры Абхазии оказала зима 1911 г. В газетах того времени сообщалось, что под тяжестью снега обламывались деревья и «гибли разные южные растения»[501] и что снег «даже выворачивает с корнем деревья». «Большой снег» нанес немалый урон крестьянским хозяйствам, так как, помимо гибели скота, погибли многие фруктовые деревья[502]. Несмотря на это, в последующие годы плодоводство возобновлялось и абхазы собирали со своих приусадебных садов хорошие урожаи яблок и других плодовых[503].

Жестокий удар по садоводству абхазов был нанесен грузино-абхазской войной 1992–1993 гг. В результате боевых действий танками и снарядами были уничтожены целые плантации и сады, расположенные в прифронтовых местах и в районах партизанских сражений. Большое количество ценнейших местных пород растений было загублено, а множество ранее

---

[498] Газ. «Тифлисский вестник». 4 сентября 1977 г. № 191.

[499] Лебедев Л. Е. Война 1877–1878 гг. – СПб., 1882. Т. III. Вып. II. С. 227.

[500] Газ. «Голос». 5 июня 1878 г. № 154.

[501] Цит. по: Агумаа А. С. «Ас-ду» или «Большой снег» в 1911 году. – Сухум, 2009. С. 10.

[502] Там же. С. 28.

[503] Отрицательное воздействие на плодоводство и вообще сельское хозяйство Абхазии оказывали также сельскохозяйственные вредители, в том числе «из царства пернатых и хищных животных», о чем в 1894 г. писал работавший в Абхазии агрономом Г. А. Рыбинский (См.: Рыбинский Г. А. Сухумский округ. Абхазия в сельскохозяйственном и бытовом отношении. – Тифлис, 1894. С. 26).

цветущих усадеб оказались заброшенными: виноградники, различные фруктовые деревья были поражены заболеваниями, высохли, погибли[504].

Разные авторы, бывавшие в Абхазии, подчеркивали, что, кроме, собственно, садов, в Абхазии было, как сказано, много лесосадов, в которых произрастало множество диких фруктов (что развивало у абхазов привычку пользоваться лесными плодами). В отношении растительных пищевых ресурсов Абхазии интересно сообщение Страбона о том, что «склоны гор в Колхиде производят такое изобилие диких древесных плодов, как, например, яблоки, груши, разные сорта орехов, что люди, отправляясь в лес за ними, находят там большие запасы плодов во всякое время года»[505]. Предположим даже, что ряд плодовых сортов представляет результат интродукции в историческое время, но основными ресурсами питания здесь всегда были дуб, каштан съедобный, бук, лещина, грецкий орех, павой, тисс, шелковица, кизил, дикие груши и яблони, боярышник, мушмула, ежевика, алыча, черешня, облепиха, дикая хурма (эти плодовые растения зимой, когда запасы пищи иссякали, спасали «самые бедные семьи абхазов от голода»)[506]. Всего в современной флоре Абхазии насчитывается 68 видов плодовых деревьев и кустарников, т. е.

---

[504] Колоссальный ущерб был нанесен грузино-абхазской войной 1992–1993 гг. Сухумскому ботаническому саду. В результате войны было утрачено 30 % древесно-кустарниковых форм, 80–85 % травянистых растений, 100 % собственных сортов цветочных культур, 90–95 % растений закрытого грунта. После окончания войны коллектив специалистов начал восстанавливать утраченные сокровища флоры. Ведется научная работа, восстанавливаются утраченные контакты, проводятся экспедиции.

[505] Цит. по: Соловьев Л. Н. Первобытное общество на территории Абхазии. Природа и человек нижнего и среднего палеолита Абхазии. – Сухуми, 1971. С. 12.

[506] Сведения французского коммерсанта Поля Гибаля об экономическом положении и социальных отношениях в Абхазском княжестве. 21 мая – 24 декабря 1820 г. // Материалы по истории Абхазии XIX века (1803–1839). – Сухум, 2008. Т. I. С. 141.

около 1/2 всех деревьев и 1/3 всех кустарников, произрастающих в Абхазии[507]. К этому списку можно прибавить много видов плодовых, исчезнувших во время оледенения, и недревесные плодовые.

Как выше отмечалось, в ходе боевых действий, в первую очередь вытаптывались посевы и вырубались сады, как это имело место, например, в период Кавказской войны, с тем чтобы заставить население покориться российской армии. Поэтому после карательных экспедиций царских войск, когда население оставалось без средств к существованию, плоды лесосадов спасали жителей от голодной смерти.

Абхазия, как было отмечено еще П. М. Жуковским, является страной дикого каштана, который образует там огромные массивы[508]. В западной части Краснодарского края, по рельефу и растительности сходной с Северной Абхазией, каштан не образует таких массивов, как в Абхазии. Значительные группировки его имеются в области р. Мзымты[509]. Наличие в Абхазии больших массивов каштанового леса также позволяло населению делать на зиму большие запасы его плодов. По сведениям Ф. Ф. Торнау, горные абхазы (медовеевцы) «сушат каштаны на зиму и, разварив потом в воде, едят их с маслом или с молоком»[510]. Большую роль в хозяйстве абхазов играли также алыча, барбарис, гранат и кизил, сок которых служил приправой к пище. Ими запасались на зиму в переработанном и сушеном виде[511]. Эти

---

[507] Васильев А. В. Дикорастущие плодовые и пищевые древесные породы Абхазии... С. 13.

[508] Небезынтересно отметить, что плоды каштана получили популярность и распространенность во времена Александра Македонского, армия которого в походах повсеместно высаживала каштановые деревья.

[509] Жуковский П. М. Культурные растения и их сородичи... С. 427–428.

[510] Торнау Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера. – Черкесск, 1994. С. 141.

[511] См.: Введенский А. Н. Экономическое положение туземного населения Сухумского отдела // ССКГ. – Тифлис, 1871. Вып. VI. С. 18.

консервы сохраняли «приятную свежую кислоту и аромат»[512]. В мощных культурных слоях поселений колхидской культуры в Восточном Причерноморье эпохи поздней бронзы – раннего железа в большом количестве представлены и остатки орехов, каштанов, желудей, виноградные косточки и т. д.[513].

Наличие лесосадов из диких и одичалых фруктовых деревьев, несомненно, являлось показателем большого развития садоводства у абхазов еще в древности. У них, как у адыгов, была традиция прививать в лесу черенки плодовых деревьев. Об этом имеется множество фактов, о которых нам сообщали старожилы. Эти окультуренные сорта фруктов мог есть любой путник, а места их произрастания назывались *аккара*, т. е. «рощи», или уже отмеченным выше термином «ақэатца». В экофильных ориентациях абхазской культуры, отмечал Я. В. Чеснов, подчеркивается активность человеческой позиции. «Сохранившего саженцы ждут деревья», – гласит пословица. В народе хранится память о тех людях, которые и вне своего дома бережно, по-хозяйски относились к природе, растениям и животным. Такую память о себе может оставить человек, который в лесу окультуривал дикие яблони и груши, в горах обустраивал родник. По взглядам носителей традиционной абхазской культуры, «деятельность человека должна не только сберегать данное природой, но и улучшать ее как среду обитания человека»[514].

---

[512] Пахомов А. Абхазия в сельскохозяйственном отношении... С. 58.

[513] Кахидзе А. Ю. Восточное Причерноморье в античную эпоху (VI–I вв. до н. э.). Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. докт. ист. наук... С. 7, 8.

[514] Чеснов Я. В. Ценность жизни и экофильные ориентации в традиционной абхазской культуре // ЭС. – М., 1991. Акад. А. Э. Куправа приводит свидетельство «об удивительной традиции, бытовавшей в старину – когда дерево переставало плодоносить, его не срубали, а, подойдя к нему с топором, замахивались на него несколько раз и легко стучали обухом, считая, что дерево способно испугаться, как всякое живое существо» (Куправа А. Э. Вопросы традиционной культуры абхазов. – Сухум, 2008. С. 24–25).

Путешественники, бывавшие в Абхазии в XVIII–XIX вв., поражались высотой деревьев в местных садах. Им встречались гигантской величины яблони, груши, огромные грецкие орехи, многосортные сады белой черешни и черешни обычной, вишни, слив и других плодовых.

В изобилии росшие грецкие орехи всегда составляли необходимую принадлежность каждого абхазского сельского ландшафта[515]. Некоторые деревья имели обхват ствола в полтора и более метров. Удивляясь их величинам, В. А. Разевиг отмечал, что грецкие орехи достигали там до полутора и даже до двух обхватов в толщину. Примечательно, что в окрестностях Сухума, по словам Ф. Боденштедта, росло «очень старое ореховое дерево, которое благодаря своей высоте и могучему стволу известно по всему побережью Понта. Под кроной этого исполина мог бы разместиться целый батальон солдат»[516]. Почти то же самое писал Г. Филипсон: «Липы и орешник достигают гигантских размеров, так что под одним деревом рота могла находить тень и ночлег»[517]. Наиболее крупные массивы грецкого ореха были отмечены в долине р. Кодор[518]. По данным А. Н. Дьячкова-Та-

---

[515] См.: Альбов Н. М. Состояние садоводства в Абхазии // Записки Императорского Общества Сельского Хозяйства Южной России. – Одесса, 1892 // Очарованный Абхазией. Жизнь и странствия Николая Альбова. – Сухум, 2016. С. 95.

[516] Цит. по: Хотелашвили-Инал-ипа М. К. История и этнография Абхазии... С. 280. Подобные деревья имелись во многих местах Закавказья. Так, в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона приводится сообщение о том, что в Цхинвальском районе Южной Осетии в 12 верстах (12,8 км) от Цхинвала рос грецкий орех высотой 84 фута (25,6 м) и обхватом 28 футов (8,5 м), в его тени могли укрыться до 200 всадников.

[517] Филипсон Г. И. Воспоминания. – М., 1855. С. 92–196, 257 // Материалы по истории Абхазии XIX века (1803–1839). Сборник документальных материалов. Т. I.– Сухум, 2008. С. 244.

[518] Ган К.Ф. Поездка в Мингрелию, Самурзакань и Абхазию // КВ. – Тифлис, 19 02. № 4. С. 47; Колаковский А. А. Флора Абхазии. – Тбилиси, 1982. Т. II. С. 238–239.

расова, в 60-х гг. XIX в. в Цебельде насчитывалось 5 тыс. 132 ореховых дерева[519].

Было три сорта грецкого ореха: сорт с твердой скорлупой (*аракэанда*), ранний сорт (*арамҽыҷ*) и лучший абхазский сорт с тонкой скорлупой и полным ядром под названием *амергуз*[520]. Собственно говоря, грецкий орех, писал С. П. Басария, нельзя назвать породой вполне дикой в Абхазии: встречается он главным образом только «в селениях или в тех местах, где таковые некогда существовали, но во всяком случае дичает он очень легко и в таком виде, в качестве обычной породы, вместе с каштанами и буком встречается в первобытных лесах Дальского ущелья (по реке Кодору)»[521]. Кстати, в погребениях на территории исторической Цебельды были найдены плоды двух видов местного ореха. Так, в Апуштинском могильнике IV–VI вв. на топоре сохранились остатки ветви с листьями и плодами мелкого местного ореха фундук[522]. В одном из погребений у крепости Цибилиум также найдено несколько грецких орехов.

До последнего времени оба вида орехов занимали значительное место в растительном комплексе Цебельды и Кодорского ущелья[523]. Грецкий орех абхазы называли аҧсныхэша, букв. «масло Абхазии», так как из него получали (как и сегодня) ореховое масло, ореховое тесто, что являлось основой для соусов, подлив, а также различных обыденных и праздничных блюд. Орехи, отмечает проф. Ш. Д. Инал-ипа, в абхазской кухне, как и мегрельской, играют почетную роль: кушанья с орехом считаются чуть ли не верхом кулинарного искусства[524]. Кожура плода

---

[519] Дьячков-Тарасов А. Н. Несколько слов о заселении Цебельды // Газ. «Кавказ». 1868 г. № 129.

[520] Цит. по: Инал-ипа Ш. Д. Абхазы. – Сухуми, 1965. С. 258.

[521] Басария С. П. Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении... С. 27.

[522] Воронов Ю. Н. Тайна Цебельдинской долины... С. 57.

[523] Там же.

[524] Инал-ипа Ш. Д. Абхазы... С. 346.

грецкого ореха употреблялась в качестве краски, а ореховая древесина использовалась как строительный материал.

Сбор грецких орехов производился в порядке взаимопомощи. Подростки и молодые мужчины сбивали орехи палками, забирались на деревья и трясли их. Женщины подбирали орехи и укладывали в корзины, затем очищали от внешней корки и сушили[525].

Грецкий орех, его древесина и плоды были одним из предметов экспорта из Абхазии. Известно, что древние греки и римляне наряду с другими плодовыми растениями из Абхазии и соседних причерноморских районов Кавказа вывозили орешник и разводили его у себя. Грецкий орех отправлялся, например, и в древнерусские города[526]. Так, по свидетельству археолога Б. А. Колчина, очень любили привозные грецкие орехи новгородцы[527]. Находки в Новгороде скорлупы грецких орехов, обнаруженные при раскопках в культурных слоях различного времени, свидетельствуют о том, что большинство из них приходится на XII в. Начиная с 40-х гг. XIII в. скорлупа грецких орехов встречается редко[528]. Часть урожая орехов, например, в позднем Средневековье экспортировалась в Турцию; к вывозным товарам абхазов причислялись также фундук и масло[529], получаемое из грецкого ореха. Орех являлся важной статьей экспорта из Абхазии и в XIX – нач. XX в. По официальным данным, в 1848–1852 гг. только из Сухумского порта было вывезено 320 тонн плодов ореха, а вывоз ореховых кряжей из дореволюционной Абхазии, главным образом в Америку и Англию, достигал ежегодно 500–

---

[525] Смирнова Я. С. Семейный быт и общественное положение абхазской женщины (XIX–XX вв.)... С. 128–129.

[526] Там же. С. 347.

[527] См.: История садоводства в Древней Руси. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.bibliotekar.ru/rusNovgorod/127.htm

[528] Торговля Новгородской республики. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.agmi.ru/category/istoriya_rossii/torgovlya1.phtml.

[529] Челеби Эвл. Книга путешествия... С. 9, 10.

600 тонн и более[530]. Большая часть ореховых деревьев, писал И. А. Аджинджал, была «хищнически вырублена подрядчиками на предмет вывоза за границу при царизме»[531].

Среди большого разнообразия плодовых культур в абхазских садах, по мнению Н. В. Фон-Дервиза, проявлявшего интерес к традиционному садоводству абхазов, преобладали яблоки и черешни[532]. В. Чернявский насчитывал у абхазов до пяти сортов черешни. Лучшие их сорта разводили в горных и предгорных местностях Абхазии, преимущественно путем прививки садовых черешен к диким. Э. Спенсер описывает вишневые деревья, увиденные им в районе Пицунды, которые превосходили по величине то, что он «когда-либо видел раньше»[533]. Своими размерами и вкусом отличалась также и вишня, встречающаяся и сегодня, преимущественно с коричневыми и черными плодами. Упомянутый А. Н. Дьячков-Тарасов указывал, что, спускаясь с перевала в прибрежье, он проходил буквально аллеями садов белой черешни[534].

Очень распространенными из фруктов были наиболее древние плодовые культуры – инжир и виноград. Инжир (считавшийся у абхазов «первым и любимым пророком фруктовым деревом»), благодаря высокому содержанию сахара, обладает свойством утолять голод. Поэтому абхазы, уходя в дальнюю дорогу в инжировый сезон, не брали с собой еды, обходились плодами инжира, росшего вокруг в изобилии. В. Чернявский перечислял четыре сорта инжира: «ацыс лаха, атапарджан лаха, алахаш, алахашкуакуа»[535].

---

[530] См.: Хашба Л. Х. Культура грецкого ореха в Абхазии... С. 3.

[531] Аджинджал И. А. Из этнографии Абхазии... С. 423.

[532] Фон-Дервиз Н. В. Сухумский округ // ЗКОИРГО. Кн. XXV. Вып. 8… С. 44.

[533] Цит. по: Чанба Р. К. Земледелие и земельные отношения... С. 60.

[534] Дьячков-Тарасов А. Н. Через перевал Псеашхо к Черному морю // СМОМПК. –Тифлис, 1902. Вып. XXXI. С. 31.

[535] Цит. по: Чанба Р. К. Земледелие и земельные отношения... С. 59.

Турецкий автор середины XVII в. Эвл. Челеби сообщал об изобилии в садах *абаза* абрикосов[536]. Они произрастали в Абхазии и в начале XIX в., что подтверждается сведениями С. Броневского[537]. Но некоторые исследователи данные о разведении абхазами абрикоса считают единичными[538]. Те же сведения, которые встречаются, относятся, как они полагают, к мелким сортам персиков[539]. На основании этого считается, что естественно-географические условия не благоприятствовали их разведению на Черноморском побережье Кавказа. В черкесских садах вишня и абрикосы также не культивировались[540]. Однако на этот предмет имеются и некоторые другие сообщения. Так, по сообщениям П. С. Уваровой, адыги «должны были делать известное число прищепов на фруктовых деревьях» и «следы этих забот видны... в особенности на абрикосовых деревьях»[541]. Согласно некоторым другим источникам, абрикосы произрастали и в садах убыхов. По этому поводу в журнале «Сияние» за 1872 г. отмечалось: «Абрикосовые, персиковые, грушевые и яблоневые сады покрывали большие пространства их (убыхов – **О. М.**) земель»[542]. Позднее П. П. Надеждин писал об обилии абрикосов

---

[536] Брун Ф. Путешествие турецкого туриста вдоль по Восточному берегу Черного моря // ЗООИД. – Одесса, 1875. Т. IX. С. 179.

[537] См.: Материалы по истории Абхазии XVIII–XIX вв. (1762–1859). Сборник документальных материалов. Сост. А. Э. Куправа, С. Ш. Салакая, А. Ф. Авидзба. – Сухум, 2011. Т. II. С. 61.

[538] См.: Земледелие и скотоводство у абхазов... С. 44.

[539] Там же.

[540] Там же. Принято считать, что абрикос попал на Кавказ через Иран и произрастает на Южном Кавказе на протяжении тысяч лет. Повсеместно абрикосы растут в Азербайджане и Армении. В Грузии абрикос выращивается, главным образом, в восточных частях страны.

[541] Кавказ. Абхазия, Аджария, Шавшетия, Посховский участок. Путевые заметки графини Уваровой. Ч. 2... С. 69–70.

[542] Цит. по: Пачулиа В. П. Из Сочи в Сухуми. – М., 1965. С. 9. См. также: Пачулиа В. П. Падение Анакопии. Легенды Кавказского Причерноморья. – Сухум, 2009. С. 116–117.

и персиков в садах Абхазии[543]. Произрастание в Абхазии абрикосов было установлено и ботаником, географом Н. М. Альбовым[544].

У тех же убыхов, по сообщению Л. И. Лаврова, одни фрукты отличались сочностью и величиной, а другие – продолжительной сохранностью. В последнем случае, как считает проф. Ш. Д. Инал-ипа, имелось в виду знаменитое «абхазское зимнее железное яблоко», наверняка культивировавшееся и у них[545]. На вопрос корр. газ. «Одесский вестник» удельному князю Гасанбею Чачба (Шервашидзе) о том, почему абхазы не делают запаса фруктов на зиму, он отвечал: «Плоды сохраняются свежими до глубокой осени и даже до зимы, и в январе еще можно находить хорошо сохранившиеся свежие яблоки»[546] (при этом, как уже было сказано, абхазы занимались и заготовкой на зиму сушеных фруктов, об этом см. и ниже). По нашим полевым этнографическим материалам, «зимнее яблоко» у абхазов сохранялось почти до марта месяца. С. П. Басария в 1923 г. отмечал, что по настоящее время славится местный сорт яблок, так называемое «железное» или «абхазское яблоко»[547]. Кроме «зимнего железного яблока» особенно выделялись сорта «ацәахаҳаҟаԥшь», «аԥхынцәа», «ацәаҽежь», «абымбатцәа», «аҕбатцәа», «ашьақартцәа»[548] (к сожалению, абхазские сорта яблок в научном плане пока еще остаются не до конца изученными). Согласно

---

[543] Надеждин П. П. Кавказский край. Природа и люди. – Тула, 1895. С. 89.

[544] Альбов Н. М. Состояние садоводства в Абхазии // Записки Императорского Общества Сельского Хозяйства Южной России. – Одесса, 1892 // Очарованный Абхазией. Жизнь и странствия Николая Альбова... С. 94.

[545] См.: Инал-ипа Ш. Д. Убыхи. Историко-этнографические очерки. – Сухум, 2015. С. 328.

[546] И. И. Согум-кале (из путевых записок о Кавказе // Газ. «Одесский вестник». 1839. .№ 31.

[547] Басария С. П. Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении... С. 113–114.

[548] См. напр.: Абхазы. Народы и культуры. – М., 2012. С.141.

данным биолога Н. Тхагушева, основные сорта адыгской яблони отличаются от ассортимента смежных с Краснодарским краем предгорных районов Северного Кавказа, Абхазии и Крыма. Это лишний раз свидетельствует о том, что население Черноморского побережья, в том числе и Абхазии, создавало свои сады на основании выведения местных сортов яблок и других плодовых растений из диких форм путем длительной окулировки.

Показателем высокой оценки абхазской яблони является тот факт, что в больших и малых садах, которые стали разводить с 1893 по 1894 гг. колонисты в лице эстонцев, немцев, русских и др., по данным Н. В. Фон-Дервиза, «преобладающее количество яблок – абхазские»[549].

Наряду с местными аборигенными сортами, в садах абхазов, отмечает Ш. Д. Инал-ипа, произрастали и некоторые завезенные яблони. Он приводит сообщение В. И. Чернявского о том, что в немногих садах княжеских и дворянских хозяйств, «особенно же в саду Хасана Маргани в Псырдзхе, самом замечательном в Абхазии», разводились турецкие хорошие сорта яблонь[550]; то же самое относилось и к садзам, привилегированное сословие которых выписывало лучшие сорта яблок и других плодовых из Анатолии (при этом, по указанию П. М. Жуковского, «яблоня в Анатолии, вероятно, занесенная культура, вряд ли возникшая самостоятельно в этой области»)[551]. Особой известностью в XIX в. пользовались крупные и хорошие яблоки из соседней с Псырдзхой горной общины Анхуа, а также цебельдинские яблоки и айвы. По подсчетам А. Н. Дьячкова-Тарасова, в Цебельде в 60-х гг. XIX в. имелось до 700 яблонь и айвы, персиков и других пло-

---

[549] Фон-Дервиз Н. В. Сухумский округ // ЗКОИРГО. Кн. XXV. Вып. 8... С. 45.

[550] См.: Чернявский В. И. Плоды Абхазии, Джигетии и Мингрелии... С. 132.

[551] Цит. по: Ханаху Р. А. Адыгская (черкесская) философия и культура. Энциклопедия. – Майкоп, 2022. С. 78.

довых деревьев[552]. Популярным был также местный сорт груши под названием «Цебельдинское красное»[553]. Среди многочисленных сортов груш в Абхазии были распространены «аҳаш», «аҳаҧеѡ», «ақәыпсҳа», «аҽеадҳа», «алуҳа», «аҳасса», «ахэыʒҳа», «алагэанҳа», «аҭырқәҳа» и др.

Сведений о хозяйстве других горных обществ – Псху, Ахчипсы, Аибга – не так много, но можно полагать, что они не уступали Далу и Цебельде. По словам одного наблюдателя XIX в., в обществе Псху он видел «богатейшие остатки одичалых заросших садов»[554]. Там же, по свидетельству С. П. Басария, до сих пор сохранялись «великолепные сады – гигантские плодовые и ореховые деревья – свидетели совершенства этой отрасли хозяйства[555]. «Много фруктов», по сообщению автора первой половины XIX в. Клапрота, произрастало у садзов[556]. Кстати, Ф. Ф. Торнау представлял дело таким образом, будто садзы не занимались садоводством и что «природа сама заботится о снабжении их плодами всякого рода»[557]. Однако, помимо цитированного Клапрота, и другие авторы приводили немало фактов трудовой деятельности садзов. Так, еще Эвл. Челеби обратил внимание на то, что территория района современных Гагр и нижнего течения р. Псоу была покрыта виноградниками и сплошными садами жителей Геч[558]. «Ущелья этих рек, – отмечал А. Н. Дьячков-Тарасов, – сохранили следы пребывания трудолюбивого

---

[552] Дьячков-Тарасов А. Н. Несколько слов о заселении Цебельды // Газ. «Кавказ». 1868 г. № 129.

[553] Бгажба М. Т. Растениеводческие основы сельского хозяйства... С. 37.

[554] Газ. «Черноморский вестник». 1895 г. № 45.

[555] Басария С. П. Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении... С. 113.

[556] Цит. по: Анчабадзе Ю. Д. Абаза (К этнокультурной истории народов Северо-Западного Кавказа)... С. 156.

[557] Дзидзария Г. А. Ф. Ф. Торнау и его кавказские материалы... С. 103.

[558] Челеби Эвл. Книга путешествия. Вып. 3... С. 103.

населения: всюду группы грецкого ореха, различные фруктовые деревья»[559]. В сплошных садах садзов, состоявших в том числе из небольших участков возле каждого дома, обязательно выращивали яблоню, грушу, вишню.

Значение садов в экономической жизни абхазов, особенно в условиях товарно-денежных отношений и хозяйственного развития страны в 70-х гг. XIX в., можно проследить по материалам Сухумской сословно-поземельной комиссии (утверждена 16 мая 1867 г.). Из них следует, что в пореформенный период не только крестьяне анхаю, но и ахоую (крепостные крестьяне), а в данном случае зажиточные крепостные, сосредотачивали в своих руках значительное количество земли. Среди этих земельных участков обязательно присутствовали сады, в ряде случаев и по несколько таких садов. Приведем некоторые из этих очень интересных данных. Так, лыхненский ахоую Еслам Ванача (Уанача) перед реформой купил у разных лиц пашню и садовые участки в размере около 5,5 десят., заплатив 24 руб., 1 корову и 1 козу[560]. Звандрипшский ахоую Гамсония купил сад, превышающий 2,5 десят., который впоследствии оценивался в 40 руб.[561]. В с. Апцхва ахоую М. Жепшь купил сад за 4 коровы[562]. Ахоую с. Акваскямца Кина Дасания имел 3 садовых участка в 4 десят., купленных у разных лиц за 3 коровы и 1 теленка[563]. Ахоую того же села Джинджик Курмазия купил 2 садовых участка в 3,5 десят., а отец Туга Дасания – 6 десят., Мадж Мшелия – 4 десят.[564]. Нужно сказать, что многие ахоую из-за бедственного положения и сами продавали свои земли и сады. Так, куланурхский анхаю Даут Гыцба продал свой сад дворянину К. Лакрба,

---

[559] Дьячков-Тарасов А. Н. Гагры и их окрестности // ЗКОИРГО. Кн. XXIV... С. 85.

[560] См.: Дзидзария Г. А. Труды. – Сухуми, 1888. Книга I. С. 359.

[561] Там же.

[562] Там же.

[563] Там же.

[564] Там же. С. 359–360.

ввиду того что он «задолжал как-то много, не имел возможности заплатить»[565].

Интерес абхазов к этой отрасли промышленности объяснялся, очевидно, не только тем, что продукция садоводства в полной мере обеспечивала потребности семей, но и тем, что она являлась выгодной статьей экспорта и была интегрирована в другие отрасли хозяйства. А. Н. Дьячков-Тарасов в этой связи отмечал, что «главный доход... цебельдинцев был от продажи в Сухуме фрукт»[566]. Агроном Г. А. Рыбинский считал, что «за 40 лет нашего влияния на склад их (абхазов – **О. М.**) жизни, они примирились лишь с необходимостью продавать только кукурузу и фрукты»[567] . Но особенно в большом количестве в Сухум, Москву и другие города России прекрасные яблоки, персики, груши и проч. ранних и поздних сортов вывозили в начале XX в.[568]. О количестве отправлявшихся на экспорт фруктов есть сообщение К. Кудрявцева: «Вывоз «из страны сушеных и свежих фрукт» намного «превышал сто тысяч пудов в год»[569] (отметим еще раз, что, согласно полевым этнографическим материалам, абхазские женщины издавна занимались сушкой яблок и некоторых других фруктов и ягод: инжира, дикой хурмы и др.). С началом Первой мировой войны 1914 г. ситуация с продажей абхазских фруктов поменялась. Как отмечалось в одном из источников, многие в Абхазии не знают, куда сбывать плоды,

---

[565] Там же. С. 360.

[566] Газ. «Кавказ». 1868 г. № 129.

[567] Рыбинский Г. А. Сухумский округ. Абхазия в сельскохозяйственном и бытовом отношении... С. 14. На самом деле, еще раньше, по данным Р. де Скасси и П. Гибаля (1818 г.), Ф. Торнау (1835–1838 гг.), М. Ольшевского (1839 г.) и др., абхазы приносили на продажу «все местные товары», в том числе сыр, молоко, яйца, кур и т. д. (См.: Дзидзария Г. А. Труды. – Сухуми, 1988. Книга I. С. 197, 198, 199, 200 и сл.).

[568] Газ. «Сухумский вестник». 30 октября 1912 г.

[569] Кудрявцев К. Сборник материалов по истории Абхазии. – Сухум, 1922. С. 22.

и продают их за бесценок на местных рынках или «не заводят вовсе садов»[570].

Множеством фруктовых деревьев изобиловали и соседние с Абхазией территории, и в частности, регионы Западной Грузии – Имерети и Мегрелия[571]. Но Имерети и Мегрелия больше славились разными сортами инжира, тогда как Абхазия, по утверждению Г. С. Читая, – черносливами и т. д.[572]. Обилием различных видов сливовых, в особенности терна (Prunusspinosa) и алычи (Prunusvchustii), с древнейших времен отличалось почти все Восточное Причерноморье, и в частности Сочинский сектор и прилегающие к нему с северных и южных склонов Главного хребта лесные долины больших и малых рек (в местах не свыше 500–600 м над уровнем моря). Вахушти в числе многих фруктов и ягод, распространенных в Грузии и Абхазии в XVIII в., перечисляет и сливы многих сортов[573]. Как считает П. М. Жуковский, слива была одомашнена древними земледельцами Кавказа из естественных гибридов терна и алычи[574]. Но Абхазия была известна не одними черносливами[575]. Об этом (в отличие от Н. В. Фон-Дервиза, который считал, что в садах абхазов преобладали яблоки и черешни), еще в 60-х гг. XIX в. Евграф Ковалевский писал: «Абхазия была особенно богата грушами, сливами

---

[570] Известия Сухумской садовой и сельскохозяйственной опытной станции. – Сухум, 1914. № 14. С. 7.

[571] Смоленский С. Воспоминания кавказца // ВС. 1872. № 10. С. 336, 354. Еще ранее о богатстве Абхазии (берега моря в районе Псырцхи и в глубину страны, а также в Сухумской крепости) разными фруктами сообщал М. Селезнев (Селезнев М. Руководство к познанию Кавказа. Кн. III... С. 146, 149).

[572] Народы Кавказа. Этнографические очерки... С. 247. Собственно слива на мегрельском языке называется «дамази», что переводится как «слива из окрестностей гор. Дамаска» (Кипшидзе И. Грамматика мингрельского (иверского) языка... С. 222).

[573] Грузины. Народы и культуры… С. 306.

[574] Жуковский П. М. Культурные растения и их сородичи... С. 313–314, 317–318.

[575] См.: Дзидзария Г. А. Труды. Книга I... С. 103.

и персиками»[576] (множество разновидностей произраставших у абхазов персиков были с мякотью белой, желтой и розовой, с косточкой, отделяющейся и не отделяющейся от мякоти)[577]. И эти крупные плоды были высокого качества. Ф. Ф. Торнау, попав к абхазам горной общины Чужгуча на р. Чужипсы (Цвидзипсы), неожиданно увидел там изобилие персиков, груш и яблок, «превосходящих величиной и сочностью все подобные плоды, какие можно встретить в других местах по берегу Черного моря»[578]. О количестве персиков и других фруктов сообщал В. Аскоченский: «Персики и другие плоды собираются возами»[579].

Многие другие авторы также писали о достаточно высоком уровне развития садоводства в Абхазии до насильственного выселения абхазов в Турцию. Н. М. Альбов, на основе неоднократно виденных им в Абхазии «превосходных сортов яблок и груш» «даже в самых диких горных ущельях», был убежден в том, что до изгнания абхазов в Турцию садоводство у абхазов процветало[580]. «Повсеместное нахождение фруктовых деревьев, – отмечал и Н. В. Фон-Дервиз, – в том числе и грецкого ореха, не исключая нагорной части округа», указывает на то, что до выселения из Сухумского округа у большого количества горского населения (в 1863 г.) «плодоводство было развито между населением и что настоящие деревья есть не что иное, как одичавшие, оставленные ушедшим населением[581], а также выросшие из се-

---

[576] Ковалевский Е. П. Очерки этнографии Кавказа // ВЕ. – СПб., 1867. Сент. Т. 5. Дек. Т. 4. // Кавказ. Черкесия. – Нальчик, 2014. С. 131.

[577] Пахомов А. Абхазия в сельскохозяйственном отношении... С. 54.

[578] Торнау Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера... С. 141.

[579] Аскоченский В. Абхазцы и Пицунда...Вып. 33. С. 931.

[580] Альбов Н. М. Состояние садоводства в Абхазии // Записки императорского общества сельского хозяйства Южной России. – Одесса, 1892 // Очарованный Абхазией. Жизнь и странствия Николая Альбова... С. 93.

[581] А. Друг со своей стороны также писал о «сохранившихся плодовых садах ушедших (абхазов – **О. М.**), совершающих обратный цикл природы – от культурного к дикому состоянию» (Друг А. На Кавказе. I. По Абхазии и Самурзакани // «Русский мир». 18 декабря 1877 г. № 345).

мян от этих же деревьев. Это подтверждается еще и тем, что везде около фруктовых деревьев имеются следы построек»[582]. Другой автор, В. К. Прогульбицкий, имея в виду ранее садовые, но затем заброшенные и заросшие фруктовые деревья цебельдинских абхазов, вынужденных покинуть свои земли, считал, что эти прежние сады могут быть восстановлены новыми поселенцами без больших затрат труда. Он писал: «Для получения желательных результатов» «в садоводстве, виноделии, табаководстве, пчеловодстве, скотоводстве и др.» «селянину не придется особенно и трудиться: почти вся Цебельда в своих долинах, годных для поселений, покрыта одичавшими фруктовыми деревьями разных пород, остается употребить лишь небольшое усилие для сгруппировки и приведения их в культурный вид, – и сады готовы»[583]. Колонисты в той же Цебельде и Дальском ущелье, действительно, пользовались «превосходными фруктами» коренных жителей, о чем спустя восемь лет (в 1900 г.) свидетельствовал К. Д. Мачавариани: «Новые поселенцы» «прекрасно пользуются» стоящими «целыми на покинутых абхазцами, выселившимися в Турцию, усадебных местах разного рода фруктовыми деревьями»[584]. О значении для колонистов садов и плодовых деревьев выселенных коренных жителей сообщал и С. И. Васюков. Описывая жизнь первых русских поселенцев на Черноморском побережье в районе Туапсе, Сочи и Гагры в 90-х гг. XIX в., он приводит следующие слова одного казака-переселенца: «Нас черкесская фрухта кормить стала, и мы стали

---

[582] Фон-Дервиз Н. В. Сухумский округ... С. 47.

[583] Цит. по: Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX – нач. XX вв.). Сост: Агуажба Р. Х., Ачугба Т. А. Книга II... С. 306.

[584] Мачавариани К. Д. Семь дней в горах Абхазии. – Батум, 1900. С. 9. Л. И. Цвижба, например, на основании архивных документов отмечает, что после окончания Кавказской войны в 1864 г. горцы, покидая родные места, «оставили все свое имущество и запасы хлеба, а иногда и не убранные поля. Все это досталось поселившимся в их землях казакам» (Цвижба Л. И. Джигетские князья Гечь в XIX веке. Абхазская интернет-библиотека).

ее беречь»[585]. С другой стороны, колонисты, очищая земли от леса и зарослей папоротника, вместе с ними выжигали «столетние орешники», что объяснялось графиней П. С. Уваровой отсутствием вокруг Сухума дорог для сбыта орехов и фруктов[586]. Поэтому, считала она, «поселянам нет... ни расчета, ни желания собирать то, чего сбыть и продать невозможно»[587] (вследствие бездорожья и дороговизны перевозок орехов и фруктов, с экономической точки зрения значение имели лишь сады прибрежной полосы Абхазии). При этом сами абхазы и адыги никогда не вырубали грецкий орех и каштан даже при подсечно-огневой форме земледелия[588].

Наиболее молодыми плодовыми культурами, произрастающими в садах Абхазии, являются цитрусовые. Грузинские историки предполагают, что первые цитрусовые на Черноморское

---

[585] Васюков С. И. Русская община на кавказско-черноморском побережье // ВЕ. № 12. 1905. Об эффективности методов садоводства адыгов свидетельствовал, например, путевой очерк Е. Фелицина, где отмечается, что жители станицы Тульской (ныне в Майкопском районе Республики Адыгея) продолжали собирать фрукты в садах, оставшихся в местах разоренных горских аулов двадцать лет назад (Цит. по: Адзинова З. Ю. Традиционная система хозяйства адыгов в XVIII – первой половине XIX в. // Вестник МГТУ, 2018. № 2. С. 13–20).

[586] Кавказ. Абхазия, Аджария, Шавшетия, Посховский участок. Путевые заметки графини Уваровой. Ч. 2... С. 88–89.

[587] Там же.

[588] Клинген И. Н. Основы хозяйства в Сочинском округе. – СПб., 1897. С. 17. См. также: Садовой А. Н. Традиционная культура и природопользование (автохтонное население Черноморского побережья Кавказа в XIX в.... С. 17. Значительный вред садоводству был нанесен привлеченными в большом количестве малоазийскими выходцами (греки, армяне и др.). Эти переселенцы, бывшие в прошлом табаководами, торговцами, пренебрежительно относились к садоводству. Они корчевали сады и освобожденную площадь занимали под табак. По этому поводу Ф. Щербина отмечает, что «...в результате второго опыта колонизации побережья получилось одичание природы и безвозвратная потеря того, что создано было многовековой культурой горцев» (Цит. по: Ханаху Р. А. Адыгская (черкесская) философия и культура... С. 83).

побережье Кавказа были ввезены греками еще до н. э. Вместе с тем американскими и российскими учеными было установлено, что из стран Юго-Восточной Азии, в результате походов в Азию Александра Македонского, в Грецию в III в. до н. э. попал цитрон. Из Греции в I в. до н. э. он был завезен в Южную Европу (Италию). Интродукция других цитрусовых в страны Средиземноморья прошла значительно позднее[589]. По мнению же проф. Н. Н. Кецховели, якобы еще в XII в. в Грузию попали мандарины. В «Витязе в тигровой шкуре» Шота Руставели (XII в.) читаем: «Круглый год цветут тут розы и не вянут Померанцы»[590]. Согласно сообщению Вахушти, в XVII в. в районах Батуми, Гонио и Эрге произрастали помпельмус, лимоны и апельсины. Российские исследователи полагают, что в XVII–XIX вв. на Черноморское побережье Кавказа попали лимон, цитрон и бигарадия, а мандарин и помпельмус в конце XIX в.[591].

В источниках первой половины XIX в. содержатся сведения о выращивании лимонов в Абхазии. По сведениям М. Селезнева, «владетель Абхазии, князь Михаил Шервашидзе, в 1841 г. разводил в грунте привезенные из Турции лимонные древа и довольно удачно»[592]. По сообщению же В. Аскоченского, «близ Пицунды, в сороковых годах, были превосходные апельсиновые рощи, древние как и эти храмы... но и от рощ этих остались одни пни. Кому нужна была смерть этих прекрасных деревьев?» – возмущался он[593] (автор считал «апельсиновые рощи» в районе Пицун-

---

[589] См.: Herbert J.W. History and developmemt of the citrus industry // The Citrus Industry. 1967. VoI. I. P. 1–52. См. также: Мацкевич В. В., Лобанова П. П. Сельскохозяйственная энциклопедия. – М., 1974. Т. 5.

[590] Цит. по: Бгажба М. Т. Цитранж. – Сухуми, 1974. С. 8.

[591] См.: Кожин А. Е. Происхождение культуры цитрусовых и современные очаги их развития // Природа. 1936. № 8. С. 28–40; Шлыков Г. Н. Интродукция и акклиматизация растений. – М., 1963. С. 60–91; Самоладас Т. Х. Культура лимона в СССР. – Сухуми, 1978. 233 с.

[592] Селезнев М. Руководство к познанию Кавказа. Кн. III... С. 107.

[593] Аскоченский В. Абхазцы и Пицунда...Вып. 33. С. 932. Тот же автор

ды «остатками генуэзских садов»[594], но, как отмечалось выше, по мнению современных авторов, апельсины стали выращивать на Кавказском Причерноморье в XVII–XIX вв.). Еще ранее, в 1840 г., лимоны и апельсины были высажены начальником Черноморской береговой линии Н. Н. Раевским (младшим) в устроенном им же Военно-ботаническом саду (или Сухум-Кальском военно-ботаническом саду, ныне Сухумский ботанический сад)[595]. Во время Русско-турецкой войны в 1877 г. апельсиновые деревья в Абхазии были уничтожены, и вновь эта культура начинает появляться в 30-х гг. XX в.[596]. Относительно мандарин известно, что сорт «уншиу» с 1913 г. уже произрастал в Сухуме, Гагре, Новом Афоне, Пицунде. Развитие цитрусоводства в Абхазии связано с именем Н. Н. Смецкого, который заложил в своем поместье плантации мандаринов. По одним данным, он начал осуществлять их промышленное производство. Однако по сведениям А. А. Олонецкого, в имении Смецкого и в Синопе произрастали отдельные экземпляры цитрусовых насаждений, которые не имели промышленного значения[597]. Тем не менее, в 1916 г. Н. Н. Смецким было отправлено в Москву «два вагона мандарин»[598]. По воспоминаниям самого Смецкого, в его имении плантация японских ман-

---

отмечал, что за десять верст до Пицунды «путешественники слышали уже благоухание садов» (Там же. С. 933).

[594] Там же. С. 932.

[595] Официальной датой создания Сухумского ботанического сада считается 1840 г. Его зародышем стал маленький аптекарский огород при сухумском гарнизоне русской армии, на котором военный лекарь выращивал растения, плоды которых использовались для лечения больных.

[596] Абхазская с.-х. и лесная опытная станция в деле развития субтропических культур в Союзе Советских Социалистических Республик. – Сухум, 1929. С. 34.

[597] Олонецкий А. А. Сельское хозяйство Абхазии перед войной 1914 г. // ТАГМ. – Сухуми, 1957. Вып. II. С. 87.

[598] Всего из Абхазии в 1916 г. было вывезено 16 вагонов плодов мандарин (Абхазская с.-х. и лесная опытная станция в деле развития субтропических культур в Союзе Советских Социалистических Республик... С. 38).

даринов «занимала 12 дес. На городской даче, ранее посаженная плантация на 4-х дес. в 15–16 годах давала урожай около 500 штук плодов. В отапливаемых товарных вагонах доставлялись в Москву, на холодильник Казанской жел. дор. и распродавались в течение месяца»[599]. Кстати, в том же 1916 г. столичные газеты сообщали, что «вся черноморская прибрежная полоса Кавказа вполне пригодна для культуры мандаринов, лимонов и апельсинов. Особенно хорошо приживается японский бессемянный мандарин – уншиу»[600].

Большое внимание стало уделяться садоводству после восстановления советской власти в Абхазии. Так, К. Кудрявцев в 1922 г. отмечал, что «в последнее время усиленное внимание обращено на садоводство»[601]. Он же далее подчеркивал: «Особое внимание хозяев приковано к культуре цитрусовых и, главным образом, на мандарины уншию... хорошо вызревают , но

---

[599] См.: Труды АГМ. – Сухуми, 1957. Вып. II. С. 183. Материал подготовил к печати В. И. Карчава.

[600] См.: «Советское золото Колхиды». [Электронный ресурс]. Режим доступа https://tsitsaka.ge/blog/soviet-gold.

[601] Задаче представления Абхазии не столько курортным регионом, сколько зоной потенциальных хозяйственных возможностей и перспектив, имеющих общесоюзное значение, было посвящено и участие Абхазии в первой Всероссийской сельскохозяйственной выставке в Москве (ставшей предшественницей ВДНХ) в 1923 г. Для участия в выставке, как отмечалось в газ. «Голос трудовой Абхазии», были разработаны данные о культивируемых в Абхазии плодах и овощах, «предназначенных для вывоза как в РСФСР, так и за границу». Сообщалось также, что ко времени открытия и в период действия сельско-хозяйств. выставки из Сухума «будут постепенно отправляться в Москву абхазские плоды и овощи в натуре» (См.: «Абхазское овощеводство и плодоводство» //Голос «Трудовой Абхазии». 23 июня 1923 г. № 141. С. 1. Цит. по: Дбар А. Я. Абхазия на первой Всесоюзной сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке 1923 г. // «Времена». Историко-культурный альманах. – Сухум, 2024. № 1–2. С. 205). Через месяц газ. «Правда» подтвердила, что пять вагонов абхазских экспонатов были привезены в Москву в конце июля, а «прибывшая партия экспонатов относится к отделу садоводства и огородничества». (Там же.)

не переносят случающихся суровых зим лимоны, апельсины и померанцы. Последние вызревают хуже остальных. Цитроны вызревают плохо»[602].

Плантации цитрусовых в Абхазии активно стали разводиться в 1930-е годы. По данным, приводимым в литературе, за время с 1930 по 1934 г. количество корней цитрусовых в Абхазии увеличилось почти в пять раз и возросло с 53 тысяч до 264 тысяч. Общая площадь под цитрусовыми достигла в 1934 г. 588 га[603]. К 80-м гг. XX в. производством цитрусовых в Абхазии и Западной Грузии занимались несколько крупных специализированных совхозов. Среди них самым большим являлся совхоз им. Ильича Гулрыпшского района Абхазии (сейчас это хозяйство «София» в Гулрыпше), ежегодно получавший свыше 1000 тонн плодов при урожайности 130–140 центнеров с га.

Помимо цитрусовых, в 1930-е годы советская власть энергично закладывала плантации чая[604], технические плантации

---

[602] Кудрявцев К. Сборник материалов по истории Абхазии... С. 22.

[603] См.: Орынянский А. и Фадеев А. По Советской Абхазии. (Путеводитель). – Сухум, 1935. С. 62.

[604] Семена одного из китайских сортов чая впервые были завезены в Абхазию в 1842 г. из крымского Никитского ботанического сада и посажены в Сухумском ботаническом саду (в дальнейшем чай распространился по Кавказу). В 80-х гг. XIX в. русский ученый-химик А. М. Бутлеров приобрел участок в с. Эшера, где посадил чай. Но поскольку урожая можно было ждать лишь через несколько лет, а ему хотелось как можно быстрее проверить качество чая, выросшего в Абхазии, то он сделал это на примере чайных насаждений Сухумского ботанического сада. В 1885 г. им же для проведения опытов по дальнейшему разведению чайной культуры в Абхазии была заложена чайная плантация между Сухумом и Новым Афоном. Его выступление со статьей «О культуре чая в Закавказье» послужило толчком для развития чаеводства в Абхазии и способствовало разоблачению дельцов, поставлявших в Москву и другие города России суррогат, который почему-то именовался «абхазским чаем» (Пачулиа В. П. А. М. Бутлеров в Абхазии // Газ. «Советская Абхазия». 2 апреля 1977 г.). Хотя культура чая в Абхазии имеет более чем столетнюю историю, употреблять его как напиток абхазы стали в основном после Великой От-

тунгового дерева, увеличила посадки лавра[605]. В связи с этим сократилось национальное садоводство[606] (в том числе уменьшилось пчеловодство, имевшее огромное значение в деле выращивания плодово-ягодных культур).

Все приведенные выше сообщения источников являются доказательством того, что «садоводство абхазами и черкесами в старину велось в обширных размерах»[607], которое было основано на многовековом опыте их деятельности по выращиванию растений. Высокая культура абхазского плодоводства подтверждается наличием у них прекрасных яблок, груш, вишен, слив и орехов, выращиванию которых в абхазских садах уделялось основное внимание[608]. Свидетельства очевидцев также убеждают в справедливости многих восторженных отзывов о том, что Абхазия представляла собой «великолепный сад и плантацию», «благоухающий, волшебный сад», «цветущий фруковый сад», страну, «которой нет подобной в Европе»[609] и т. д. Исходя из

ечественной войны 1941–1945 гг. – поначалу только молодежь, общавшаяся с русскоязычным населением.

[605] Накануне распада СССР на долю Абхазии приходилось около 23 % чайных и 25 % цитрусовых плантаций, 18 % тунговых насаждений страны. Абхазия при этом производила 16–17 % общесоюзного чайного сырья, 20–22 % цитрусовых и тунговых плодов и почти 45–50 % желтых высококачественных табаков (Фейзба Я. Р., Шамба О. Б. Национальная экономика Абхазии. – Сухум, 2002. С. 205–206).

[606] По данным на 1924 г., в Абхазии садов больше всего было в Самурзаканском и Сухумском уездах. Из насаждений в самурзаканских садах преобладал мелкий орех (фундук), в сухумских – цитрусовые, персики, груши и яблоки (См.: Сухум: справочник (Под ред. В. Ю. Шидловского. Сухум, 1925) // Редкие книги об Абхазии. Сборник. – Сухум, 2023. Выпуск II. С. 307).

[607] Басария С. П. Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении... С. 113.

[608] В настоящее время, кроме плодовых и орехоплодных, наиболее распространенными у абхазов культурами являются цитрусовые и ягодные.

[609] Селезнев М. Руководство к познанию Кавказа. Кн. III.... С. 150; Соллогуб В. А. Собрание сочинений. – СПб., 1855. Т. V. С. 342; Аскоченский В. Абхазцы и Пицунда...Вып. 33. С. 933; Марков Е. Л. Очерки Кавказа. – Наль-

наличного материала о садоводстве у абхазов, можно наконец сделать вывод, что плодовые культуры играли существенную роль в питании населения (из них готовили также вина, консервы, варенья, сухофрукты, которые брали с собой в походы и экспедиции), в том числе и лечебном питании[610]. Велико было значение плодовых в экологической системе (большое количество фруктовых насаждений на приусадебных участках способствует очистке атмосферы, уменьшению силы ветра, оказывает благотворное эстетическое воздействие на человека), они являлись медоносными растениями для пчел и имели большое значение в экономике сельского хозяйства абхазов.

Отгонно-яйлажное скотоводство

Считается, что из двух основных отраслей производящего хозяйства – земледелия и скотоводства – на Западном Кавказе более ранней была скотоводческая, возникшая в горных областях еще в эпоху раннего неолита. В первую очередь были одомашнены козы, овцы, свиньи и собаки, чему способствовали как природные условия среднегорной полосы, так и предрасположенность указанных видов к доместикации. Подтверждением служит обилие костных остатков мелкого рогатого скота

чик, 2011. С. 256; Дьячков-Тарасов А. Н. Абхазия и Сухум в XX столетии // ИКОИРГО. – Тифлис, 1910. Кн. XX. Вып. II // Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX – нач. XX вв.). Сост: Агуажба Р. Х., Ачугба Т. А. – Сухум, 2008. Книга II. С. 676; Бжания Ц. Н. Из истории хозяйства и культуры абхазов... С. 189; Мустафа Бутба. Кавказские воспоминания... С. 198.

[610] В качестве лечебного средства использовали, например, плоды уже отмеченной выше дикой мелкой яблони (ацәасса). Их было несколько сортов – совершенно кислые, сладкие, полусладкие. «Ацәасса», по словам старожилов, является «средоточием всех витаминов». В 30-е г. XX в. в бывшем СССР было очень распространено и лечение яблочными диетами. Ими пробовали лечить самый широкий спектр заболеваний.

на поселениях, расположенных в горной и предгорной полосе.

В эпоху энеолита в Закавказье разводили как мелкий, так и крупный рогатый скот[611]. В силу развития производительных сил в позднеэнеолитическую эпоху, усиливается роль мелкого рогатого скота, что внесло определенные изменения в систему скотоводства[612]. По отношению к Северному Кавказу отмечается, что во П тыс. до н. э. преимущество отдается мелкому рогатому скоту[613]. И на территории Абхазии, по существующе-

[611] Разведение крупного рогатого скота, необходимое для получения тягловой силы, являлось одним из основных условий существования развитого пашенного земледелия. Для этих целей абхазы во множестве держали буйволов абхазской породы. Считается, что буйвол появился в Абхазии сравнительно недавно. Кости этого животного найдены в Северном Причерноморье при раскопках в Ольвии в слое I–IV вв. н. э. (См.: История скотоводства в Северном Причерноморье // Материалы и исследования по археологии СССР. – М., 1960. Т. 53. С. 35). По видимому, лишь в Средние века буйвол занял важное место в домашнем хозяйстве абхазов. Животных содержали наиболее состоятельные люди, большей частью представители высшего сословия. Одними же из первых на Западном Кавказе буйволов, очевидно, стали разводить абхазы и адыги. В частности, принято считать, что первоначально буйволы появились у шапсугов и натухайцев. По мнению Б. А. Калоева, на Западном Кавказе буйволы распространились из Турции благодаря торговым связям его населения с турками (Калоев Б. А. Скотоводство народов Северного Кавказа с древнейших времен до начала XX века. – М., 1993). Вместе с тем имеются свидетельства о разведении буйволов на Кавказе еще в XI–XIV вв. Об этом говорят раскопки в древнем азербайджанском г. Барда. В XVII в. буйволы с территории Западного Кавказа вывозились в Польшу (Барановский Б. Кавказ и Польша в XVII в. // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв. – М., 1979. С. 254). В конце XIX – нач. XX в. молочный и рабочий скот неабхазских пород абхазы приобретали у соседних народов (Фон-Дервиз Н. В. Сухумский округ (Заметки бывшего лесничего... С. 39). Абх. название буйвола «акамбашь» производно от перс. gomes «буйвол» (См.: Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. – М.–Л. 1958. Т. I. С. 618).

[612] См.: Гамкрелидзе Б. В. Социально-культурные проблемы скотоводства горцев Центрального Кавказа. Дисс. на соиск. уч. ст. докт. ист. наук. – М., 1983. С. 4, 5.

[613] Там же.

му мнению, в соответствии с общей тенденцией развития скотоводства на Кавказе, скотоводческое хозяйство развивалось в сторону увеличения стада мелкого рогатого скота[614].

Параллельно с ростом поголовья в эпоху поздней бронзы постепенно происходит освоение высокогорных пастбищ [615].

---

[614] Инал-ипа Ш. Д. Абхазы. – Сухуми, 1965. С. 204–205. Однако процесс развития животноводческого хозяйства в эпоху ранней бронзы протекал не одинаково в различных областях Кавказа. Так, в Прикубанье, как и в других районах Западного Кавказа, основное место занимало свиноводство (Мунчаев Р. М. Кавказ в эпоху энеолита и ранней бронзы (IV–III тыс. до н. э.). Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. докт. ист. наук. – Тбилиси, 1971; Его же. Кавказ на заре бронзового века... С. 384). На памятниках колхидской и кобанской культур XII–VII вв. до н. э. также широко представлены глиняные, каменные и металлические скульптурные фигурки свиней и кабанов. Наличие лесных массивов дубовых и буковых пород и легкое приручение и выкармливание свиней делало вполне естественным развитие этой отрасли животноводства. У абхазов существовал культ свиньи, специальное божество свиноводства – Ахуарах, Аҳәараҳ, букв. «царь свиней» (Зухба С. Л. Абхазская мифология. Исследования. – Сухум, 2012 (на абх. яз.). С. 343). В ряде абхазских пословиц также фигурирует домашняя свинья. До принятия ислама широко было распространено свиноводство у абазин и адыгов. По мере утверждения ислама свиноводство у абхазов, убыхов и адыгов шло к упадку. Но еще в XVII–XVIII вв., особенно в северо-западной части Абхазии, население продолжало разводить свиней. В середине XVII в. во время проведения обряда «воздушного погребения» абхазы и черкесы «ради духа умершего, режут 5–10 свиней и раздают их гостям» (Челеби Эвл. Книга путешествия. – М., 1979. Вып. 2. С. 76). Однако даже у абхазов-христиан, свининой не принято было угощать гостей, так как считалось, что свинина и баранина являются тяжелыми видами мяса – иҳарамуп. В первой половине XIX в. П. Гибаль писал о «многочисленных стадах свиней» у абхазов. Но в этот период большие стада свиней имелись только в южной части страны (Дзидзария Г. А. Труды. Книга I... С. 107, 109). Их уничтожение началось, когда в Абхазии «высадился Омер-паша» (Басария С. П. Избранные сочинения. – Сухуми, 1967. С. 53–54). С конца XIX – нач. XX в., и особенно с установлением советской власти, в Абжуйской Абхазии вновь активно стали разводить свиней, главным образом для продажи. Но на деньги, полученные от их продажи, не принято было покупать продукты питания (хлеб, сахар и т. д.).

[615] Гамкрелидзе Б. В. Социально-культурные проблемы скотоводства горцев... С. 5.

Вместе с тем некоторые исследователи со ссылкой на Ц. Н. Бжания считают, что перегон стада абхазами на альпийские пастбища фиксируется позже[616]. Преобладание в хозяйствах обитателей Бамборского поселения (эпохи поздней бронзы и раннего железа) крупного рогатого скота также дает основание предполагать, что скотоводство на территории Абхазии, во всяком случае прибрежной ее части, в конце II – первой половине I тыс. до н. э. было оседлым и скот не угонялся на дальние пастбища. На основании вышеизложенного обоснована точка зрения, что отгонная форма скотоводства возникает в Абхазии в эпоху Средневековья[617].

По нашему мнению, полевые этнографические материалы Ц. Н. Бжания о наличии у абхазов отгонного скотоводства в XIX в. вряд ли свидетельствуют о том, что яйлажная форма скотоводства возникла у них в феодальную эпоху. Напротив, отсутствие в работах Ц. Н. Бжания, Ш. Д. Инал-ипа и других авторов указаний на какие-либо изменения в характере и формах скотоводства у абхазов вплоть до конца XIX в. должно указывать на то, что оно издревле являлось отгонным.

Что касается территории Бамборской поляны (на западной окраине г. Гудауты, на правом берегу реки Кистрик), то, согласно материалам, приводимым А. А. Лукиным, место неолитического селища Кистрик у абхазского населения служило пунктом стоянки скота. По преданию, местность между с. Лыхны и морем была в старину покрыта лесом, служившим хорошим пастбищем для скота в течение круглого года; это обстоятельство избавляло от необходимости перегонять скот на лето в горы. Использование этого места в качестве стоянки для скота прекратилось с появлением на побережье в начале XIX сто-

---

[616] См.: Габелия А. Н. Абхазия в предантичную и античную эпохи... С. 115.

[617] Там же. С. 116.

летия русских войск и постройкой Бамборского укрепления[618].

Эти данные А. А. Лукин подтверждает археологическими материалами. По условиям абхазского быта, отмечает автор, в местах круглогодичного пастбищного содержания скота обязательно наличие загона для молодняка. «Черное пятно» (чернота почвы на селище) поля IV[619] и является местом длительного существования такого загона, чему соответствуют и размеры, и контуры пятна, и глубокая (до 80 см) пропитанность почвы органическими остатками. Этим объясняются и наличие подсыпки мелкого гравия как в пятне, так и по соседству с ним (на месте пастушеского шалаша), и находка в пятне керамики плохой сохранности, амфорного типа, датируемой железным наконечником копья с глухой втулкой. Ни в каком другом месте селища подобная керамика и подсыпка гравием не обнаружены[620]. Таким образом, с территории Бамборского позднебронзового поселения не только крупный, но и мелкий рогатый скот вообще не перегоняли в горы, что было вызвано наличием в окрестностях этого поселения богатых пастбищных угодий и доступных источников качественной пресной воды, что сильно облегчало выпас скота. Что касается крупного рогатого скота, то приморскими абхазами он вообще не перегонялся на альпийские пастбища вплоть до 80-х гг. XIX в.[621]. По этнографическим материалам, прежде на альпийские луга абхазы приводили только коз, овец и коней.

Существование на территории предантичной Абхазии яйлажного скотоводства прослеживается и по находкам предметов культуры в высокогорных районах, куда скот отгоняли на летние пастбища. Так, изображения отдельных предметов, най-

---

[618] Лукин А. А. Неолитическое селище Кистрик близ Гудаут // СА. – М., 1950. Вып. XII. С. 251.

[619] Там же.

[620] Там же.

[621] Бжания Ц. Н. Из истории хозяйства и культуры абхазов... С. 56.

денных в Красномаяцком могильнике (VIII–VI вв. до н. э.) в Сухуме, имеются среди наскальных рисунков на альпийских лугах Гуарапа[622]. К наиболее древним начертаниям Гуарапского камня относятся изображения солярных знаков и своеобразных трехконечных аджаров в западной части камня, связанные с культом дуба и молнии[623]. Защита стад от стихийных бедствий – обвалов, лавин, хищников и т. д. – в эпоху бронзы и позднее осуществлялась через жертвоприношения антропоморфным «владыкам» стихий – духам гор, пастбищ, ручьев. Им и посвящались в подходящих местах определенные священные объекты, одним из которых является Гуарапский камень[624].

---

[622] См.: Воронов Ю. Н. Научные труды. – Сухум, 2009. Том II. С. 143; Орелкин В. С. Культовый памятник древнего скотоводства абхазов // Известия АИЯЛИ. – Тбилиси, 1977. Вып. VI. С. 201. Ю. Н. Воронов со ссылкой на Е. И. Крупнова отмечает, что отгонное яйлажное скотоводство на территории Абхазии складывается во II тыс. до н. э. (Воронов Ю. Н. Научные труды. Том II... С. 143).

[623] Орелкин В. С. Культовый памятник древнего скотоводства абхазов... С. 199. Говоря о Гуарапском комплексе с «мегалитическим камнем и богатыми петроглифами», археолог Г. А. Сангулия пишет: «Здесь уверенно отождествляется всадническое грозное божество типа Айерг/Афы, натягивающий тетиву лука, с колхидскими истоками иконографического образа, ср. обрядовое керамическое изображение – всадник с копьем, преследующий оленя (с. Ешыра), и графическая фигура на олене (Тамыш)» (Сангулия Г. А. Древнейшие обрядовые памятники в историко-культурном наследии Абхазии (по исследованиям Л. Н. Соловьева) // «Кавказ и Абхазия в древности и в Средневековье: взаимодействие и преемственность культур». Сборник материалов IV Абхазской Международной археологической конференции, посвященной памяти видного археолога-кавказоведа Л. Н. Соловьева (26–30 ноября 2013 г., г. Сухум). – Сухум, 2017. С. 13–19).

[624] Нанесенные на Гуарапский культовый камень тамгообразные знаки относятся к Средневековью. Среди них, помимо знаков, совпадающих с цебельдинскими, выделяются знаки, соответствующие тамгам и ныне существующих абхазских родов Ачба, Емхаа, Дзяпш-ипа, Куцниа и др. Иными словами, абхазские скотоводы, метившие свой скот тамгами, высекали эти тамги и на камнях, и скалах урочищ, отмечая свои пастбища и водопои. Ямки, выдолбленные возле этих знаков, скорее всего, следует

О раннем существовании у абхазов отгонной формы скотоводства, несомненно, свидетельствует термин «агуп» – это объединение пастухов для коллективного выпаса скота на альпийских лугах, который по своему происхождению связан с первобытнообщинной эпохой и пережиточно сохранялся вплоть до начала XX в. О широком практиковании отгонного скотоводства в древней и средневековой Абхазии может говорить, например, и одна из известных у абхазов форм приветствия при встрече с пастухом, перегоняющим стадо на горные пастбища: «Бза хауцалт!» (т. е. «Добро (живность) да гонять тебе вверх!»)[625], связанная именно с горным скотоводством.

В историографии точка зрения о зарождении отгонного скотоводства в Абхазии в период поздней бронзы отражена, в частности, в работах Л. Н. Соловьева, Ю. Н. Воронова, О. Х. Бгажба, А. И. Джопуа и др. По словам, например, последнего автора, горные пастбища бассейна р. Кодор (его притоков – Чхалта и Сакен), а также пастбища урочищ Соуипсара, Цыгу иашта, Лымкац и др. Абжуйской Абхазии «использовались абхазами в XIX–XX вв. с древних времен», а выявленная в ацангуарах керамика «характерна в Абхазии от поздней бронзы до зрелого Средневековья»[626].

При этом к периоду колхидской культуры (VIII–VII вв. до н. э.) с использованием коня возможности освоения высокогорных пастбищ увеличиваются[627]. Это связано с тем, что в

рассматривать как предназначавшиеся для возлияний при жертвоприношениях.

[625] Инал-ипа Ш. Д. Очерки об абхазском этикете... С. 140.

[626] Джопуа А. И. Исследование ацангуар в Соуипсара и Цыгу иашта // XLV Итоговая научная сессия (26–26 апреля): Тезисы докладов. – Сухум, 2001. С. 20.

[627] В Закавказье одомашненная лошадь имелась уже в III тыс. до н. э. Есть основание предполагать, что лошадь в ту эпоху была известна и на Северном Кавказе (Мунчаев Р. М. Кавказ в эпоху энеолита и ранней бронзы (IV–III тыс. до н. э.). Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. докт. ист. наук. – Тб., 1971).

рассматриваемый период на территории древней Абхазии, как и в целом в Колхиде, наблюдается рост производительных сил, есть демографические сдвиги (густозаселенность) и экономический прогресс[628], чего не происходило в более раннее время. Вследствие указанных причин, на постоянных поселениях (носивших некоторые черты городского типа)[629] было довольно много жителей, поэтому выпас всего скота вблизи них был исключен. К отгонной форме скотоводства лучше был приспособлен «менее прихотливый и легче передвигающийся»[630] мелкий рогатый скот.

Считаем необходимым привести и мнение Б. Б. Пиотровского. Он отмечал, что в истории Закавказья первые три века I тыс. до н. э. были временем интенсивного развития горных племен, использовавших рудные богатства и горные паст-

---

Неоднократно зафиксированные на древних могильниках Абхазии захоронения лошадей являются признаком высокого уровня местного коневодства (Воронов Ю. Н. Тайна Цебельдинской долины... С. 60). Сильно развитый у древних абхазов культ лошади (Трапш М. М. Труды. – Тбилиси, 1971. Т. III. С. 161) обуславливался ее значением в хозяйстве и военном деле.

[628] Апакидзе Д. Б. Центральная Колхида в эпоху поздней бронзы. – Тбилиси, 1991. С. 63. См. также: Воронов Ю. Н. Научные труды. Том IV... С. 89. По справедливому мнению О. Х. Бгажба, VIII–VII вв. до н. э. для Западного Закавказья (древняя Колхида) являлись периодом интенсивного развития скотоводства и освоения горных пастбищ Большого Кавказа, когда резко должна была возрасти потребность в соли. С этим был связан и расцвет солеварного промысла в Колхиде (См.: Бгажба О. Х. У истоков металлургии железа // Абхазоведение. – Сухум, 2000. Вып. 1. С. 95–96).

[629] По мнению Л. Н. Соловьева, М. М. Трапш, В. В. Бжания, М. В. Барамидзе, Ю. Н. Воронова, Г. К. Шамба и др., в районе современного Сухума и его окрестностях целые поселки того времени еще до прихода греков носили характер протогородских (Соловьев Л. Н. Следы древнего соляного промысла близ г. Сухуми и г. Очамчира // ТАГМ. – Сухуми, 1941. Вып. 1. С. 47; Трапш М. М. Труды. – Сухуми, 1969. Т. II. С. 214, 215, 216; Шамба Г. К. Древний Сухум... С. 91).

[630] Пиотровский Б. Б. Развитие скотоводства в древнейшем Закавказье // СА. – М., 1955. Вып. XXIII. С. 6.

бища[631]. Более того, горные районы в указанный период в своем развитии значительно опережали равнинные и приморские области. Однако во второй половине I тыс. до н. э. яйлажное скотоводство становится недостаточным. Экономический потенциал горных районов снижается и перестает быть ведущим. Для дальнейшего развития скотоводства необходимо было вновь опереться на земледельческую базу равнины. Наступает период вторичного подъема земледелия, которое постепенно вновь оттесняет скотоводство на второе место. Однако в тех районах Закавказья, подчеркивает Б. Б. Пиотровский, где не было больших равнин и степей (например, в Абхазии), отгонное скотоводство сохраняло значительное место в хозяйственном быту местного населения[632]. Все сказанное выше является, по нашему мнению, убедительным доказательством того, что отгонное скотоводство в Абхазии возникает в период позднебронзовой эпохи[633].

Отгонное альпийское скотоводство характеризуют признаки как альпийского, так и кочевого скотоводства[634]. Его формирование происходило в переходной зоне и в хозяйственно-экономи-

---

[631] Пиотровский Б. Б. Развитие скотоводства в древнейшем Закавказье // СА. – М., 1955. Вып. XXIII. С. 6.

[632] Там же. С. 15.

[633] Процесс сложения яйлажного скотоводства на Кавказе, отмечается в монографии «История первобытного общества», происходил на протяжении бронзового века, где в эту эпоху начали появляться высокогорные скотоводческие стоянки (История первобытного общества. Эпоха классообразования. – М., 1988. С. 40).

[634] Если во II тыс. до н. э. в связи с освоением горных пастбищ в целом на Кавказе сложился своеобразный тип отгонного скотоводства, существующий до настоящего времени, то в некоторых районах Восточного Закавказья отгонное скотоводство развилось в кочевое. Там скот круглый год держали на подножном корму, перегоняя его с места на место по определенным маршрутам (См.: Этнография. Под редакцией Ю. В. Бромлея и Г. Е. Маркова. – М., 1982. С. 265).

ческом значении оно являлось основным подвидом горно-равнинного скотоводства[635].

Широкое развитие скотоводства у абхазов служит для грузинских историков показателем их переселения на территорию Абхазии в Средневековье и их нахождения, по сравнению с соседними народами, на более низком уровне развития. Стремясь доказать «пришлость абхазов в XVII в. и их резкое культурное отставание» от грузин, Н. Ломоури, перечисляя некоторые черты быта абхазов, пишет, что они «занимаются скотоводством, чем резко отличаются от мегрелов»[636]. Однако в период позднего Средневековья в условиях экспансионистской политики Османской империи хозяйственный упадок «был общим явлением в жизни всех народов региона, в том числе западных грузин, особенно мегрелов, которые и скотоводством прекрасно занимались и которые в тех же источниках наделяются чертами не меньшей отсталости»[637]. Исследователь истории и этнографии Мегрелии С. Макалатия относит скотоводство к древним занятиям мегрелов: «скотоводство у мегрелов имело развитие с древних времен, и эта

---

[635] В отношении альпийского скотоводства у народов Западного Закавказья наблюдается немало сходных черт. Например, весной, летом и ранней осенью пастухи свой скот держали на склонах предгорий и в горах, а после уборки урожая (октябрь – апрель) – в основном на равнинах, хотя мелкий рогатый скот нередко зимовал и в предгорных ущельях. Однако основное сходство состоит в том, что кавказский тип горного скотоводческого хозяйства подразумевает симбиоз скотоводства с земледелием, при котором основная часть населения ведет оседлое земледельческое хозяйство на равнинах, а горным скотоводством и вертикально-зональным передвижением скота руководят отдельные члены семьи – лица, необходимые для ухода и содержания скота и ведения молочного хозяйства (См.: Шамиладзе В. М. Альпийское скотоводство в Грузии. – Тб., 1969. С. 162 и сл.).

[636] Ломоури Н. Ответ профессору Ш. Инал-ипа // «Литературули Сакартвело». 20 октября 1989 г. (на груз. яз.).

[637] См.: Инал-ипа Ш. Д. Ступени к исторической действительности. – Сухум, 1992. С. 14, 15.

сторона хозяйства играла в их экономической жизни значительную роль»[638].

Издавна мегрелов и других скотоводов из близких и далеких мест привлекали пастбищные места в горах Абхазии. Пастбищные земли, с давних времен являясь предметом споров, в Средние века были распределены между феодальными владетелями или некоторыми сильными фамилиями (и в настоящее время отдельные фамилии в Абхазии имеют свои, издавна принадлежавшие им пастбища – рышьха («их горы»))[639]. Об этом же свидетельствуют отмеченные на Гуарапском культовом камне средневековые тамгообразные знаки. К одним из лучших для летнего выпаса скота и широко известным за пределами Абхазии относились горные пастбища, расположенные на отрогах горы Дзыхвы, горы Шхапач, на склонах Чедымского хребта, а также в верховьях реки Чхалты (в районе Марухского перевала). Названные пастбища, по материалам А. В. Фадеева, принадлежали князю Д. Чачба (Шервашидзе)[640]. К наиболее же обширным горным пастбищам, как сообщал лесничий Н. В. Фон-Дервиз, исходивший «вдоль и поперек все... местности» Абхазии, «следует отнести Аданге (на нем имеются также горячие источники, «куда летом приезжают лечиться» абхазы), Марух, Хемса, Ацгара, Анара, Зурги, Шаудид и Армве»[641]. «Все они, особенно первые пять, представляют собой некрутые склоны гор... весьма удобные не только для пастьбы скота, но и для посто-

---

[638] Макалатия С. История и этнография Мегрелии… С. 190.

[639] Топонимы горной Абхазии, связанные с отгонным скотоводством, рассматриваются в работе: Гицба Т. Ш. Абхазские топонимы Кавказских гор и горных троп. – Сухум, 2002. С. 70, 71, 73, 74, 84, 96, 108, 109, 120, 122, 126 131 и сл. (на абх. яз.).

[640] Фадеев А. В. Хозяйство и двор абхазского помещика накануне реформы 1870 года // Материалы по истории Абхазии. – Сухуми, 1939. Вып. XV. Сборник первый. С. 116.

[641] Фон-Дервиз Н. В. Сухумский округ в сельскохозяйственном и лесном отношениях... С. 12, 18, 25.

янного жилья, так как защищены от северных ветров и имеют по-смежности глубокие долины, которые могли бы служить для постройки жилых помещений»[642]. Исходя из этого и других материалов, некоторые авторы полагают, что «в прошлом значительная часть, а может быть и большинство, абхазов жили на большой высоте, в зоне высокогорных пастбищ, и лишь затем стали спускаться ближе к морю. Об этом говорят следы прежде развитого скотоводства в традиционном хозяйстве абхазов...»[643]. Однако имеющиеся археологические материалы не дают оснований считать, что основная часть абхазов в прошлом проживала на высокогорных пастбищах. Отсутствие находок указывает на то, что в поясе высокогорья альпийских и субальпийских лугов, кроме временных жилищ пастухов, существовали сезонные стоянки, в частности связанные с производственной деятельностью абхазов (например, с добыванием меди). Невозможность постоянного проживания на альпийских лугах, расположенных на высоте 2 тыс. м над уровнем моря, связана с низкими температурами (до –30°) в зимнее время, опасностью схода лавин и высотой снежного покрова до 7 м. Поэтому основная масса абхазского населения в прошлом проживала в нагорной зоне и возвышенных местах долин абхазских рек, о чем свидетельствует наличие поселений, например, по рр. Бзыбь, Гумста, Кодор.

В рамках строгой координации скотоводческого цикла с циклом земледельческим работ, выгон животных на горные пастбища осуществлялся до появления первых всходов, так как после этого срока пребывание скота в долине могло повлечь потраву посевов. К наиболее распространенным ценным растениям альпийских пастбищ Абхазии из злаковых относятся, например, полевица плосколистая, ежа сборная, мятлик, тимофеевка альпийская, трищетинник луговой. Из бобовых: клевер розовый и полевой, клевер беловатый или седой, лядвенец кавказский.

---

[642] Там же. С. 76.

[643] См.: Абхазское долгожительство. – М., 1987. С. 28.

Наибольшую ценность в кормовом отношении представляют виды тмина – кавказский и мелколистый[644] (весьма пригодными для корма пастухи также считали травы: белоус, клевер, лютик, бузину, хмель). Это многолетние, небольшой высоты растения, цветущие на альпийских лугах с июля до конца пастбищного сезона. Отличаются они довольно высокой питательностью и их хорошо поедают все виды скота. Быстро и хорошо отрастают после стравливания. По утверждению некоторых пастухов, при поедании тминов улучшается вкус молока у коров[645].

Одним из важнейших источников по истории отгонного скотоводства у абхазов являются дороги на соответствующих скотопрогонных маршрутах. По словам Ю. Н. Воронова, из жарких приморских долин через густой колхидский лес к прохладным альпийским лугам с высокими травами вели сотни троп[646]. На территории Абхазии существовала разветвленная сеть путей коммуникации. Эти пути, представлявшие собой протоптанные людьми и скотом пешеходные тропы, пролегали по ущельям рек и горных потоков. Из множества скотопрогонных дорог, шедших по территории страны к альпийским лугам, сравнительно удобными направлениями являлись: дорога по ущелью р. Галидзга; путь из Члоу в Ламкац, а также Члоу – Эрцаху; важнейший путь сообщения с Северным Кавказом, пролегавший по ущелью р. Кодор (Военно-Сухумская дорога, по-абх. *Ар рымҩа*), отсюда же (по ущельям р.р. Кодор и Чхалта) «удобная дорожная трасса»[647] пролегала к перевалу Марух[648]; дорога из с. Абжаквы на Псху; из Сухума в Ачамхару, а так-

---

[644] Яброва-Колаковская В. С. Альпийские пастбища Абхазии. – Сухуми, 1958. С. 16.

[645] Там же.

[646] Воронов Ю. Н. Научные труды. – Сухум, 2006. Том I. С. 423.

[647] См.: Квезерели-Копадзе Н. Дорожные сооружения древней Абхазии... С. 33.

[648] Эта дорога, как и другие, активно использовалась абхазскими пастухами еще в первой половине XX в. По этому поводу Г. П. Барач в 1925 г. сообщал: «В настоящее время Марухская тропа имеет большое значение в

же из Сухума в Нарзанный источник на Шзапшдза (верховье р. Бзыбь); из с. Эшеры на Псху и Санчара; из Ачандары на Ахихудаара; из Гудауты в Ахацха на Бзыби; из Гудауты на Ауадхару – Санчару – Заадан; крупный скотоперогонный маршрут вдоль р. Бзыбь; один из древнейших скотопрогонных путей вдоль р. Мзымта по линии Адлер – Красная Поляна – перевал Псеашхо – Гузерпиль[649]. В бассейнах этих рек, и в частности Кодора, было проложено много и других пешеходных троп, соединявших многочисленные пастбищные угодья между собой. Еще в XIX в. пастухи пользовались и древней тропой, которая соединяла район Псху через перевалы Аданге и Химса с Цебельдой и Дальским ущельем, а через перевал Доу с побережьем Центральной Абхазии. Отмеченные пути, очевидно, были разработаны еще древними предками абхазов для перегона скота и торгово-экономических связей с населением Северного Кавказа. Об этом же, бесспорно, свидетельствует замечание, сделанное Н. В. Фон-Дервизом в самом начале XX в. о дорогах по долине р. Кодор: «Есть указания, в виде остатков древних памятников, на то, что в давно минувшие времена дороги были и были хорошие»[650].

Надо полагать, что по указанным выше скотопрогонным маршрутам, освоенным многими поколениями абхазских скотоводов, в частности путям по ущельям р.р. Ингур, Кодор (Клухорский перевал), Гумста, Бзыбь (через Санчарский перевал), в раннем Средневековье стали проходить и абхазские ответвления Великого шелкового пути. «Еще сейчас, – писал К. Кудрявцев в 1922 г., – мы находим в разных местах Абхазии остатки и следы

жизни населения. По ней ежегодно с наступлением лета движутся к горным пастбищам на прекрасные альпийские луга Куламбы, Аданге, Маруха и др. и затем осенью возвращаются обратно пастухи со своими многочисленными стадами; по ней же направляются к популярному народному курорту в уроч. «Шхапшза» больные, жаждущие исцеления» (Барач Г. П. По Марухской тропе // Известия АбНО. – Сухум, 1925. Вып. 1-й. С. 80).

[649] Земледелие и скотоводство у абхазов... С. 133–145

[650] Фон-Дервиз Н. В. Сухумский округ... С. 18.

древних дорог, направление которых почти всегда от приморских центров к перевалам через хребет»[651]. Для того чтобы караваны торговцев могли пройти не только через территорию средневековой Абхазии (необходимо было знание характера местности, по которой они шли, – ее лесов, гор, пропастей и иных опасностей), но и через кавказские перевальные пути, в первую очередь нужно было воспользоваться услугами местных проводников. «Трудно себе представить, – пишет Н. Квезерели-Копадзе, – чтобы заморские купцы сами собственными силами решались доставлять торговые грузы через хребет Кавказских гор... В основном... горы Абхазии доступны были лишь местным жителям, с детства привыкшим к путешествиям через глубокие ущелья»[652]. И далее тот же автор вновь подчеркивает: «Как бы ни были оживлены эти транзитные торговые пути, все же нельзя предположить, чтобы перевозкой товаров через тяжелый Кавказский хребет занимался кто-либо другой, а не жители гор – абхазцы, которые в совершенстве знали каждую тропинку на горных перевалах».[653] Н. М. Альбов считал «проводников из абхазцев», «самыми лучшими... во всем западном Закавказье»[654].

Одними из первых, если не первыми проводниками торговых караванов на отрезках путей, шедших от горных перевалов в прибрежную Абхазию, должны быть средневековые абхазские отгонно-пастбищные скотоводы-пастухи и охотники. Торговые же сообщения между Востоком и Западом через территорию средневековой Абхазии особенно интенсивно поддерживались с VI в. до второй половины VIII в. Вновь активизируется движение, в частности, по Даринскому и Мисимианскому торговым путям с IX в. (они прекращают свое функционирование с конца

---

[651] Кудрявцев К. Материалы по истории Абхазии. – Сухум, 1922. С. 58.

[652] Квезерели-Копадзе Н. Дорожные сооружения древней Абхазии... С. 55.

[653] Там же.

[654] См.: В заброшенных углах Кавказа (Воспоминания о путешествии по Кавказу в 1894 г.) Н. М. Альбова. Пер. Ф. К. Гинкулов // «Землевладение». – М., 1900. Т. VI. Кн. I–II. С. 17–38.

XV в.). Без проводников из числа скотоводов, когда легко можно было потерять следы дорог в чаще леса или открытых безлюдных местах, торговцы вряд ли смогли бы найти источники воды и травы для лошадей и преодолеть от абхазских гор до Черного моря расстояние иногда до 150–200 км (по К. Д. Мачавариани, «перевалы Клухорский, Марухский и Санчарский отстоят от Сухума на 130 и 140 верст»)[655]. Отрезок же пути от Клухора до Сухума можно пройти не менее чем за четыре дня.

Во всех странах и регионах, где практиковалось отгонное скотоводство, оно оказало влияние на формирование местного ландшафта. Возле древних скотопрогонных троп, и в частности по ущелью р. Кодор, создавались населенные пункты, а в раннем Средневековье возникли монастыри и храмы[656], которые, наряду с какими-либо пристройками, служили местами приюта, отдыха для путников и загонами для лошадей на древней дороге. Перегон скота на альпийские луга мог служить и средством экономических отношений, и, вообще, способом связи между изолированными горными селами и жителями прибрежных районов Абхазии. Именно благодаря альпийскому скотоводству мы обязаны появлению абхазского духового музыкального инструмента *ачарпына* (рода продольной одноствольной флейты)[657] и множества народных песен[658]. Скотопрогонные тропы,

---

[655] Мачавариани К. Д. Очерки Абхазии. Абхазская интернет-библиотека.

[656] См.: Воронов Ю. Н. Научные труды. Том II... С. 301, 305, 306, 314, 315, 328 и сл.

[657] См.: Кортуа Е. И. Абхазские народные песни и музыкальные инструменты. – Сухуми, 1959. С. 54; Хашба И. М. Абхазские народные музыкальные инструменты. – Сухуми, 1979. С. 7, 8, 82, 86, 87, 106, 108 177 и сл. Пастухи изготовляли ачарпын из стебля зонтичного растения, обычно из борщевика, который по-абхазски называется ачарпын, откуда и название инструмента. Впоследствии ачарпын стали изготовлять из бузины, дикой моркови. Делали ачарпын и из тыквенного стебля, а также из ореховой веточки или хурмы. Изобретение же ачарпына абхазы приписывают нарту Кьатауану, иногда выступающему в роли пастуха нартского скота.

[658] Хашба И. М. Абхазские народные музыкальные инструменты... С. 106.

кроме того, служат миграционными коридорами для диких зверей, а также естественной средой обитания для животных и растений. Некоторые же скотопрогонные тропы со временем превратились в автомагистрали, каковой является, например, Военно-Сухумская дорога.

Наряду с церквями, которые могли служить местами отдыха на вьючном пути, например, к Кодорскому ущелью, и через Клухорский перевал, и обратно к побережью, на древних скотопрогонных тропах горной Абхазии имелись специальные места привалов. Они назывались «атэара», что значит место «сидения», «остановок». Кроме созданных человеком мест стоянок, в горах было много естственных убежищ и укрытий. Например, как писал в 1924 г. С. С. Анисимов, «для ночлега в лесной части ущелья Клыча можно найти нависающие скалы, которые защитят от дождя, и сучья для костра[659] . Кроме естественных укрытий и пещер (стоянок первобытного человека), пастухами в горах для отдыха путников строились домики, которые посвящались какому-либо событию в их жизни. Об одном таком домике, выстроенном пастухом-абхазом в память умершего брата в верховье р. Бзыбь, «чтобы было где отдохнуть от трудного пути», рассказывается в книге Е. Маркова «В горах Абхазии»[660].

Пастухи и охотники до недавнего времени сооружали достаточно прочные подвесные мосты для переправ через горные река пешеходов и скота, включая лошадей и ослов с грузом. Возведение мостов на территории Абхазии, как и в других местах

На ачарпыне исполняют наигрыши, связанные с пастушеским бытом. Как писал К. Ковач, «сейчас на ачарпыне исполняются и другие песни, не связанные с пастушеским бытом, сочиненные на разные случаи народной жизни» (Ковач К. Песни кодорских абхазцев. – Сухум, 1930. С. 27).

[659] Анисимов С. С. Кавказский край... С. 608. Удобные для стоянки и вообще жизни человека навесы и пещеры Абхазии (начиная с глубокой древности использовавшиеся в качестве поселений), за редким исключением, связаны с ущельями горных рек.

[660] Марков Е. Л. В горах Абхазии. – Москва–Ленинград, 1930. С. 75.

Кавказа, облегчалось тем, что большинство рек из-за горного рельефа имеет узкое русло. Висячие мосты строились абхазами и другими приморскими жителями (убыхами, шапсугами) как из цельных деревянных стволов (положенных с каждого берега оврага)[661], так и из виноградных лоз и веревок[662]. Живые висячие мосты через глубокие ущелья, отмечает Н. Квезерели-Копадзе, называемые «в Западной Грузии «бонди», а у абхазцев – «ацха»»... являлись продуктом длительного культивирования специальных вьющихся растений, переброшенных в качестве мостового перехода с одного берега на другой»[663]. Упругую и эластичную виноградную лозу для строительства мостов использовали, например, абхазы-цебельдинцы. Мосты из толстых лоз для пешеходов и лошадей еще в XIX в. имелись у нынешнего Багадского моста. А в начале XX в. путешественники с лошадьми пользовались висячим мостом и через р. Гуандра[664]. Семь висячих мостов из виноградных лоз, а также из жердей и досок в первой половине XIX в. было проложено через р. Мзымта. Пять из них были для пешеходов и два для лошадей[665].

---

[661] Инал-ипа Ш. Д. Убыхи и их этнокультурные связи с абхазами // Джигетский сборник. Вопросы этнокультурной истории Западной Абхазии или Джигетии. – М., 2012. С. 324.

[662] Подобные мосты, сплетенные из виноградной лозы, наиболее распространены в Восточной Азии, например в Японии. По обе стороны реки высаживали сорта сильнейших виноградных лоз. После того, как лозы достигали достаточной длины, в них вплетались доски, а концы сплетались и направлялись на противоположный берег, и, таким образом, создавалась прочная и гибкая конструкция, которая с каждым годом становилась все надежней. Предполагается, что традиция возводить мосты из лозы, восходит к XII в., что делает их одним из старейших известных примеров живой архитектуры в мире.

[663] Квезерели-Копадзе Н. Дорожные сооружения древней Абхазии... С. 56.

[664] Инал-ипа Ш. Д. Абхазы. – Сухуми, 1965. С. 274; Абхазы. Народы и культуры. – М., 2012. С. 176.

[665] Торнау Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера. – Черкесск, 1994. С. 144. Небезынтересно отметить, что убыхи и шапсуги переходили горные потоки и на ходулях (которые у шапсугов по сей день называются пхэлако

Ф. Ф. Торнау считал, что эти мосты были устроены «с большим искусством»[666]. Аналогичные мосты строились, как отмечено, и жителями Западной Грузии[667].

Наряду с деревянными и плетеными, для прохода в горные долины абхазы строили каменные мосты[668]. О существовании у абхазов и черкесов (до их выселения в Турцию) каменных мостов и вообще горных дорог сообщал, например, писатель С. И. Васюков, в связи с чем приведем его цитату полностью. Описывая жизнь первых русских поселенцев в 90-х гг. XIX в. в районе Туапсе, Сочи и Гагры, он сообщает: «Дорог, перпендикулярных новороссийско-сухумскому шоссе, нет, хотя прежде, при черкесах, таковые были и содержались в прочном порядке. Я лично в горах на охоте находил совершенно сохранившиеся каменные мосты, которые так заросли, что нельзя и подозревать было о их

– «деревянные ноги»). Точно такими же ходулями, под названием алабахуа, умели пользоваться и абхазы (Инал-ипа Ш. Д. Убыхи и их этнокультурные связи с абхазами… С. 329).

666 Торнау Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера. – Черкесск, 1994. С. 144.

667 По описанию Ад. П. Берже, недалеко от Мартвили через р. Цхенисцкали был переброшен «висячий мост, сплетенный из виноградных лоз... он не шире одного аршина и состоит из четырех протянутых лоз: двух сверху и двух снизу; верхние служат перилами и связаны с двумя нижними, на которых лежат плетенки» (Берже Ад. П. Отрывок из путешествия по Мингрелии // Газ. «Кавказ». 1868 г. № 25; Цагарели Ал. Мингрельские этюды. – СПб., 1880. С. 63). Ал. Цагарели сообщал, что в конце XIX в. плетневый мост был проложен и на р. Ингур (Там же).

668 Несомненным свидетельством того, что абхазы были очень опытными в сооружении мостов, в том числе и капитальных каменных, является известный Беслетский арочный мост XI в. Это единственное средневековое сооружение абхазов подобного рода, дошедшее в хорошей сохранности до нашего времени. Свод моста, представляющего однопролетную каменную арку длиной в 13 м, сложен из квадратных плит известняка. Камни свода обтесаны в форме клиньев и скреплены очень прочным известковым раствором. Общая длина моста с устоями – 35 м, ширина – 4,7 м. Грузоподъемность его и сейчас достигает 7–8 т.

существовании, если бы не старый, местный охотник, который мне указал эти мосты в непроходимой теперь горной глуши. Вообще, черкесы свои многочисленные горные дороги содержали хорошо, об источниках заботились чрезвычайно...»[669].

Немалое число каменных мостов через горные реки и потоки можно было найти в долинах и ущельях Абхазии еще в XIX в. Об их наличии говорит и топонимика, например, название «Ахацха» (букв. «каменный мост») в бассейне р. Бзыбь. О сохранившихся признаках дороги и построенных из камня и цемента мостов в бассейне р. Кодор, сооруженных в Средние века, сообщал в самом начале XX в. Н. В. Фон-Дервиз[670]. Кроме каменных, в частности, мостов, на наиболее опасных местах абхазы возводили своего рода каменные укрепления и «ворота», преграждавшие неприятелю доступ на горные пастбища.

С усиленным освоением абхазами горных пастбищ было связано строительство на альпийских лугах – *ацангуар*, жилищ для пастухов и загонов для мелкого рогатого скота. Большинство исследователей датирует эти сооружения ранним Средневековьем[671]. Их появление отражает переход отгонного скотоводства в разряд устойчивой и организованной формы хозяйства в условиях феодального общества. Особые места содержания как крупного, так и мелкого скота, по утверждению Д. С. Коробова, были распространены также на аланских поселениях (на высотах от 1500 до 2500 м), о чем может говорить

---

[669] Тот же автор далее с досадой писал, что «русские первые поселенцы не только не поддержали черкесской культуры, для них полезной и прямо необходимой, но уничтожили даже следы жилищ и дорог неприятеля» (См.: Васюков С. И. Русская община на кавказско-черноморском побережье // ВЕ. 1905. № 12).

[670] Фон-Дервиз Н. В. Сухумский округ... С. 18.

[671] Воронов Ю. Н. О датировке абхазских ацангуар // СЭ. 1978. № 6. С. 36–37; Амичба Г. А. Абхазия в эпоху раннего Средневековья (Очерки по истории народного хозяйства и социально-экономических отношений)... С. 36.

присутствие вблизи них остатков каменных стен загонов[672]. И хотя часть подобных построек относится к недавнему времени (а другая – к более раннему периоду), уже сейчас, по мнению того же автора, можно говорить о том, что потенциально в таких загонах может быть обнаружен материал эпохи раннего Средневековья по аналогии с имеющимися данными об абхазских ацангуарах[673].

Некоторые грузинские авторы (в частности, Г. О. Элиава) пишут о том, что ацангуары наличествуют и в Западной Грузии, в районе Колхидского нагорья. И там за ними закреплен термин «агуара» в значении хлева[674]. И другой автор – Н. Антелава – утверждает, что ацангуары изучены в грузинских горах, Мегрелии и Гурии[675]. По свидетельству Г. О. Элиава, «агуара в Мингрелии также ограждена каменной стеной высотой свыше одного метра с площадью в 30–40 кв. м. Агуара так же, как ацангуара, имеет различные формы: кольцевую, овальную, прямоугольного треугольника, четырехугольника и т. д. Это многообразие форм одинаково характерно и для абхазского ацангуара, и для мингрельской агуара. И в функциональном отношении они также одинаковы – представляют собой летний скотоводческий стан»[676].

Несмотря на отмеченное сходство, утверждение грузинских авторов о существовании ацангуар в горах Мегрелии вызывает серьезные сомнения. В этой связи примечательно, что Н. М. Альбов, первым обративший внимание на ацангу-

---

[672] См.: Коробов Д. С. Система расселения алан Центрального Предкавказья в I тыс. н. э... С. 354.

[673] Там же. С. 354–361.

[674] Элиава Г. О. К вопросу о терминах «ацангуара» и «агуара» // Этнографические параллели / Материалы VII Республиканской сессии этнографов Грузии. – Тбилиси, 1987. С. 94.

[675] Антелава Нугзар. Абхазские мифы и ритуалы. – Тбилиси, 2012 (?). С. 174 (на груз. и абх. яз.).

[676] Элиава Г. О. К вопросу о терминах «ацангуара» и «агуара»... С. 95.

ары, вообще не упоминает об этих каменных сооружениях в своем столь тщательно сделанном описании альпийских гор Мегрелии[677]. Отсутствие ацангуар на территории Мегрелии подтверждается и исследованиями Ш. Д. Инал-ипа, который отмечает, что «другие... народы, включая мегрелов, не знают этой своеобразной... ацангуаровской скотоводческой культуры, как и самого термина «ацангуара» (знают частично только самурзаканские мегрелы, которыми он усвоен от абхазов)»[678] (слово «ацангэара» происходит от абх. «ацан» (древнее мифическое малорослое население Абхазии) и «агэара» – «ограда», «забор», «загон»)[679]. И наконец, в коллективной монографии «Грузины» (М., 2015) также не приводятся факты наличия на территории Грузии скотоводческих построек типа ацангуар.

Абхазские ацангуары, распространенные «от Бзыби до Ингура»[680] (в субальпике Западного Кавказа от верховьев р. Мзымта до верховьев р. Ингур), согласно исследованиям Ю. Н. Воронова, не имеют фундамента, кладка их стен начинается с поверхности земли, размеры их площади колеблются от 8 до 20-25 м^2 со стенами толщиной до 1,5-2 и высотой до 1,2-1,4 м[681]. Вокруг ацангуар раскинуты великолепные пастбища. Количество ацангуар зависело от возможностей ландшафта данной местности и площади её. Как правило, ацангуары расположены в низовьях долин, на более ровных полянах, с обязательным присутствием

---

[677] См.: Альбов Н. М. Ботанико-географические исследования в Западном Закавказье в 1893 году // ЗКОИРГО. – Тифлис, 1894. Кн. XVI. Его же. Ботанико-географические исследования в Западном Закавказье в 1894 году // ЗКОИРГО. – Тифлис, 1896. Кн. XVIII.

[678] Инал-ипа Ш. Д. Ступени к исторической действительности... С. 101.

[679] См.: Дзидзария (Дзари) О. П. Строительная лексика абхазского языка. – Сухум, 1998. С. 39.

[680] См.: Инал-ипа Ш. Д. Труды (Материалы и исследования по вопросам исторической этнографии абхазского народа)... С. 211.

[681] Воронов Ю. Н. О датировке абхазских ацангуар... С. 31.

вблизи леса и родников, а одиночные сооружения расположены на гребнях гор.

Весь материал, полученный Ю. Н. Вороновым из ацангуар Абхазии и Сочинского района, датируется им VI–Хвв., тогда как «в XI–XII вв. в силу определенных социально-экономических сдвигов (перемещение центра государственности на восток и др.), а также, возможно, в результате изменения климата альпийская зона Абхазии опустела»[682]. Он также делает вывод о том, что «в ацангуарах не обнаружены следы жизнедеятельности пастухов ни в этот, ни в более поздний периоды»[683]. Некоторые другие авторы полагают, что перенесение столицы Абхазского царства в Кутаис не могло отрицательно повлиять на судьбу животноводства в Абхазии, тем более что опустошительные войны Абхазия перенесла именно в VIII–IX вв., а в X–XIII вв. таких войн не было[684]. Что касается другого тезиса – изменения климата, то, согласно имеющимся материалам, в X–XIII вв. существовали благоприятные климатические условия, со сравнительно теплой и ровной погодой (в X–XIII вв. климатический оптимум обусловил, например, во всей Европе заметный рост населения и сельскохозяйственной продукции за счет расширения земледельческих угодий и более высокого качества урожаев)[685]. По мнению М. М. Гунба, для прекращения отгонного ско-

---

[682] Там же. С. 39–40. В одной из недавних работ, без ссылки на источники, также читаем: «Начавшееся на рубеже XII–XIII вв. похолодние климата привело к кризису в сельскохозяйственной сфере – упадку и в земледелии, и в скотоводстве...» (Сакания С. М. История распространения христианства в Абхазии по материалам церковной археологии IV–XIII вв. Дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. – Сухум, 2024. С. 5).

[683] См. также: Воронов Ю. Н., Левинтас В. Б. По древним тропам горной Абхазии. (Материалы по средневековому пастушеству). – Сухуми, 1982. С. 49–50.

[684] Гунба М. М. Абхазия во II тысячелетии нашей эры... С. 18–19.

[685] О состоянии климата в древности и в Средние века в Северном полушарии см.: Behringer Wolfgang, Kulturgeschichte des Klimas. Munchen. 2007.

товодства в XI–XIII вв. «не было причин»[686] и необходимость использования альпийских пастбищ существовала и в зрелом Средневековье[687]. По утверждению Ц. Н. Бжания, ацангуары функционировали вплоть до XIX в., чему имеется и археологическое подтверждение. М. М. Гунба считает, что скотоводство в Абхазии в XI–XIII вв. находилось на достаточно высоком уровне[688]. По нашим выводам, в XI–XIII вв. бурная экономическая жизнь в Абхазии не затихала. На росте ее производительных сил положительно отражались торговые связи с Византией. Поэтому потребность в продукции животноводства должна была только увеличиваться, так как именно она являлась одним из основных предметов вывоза из страны[689].

Каменные ограды ацангуары стали возникать на альпийских лугах с последующим увеличением поголовья стад мелкого рогатого скота[690]. Сведения же о перегоне абхазами в Средние века на высокогорные пастбища крупного рогатого скота, как было

---

[686] Гунба М. М. Абхазия во II тысячелетии нашей эры... С. 18.

[687] Там же.

[688] Там же.

[689] О том, что все отрасли народного хозяйства абхазов в XI–XIII вв. получили дальнейшее развитие, может свидетельствовать и тот факт, что ввоз в Абхазию византийской поливной керамики, по сравнению с другими регионами Причерноморья, был ограничен, так как в Абхазии в тот период на высоком уровне находилось местное керамическое производство (См.: Бгажба О. Х. Очерки по ремеслу средневековой Абхазии (VIII–XIV вв.). Сухуми., 1977. С. 7–8).

[690] С разведением мелкого рогатого скота у абхазов связан уникальный древний обычай, который соблюдался горными скотоводами до начала XX в. Согласно ему, хозяин отпускал в лес сотню голов мелкого рогатого скота из каждой тысячи (зқьы аазаны шэкы абна иларцон). Правда, отпускания стада в лес для пожертвования божеству Ажвейпшаа не носили массового характера, о чём свидетельствует тот факт, что абхазы поимённо помнят людей, которые соблюдали этот обычай. . Подобные же обычаи и обряды были засвидетельствованы в быту адыгейских скотоводов (См.: Зафесов А. Х. Некоторые обряды скотоводческого хозяйства адыгейцев в прошлом // Ученые записки АНИИЯЛИ. – Краснодар, 1965. Т. IV. С. 181–182).

отмечено, отсутствуют. По полевым материалам Ц. Н. Бжания, с конца XIX в. скотоводы из Мегрелии стали перегонять на абхазские горы свой крупный рогатый скот. Кроме них, переселенцы из Мегрелии, осевшие в Абхазии, также начали перегонять коров и быков на горы. Абхазы переняли этот обычай и, в свою очередь, стали массово перегонять вместе с козами и коров[691]. При этом, как писал в самом начале XX в. К. И. Подозерский, проживавшие в Абхазии греки и армяне, «связанные семьей, предпочитают ближайшие выгонные места, хотя бы последние были небогаты травой и даже каменисты, как, напр., в уроч. Ахата». В отличие от них, абхазы (как и мегрелы), кочуя без семьи со скотом по горам, «расстоянием не стесняются и выбирают хотя и отдаленные, но роскошные пастбищные места»[692]. Данное свидетельство служит еще одним подтверждением широкого развития и давности традиции горно-отгонной (яйлажной) формы скотоводства у абхазов.

Трудно сказать, что было главным занятием абхазских скотоводов – козоводство или овцеводство. По мнению Ш. Д. Инал-ипа, в эпоху наиболее интенсивного строительства ацангуар, основным хозяйственным занятием их создателей было овцеводство. Низкие ограды не могли бы удержать коз, а кроме того, они не любят ложиться непосредственно на сырую землю. Упоминаемый же в предании об ацанах гигантский легендарный козел-бородач может быть традиционным вожаком овечьего стада. Следует учитывать и то, что именно пастухи овец до сих пор пользуются у абхазских скотоводов наибольшим почетом и уважением [693].

В феодальный период и Новое время крупные скотоводы из привилегированных фамилий отправляли на пастбища свои ста-

---

[691] Бжания Ц. Н. Из истории хозяйства и культуры абхазов… С.56.

[692] Подозерский К. И. Следы и остатки ледников в верховьях рр. Бзыби, Гумисты и Амткела // ИКОИРГО. – Тифлис, 1902. Т. 15. Вып. 3. С. 186.

[693] Инал-ипа Ш. Д. Труды (Материалы и исследования по вопросам исторической этнографии абхазского народа)... С. 234–235.

да первыми и с хорошей охраной. По свидетельству А. В. Фадеева, большие стада князя Д. Чачба (Шервашидзе), угоняемые на летние горные пастбища, сопровождало обычно значительное количество крестьян[694]. Основная же масса крестьян создавала вышеотмеченное объединение для совместного выпаса скота *агуп* и сообща перегоняла скот на пастбище в обусловленные сроки. С абхазской «агуп» аналогию имело объединение пастухов у адыгейцев, у которых оно было известно под названием «куп», у кабардинцев – «лягупеж» (ср. также у абаз. – «гуып», убых. – «куып», груз. – и «джгупи»). Внешнее сходство с абхазским «агуп» конца XIX и начала XX в. имело и мегрельское объединение мелкого рогатого скота, т. н. *лануа*, где все стада хозяев составляли одно сборное стадо[695]. Абхазское «агуп» напоминало также объединение пастухов у мегрелов «акошьакаура». Оно было выгодно не только как коллективное ведение хозяйства, но и наиболее надежная форма самозащиты[696]. На территории Абхазии, да и в других областях Северо-Западного Кавказа в условиях феодального партикуляризма и в результате нашествий внешних врагов территориальное единство зимних и летних пастбищ – обязательное условие для широкого развития скотоводства – часто нарушалось. Разобщенность страны, разделенной между различными «племенными» союзами, военные действия между ними, как и постоянные угрозы нападения

---

[694] Фадеев А. В. Хозяйство и двор абхазского помещика накануне реформы 1870 года... С. 116. Сами келасурские Чачба (Шервашидзе) также «нередко проводили лето в зоне альпийских лугов, наслаждаясь чистым воздухом горных высот и пользуясь лечебными водами минеральных источников». Ф. Дюбуа де Монпере, например, сообщает, что «главное летнее жилище Гассан-бея находится в Цебельде, в верховьях реки Кодор, у подножья горы Марух...» (Там же.) И другие представители привилегированного сословия абхазов летние месяцы со своими семьями проводили в горах Абхазии.

[695] Бжания Ц. Н. Из истории хозяйства и культуры абхазов... С. 73.

[696] Бигвава В. Л. Образ жизни абхазских долгожителей. – Тбилиси, 1988. С. 71.

горцев, делали перегон скота на дальние расстояния небезопасными. К тому же горные пастбища, лежавшие, например, в регионах проживания горноабхазских обществ медовеевцев[697], «были местом ежегодных кровавых столкновений во время летней пастьбы скота»[698] (но даже в периоды частых междоусобных войн и набегов перегон стада на горные пастбища у абхазов не прекращался). В этих условиях возникла необходимость в объединении пастухов, что обеспечивало бы надлежащую охрану и защиту имущества и скота как в пути на пастбища, так и на высокогорных лугах, когда даже приходилось нанимать специальную охрану[699] (при этом не исключено, что для охраны скота и

---

[697] Под этим именем были известны, как отмечено, общества Псху, Ахчипсу (Ахчипсху, Ахчипсы, Ахчипсоу), Аибга, Чужгуча.

[698] См.: Подозерский С. И. Санчарская через Главный Кавказский хребет тропа в урочище Псху // ИКОИРГО. – Тифлис, 1903. Т. 16. Вып. 5. С. 23.

[699] В наиболее трудные периоды истории Абхазии значительные масштабы у абхазов приобретало скотокрадство (См.: Рыбинский Г. А. Сухумский округ. Абхазия в сельскохозяйственном и бытовом отношении... С. 2, 5,17,18). В. Прогульбицкий был убежден, что «промысел этот» проник в Абхазию «из соседней Мингрелии, где он возведен в особого рода культ» (Цит. по: Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX – нач. XX вв). Сост. Агуажба Р. Х., Ачугба Т. А. – Сухум, 2008. Кн. II. С. 282). Было бы однако неверно полагать, что в среде мегрелов не было «чувства справедливости. Напротив, вор заклеймен у него (мегрела – **О. М.**) позорным именем «махинджи» (урод)» (Надеждин П. П. Кавказский край. Природа и люди... С. 155). Основным предметом скотокрадства считались в основном лошади. В некоторых кавказских обществах еще в XIX в. отношение к конокрадству было вполне терпимым, так как это считалось целиком мужским занятием. Конокрадство воспринималось не как преступление, а как удаль, особенно если оно совершалось где-то на стороне. Относительно конокрадства и вообще скотокрадства у абхазов сохранились различные отзывы. Г. Ф. Чурсин в советские годы писал, что украсть хорошую лошадь и ночью угнать ее далеко за перевал считалось смелостью и что подобные «подвиги» прославлялись. Но автор середины XIX в. К. Чернышев был иного мнения. Он писал, что «воровство, считающееся у других народов Кавказа удальством, здесь (в Абхазии – **О. М.**) порок, который наказывается весьма строго, а именно: с вора взыскивается в пользу хозяина тройная стоимость украденного им и, кроме

пастбищ в период, например, позднебронзового века и позднее могли существовать и группы военизированных пастухов). По свидетельству А. И. Робакидзе, между летними и зимними пастбищами пролегала многодневная и трудная дорога, становившаяся по мере удаления от дома все более опасной. В условиях сложившихся систем скотоводства уже нельзя было обходиться без лошади, с помощью которой поддерживалась постоянная связь с основной базой – селом, обеспечивались доставка на дом продуктов молочного производства и снабжение пастухов пищей. Специально выведенные лошадь и овчарка местной породы, да хорошее оружие стали необходимыми элементами пастушеского снаряжения, а физическая сила и личная храбрость – неотъемлимыми чертами пастуха[700].

того, за воровство сто рублей штраф – в пользу владетеля». Другой автор, Н. М. Альбов в конце XIX в. сделал по сути аналогичное наблюдение: «у абхазцев занятие конокрадством считается делом предосудительным, и человек, раз в нем заподозренный, не пользуется уже никаким уважением». В отношении Самурзаканской Абхазии Карла Серена, наоборот, подчеркивала, что «человек, не имеющий коня, не пользуется здесь уважением, он считается самым бедным. Вот почему при первой же представившейся возможности он не преминет обзавестись скакуном за счет того, кто в этом отношении наделен щедрее». Имея в виду эти факты, К. Д. Мачавариани писал: «Когда нет воровства в Самурзакани, то воровство прекращается и в других участках. Самурзакань является передаточным пунктом» (Мачавариани К. Д. Очерки Абхазии. Абхазская интернет-библиотека).

[700] Робакидзе А. И. Некоторые черты горского феодализма на Кавказе... С. 16. Абхазами была выведена порода крупной пастушеской собаки, получившей название у народов Северного Кавказа «абхазской овчарки». Пастушеские собаки, известные под названием «абхазская собака», встречались и в Шапсугии. Хорошая собака не только защищала скот от хищных зверей, наводила на след дичи, помогала пасти коз и особенно овец, стерегла их в ночное время, но даже, быстро преодолевая десятки километров по труднопроходимой местности, одна доставляла для хозяина из дому боеприпасы (картечь и порох) в специальных рогах, прикрепленных к ременному ошейнику (См.: Инал-ипа Ш. Д. Из скотоводческого культа абхазов (Алышкинтыр) // Известия АИЯЛИ им. Д. И. Гулиа. – Тбилиси, 1983. Вып. XII. С. 46).

Институт пастушества (*ахьчара*) возник еще на начальных стадиях организованной пастушеской деятельности абхазов. При этом сам определитель «пастушеский» может отсылать к более раннему этапу, на котором были одомашнены козы и другие животные, требующие пастбищ и пастухов. Последними могли быть люди, отличавшиеся, как сказано, храбростью и мужеством, ибо они принимали участие в выпасе скота, для которого требовались особые меры охраны от нападения хищных зверей и скотокрадов. Отношение к чабанам в Абхазии было тождественно отношению к воинам. Пастухи прекрасно знали горные места, кормовые и водные ресурсы, мельчайшие тропинки[701]. Народные представления предписывали пастуху особые магические свойства. Горное пастушество нашло отражение в Нартском эпосе, где рисуется реалистическая картина с упоминанием горных лугов, на которых пасется скот. Пастухи в эпосе – наиболее древние герои[702]. Вместе с тем, у основной части абхазского населения, занимавшейся земледелием, отношение к пастуху было двойственным. Несмотря на то, что занятие

[701] Опыт и навыки абхазских пастухов и охотников были активно использованы в период грузино-абхазской войны 1992–1993 гг. на Восточном фронте, в частности, при формировании специализированных подразделений и действий в условиях пересеченной местности. Участие пастухов и охотников в военных действиях на Восточном фронте не выходило за рамки роли, обусловленной их традиционными занятиями. Речь идет о том, что нахождение длительное время на необжитой территории создавало условия, при которых охотник оказывался в той же роли, что и пастух, то есть выступал в качестве стража границы и следопыта, первым узнававшего о приближении опасности (См.: Ботяков Ю. М. Периферия сельского сообщества на Западном Кавказе в конце XIX–XX вв. Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Режим доступа: http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-02-025227-1/). С. 20).

[702] Пастух в скотоводческом хозяйстве, читаем в коллективной монографии «Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза» (М., 1994. С. 136), «важная фигура, от него зависит благополучие стада. Отношение к пастуху нашло яркое отражение в сказках многих кавказских народов, наделяющих пастуха чертами доброго героя».

пастушеством давало человеку некоторое материальное благополучие, отношение к нему было если не пренебрежительное, то во всяком случае настороженное, отстраненное. Характерно, что зачастую его называли даже не «ахьча» («пастух»), а «ахьчажэ» («пастушище»), с откровенно пренебрежительным оттенком[703]. К тому же пастухи, вынужденные «длительное время находиться вне общества на труднодоступных горных пастбищах, становились отсталыми, что в целом отражалось на их статусе (умственно отсталые, ни в чем не разбирающиеся). Однако вторичное значение *ахьча* «защитник» получает высочайший статус – «защитник родины», в противовес другим однородным значениям – «караулить, охранять, сторожить (определенный объект)»[704].

Передвижения пастухов с равнин в горы, согласно мировоззрению абхазов, были равнозначны движению жизни от уровня земли вверх, в небо – к богам. Подъем в горы – это переход от одного мира в другой, где правят иные силы и законы. По воззрениям абхазов, горы – это путь или «лестница», ведущая к богу[705]. С горами связано и представление абхазов об ориентации человека во времени и пространстве. Вместе с тем, горы выступают как один из центров пространства и священное место жизни богов. Прибытие и убытие пастухов в горы и с гор сопровождается специальными ритуалами покровителям гор – *Ашьха инцэахэы*. Должно быть отмечено и то, что горное пастушество и охота вообще до недавних пор были наиболее экофильными отраслями абхазского хозяйства. Идеалы жизни в горах, осно-

---

[703] См.: Ботяков Ю. М. Периферия сельского сообщества на Западном Кавказе в конце XIX–XX вв. Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Режим доступа: http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-02-025227-1/). С. 20).

[704] Гублия Р. К. К этимологии некоторых социальных терминов в абхазском языке // Журн. «Кавказские научные записки». – М., 2011. № 3. С. 190.

[705] Акаба Л. Х. Исторические корни архаических ритуалов абхазов... С. 120.

ванные на уважении к природе и старшим, давали образцы для поведения в обычных сельских условиях[706].

Существование у абхазов развитого социального института пастушества подтверждается наличием у них наемного пастушества. По Ц. Н. Бжания, наемное пастушество в Абхазии называлось «ачныpра», в Бзыбской же Абхазии более употребительным был термин «ахьча»[707]. Вместе с тем, по нашим полевым этнографическим материалам, в Бзыбской Абхазии термином «ахьча» называли вообще любого пастуха, тогда как название «ачныр» у бзыбцев относилось именно к наемному пастуху. Этот термин был известен абазинам как «чырынра», и условия его найма совпадали с абхазским; у мегрелов наемный пастух назывался «чинори»[708]. Одни авторы рассматривают слово «ачныр» как заимствованное из мегрельского; другие производят абхазо-абазинские слова из осетинского глагола «чаерын» («пасти скот»); третьи предполагают, что в основе «ачныр» (что, скорее всего, соответствует истине) лежит перс. «чарани» («пастбище»), ср. с курд. «чарин» («пасти»)[709]. Плата наемному пастуху за пастьбу производилась, наряду с деньгами, зерном, мукой, молочными продуктами и т. п. Пастух получал также бесплатное питание, одежду и обувь.

Необходимым компонентом альпийского хозяйства является, как отмечено, земледелие, которое в определенной мере не чуждо даже классическим формам кочевого хозяйства[710]. По мнению А. И. Робакидзе, органическое сочетание малого по удельном весу, но необычайно трудоемкого земледелия с аль-

---

[706] См.: Чеснов Я. В. Размышления о народной культуре абхазов // СЭ. 1989. № 1.

[707] Бжания Ц. Н. Из истории хозяйства и культуры абхазов... С. 75.

[708] Земледелие и скотоводство у абхазов... С. 151–152.

[709] См.: Чирикба В. А. Абхазские заимствования в мегрельском языке... С. 92.

[710] Робакидзе А. И. Некоторые черты горского феодализма на Кавказе.... С. 17.

пийским скотоводством, характеризуемым строго регламентированным перемещением скота на значительные расстояния от дома в условиях натурального хозяйства, предполагавшего более или менее широкое развитие домашнего промысла, возможно было лишь при наличии такой формы семьи, которая располагала бы достаточным количеством рабочих рук и внутренней организации, способной обеспечить распределение функций в этом сложном, по существу многопрофильном, хозяйстве[711]. Такой, по утверждению автора, «могла быть лишь семейная община или ее пережиточная форма – большая семья, которая в процессе развития и сегментации перерастала в патронимию, характеризуемую чертами общности в хозяйственной, социальной и идеологической жизни»[712].

Скотоводство сыграло значительную роль в больших или малых миграциях, в сближении населения гор и равнины и его консолидации[713]. Население горных районов приобретало у жителей равнин прежде всего соль, а также некоторые виды ре-

---

[711] Там же.

[712] Там же. М. О. Косвен дал определение патронимии как группы семей, образовавшихся в результате сегментации семейной общины и в той или иной мере сохранивших хозяйственное, общественное и идеологическое единство (Косвен М. О. Семейная община и патронимия. – М., 1963. С. 97). В социальной структуре абхазов реально функционировала организация, описанная Косвеном, т. е. группа близкородственных семей, сохранивших хозяйственное, общественное и идеологическое единство. Наш материал подтверждает наличие этой структуры в традиционном абхазском обществе, когда трудовая кооперация крестьян-скотоводов составлялась из родственников и еще в XIX в. носила определенные следы общинных отношений в ее функциях, а также в трудовом и бытовом режиме. По определению А. В. Фадеева, в экономическом отношении родовая община (многие формы которой сохраняли свою силу и при феодализме), объединявшая несколько ближайших по родству семей, представляла хозяйственную ячейку в 20–30 чел., которая занималась по преимуществу скотоводством (Фадеев А. В. К вопросу о феодализме в Абхазии. – Сухум, 1931. С. 11).

[713] См.: Гамкрелидзе Б. В. Социально-культурные проблемы скотоводства горцев Центрального Кавказа... С. 5, 6.

месленной продукции, особенно продукцию городского ремесла и металлургии, рыбий жир, зерновые и т д. Со своей стороны горные районы снабжали долину, особенно городские центры и рынки продуктами животноводства (мясо, масло, сыр, кожа), охоты, некоторыми видами ремесленных изделий (вязаные ткани, продукция металлообработки и деревообработки и т. д.)[714]. При этом должно быть отмечено, что особая и постоянная необходимость снабжения приморского населения продуктами скотоводства вряд ли была, ибо немалое количество как крупного, так и мелкого рогатого скота имелось и у населения прибрежной и предгорной полосы Абхазии.

Другая важная роль скотоводства заключалась в деле налаживания взаимоотношений между различными этническими группами Кавказа, мирном их сотрудничестве и сближении в хозяйственном быте[715]. По свидетельству Н. Г. Волковой, отгонное скотоводство, как и торговля, составляло один из важных факторов развития этнокультурных контактов на Кавказе. Общение между народами постоянно осуществлялось и на скотопрогонных путях, и на сезонных пастбищах, где из года в год на определенный период в соседстве оказывались представители разных этносов[716]. С этой точки зрения, культурно-исторические взаимоотношения между отдельными группами населения древней Абхазии и Центрального Кавказа развивались еще в период развитой бронзы. Если до эпохи раннего железа эти обменные взаимоотношения оставались спародическими, то в конце эпохи, между названными регионами усиливаются, а затем и устанавливаются стабильные торгово-экономические связи. Об этом свидетельствует и абхазский фольклор (например, Нартский эпос). Хозяйственные связи абхазов с неселением Центрального Кавказа с разной степенью

---

[714] Там же.

[715] Там же.

[716] Волкова Н. Г. Этнокультурные контакты народов горного Кавказа в общественном быту (XIX – начало XX в.) // КЭС. – М., 1989. Т. IX. С. 168.

интенсивности продолжались как в Средние века, так и в Новое время. Нередко абхазы использовали и пастбища соседствующих народов. Использование абхазскими скотоводами, несомненно, с древности некоторых пастбищных мест северной стороны Кавказских гор[717] подтверждается обилием абхазских названий местностей в верховьях рек Б. и М. Лаба, Б. и М. Зеленчук и окрестных мест. Например, названия рек Речепста и Ацгара, гор Псыш, Абишира-Ахуба, Накуртуахра и других местностей в верховьях Б. Зеленчука, минерального источника Адзапш, хр. Ахухапара, горы Ачхаз-Бжю и многих других в бассейне Б. Лабы являются абхазскими[718]. В первой половине XIX в. скот соседних народов часто можно было встретить на летних пастбищах абазин: так, например, известно, что не обеспеченные летними пастбищами убыхи иногда перегоняли свой скот на северную сторону Главного хребта, в землю шкаровцев. Последние допускали их, так как сами были заинтересованы в использовании выгод морской торговли убыхов[719].

Развитие между абхазами и другими народами Кавказа интенсивных этнокультурных связей хорошо известно по материалам XVIII–XIX вв. На сезонных пастбищах происходило, например, постоянное общение между абхазами и карачаевцами. Зимние пастбища карачаевцев находились на северных склонах Главного Кавказского хребта в долинах рек Теберды и Хасаута: здесь же зимой свой скот пасли абхазы-цебельдинцы[720]. Неуди-

---

[717] Это подтверждается, например, данными А. В. Фадеева, который, говоря об эпохе бронзовой культуры, отмечал, что скот перегонялся на значительные расстояния и нередко стада переваливали даже через Главный хребет, как с Севера на Юг, так и обратно (Фадеев А. В. Краткий очерк истории Абхазии. – Сухум, 1934. Часть первая. С. 35).

[718] Подозерский К. И. Санчарская через Главный Кавказский хребет тропа и урочище Псху... С. 23–24.

[719] См.: Лавров Л. И. Абазины... С. 17.

[720] Волкова Н. Г. Этнокультурные контакты народов горного Кавказа в общественном быту (XIX – начало XX в.)... С. 168.

вительно поэтому, что между цебельдинцами и карачаевцами производилась торговля скотом и лошадьми[721] (карачаевской лошади специалисты давали высокую оценку и советовали разводить ее в условиях Абхазии)[722]. Стремясь улучшить поголовье скота, абхазы через перевалы часто ездили в Карачай и другие районы Северного Кавказа для покупки лучших пород, например, ногайских быков. По нашим полевым этнографическим материалам, жители с. Члоу Абжуйской Абхазии как до установления, так и в годы советской власти часто свободно ходили в Карачай, где покупали крупный рогатый скот и перегоняли его в свое село. По другим сведениям, для обмена или покупки лошадей и коров, абхазы периодически ездили в Карачай еще в 70–80 гг. XX в. По сообщению старожилов с. Джгиарда, такие поездки совершались до конца 80-гг. XX в., но они уже носили единичный характер и не были меновыми обменами. Например: «Мы покупали у карачаевцев коров по 4000 рублей и продавали жителям Кутола за 8000. Во время перегона нам помогали сами карачаевцы. Как правило, такие сделки совершались на летних стоянках пастухов»[723]. Сами ногайцы, карачаевцы и другие народы Северного Кавказа были частыми гостями, например, у князя Гасанбея Чачба (Шервашидзе) в его имении в Кяласуре. Дополнительный импульс этнокультурному общению давало знание большей частью населения Цебельды, Ахчипсоу и иных

[721] Бжания Ц. Н. Из истории хозяйства абхазов. Этнографические очерки. – Сухуми, 1962. С. 58. См. также: Салпагарова А. Ш. Торговые отношения в этнокультурных взаимосвязях абхазов и карачаевцев в XVIII–XIX вв. [Электронный ресурс]. Режим доступа: Ilmu.su/torgovye-otnosheniya-v-etno. К. Паустовский писал о том, как на карачаевцев, шедших через Клухорский перевал в Сухум со стадами для продажи абхазам или обмена на табак, часто нападали сваны. Редкий переход, по его словам, «не оканчивается жестокой перестрелкой на склонах Клухора. Почти всегда сваны угоняют половину скота» (Паустовский К. Где нашли золотое руно... С. 149).

[722] Фон-Дервиз Н. В. Сухумский округ... С. 41.

[723] Цит. по: Зельницкая (Шларба) Р. Ш. Карачаевский след в абхазском фольклоре // Известия Карачаевского НИИ. – Черкесск, 2016. Вып. 12. С. 76.

горных регионов исторической Абхазии карачаевского и других языков народов Северного Кавказа. А постоянное поступление товаров и продуктов во многом способствовало появлению в быту контактирующих народов идентичных форм материальной культуры[724].

Поддержание и улучшение традиционного скотоводства абхазов, как показывают письменные материалы, было нарушено с проведением на Северо-Западном Кавказе колониальной политики царской России. Уже в 1877 г., во время Русско-турецкой войны, когда Абхазия была занята русскими войсками, «без всякой застенчивости, – как отмечал К. Кудрявцев, – реквизировался и угонялся скот сотнями и тысячами голов и т. д. Скота было реквизировано у населения так много, что войска не могли его весь употребить в пищу и тысячи голов были отправлены на Кубань»[725]. С утверждением царской власти в Абхазии, писал В. Кукба, создались стеснительные условия насчет земель и пастбищ – скотоводство принимает характер подсобный, а земледелие явилось основным занятием[726]. С. П. Басария наиболее гибельной для скотоводства причиной также считал новые условия относительно горных альпийских лугов, которые были обращены в правительственные казенные дачи[727]. Горные пастбища стали сдаваться в аренду, в основном пришлым людям, которые захватили половину их. На пути к альпийским лугам все земли цебельдинских и дальских абхазов были розданы частным лицам, которые требовали налог за прохождение скота. При грузинских властях ¾ нагорных пастбищ попали в руки не абхазов, а потому условия создались куда более тяжелые, чем

---

[724] См.: Маан О. В. Абхазы и внешний мир: этнокультурные, политические и экономические связи (VIII–XVIII вв.). Историко-этнологическое исследование. – Сухум, 2020. С. 147–159.

[725] Кудрявцев К. Сборник материалов по истории Абхазии... С. 183.

[726] Кукба В. Абхазы. Абхазская интернет-библиотека.

[727] Басария С. П. Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении... С. 117.

при царской власти. Со дня установления советской власти в Абхазии эта неестественность с горными пастбищами не только не была исправлена, но даже была осложнена еще сильнее[728].

Резко негативное воздействие на скотоводство абхазов оказало поэтапное отчуждение в конце 1930-х – начале 1950-х гг. и в конечном счете изъятие из хозяйственного оборота значительного массива земель, которые предоставлялись под землеустройство переселенцев из Грузии. После войны 1992–1993 гг. во много раз сократилось по сравнению с советским периодом поголовье всех видов домашних животных. Распались совхозно-колхозные фермы, традиционные и современные кооперативные формы объединения скотоводов и т. д. Если до грузино-абхазской войны абхазы ежегодно гоняли скот на альпийские луга, то в настоящее время отгонным скотоводством продолжают заниматься скотоводы из предгорных сел, содержащие значительное количество скота в личных хозяйствах. Большинство же скотовладельцев, по причине того, что у них небольшие стада, а также наличия достаточного количества присельских пастбищ, перестало перегонять скот на дальние расстояния [729]. Но нельзя забывать о том, что пастбищный корм на альпийских

---

[728] Там же. С. 118–119. Относительно развития скотоводства и пользования пастбищами в горных местностях Черноморского побережья Кавказа, в том числе и в Абхазии, С. С. Анисимов в 1924 году писал: «В нагорных местах Черноморского побережья очень много роскошных горных лугов <...>, а выше полосы хвойного леса имеются пастбища, с альпийской растительностью, дающей исключительно ценный корень. Но как раз именно эти пастбища в настоящее время почти совсем не используются. Несмотря на такие данные, скотоводство на Черноморском побережье развито сравнительно слабо и, за исключением Абхазии, представляет в хозяйстве второстепенную отрасль» (Анисимов С. С. Кавказский край... С. 341).

[729] Спад использования отгонных пастбищ в постсоветское время (а для Абхазии еще и в результате последствий грузино-абхазской войны 1992–1993 гг.) и переход на оседлое животноводство определенных категорий хозяйств наблюдается также на Северном Кавказе, в странах Средней Азии, районах Сибири, в Монголии и пр.

лугах отличается высокой питательностью и продуктивностью, и так как на высокогорье лучше не только корм, но и вода и воздух, то молоко, полученное от коров, пасущихся на альпийских лугах, вкуснее и экологически чище.

В рамках указанной выше проблемы скотоводства могут быть рассмотрены и вопросы специальной скотоводческой терминологии. Исследователями выявлены общие абхазо-мегрельские животноводческие названия. При дальнейшей работе с ними удалось установить заимствованный характер многих из этих терминов, взятых картвельскими языками из абхазского[730]. Из абхазских названий скотоводческого хозяйства, заимствованных соседними народами, отметим, например, термин «агуара», что по-абх. означает «ограда», «двор», «загон», который «является очевидным абхазским вкладом не только в топонимию Мегрелии, но и Гурии и Аджарии»[731]. От него производно название «места стоянки» скота у абхазов «агуарта» (с ним сопоставляется адыг. «гуартэ», «куэрт» с тем же значением). От абхазского «агуарта» идет и мегрельское «агварта, аргвата» –«стадо, толпа»[732].

От термина «агуара» производно название села в Аджарии – Гуара; это же слово является составной частью гурийского села – Ципнигвара, букв. «Ограда (или двор) Ципна» – от Ципна, или Ципина (имя владельца), и «его» + гвара (гуара) «ограда», «двор».

Независимо от состава стада, каждый скотовод имел вне дома постоянную зимнюю стоянку *аантра*. От этого абхазско-

---

[730] См.: Кварчия В. Е. Животноводческая (пастушеская) лексика в абхазском языке. – Сухуми, 1981; Дзидзария О. П. Историко-этимологический анализ отраслевой лексики абхазо-адыгских языков. – Сухум, 2009; Чирикба В. А. Абхазские заимствования в мегрельском языке... С. 64–125.

[731] См.: Кварчия В. Е. Из этнической истории абхазского (апсуа//абаза) народа или о языке и истории абхазов и абазин... С. 260, 446.

[732] Чирикба В. А. Абхазские заимствования в мегрельском языке... С. 74, 77, 88; Кварчия В. Е. Из этнической истории абхазского (апсуа//абаза) народа... С. 446.

го термина происходит и мегрельское «аптара»[733]. Усадьба, если позволяла площадь, имела также специально огороженный участок – *ахкаара*, обычно служивший загоном для коней и телят в летний период. От абх. «ахк'аара» «ограда для скота» производно и мегрельское «хек'ара // ахк'ара» – «временное пастушье стойбище»[734]. На стоянке в горах пастухи сооружали временный навес *атыпчка* – досл. «место склона» (от «атып» – «место», «ачкара» – «склон», «обрыв). От нее является производной лексема «атып» (место стоянки, помещение для пастухов), название, которое существует и в мегрельском языке с тем же значением[735], что, надо полагать, из абхазского[736]. От названия козьей либо овечьей шкуры, используемой абхазскими пастухами в горах как подстилка или накидка акэахьча, происходит и мегр. *квахча* («кванчха»)[737].

Представляют большой интерес и некоторые другие термины абхазов, связанные со скотоводством, которые были переняты мегрелами. Так, от абх. *абора* – «загон для скота» – появилось мегр. *абоура, амбура* – «хлев»[738]; абх. (абж.) *агатама,* мегр. *гетама* – «шкворень ярма» (для этого слова специалисты отмечают обратное заимствование, ранее усвоенного мегрель-

---

[733] Чирикба В. А. Абхазские заимствования в мегрельском языке… С. 88–89.

[734] Цхадая П. А. Топонимия горной Мегрелии. Автореф. канд. дисс. – Тбилиси, 1975. С. 34; Чирикба В. А. Абхазские заимствования в мегрельском языке... С. 72.

[735] Элиава Г. В. Топонимика Абашского и Гегечкорского районов. – Тб., 1977. С. 18 (на груз. яз.).

[736] Дзидзария (Дзари-ипа) О. П. Строительная лексика абхазского языка... С. 41. Его же. Историко-этимологический анализ отраслевой лексики абхазо-адыгских языков... С. 197–198; Кварчия В. Е. Из этнической истории абхазского (апсуа//абаза) народа или о языке и истории абхазов и абазин… С. 446.

[737] См.: Грузины. Народы и культуры... С. 153.

[738] Там же. С. 87, 107. По И. Кипшидзе, «агвара (абх. абоура) – скотный двор, хлев» (Кипшидзе И. Грамматика мингрельского (иверского)... С. 192).

ским из абхазского)[739]; от абх. *апшьырҳа* – деревянный сосуд цилиндрической формы для кислого молока[740] – мегр. *апшьирҳа*[741]; от абх. *абшьира* («форма для сыра сулугуни») – мегр. *апшьара* (вид деревянного сосуда)[742]; от абх. *ачакуа* (большая деревянная кружка)[743] – мегр. *чаква*, что значит «деревянная посуда для простокваши»[744]; абх. *абкул* (деревянный сосуд для хранения молочных продуктов) – мегр. *букули*[745]; от абх. *аҳата* (кожаный мешок для приготовления творога) – мегр. *ҳарта* («бурдюк»)[746]; от абх. аныга (деревянный подойник) – мегр. *ныга*[747]; абх. *ахрадзага* (деревянная молочная цедилка) – мегр. *хурадзага, хирадзага* с тем же значением[748]; от абх. *атыгь* («баран-производитель») – мегр. тигьи («баран»)[749].

Можно обратиться и к некоторым мегрельским заимствованиям из абхазского языка, относящихся к молочным продуктам.

---

[739] Чирикба В. А. Абхазские заимствования в мегрельском языке... С. 77–78.

[740] Земледелие и скотоводство у абхазов… С. 131; Гублиа Р. К. Очерки по абхазской этимологии... С. 297.

[741] Кипшидзе И. Грамматика мингрельского (иверского) языка... С. 197; Чирикба В. А. Абхазские заимствования в мегрельском языке... С. 75.

[742] Там же. С. 84.

[743] Словарь абхазского языка. – Сухуми, 1987. Второй том. С. 410.

[744] Кипшидзе И. Грамматика мингрельского (иверского) языка с хрестоматиею и словарем... С. 363.

[745] Бжания Ц. Н. Скотоводческое хозяйство в Абжуа. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. – Сухуми, 1954. С. 15. Его же. Из истории хозяйства и культуры абхазов…С.109.

[746] Джанашиа Н.С. Статьи по этнографии Абхазии... С. 83; Чирикба В. А. Абхазские заимствования в мегрельском языке... С. 75, 86; Гублиа Р. К. Очерки по абхазской этимологии... С. 301.

[747] Чирикба В. А. Абхазские заимствования в мегрельском языке... С. 71, 86; Гублиа Р. К. Очерки по абхазской этимологии... С. 292.

[748] Чирикба В. А. Абхазские заимствования в мегрельском языке... С. 77, 86; Гублиа Р. К. Очерки по абхазской этимологии... С. 302.

[749] Кварчия В. Е. Животноводческая (пастушеская) лексика в абхазском языке... С. 75.

В связи с этим не исключено, что мегр. название кислого молока *марцвени* (мацони) производно от абх. *ахарцэы* («кислое молоко»). Мегр. *хцьацьа* («молозиво») восходит к абхазскому двухкомпонентному слову *а-х-цьацьа* («молозиво»); мегр. *хачо* («творог») – из абх. *ахача* («творог»); мегр. *хчети* («сливки») – от абх. *ахчат* («сливки»); мегр *хаца* («закваска для простокваши») ср. с абх. *ахааца* – «закваска для простокваши, сыра»[750].

Для поиска пропавшей скотины скотоводы клеймили животных , т. е. на коже последних, в особенности лошадей и буйволов, выжигались железом знаки собственности – тамги, по-абх. *адамыҷнӆара*, что значит «накладывать, наносить тамгу». Этот термин, по мнению Ц. Н. Бжания, заменил частично другой более древний термин ахтцара («накладывать, давать имя»). Очевидно до XV в. «ахтцара» означало клеймение всего рогатого скота, как крупного, так и мелкого. В сванском языке существует термин «хынтцыра» в смысле мечения мелкого рогатого скота. «Хынтцыра» – абхазское слово, от *ахы* – «голова», анцара – «наносить, накладывать», т. е. наносить на голову знак мечения. Этот же термин встречается и в Мегрелии, в с. Джвари Зугдидского района[751]. По мнению Ц. Н. Бжания, и этот термин заимствован из абхазского языка[752].

Среди «седьмицы» скотоводческих божеств абхазов, как известно, главенствовал *Айтар*. О генезисе этого термина некоторые авторы считают, что абхазское название божества могло образоваться на мегрельской почве от слова «Антари», в которой «н» сперва превратилась в «л», затем в «у»[753]. Тот же автор, считая среди вышеназванных божеств наиболее древним

---

[750] Дзидзария О. П. Об этимологии некоторых мегрельских названий молочных продуктов // Труды АГУ им. А. М. Горького. – Сухуми, 1989. Т. VII. С. 145–146.

[751] Макалатия С. История и этнография Мегрелии... С. 193, 194.

[752] Бжания Ц. Н. Из истории хозяйства и культуры абхазов…С. 62.

[753] См.: Джавахишвили И. А. История грузинского народа. – Тбилиси, 1960. Т. I. С. 82–83 (на груз. яз.).

наименование хевсурской *Анатори*, отмечал, что первая часть «Ана» идентична абхазскому «Ан» («бог»), а также шумерскому «Ан», «Анна», вавилонскому «Ану». А вторая часть «тори» – распространенному в арамейском собственному имени «Тури», которое употреблялось в сложносоставных частях[754]. При этом следует, очевидно, учитывать тот факт, что в мегрельском и хевсурском терминах закономерно наращен *-н-* [755]. Ср. абх. *хага* – мегр. *ханга* («сумашедший»), абх. *ацха* – мегр. *нацха* («мост»), абх. *Егры* – мегр. Енгури (р. Енгур) и т. д., и следовательно, имело место проникновение абхазского теонима «Айтар» к мегрелам и хевсурам.

В контексте рассматриваемых вопросов считаем нелишним также отметить, что незаменимым спутником абхазских охотников и пастухов в горах являлась простая палка, а с появлением металла – деревянная пика с острым металлическим наконечником под названием *алабашьа*, использовавшаяся как альпеншток.

О термине «алабашьа» И. Кипшидзе пишет: «Лабаша – длинная деревянная палка с железным наконечником и железным или крючком у рукоятки; пользуются ею во время путешествий по горам»[756]. По свидетельству М. Я. Чиковани, «упомянутый в абхазских записях посох *алабаша* является мегрельским *лабаша*, что значит «посох»[757]. Автор Б. Хорава, также утверждает, что слово «лабаша» мегрельское[758]. Имеются, правда, гру-

---

[754] Там же.

[755] См.: Кварчия В. Е. Животноводческая (пастушеская) лексика в абхазском языке... С. 118; Чирикба В. А. Абхазские заимствования в мегрельском языке... С. 99–100 .

[756] Кипшидзе И. Грамматика мингрельского (иверского) языка... С. 269, 296.

[757] Чиковани М. Я. Народный героический эпос о прикованном Амирани. – М., 1966. С. 15; Грузины. Народы и культуры... С. 213.

[758] Хорава Б. Мухаджирство абхазов 1867 года. Тб., 2013. С. 96; См. также: Грузины. Народы и культуры… С. 213.

зинские авторы, признающие, что слово «алабашьа» перешло к мегрелам от абхазов[759]. И. А. Аджинджал, Ш. Д. Инал-ипа и Ш. Х. Салакая считают, что термин «алабашьа» является исконно абхазским и что как термин «алабашьа», так и обозначаемый им предмет из Абхазии проникают и в Мегрелию[760]. Со своей стороны отметим, что в мегрельском языке, кроме «алабашьа», нет другого слова с этим корнем. У абхазов, наоборот, наличествует более десяти разновидностей названий алабашьи, что должно служить показателем его исконно абхазского происхождения[761].

Сильное развитие скотоводства, и в частности коневодства, у абхазов, также вело к передаче своим соседям терминов коневодства и конского снаряжения. Установлено, что от абх. *агура* («уздечка») идет мегр. *агвири*[762] (ср. также мегр.-груз. *Унагери, унагири, анангири* («седло») с адыгск. *уанэгу* (букв. «середина седла»), а также с осет. *уаникIиафса* («чересседельник»); что касается терминов «ачу» и «ачуа», наличествующих в грузинском языке, то они, по мнению Т. Гамкрелидзе и Вяч. Иванова, являются следом передвижения по Кавказу народов – носителей древнего индоевропейского диалекта. Однако есть основа-

---

[759] См.: Антелава Нугзар. Абхазские мифы и ритуалы... С. 79 (на груз. и абх. яз.).

[760] Инал-ипа Ш. Д. Абхазы. – Сухуми, 1965. С. 214; Габниа С. С., Смыр Г. В., Чеснов Я. В. Ритуально-обрядовые функции абхазских посохов // ПИИЭ. – М., 1986. С. 122. В прошлом в Самурзакани (в Гале) встречалась и абхазская фамилия, производная от слова «лабашьа», которая зафиксирована в источнике в мегрельском варианте – Лабашьиа (Инал-ипа Ш. Д. Антропонимия абхазов. – Майкоп. 2002. С. 264).

[761] Подробнее об этом см.: Хеция А. Д. Терминология охотничьего вооружения в абхазском языке // Кавказ: история, культура, традиции, языки. По материалам Международной научной конференции, посвященной 75-летию Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа АНА. 28–31 мая 2001 г. Сухум. – Сухум, 2004. С. 534. Его же. Лексема «алаба» в абхазском языке. Рукопись 2012 г. С. 1–28 (на абх. яз.).

[762] Чирикба В. А. Абхазские заимствования в мегрельском языке... С. 92.

ния утверждать, что мегр. *ачу, ачу-ачу* (междометие понукания лошадей), *ачу-а* («лошадка» в детском языке) призводно от абх. *ачы* («лошадь»)[763]. Специальные женские седла абхазок (*аседла, абахэр*), имевшие распространение у мегрелов и вообще в Западной Грузии, тоже были заимствованы мегрелами у абхазов. Но и абхазы знали «мегрельское седло». Обращает на себя внимание и название подушки, которую абхазы клали на седло, – *абалышь*; так же называется подушка и у мегрелов – *балишьи*: слово производно из персидского «балишьи» с тем же значением[764]. Из терминов коневодства в мегрельской речи из абхазского языка опять же заимствованы слова, связанные со стойбищем лошади и отражающие горный ландшафт.

---

[763] Там же.

[764] Чубинов (Чубинашвили) Д. И. Грузино-русский словарь… С. 94; Кипшидзе И. Грамматика мингрельского (иверского) языка... С. 200.

ГЛАВА II
СОЦИОНОРМАТИВНАЯ КУЛЬТУРА

Этикетные нормы и черты социального строя

В ходе этнокультурной эволюции абхазов в эпоху раннего феодализма, отчетливо проявилась их значимая историческая роль как «посредников», передававших византийскую и иные культуры в сопредельные территории. Об этом свидетельствуют введенные к настоящему времени в научный оборот новые данные о межэтнических взаимодействиях абхазов. Они подтверждают справедливость высказывания Д. И. Гулиа о том, что абхазы «безусловно являлись распространителями культуры среди соседних жителей, живших на севере и северо-западе, а также на востоке от них»[765]. К близкому выводу приходит В. И. Абаев, утверждавший, что «Абхазия была, пожалуй, основным каналом, служившим для связи Грузинского государства с алано-осетинами»[766]. Исходя из этого, нельзя исключать, что через абхазское посредство в Картли могли проникать, в частности, отдельные имена северо-восточной группы иранских народов[767].

На Северном Кавказе законодателями в области этикета и моды (на одежду, на вооружение, на манеру джигитовки, на стиль межличностного общения и др.)[768] в XVI–XIX вв. считались адыгские народы, и в особенности кабардинцы. О значительной культурной роли феодальной Кабарды исследователь традиционного костюма народов Северного Кавказа Е. Н. Студенецкая отмечает: «Все горцы Северного Кавказа и за ними казаки (кубанские и терские) заимствовали из Кабарды форму

---

[765] Гулиа Д. И. Собрание сочинений. – Сухуми, 1986. Том шестой. С. 137.

[766] Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. – М.-Л., 1949. Том I. С.318.

[767] Амичба Г. А. Историческая антропонимия абхазов. – Сухум, 2010. С. 131.

[768] См.: Зиссерман А. Л. Двадцать пять лет на Кавказе (1842–1867). – С.-Петербург, 1879. Часть вторая (1851–1856). С. 382.

одежды, вооружение, посадки на коне и т. д.». Кабардинский женский костюм феодальной верхушки оказал сильное влияние на женскую одежду высших социальных слоев карачаевцев, балкарцев, отчасти осетин[769]. При этом важно принимать во внимание влияние соседних народов на развитие самой адыгской культуры, не отрицая культурного взаимообмена и между кабардинцами и абхазами, поскольку с массовым переселением абхазов[770] на северные склоны Кавказа в XV в. и их вхождением в орбиту политического и культурно-языкового влияния кабардинцев абхазское (абазинское) население передавало адыгам отдельные элементы своей национальной культуры[771].

Элементы своей этнической культуры абхазы распространяли и среди картвельских народов, которые в период Абхазского царства входили в состав этого государства. Можно предполагать, что в картвельскую среду проникали в первую очередь культурные стандарты, атрибутивные для высшей княжеско-дворянской прослойки, – *Аамсташэара*. Абхазские этикетно-поведенческие нормы, и в особенности правила дворянского кодекса чести и престижные обычаи, со временем, очевидно, получали распространение в широких слоях картвельского населения. Это означает, что происходило заимствование элитарных элементов абхазской культуры, так как в феодальном обществе обычаи, которым следовала социальная верхушка, считались образцом поведения. Не случайно архимандрит Леонид (Каве-

---

[769] Студенецкая Е. Н. Одежда народов Северного Кавказа. XVIII–XIX вв. – М., 1989. С. 39, 84, 169, 210, 259.

[770] С конца XVIII в. на Северном Кавказе из мигрировавших туда абхазов складывается самостоятельный абазинский народ.

[771] Нужно учитывать и то, что в отдельные периоды северо-западные пределы Абхазского царства достигали района нынешнего Туапсе, в связи с чем можно полагать, что в его состав входили отдельные зихские племена. Поэтому начиная с конца XII в. и вплоть до конца XVIII столетия Черкесия и Абхазия представляли собой единую этнокультурную область, население которой жило общей материальной и духовной культурой.

лин) посчитал нужным отметить, что «усилилось нравственное влияние абхазов на соседние народы, страна их сделалась сильным царством и подчинила горные народы и Лазику»[772]. Причем «громадное культурное влияние» абхазов, по мнению К. Д. Кудрявцева, «мы можем наблюдать почти во всех областях жизни и даже быта» картвелов[773]. О проникновении в Грузию самобытных черт абхазской культуры раннесредневекового времени, элементов хозяйственного быта, народной одежды, традиции и т. д., включая язык, писал проф. Г. А. Дзидзария[774]. Так, согласно одному из абхазских преданий, записанных Ш. Д. Инал-ипа, *ансха* (царь Абхазии) воспитал у себя дома внучатых племянников и, отправляя их в Грузию (одна из его дочерей была замужем за грузином), одел их «во все абхазское». Там эта одежда так понравилась, что с тех пор ее стали носить и грузины[775].

Поведенческие нормы абхазского этикета для западных и восточных грузин, турок-османов и т. д., были, по всем данным, выражением аристократической изысканности и благородства[776]. Более чем красноречиво свидетельствовал об этом

---

[772] Леонид А. Абхазия и ее христианские древности с картой абхазского приморского берега в пользу миссионерской абхазской школы. – М., 1887. С. 92.

[773] Кудрявцев К. Сборник материалов по истории Абхазии... С. 124. Считают, что законодателем мод и этикета в аристократических кругах Грузии был, например, общественный деятель и поэт, сын последнего владетеля Абхазии Михаила – Георгий Чачба. С Георгия Чачба, как полагают, художником М. Зичи был срисован образ Тариэла из поэмы Ш. Руставели «Витязь в тигровой шкуре» (См.: Агуажба Р. «В настоящем мужчине скрыто дитя» // Журн. «Абаза». 2015. 10. 04. С. 57).

[774] Дзидзария Г. А. Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции. – Сухуми, 1979. С. 16.

[775] Инал-ипа Ш. Д. Труды (Материалы и исследования по вопросам исторической этнографии абхазского народа)... С. 314–316).

[776] О заимствовании турками-османами элементов абхазской, шире кавказской, культуры, например, Мурат Яган отмечал: «…турки вообще переняли у кавказцев многое, включая разные обычаи и даже манеру одеваться» (Мурат Яган. «Я пришел из-за гор Кавказа». –Краснодар, 2002. С. 282). О

князь А. К. Чачба (Шервашидзе): «…абхазы дают весь тон всему населению, абхазская вежливость, изящество движений и общение друг с другом влияют на всех, даже на русских солдат»[777]. Подобно кабардинцам, являвшимся «в некотором роде кавказскими французами»[778], абхазов в Грузии еще в конце XIX в., по словам Евг. Маркова, называли «французами Кавказа»[779]. Некоторыми исследователями также было подмечено, что человека с хорошими манерами грузины сравнивали с абхазом. Так, воспитанного мужчину грузины называли «абхази вашкаци»[780], а слово «абхазоба» означает у них «благородство»[781]. Ректор Тбилисской Академии художеств, член-корр. АХ СССР А. К. Кутателадзе (1900–1972), находясь в 1968 г. в Абхазии, отмечал, что, когда их прадеды видели среди грузин красивого, статного парня или девушку, говорили «красивый (красивая), как абхаз(-ка)»[782]. В Мегрелии, хорошо отзываясь о девушке, сравнивали ее с абхазской невесткой[783]. Выясняется также, что в 1930-х гг. старики Гурии ещё помнили, что замужних женщин раньше называли по девичьей фамилии; при обращении к родственницам или упоминании их заочно заменяли окончание *-дзе, -шви-*

влиянии абхазской культуры на турецкую знать см. также в кн.: Маан О. В. Апсуара в социальных отношениях абхазов (XVIII – первая половина XIX века). – Сухум, 2012. С. 85–90.

[777] Князь Александр Чачба (Шервашидзе). Статьи об искусстве. Отрывки из писем и записных книжек. – СПб., 1998. Сост. Б. Аджинджал. С. 103–104. Ал. Чачба (Шервашидзе писал о Сухуме как о «городе вежливых людей») (там же).

[778] Зиссерман А. Л. Двадцать пять лет на Кавказе (1842–1867). Часть вторая... С. 382.

[779] Марков Евг. Очерки Кавказа. – СПб.–М., 1887. С. 360–361.

[780] Чеснов Я. В. Народная культура. Философско-антропологический подход... С. 409–410.

[781] Там же. С. 410.

[782] Думаа А. Н. Путь к свободе. – Сухум, 2013. С. 24–25 (на абх. яз.).

[783] Тарба Б. Г. Вопросы нравственного воспитания в абхазской этнопедагогике // Труды АГУ. – Сухуми, 1988. Т. VI. С. 212.

ли, -иа, -уа и др. на *-пхе (-рхе)*. Это выражало уважение[784]. Там же (в Гурии и Мегрелии) издавна хорошая скаковая лошадь, изящное наездничество часто ассоциировалось с представлением об абхазе[785]. О. В. Вахания писал, что в Западной Грузии «до сих пор осталась поговорка: Среди всадников абхазца можно отличить издалека»[786].

В привитии с детства многочисленных правил поведения в обществе, в гостях, законов гостеприимства, уважения к женщине и др., то есть воспитания человека этикетной личностью, а также в установлении между разными народами Кавказа самых тесных связей огромную роль играл институт *аталычества*. Бытописатели первой половины XIX в. отмечали, что знать тех или иных западнокавказских народов никогда не воспитывала своих детей дома, а отдавала их на воспитание тем, кого они «наиболее уважали»[787]; так поступали, например, западногрузинские князья, которые, по данным этнографии, отдавали своих детей на воспитание абхазам. Последние имели тесные аталыческие связи с адыгами, убыхами, карачаевцами, мегрелами, сванами[788]. В частности, сыновья известных абхазских князей, как это бывало нередко, воспитывались в семьях кабардинских князей, что, в частности, отразилось в ряде абхазских героических сказаний[789]. Именно у абхазов и у адыгов обычай аталычества в XIX в. сохранился в наиболее яркой форме. При

---

[784] Мегрелидзе И. В. Женские фамильные именования в южно-кавказских языках и фольклоре // Памяти акад. Н. Я. Марра. – М.–Л., 1938. С. 186.

[785] Вахания О. В. Абхазские народные игры... С. 32; Бгажба Х. С. Этюды и исследования… С. 23.

[786] Вахания О. В. Физическая культура и спорт в Абхазии. – Сухуми, 1958. С. 19–20.

[787] Цит. по: Волкова Н. Г. Этнокультурные контакты народов горного Кавказа в общественном быту (XIX – начало XX в.)... С. 187.

[788] Ханаху Р. А. Адыгская (черкесская) философия и культура. Энциклопедия... С. 102.

[789] Там же.

этом хорошо было известно о том, что в абхазских и адыгских семьях детей по обычаю аталычества учили не просто правилам поведения в обществе, а мельчайшим подробностям этикета.

Практически все бытописатели Абхазии подчеркивали необычайную учтивость, корректность и вежливость абхазов [790] (современники отмечали прекрасное владение собой и сдержанность даже абхазских детей)[791]. Об этих качествах абхазов в книге «Народы мира», изданной в 1928 г., отмечалось, что абхазы «выгодно отличаются» от своих соседей «деликатностью в обращении с женщинами и чувством взаимной солидарности»[792]. Поведенческие правила абхазов наиболее полно были подмече-

---

[790] Из множества публикаций, в которых бытописатели Абхазии приводят ценные сведения об образе жизни абхазов, традиционном этикете, духовной и нравственной культуре, религиозных верованиях и пр., достаточно назвать сборники документальных материалов XVIII–XIX вв., составленные Г. А. Дзидзария, А. Э. Куправа, Т. А. Ачугба и другими авторами, опубликованные в 2005–2012 гг.

[791] См. напр.: Вержбицкий Н. Курорт Псырцха (б. Новый Афон). – Тифлис, 1925. Цит. по: Диалог времен. История. Традиции. Культура. Альманах. – Сухум, 2018. № 2. С. 198. На протяжении всей истории, отмечает Р. А. Ханаху, визитеры из соседних стран, а с XV века западные и восточные исследователи Кавказа, путешественники и торговцы выражали восхищение изысканной вежливостью, которую проявляли единодушно и повсеместно все кавказские сообщества. Это была всеобщая дисциплина, практиковавшаяся всеми черкесами без исключения, неизменная черта их черкесской принадлежности независимо от того, насколько различными могли быть их языки, физические и этнические особенности и национальная принадлежность к абхазам, абазинам, адыгам, карачаевцам, кабардинцам, балкарцам, осетинам, чеченцам, лезгинам, аварцам, казикумухцам, кумухцам, андийцам, табасаранцам и т. д. Александр Лиф в своей статье для журнала National Geographic (январь 1973 года) и Сула Беннет в своей книге Abkhazians (New-York: Holt, Rinehart and Winston, 1974), а также Пола Гарб в книге «Детство долгожителей» (Москва, 1984) делятся своими наблюдениями о том, насколько важна дисциплина вежливости для кавказцев (Цит.по: Ханаху Р. А. Адыгская (черкесская) философия и культура... С. 94).

[792] Народы мира. Народы Восточной Европы. Ежемесячное приложение к журналу «Вестник знания». – Ленинград, 1928. 12-я книга. С. 664.

ны Н. М. Альбовым, наблюдения которого дали ему основание считать, что абхазы «очень приветливы, вежливы в обращении и даже, если хотите, галантны». «Иногда бываешь, – пишет он, – положительно поражен тактом, с каким умеет держать себя какой-нибудь простой абхазский крестьянин»[793]. Не ограничиваясь только этими оценками, автор приводит сравнительный материал с соседними абхазам северо-западными народами. «Умение держать себя, так сказать хороший тон абхазцев, – говорит Н. М. Альбов, – особенно резко бросается в глаза при сравнении их с... кубанскими соседями, карачаевцами: последние кажутся в сравнении с абхазцами какими-то неучами... Когда вы приезжаете в абхазский дом, хозяин и хозяйка после первых приветствий сейчас же осведомляются о состоянии здоровья вас самих и вашего семейства и, если бы вам хотелось с дороги отдохнуть, спешат удовлетворить ваше желание и оставляют вас в покое. Во всяком случае, здесь нет и в помине того назойливого любопытства, доходящего до бесцеремонности, которое проявляют по отношению к гостью карачаевцы или сванеты»[794]. Между тем были авторы, которые давали, например, карачаевцам совершенно иные характеристики. Так, по словам В. Я. Тепцова, карачаевцы «не смотрят на вас зверем, напротив, рады вашему приходу и готовы угостить вас, чем только смогут». А по свидетельству И. Ф. Бларамберга (1830-е гг.), «благодаря своему мягкому нраву они (карачаевцы – **О. М.**) оказывают цивилизующее влияние на своих соседей»[795].

Помимо правил хорошего тона, проявления этикета у абхазов были замечены Н. М. Альбовым и при сравнении одежды абхазов и западногрузинского населения: в Абхазии, по его

---

[793] Альбов Н. М. Этнографические наблюдения в Абхазии... С. 313.

[794] Там же.

[795] Бларамберг И. Топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа // Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. – Нальчик, 1974. С. 424.

словам, «нет того стремления к щегольству в одежде, которое заметно у мингрельцев, имеретин и гурийцев»[796]. Почти то же самое писала К. Серена в отношении отличия одежды мегрелов и самурзаканцев: «…эти люди (самурзаканцы – **О. М.**) лишены присущего мингрельцам кокетства, проявляющегося в стремлении показать себя в выгодном свете и приодеться в свой самый новый и блестящий наряд»[797].

---

[796] Альбов Н. М. Этнографические наблюдения в Абхазии... С. 307. О том же сообщалось в книге «Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь. – М., 1898. (Сост. И. Н.)». С. 29.

[797] Карла Серена. Путешествие по Абхазии. Автор проекта и редактор, предисловие и комментарии: Денис Чачхалиа. – М., 1999. С. 49. О жителях долины Риони как любителях наряжаться см. также: Кавказ: музей мировой истории. Марков Е. Л. Очерки Кавказа. – Нальчик, 2011. С. 252. Выше говорилось о том, что абхазы являлись распространителями культуры среди соседних народов. Наиболее показательными примерами такого влияния являются материалы по обуви у населения Северо-Западного Кавказа, точнее относительно т. н. колотушек, по-абх. акапкап, подошва которых изготавливалась из древесины шелковицы. По словам Г. Ф. Чурсина, подобные деревянные ходули носили также кабардинки, черкешенки и карачаевки (Цит. по: Аджинджал И. А. Из этнографии Абхазии... С. 372). Такую обувь, под названием какаби, носили и мегрелки (Кипшидзе И. Грамматика мингрельского (иверского) языка с хрестоматиею и словарем... С. 354). Согласно И. Кипшидзе, какаби – это обувь с деревянной подошвой на высоких каблуках и с кожаным передом (там же). Здесь, возможно, имело место параллельное возникновение обеих названий у абхазов и мегрелов вследствие звукоподражания. Нужно, правда, сказать, что аналогичная обувь была распространена среди арабов и через турецкое посредство попала на Северо-Западный Кавказ, откуда получила распространение среди социальных верхов соседних народов (Уарзиати В. С. Культура осетин: связи с народами Кавказа. – Орджоникидзе, 1990. С. 23). Хорошо при этом известно о тесных торгово-экономических связях абхазов с турками, о чем сообщал, например, Эвл. Челеби. По его свидетельству, в гавань одного из племен в стране Абаза «один раз в год заходят суда со всех сторон и привозят… другое военное снаряжение, грубую обувь, окантовку для сукна, бязь на рубашки и подкладку, железные орудия для очага, котлы, железные цепи для подвешивания котлов над очагом, соль, мыло и другое» (там же). Если помнить, что на Северный Кавказ этот вид обуви был занесен турками, то можно с уверенностью говорить об абхазах (абазе), как первых

В качестве отдельных черт этикета в известной степени можно рассматривать применение косметики женщинами и отчасти мужчинами. По этнографическим данным, абхазки, особенно представительницы дворянско-княжеского сословия, для украшения своего лица пользовались как местными румянами (*аҷэапшь*), так и импортными белилами, пудрами (*асақ̌ə*) и пр. М. Пейсонель среди товаров, ввозимых из Крыма в Черкесию и Абхазию, называет и краски для протирания лица, белила и румяна, причем все абхазки, по его словам, «употребляют их в большом количестве»[798]. Пожилые мужчины у абхазов нередко красили усы в рыжий цвет, для чего использовали листья и цветы бальзамина султанского (ақына)[799]. Увлечение косметикой считалось уделом женщин, но чрезмерное увлечение ею, тем более мужчинами, в обществе порицалось. Карла Серена подчеркивала, что самурзаканские женщины «чрезмерно злоупотребляют румянами»[800]. По мнению Н. М. Альбова, существующий в Самурзакане «обычай румяниться и подводить брови» «вероятно, проник из Мингрелии»[801]. «Впрочем, – добавляет

распространителях этой женской обуви среди соседних народов (Там же).

[798] Пейсонель М. Исследование торговли на черкесско-абхазском берегу Черного моря в 1750–1762 г. – Краснодар, 1927. С. 24.

[799] См.: Малия Е. М., Акаба Л. Х. Одежда и жилище абхазов... С. 48–49.

[800] Карла Серена. Путешествие по Абхазии... С. 40.

[801] Альбов Н. М. Этнографические наблюдения в Абхазии // Очарованный Абхазией. Жизнь и странствия Николая Альбова. – Сухум, 2016. С. 112. О том, как украшали себя мегрелки у Арк. Ламберти читаем: «Для окраски лица употребляют белила или сок черешень. Белила... хорошо толкут и так нежно им мажут лицо, что оно кажется скорее обсыпанным мукою, чем подкрашенным. Что же касается румян… то на все красное, что им попадается в руки, будь ли это лаконос, киновар, марганец или мыловка, жадно бросаются и этим делают два пятна на щеках, и кажется, будто они нечаянно испачканы... Брови красят чернильными орехами так, что с обеих сторон доводят их почти до ушей, а внутри, выше носа, соединяют. Той же самой краской они также красят и ресницы. Они даже не щадят белок в глазу и какой-то мазью придают ему желтизну...» (Ламберти Арк. Описание Колхиды, именуемой теперь Мингрелией... С. 45).

автор, – абхазки вовсе и не нуждаются в этом, они обладают очень красивым цветом лица и бровями»[802]. Говоря же о том, как ухаживали за собственной внешностью мужчины в Западной Грузии, А. Цагарели сообщал, что «имеретины в усах, усы и ногти красят»[803].

Некоторые авторы, излагая сведения о внешнем облике абхазо-адыгов и западногрузинских жителей, обращали внимание на различие у них причесок. У абхазов на верхней части головы отращивали густую прядь волос (по-абхазски ахыцэкэыкэын), наподобие запорожского чуба[804] (обычай оставлять клок волос на макушке засвидетельствован разными авторами и у адыгов)[805]. Волосы на голове брили наголо и взрослые, и молодые. М. Броссе, присутствовавший на пасхальных торжествах в резиденции мегрельского владетельного князя Дадиани в 1848 г., писал, что «в толпе верующих, съехавшихся в церковь в Зуг-

---

[802] Альбов Н. М. Этнографические наблюдения в Абхазии // Очарованный Абхазией... С. 112. Использование косметики и украшений считалось в Средние века одним из препятствий, мешавших достижению девушкой истинной скромности и стыдливости. Например, Тертуллиан посвятил целый трактат «О женском убранстве» обличению женщин, пытающихся при помощи всевозможных ухищрений исказить свой облик, поправить то, что создано Богом, а также открыть путь для искушения мужчины. Итальянский гуманист Дж. Конверсини да Равенна (XIV – нач. XV в.) обосновывал вред косметики тем, что, во-первых, женщина, украшающая себя, будет пренебрегать домашними обязанностями; во-вторых, косметика наносит вред ее здоровью (он приводит, в частности, пример, когда долгое сохранение краски на глазах привело к слепоте); наконец, в-третьих, красящаяся женщина неопрятна (Цит. по: Рябова Т. Б. Женщина в истории западноевропейского Средневековья. – Иваново, 1999. С. 32). По оценкам других средневековых авторов, дававших более спокойные оценки женского украшательства, вредным может быть не использование косметики, а лишь злоупотребление ею.

[803] Цагарели А. Сношения России с Кавказом в XVI–XVIII столетиях. – СПб., 1891. Т. 1. С. 71, 72, 194.

[804] Народы Кавказа. Этнографические очерки. – М., 1962. С. 396–397.

[805] Лавров Л. И. Адыги в раннем Средневековье // Сборник статей по истории Кабарды. – Нальчик, 1955. Вып. I. С. 50, 53.

диди, можно было увидеть абхазцев – христиан, которых легко распознать по их бритым головам и белому башлыку»[806]. Сбривая волосы на голове, абхазы в знак чести и высоких моральных качеств мужчины «оставляли усы и бороду»[807]. Брить бороду считалось недостойным мужчины. Видимо, с этим связаны слова проклятия, которые можно было услышать в основном еще в недавнее время из уст женщин: «Чтобы обрил (обрила) ты себе голову!» («Ухы усааит!», «Бхы бсааит!»). Бороду и усы стригли в кружок[808]. Брить усы и бороду мужчины-абхазы стали с начала XX в.

В отличие от абхазов и адыгов, оставлявших на голове пучок волос, мегрелы пробривали макушку головы, как это отмечал во второй половине XVII в. Ж. Шарден[809]. Сваны еще в первой половине XIX в. волосы также стригли в кружок, но бороды брили, и большинство носило усы[810].

Весьма существенной частью общения является этикет приветствий и прощаний у абхазов. Его коснулся цитированный Н. М. Альбов. Так, относительно приветствий абхазов он писал: «Когда вы находитесь в дороге – все равно, кто бы вы ни были, вы получаете от всех встречных приветливое «здравствуй» («бзиала уаабейт») или «добрый день», «добрый вечер» («мшыбзиа», «хулыбзиа»). «Этого, – утверждает Н. М. Альбов, – уже вы не встретите на дорогах в Мингрелии»[811]. Вместе с тем в одной из статей, посвященной мегрелам, об этикете их приветствий чи-

---

[806] Буачидзе Г. Мари Броссе. Страницы жизни. – Тбилиси, 1983. С. 317–318.

[807] Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь... С. 28.

[808] Малия Е. М., Акаба Л. Х. Одежда и жилище абхазов... С. 48.

[809] Путешествие Шардена по Закавказью в 1672–1673 гг. – Тифлис, 1902. С. 32.

[810] См.: Волкова Н. Г., Джавахишвили Г. Н. Бытовая культура Грузии XIX–XX веков: традиции и инновации... С. 61.

[811] Альбов Н. М. Этнографические наблюдения в Абхазии... С. 313.

таем: «Каждый мегрел должен соблюдать этикет, обязательно здороваться со всяким, кто идет навстречу, если он (мегрел) восседает на коне»[812]. Всадник-абхаз, чтобы поздороваться, обычно приподнимался на стременах, ибо нельзя было приветствовать в сидячем положении. Или же приветствовали друг друга тем, что, приподнявшись в седле на стремена и обратив лица друг к другу, они располагали три сомкнутые вместе пальца на уровне груди, на расстоянии до 15 см от нее[813]. Вместе с тем, наиболее широко распространенные традиционные формы приветствия абхазов: «Добрый день!» (Мшыбзиа!), «Добро пожаловать!» (Бзиала уаабеит!) и др. получили частичное распространение и среди мегрельского населения Самурзаканской Абхазии.

В своих этнографических наблюдениях Н. М. Альбов заострил внимание на высоко развитом в абхазах чувстве собственного достоинства. Сравнивая их опять с западными грузинами, он подмечает, что абхазы «не так обидчивы и вспыльчивы, как гурийцы, но тем не менее не выносят даже простой брани и тем более побоев». Всякого, кто позволит себе оскорбить абхазца действием, говорит он, ожидает кровная месть со стороны обиженного. Сварливые люди не пользуются в стране никаким

---

[812] См.: Форов Е. Мегрелы (мингрелы) – мудрые и суровые [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://travelask.ru/articles/megrely-mingrely-mudrye-i-surovye). О вежливости мегрелов писал также П. П. Надеждин. Что касается Н. М. Альбова, то его сообщения и в некоторых других случаях вызывают возражения. Например, когда он писал, что «возможность пользования лесным богатством Абхазии явится не раньше, чем будут проведены в стране хорошие дороги и она заселится более густо и притом населением более культурным, чем настоящее» (см.: Альбов Н. М. Из Абхазии // Альбов Н. М. Леса Абхазии (Из «Записок Императорского Общества Сельского Хозяйства Южной России». – Одесса, 1892. С. 6). Дело однако здесь заключалось не в отсутствии культуры у абхазов, а наоборот, в том, что они, следуя выработанному вековой традицией комплексу этических и экологических норм, рачительно относились к своим землям и лесным ресурсам, как к природной среде, в которой они обитали.

[813] Инал-ипа Ш. Д. Очерки об абхазском этикете... С. 178.

уважением. Не было еще примера, чтобы оскорбление женщины и в особенности девушки оставалось безнаказанным[814]. Что касается самих абхазских женщин, то для их характеристики показательна оценка, данная Карлой Сереной. По ее свидетельству, абхазские женщины «более сдержанны в манерах, чем их соседки мингрелки»[815]. Большая сдержанность абхазок, как и представительниц других народов Северо-Западного Кавказа, объясняется, скорее, уважением и почтительным отношением к мужчинам, особенно к старшим, что являлось проявлением благодарности за их галантное отношение к ним.

Внешнее проявление сдержанности касалось не только манер и способа коммуникации с окружающими, но и одежды, о которой выше уже говорилось и в которой одобрялись скромность и опрятность. Из сообщений многих бытописателей первой половины и середины XIX в., непосредственно наблюдавших за жизнью абхазов, можно сделать вывод о том, что этикет внешнего вида занимал в системе их ценностей важное место. А. Пушкарев, положительно оценивая чистоплотность, аккурат-

---

[814] Альбов Н. М. Этнографические наблюдения в Абхазии... С. 313.

[815] Серена К. Путешествие по Абхазии... С. 49–50. Общественное положение женщин-абхазок и представительниц Западной Грузии не было одинаковым, на что, по-видимому, неизгладимый отпечаток накладывало феодальное устройство западногрузинского общества. З. Рихтер сообщала, что мингрельские женщины «порабощены, угнетены, работают за мужчин, не пользуются никакими правами». «Абхазские женщины совсем на ином положении. Исстари они занимали общественные должности, даже участвовали в войнах, бывают всюду, где мужчины, на собраниях, скачках, в гостях. Они политически развиты, очень разговорчивы, жизнерадостны» (Рихтер З. В солнечной Абхазии и Хевсуретии. – Москва–Ленинград. 1930. 63 с.). Справедливости ради следует сказать, что у абхазов девушки и пожилые женщины могли посещать народные собрания, если разбирались бракоразводные дела, дела об отказе от брачных залогов или такие связанные с кровомщением дела, где были замешаны женщины, но права голоса не имели (См.: Смирнова Я. С. Семейный быт и общественное положение абхазской женщины (XIX–XX вв.)... С. 146).

ность абхазской женщины, ее умение содержать дом в чистоте и порядке, считал, что они «стоят выше многих»[816]. Давая объяснение этому, А. Пушкарев далее отмечал: «Турчанки, например, если и аккуратны, то потому, что весь век свой проводят в гаремах, не подвергаясь полевым и домашним черным работам; напротив, абхазки вскапывают землю под посевы, собирают плоды, заведывают всем домашним хозяйством, – и в то же время вы видите на них чистенькие ситцевые платья, покроем на манер европейских[817]... вне работы на базарах и в праздники на тамашах (гуляньях) многие из них одеваются в шелковые платья, и многие не без вкуса»[818].

На поведенческие правила абхазов и их внешний облик неоднократно обращалось внимание и в работах грузинских авторов XVIII–XIX вв. Так, Вахушти Багратиони, характеризуя абхазов и мегрелов, писал, что первые более проворны и статны, нежели мегрелы[819] (те же источники XVIII–XIX вв. свидетельствуют, что абхазы по своему внешнему виду почти ничем не отличались от убыхов и западных адыгов). В связи с физическим типом абхазов, небезынтересны и сведения врача И. Пантюхова о том, что у абхазов Самурзакана, «особою высотою роста отличались дворяне и князья, имевшие глаза светлых цветов»[820].

---

[816] Пушкарев С. Сухум-Кале // Газ. «Кавказ». 1854 г. № 61.

[817] Впервые ситец был изготовлен в Индии (название материи восходит в санск. ситрас – «пестрый»). В Индии в XII в. из ситца шили священные одеяния, в которых было проще перенести жаркую погоду. В XVII в. в Европу Ост-Индскими компаниями наряду с другими товарами из Индии ввозился и ситец. С этого времени ситец через Турцию попадает и в Абхазию. Ген. Г. И. Филипсон в первой половине XIX в.отмечал, что в Сухуме «можно было купить турецкий ситец английского изделия» (Филипсон Г. И. Воспоминания // РА. 1883. Т. 6). Абхазское название ситца «ачыт» также идет из тур. cit.

[818] Пушкарев С. Сухум-Кале... 1854 г. № 61.

[819] Царевич Вахушти. География Грузии. Введение, перевод и примечания М. Г. Джанашвили. – Тифлис, 19 04. С. 234.

[820] Пантюхов И. И. Самурзаканцы // Газ. «Кавказ». 1892 г. № 77. Князья же и дворяне (тавады и жиноскуа) «носящие фамилии, – как писал А. Н. Ввe-

Продолжая тему самурзаканских абхазов, Карла Серена следующим образом характеризовала абхазов с. Окум: «Должна сказать, что вежливые и уважительные манеры, сдержанные и почтительный вид доказывают, что у этого народа, едва вышедшего из младенчества, есть как бы интуитивное чувство приличия и врожденное достоинство»[821]. Черты лица абхазов, отмечалось в другом источнике конца XIX в., «крайне характерные, сразу отличающие их от других племен… Старики в особенности в Самурзакани имеют очень почтенный вид. В юго-восточной части Самурзакани мужчины имеют чисто мингрельский тип, т. е. черты лица более тонкие и мелкие, выражение глаз более мягкое»[822]. Дм. Бакрадзе, отмечая, что у мегрелов «черты лица нежные, более женственные» и что «мужской красоты в них нет», по внешнему виду также отличал население Абхазии (как и Самурзакана) от мегрелов. «Чем далее вы углубляетесь в Самурзакань и Абхазию, – пишет он, – тем более физиономии делаются суровее и красота мужчин преобладает над красотою женщин»[823]. Тот же автор показал различие поведенческой культуры между жителями Мегрелии и Абхазии. «Мингрельцы, – пишет он, – в обращении скромны и вкрадчивы. Самурзаканцы и абхазцы держат себя свободно и гордо, говорят с кем бы то ни было без стеснения, подбоченившись или опершись на ружье»[824]. Причины подобного различия в поведении заключались в существовании так называемого «горского феодализма», оста-

---

денский, – одинаковые с тавадами и азнаурами Мингрелии, в Самурзакани нет» [Введенский А. Н.]. Абхазцы. (Азега). По поводу сочинения г. Дубровина «Очерк Кавказа и народов, его населяющих» // ССКГ. – Тифлис, 1871. Вып. V. С. 15).

[821] Карла Серена. Путешествие по Абхазии... С. 40.

[822] Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь… С 28, 29.

[823] Бакрадзе Дм. Очерк Мингрелии, Самурзакани и Абхазии // Газ. «Кавказ». 1860. № 49.

[824] Там же.

вившего глубокий след в психологии и образе жизни абхазского народа, что давало несравнимо больше прав и свобод членам общества, чем жесткий феодальный строй соседней Мегрелии.

Показателем высокой культуры межсословных отношений у абхазов и родственных им адыгов являлось соблюдение такой устойчивой культурной традиции, как почитание человека вставанием – одного из самых распространенных атрибутов приветствия у всех народов.

По свидетельству Ш. Д. Инал-ипа, дворяне и князья, пользуясь своим положением, не всегда утруждали себя традиционным вставанием при появлении человека независимо от его сословной принадлежности[825].

Если даже представители высшего сословия меньше считались с традиционными обычаями, в этнографической действительности абхазов зафиксировано множество фактов уважительного с их стороны отношения к низшим слоям населения. Ведь в основе этических традиций абхазов важное место занимала эмпатия как форма проявления внимания, сострадания, понимания, в том числе и в межсословных отношениях. Так, по нашим полевым материалам, например, ачандарские князья Ачба при приходе к ним в усадьбу по каким-либо делам даже ахоую или агыруа (досл. «мегрел», т. е. касты домашней прислуги у абхазов)[826], оказывали им уважение вставанием[827]. По тем же данным, у абхазов (как и у родственных им абазин и адыгов) молодой человек самого высокого происхождения обязан был вставать перед стариком и не садиться без его позволения. Даже старый невольник не совсем был исключен из этого правила. По заключению Ф. Торнау, «хотя дворянин и каждый вольный

[825] Инал-ипа Ш. Д. Очерки об абхазском этикете... С. 44.

[826] Это были, как отмечали авторы XIX в. «иноплеменные рабы, добытые грабежом, покупкою или пленные взятые на войне».

[827] Маан О. В. Апсуара в социальных отношениях абхазов (XVIII – первая половина XIX в.)... С. 58–59.

черкес не имеют привычки вставать перед рабом, однако же мне случалось нередко видеть, как они сажали с собой за стол пришедшего в кунахскую седобородого невольника»[828]. Аналогичные случаи в отношении мегрелов приводит Н. Дубровин: «… владелец нередко видел за своим столом нищего, калеку изуродованного...»[829].

Если одни авторы относительно периода раннего Средневековья особо указывали на сильное «нравственное влияние абхазов на соседние народы»[830], то другие, описывая быт и культуру абхазов конца XIX в., сообщали о значительном воздействии уже на их нравственные устои и обычаи юго-восточных соседей. Так, один из лучших знатоков традиционного быта абхазов Г. А. Рыбинский, отметив, что пограничная Самурзакань «подвергалась все время ее (Мегрелии – **О. М.**) воздействию», в результате чего «абхазцы Самурзакани не говорят уже на своем родном языке», писал: «…нравы там тоже подверглись сильному изменению и дурно отозвались на сословных отношениях дворян к крестьянам. Последним туго, очень туго пришлось оттого, что абхазские князья и дворяне Кодорского ущелья и Самурзакани стали усваивать высокомерное обращение, какое практикует искони дворянство Мингрелии к своим крестьянам»[831].

Еще ранее тот же автор не без основания указывал, что мегрелы являются в Абхазии монополистами торговли, «засасывающей... абхазцев в свою многогрешную утробу». «Но это засасывание абхазцев, – продолжает Г. А. Рыбинский, – производится ими вежливо, галантно и даже с приятностью... В галантности общения, так нравящейся женщинам, абхазцы конкурировать с мингрельцами не могут, хотя и их вежливость

---

[828] Торнау Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера… С. 44.

[829] Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе... С. 258.

[830] Леонид А. Абхазия и ее христианские древности... С. 92.

[831] Рыбинский Г. А. Абхазские письма // Газ. «Кавказ». 1893 г. № 186.

могла бы послужить для россиян образцом, достойным подражания»[832].

К одному из наиболее ярких примеров отрицательного влияния на нравственные ценности абхазов, согласно сведениям некоторых старожилов, относится явление т. н. «права первой ночи», который, по сообщениям тех же информаторов, был заимствован абхазскими феодалами из Западной Грузии (данный обычай был широко распространен во многих культурах, а в Европе просуществовал до XVII–XVIII вв.). Этим правом по отношению к невестам зависимых крестьян, действительно, пользовались преимущественно некоторые абхазские владетельные князья (его практиковало, например, и восточночеркесское дво-

[832] Иностранцы, пишет Г. Рыбинский, «боятся их (мегрелов – **О. М.**) коварства и открещиваются от них в тех случаях, когда это возможно. Даже рабочая и крестьянская сила заражена этой нравственной порчей... Благодаря этой... порче, в Гурии сложилась поговорка: «Ты поступил как мингрелец!» (Рыбинский Г. А. Абхазские письма // Газ. «Кавказ». 1893 г. № 186). Подобная оценка мегрелов была связана, в частности, с тем, что они, проявляя в Абхазии «большую деятельность в... торговле и извозе» (Н. Я. Марр), мало заботились о том, что добивались обогащения и незаконным путем. Г. А. Рыбинский отмечал «изворотливый и изобретательный на всевозможные каверзы ум» мегрелов. По его мнению, мегрелы «подорвали успешность дела лесопромышленника Сибирякова, были косвенной причиной банкротства нескольких французских и бельгийских компаний по эксплуатации леса...» (Рыбинский Г. А. Абхазские письма. VII // Газ. «Кавказ». 1893. № 186). Нужно сказать, что сформировавшиеся веками стереотипы восприятия мегрелов абхазами и наоборот дают о себе знать до сих пор: абхазы часто характеризуют этот народ как «аферистов», «торгашей», «проходимцев» и даже «евреев Кавказа» (последнее, впрочем, является констатацией торговых способностей, но не носит оскорбительного характера: на Кавказе антисемитизма практически не было). В то же время абхазы никак не считают воинскую доблесть качеством, свойственным мегрелам (в отличие, например, от сванов). Мегрелы же, в свою очередь, нередко называют с их точки зрения непрактичных в деловых вопросах абхазов «дикими» и «тугодумами». Так что в психологии зависимых сословий абхазов, большинство которых происходило именно из мегрелов, можно увидеть былое влияние мегрельской этнопсихологии (См.: Крылов А. Б. Религия и традиции абхазов. – М., 2001. С. 103).

рянство)[833]. Наши материалы говорят о том, что утверждения о якобы традиционности данного явления у абхазов являются неверными. Все наличествующие немногочисленные рассказы свидетельствуют о неприятии абхазами (и адыгами, ведшими борьбу против этого унизительного явления) подобного права, которое отмечалось лишь в единичных случаях как право феодала.

Традиционная нравственная культура абхазов и адыгов, складывавшаяся в течение многих столетий, занимала особое место в их истории, чему имеется множество письменных подтверждений. Об этом, например, в публикации «Кавказский берег» за 1899 г. отмечалось: в нравственном отношении «абхазец стоит гораздо выше своих соседей... Он не знает, что такое вероломство, и на слово абхазца можно смело положиться[834], он предан, но сохраняет чувство собственного достинства. Наконец, абхазец не предается пьянству, потому свободен от всех последствий этого порока»[835].

Характеризуя многие этнографические особенности абхазов, разные авторы больше всего останавливались на их гостеприимстве. В XVIII в. Вахушти Багратиони писал, что абхазы «любят и почитают гостя, принимая его с большим почетом» (Вахушти выделил и такие свойственные абхазам черты, как моногамность, высочайшая нравственная чистота членов семьи, почитание родственников и др.)[836]. Г. А. Рыбинский писал, что «абхазец... ставит на стол все свои достатки и ухаживает

---

[833] Меретуков М. А. Семья и брак у адыгских народов. – Майкоп, 1987. С. 214–215.

[834] О противоположной в этом отношений характеристике юго-восточных соседей абхазов см. например: Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе... С. 211.

[835] Кавказский берег // Газ. «Черноморский вестник». 1899. № 245.

[836] Сообщения средневековых грузинских письменных источников об Абхазии. Тексты собрал, перевел на русский язык, предисловием и комментариями снабдил Г. А. Амичба... С. 78.

за ним (гостем – **О. М.**) с известным церемониалом». Далее он писал: «…у мингрельца–крестьянина не всякий встретит гостеприимство, а если и встретит, то оно вызвано расчетом, в ожидании какой-нибудь для себя выгоды»[837]. По этому поводу С. П. Басария верно отмечал, что делать подобные «категорические выводы по адресу нации – это очень рискованно и, сплошь и рядом, такие выводы страдают неправильностью»[838]. Вместе с тем можно предположить, что у некоторых народов с развитием торгово-денежных отношений произошла деформация некоторых социальных норм, исказив основу гостеприимства появлением корыстных мотиваций.

Для анализа обычая гостеприимства у абхазов важными представляются описания, данные этому институту античными авторами. По свидетельству П. К. Услара, «классики хвалят гостеприимство колхов, пособие, которое они выдавали потерпевшим кораблекрушение у их берегов... при чем выдаваемы были путникам и деньги для дальнейшего пути... в Колхиде по дорогам были расставлены каменные таблицы, на которых для сведения путешественников объяснено направление путей, расположение ночлегов и т. п.»[839].

В Колхиде, в том числе и на территории современной Западной Грузии, были распространены семейные и общественные гостиные дома. Своими истоками, по всей вероятности, они уходят в глубокую древность[840]. При этом не исключено, что происхождение в нынешней Западной Грузии общественных и

---

[837] Рыбинский Г. А. Сухумский округ. Абхазия в сельскохозяйственном и бытовом отношении... С.13.

[838] Басария С. П. Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении... С. 81.

[839] Услар П. К. О колхах // ИКОИРГО. Т. XIV. Вып. 2. Абхазская интернет-библиотека.

[840] Подробнее об этом см.: Чиковани Т. А. О традиции строительства гостиных домов на территории Колхиды // Мацне. 1972. № 1. С. 141 (на груз. яз.).

семейных гостиных домов могло быть связано и с обитавшим в древности на этой территории субстратным абхазо-адыгским населением (ими и была занята указанная территория до прихода картвельских племен)[841], которое затем было ассимилировано мегрелами и другими западногрузинскими этническими группами, воспринявшими от древних абхазо-адыгов антропологические и этнографические черты.

Вплоть до середины XIX в. в каждом кавказском доме имелось специальное помещение для приема гостей – обычно одна из комнат дома, где жила семья. Но зажиточные хозяева возводили для приема гостей отдельное строение, известное в историко-этнографической литературе под названием «кунацкая» (по абх. – *асасаирта*)[842]. Отдельный дом для гостей было принято строить и у адыгов, причем до отмены крепостного права кунацкую имели обычно дворяне и князья, а у причерноморских шапсугов, натухайцев, абадзехов очень часто – и свободные крестьяне[843]. При этом, как и у абхазов, в кунацкой адыги размещали почетного гостя, а родственников, прежде всего кровных, принимали в гостиной жилого дома[844].

В обычае гостеприимства у абхазов и адыгов много общих моментов, однако есть и ряд отличий. Так, у адыгов первыми в гостевую (кунацкую) входят гости, а у абхазов – старейший из хозяев[845]; у адыгов этикет требует, чтобы хозяева в присутствии

---

[841] Инал-ипа Ш. Д. Труды в 11 томах. Вопросы этнокультурной истории абхазов. Том III... С. 581.

[842] Анчабадзе Ю. Д. «Прекрасный обычай гостеприимства...» // СЭ. 1985. № 4. С. 111.

[843] Бгажноков Б. Х. Прием почетного гостя в традиционной культуре адыгских (черкесских) народов // Этнические стереотипы поведения. – Ленинград, 1985. С. 180.

[844] Там же. С. 179.

[845] Гость у абхазов должен был переступить порог дома правой ногой, в случае же если он перешагивал порог с левой ноги, считали, что он внес в семью несчастье.

гостя не разговаривали между собой, что абхазами соблюдается в сравнительно более слабой форме (ему обязана была следовать в основном молодежь); сидящему в седле гостю абхазы обычно не дают перед отъездом напитка, в отличие от адыгской стремянной чаши *махсыма*; вместо исламизированного «Ты – гость аллаха» говорят, как правило, «Ты – гость бога»; абхазы не знают также мусульманского приветствия «Сэлам алейкум!».

В отличие от абхазов, у адыгов, по утверждению некоторых грузинских этнографов, стоящий в стороне дом для гостей являлся обязательным атрибутом семейного имущества[846]. Однако, как показывают наши материалы, «гостевой домик» у абхазов являлся таким же строением, созданным руками хозяина дома и членов его семьи, как, например, амбар для хранения зерна, винодельня и другие постройки. Поэтому все жилые и хозяйственные постройки, располагавшиеся в усадьбе (*ашта, амдзырха*) семьи, в том числе, естественно, *асасааирта*, как и кунацкая у адыгов, являлись обязательной составной частью семейного имущества абхазов.

Двери гостевого дома на Кавказе, как и двери основного дома, никогда не закрывались. В противном случае это могло быть расценено как нежелание хозяина видеть у себя гостей[847]. То же мы наблюдаем в отношении абхазов: чтобы не навлечь подозрения в том, что хозяин, избегая гостей, закрывается в своем жилище, двери гостиного дома у абхазов целый день (и летом и зимой) были открытыми[848]. И в настоящее время, если только не по причине холода или каких-то иных обстоятельств, абхазские семьи во время приема пищи оставляют двери домов открытыми, чтобы человек, появляющийся во время приема пищи хозя-

---

[846] Бахия-Окруашвили С. И. Основные черты семейного быта абхазов до революции // КЭС. – Тбилиси, 1988. Т. VII. С. 93.

[847] Анчабадзе Ю. Д. «Прекрасный обычай гостеприимства...»... С. 111.

[848] Чурсин Г. Ф. Материалы по этнографии Абхазии... С. 21; Инал-ипа Ш. Д. Абхазы. – Сухуми, 1965. С. 423.

евами, не подумал, что его приход не желателен. В отношении мегрелов С. Макалатия описывает несколько иную картину: по его утверждению, у мегрелов дом ода днем, если в семье нет гостя, закрыт[849].

В 1920 г. по Западному Кавказу путешествовал профессор из Турции, создатель букваря для абхазов, проживающих в Турции, Мустафа Бутба. В путевых заметках он пишет, что в Мегрелии, на левом берегу Ингура, «в небольшом мегрельском селе, расположенном поблизости», ему с его спутником пришлось искать ночлег, так как они не успевали перейти на абхазский берег реки, ибо вечерело. М. Бутба спросил попутчика, «нельзя ли переночевать где-нибудь в селе, – тот ответил, что у мегрелов нет обычая принимать гостей, и у нас один выход заплатить здесь, в духане, за ночлег и переночевать»[850]. «После того, как мы перешли границу с Мегрелией, – продолжает М. Бутба, – нас встречали с теплотой и гостеприимством»[851]. И далее: «Мы не смогли найти на левом берегу места, где переночевать, кроме духана, а здесь (в Самурзакани – **О. М.**, «в омегрелившемся абхазском селе»), на правом берегу, все двери домов открыты»[852].

Если же в мегрельских семьях путники встречали гостеприимство, то это были, по утверждению некоторых старожилов, мегрелы, которые в течение многих лет работали в качестве плотников и строителей домов в Абхазии у абхазов, от которых ими и был перенят этот обычай.

---

[849] Макалатия С. История и этнография Мегрелии... С. 251.

[850] Бутба М. Воспоминания о Кавказе. Анкара. 1990 // Абхазия – документы и материалы (1917–1921). – Сухум, 2009. С. 318.

[851] Там же. С. 319.

[852] Там же. С. 320. См. также: Мустафа Бутба. Кавказские воспоминания... С. 197. По свидетельству Мустафы Бутба, когда к ним приходил гость не издалека, ему говорили: «Что ты важничаешь, будто прибыл из Самурзакана». Значит, в прошлом, гости, прибывавшие из Самурзакана, считали себя особыми и на многих смотрели свысока (См.: Мустафа Бутба. Кавказские воспоминания... С. 199).

В основе подобной отрицательной оценки, якобы отсутствия у мегрелов гостеприимства (противоречит другим историческим материалам), лежала, очевидно, непростая история взаимоотношений двух народов, историческая память (например, заселение мегрелами абхазских земель в период махаджирства), что давало основание для возникновения этнических предубеждений.

И в то же время причина отсутствия у крестьянства Мегрелии возможности принимать гостей заключалась, надо полагать, в тяжелых условиях жизни, крайней бедности[853], безземелья, феодальной эксплуатации, которая нигде в Грузии «не сказывалась так сильно, как в Мегрелии» [854].

Если даже в других частях Западной Грузии, в отличие от Мегрелии, лучше соблюдалась традиция гостеприимства, она тем не менее, судя по материалам XIX в., вряд ли могла сравниться с абхазской. По словам Н. Дубровина, гуриец «не так гостеприимен как, например, абхазец или черкес»[855].

В прошлом у абхазов во время приема гостей присутствие женщин не допускалось. Однако под влиянием обычаев соседних народов данная норма уже в начале XX в. стала размываться. По этому поводу А. А. Миллер подчеркивал: «Если абхазы придерживаются так строго обычаев в общественных делах и

---

[853] В учебнике «География Российской империи (СПб., 1892. Приложение. 6-е изд. С. 18)» причина «крайней бедности» мегрелов объяснялась их ленью, якобы, «главной отличительной чертой мингрельцев» от грузин. Другого мнения о мегрелах и имеретинцах был, например, П. П. Надеждин. Он писал, что мегрелы и имеретины «по чувству свободолюбия издавна стояли гораздо выше приниженных и угнетенных грузин, особенно карталинцев. Первые и в умственном отношении развитее, трудолюбивее и оборотливее грузин» (Надеждин П. П. Кавказский край. Природа и люди... С. 156).

[854] БСЭ. – М., 1938. С. 569. Причина бедности мегрелов, писал С. Меч, кроется главным образом в крепостном праве, которое очень долго господствовало в Грузии (Сергей Меч. Кавказ. – Москва, 1905. С. 102).

[855] Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе... С. 223.

вопросах чести, то в других отношениях они охотно воспринимают от мингрельцев и русских всякие новшества. Во время приема гостей присутствуют даже женщины, что раньше не допускалось ни в каком случае»[856].

При встрече гостей женщины совершали ритуал трехкратного обведения рукой вокруг головы пришедшего, как бы магически перенося на себя его недуги[857], целовали его в плечо, слегка прикасаясь к нему (в настоящее время, особенно у абжуйцев, вошло в привычку рукопожатие). Этот ритуал существует и у мегрелов. В прошлом же абхазы, как и адыги, не придерживались таких широко распространенных в мире обычаев, как поцелуй (сегодня у абхазов, в отличие от адыгов, получил большое распространение)[858], приветственное обнажение головы и рукопожатие. Только с недавнего времени они стали все больше входить в привычку. Правда, спешившегося гостя, если он был особенно почетен и знатен, адыги нередко обнимали, а у причерноморских адыгов к тому же целовали в руку и в лоб[859].

Накрывая на стол, женщины-абхазки говорили: «Ничего особенного нет, но просим принять, что есть», – то же самое говорят мегрелы. В ответ гость в мегрельской семье отвечает: «Мачхома», – что значит «Ведь всего вдоволь!». Данное слово, как представляется, производно от аналогичного абхазского слова «мач ыкоума?» («мало ли еды на столе?»), как говорит абхазский гость хозяевам дома.

---

[856] Миллер А. А. Из поездки по Абхазии в 1907 г. // Материалы по этнографии России. Т. I.... С. 125.

[857] Ардзинба В. Г. Мифы и ритуалы древней Анатолии // Ардзинба В. Г. Собрание трудов. Древняя Малая Азия: история и культура. – Москва–Сухум, 2015. Том I. С. 85–86.

[858] В Грузии в целом, по сложившейся традиции при встрече все целуют друг друга в щеку.

[859] Бгажноков Б. Х. Прием почетного гостя в традиционной культуре адыгских (черкесских) народов // Этнические стереотипы поведения... С. 181.

По этнографическим материалам, приводимым А. И. Першицем и Я. С. Смирновой, на Северном Кавказе женщины в мужском застолье не участвовали. Они могли только обслуживать пирующих в гостевом помещении[860]. «Но у абхазов, а также у горных грузин и др., хозяйка дома иногда все же выходила к гостям, но только для того, чтобы провозгласить в их честь тост и тут же выйти»[861].

Письменные источники свидетельствуют, что старшая хозяйка дома у абхазов не просто поднимала тост и уходила, но и сидела в присутствии гостей за общим столом. В этой связи приведем сообщение Е. М. Шиллинга, в 1925 г. наблюдавшего быт бзыбских абхазов: «Иногда к шумному, несколько опьяневшему столу чинно подойдет пришедшая из амацурты старуха-хозяйка. Тотчас поднимается тост за ее здоровье, она с достоинством отвечает, выпивает рюмку водки и садится за стол, принимая участие в общей беседе, но сама ничего не кушая»[862]. Все это без особых изменений наблюдается и в настоящее время. У мегрелов старшая женщина в доме не просто могла посидеть за столом в присутствии знакомых гостей, но и принимала участие в приеме пищи.

Согласно полевым материалам, записанным в 2000-х гг. канд. ист. наук, с. н. с. Московского института открытого образования А. А. Шевцовой, «кахетинский хозяин уважает и угадывает каждое желание гостя, конечно, он будет счастлив, если вы оцените каждое блюдо и напиток на столе, но никто не будет

---

[860] [Электронный ресурс]. Режим доступа: nacionalsoglasie.kmormp.gov.spb. ru/.

[861] Там же.

[862] Шиллинг Е. М. В Гудаутской Абхазии // Этнография.. 1925. № 1–2. По другим сведениям, после того как хозяйка выходила к гостям и приветствовала их «низким поклоном, гости встают и со своей стороны взаимно приветствуют ее... С появлением хозяйки хозяин садится за общий стол» (Мачавариани К. Д. Некоторые черты из жизни абхазцев. Положение женщины в Абхазии. Абхазская интернет-библиотека).

«пичкать» вас как в Западной Грузии». Отсюда можно сделать вывод о том, что гостеприимство в Западной Грузии, нежели у восточных грузин, считалось более щедрым и обильным, и особенно, по нашим полевым материалам, в северо-западных районах Западной Грузии, прилегающих к Абхазии. Причем обильно накрытый стол они ассоциировали с гостеванием в мегрельском доме именно абхазов. Сосед или родственник, посетивший семью мегрела, стол в которой ломился от обилия и разнообразия пищи, произносил слова восхищения: «Какой шикарный стол! Вы ждете абхазов?»[863]

По обычаю гостеприимства-асасства, феодал в Абхазии во всякое время мог заезжать к своему крестьянину, который обязан был угощать помещика должным образом, в результате чего подчас «в один день истреблялся труд целого года»[864]. Согласно источнику, *ахылапшю*, т. е. покровитель, патронат которого признавали многие общины, «имел по обычаю право переезжать с семьей в зимнее время из одной деревни в другую недели на две, на три и кормиться в них...»[865].

Данная форма гостеприимства имела распространение и в Мегрелии. Крестьяне повсеместно были обязаны содержать своих помещиков с их семействами и свитой, когда бы им ни вздумалось пожаловать к ним в гости. В частности, в Нижней Мегрелии для крепостных существовала повинность под названием *очкомури*, т. е. «кормление», сущность которой заключалась в том, что помещик один или два раза в год приезжал к мебегре, который должен был угощать его[866].

Эта форма «кормления» в Мегрелии отличалась от абхазской, что было связано с существованием в Западной Грузии крепост-

---

[863] Маан О. В. Дневник этнографической экспедиции АбИГИ АН Абхазии 2013 года. Тетрадь 1, л. 6. (домашний архив).

[864] Дзидзария Г. А. Труды. – Сухуми, 1988. Книга I. С. 390.

[865] Там же.

[866] Дзидзария Г. А. Труды... Книга I. С. 391.

ного права, в результате чего обычай «кормления» носил там более ярко выраженный эксплуататорский характер. Правда, в юго-восточной части Абхазии (Самырзакане и Абжуа), примыкающей к Мегрелии, под влиянием последней феодальные отношения были развиты сильнее, чем в западной и нагорной Абхазии, где заметнее сохранялись общинно-родовые связи[867].

На традиционном обычно-правовом институте гостеприимства *асасстве* во многом основывались перемещения в большом количестве в Абхазию мегрелов и других западногрузинских представителей. Этому содействовало и то обстоятельство, что оказание покровительства *асасам* являлось одним из признаков, определявших силу и значение абхазских феодалов.

В этой связи следует вспомнить, что еще Арк. Ламберти неоднократно подчеркивал значительную миграционную подвижность мегрельского населения. При этом стремление мегрелов к переселениям он несколько наивно объясняет географическими условиями. Например, в своем сочинении он пишет, что мингрельцы постоянно переходят с одного места на другое, чтобы наслаждаться разными местностями[868]. В другом месте Ламберти отмечает: «Вся жизнь мингрельца непрерывная кочевка»[869].

Но только ли желанием наслаждаться различными местностями можно объяснить частые перемещения мегрелов? Природные условия территории несомненно влияют на жизнь народа, отражаясь в некоторых общих особенностях его хозяйственной деятельности, культуры, быта и психики. Однако гораздо сильнее на образ жизни и ментальность народа действует фактор социально-политический. По справедливому замечанию Ш. Д. Инал-ипа, «существовали, конечно, более глубокие социально-экономические и политические причины, вынуждавшие

[867] См.: Народы Кавказа. Этнографические очерки... С. 400.

[868] Ламберти Арк. Описание Колхиды, называемой теперь Мингрелией... С. 219.

[869] Там же. С. 114.

мегрелов часто переходить с места на место и даже покидать родной край». «Эти причины, – продолжает исследователь, – были связаны, в первую очередь, с феодальным строем, с его беззаконием, унижением человеческого достоинства, спасаясь от которого люди убегали куда глаза глядят»[870]. В связи с феодальной системой в Западной Грузии С. С. Анисимов, например, писал, что «нигде на Кавказе не было такого количества князьков, как здесь (в Мегрелии, Гурии и Имеретии – **О. М.**). И властвовали они над крепостным крестьянством очень необузданно. Хищнически разоряли, портили и подрывали всякое хозяйство». По мнению того же автора, «от долгой ли рабской жизни, или от истощающих лихорадок, от которых даже дохнут куры и овцы, или еще от чего другого, но местные жители вялы в труде, бедны и небрежны к своему хозяйству»[871].

Исключительно жестокая феодально-крепостническая система, существовавшая в Мегрелии, которая мало отличалась от рабства, не давала выработать региональное самосознание, поэтому история не знает наличия там этнографических групп, как это имеет место у абхазов и адыгов (у абхазов – например, псхувцы, гумцы, абжуйцы, дальцы, цабальцы и др.; у адыгов – абадзехи, бесленеевцы, бжедуги, темиргоевцы, шапсуги, кабардинцы и др.). Иными словами, более сильные в Мегрелии феодальные отношения способствовали отсутствию внутреннего деления общества на ясно очерченные этнографические группы, что, в свою очередь, вело к большей централизации владетельской власти. В Абхазии же общественные отношения носили демократический характер, т. е. существовало народовластие и были «хорошие отношения» между феодалами и крестьянами[872], что не могло привести к усилению центральной

[870] Инал-ипа Ш. Д. Ступени к исторической действительности... С. 58.

[871] Анисимов С. С. Кавказский край... С. 227.

[872] Газ. «Кавказ». 1877. № 122. Это обстоятельство можно продемонстрировать, например, следующим фактом из традиционного быта абхазов. По

власти (с другой стороны, отсутствие в Абхазии крепостного права в привычном понимании, демократическое устройство общества отразилось на самосознании народа, сформировав его свободолюбивый дух, что привело к возрождению в результате победы, одержанной в Отечественной войне народа Абхазии 1992–1993 гг. абхазской государственности).

Исходя из вышеназванных черт социальной организации, переселения мегрелов в рамках обычая гостеприимства отличались той особенностью, что у них наблюдалось явно выраженное тяготение к миграциям не куда-нибудь на восток, в глубь грузинских земель, а именно в Абхазию[873], как в страну со своеобразным социально-экономическим и политическим устройством, где крепостное право существовало в очень смягченной форме[874]. Попытки пресечь или хотя бы сократить число мегрельских переселенцев, которую предпринимала администрация, не имела успеха, и наплыв мегрелов (особенно в 1860–1880-е гг.) с каждым годом усиливался[875]. Переселению в Абхазию большого количества мегрелов способствовали и абхазо-мегрельские смешанные браки (об этом см. ниже). Демографические и этнокультурные последствия переселений в Абхазию значительных масс мегрельского населения были огромны, поскольку они способствовали не только этническому взаимо-

---

свидетельству 85-летнего старожила с. Кындыга Мамии Киут, когда на Мыкуской поляне, где проходили народные собрания абжуйцев, появлялись известные в народе крестьянские ораторы и судьи Хапара, Мамсыр и Осман Киут, присутствовавшие там представители высшего сословия вставали и помогали им спешиться с коней (Полевой материал автора. 2015 г.).

[873] Инал-ипа Ш. Д. Ступени к исторической действительности… С. 140.

[874] По этому поводу К. Бороздин в 1860-х гг. отмечал, что земли в Абхазии «вдвое плодороднее мингрельских и крепостного права вовсе не существует» (Бороздин К. Крепостное состояние в Мингрелии // ЗКОИРГО. – Тифлис, 1866. Кн. 7. С. 60–61).

[875] Соловьева Л. Т. Роль миграционных процессов в этническом развитии Самурзакано // Межэтнические контакты в развитии национальных культур. – М., 1985. С. 103.

проникновению местного и пришлого элемента, но и сильным процессам ассимиляции абхазов.

Таким образом, на основании приведенных историко-этнографических материалов можно сделать вывод о том, что Абхазия в XIX в. в социальном отношении характеризовалась как страна с развивающимися (с разной интенсивностью в различных ее частях) феодальными отношениями, получившими наибольшее развитие в пограничных с Мегрелией районах. Патриархальные отношения, доставшиеся в наследство от более ранних этапов исторического развития, налагали отпечаток своеобразия на поведенческие характеристики и формировали нормативность традиционной культуры общения абхазов. Это же можно сказать и о сохранившихся до первых десятилетий советской власти и дольше институтах и обычаях кровной мести, гостеприимства, взаимопомощи и др. Этнические нормы абхазов, рассмотренные в этнографическом аспекте и в сравнении с культурой поведения других народов, дают возможность показать их этноспецифические особенности, глубже проникнуть в особенности традиционной культуры, понять морально-этические устои и систему взаимоотношений. Сопоставительное описание этикетных правил абхазов и других этносов, почерпнутые из публикации авторов XIX – первой половины XX в., а также полевых этнографических материалов, в том числе и личных наблюдений автора этих строк, во многих случаях наиболее рельефно выявляют отличия и особые поведенческие нормы абхазов. Нормы этикета абхазов находились в полном соответствии с особенностями общественного строя, социального быта и отношений, господствовавших в обществе. Они не оставались неизменными, так как, находясь в наибольшей контактности со своими юго-восточными соседями, а затем в иноэтническом окружении и испытывая значительное влияние мегрелов, абхазы восприняли многие их культурно-бытовые тра-

диции. Это определенным образом отразилось на поведенческих, этикетных характеристиках абхазов, особенно в восточной части страны. Однако стремление не раствориться в иноэтнической среде вело к сохранности здесь большинства обычаев и обрядов, в том числе религиозных и других представлений абхазов. В традиционном абхазском обществе, в отличие от картвельских, сохранялся тип социальной организации, который может быть определен как «горизонтальный». Прочность устоев этой специфической социальной организации на протяжении многих веков сохранялась только при наличии структур и механизмов, которые носили по своей сути социокультурный, а не административно-иерархический и юридический фиксированный характер.

Межэтнические браки

Одна из особенностей современного этапа развития общества –активный процесс межэтнического общения и контактов, важным результатом которого являются смешанные семьи[876]. Наряду с установлением и укреплением кросс-культурных связей у больших и малых народов происходит рост этнического самосознания в связи с социальными трансформациями, что является основой формирования этнокультурной идентичности[877]. В отношении к межэтническим бракам общественное мнение расходится, но они – норма полиэтничного демократического общества[878].

---

[876] Асанова Э. С. Межэтническое взаимодействие в условиях национально-смешанных семей Республики Адыгея. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. социол. наук. – Майкоп, 2009. С. 1.

[877] Красовская Н. Р. Этнокультурная идентичность // Власть. 2020. № 3. С. 75–81.

[878] Асанова Э. С. Межэтническое взаимодействие в условиях национально-смешанных семей... С. 1.

Национально-смешанные (межэтнические) браки, обозначающие супружеский союз представителей двух этносов[879], у абхазов имеют давнюю традицию. Начались они, вероятно, еще в древности. Этому содействовало географическое положение Абхазии на перекрестке морских и сухопутных путей, связывавших между собой различные черноморские государства для развития торговли и обмена. В раннеантичную эпоху предки абхазов наиболее тесные культурные и экономические связи имели с древней Грецией. Если в начале VI–V вв. до н. э. поселения греков (т. е. тех эллинов, которые перебрались на территорию древней Абхазии на постоянное место жительства) и древнеабхазские поселки представляли собой две замкнутые и автономные структуры, связанные экономическими узами, то в эпоху эллинизма (IV–III вв. до н. э.) население, например, Диоскуриады (совр. Сухума) стало смешанным (греко-местным)[880]. Это приводило и к смешанным греко-абхазским брачным связям. Тенденция к слиянию с греками более была характерна для древнеабхазской элиты, поскольку она вела выгодную для себя торговлю с греками. К заключению смешанных эллино-абхазских браков, несомненно, приводили благотворные межэтнические связи и дружественные отношения между людьми (у античных авторов нет указаний на конфликтные взаимоотношения между греками и жителями древней Абхазии, хотя некоторые столкновения неизбежны при любом соседстве)[881]. Смешанные

---

[879] См.: Макарова И. А. Межэтнический брак: концептуализация понятия // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2014. № 164. С. 150–153.

[880] Трапш М. М. Труды. – Сухуми, 1970. Т. I. С. 42; Сухуми. 1969. Т. II. С. 230; Шамба Г. К. Культура племен Абхазии в первом тысячелетии до н. э. Автореф. докт. дисс.... С. 32–33; Гунба М. М. Абхазия в I тысячелетии н.э. ... С. 105; Бгажба О. Х., Лакоба С. З. История Абхазии. С древнейших времен до наших дней. – Сухум, 2006. С. 72.

[881] В данной связи показательно, что на раннем этапе существования Эшерского городища оно не имело никаких оборонительных сооружений, что говорит о достаточно мирных отношениях греков-колонистов с абори-

греко-абхазские браки могли быть заключены также на основе регулярных контактов.

К смешанным бракам также приводили контакты между древнеабхазскими аборигенами и греческими поселенцами в античном Гиеносе[882]. По этому поводу Ю. Н. Воронов писал: «В Гиеносе (совр. Очамчыра) в домах первых переселенцев была найдена местная утварь, принесенная в дома греков их женами, которых охотно брали колонисты в аборигенной среде»[883]. Для установления мирных отношений и более тесных связей с древнеабхазским населением эллины могли заключать с ними брачные союзы (учитывая и то, что среди греческих поселенцев в основном были мужчины) еще на начальной стадии своих взаимоотношений с местными жителями. Подобные случаи известны в греческих колониях Северного Причерноморья и в Боспорском царстве, когда боспорские династы по политическим соображениям посылали своих дочерей в жены «царькам» местных племен, укрепляя с ними таким образом союзные отношения. Так, Страбон рассказывает, что скифские вожди предлагали Александру Македонскому в знак дружбы прислать в жены своих дочерей[884]. Так поступал и понтийский царь Митридат Евпатор, который «послал с евнухами своих дочерей в замужество скифским властителям»[885].

генами (Воронов Ю. Н. Диоскуриада – Себастополис – Цхум. – М., 1980. С. 40). Кроме того, без мирных отношений между аборигенами и эллинами трудно объяснить, как находившиеся в численном меньшинстве пришельцы могли обосноваться и удерживаться среди враждебного им и значительно военизированного древнеабхазского общества.

[882] Шамба С. М. Гюэнос–1. – Тбилиси, 1988. С. 64–65.

[883] Белая книга Абхазии. Документы, материалы, свидетельства. 1992–1993. Сост.: Ю. Н. Воронов, П. В. Флоренский, Т. А. Шутова. – Москва, 1993. С. 25.

[884] Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. – СПб., 1893. Т. I. С. 515, 533.

[885] Там же. С. 533. См. также: Равдоникас Т. Д. Кормильство на Боспоре // СЭ. 1981. № 1. С. 103–110.

В I–III веках н. э. в ходе широких политических и культурных контактов была заложена основа абхазо-римского этнокультурного взаимодействия. В IV–V вв. при римско-византийских крепостях (Себастополь, Питиунт и др.) возводились пригороды-канабы, где обитали солдаты-отставники со своими семьями, в составе которых, несомненно, было немало представителей и представительниц местного населения. В VI в. Прокопий Кесарийский в отношении абасгов – предков бзыбских абхазов – прямо указал, что «римские воины... давно» расселились «среди них во многих пунктах»[886]. Такое расселение не могло не сопровождаться и в этот период соответствующими брачными контактами[887]. Взаимоотношения гарнизонов и обслуживающего их населения греко-римских городов и поселений с жителями предгорий и горных долин часто прерывались карательными экспедициями и погромами (такой эпизод в окрестностях Трапезунта в конце V в. до н. э. ярко описан Ксенофонтом), постоянным следствием которых оказывались насилие и рождение «детей войны». Обычным делом было и похищение горцами горожанок. Многовековые совместные «проживания на одной территории с греками не могли не оставить самый серьезный след в генетике абхазов (как и их соседей – убыхов, адыгов, мегрелов и др.), сделав практически всех их кровными родственниками эллинов»[888].

В свое время частыми являлись политические браки между абхазской и византийской знатью. По словам Прокопия Кеса-

---

[886] Белая книга Абхазии. Документы, материалы, свидетельства. 1992–1993... С. 25.

[887] Определенный вклад в этногенез абхазов в VI в. внесли и персы, соответствующая акция которых в отношении представительницы апсилийской знати обернулась гибелью иранского гарнизона Цибилиума в 550 г. н. э. В тот период только в результате одного похода персы забрали в качестве заложников и угнали 40 мальчиков абазгов. Последние, осев в Персии, женились на персиянках и ассимилировались с местным населением.

[888] Белая книга Абхазии. Документы, материалы, свидетельства. 1992–1993... С. 25.

рийского, жена апсилийского князя Опсита по имени Феодора, взятая в плен и увезенная в Персию персидским военачальником Набедом, который являлся дядей Губаза и царем лазов, родом была римлянка. Прокопий далее пишет: «…издавна цари лазов посылались в Византию и, с согласия императора вступая в родство с некоторыми из сенаторов, брали из их семей себе законных жен. И Губаз во всяком случае был родом от такой римской женщины»[889]. Это, очевидно, имел в виду Сем. Броневский, когда писал: «Цари абхазские имели обыкновение сочетаться браком с дочерьми сенаторов константинопольских с позволения императоров»[890]. Последние и сами выдавали за них своих дочерей, что, впрочем, также служило одним из средств навязывания византийской политической ориентации и укрепления позиций христианской религии. Известны также случаи, когда абхазки выходили замуж за египетских арабов[891].

Абхазская знать активно устанавливала брачные связи и с другими своими могущественными соседями, которые впо-

---

[889] Прокопий Кесарийский. Война с готами... С. 400. Известно, что, помимо Губаза, лазская знать носила и другие абхазо-адыгские имена, например, Апсит, Барнук, Лебарнук, Аэт.

[890] Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч. I... С. 320. Вместе с тем, источники свидетельствуют об относительно небольшом количестве заключенных византийскими императорами международных династических союзов. В византийском обществе широко был распространен идеологический посыл о невозможности или, по крайней мере, постыдности брака между императорской семьей с варварами. В результате 23 случаев переговоров, осуществленных византийскими дипломатами за период IX–XI вв. по поводу заключения династических браков, свадьбой закончились менее пяти (Подр. см.: Бардола К. Ю. Этапы переговоров о династическом союзе в практике византийской дипломатии // Вісник-Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. 2017. С. 23).

[891] См.: Инал-ипа Ш. Д. Абхазы. – Сухуми, 1965. 1965. С. 471; Кучберия Л. Е. Из этнографии абхазов арабских стран // Журн. «Алашара». 1971. № 5 (на абх. яз.); Дзидзария Г. А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. – Сухуми, 1975. С. 497; Инал-ипа Ш. Д. Зарубежные абхазы. – Сухуми, 1990. С. 100–102.

следствии становились союзниками абхазов. Известно, что брат абхазского владетеля Леона I Феодор был женат на дочери хазарского кагана (что, кстати, имело место в период арабского господства в Закавказье и указывает на то, что связи с хазарами не прерывались и в это тяжелое время). Владетель Абасгии Константин II также был женат на дочери хазарского кагана: от этого брака родился будущий первый царь и основатель Абхазского царства Леон II, который был не только внуком по матери хазарского кагана, но и двоюродным братом византийского императора Льва Хазара, царствовавшего в 775–780 гг.[892]. И сами византийцы в целях упрочения отношений с иноземцами использовали династические браки. Как засвидетельствовано рядом источников, в 70-е г. XI в. в политической жизни Византийской империи видную роль играла абхазка по происхождению Мария (Марта) – дочь абхазского царя Баграта IV[893]. По словам Иоанна Цеца, известного греческого ученого XI в., Марта была «абасгийкой», т. е. абхазкой. Она являлась императрицей в течение десяти лет. В 1066 г. Марта вышла замуж за императора Михаила VII Дука (и стала зваться Марией). Однако через некоторое время супруг Марты был свергнут с престола. Чтобы сохранить наследство своему сыну Константину, Марта вышла замуж за следующего императора Никифора Ботаниата. Но когда она убедилась, что тот не намерен сделать ее сына наследником престола, помогла Алексею Комнину в захвате престола. С ним она заключила договор о соправительстве престола ее сыном. Тем не менее после рождения у Алексея собственного сына договор в отношении сына Марты был нарушен, и она опять принимает активное участие в заговоре, теперь уже против Алексея

[892] Джанашиа С. Н. Труды. – Тбилиси, 1952. Т. II. С. 330.

[893] Георгика. – Тбилиси, 1967. Т. 7. С. 23; Аджинджал Е. К. Императрица Ромеи Марта–абхазка // 50-я Итоговая научная сессия (25–27 апреля). Тезисы докладов. – Сухум, 2006. С. 11–12; Ачугба Т. А. История Абхазии в датах. – Сухум, 2011. С. 32. См. также Дондуа В. Д. Исторические разыскания. – Тбилиси, 1967. С. 35–36 (на груз. яз.).

Комнина. Но заговор оказался раскрытым, и ей пришлось уйти в монастырь[894].

В I–XII вв. н. э. разносторонними и длительными были контакты абхазов с северокавказскими этносами, в первую очередь с аланами. Присутствие аланского элемента в Абхазии документировано источниками с I–II вв. н. э., а археологически – с IV–VI в. Результатом абхазо-аланских контактов являются не только распространение соответствующих элементов материальной культуры (керамика, вооружение и др.) и нартские сказания, но и появление множества метисов, влившихся затем (в зависимости от обстановки) в отцовскую или материнскую среду[895].

Тесная связь абхазов и алан в политической сфере через династические браки выражалась в том, что абхазский царь Георгий I был женат на аланке Алде[896], которая в 1033 г. передала Византии крепость Анакопию[897], бывшую в VII–VIII вв. столицей Абхазии. Абхазский царь Константин III (X в.) в политических целях был женат вторым браком на дочери армянского царя Смбата I. Позже сын Константина III от армянской царевны – Баграт – становится зятем Гургена – правителя Тао-Кларджети. Старший же сын Константина – Георгий – был от первого его брака с дочерью правителя Тао-Кларджети Адарнаса.

В период наивысшего могущества Абхазского государства (царства), в середине X в., его северо-западная политическая

---

[894] См. напр.: Аджинджал Е. К. Императрица Ромеи Марта–абхазка... С. 11–12.

[895] Белая книга Абхазии. Документы, материалы, свидетельства. 1992–1993... С. 25.

[896] Осетинская этнографическая энциклопедия. Гл. редактор Л. А. Чибиров. – Владикавказ, 2013. С. 48.

[897] Кузнецов В. А. Очерки истории алан. – Орджоникидзе, 1984. С. 62–63; Штриттер И. Г. Авасгика. Апсилика. Мисимианика. Переведенные труды византийских авторов. Анакопия – Новый Афон. 2011. С. 26–27 (перев. Л. Аджинджал).

граница по р. Кубань соседствовала с русским Тмутараканским княжеством на Таманском полуострове. Это давало возможность не просто взаимным инфильтрациям или более значительным миграциям в земли соседей, но и установлениям брачных контактов. *Н. М. Карамзин* сообщал, что русский князь Изяслав был женат на княжне «Абассинской»[898]. По данным В. Н. Татищева, «несколько королевских дочерей авхазов и обезов браны в замужество за великих князей... Мстиславе, Изяславе II, Всеволоде III»[899].

Одна из значительных особенностей этнокультурного развития абхазов и других жителей Черноморского побережья Кавказа, особенно в период зрелого и позднего Средневековья, в том, что данный регион был в числе основных поставщиков на внешний рынок т. н. «живого товара» – рабов. Систематическая работорговля на побережье Абхазии началась во второй половине XIII в., в период генуэзского присутствия на территории страны. Вывоз рабов из Западного Кавказа резко возрастает в период последней четверти XIII в., когда здесь появляются агенты султана мамлюкского Египта. Для последних Абхазия являлась одним из основных рынков для пополнения своей армии. После того как юноши, проданные в мамлюкский Египет, становились воинами, их рабское положение менялось, и они признавались свободными мусульманами, имеющими все гражданские права, включая право на обретение семьи. В XIV–XV вв. большие партии рабов переправлялись и в европейские страны (Италия, Франция и др.). Потомки абхазов, тысячами вывозившихся через рынки Себастополиса и других приморских факторий, сегодня живут во всех районах Средиземноморья. Они утра-

[898] Карамзин Н. М. История государства Российского. – СПб., 1816. Т. 2. С. 252. См. также: Бгажба О. Х. Русские и Абхазия // Информационный сборник. – Сухум, 2013. Вып. 2. С. 94.

[899] Цит. по: Муртазов Т. А. Абазг, абаза, абазин. – Пятигорск, 2014. С. 130.

тили свой этнический облик, самосознание и слились с другими народами[900].

Работорговля на берегах Абхазии особого размаха достигла в позднем Средневековье. В результате работорговли и похищения на Северо-Западном Кавказе в Стамбул попадали в основном представительницы женского пола абхазов и черкесов низших сословий. Как отмечает С. Хотко, с формальной точки зрения отправиться в качестве рабыни в Турцию или Египет почти автоматически означало выгодно выйти замуж. Купцы, занимавшиеся отправкой юных особ во влиятельные и богатые дома Стамбула, Анатолии и Египта, выступали, по сути, в роли брачных агентов.

Черкешенки, по словам источника, «сами желают перемены своего положения и с радостью вступают в новый быт, где их ожидает довольство и отношения, одобряемые мусульманскою верою и народными обычаями»[901]. Причину того, что сами кавказские девушки в большинстве своем не были против продажи в Османскую империю в качестве невольниц, другой автор объясняет тем, что они «считают это избавлением от невыносимо тяжелых условий своей жизни на родине»[902]. Дж. Белл писал о стремлении «черкесских» женщин попасть именно в Константинополь, «чтобы испытать там свою счастливую судьбу»[903].

---

[900] Факты вывоза значительного количества абхазов в качестве рабов в страны Средиземноморья нашли отражение и в устном народном творчестве абхазов. В одном из преданий рассказывается о том, что, уходя из Абхазии, итальянцы забрали с собой жителей четырех селений. Там же говорится, что потомки этих (увезенных) абхазов до сих пор живут где-то в Италии.

[901] По обе стороны Большого Кавказа. Сборник документов. Абазины и «черкесский» вопрос. Автор-составитель М. Экзеков. – М. – Санкт-Петербург, 2012. Том I. С. 36.

[902] Швейгер-Лерхенфельд А. Ф. Женщина. Ее жизнь, нравы и общественное положение у всех народов земного шара (пер. с нем.). – СПб., 1885. С. 35.

[903] Белл. Дж. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837, 1838, 1839 гг. Т. I. Письмо второе // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. – Нальчик, 1974. С. 462, 466.

В условиях, когда и видные государственные деятели Османской империи западнокавказского происхождения пропагандировали преимущества жизни в империи, неудивительно, что практически каждый юноша, и в особенности девушки мечтали попасть в Порту.

По многочисленным источникам известно о том, что целый ряд турецких султанов, чиновников среднего и высшего звена Османской империи состояли в брачных связях с черкешенками и абхазками дворянских и княжеских родов[904]. Заслуживает внимания, прежде всего, личность третьей жены османского султана Сулеймана I Законодателя (Кануни) и матери престолонаследника (шехзаде) Мустафы – Махидевран. По одной из версий, она была черкесского происхождения[905]. Также существуют мнения об албанском, черногорском и абхазском происхождении Махидевран[906]. Женой султана Мехмета III

---

[904] Обри де ла Мотре. Путешествие по Европе, Азии и Африке //Кавказ: европейские дневники XIII – XVIII веков. Сост. В. Аталиков. – Нальчик, 2010. С. 96.

[905] См.: Максидов А. Х. Исторические и генеологические связи адыгов с народами Причерноморья. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. – Нальчик, 2001. С. 23; Чирг А. Ю. Культура жизнеобеспечения адыгов // Культура и быт адыгов. – Майкоп, 1991. С. 261; Гогитидзе М. Д. Черкесские военные деятели. – Тбилиси, 2013. С. 29, 41–42; Хотко С. Х. Очерки истории черкесов от эпохи киммерийцев до Кавказской войны. – СПб., 2001. С. 117. Его же. Генезис адыгского (черкесского) этнополитического пространства в XIII –XVI вв.: проблемы и перспективы исследования. Дисс. на соиск. уч. ст. докт. ист. наук. Майкоп. 2017. С. 371, 372; Mansel Ph. Constantinople. 1453 –1924. L., 1995. P. 82–83. См.: также напр.: Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI – 30-е годы XVII века. – М., 1963. С. 150, 201.

[906] Об абхазском происхождении Махидевран см.: Fleischer, Cornell H. From Sehzade Korkud to Mustafa Ali: Cultural Origins of the Ottoman Nasihatname // III rd Congress on the Social and Economic Histori of Turkei. 1983. 2 August. P. 1. 10 –15. Об этом пишет в нескольких местах своей работы, например, и исследовательница из Турции Махинур Папапха (См.: Маҳинур Папапҳа. Ҩажэей жэохэ шыкэса Беигуаа Омар иаанда. Аҟуа. 2016. С. 18, 33, 42, 57.

(1566–1603 гг.) и матерью султана Мустафы I (1591–1639 гг.) была абхазка Фюл-Дане. Супруга султана Абдул-Азиза была из фамилий Маан[907]. Дочь Албуз-бея Маан – Атия-ханум (она же – внучка Маан Каца) была женой султана Абдул-Гамида. А сын султана Абдул-Меджита Сулейман был женат на абхазках из фамилии Багаркан и Цыба (его сыновья, возможно, говорили по-абхазски)[908]. Абхаз (абаза) Мелек Ахмед-паша (генерал Османской империи и великий визирь конца XV – первой пол. XVI в.) женился на дочери султана Мурада IV[909]. Один из приемных сыновей великого визиря Хусрев-паши (абхаза по происхождению, усыновлявшего кавказских мальчиков) Халил-паша был женат на дочери султана Махмуда, другой приемный сын Хусрева-паши Саид-паша был женат на второй дочери султана[910]. Абхазками из родов Маршан и Чыхчаа были первая и четвертая жены последнего, 36-го, султана Османской империи Мехмеда VI Вахидеддина (1861–1926 гг.).

Абхазские корни имел знаменитый турецкий путешественник и историк XVII в. Эвлия Челеби: его мать–абхазка была привезена в Стамбул и выдана замуж за «дворцового ювелира» Дервиша Мохаммеда Зилли[911]. Представители османской знати, даже султаны, связанные родством с абхазами через браки, стремились воспитывать своих детей в этикетных нормах Апсуара (еще в недавнее время турки, среди которых проживали абхазы,

---

[907] Гуажба Р. Из истории диаспоры: традиция и культура убыхов и абхазов // Газ. «Республика Абхазия». 9–10 октября 2007 г.

[908] Там же.

[909] Муртазов Т. А. Абазг, абаза, абазин... С. 617.

[910] Кушхабиев А. В. Очерки истории зарубежной черкесской диаспоры. – Нальчик, 2007. С. 55.

[911] Челеби Эвл. Книга путешествий. – М., 1961. Вып. I. С. 99; Брун Ф. Путешествие турецкого туриста вдоль по восточному берегу Черного моря // ЗООИД. 1875. Т. 9. Родным дядей Эвл. Челеби был великий визирь Турции, абхаз по происхождению Мелек Ахмед-паша, женатый на дочери султана Мурада IV (Муртазов Т. А. Абазг, абаза, абазин. ..С. 617).

говорили: «Мы не абхазы, но то, что показали нам из этого «дворянства» (Апсуара – **О. М.**) наши отцы, мы многое восприняли**,** этой красотой стараемся воспитать и своих детей»)[912].

С начала XVII в. в Абхазии усиливается распространение суннитского ислама[913], а проповедники Корана, рассеянные во многих селах Абхазии, продолжали свою деятельность вплоть до XIX в. Муллы – этнические турки – в абхазских селах обзаводились семьями, усваивали местный язык и обычаи (они же занимались заключением браков по шариату). Так, в период внедрения ислама в Абхазии[914], в 1864 г. в с. Джгиарде проживали два турка, которые женились на местных абхазках и проповедовали ислам среди сельчан.

В общинах, где мусульманство получило преимущество (сс. Хуап, Калдахуара, Джирхуа, Аацы, Ачандара, Дурипш, Дал, Цабал, Члоу, Гуп и др.), оно влекло за собой не только заключение браков с мусульманами, но и культурно-бытовые изменения с выполнением некоторых традиций, связанных с исламом, как, например, левирата (брака вдовы с братом покойного мужа) и др. В среде высшего сословия абхазов изредка, но все же встречались факты двоеженства и даже троеженства. Представителям знати было разрешено жениться на несовершеннолетних христианского, крестьянского происхождения, заключать браки с однофамильцами по материнской линии.

Оценивая межэтнические браки абхазов в османский период, необходимо подчеркнуть, что они сыграли в целом негативную роль в жизни абхазского социума. Поскольку распространение

---

[912] Апсуара: Материалы и исследования / Под ред. Т. А. Ачугба. – Сухум, 2014. 247 с.

[913] Инал-ипа Ш. Д. Абхазы. – Сухуми, 1965. С. 579.

[914] В письменных источниках жители Абхазии как последователи ислама впервые упоминаются в XIV в.: согласно источнику, мусульмане составляли определенную часть населения Сухума того периода, возможно, что они были иностранными торговцами. Но неизвестно, кто они были по этнической принадлежности.

ислама в Абхазии происходило путем семейно-брачных связей и молочного родства, а у значительной прослойки абхазов через работорговлю имелись родственные (брачные) отношения с наиболее богатыми и знатными турками, это сыграло решающую роль в период т. н. махаджирства, когда десятки тысяч абхазов были вынуждены переселиться в Турцию, откуда они рассеялись по всему миру.

Историко-этнографические материалы XVIII–XIX вв. свидетельствут о том, что как в целом для Кавказа, так и для горских народов, наряду с династическими, издавна были характерны браки представителей социальной верхушки разных этносов, обычно заключавшиеся с целью урегулирования каких-либо конфликтов или для политического союза[915]. Имеются сведения, что в 1830-х гг. один из сванских князей Дадешкелиани женился на княжне из рода Ачба (Анчабадзе). Этим браком был урегулирован возникший между сванами и абхазами из общины Члоу конфлик из-за пользования пастбищами в районе верхнего правобережья Ингура, в результате чего сваны отказались от притязаний на указанные пастбища в пользу члоуцев[916]. Дальский князь Эшсоу Маршьан тоже был женат на дочери владе-

[915] Волкова Н. Г. Этнокультурные контакты народов горного Кавказа в общественном быту (XIX – начало XX в.)... С. 204–205. На Северном Кавказе в крестьянской среде межэтнические браки заключались со сколько-нибудь заметной частотой в смешанных черкесско-абазинских или осетино-ингушских районах. В таких случаях родители невесты предлагали жениху-иноплеменнику заплатить повышенный брачный выкуп. Выход замуж за иноплеменика считался еще более нежелательным, чем женитьба на иноплеменнице. Очень редкими были браки между представителями коренных мусульманских народов с русскими и украинцами, хотя во многих районах они жили бок о бок (Смирнова Я. С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. Вторая половина XIX–XX в. – М., 1983. С. 47, 48).

[916] Бжания Ц. Н. Из истории хозяйства и культуры абхазов... С. 56; Волкова Н. Г. Этнокультурные контакты народов горного Кавказа в общественном быту... С. 215.

теля части Сванетии, князя Михаила Дадешкелиани[917]. Между высшими сословиями Западной Грузии и Абхазии, помимо смешанных браков, возникали отношения на основе института аталычества. Так, в 1870 г. абхазская княжна из рода Чачба (Шервашидзе) была отдана на воспитание в Лечхуми, откуда она была похищена одним из сванских князей Дадешкелиани, взявшим ее в жены[918].

Брачные союзы между правящими кругами Абхазии и Мегрелии характеризовались тем, что абхазские князья владетельского рода Чачба (Шервашидзе) по политическим и сословным соображениям, как правило, женились только на мегрелках из владетельской фамилии Дадиани. Такие брачные союзы, начавшись в XVII в., становятся более частыми в XIX в. Так, в XVII в. дочь владетеля Абхазии Сетемана Чачба – Дареджан (в грузинских и русских источниках Танурия) – была замужем за мегрельским владетельным князем Леваном II Дадиани[919]. В XIX в. женой Манчи (Манучара) Чачба (Шервашидзе) – брата абхазского владетеля – была сестра мегрельского князя Левана Дади-

---

[917] Рапорт командира отдельного Кавказского корпуса Е. А. Головина военному министру А. И. Чернышеву о намерении убыхов вторгнуться в Абхазию // Материалы по истории Абхазии XVIII–XIX вв. / Сост. А. Э. Куправа, С. Ш. Салакая, А. Ф. Авидзба. Т. II. – Сухум, 2011. Т. II. С. 244.

[918] Волкова Н. Г. Этнокультурные контакты народов горного Кавказа в общественном быту (XIX – начало XX в.)... С. 190.

[919] Ламберти Арк. Описание Колхиды, называемой теперь Мингрелией... С. 18. На портрете Хр. Кастелии ясно видны черты былой красоты Танурии. Она славилась не только своей красотой, но образованностью и благородством обращения. Леван Дадиани, возжелав свою тетку, жену родного дяди, бывшего его воспитателя и регента Георгия, решил избавиться от своей жены. Ради этого он ложно (по П. Авитабиле) обвинил ее в измене и, отрезав кончики носа, языка и ушей, отправил к отцу, а сам силой отнял у дяди жену и женился на ней. Вместе со своей второй женой Леван умертвил двух своих сыновей от Танурии. Отец Танурии Сетеман мстил всю свою жизнь бывшему зятю Левану за поруганную честь дочери и умерщвление двух своих внуков.

ани[920]. Владетельный князь Абхазии Георгий (Сафарбей) Чачба был женат на Тамаре Кациевне Дадиани – сестре владетеля Мегрелии Григория Дадиани[921]. Владетель Михаил (Хамудбей), несмотря на то, что его матерью была Тамара Дадиани, трижды был женат на своих родственницах по линии матери, что с точки зрения абхазских нравов считалось недопустимым нарушением священных обычаев. Полковник Дмитрии (Сейтбей) Гасанбеевич Чачба (ум. в 1858 г.) также был женат на Екатерине Дадиани (по материнской линии – внучке последнего царя Картли и Кахети Георгия XII)[922]. По этому поводу Дюбуа де Монпере писал: «Гассан-бей представил нам своего восемнадцатилетнего сына (Дмитрия – **О. М.**) от одной из его жен, дочери Нарчука (Нарчоуа Инал-ипа – **О. М.**), с берегов реки Бзыби. Молодой князь, по обычаю, воспитывался вне дома своего отца, в Мингрелии, под присмотром князя Дадиани. Теперь, когда он достиг уже возраста женитьбы, Гассан-бей просил ему в жены одну из дочерей Дадиани. Мингрельский князь согласился уступить свою дочь»[923]. Нужно сказать, что Дмитрий Чачба в совершенстве владел грузинским языком – писал стихи на русском и грузинском языках[924] . Немецкий автор первой половины XIX в.

---

[920] Волкова Н. Г. Этнокультурные контакты народов горного Кавказа в общественном быту... С. 215.

[921] Записка начальника Черноморской береговой линии Н. Н. Раевского о женитьбах владетеля Абхазии М. Г. Чачба-Шервашидзе // Материалы по истории Абхазии XVIII–XIX вв. / Сост. А. Э. Куправа, С. Ш. Салакая, А. Ф. Авидзба. – Сухум, 2011. Т. II. С. 213.

[922] Что касается брачных связей собственно грузин с мегрелами, то они не были особо распространены. Более того, «жениться на мегрелках для грузин считалось неприличным» (Франгуланди А. Греки-понтийцы: дорога длиной в 2,5 тысячи лет. – Сухуми, 1991).

[923] Дюбуа де Монпере Фредерик. Путешествие вокруг Кавказа. Т. 1... С. 141.

[924] См.: Записка начальника Черноморской береговой линии Н. Н. Раевского о женитьбах владетеля Абхазии М. Г. Чачба-Шервашидзе... С. 212–213; Ачугба Т. А. Этническая история абхазов. XIX–XX вв. Этнополитические и миграционные аспекты. – Сухум, 2010. С. 156–157.

К. Кох относительно наличия родственных связей между Чачба (Шервашидзе) и Дадиани резюмировал: «Сегодняшние Дадиани, являющиеся близкими родственниками абхазских владетелей Шервашидзе»[925].

Абхазские князья и дворяне Самурзакана (или Мурзакана, Мырзакана) нередко владели мегрельским языком, и наоборот – некоторые мегрельские князья знали абхазский. Отражая ситуацию, характерную для начала XIX в., Эдм. Спенсер писал: «Как выясняется, крестьяне Мегрелии не говорят на черкесском диалекте (т. е. абхазском – **О. М.**), которым пользуются лишь князья и дворяне, претендующие на общее происхождение с неукротимыми обитателями Черкесии»[926].

Мегрельские феодалы часто использовали брачные союзы с абхазками для получения земель, даваемых невесте ее семьей при выходе замуж. Об этом агроном Г. А. Рыбинский писал в конце XIX столетия так: «Князья и дворяне Мингрелии женятся на абхазских княжнах и ни в коем случае не отказываются от их приданного – земель в Абхазии»[927].

В результате возрастающих смешанных абхазо-мегрельских браков, при переходе к мужу каждая мегрельская княжна в качестве приданого всегда брала с собой на постоянное жительство в Абхазию то или иное количество своих крепостных крестьян (иногда чуть ли не целыми селами) и других приближенных лиц.

---

[925] Сведения К. Коха и Эд. Спенсера о Грузии и Кавказе, перевела с немецкого, снабдила введением и комментариями Л. Г. Мамацашвили. – Тбилиси, 1981. С. 170, 172, 185 (на груз. яз.). Анализируя материалы по брачным связям правящей элиты абхазов с периода раннего Средневековья и вплоть до начала XIX в., Ю. Н. Воронов отмечал, что жены и матери абхазских царей и князей, как правило, «были гречанками, осетинками, армянками, половчанками, картвелками, мегрелками и т. д., но очень редко представительницами той народности, которой управлял их супруг» (Белая книга Абхазии. Документы, материалы, свидетельства. 1992–1993... С. 26). .

[926] Цит. по: Чирикба В. А. Абхазские заимствования в мегрельском языке... С. 65.

[927] Рыбинский Г. А. Абхазские письма // Газ. «Кавказ». № 186. 1893 г.

Так, в Кяласуре был целый поселок крепостных, полученных князем Дм. Чачба (Шервашидзе) в приданое за жену от мегрельского князя Дадиани[928]. И земли в с. Абжакуа занимали мегрельские моджалабы, также полученные кн. Дмитрием в приданое за женой [929]. Данное обстоятельство (в качестве приданого брать с собой в Абхазию своих крепостных) способствовало переселению в Абхазию и значительного количества мегрелов.

Браки внутри абхазского этноса до массового выселения абхазов в пределы Османской империи в 60–70-х гг. XIX столетия традиционно носили эндогамный характер, что неоднократно подчеркивали иностранные авторы. Так, например, Эдм. Спенсер, посетивший Абхазию в 1836 г. писал, что абхазы – «настоящие хозяева страны, никогда не женятся на дочерях другого народа и этим удается им сохранить национальные особенности»[930] .

Вместе с тем, доля межэтнических браков у абхазов изменялась в зависимости от того или иного исторического периода. Судя по имеющимся данным, смешанные браки среди абхазов стали расти со времени присоединения Абхазии к России, когда была заложена необходимая основа для сближения интересов абхазов и русских и установления прочных культурных и торгово-экономических отношений между ними[931].

Несмотря на то, что у абхазов традиционно не поощрялась женитьба мужчин на представительницах других народов и вы-

---

[928] Дзидзария Г. А. Труды. – Сухуми, 1988. Книга I. С. 354–355.

[929] Инал-ипа Ш. Д. Абхазы. – Сухуми, 1965. С. 456.

[930] Цит. по: Ачугба Т. А. О проблемах национального самосознания населения Юго-Восточной Абхазии. – Сухум, 2006. С. 65.

[931] Первое в письменных источниках упоминание о проживании на территории Абхазии значительного количества русского населения относится к 1786 г. В «Записке Константинопольских происшествий и новостей» об этом сообщалось: «Внутри Абазии (Абхазии – **О. М.**)... довольное число находится русских» (Цит. по: Кобищанов Т. Ю. Русские мамлюки в Османском Египте // Вестник МГУ. – М., 2008. № 2. С. 63).

ход девушек замуж за мужчин иной этнической принадлежности (основной причиной чего было наличие языкового барьера), со временем эти русские женились на местных девушках и обзаводились хозяйствами. О фактах женитьбы русских на абхазках в 1818 г. сообщал, например, французский коммерсант Поль Гибаль, по словам которого, «многие русские женаты на абхазских женщинах»[932], что, несомненно, содействовало сближению двух народов.

С 1830-х гг. большое число русских солдат, бежавших с береговых укреплений от тяжелой армейской службы, стали проживать в предгорных и горных абхазских селах[933]. По свидетельству командира Ставропольского егерского полка[934] Г. В. Новицкого, русские пленные, «взятые цебельдинцами в боях с нашими отрядами или купленные ими в разных местах Кавказа, были расселены по всей Цебельде; жили они собственным хозяйством и были рабами своих владельцев. Цебельдинцы, по примеру всех горских племен, женили их на собственных крестьянках или же на приобретаемых пленницах. Живя долгое время, иные пленные до 30 лет, среди магометан, а иногда и среди не имеющих никакой определенной веры, они совершенно потеряли народный русский характер, почти забыли родной язык и даже веру отцов своих»[935]. По сообщению Дьячкова-Тарасова, в 30-х – 40-х гг. XIX в. в Цебельде жило 80 семейств

---

[932] Сведения французского коммерсанта Поля Гибаля об экономическом положении и социальных отношениях в Абхазском княжестве... С. 144. Количество же русских, осевших в Абхазии, Поль Гибаль определял в три тысячи человек (Там же).

[933] Множество русских солдат, служивших на Кавказе в первой половине XIX в., сбегали так же в чеченские и ингушские аулы, где они обзаводились семьями (См.: Кавказская война: народно-освободительная борьба горцев Северного Кавказа в 20–60-х гг. XIX в. –Махачкала, 2006. С. 432).

[934] Ставропольский егерский полк Русской императорской армии входил в состав 19-ой пехотной дивизии и дислоцировался на Кубани.

[935] Новицкий Г. В. Анапа и закубанские поселения // ЗКОИРГО. – Тифлис, 1853. Т. 2.

русских, «освобожденных из плена и женившихся в горах»[936]. По другим данным, в этот период только в Цебельде обитало около 130 беглых русских солдат, женатых на абхазках и освоивших абхазский язык[937]. В рассматриваемое время русско-абхазские смешанные браки особую интенсивность приобрели в окрестностях Бамбор, а также Сухума, где располагались русские военные гарнизоны[938]. Браки эти, видимо, заключались по добровольному согласию.

Наряду с выходом абхазок замуж за русских, имели место и женитьбы абхазов на русских женщинах, но таких браков было небольшое число.

В Российской империи начала XX в. межэтнические браки были мало распространены[939]. Демографическое состояние населения дореволюционной России свидетельствует, что распространение браков между людьми разных национальностей не зависело напрямую, в частности, от этнической смешанности населения. Основным фактором, влияющим на редкость смешанных браков в России, были религиозные запреты на браки с иноверцами и глубокие социально-культурные различия между этносами, населяющими Россию[940]. С 70-х гг. XIX в. и до 1917 г. царская религиозная политика по отношению к абхазам, как отмечал Г. В. Смыр, применялась особенно свирепо, категорически запрещая абхазским мусульманам жениться на христиан-

---

[936] Цит. по: Инал-ипа Ш. Д. Труды в XI томах. Абхазы. – Сухум, 2022. Том II. С. 572.

[937] Белая книга Абхазии. Документы, материалы, свидетельства. 1992–1993... С. 26.

[938] Цит. по: Воронов Ю. Н. Русские в Абхазии (до 1917 года) // Русские в Абхазии. Под общей редакцией Чрезвычайного и Полномочного Посла Российской Федерации в Республике Абхазия С. В. Григорьева. – Сухум, 2011. С. 26.

[939] Макарова И. А. Развитие теоретического знания в изучении межэтнических браков // Вестник ЗабГУ. 2014. № 01 (104). С. 37.

[940] Там же.

ках, мусульманкам выходить замуж за христиан, а некяхи (браки) супругов мусульманской веры подлежали расторжению[941].

Официальные религиозно-административные власти, выступая против брачных отношений между христианами и мусульманами, допускали совместное жительство лиц разных религий при условии принятия мужчиной-мусульманином православной веры[942]. Так, имеретинский епископ Гавриил в своем «Отчете о поездке по Абхазии» указывал, что «догматической части учения я касался вкратце и в общих чертах, главное же внимание обращал на нравственное учение применительно к их нуждам… между прочим, как здесь (т. е. в Абжуа. – **О. М.**), так и в других местах я уговаривал их не иначе отдавать своих дочерей замуж за некрещеного, как с условием, что они сначала примут православие, а также не жениться на некрещеных, не жить долго с женами без венчания, своевременно крестить детей, давать детям христианские имена, а не магометанские»[943].

По доносу священника Адзюбжского прихода К. Топуридзе, 3 февраля 1892 г. Грузино-Имеретинская Синодальная контора обсудила переписку о совместном сожительстве православных абхазов с мусульманами, об отдаче православными родителями

---

[941] Смыр Г. В. Ислам в Абхазии и пути преодоления его пережитков в современных условиях. – Тбилиси, 1972. С. 103. Не одобрялись также национально смешанные браки между мусульманами. Они практиковались преимущественно в среде князей и дворян, роднившихся с представителями соседних народов (Смирнова Я. С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа... С. 47).

[942] Даже у осетин, некогда широко практиковавших браки между жившими в тесном соседстве христианами и мусульманами, во второй половине XIX в. в результате активизации миссионерской деятельности и прямых репрессий властей конфессионально смешанные браки стали практически неизвестны (Цит. по: Смирнова Я. С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа... С. 47).

[943] Смыр Г. В. Религиозные верования и свободомыслие у абхазов. (Этнокультурные аспекты). Дисс. на соиск. учен. ст. докт. ист. наук. – Майкоп, 1997. С. 301.

детей на воспитание мусульманам и установила следующее: 1. «Мусульмане Амбер Араби (Абаш – **О. М.**) и Абуджа Чангура, женившись на православных, первый на Софии, а второй на Осиде, продолжают с ними незаконно сожительствовать;

2. Гедлач Лагвилава, сам православный, женился на мусульманке, еще не воспринявшей св. крещения, равно имеет пасынков, также некрещеных по обряду православной церкви…»[944].

Грузино-Имеретинская Синодальная контора приняла решение о вышеуказанных «нарушениях закона о браке» сообщить начальнику Сухумского округа и просить его «объявить Амберу Араби, Абуджу Чангури и сожительствующей с Гедлачем Лагвилава женщине-мусульманке, что, если они в течение двух месяцев по объявлении сего не изъявят желания принять христианство, будут разлучены первые двое от своих незаконных жен, а последняя – от незаконного мужа»[945].

Между прочим, сыновья Амбера Абаш, о которых шла речь выше, – Шаабан и Ширин Абаш, также являвшиеся по вероисповеданию мусульманами, уже в советское время вторым браком были женаты на русских женщинах (от обеих русских жен у братьев Абаш не было потомства). В том же с. Адзюбжа еще ранее, в 1906 г., уже проживало 20 семейств русских рабочих Кодорского лесозавода, многие из которых были женаты на адзюбжских абхазках.

С начала XX в. стали заключаться браки абхазских крестьян, главным образом с женщинами из Западной Грузии. Такие браки повторяясь из поколения в поколение, со временем становились традицией. Н.С. Джанашиа в 1902 г. сообщал, что в с. Тамыш один абхаз женат на гурийке, что это первый случай женитьбы местного крестьянина на гурийке или имеретинке. Во-

[944] Смыр Г. В. Религиозные верования и свободомыслие у абхазов. (Этнокультурные аспекты). Дисс. на соиск. учен. ст. докт. ист. наук. – Майкоп, 1997. С. 301.

[945] Там же.

обще же абжуйские абхазы в дальнейшем довольно часто брали в жены мегрельских женщин. Сами абхазы, как писал Н.С Джанашиа, «большой радостью» считали «выдать замуж свою дочь за мингрельца»[946]. Это он объяснял тем, что «жена в семье абхазца в более невыносимых условиях, чем в мингрельской семье». С другой стороны, зять из Мегрелии, согласно абхазским представлениям, считался недостаточно церемониальным и традиционным, как об этом свидетельствует абхазская поговорка «Мегрельский зять – все равно, что ольховый огонь» (*агыруа махэи алтэмцеи*)[947]. В то же время среди мегрелов и грузин имело хождение поговорка «Желаю тебе жену-абхазку», что служило выражением хорошего пожелания – иметь жену услужливую, верную и молчаливую. Число западногрузинских мужчин в абхазских селах незначительно пополнялось и за счет плотников, строивших деревянные дома (*акэасқьа*)[948]. С 80-х гг. XIX в. абхазские помещики активно привлекали на свои земли и мегрельских арендаторов (только в одном с. Уарча, на правом берегу р. Кодор в этот период было поселено до двухсот семей-мегрелов)[949]. Многие осевшие здесь переселенцы были одинокими, как и мегрелы, привозившие сюда своих сыновей. Они постепенно налаживали свой быт, обзаводились семьями на

---

[946] Джанашиа Н.С. Кое-что из быта Абхазии // Иверия. 1902 г. № 109 (на груз. яз.).

[947] Инал-ипа Ш. Д. Абхазы. – Сухуми, 1965. С. 470.

[948] Аджинджал И. А. Из этнографии Абхазии... С. 80. Первые переселенцы-мегрелы, в основном из Зугдидского и Сенакского уездов, появились в Абхазии и стали активно здесь заселяться с 1864 г., т. е. со времени введения в стране русского управления.

[949] Иверия. 1881. № 11. С. 95. Абхазские помещики были заинтересованы в привлечении наемных работников, поскольку абхазские крестьяне считали наемный труд позорным (Инал-ипа Ш. Д. Об изменении этнической ситуации в Абхазии в XIX – начале XX в. // СЭ. 1990. № 1. С. 39). Рост западногрузинского населения и их обоснование в восточных регионах Абхазии создавали благоприятные условия для их последующего перемещения в другие районы Абхазии.

месте. При этом немало мегрелов и других уроженцев Западной Грузии становились зятьями-примаками[950] или создавали семьи с вдовами, усваивали абхазский язык и местные обычаи. В переселении мегрелов в Абхазию особую роль играли мегрельские священники, которые разными путями способствовали переезду своих родственников на абхазские земли. По этому поводу автор одной из публикации за 1910 г. отмечал: «Водворившись в деревнях и городах Абхазии, мингрельские попы повыписывали всех своих родных до десятого колена и наводнили Абхазию мингрельцами, водворившимися и притом окончательно на абхазских землях под видом арендаторов или «наследников» разных своих родственников, женившихся на абхазках»[951]. При этом иммигранты сумели распространить в быту абхазов немалое число своих культурных традиций[952], и в частности, религиозных обрядов и связанных с ними терминов[953].

---

[950] У абхазов, по традиции, не принято было, чтобы муж жил в доме жены или ее родителей, это принижало его авторитет среди односельчан. В настоящее время случаи поселения мужа в доме жены, особенно в городах, у абхазов стали более частыми.

[951] Путник. На спокойном Кавказе // «Окраины России». 1910. № 24. С. 370. Об этом см. также: Ачугба Т. А. Некоторые аспекты ассимиляции абхазов Юго-Восточной Абхазии (XIX – XX вв.) // Первые Международные Инал-иповские чтения (Сухум, 9–12 октября 2007 г.). – Сухум, 2011. С. 64–75.

[952] Появлением в Абхазии во второй половине XIX в. мегрельских арендаторов земли и строителей из Рачи и Мегрелии мы объясняем наличие в абхазском языке определенного количества сельскохозяйственных, строительных, религиозных и иных названий. Однако подавляющее большинство заимствований появилось в период советской власти, с началом организованного заселения территории Абхазии мегрелами и другими западногрузинскими переселенцами во времена сталинско-бериевского господства в Абхазии в 30–50-х гг. XX в.

[953] Так, абхазский теоним «Анан» был заменен на «Адгьыл-дедопал», день собирания пасхальных цветов «амшмара» на мегр. «баиа» и т. д. В ряд абхазских религиозных обрядов были включены «таргьалаз», от груз. «мтавар ангелози», и др., которые неизвестны бзыбским абхазам. Такое же происхождение имеет абхазское название Великого четверга – «чачхадыл»,

В первой половине XIX в. браки абхазов в церковных метрических книгах фиксировались крайне редко. Если для мегрелов и в целом грузин было характерно церковное оформление брака, то абхазы в подавляющем большинстве случаев ограничивались при вступлении в брак свадьбой. Однако с восстановлением христианства (после присоединения Абхазского княжества к России) часть населения Абхазии, больше в южной половине страны, начинает отправлять обряды церковного освящения браков (абх. *агургьынахаҷара*). Поскольку церковных браков у абхазов традиционно не было, то и соответствующий термин, обозначающий венчание, заимствованный – термин «агургьынхаҵара» идет из мегр. «гургини» («гиргини») – «венец»[954].

Активизация межнациональных брачных связей абхазов относится к периоду с 1926 по 1959 г. Это было связано с созданием в Абхазии мощного курортного хозяйства, развитием горнодобывающей промышленности, а также отрицательным отношением абхазов к работе по найму – в результате чего возрос приток приезжих в Абхазию. Этот процесс особенно усилился после проведения Черноморской железной дороги[955]. Наряду с естественной миграцией переселение в Абхазию осуществлялось и организованным набором рабочей силы и специалистов (врачей, педагогов, агрономов и т. д.).

Многие из этих специалистов, в частности из районов Западной Грузии, работавшие, например, в сс. Джгиарда, Гуп, Пакуаш и др., вступали в браки с абхазками, и, наоборот, абхазы женились на мегрелках[956].

который Н. С. Джанашиа возводил к мегрельскому «цашьха диди» (если термин «чачхадыл» является в абхазском языке все же заимствованным, то сам обряд абхазским).

[954] Кипшидзе И. Грамматика мингрельского (иверского) языка с хрестоматиею и словарем... С. 217.

[955] Джаошвили В. Ш. Население Грузии... С. 30.

[956] См.: Маан О. В. Из истории семьи .и семейного быта абжуйских абхазов (XIX – начало XXI в. // ЭО. – М., 2009. № 3. С. 101–117.

В рамках указанного периода активизации смешанных браков у абхазов выделяется середина 1930-х гг., когда в советском государстве в основном сформировались социалистические общественные отношения. Политика Советского Союза по образованию общих черт в культуре и быте людей разных национальностей затронула и институты брака и семьи, выразившись в росте численности национально-смешанных браков.

У абхазов своеобразный всплеск национально-смешанных браков наблюдался в 1936 г. Их процент от общего числа браков абхазов составил 50,6 у мужчин и 29,4 у женщин. Однако уже в 1937 г. этот показатель снизился соответственно до 35,1 и 17,6 %, а в 1939 г. был равен 28,6 и 20,4 %[957]. В целом динамику межнациональных браков абхазов в советский период нельзя рассматривать только как движение по восходящей линии, там имелись свои «приливы» и «отливы», как в любом сложном социальном явлении[958].

Поскольку в советские годы абхазами, в основном из абжуйской части страны, подавляющее число браков заключались с

---

[957] См.: Борзых Н. П. Межнациональные браки в СССР в середине 1930-х годов // СЭ. 1984. № 3. С. 108.

[958] Там же. К сказанному необходимо добавить, что к 1939 г., наряду с постоянным механическим приростом (миграцией) в Абхазию грузин (мегрелов) и русских, за счет которой увеличивается общее число населения, численность абхазов по сравнению с 1926 г., их удельный вес снизился с 26,4 до 18% (Лежава Г. П. Изменение классово-национальной структуры населения Абхазии (конец XIX – 70-е гг. XX в.). – Сухуми, 1989. С. 20). При дополнительном изучении причин такой демографической ситуации определенную ясность вносит показатель о распределении населения по народностям и языку. В 1926 г. абхазами назывались 55,9 тыс. человек, а по языку родным языком абхазский считали 47 тыс. человек; 8,7 тыс. человек родным языком называли мегрельский (Там же). Тенденция к сокращению владения родным языком среди абхазов имела место и в последующие годы. Например, в Сухумском и Гулрыпшском районах республики, если в 1939 г. численность абхазов по родному языку составляла 1962 человека, то к 1970 г. она уменьшилась до 1133 человек (Народное хозяйство Абхазской АССР. – Сухуми, 1973. С. 45–48).

представительницами Западной Грузии, и главным образом с мегрелками, имеет смысл обратиться к существующим в литературе данным о возрасте вступления в брак у этих народов как в досоветский период, так и во времена СССР и постсоветские годы.

До установления советской власти, как показали полевые этнографические материалы, между абхазами и мегрелами преобладающий брачный возраст варьировал: у мужчин примерно между 25 и 35 гг., а у женщин – между 18 и 25.Чаще всего абхазы женились в 30 лет, а мегрелы в 28; абхазки выходили замуж в 23 года, мегрелки в 21. Различалась доля женщин, вступавших в брак до 18 лет. У абхазов она составляла немногим более 8 %, у мегрелов – 18 % [959].

В 1930-х гг., после коллективизации сельского хозяйства, ускорившей процесс сегментации больших семей, преобладающий брачный возраст мужчин как у абхазов, так и у мегрелов заметно снизился: в среднем, соответственно до 28 и 26. Брачный возраст абхазов составил 21 г., а у мегрелок остался неизменным. Тогда же увеличилась доля абхазок, вступивших в брак в раннем возрасте, составив уже 15 % и таким образом приблизившись к доле мегрелок (17 %)[960].

Данные и материалы архивов ЗАГС периода Великой Отечественной войны советского народа и первых послевоенных лет показывают, что у абхазов преобладающий брачный возраст долго сохранялся неизменным, хотя и несколько участились случаи ранних женитьб. Только с 1950-х гг. этот возраст начал расти. К 1970-м гг. он поднялся у мужчин до 31 г., у женщин – до 25 лет (мужчин-мегрелов этот процесс не коснулся, а если частично и коснулся, то в сторону снижения брачного возраста; в то же время у мегрелок брачный возраст возрос на 1 год).

---

[959] Бигвава В. Л. Изменение брачного возраста у абхазов и грузин // Всесоюзная научная сессия по итогам этнографических и антропологических исследований 1986–1987 гг. Тезисы докладов. – Сухуми, 1988. С. 125.

[960] Там же. С. 126.

В настоящее время брачный возраст у абхазов опять начал склоняться к снижению. Этому способствует, видимо, осознанность невосполнимых потерь людских ресурсов во время боевых действий в Абхазии 1992–1993 гг., приведших к нежелательным демографическим последствиям. Устные свидетельства говорят о том, что сейчас абхазы женятся между 20 и 25 г. При этом большинство старожилов исходит из того, что вступать в брак нужно в 25 лет.

В советское время абхазы приводили невест и из самой Мегрелии, причем если один из абхазов брал невесту из Мегрелии, то эта же невеста, вышедшая замуж за абхаза, старалась выдать своих сестер, родственниц или соседей за абхазов. Немало таких примеров имело место в прибрежных абхазских селах Очамчырского района республики, и, в частности, в с. Адзюбжа. Еще в 50–70-х гг. XX в. в центральном, абхазском поселке этого села с тем же названием Адзюбжа (в ее южной части), из 17 абхазских домохозяйств в девяти невестками были мегрелки.

Межэтнические браки оказывают воздействие в основном на языковые процессы у потомков от этих браков. Дети от смешанных браков обычно усваивают язык отца и язык матери. Язык матери они усваивают легче, что впоследствии, при интенсивности межнациональных браков, оказывает существенное влияние на этническое развитие как конкретного индивида, так и на этнос в целом[961].

Знание мегрельского языка и вообще абхазо-мегрельское этноязыковое взаимодействие особенно интенсивным было в зоне непосредственного абхазо-мегрельского пограничья в самурзаканской части Абхазии[962]. Еще в конце XIX в. к северу от Ингура

---

[961] См.: Ачугба Т. А. О проблемах национального самосознания населения Юго-Восточной Абхазии (Историко-этнографический очерк)... С. 32.

[962] При этом и этническая граница, конечно, не была непроницаемой, абхазо-мегрельская (а ранее апсило-мегрело-лазская) этническая диффузия, взаимная инфильтрация населения в ту и другую сторону происходила постоянно и непрерывно, причем временами они носили интенсивный характер.

и до р. Эртис-цкали, в обществах Саберио, Чубурхинджи, Набакеви, Баргеби и Борбала, мегрельский язык служил семейным и разговорным, но среди мужчин в большей или меньшей степени было распространено знание абхазского языка. Далее, «в селах Бедиа, Окум, Гал, Мухури, Гудава, между реками Эртис-цкали и Охурей», мегрельский язык господствовал в семье, но в общественной жизни употреблялся в одинаковой степени мегрельский и абхазский (редко можно было найти мужчину, который бы не знал или по крайней мере не понимал абхазского). Между реками Охурей и Галидзгой абхазский являлся не только языком общества, но и семьи: здесь говорящие только по-мегрельски женщины и дети являлись исключением, а мужчины, хотя и не все, умели говорить по-мегрельски, но понимали абхазскую речь. Единственным местом этой полосы, где мегрельский являлся не только языком семьи, но и общества, был Илори, а к абхазоязычным относились, в числе прочих, «Поквеш и Квезани». Согласно Цагарели, из больше чем четырех тысяч семейств (около 30 тыс. чел.) в Самурзакани приблизительно половина признавали абхазский своим родным языком[963].

Факты двуязычия в итоге ведут, как известно, к аккультурации и ассимиляции. Миграции в XIX в. значительных масс населения из Мегрелии на территорию современного Галского района Абхазии, приводившие к возрастанию доли межэтнических браков, главным образом «между мегрелками и абхазами, реже между абхазками и мегрелами»[964], оказали существенное влияние на дальнейшее этнокультурное развитие региона.

В результате этих причин происходили сложные языковые и культурные процессы[965], которые в начале XX в. привели к

---

[963] Цит. по: Чирикба В. А. Абхазские заимствования в мегрельском языке... С. 65–66.

[964] Ачугба Т. А. О проблемах национального самосознания населения Юго-Восточной Абхазии... С. 32.

[965] В XIX – начале XX вв. значение мегрельского языка, в частности в Самурзакани, усиливалось и в связи с ростом товарного обращения, поскольку

почти полной ассимиляции коренного населения Самурзакана (за исключением 2 – 3 сел), к утрате ими своего языка и постепенному изменению их самосознания.

По свидетельству Н. Г. Волковой, если в смешанной семье отец был грузин, а мать – абхазка, то знание детьми абхазского или мегрельского языков зависело от этнического окружения семьи[966]. Так, в 1970-х гг. в с. Царча Гальского района, по ее данным, дети в мегрело-абхазских семьях, живя среди мегрельского населения, абхазского языка, как правило, не знали[967]. В абхазо-мегрельских семьях «в абхазском с. Бедиа Очамчирского района» дети в силу абхазского этнического окружения знали абхазский язык, владели материнским языком (мегрельским) и нередко знали русский язык[968]. В с. Чхуартал Гальского района,

---

население в основном было связано с экономическими центрами, которые находились главным образом в Зугдиди и Сенаки. Вся внутренняя торговля в Самурзакани также была в руках мегрелов. Мегрельский был языком общения с отходниками, приходившими из Западной Грузии (даже со сванами и рачинцами нередко общались на мегрельском). При выяснении причин того, почему «международным» (по определению авторов XIX в.) языком в Самурзакани стал мегрельский, видимо, следует учитывать и чрезвычайную сложность абхазского языка (особенно его фонетики) (См.: Соловьева Л. Т. Этнокультурные контакты в Юго-Восточной Абхазии в ХЙХ – начале XX в. и развитие языковых процессов // Кавказские научные записки. 2011 г. № 4(9). С. 167).

[966] Волкова Н. Г. Этнические процессы в Грузинской ССР // Этнические и культурно-бытовые процессы на Кавказе. – М., 1978. С. 53.

[967] Волкова Н. Г. Этнические процессы... С. 54. В с. Царча к 1926 г. уже проживало 1003 мегрела и 749 абхаза. Из них абхазский язык знали 83 человека (Цит. по: Лежава Г. П. Изменение классово-национальной структуры населения Абхазии (конец XIX – 70-е гг. XX в.)... С. 16; Ачугба Т. А. О проблемах национального самосознания населения Юго-Восточной Абхазии... С. 55).

[968] Волкова Н. Г. Этнические процессы... С. 54. В с. Агу-Бедия в 1926 г. проживали 26 мегрелов и 619 абхазов, из них абхазский язык знали 600 чел.; в с. Бедия I насчитывалось 18 мегрелов и 1678 абхаза, из них абхазским языком владели 1673 чел.; в с. Бедия II проживало 68 мегрелов и 1450 абхаза, из которых абхазским языком владели 746 человек (Цит. по: Лежава Г.

где и в настоящее время проживает смешанное абхазо-мегрельское население, дети нередко говорили только по-мегрельски и со временем уже осознавали себя мегрелами. В некоторых более поздних семьях муж, жена и дети в равной мере владели мегрельским и абхазским языками. Но дети в таких семьях, получая паспорта в районном центре Гал, записывались грузинами. В дальнейшем предпочтение какого-либо из языков зависело от будущего жизненного пути этих детей. Обучаясь в вузах Сухума, они изучали абхазский язык, осваивая который, начинали считать родным языком и приобщались к русской речи[969]. В таких мегрело-абхазских семьях в Чхуатале встречались дети, записанные грузинами. Из них старшие, получая образование в Сухуме, лучше владели абхазским языком и в итоге осознавали себя абхазами, а младшие, закончив начальную грузинскую школу, считали себя грузинами и родным языком называли грузинский[970].

До Отечественной войны народа Абхазии 1992–1993 гг. абхазо-мегрельские супружеские союзы, и в том числе браки между абжуйскими абхазами и самурзаканскими мегрелами, были традиционными и в таком крайне восточном селе Очамырского района (наряду с с. Агу-Бедиа), как Река[971]. Само с. Река до 1930 г. находилось в составе Самурзаканского уезда, в том же году оно вошло в Очамчырский район. В 1934 г. от с. Река была отделена и

П. Изменение классово-национальной структуры населения Абхазии (конец XIX – 70-е гг. XX в.)... С. 16; Ачугба Т. А. О проблемах национального самосознания населения... С. 55).

[969] Волкова Н. Г. Этнические процессы... С. 54. В Чхортоле в 1926 г. проживали 33 мегрела и 1317 абхазов. Из них родным языком владели 590 человек (Цит. по: Лежава Г. П. Изменение классово-национальной структуры населения Абхазии... С. 18; Ачугба Т. А. О проблемах национального самосознания населения... С. 55).

[970] Волкова Н. Г. Этнические процессы... С. 54.

[971] По переписи 1926 г., в с. Река проживало 179 мегрела и 1384 абхаза. Из них абхазский язык знали 1300 чел. (Цит. по: Ачугба Т. А. О проблемах национального самосознания населения... С. 55)

присоединена к Галскому району его южная часть Санардо (сейчас пос. Санарда – центр с. Бедиа). По полевой информации, абхазы с. Река, оказавшиеся в составе Санардо, были записаны грузинами (вследствие этого на свадьбах, похоронах в с. Река «жители Санардо стояли отдельно, скромно, как провинившиеся»).

До войны 1992–1993 гг. большинство населения в с. Река составляли абхазы[972], которые в основном были женаты на мегрелках из Самурзакана. Причина этого, согласно этнографическим материалам, состояла в том, что «все абхазы с. Река вследствие заключения браков между собой стали родственниками, поэтому брали жен из самурзаканских сел Санарда, Царча, Мишвели и др., а также Охурея»[973]. Расширение брачных связей рекцев с названными самурзаканскими селами происходило за счет общения, связанного с приездом на свадьбу, похороны, поминки. Обычно родственники, выезжая по этому поводу в селение, брали с собой соседей. Такое общение способствовало росту смешанных браков. Сами мегрелы с. Река редко женились на абхазках, так как «абхазы не выдавали за них своих дочерей». Абхазские семьи с. Река были двуязычными; владели как мегрельским, так и абхазскими языками. Мегрелы с. Река тоже по-

[972] Еще в 1950-х гг. в с. Река насчитывалось до 400 домохозяйств, из которых 85 % домохозяйств были абхазскими. С этого периода численность жителей села начинает сокращаться, что было вызвано миграцией в Ткуарчал, и в основном в Очамчыру (основное абхазское население Очамчыры в 50–60 гг. XX в. было представлено рекскими фамилиями). В 1980-х гг. численность жителей с. Река доходила до 120 домохозяйств. По данным за 2011 г., в с. Река насчитывалось 88,8 % абхазов и 10,3 % грузин (Багапш Н. В. Этнодемографические процессы в Сухуме (конец XIX – начало XXI вв.). – Сухум, 2017. С. 180–181).

[973] Следует отметить, что если в с. Река, расположенном в восточной части Очамчырского района, жители брали жен преимущественно из самурзаканских сел, то в находящемся в 5–6 км к юго-западу от с. Река селе Пакуаш браки имели «преимущественно западную ориентацию», «так как в соседнем восточном Гальском районе доминирует соседняя этническая группа – мегрелы» (См.: Абхазское долгожительство... С. 79–80).

нимали абхазскую речь, но по-абхазски не говорили. Так, представитель рекской фамилии Апшилава был женат на мегрелоязычной абхазке из Самурзакана по фамилии Заркуа (последние, по полевым материалам, исторически происходили из Дала и Цабала). В этой семье «дети разговаривали по-мегрельски и с акцентом – по-абхазски».

Известен послевоенный факт женитьбы мегрелоязычного абхаза по фамилии Твартвая (семья проживала на границе сс. Бедиа и Патрахуца) на девушке из с. Ачандара Гудаутского района по фамилии Дженя. У них в семье родились два сына и одна девочка. Дети под влиянием матери стали разговаривать на абхазском языке с бзыбским выговором. Впоследствии соседские дети также начали говорить с бзыбским акцентом.

Если до войны 1992–1993 гг. абхазо-мегрельские и мегрело-абхазские браки как в местах смешанного расселения абхазов и мегрелов в Галском районе, так и браки между абжуйцами и самурзаканскими мегрелами имели глубокую традицию, то после завершения военных действий эти брачные отношения прекратилась. Лишь жители этнически абхазских сёл Самурзакана (прежде всего это относится к сёлам *Агу-Бедиа и Первая Бедиа)*[974] *«*по-прежнему предпочитают брать в жёны мегрелок из *Гальской зоны»*[975]. При этом на большей части территории Агубедийской сельской администрации, за исключением северной зоны, прилегающей к Ткуарчалу, разговорным языком является мегрельский[976].

---

[974] Оба села (как и с. Бедиа), ныне входят в состав Ткуарчалского района Абхазии.

[975] Багапш Н. В. Этнодемографические процессы в Сухуме (конец XIX – начало XXI вв.)... С. 180.

[976] Там же. В настоящее время общее количество мегрело-грузинского населения проживающего в Абхазии, по официальным данным, следующее: В Галском районе проживает около 40 тыс. грузин, на остальной территории Абхазии живет еще около 15 тыс. мегрело-грузин, в основном, пожилых людей, у которых смешанные браки и родственники-абхазы.

В смешанных абхазо-мегрельских семьях знание детьми абхазского или мегрельского языков, как было отмечено, зависело от этнического окружения семьи. В связи с этим небезынтересно обратиться к этноязыковому состоянию упомянутого с. Адзюбжа накануне грузино-абхазской войны 1992–1993 гг. По данным администрации Адзюбжи на 1 января 1992 г., в этом селе насчитывалось 264 абхазских домохозяйств с населением 1200 человек; грузинских было 620 домохозяйств с населением 2232 человек[977]. Из имевшихся в Адзюбже девяти поселков, мегрело-грузинское население компактно было сосредоточено в трех поселках – Балане (в котором проживали и 2–3 абхазские семьи), Цкургиле, Ахалдабе (эти поселки были заселены мегрело-грузинскими иммигрантами в основном в 40–50-х гг. XX в.)[978]. В поселке Джобриа (Джубуриа) население было смешанным, абхазо-мегрельским, а у части мегрельских семей невестки были абхазками[979]: в поселке Адзюбжа основное население было абхазским[980]. Несмотря на значительное количество мегрело-гру-

[977] Русских домохозяйств в Адзюбже было 23 с населением 90 человек (Таблица демографической картины с. Адзюбжа. По данным администрации с. Адзюбжа на 1. 01. 1992 г.).

[978] В 1950-х гг. вместо одного Адзюбжского сельсовета было образовано три: Адзюбжский, Ахалбадский и Агараки («Дача»). До 1954 г. адзюбжские дети после окончания местной семилетней школы на грузинском языке переводились в Ахалдабскую грузинскую среднюю школу.

[979] Поскольку часть таких семей в пос. Джобриа (в которых в том числе и жены, и матери были абхазками) были двуязычными и были связаны с абхазами родственными узами, коренное население воспринимало их как абхазов. По свидетельству информантов, «мы только в 1989 г. (в период вооруженных столкновений между абхазами и грузинами 15–16 июля 1989 г. в Абхазии – **О. М.**), узнали, что они были в паспортах записаны грузинами». В период военных действий 1992–1993 гг. семьи мегрелов, поддержавшие грузинскую сторону, боясь возмездия, покинули Абхазию.

[980] Мегрелы со второй половины XIX в. проживали и в пос. Баглан. По свидетельству старожила Ясона Чочуа, в конце XIX или начале XX в., вследствие конфликтов между абхазами и мегрелами из-за земельных угодий и скотокрадства, до сорока мегрельских семей были выселены из Баглана,

зинского населения Адзюбжи, абхазы не смешивались с ними брачными связями, поэтому абхазские семьи с. Адзюбжа были преимущественно однонациональными, т. е. муж и жена были абхазами (в тех же семьях, где невестки были мегрелками, их приводили из Мегрелии). Так, в наиболее крупном грузинском поселке с. Адзюбжа – Ахалдабе, где до грузино-абхазской войны 1992–1993 гг., по данным бывших работников Адзюбжского сельсовета, насчитывалось 400 грузинских хозяйств, имелось всего две семьи грузин, в которых невестками были местные абхазки (одна из них по фамилии Адлейба из соседнего абхазского пос. Допуакыт)[981].

Мегрельские же девушки из мегрельских поселков Адзюбжи, которые выходили замуж за адзюбжских абхазов и проживали в том же мегрельском поселке, но работали с абхазами (например, в местной абхазской школе), знали абхазский, русский и родной мегрельский языки. Со своими соседями-мегрелами абхазы с. Адзюбжи общались на мегрельском и русском языках, а с грузинами – на русском языке.

Несколько иная языковая ситуация наблюдалась в центральной части с. Адзюбжа, в поселке с тем же названием Адзюбжа, в которой основная часть жителей была представлена абхазами, но разговорным языком в смешанной семье не всегда становился абхазский. В названном поселке встречались семьи, в

часть из которых затем осела на правом берегу р. Кодор (в Уарче). Конфликт на почве земельных отношений возник и при проведении советской земельной реформы. Об этом свидетельствует заявление 36 крестьян-грузин из поселка Цкургил от 20 апреля 1921 г., поданное в Наркомзем Абхазии (Куправа А. Э. Крестьянство Абхазии в годы восстановительного периода. – Сухуми, 1959. С. 59). При этом известны случай, когда мегрелы Адзюбжи меняли свои фамилии на абхазские, например: Тевзадзе – Теваз (Тевазба), Капанадзе – Капанба.

[981] В 1926 г. в с. Адзюбжа проживало 963 абхаза, 345 грузин и 321 мегрел (Всесоюзная перепись населения 1926 г., ЦСУ СССР. – М., 1929 г. Том XIV, с. 100–103. Цит. по: Лежава Г. П. Изменение классово-национальной структуры населения Абхазии... С. 18).

которых отцы были абхазами, а матери мегрелками (которые, как было отмечено, были взяты в абхазские семьи в основном в Западной Грузии, и единицы – из соседнего мегрельского с. Уарча), но дети не знали абхазского языка, и в семьях разговаривали на мегрельском языке. Однако в абхазском окружении дети впоследствии начинали понимать или даже частично разговоривать на абхазском языке. В том же селе были семьи, носившие одну фамилию, основная часть которых была записана в паспортах абхазами, другая – грузинами (где и отец и мать были мегрелами). Если в одной такой семье, где отец – абхаз, мать – мегрелка, дети в паспортах были отмечены как абхазы и абхазского языка не знали, то в другой семье с той же фамилией, где отец был абхазом, мать – мегрелкой, из пятерых детей двое старших сыновей хорошо владели абхазским, из остальных троих средний сын плохо говорил на абхазском, а дочери совсем не знали абхазского языка. Языком общения между этими абхазо-мегрельскими семьями-однофамильцами был мегрельский язык. Стоит отметить, что местом усвоения мегрельского языка для части гомогенных семей абхазов из пос. Ахыуаа и Допуакыт с. Адзюбжа, ранее не владевших мегрельским языком, был Кодорский лесозавод (леспромхоз), в котором они работали. Основную рабочую силу леспромхоза наряду с русскими составляли мегрелы (обе этнические группы на заводе были равными по численности) из окрестных сел. Руководящий состав в леспромхозе был представлен мегрелами.

В смешанных абхазо-грузинских (мегрельских) семьях проявлялись черты, присущие обеим национальностям. Сами женщины-неабхазки, выходившие замуж за абхазов, в большинстве случаев в течение года хорошо овладевали абхазским языком и усваивали абхазский национальный быт. «Жена или муж – мегрелы, – отмечал Ц. Н. Бжания на примере соседнем с Адзюбжей с. Атара (Атара-Абхазская), – быстро осваивают абхазский язык

и обычаи»[982]. Тот же автор писал, что в семье, где отец – грузин, а мать – абхазка, но семья находилась в абхазском этническом окружении, супруг-мегрел и «все его дети обабхазились»[983]. Кроме с. Атара-Абхазская, процесс языковой, частично и этнической, ассимиляции мегрело-грузинских семей абхазами в последней трети XX столетия наблюдался в сс. Мыку, Члоу, Кутол, Лыхны и других, где большую часть населения составляли абхазы. В этих селах, где абхазки были замужем за грузинами, дети были записаны по национальности матери. Аналогичную картину можно было наблюдать в семьях, где муж, например, русский или турок, а жена – абхазка[984]. В тех же селах Абхазии, где грузины составляли абсолютное большинство, наблюдалась обратная картина.

В разноэтнических семьях, в которых отец – грузин, а мать – абхазка, выбор детьми этнической принадлежности матери, по имеющимся данным, можно было наблюдать и после окончания грузино-абхазской войны 1992–1993 гг. В этой связи исследователи отмечают, что после завершения военных действий, когда Абхазию покинула большая часть грузинского населения, многие молодые люди из смешанных семей, у которых отцы – этнические грузины, а матери – абхазки, «предпочитают выбирать негрузинскую национальность» и что «практика выбора негрузинской национальности... во многом вынужденная, получила довольно широкое распространение в послевоенной

---

[982] Бжания Ц. Н. Из истории хозяйства и культуры абхазов... С. 236.

[983] Там же. Причину заключения мужчинами с. Атара-Абхазская (большинство населения которой составляют представители фамилии Квициниа) смешанных браков с представителями других национальностей Ц. Н. Бжания объяснял брачными ограничениями (экзогамией), «действующими как в пределах фамилии, так и в пределах села» (Бжания Ц. Н. Из истории хозяйства и культуры абхазов... С. 236).

[984] Бигвава В. Л. Современная сельская семья у абхазов. – Тбилиси, 1983. С. 63.

Абхазии»[985]. Однако не всегда следует увязывать с изменениями этнополитической ситуации в Абхазии (в том числе в Гудаутском районе) выбор национальной принадлежности матери-абхазки молодыми людьми из межэтнических семей с отцом-грузином. В том же Гудаутском районе известны случаи, когда молодые люди, у которых отцы – грузины, а матери – абхазки, не поменяли своей этнической принадлежности и записались в паспортах грузинами.

Как следует из вышеизложенного материала, большинство межэтнических мегрело-абхазских браков приводило к существенным изменениям прежде всего в пределах отдельно взятой семьи: обычно прерывалась линия этнического развития одного из супругов. Если такие браки становились традицией, то через несколько поколений менялся этнический облик значительной по численности группы этноса, как это произошло с самурзаканской этнографической группой абхазского народа.

Проведенные этнодемографические исследования позволяют рассмотреть вопрос межэтнической брачности абхазов в конце XX – начале XXI вв. и в Гудаутском районе Абхазии[986]. Регион был затронут грузинской ассимиляционной политикой в меньшей степени, чем населенные территории Юго-Восточной и Центральной Абхазии, хотя процесс переселения мегрело-грузин и в этот регион продолжался с разной степенью интенсивности вплоть до 1990-х гг.

По данным похозяйственных книг 1960–1980-х гг., в сельской местности Гудаутского района было зафиксировано в общей сложности 482 этнически смешанных брачных союза, из

[985] См.: Багапш Н. В. Этнодемографические процессы в Гудауте (конец XIX – начало XXI вв.). – Сухум, 2019. С. 291, 313.

[986] Результаты этих исследований отражены в работах: Багапш Н. В. Этнодемографические процессы в Гудауте (конец XIX – начало XXI вв.). – Сухум, 2019; Хашба А. Ш. Состояние межэтнической брачности населения Абхазии в 1960–2000 годы // ACTA HISTORICA: труды по историческим и общественным наукам. 2021. Т. 4. № 2.

которых 240 (49,8 %) приходилось на браки абхазов с представителями других народов и 242 (50,2 %) – на смешанные браки, в которых ни один из супругов не являлся этническим абхазом. Среди смешанных браков абхазов с представителями других этносов (240) более половины составляли абхазо-восточнославянские союзы – 132 (55,0 %), в том числе 117 абхазо-русских, 13 абхазо-украинских и 2 абхазо-белорусских. На втором месте были абхазо-картвельские браки – 77 (32,1 %) случаев. Третью позицию делили смешанные абхазо-армянские и абхазо-северокавказские союзы – по 8 (3,3 %) случаев. Среди последних было отмечено 4 абхазо-адыгских, 2 абхазо-лезгинских, а также по 1 абхазо-абазинскому и абхазо-осетинскому брачному союзу. Помимо этого, имелось 5 (2,1 %) абхазо-греческих, 3 (1,3 %) абхазо-турецких, 2 (0,8 %) абхазо-персидских и по 1 (0,4 %) абхазо-болгарскому, абхазо-молдавскому, абхазо-немецкому, абхазо-польскому и абхазо-туркменскому браку[987].

Единственным населенным пунктом в Гудаутском районе, который к 1950 г. стал селом с преобладающим мегрело-грузинским населением в результате организованного переселения в Абхазию западногрузинских крестьян, являлась Хыпста (до 1996 г. официально называвшееся Ахалсопели). Похозяйственными книгами 60-х – 80-х гг. XX в. в нем было зафиксировано 18 этнически смешанных абхазо-грузинских браков (в том же селе еще было 5 абхазо-русских, 2 абхазо-украинских и по 1 абхазо-немецкому и абхазо-туркменскому смешанному браку)[988]. В 1961–1966 гг. в соседнем с. Мгудзырхуа имелось 7 межнациональных семейных пар. Из них одна супружеская пара была русско-абхазской и одна – абхазо-русской (два брака в этом селе были грузино-русскими и по одному – греко-рус-

[987] Багапш Н. В. Этнодемографические процессы в Гудауте... С. 301.

[988] Багапш Н. В. Этнодемографические процессы в Гудауте... С. 90–91; Хашба А. Ш. Состояние межэтнической брачности населения Абхазии в 1960–2000 годы... С. 39.

ским, татаро-русским и армяно-русским)[989]. В 1971–1973 гг. в этом селе было отмечено 9 этнически смешанных абхазо-русских брачных союза (а также по одному – абхазо-грузинскому и абхазо-осетинскому)[990].

В остальных селах района наибольшее количество браков абхазов с представителями других народов было зафиксировано: 1) в с. Лыхны, где 1969–1973 гг. было 42 абхазо-русские пары, 10 абхазо-грузинских, 8 грузино-абхазских, 4 русско-абхазских смешанных пар[991]; 2) в с. Калдахуара в 1973–1975 гг. было учтено 9 абхазо-грузинских и 7 абхазо-русских смешанных пар[992]; 3) в с. Ачандара на 1966 г. было зафиксировано 9 абхазо-русских, 5 грузино-абхазских (а также 1 абхазо-грузинский) межнациональных браков[993]. В 1971–1973 гг. в Ачандаре было 6 абхазо-русских (по другим данным, 4 абхазо-русских пар), 4 грузино-абхазских (по другим сведениям – 3 абхазо-грузинских пар). Проживавшие в Ачандаре в тот период 10 чел. грузинской этнической принадлежности были женаты на местных абхазках, тогда как в других абхазских селах этого района некомпактное грузинское население было представлено в основном женщинами, состоящими в браке с местными абхазами[994].

В с. Аацы в 1964–1966 гг. имелось 7 абхазо-русских (и 1 грузино-абхазская) смешанных пар. В 1985 г. в Аацы сохранялось 4 абхазо-русских семьи[995].

---

[989] Хашба А. Ш. Указ. раб. С. 43.

[990] Багапш Н. В. Этнодемографические процессы в Гудауте... С. 103.

[991] Хашба А. Ш. Указ. раб. С. 41.

[992] Хашба А. Ш. Состояние межэтнической брачности населения... С. 41.

[993] Там же. С. 43. Для сравнения: в районном центре – г. Гудаута в тот же период абхазами было заключено 16 этнически смешанных браков (Цит. по: Хашба А. Ш. Этнодемографические процессы современной Абхазии (конец XX – начало XXI вв.). – Сухум, 2023. С. 87).

[994] Багапш Н. В. Этнодемографические процессы в Гудауте... С. 100–101.

[995] Хашба А. Ш. Состояние межэтнической брачности населения... С. 42–43.

В целом статистические данные позднесоветского периода по межнациональным бракам в Гудаутском районе свидетельствуют, что проводимые сюда переселения западногрузинских крестьян отражены на количестве смешанных браков[996]. И хотя во всех сельских населенных пунктах этого района того периода имелись этнически смешанные брачные союзы абхазов с представителями других народов, в общем количестве браков, заключенных абхазами, они составляли меньшую долю. Примечательно и то, что смешанные абхазо-картвельские браки в советский период имели и «элитарное» значение: наличие грузинской жены было необходимо для будущего профессионального успеха абхаза в пределах своей республики.

С конца XX начала XXI вв., по материалам архивов ЗАГСа, произошли изменения в соотношении численности абхазов-мужчин и женщин-абхазок, вступавших в межнациональные браки. Так, с 1994 по 2009 год мужчины и женщины абхазы с невестой и женихом своей национальности заключили 5148 браков (77,6 %). В межэтнический брак вступили 1489 (22,4 %) мужчин-абхазов, 752 (12,8 %) женщины-абхазки[997]. У абхазских женщин приоритет имеют однонациональные браки. Высказано мнение, что отрицательное отношение абхазских девушек к межнациональным бракам во многом объясняется традиционным предпочтением вступать в брак с представителем своей национальности и желанием, чтобы мужчины также создавали мононациональные семьи, тогда как абхазские мужины чаще готовы вступить в межэтнический брак[998]. Не последнее место в том, что абхазские девушки реже вступают в межэтнический брак должна занимать и специфика семейного воспитания, ког-

---

[996] Там же. С. 45.

[997] Хашба А. Ш. Этнодемографические процессы современной Абхазии (конец XX – начало XXI вв. ... С. 85.

[998] Хашба А. Ш. Состояние межэтнической брачности населения Абхазии... С. 47.

да по традиции абхазки, как и дети женского пола у других народов Кавказа, воспитываются в строгости и им прививаются консервативные взгляды на создание семьи.

Наши материалы показывают, что если в позднесоветские годы в основном в абжуйской части Абхазии существовали смешанные мегрело-абхазские семьи, то бзыбские абхазы заключали браки главным образом с представителями восточнославянских народов – русскими и украинцами. По данным Ц. Н. Бжания, значительный процент смешанных браков между абхазами и русскими в абжуйской части страны в позднесоветский период составляли в с. Атара (Атара-Абхазская). В смешанных абхазо-русских семьях наблюдалось «взаимопроникновение культур: усвоение местных обычаев, языка, психологии супругом русским, а супругом-абхазом – более основательное и глубокое освоение русских языка и культуры»[999]. Автор также подчеркивал, что при браках между абхазами и русскими в с. Атара-Абхазская, русские в основном являлись женами, тогда как мужья-русские были редким явлением[1000]. Браки с русскими объяснялись тем, что мужчины, «будучи в армии, на учебе, приезжая домой, часто привозят с собой русских жен»[1001]. Надо сказать, что в абхазских семьях к русским невесткам относились заботливо, защищали их и жалели из-за того, что они в первое время после своего замужества не знали абхазского языка.

С окончанием грузино-абхазской войны 1992–1993 гг. и в последующие годы в городах и этнически смешанных сёлах (Ачадара, Арсаул, Гумста, Эшыра и др.*)* стали расти абхазо-армянские браки, которых в советское время было очень мало. Ц. Н. Бжания

---

[999] Бжания Ц. Н. Из истории хозяйства и культуры абхазов... С. 237.

[1000] Там же. После грузино-абхазской войны 1992–1993 гг. на территории соседнего с Атарой (Атара-Абхазской) с. *Атары-Армянской* (покинутой в период военных действий большинством жителей-армян), с 2009 г. начали селиться семьи переселенцев («экопоселенцев») из России. К 2015 г. они составляли уже бóльшую часть населения этого села.

[1001] Бжания Ц. Н. Из истории хозяйства и культуры абхазов... С. 237.

писал о межэтнических браках абхазов с армянами, что атарцами «заключаются, правда, в меньшей степени, чем с грузинами, браки и с армянами. И здесь большей частью наблюдается более или менее быстрое усвоение местного (абхазского – **О. М.**) языка и обычаев»[1002]. Вместе с тем для армян, как известно, даже в большей степени, чем для абхазов, характерны мононациональные браки (95,9 %): если семья все же национально смешанная, она большей частью русско-армянская или армяно-русская. Несмотря на малочисленность абхазо-армянских браков в советское время, они занимали уверенную третью позицию после браков с картвелами и восточными славянами[1003] (в отношении последних отметим, что только за первый квартал 2024 г. из 38 смешанных браков в Абхазии, абхазы заключили 13 браков с русскими женщинами)[1004]. В ближайшем будущем армяно-абхазские брачные союзы (с одной стороны, ведущие к укреплению позиции армян в Абхазии, а с другой – позволяющие избегать межобщинной напряжённости), очевидно, будут увеличиваться. Абхазские демографы также отмечают, что из-за этнодемографических изменений, вызванных войной 1992–1993 гг., и фактического прекращения практики заключения браков между абхазами и мегрелами, доля абхазо-армянских брачных союзов в послевоенный период продолжает возрастать[1005]. Нужно также иметь в виду, что армянская община после грузино-абхазской войны 1992–1993 гг. стала первой по величине этнической группой в Гулрыпшском районе и второй в республике после абхазов.

Сведения о межэтнических браках, почерпнутые из «Книги регистрации актов о браке Гулрыпшского района» с 2000

[1002] Там же. С. 236.

[1003] Багапш Н. В. Этнодемографические процессы в Гудауте... С. 297, 302.

[1004] За тот же период по одной абхазке вышли замуж за азербайджанца, русского, осетина, грузина (мегрела) (Информация о регистрации браков на территории Абхазии за первый квартал 2024 г. // Государственная миграционная служба РА. 13 мая 2024 г.)

[1005] Багапш Н. В. Этнодемографические процессы в Гудауте... С. 297–298.

по 2023 гг. показывают, что за указанный период абхазами было заключено 373 межнациональных брака[1006]. Из них с русскими женщинами заключено 112 браков: за это же время за русских мужчин вышло замуж 54 абхазки; на армянках женились 24 абхаза, за армян вышло замуж 29 абхазок; на грузинках женились 45 абхазов, число абхазок, вышедших замуж за грузин, –18 (отметим, что за последние годы имеет место приводы в жены абхазами, в частности бзыбцами, мегрельских девушек и из Галского района). За то же время одиннадцать браков заключено с турчанками, шесть – с украинками, четыре – с осетинками, с гречанками, еврейками, а также браки с немкой, чеченкой, ногайкой, туркменкой, кыргызкой, филиппинкой и т. д. Зарегистрированы три брака абхазских девушек с мужчинами греческой национальности и мужчинами-адыгейцами, два брака с черкесами и татарами. Браки также заключены с американцем, немцем, египтянином, осетином, литовцем, турком, лазом, молдаванином, таджиком и аварцем[1007].

В общем, как было сказано, в результате грузино-абхазской войны (и последовавшим за ней исходом большей части мегрело-грузинского населения в исторические места их обитания) были сведены к минимуму брачные отношения абхазов с мегрелами[1008]. В настоящее время, когда более частыми стали браки абхазов с армянами и русскими, в сочетании с тем обстоятельством, что многие молодые абхазы уезжают на работу и на учебу в Российскую Федерацию, а также стремятся по возможности уехать из сел и обосноваться в городах Абхазии (Сухум, Га-

[1006] Книга регистрации актов о браке Гулрыпшского района за 2000–2023 гг. // Архив Гулрыпшского ЗАГСа.

[1007] Там же.

[1008] Нужно сказать, что в связи с этнополитическими конфликтами в Южной Осетии с 1989 г. и в Северной Осетии в 1992 г. также стали реже, а то и вовсе перестали заключаться осетино-грузинские в Южной Осетии и в Северной – осетино-ингушские браки.

гра, Новый Афон и др.), значительно повышается роль русского языка в обществе[1009].

В целом же межэтнические браки в XIX – первой половине XX в., в особенности абхазо-мегрельские браки, сыграли значительную роль в развитии двуязычия, а в последствии – в поглощении абхазского языка мегрельским в Самурзакане. С учетом этих факторов абхазы опасаются ассимиляции и крепнет уверенность в том, что создавать семью жизненно необходимо с супругами из своего народа (у многих древних народов с детства принято прививать чувство национальной принадлежности и национального самосохранения). Исследователи признают вполне очевидный факт, что смешанные семьи способствуют упадку этничности. Не случайно и то, что многие народы, в том числе кавказские (в частности, осетины), для сохранения культурной самобытности и создания более прочных семьей традиционно устанавливают брачные союзы только с представителями своего народа. Наши опросы информаторов показали, что, несмотря на существующее в этническом сознании абхазов толерантное отношение к межнациональному браку (по результатам опроса, проведенного в 2020 г. в г. Сухуме, 20,5 % абхазов положительно относится к межэтническим бракам, 18,0 % – отрицательно и 30,2 % – нейтрально)[1010], в общественном мнении превалирует необходимость учитывать этническую принадлежность при выборе брачного партнера, особенно если это касается дочери. Дополнительным доводом в пользу мононациональных браков для малочисленного абхазского народа является то, что в смешанных семьях детям чаще всего значительно сложнее бывает

[1009] Соловьева Л. Т. Семейные и фамильные традиции в современной Абхазии // Современная сельская Абхазия... С. 179.

[1010] Хашба А. Ш. Состояние межэтнической брачности населения Абхазии в 1960–2000 годы... С. 46. Стоит отметить, что после завершения грузино-абхазской войны 1992–1993 гг. редко, но случались самоубийства на почве отказа родителей сыну в женитьбе на представительнице неабхазской национальности.

овладеть родным языком, выступающим в эпоху информационной глобализации основной средой определения, сохранения и передачи социального опыта и этнических особенностей народа[1011]. Но в любом случае, по мнению зав. органа ЗАГСа г. Сухума А. Х. Джопуа, «практика запрета со стороны родителей на свободный выбор молодых людей ни к чему хорошему привести не может»[1012]. Традиционно же в абхазском обществе из предполагаемых и допустимых межэтнических союзов предпочтение отдавалось бракам с представителями зарубежной диаспоры и народов абхазо-адыгской языковой группы[1013]. Старожилы также считают, что из национально-смешанных браков наиболее благоприятны те, в которых супруги принадлежат к близкородственным народам. Абхазский исследуемый материал подтверждает научную точку зрения о том, что в межэтнические браки в основном вступают представители народов, близких по особенностям культуры и быта [1014]. В настоящее время, как показывают наши материалы, даже у живущих в городской среде абхазов наиболее желательными считаются браки с же-

[1011] Михайлова М. А. Этнокультурная идентичность в условиях культурной глобализации // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. Вып. 14. С. 194.

[1012] Газ. «Эхо Кавказа». 9 августа 2015 г.

[1013] Нужно отметить и то, что среди браков, заключенных между абхазами, проживающими в России, и представителями народов Северного Кавказа, абсолютно преобладают союзы с абазинами, адыгами и осетинами (Багапш Н. В. Этнодемографические процессы в Гудауте... С. 293). При этом и более многочисленные народы предпочитают браки с представителями близких им по культуре и языку народами. Так, результаты исследований Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) за 2002 и 2010 гг. показали, что россияне склонны одобрить вступление в брак своего близкого родственника (родственницы) или иного члена семьи с представителем славянских или европейских национальностей. Скорее отторжение вызывает гипотетический брак с кавказцами или арабами (Хачатрян Л. А., Чадова А. А. Межнациональная семья в современном российском обществе // Вестник Пермского университета. 2016. Вып. 1 (25). С. 127–135).

[1014] Волков А. Г. Семья глазами демографа. – М., 1989. С. 84.

нихом или невестой своей этнической принадлежности[1015]. При этом и многие представители древних этносов по настоящее время считают, что заключение браков с представителями своего этноса обязательно для сохранения этнической самобытности и национальных особенностей, в то время как в межнациональных семьях значительно реже встречаются случаи мирного сосуществования разных этнических культур[1016]. Абхазы также придерживаются мнения, что посредством заключения однонациональных браков могут в полном объеме передаваться новым поколениям и сохранения ими специфичные черты традиционной культуры и обычаев своего народа.

Из традиционной семейно-общественной обрядности

Одними из основных категорий жизненных ценностей и ориентиров в поведении людей являются традиционные представления о смерти как закономерного перехода человека в иную форму существования. Вера в возможность существования человека (души) после смерти в загробном мире определила появление специального ритуального комплекса. Погребальная обрядность имела основной целью обеспечение благополучного перехода умершего в иной мир, а также сохранения «равновесия» между миром живых и миром мертвых.

У абхазов с момента смерти члены семьи покойного не заняты ничем, кроме как его оплакиванием. Согласно приводимым Л. Х. Акаба сведениям, когда заканчиваются первые приготов-

---

[1015] Аналогичные результаты были получены исследователями в позднесоветское время, в ходе изучения особенностей брачных предпочтений абхазов. Анализируя феномен абхазского долгожительства, абхазские и российские этнографы пришли к выводу о «предпочительном отношении абхазов к бракам внутри своей национальности» (Абхазское долгожительство... С. 79).

[1016] См.: Малкова А. А. Этническая идентификация у женщин, состоящих в межэтническом браке // Вестник ЮУрГУ. 2017. Т. 10. № 4. 83–93.

ления к оплакиванию покойного, крик сменяется причитаниями[1017] (по-абх. *амыткэма*, ср. с груз. «моткма»)[1018]. Причитания, являясь обязательными на похоронах, в первую очередь обращены к покойнику, так как считается, что он слышит обращенные к нему плачи. В культуре многих народов мира причитания служат способом коммуникации с миром мертвых. С. М. Толстая, считая недостаточным объяснение похоронно-поминальных причитаний только как обычного выражения горя при прощании с близким, не без основания видит в этом явлении способ контакта «между земным человеческим миром и потусторонним миром предков»[1019] с целью обеспечения покойнику успешного перехода в «мир иной». Данная прагматика похоронно-поминальных причитаний – упорядочения связей между мирами, ограждения живых от потенциально опасного воздействия мертвых через задобривание последних – характерна и для традиционной культуры абхазов. Никто не учился причитанию намеренно. Происходило пассивное освоение этой специфической вербальной формы поведения: слушая с детских лет похоронные причитания, женщины запоминали их детали, образы, обороты речи и впоследствии использовали их, когда приходилось оплакивать умершего. Некоторые женщины, обладающие поэтическим даром импровизации, становились профессиональными плакальщицами, которых приглашали плакать от имени родственников покойного[1020]. При этом известно, что у многих народов существовали наемные плакальщицы. То есть «человек, который сам не умел должным образом оплакать

[1017] Акаба Л. Х. Абхазы Очамчирского района // КЭС. – М., 1955. Т. I. С. 96.

[1018] Гублиа Р. К. Очерки по абхазской этимологии... С. 55.

[1019] Толстая С. М. Обрядовое голошение: семантика, лексика, прагматика // Мир звучащий и молчащий: Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян. – М., 1999. С. 135.

[1020] См.: Чичеров В. И. Русское народное творчество. – М., 1959. С. 397; Русские. Народы и культуры. – М., 1999. С. 519.

покойного, нанимал «специалистов». Эта традиция дожила в России до начала нашего века[1021]. Обычай нанимать искусных плакальщиц, услуги которых стоили довольно дорого, еще несколько десятилетий назад существовал, например, и в Западной Грузии (в Гурии человек, который не мог по каким-то причинам поехать на похороны, платил плакальщику, который отправлялся оплакивать покойника; так же поступают некоторые гурийцы и сегодня)[1022]. У отдельных народов (в Южном Дагестане, на равнине) за определенную плату также приглашались специальные плакальщицы[1023].

У абхазов, по свидетельству Н. С. Джанашиа, «нет института наемных плакальщиц», так как «все они замечательные плакальщицы»[1024]. В то же время услугами плакальщиц можно было воспользоваться. По нашим полевым этнографическим материалам, если поблизости, где умер покойник, не было плакальщиц, то абхазы приглашали их из дальних сел. У народов Северного Кавказа также имелись профессиональные плакальщицы или певцы-сказители, исполнявшие похоронные песни-импровизации, в которых воспевались достоинства покойного и скорбь его близких (институт профессиональных плакальщиц сохранился, в частности, и у осетин).

В традиционно-бытовой культуре абхазов и вообще народов Кавказа всегда были сильны обычаи взаимопомощи, поэтому

[1021] См.: Байбурин А. К., Топорков А. Л. У истоков этикета. Этнографические очерки. – Ленинград, 1990. С. 96–97.

[1022] См.: Традиции последнего пути // «Эхо Кавказа». 25 марта 2016 г.

[1023] См.: Мусаева М. К. Похоронно-поминальная обрядность народов Дагестана в современных городских условиях // Журн. «История, археология и этнография Кавказа». № 4 (52). Махачкала. 2017. С. 115–124. Услугами платных плакальщиков пользовались древние греки и римляне, и так же до последнего времени поступали китайцы, эфиопы, уэльсцы, ирландцы, корсиканцы, евреи и др. Имеются сведения о существовании наемных плакальщиков даже у аборигенных народов (индейцев) Северной Америки и Восточной Боливии.

[1024] Джанашиа Н.С. Статьи по этнографии…С. 79.

соседи по первому же зову собирались в доме семьи, которую постигло несчастье, и, пока не похоронят человека, оказывали безвозмездную помощь. Одним из таких обычаев взаимопомощи являлся институт горевестника. Наиболее ранние следы института горевестника у абхазов встречаются в древнейших пластах устного народного творчества, в первую очередь, в героическом Нартском эпосе абхазов[1025]. По обычаю, вестник смерти у абхазов, адыгов, осетин, ингушей, чеченцев и других народов Кавказа садился на коня и спешивался с правой стороны (а не с левой), держал плеть (камчу) в левой руке[1026] (а не в правой, как это обычно было принято), а поводья в правой[1027]. В отличие от обычного всадника, горевестник не завязывал и хвост лошади так, как это было принято делать, отправляясь на свадьбу. Он не должен по обычаю ни приветствовать встречных, ни даже отвечать на их приветствия, а если же приходилось отвечать, то очень негромко, вполголоса или просто одним бессловесным кивком головы[1028] (у адыгов горевестник выполнял траурные приветствия левой рукой)[1029]. Горевестник у абхазов не имел при себе

[1025] См.: Авидзба В. В. Трансформация института горевестника в традиционном абхазском обществе // Наука и образование: актуальные вопросы, достижения и инновации. Материалы Международной научной конференции. 28 июня 2018 г. – М., 2018. С. 27.

[1026] Об этом обычае у народов Северного Кавказа см. напр.: Калоев Б. А. Осетины. Историко-этнографическое исследование... С. 225; Харсиев Б. М.-Г. Обычаи семьи и семейного быта горцев Кавказа с конца XIX до середины XX века. – Магас, 2015. С. 53. Если сообщить родственникам о смерти посылали двух всадников, то они, согласно обычаю, не отправлялись в путь вместе.

[1027] Об этом обычае у адыгов см. напр.: Мафедзев С. Х. Символика в коммуникативном поведении адыгов // Национальная культура и общение. – М., 1977. С. 54.

[1028] Инал-ипа Ш. Д. Очерки об абхазском этикете... С. 136. Абхазы не приветствовали и не отвечали на приветствия друг друга и по пути на похороны или поминки, а также в доме, где находился покойник.

[1029] Шенкао М. А. Основы философской танатологии. – Черкесск, 2002. С. 52.

оружия, и уже по этому одному все догадывались, какую весть несет такой путник[1030]. У карачаевцев вестник смерти также держал плеть в левой руке, не скакал по селению, со встречными не здоровался. Не слезая с лошади и не приветствуя собравшихся, он объявлял печальную весть[1031]. У мегрелов горевестник нес оружие или что-нибудь из одежды покойного. Раньше, по свидетельству С. Макалатия, у горевестника на спине висел мешок, в руке он держал посуду, собирал фасоль[1032]. У абхазов функции вестников в случае смерти выполняли молодые мужчины (арпыс) в возрасте 18–20 лет до женитьбы. О мужчине, посылаемом с вестью, говорили: «Он подобен Ажвейпшаа», – т. е. богу охоты[1033]. Заслуживает в этой связи внимания утверждение Я. В. Чеснова о том, что у абхазов есть не только охотничий «лесной язык», но и «траурный, в котором в соответствующей ситуации запрещено произносить некоторые слова»[1034]. Эти данные

[1030] Чурсин Г. Ф. Абхазы. Опыт этнологического исследования. – Сухум, 2019. С. 239.

[1031] См.: Болурова А. Н. Традиционные похоронные обряды карачаевцев // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2015. № 3 (53): в 3-х ч. Ч. III. С. 18–21.

[1032] Макалатия С. История и этнография Мегрелии... С. 282–283.

[1033] Маан О. В. Социализация личности в традиционно-бытовой культуре абхазов (вторая половина XX – начало XX вв.). – Сухум, 2003. С. 37. И позднее миссию горевестника у абхазов исполнял юноша старше двадцати лет. Для оповещения дальних родственников преимущественно посылали более опытного человека. В 1950-х гг. родственников и друзей, живших более или менее далеко, гонцы оповещали телеграммами. Еще несколько лет назад горевестническую службу в основном несла АГТРК (Абхазская Государственная телерадиокомпания). В настоящее время, в связи с тем, что слух о смерти человека распространяется благодаря современным средствам коммуникации (сотовые телефоны, интернет, соцсети), институт горевестника, в его ранее существовавшем традиционном виде, отошел на второй план, а затем и совсем изжил себя (Об этом см. также: Авидзба В. В. Трансформация института горевестника в традиционном абхазском обществе... С. 31).

[1034] В частности, нельзя произнести слово «собака», его нужно заменить

согласуются со следующими словами А. К. Байбурина и А. Л. Топоркова: похоронный обряд строится таким образом, чтобы всеми способами «отгородиться от смерти, не замечать ее. Даже сами слова «покойник», «похороны», «смерть» и т. п. старались не использовать. Вместо них существовала тщательно разработанная система метафорических замен»[1035].

В случае смерти близкого человека на похоронах у абхазов могли присутствовать подростки 8–10 лет. Но при похоронах соседа, нахождение там подростков-соседей не было принято. Другими словами, детей у абхазов всевозможными мерами устраняют от участия в погребальной обрядности, и в то же время она оказывается пронизанной духом участия. Это участие мало ритуализировано, что сближает погребальную обрядность абхазов с грузинской и отличает от обрядности мусульманских народов Северного Кавказа[1036].

Первые три дня в доме покойного абхазы гасили огонь в очаге и не разводили его даже в самые морозные дни (этот траурный ритуал связывает душу умершего с домашним очагом и его огнем)[1037]. Соответственно, в этом доме не готовили пищу и не потребляли ее. Также поступали и мусульманские народы Северного Кавказа, и эти обычаи относятся к доисламским верованиям. Прибывших издалека кормили близживущие родственники и соседи[1038].

на слово «охотник» (См.: Чеснов Я. В. Молодые мужчины в традиционном абхазском обществе. // Газ. «Алашара». Вестник Московского общества абхазской культуры «Нартаа». Январь 1991 г. С. 3).

[1035] Байбурин А. К., Топорков А. Л. У истоков этикета. Этнографические очерки... С. 96.

[1036] Чеснов Я. В. Молодые мужчины в традиционном абхазском обществе... С. 3.

[1037] См.: Лакунова Д. Р., Тайсаев Д. М. Погребальная практика как отражение культурных кодов абхазо-адыгов // Успехи современной науки. 2016. № 9. Том 5. С. 51.

[1038] Харсиев Б. М.-Г. Обычаи семьи и семейного быта горцев Кавказа с конца XIX до середины XX века... С. 53

Ритуально обязательными формами проявления горя уже в древности становятся самоистязания. Они являлись не просто естественными, спонтанными формами выражения эмоций, но и освященными традицией стереотипами поведения. В многочисленных описаниях похоронных обрядов разных народов неизменно встречается одна и та же картина: родные и близкие покойного рвут на себе волосы, одежду, царапают ногтями лицо, бьются головой о стены дома, громко плачут и т. п. Идентичные факты по отношению к абхазам (и мегрелам) приводит и Арк. Ламберти в XVII в.: родные и близкие устраивая плач, царапали себе лицо, рвали волосы (в настоящее время у абхазов царапают лицо только пожилые женщины, а волосы и вовсе не распускают)[1039]. Практически аналогичная картина зафиксирована у абхазов два века спустя. А. К. Байбурин и А. Л. Топорков приводят описание Ф. Ф. Торнау в середине 30-х гг. XIX в. похорон у абхазов: «Особенно тяжелое впечатление на него (Торнау – **О. М.**) произвели женщины, которые били себя в грудь, вырывали волосы, бились о гроб головой[1040].

В абхазском быту зафиксирована еще одна форма поминального самоистязания, являвшаяся по существу членовредительством. Так, сыновья абжуйского удельного князя Алибея (Александра) Чачба (Шервашидзе) по смерти последнего отрезали у себя по уху и положили в гроб отца. Эта норма, дожившая в Абхазии, как видим, до середины XIX в., без сомнения, является реликтом неких древнейших обрядовых обыкновений, напоминая характерные детали скифских похоронных обычаев. Говоря об обычаях, связанных с похоронами скифского царя, «отец истории» Геродот рассказывает, что скифы при этом отрезали

[1039] См.: Зельницкая (Шларба) Р. Ш. Влияние трансформации абхазского общества в XX в. на изменения в похоронно-поминальной обрядности в современной Абхазии // Религиоведение. 2013. № 4. С. 157–163.

[1040] Байбурин А. К., Топорков А. Л. У истоков этикета... С. 96.

себе часть уха, обстригали кругом волосы, расцарапывали лоб и нос и т. д.[1041].

Самоистязания присутствали в похоронной обрядности других народов Кавказа. Сходным образом вели себя хевсуры, черкесы (адыги), причем не только женщины, но и мужчины»[1042]. По сообщению Хан Гирея, у адыгов «женщины бьют себя в грудь и щиплют себе лицо; мужчины царапают себе лоб до крови, и синие пятна от ударов по телу остаются у них на долгое время, даже нередко бывают жестокие раны на изувеченных местах»[1043]. Такие формы проявления горя, особенно прослеживавшиеся среди женщин, всячески осуждались представителями мусульманского культа[1044], но в данном случае доисламские традиции оказывались сильнее предписаний ислама. По другому древнему обычаю адыгов, друзьям было необходимо расца-

---

[1041] Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1947. № 2. С. 271; Шелов Д. Б. Античный мир в Северном Причерноморье. – М., 1956. С. 9, 112. Самоистязания во время траура существовали, как известно, у многих народов (евреев, арабов, греков, ассирийцев, среди индейских племен Северной Америки, у первобытных обитателей Австралии и т. д.). Так, арабские женщины во время траура срывали с себя верхнее платье, царапали себе ногтями грудь и лицо, били себя обувью и обрезали свои волосы. В Древней Греции женщины, оплакивавшие близких родственников, срезали свои волосы и царапали себе ногтями до крови лицо, а иногда и шею. Женщины Ассирии и Армении в древности также расцарапывали себе щеки в знак печали, как о том свидетельствует Ксенофонт. Широко распространенные обычаи самоистязания и остригания волос по случаю чьей-либо смерти первоначально имели целью удовлетворить дух умершего или оказать ему какую-то услугу. Другими словами, соблюдение этих обычаев предполагало умилостивление, иначе говоря, культ умерших (Фрэзер Дж. Фольклор в Ветхом завете. – М., 1986. С. 511).

[1042] Там же.

[1043] Султан Хан-Гирей. Избранные труды и документы. – Майкоп, 2009. С. 441–442.

[1044] Болурова А. Н. Традиционные похоронные обряды карачаевцев // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение... С. 18–21.

рапать себе лицо в память о том, кто умер, и держать траур до тех пор, пока раны не заживут; этот обычай у адыгов исчез только в 60-х гг. XX в.

Другим знаком выражения скорби во время похорон являлось частичное обнажение. По этому обычаю оплакивание у абхазов, адыгов, мегрелов[1045] и др. полагалось совершать босыми. В таком же виде родственники шли за гробом на кладбище[1046].

Что касается обычая оплакивания покойного вне зависимости от времени года босыми, то он у абхазов и мегрелов к концу XIX в. почти исчез. Тем не менее снятие обуви при оплакивании особо близкого человека наблюдалось в Абхазии еще в 1970-х гг.[1047]. Произошли и другие существенные изменения: в настоящее время распускание волос исчезло, а царапание лица осталось уделом лишь пожилых женщин[1048].

Поведение близких покойного во время похорон и в период траура регулировалось определенными социально-этическими нормами. Наиболее показательны в этом смысле публичные реакции отца, потерявшего сына. Демонстративная холодность

[1045] Ламберти Арк. Описание Колхиды... С. 69–70. См. также: Макалатия С. История и этнография Мегрелии... С. 282; Нальчикова Е. А. Риторика скорби в культуре адыгов: гендерный аспект // Вестник ДНЦ РАН. 2008. С. 47–52.

[1046] Ламберти Арк. Описание Колхиды... С. 69–70; Макалатия С. История и этнография Мегрелии... С. 282. «Вся похоронная процессия, – писал об абхазах, например, С. С. Анисимов, – должна идти к могиле босиком» (Анисимов С. С. Кавказский край... С. 338, 456).

[1047] Объясняя этот обычай, Г. Ф. Чурсин писал: «Обувь для многих народов – приобретение сравнительно недавнее. Богам же и духам это новшество не по вкусу, и кто захотел бы порадовать их любезной их сердцу стариной, тот должен снять с себя обувь и предстать перед ними с босыми ногами» (Чурсин Г. Ф. Очерки по этнологии Кавказа. – Тифлис, 1913. С. 15–16). Согласно нартским сказаниям, хождение босой, как и обычай распускания волос на похоронах, связан с женой нартского героя Нарджхьоу.

[1048] См.: Зельницкая (Шларба) Р. Ш. Влияние трансформации абхазского общества в XX в. на изменения в похоронно-поминальной обрядности в современной Абхазии... С. 157–163.

его отнюдь не означала отсутствия душевных мук, на сокрытие коих и направлена похоронная практика абхазов и адыгов. Аскетичное отношение родителей к детям не изменялось и в случае смерти последних в подтверждение этикетных норм обычаев избегания[1049]. Публичное проявление горя по поводу смерти малолетнего ребенка было табуизировано как для отца, так и для матери[1050]. В условиях большого семейного проживания и многодетности традиционной семьи, а также учитывая высокий уровень детской смертности, подобные («сдержанные») поведенческие образцы в прошлом были оправданными с народной точки зрения[1051].

Траурная одежда, как правило, была черного цвета, но в прошлом в случаях особой тяжести утраты носили широкого покроя одежду белого цвета. В одной публикации конца XIX столетия по этому поводу отмечалось: во время траура по своим умершим «они (абхазы, в том числе и самурзаканцы, – **О. М.**) не носят ничего черного и вся их одежда должна быть при глубоком трауре белая, а при малом – цвета бордо... Ношение белой

[1049] Мужчина у абхазов, как известно, не имел права оплакивать также смерть жены или дочери, а жена, в свою очередь, – мужа. Хевсуры считали, что мужу, жене и детям не следует оплакивать друг друга. Общее правило состояло в том, что чем ближе умерший, тем жестче контроль, тем больше ограничений на проявление эмоций. Вполне вероятно, что наблюдаемая в наши дни сдержанность во время похорон и траура не только является проявлением общей линии развития этикета, но и восходит к указанному ритуальному запрету (См.: Байбурин А. К, Топорков А. Л. У истоков этикета... С. 101).

[1050] И у других народов Кавказа, в частности у ингушей, если мать, потерявшая своих детей, сохраняет сдержанность и не позволяет себе прилюдно плакать, считается достойной женщиной. Родители на людях не оплакивали даже взрослого ребенка, иной раз они с улыбкой принимали соболезнование (См.: Харсиев Б. М.-Г. Обычаи семьи и семейного быта горцев Кавказа с конца XIX до середины XX века... С. 52).

[1051] Подр. см.: Нальчикова Е. А. Смерть в ментальном восприятии и повседневной практике адыгов. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. – Нальчик, 2007.

одежды во время траура нельзя объяснить незнанием горцами значения белого цвета. Мы вполне убедились в их значении, что белый цвет – символ радости». Но верховное божество «не любит, говорят они, черного цвета, как цвета печали по усопшим и символа несчастий, поклоняющиеся ему должны радоваться каждой смерти и в знак этой радости носят одежду белого цвета, чтобы угодить божеству, не прогневать его своим невниманием»[1052]. В других культурах белый цвет считается неизменной принадлежностью траура. Так, в восточнославянской традиции, как отмечает О. А. Седакова, белый цвет – постоянный атрибут смерти. Он присутствует во всех «видениях», «явлениях» Смерти, в заложных и связанных с мертвецами демонах; он представлен традиционной одеждой покойного, знаками траура (вывешенными наружу белыми полотнами, полотенцами). Для облегчения трудной смерти умирающего накрывают белым[1053].

Многие авторы XIX–XX вв. указывали на ношение абхазками траура желтого или темно-желтого цветов (желтым сукном, цветом глубокого траура, покрывали и покойников). По свидетельству К. Д. Мачавариани, кормилица умершей княгини и ее родственницы шили траурную одежду «из грубого холста совершенно желтого цвета[1054]. Кормилица и ее родственники обязаны носить такой траур в течение одного года или двух лет и потом

[1052] Небольсин Д. В. Современные жертвоприношения в Сухумском округе (Из записок туриста) // Газ. «Новороссийский телеграф». – Одесса, 1896, 7 сентября.

[1053] Седакова О. А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. – М., 2004. С. 67. У тюрков костюм женщины, находящейся в трауре, также имел белый цвет (См.: Дашковский П. К., Карымова С. М. Вещь в традиционной культуре народов Центральной Азии: философско-культурологическое исследование. – Барнаул, 2012. С. 126).

[1054] И. Бларамберг, в частности, отмечал, что «в каждой абхазской семье делают грубое сукно желтого или серого цвета для собственного потребления» (Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. – М., 2010. Абхазская интернет-библиотека).

только заменить его черным трауром»[1055]. В свою очередь И. А. Аджинджал подчеркивал, что «родственники умершего из привилегированных сословий носили траурное одеяние темно-желтого цвета»[1056]. Д. Мордовцев в романе «Прометеево потомство» по поводу оплакивания убитого владетельного князя Абхазии Келешбея Чачба (Шервашидзе) и двух его младших сыновей, писал, что «дочки Келеш-бека, молоденькие княжны, а также невестки, жены младших братьев Сефер-бея, Хассан-бея, Батал-бея и Таяр-бея, облаченные в траур – непременно желтый – с распущенными косами, обрезывали с воплем пряди своих роскошных волос и, словно черными цветами, покрывали ими тела отца, братьев, свекра и юных деверьев»[1057]. После больших поминок каждая женщина, носившая траурное одеяние, обязана была где-либо в углу усадьбы поджечь его. Иначе оно могло навлечь новое несчастье[1058].

На оплакивание у дворян и князей иногда собиралось «более 2–3 тысяч душ обоего пола»[1059]. Главным образом мужчинами на похоронах, как правило, последнего наследника семьи, рода исполнялась траурная песня «Азар»[1060]. По отзыву писателя К. Гамсахурдия, услышавшего эту песню в с. Адзюбжа на похоронах Кычына Маан (Александра Маргания) в исполнении более

[1055] Мачавариани К. Д. Некоторые черты из жизни абхазцев. Положение женщины в Абхазии // СМОМПК. 1884. Т. 4. С. 25.

[1056] Аджинджал И. А. Из этнографии Абхазии... С. 371.

[1057] Мордовцев Д. Прометеево потомство // Абхазия в русской литературе. Сост. канд. филол. наук И. И. Квициния. – Сухуми, 1982. С. 43.

[1058] Малия Е. М. Древо-Свечи в поминальной обрядности абхазов // Кавказ: история, культура, традиции, языки. Материалы Международной научной конференции, посвящённой 75–летию Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа АНА 28–31 мая 2001 г. – Сухум, 2004. С. 252.

[1059] Дмитрий Маргания (Маан) – протоиерей-просветитель. Статьи. Рапорты. Составление, предисловие и послесловие доктора филологических наук Х. С. Бгажба. – Сухум, 1999. С. 20.

[1060] См.: Ковач К. 101 абхазская народная песня... С. 13–14.

чем двумястами плакальщиков, «Реквием» («Покой вечный») не шел ни в какое сравнение с «Азар». Двух- и трехголосную песню под тем же названием «Зари» знают мегрелы, а также сваны, имеретины, гурийцы, то есть почти во всех частях Западной Грузии. По своему происхождению «Азар» восходит к осетинскому (дигорскому) «зар», означающему «песня»[1061].

Вокруг лиц, пришедших оплакать покойного, женой, родственницей умершего или несколькими женщинами совершается обрядовое обхождение (что восходит к тому времени, когда жён приносили в жертву «душе» покойного мужа или родственника)[1062]. Данное обхождение у абхазов сейчас сохранилось только в абжуйской части Абхазии.

Каждый приглашенный на оплакивание снимал шапку, бурку, оружие, все вешал на дерево, затем расстегивал на груди одежду (ранее раздевались до пояса) и снимал обувь. По сообщению газ. «Кавказ», на оплакивании владетельного князя Мегрелии Левана Дадиани, «просили отменить бичевание, в особенности абхазцев, которые истязуют себя ногайками, однакож, без крови не обошлось»[1063]. Плетьми били себя по голове при оплакивании умерших черкесы, кабардинцы, осетины[1064]. Выходя из помещения, где лежал покойник, плети передавали другой паре[1065].

В Западной Грузии, согласно Н. Г. Волковой и др., войдя в комнату, пришедшие оплакивать вставали перед гробом на ко-

---

[1061] Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. Т. I... С. 316; Аншба А. А. Абхазский фольклор и действительность. – Тбилиси, 1982. С. 59.

[1062] У мегрелов на похоронах, женщины – близкие родственники умершего – также несколько раз обходят пришедшего оплакивать покойника.

[1063] Газ. «Кавказ». 1846 г. № 39. Обычай полосования спины и нанесения себе кровоточащих ран плетями, саблями, кинжалами, цепями, ножами бытует среди мусульман-шиитов. Традиция самоистязаний шиитов до кровоточащих ран сложилась в Средневековье.

[1064] Чурсин Г. Ф. Материалы по этнографии Абхазии…С. 186–187.

[1065] Об аналогичном обычае у осетин см.: Калоев Б. А. Осетины... С. 225.

лени и плакали. Через некоторое время распорядители уводили эту группу и ее место занимала другая группа[1066]. Обычай сопровождения оплакивающих мужчин был и у абхазов; эту роль исполняло несколько парней (*абгакю*, букв. «тот, кто держит спину»)[1067]. Он имел место вплоть до 70-х гг. XX в. В настоящее время, если очень близкий родственник или друг, сильно оплакивая умершего, не отходит от гроба, *абгакю* уводит его. Кроме того, сейчас, если покойнику было 90 и более лет, считается, что он в этой жизни сполна познал «плохое и хорошее». Поэтому ближайшие родственники советуют соболезнующим не плакать и сами ведут себя сдержанно[1068]. Вместе с тем во время проведения ночных бдений у тела умершего человека преклонного возраста у абхазов считалось обязательным и сейчас допускаются шутки и смех[1069]. У осетин бодрствующие развлекали друг друга различными рассказами, а если покойник был в возрасте, то допускались шутки, смех[1070]. По данным цитированной рабо-

---

[1066] Волкова Н. Г., Джавахишвили Г. Н. Бытовая культура Грузии... С. 152.

[1067] Они брали оплакивающего за талию обеими руками и подводили к гробу, где отпускали талию, выжидали пока он плачет. Затем сопроводители уводили его от гроба и вручали ему вещи, оставленные им на столе. Раньше наиболее близкие родственники со стороны матери (брат, племянник), войдя во двор, не клали свой головной убор на стол, как другие, а бросали на землю.

[1068] См.: Чанба Н. В. Героическая хоровая песня абхазов. – Сухум, 2014. С. 18.

[1069] См.: Ботяков Ю. М. К вопросу о «странных поминках» в Абхазии // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2007 г. – СПб., 2008. С. 185. В прошлом считалось, что чем тяжелее болезнь, тем больше нужно развлекать больного, чтобы не дать ему уснуть (так как по представлениям абхазов, во время сна больному могут повредить злые духи).

[1070] Кокоева А. Б. Поминальная трапеза у осетин // Фундаментальные исследования. 2013. № 10–4. С. 904–908. У абхазов шутками и песнями молодежи сопровождались, как известно, и ночные сидения у разложенной одежды покойного во время годовых поминок (Анчабадзе Ю. Д. Странные поминки // СЭ. 1982. № 1. С. 132). Атмосфера праздника, царившая во время проведе-

ты Н. Г. Волковой, в Мегрелии все время до похорон по ночам бодрствовала молодежь, причем в это время можно было смеяться, веселиться, однако чем старше был покойный, тем сдержаннее должны были вести себя присутствующие[1071].

Перед выносом покойника совершался обряд оплакивания с конем умершего. Родственники и близкие у абхазов в сопровождении песни-плача «Ауоу» трижды обходили двор. Затем пожилой мужчина из близких, стоя около лошади покойника, произносил напутственную речь (об этом см. ниже). Вынос покойника совершался в 4–5 часов пополудни. Похоронными днями считались и считаются вторник, четверг и суббота.

При выносе гроба со двора его трижды опускают и поднимают, каждый раз понемногу продвигаясь вперед, что является элементом предохранительной магии, защищающей домочадцев от возвращения души умершего.

В конце XIX в. в Абхазии (как в Абжуйской, так и Бзыбской) покойника, согласно актам церковных записей, хоронили на третий день после смерти. Об этом свидетельствует абхазское проклятье «Ухахамч рыблааит!» («Ухахамчы рыблааит!»), что дословно переводится как «Да сожгут твои трехсуточные дрова», т.е. доски (дер.), на которых ты покоился трое суток. Оставлять покойника более трех суток считалось грехом.

С особым почетом у абхазов хоронили наиболее достойных усопших, к которым, как и у адыгов, в первую очередь относились погибшие в бою: к их похоронам готовились до четырех дней[1072].

Похороны знатных людей в Западном Закавказье еще в середине XIX в. продолжались десять и более дней. Хотя смерть

ния ачапшара, позволила Ю. Д. Анчабадзе увязать этот ритуал с известным в этнографической науке обычаем умерщвления стариков.

[1071] Волкова Н. Г., Джавахишвили Г. Н. Бытовая культура Грузии…С. 151

[1072] У ингушей и чеченцев над могилой погибшего в бою иногда водружали высокий шест с флажком (Харсиев Б. М.-Г. Обычаи семьи и семейного быта горцев Кавказа с конца XIX до середины XX века... С. 55).

старого человека, отмечает К. Д. Мачавариани, «не так сильно оплакивается абхазцами, как кончина человека увядшего преждевременно, тем не менее оплакивание старой княгини продолжается 5 и даже 10 дней»[1073]. По сведениям К. Ф. Дзидзария, у абхазов в первой половине XX в. «иногда знатных людей хоронят после шести-семи дней»[1074]. О продолжительности оплакивания мегрельского князя Дадиани в газ. «Кавказ» за 1846 г. сообщалось: «12 дней продолжался плач над телом усопшего по древнему обычаю» и все соседние народы, в том числе и абхазы, «приходили оплакивать кончину князя Дадиана кровавыми слезами»[1075]. Церемонии оплакивания в среде высшего сословия абхазов продолжались и до двух недель, что в значительной степени связано с тем, что средства сообщения не позволяли за более короткий срок известить всех родственников, которые должны были принять участие в похоронах. По этому поводу Д. Т. Маргания (Маан) отмечал: погребение «обыкновенно назначается на 5-й или 6-й день, а иногда и позднее, смотря по количеству и расстоянию местожительства родственников; если последние живут очень далеко и за короткое время не успевают приехать на оплакивание, то погребение откладывается иногда на продолжительное время»[1076]. В настоящее время в Бзыбской Абхазии стремятся, чтобы срок похорон не превышал три дня: в Абжуйской же обычно похороны проводят на четвертый или пятый день[1077].

[1073] Мачавариани К. Д. Некоторые черты из жизни абхазцев // СМОМПК. 1884. Т. 4. С. 24.

[1074] Дзидзария К. Ф. Похоронный обряд у абхазцев (похороны мужчины). Цит. по: Смыр Г. В. О похоронно-поминальных обрядах абхазов (на абхазском и русском языках). – Сухум, 2000. С. 27.

[1075] Газ. «Кавказ». 1846 г. № 39.

[1076] Дмитрий Маргания (Маан) – протоиерей-просветитель. Статьи. Рапорты. Составление, предисловие и послесловие доктора филологических наук Х. С. Бгажба... С. 18.

[1077] По некоторым сообщениям, после грузино-абхазской войны 1992–

В Абжуйской Абхазии умершего к могиле сопровождают мужчины и женщины всего поселка. В отношении бзыбской части страны это не всегда так, поскольку здесь в некоторых местах, в силу влияния мусульманского обычая, женщины во время похорон не выходили за пределы усадьбы. У черкесов, кабардинцев, например, женщины и сейчас провожают похоронную процессию до ворот, на кладбище не идут (посещать кладбище им разрешается в день, назначенный эфенди, когда они убирают и приводят в порядок могилы близких). Карачаевские женщины в день похорон на кладбище также не ходят. Исключение делают в тех случаях, когда кто-то из ближайших родственниц (сестра, мать) не успел проститься с покойным и приехал в тот момент, когда процессия уже находится на кладбище. Тогда женщину допускают на кладбище, мужчины отходят в сторону и дают ей возможность проститься с близким человеком. В другие дни женщинам разрешается заходить на кладбище, убирать могилы. Нужно при этом сказать о том, что абхазам (как, например, и адыгам) был совершенно неизвестен наем рабочих для рытья могил за плату.

Для абхазов-мусульман вырывалась прямоугольная яма, глубиной 120 см, затем в одной из сторон, подкопав, делали нишу, куда помещали труп, завернутый в саван или же гроб без крышки. Нишу закрывали наискосок поставленными досками так, чтобы при засыпании могильной ямы землей труп оставался закрытым. В настоящее время у абхазов, как христиан, так и мусульман, практикуется захоронение в закрытом гробу.

Должно быть при этом отмечено, что культ погребения в религиях древних цивилизации всегда имел огромное значение. Это в полной мере относится и к абхазам, которые выбирали места для захоронений своих покойников очень тщательно. На

1993 гг. один абхаз, семья которого вследствие сожжения их дома переселилась в другое село, с разрешения похоронил своего отца на родовом кладбище чужой фамилии. С тех пор они стали считаться родственниками.

основании хорошо изученных памятников Цебельдинской культуры можно судить о том, что для погребения умерших древние абхазы использовали наиболее благоприятные для земледелия участки земель. Так, этим исследователи объясняют наличие в Цебельдинской долине небольших площадей земель, использовавшихся под сельскохозяйственные культуры в окрестностях поселений[1078]. Основная часть была занята под кладбища.

На территории Абхазии в переходный период от бронзы к железу, по классификации Г. К. Шамба, существовало одновременно несколько видов захоронений: 1. Вытянутое трупоположение на спине (наиболее раннее)[1079]. 2. Скорченное погребение (на правом боку). 3. Кувшинное захоронение (захоронения в пифосах)[1080]. 4. Колодцеобразные погребения (вторичные погребения вместе с инвентарем или без него в круглых ямах). 5. Погребения в мегалитах (дольменах, кромлехах). 6. Кремация[1081]. Отмечаемое в археологических материалах захоронение ничком как вид погребения применялось к изгоям, чаще всего обвиненным в кровосместительстве и измене[1082]. Такого покой-

---

[1078] Воронов Ю. Н. Тайна Цебельдинской долины... С. 106.

[1079] Шамба Г. К. Раскопки древних памятников Абхазии. – Сухуми, 1984. С. 58. В рассматриваемую эпоху для населения древней Абхазии (по данным могильников Красный маяк, Сухумская гора, Гуадиху, Яштхуа и др.) были характерны главным образом четырехугольные (с закругленными углами) и удлиненные овальные индивидуальные грунтовые погребения. Зафиксированы также круглые и четырехугольные кенотафные погребения небольших размеров. На примере восточнопричерноморских могильников видно, что одна часть покойников ориентирована на восток, другая – на север (с некоторыми отклонениями). Ориентация на восток получила распространение в Восточном Причерноморье, по-видимому, в подражание эллинам.

[1080] Шамба Г. К. Раскопки древних памятников Абхазии. Там же.

[1081] Там же. С. 71.

[1082] См.: Дбар С. А. Исторические формы захоронений у абхазов // Кавказ: история, культура, традиции, языки. Материалы Международной научной конференции, посвящённой 75–летию Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа АНА 28–31 мая 2001 г. – Сухум, 2004. С. 284.

ника без оплакивания несли на место захоронения, подальше от кладбища. Труп заворачивали в саван, без какого-либо инвентаря, опускали в могилу лицом вниз и засыпали землей. Никаких надмогильных сооружений здесь не устанавливали и поминовений, в том числе тризны, по нему не проводили. Форма захоронения ничком, в противовес трупоположения на спине, как бы предполагает продолжение жизни захороненного в нижнем мире, то есть в аду. Таким же образом хоронили изгоев вообще на территории исторической Колхиды. У адыгов кровосместителя наказывали потоплением.

К этой же группе индивидов, не имеющих соответствующего социального статуса, в результате чего им не совершали традиционных погребальных обрядов, относятся дети до 3-летнего возраста[1083]. По обычаю, их хоронили не на кладбищах, а на окраине возделываемого поля или в углу приусадебного участка недалеко от жилья, так как погребение детей со взрослыми считалось недостойным для умерших взрослых. По ним не справляли и поминок; считалось, что ребенок до трех лет еще находится вне земного бытия, а его связи с человеческим родом непрочны, и поэтому уход в мир иной не требовал таких церемоний, которые устраивались в честь взрослых. По материалам раскопок цебельдинских могильников II–VII вв. Ю. Н. Воронов утверждает, что до достижения определенного возраста и прохождения какого-то обряда (посвящения?) дети и подростки хоронились вне кладбищ[1084] (сами детские захоронения на территории Абхазии впервые были дифференцированы цебельдинской экспедицией в 1976 г.)[1085].

В результате раскопок могильников Абхазии устанавливается, что погребальные обряды населения Юго-Восточной (Аб-

[1083] К категории людей без социального статуса, или не заслуживших должного уважения своим поведением в жизни, относились также простые общинники, рабы, преступники, самоубийцы.

[1084] Воронов Ю. Н. Тайна Цебельдинской долины... С. 118.

[1085] См.: Воронов Ю. Н. Научные труды. Том II... С. 544.

жуйской) и Северо-Западной (Бзыбской) частей страны уже в древности имели существенные различия. По материалам А. Ю. Скакова и А. И. Джопуа, выявленным на горе Джантух в р-не г. Ткуарчала (могильник датируется в рамках XII–II в. до н. э.), покойников предварительно подвешивали на деревьях, видимо, в специальных деревянных колодах. Через определённые промежутки времени (3, 5, возможно и 7–10 лет) останки снимали и помещали в большую яму, которую выкапывали специально и на дне которой разводили огонь. Туда же складывали вещи, призванные сопровождать покойников (поэтому многие найденные артефакты были оплавлены)[1086]. Стоит отметить и то, что коллективные захоронения по обряду кремации и связанная с ними материальная культура на горе Джантух «демонстрируют поразительные параллели с синхронными памятниками близлежащих регионов Северного Кавказа, что говорит о тесных связях племён по обе стороны горного хребта»[1087]. Из этого следует, что в эпоху раннего железа северный и южные склоны западной части Кавказского хребта входили в одну культурную «ойкумену», как, в сущности, и сейчас.

В отличие от кремационного обряда захоронений населения Юго-Восточной Абхазии, в Северо-Западной Абхазии в период поздней бронзы были распространены кувшинные (урновые) захоронения[1088] (локализуются между селом Нижняя Эшера и

[1086] См. напр.: Древности Абхазии: могильник на горе Джантух // Вестник Кавказа. 27 июня 2013 г. См. также: Скаков А. Ю., Джопуа А. И. Новые исследования на Джантухском могильнике: 2010–2012 гг. Предварительное сообщение // Абхазоведение. – Сухум, 2013. Вып. VIII–IX. С. 8. Кремационный способ погребения (первые свидетельства о нем были зафиксированы в эпоху среднего палеолита) мотивировался, как считают, такими причинами, как, например: страх перед возвращением мертвых, желание освободить душу для путешествия в потусторонний мир, защита от диких животных или злых духов, обеспечение умерших теплом и удобством в потустороннем мире.

[1087] Скаков А. Ю., Джопуа А. И. Новые исследования на Джантухском могильнике: 2010–2012 гг. Предварительное сообщение... С. 8.

[1088] Известные нам погребальные сосуды не имели ручек и фактически

Гагрой). Проводили тот же ритуал: покойника подвешивали на специальной доске к священному дереву, а затем по истечении определенного времени его останки спускали, укладывали кости в кувшин (видимо, через горло), ставили его на дно погребальной ямы вверх дном и засыпали землей[1089]. В Гагрском могильнике, состоявшем из 54 захоронений, совершенных по обряду вторичного погребения, были выделены следующие его варианты: «оссуарные, кенотафы, вторичные индивидуальные, парные, индивидуальные с укрытием черепа урной, парные с укрытием черепа урной, парные с укрытием урной, одного черепа, захоронения черепов»[1090]. Последнее свидетельствует о бытовании среди населения древней Абхазии культа черепа. По этнографическим материалам, старейшину родственной группы абхазы называют почтительным термином «череп» (*ахыбаю*), «наш череп» (*ххыбаю*), то есть в значении головы или главы рода, поскольку он выступает олицетворением ума и чести в своей среде. Когда абхазы говорят: «Клянусь нашим предком» (*Ҳхыбаѡ иамаҷоуп*), – то буквально это звучит так: «Клянусь нашим черепом»[1091].

Отметим, что по инвентарю абхазские кувшинные захоронения относятся к наиболее ранним погребальным памятникам подобного рода на Кавказе. В связи с этим нужно вспомнить

являлись пифосами (См.: Шамба Г. К. Раскопки древних памятников Абхазии... С. 62).

[1089] См.: Бжания В. В., Бжания Д. С. Древний могильник в Гагре. – Сухуми, 1991. С. 5, 6, 7, 24, 25, 33, 34; Бжания Д. С. Исследования вторичных погребений в Гагре // 50-я Итоговая научная сессия (25–27 апреля). Тезисы докладов. Сухум: АбИГИ, 2006–64. С. 24–25.

[1090] Бжания В. В., Бжания Д. С. Древний могильник в Гагре... С. 33. По данным В. В. Бжания и Д. С. Бжания, Гагрский могильник функционировал «в пределах X–VIII вв. до н. э.».

[1091] См.: Инал-ипа Ш. Д. Очерки об абхазском этикете... С. 85. Его же. Труды. В 11 томах. Вопросы этнокультурной истории абхазов...Том III. С. 107–109. См. также: Шамба Г. К. Раскопки древних памятников Абхазии... С. 65.

слова Б. А. Куфтина о том, что «абхазские кувшинные погребения во вторую половину I тыс. до н. э. претерпевают трансформацию и получают распространение в сторону Центральной Колхиды»[1092].

Примерно с периода раннего Средневековья (X–XI в.) абхазы начали хоронить своих покойников в деревянных гробах. Вместе с тем, по известным археологическим данным, в Восточном Причерноморье в деревянных гробах местное население хоронило уже в классическую эпоху (V–IV вв. до н. э.). Как в греческих могильниках в Афинах, Ризоне, Фракии и Северном Причерноморье, в Пичвнари (на морском побережье Аджарии, в 10 км в северу от г. Кобулети) также часто встречаются погребения с деревянными гробами и такими же перекрытиями[1093].

В римский период I–II вв. начиная от территории Абхазии и вплоть до Аджарии людей также хоронили в деревянных гробах. Ю. Н. Воронов на основании выявленных в окрестностях Цибилиума более 400 могил утверждает, что во II – начале VI вв. апсилы не знали гробов – «в могилах лишь изредка встречаются остатки подстилок и больших кусков древесной (грецкий орех?) коры, которой подстилалась и перекрывалась верхняя часть погребенных»[1094]. В таком случае сведения о захоронениях на территории Колхиды в деревянных гробах в позднеантичный период, по всей видимости, могут быть отнесены прежде всего к погребениям римлян (римских солдат), расквартированных в Восточном Причерноморье. Однако в деревянных гробах и с деревянными перекрытиями, очевидно, могли хоронить и местных жителей, как это имело место на некрополе на городище Пичвнари[1095]. Можно полагать, что среди апсилов не было

[1092] Цит. по: Шамба Г. К. Раскопки древних памятников Абхазии... С. 70.

[1093] Кахидзе А. Ю. Восточное Причерноморье в античную эпоху (VI–I вв. до н. э.)... С. 22, 27.

[1094] Воронов Ю. Н. Научные труды. – Сухум, 2009. Том II. С. 544.

[1095] См.: Кругликова И. Т. Античная археология. – М, 1984. С. 145–146.

массовых захоронений в гробах, но так как погребения знати должны были отличаться от захоронений рядовых общинников, то элиту общества хоронили в гробах.

Наряду с захоронениями в грунтовой могиле, деревянной колоде или гробовище, у абхазов до XVIII в. (и в пережиточном виде – до середины XIX в.) существовал хорошо описанный в литературе обряд «воздушного» погребения. Этот обычай в Колхиде отмечался еще Аполлонием Родосским (III в. до н. э.). Новое упоминание об этом элементе погребального обряда появляется уже в XVII в. у Арк. Ламберти, который пишет о нём в связи с абхазами. У картвелов или тюрок подобный обычай не был известен[1096], на основании чего можно сделать вывод о преемственности между населением Колхиды, проводившими обряд «воздушного» погребения, и современными абхазами.

Наличие на территории цебельдинского региона двух основных способов захоронений: трупосожжения и трупоположения – также никак не может свидетельствовать о том, что они были связаны с разноязычным этническим элементом. На основании анализа погребального обряда могильника Ахаччарху Г. К. Шамба установлено, что цебельдинское население, проживая в одном и том же месте, ведя один и тот же образ жизни, пользуясь одними и теми же предметами материальной культуры и, что главное, владея общим кладбищем, не могли быть разноязычными, а, скорее всего, здесь мы имеем дело со смешанными культурами двух традиций одного этнического массива[1097]. Другими словами, речь должна идти не об этических различиях, а о различии в вероисповедании в рамках одной материальной культуры[1098]. И в настоящее время в сохранившихся родовых

[1096] Древности Абхазии: могильник на горе Джантух // Вестник Кавказа. 27 июня 2013 г.

[1097] Шамба Г. К. Ахаччарху – древний могильник нагорной Абхазии. – Сухуми, 1970. С. 18.

[1098] См.: Гунба М. М. Новые памятники цебельдинской культуры. – Тбилиси, 1978. С. 108.

погребениях абхазов захоронение производится по религиозному признаку. Так, на одном родовом кладбище умершие могут быть похоронены и по христианскому, и по мусульманскому обряду, а также по языческому, традиционному[1099]. Тем самым опровергается мнение, существовавшее в специальной литературе, что якобы в Цебельде и ее окрестностях трупоположение и трупосожжение локализовывались независимо друг от друга отдельными очагами и что кремация присуща только апсилам, а ингумация – колхам.

По полевым этнографическим материалам, могильные ямы у абхазов для женщин рыли на 20 см глубже, чем для мужчин, что, вероятно, восходит к традиции, когда при вторичном захоронении предание останков мужчин земле не требовало большой глубины, в отличие от обряда трупоположения при погребении женщин.

Останки умерших обычно ориентированы в некотором традиционном направлении. Положение тела чаще всего связано с расположением потустороннего мира и указывает на путь, по которому будет путешествовать умерший. Если до принятия христианства в погребениях нет определенной ориентации, а расположение могильных ям определялось лишь формой рельефа[1100], то с утверждением христианства стали хоронить только головой на запад[1101]. В тот же период, естественно, уходит в прошлое и обряд кремации[1102].

[1099] Джопуа А. И., Нюшков В. А. О генезисе апсилийской культуры в трудах Г. К. Шамба // Третья Абхазская Международная археологическая конференция: Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа. – Сухум, 2013. С. 53.

[1100] См.: Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х. Главная крепость Апсилии... С. 50.

[1101] Там же.

[1102] По полевым этнографическим материалам абхазов и письменным источникам, хорошо известна тема казни через сожжение, в которой просматривается связь с воздушным погребением абхазов. Так, Вахушти Багратиони, составив описание абхазского обряда воздушного погребения, отметил:

Археологические находки на территории Абхазии свидетельствуют о том, что покойников хоронили вместе с личными вещами. В ряде случаев в погребениях помимо личных вещей встречаются отдельные предметы или группы предметов (украшения, оружие), которые жертвовались покойнику в момент его захоронения близкими – женой, мужем, отцом, другом и т. д. – и были подчас более дорогими, чем те, которыми он обладал при жизни (например, богатое ожерелье, роскошный меч, медальон с изображением женского лица и цветка и т. д.)[1103].

С глубокой древности в могилу умершего помещали и напутственную пищу, в основе которой лежали представления о загробной жизни[1104]. Однако специальные исследования о таком важном элементе погребального обряда, как еда для покойного и поминальная пища, по материалам абхазских могильников, к сожалению, не проводились. Это, очевидно, можно объяснить не только плохой сохранностью остатков пищи в могильниках, но и недостаточным вниманием исследователей к данному аспекту. В то же время в погребениях эпохи перехода от позд-

---

«запрещается у них (абхазов – **О. М.**) прелюбодеяние, блуд, так как согрешивших сжигают» (Сообщения средневековых грузинских письменных источников об Абхазии... С. 78). Достоверность этого сообщения была засвидетельствавана К. Д. Мачавариани в первой половине XX в. По его словам, «когда убеждались, что какая-нибудь старуха, а иногда и молодая, портят людей, животных и птиц, то таких женщин, как форменных ведьм, или топили, или вешали на дереве и поджигали сильным огнем» (Мачавариани К. Д. Описательный путеводитель по городу Сухуму и Сухумскому округу. С историко-этнографическим очерком Абхазии. – Сухум, 2009. С. 312).

[1103] Воронов Ю. Н. Тайна Цебельдинской долины... С. 109.

[1104] Скелеты неандертальцев раннего палеолита, найденные во Франции, указывают, в частности, на то, что помещавшиеся в могилы орудия и пища, а также положение тел умерших свидетельствуют о принимавшихся мерах для обеспечения загробной жизни умерших. Позже, с появлением человека разумного в верхнем палеолите, данные о попытках поддержать существование ушедших из жизни в загробном мире становятся более многочисленными и очевидными.

ней бронзы к раннему железному веку (например, в некрополе Гуадиху и Красномаяцком некрополе) представлен довольно разнообразный погребальный инвентарь. В первую очередь это глиняная посуда (кувшины, горшки, кубки, миски, кружки)[1105], а также бронзовые сосуды (последние представлены фиалом, т. е. жертвенной чашей без ручек, и кружкой)[1106]. Выявленный на Красномаяцком могильнике кубок М. М. Трапш относит к типам бокальчиков, которые являлись принадлежностью поминальных трапез, совершавшихся на месте погребений[1107]. Керамические амфоры местного производства представлены, например, и на Ачмардинском могильнике[1108] периода поздней античности и раннего Средневековья[1109]. В апсилийских могильниках II–VII вв. содержатся более десятка разновидностей керамических изделий, разнообразная стеклянная посуда (в том числе бронзовые кувшины) как местного изготовления, так и привозные[1110]. Часть погребального инвентаря иногда ломали, что первоначально, вероятно, относилось к погребенным из привилегированной части населения, занимавшего руководящее положение в обществе. Намеренная порча вещей была обусловлена, очевидно, верой в перевернутость иного мира. Люди верили, что в потустороннем мире жизнь устроена наоборот – разломанная вещь приобретает целостность.

Большое количество погребений на территории Абхазии с эпохи бронзы содержат также скелеты крупного и мелкого рогатого скота, в том числе лошадей. На том же Ачмардинском

[1105] См.: Трапш М. М. Труды. В пяти томах. – Сухум, 2019. Том II. С. 57–60.

[1106] Там же.

[1107] Там же. С. 183.

[1108] Возле с. Ачмарда, в предгорной части Западной Абхазии на р. Хашыпса в Гагрском р-не.

[1109] Джопуа А. И., Нюшков В. А. Межэтнические связи населения Краснодарского побережья Черного моря и Абхазии // Сборник научных статей в честь археолога А. В. Пьянкова. – Армавир–Краснодар, 2018. С. 55.

[1110] Воронов Ю. Н. Тайна Цебельдинской долины... С. 42, 43, 44, 45.

могильнике, в погребении VI в., лежал скелет коня и кости козы, свиньи и домашней птицы[1111]. В с. Куланырхуа на могильниках позднеантичного времени обнаружены кости мелкого рогатого скота, в том числе зубы животного (от мелко-рогатого скота), возможно, козленка, и домашней птицы[1112]. В одном из погребений Цибилиума в ногах погребенного «обнаружена массивная кость какого-то животного»[1113]. Погребение древнеабхазского воина римского времени из Маркульского городища также сопровождалось погребальной трапезой, о чем свидетельствует большое количество костей домашних животных и птиц, «которые подстилают под самого погребенного и сверху на него насыпаны»[1114].

Кости животных, найденные в захоронениях, традиционно следует интерпретировать как остатки мясной пищи, сопровождавшей покойного. Исходя из приведенных материалов, древние абхазы в качестве напутственной пищи также использовали мясо домашних животных и птиц, а жертвенные животные укладывались в могилу целой тушей[1115]. Кости мелкого рогатого скота и свиней, очевидно, в отличие от сырых туш, были приготовлены. Возможно также, что сырое мясо приносилось в жертву богам, а обработанное предназначалось самому покой-

---

[1111] Джопуа А. И., Нюшков В. А. Межэтнические связи населения Краснодарского побережья Черного моря и Абхазии... С. 55.

[1112] Хондзия З. Г., Требелева Г. В. Памятники Цебельдинской культуры в селе Куланырхуа // Проблемы истории, филологии, культуры. 2017. № 3. С. 167, 168.

[1113] Воронов Ю. Н., Шенкао Н. К. Вооружение воинов Абхазии IV – VII вв.// Древности эпохи великого переселения народов V–VIII веков. – М., 1982.

[1114] См.: Загадки Маркулы: что ученые нашли в древнем городище. Спутник Абхазия. 25 августа 2022 г.

[1115] По материалам Б. Б. Пиотровского, раскопки могильников в Южном Закавказье дают громадное количество примеров помещения в могилу не только мясной пищи в виде отдельных частей животных, но и целых туш (Пиотровский Б. Б. Развитие скотоводства в древнейшем Закавказье... С. 8).

нику[1116]. Во всех случаях кости животных и птиц сопровождали погребения взрослых людей.

Найденные в древнеабхазских могильниках амфоры, вероятно, были с вином. В некоторых местных могилах, в подражание эллинам, амфоры ставили в изголовье погребения[1117]. По мнению Ю. Н. Воронова, «с благой целью обеспечить умершему первые шаги в потустороннем мире родственники ставили в могилу сосуды с питьем»[1118]. В сосудах, кроме того, находились, очевидно, готовые к употреблению продукты от повседневных хозяйственных занятий. Стоявший в одном из ингумационных женских погребений IV в. двуручный кувшин был до половины заполнен мелким орехом-фундуком[1119] (в погребальных амфорах найдено также скопление мелкой хурмы)[1120]. В ряде погребений отдельные как мелкие, так и грецкие орехи найдены на груди среди украшений (покойнику в античную эпоху по греческому обычаю клали в рот мелкую монету)[1121]. Они входили в комплект приношений, которые оставляли покойнику родственники и знакомые[1122]. Таким образом, напутственная (заупокойная)

[1116] Об этом см.: Текуева М. А., Нальчикова Е. А. Поминальная жертва и поминальная пища в традициях народов Северного Кавказа // Известия СОИГСИ. 2019. № 33 (72). С. 26–37.

[1117] Кахидзе А. Ю. Восточное Причерноморье в античную эпоху (VI–I вв. до н. э.)... С. 22.

[1118] Воронов Ю. Н. Тайна Цебельдинской долины... С. 112. В. М. Массон, изучая развитие древних обществ Евразии, отмечал: «Помещение в те же могилы глиняных сосудов позволяло предполагать наличие напитков или жидкой пищи» (Массон В. М. Развитие древних обществ Евразии и адаптационные императивы // Орудия труда и система жизнеобеспечения населения Евразии. – Санкт-Петербург, 2004. С. 12–13).

[1119] Воронов Ю. Н. Научные труды. – Сухум, 2009. Том II. С. 545.

[1120] Воронов Ю. Н. Могилы апсилов. Итоги исследований некрополя Цибилиума в 1977–1986 годах. – Пущино, 2003. С. 43.

[1121] См.: Шамба С. М. Монетное обращение на территории Абхазии (V в. до н. э. – XIII в. н. э.). – Тбилиси, 1987. С. 24.

[1122] Новейшие палеоэкологические исследования, в частности в Ставропольской возвышенности, раскрывают состав заупокойного рациона,

пища являлась обязательным элементом погребальных обрядов на территории древней Абхазии, отражая воззрения ее населения о посмертном существовании. Аналогичную ситуацию мы наблюдаем, в частности, и на территории Северо-Западного и Центрального Кавказа[1123]. По причине глубокой веры в загробную жизнь, отмечал К. Д. Мачавариани, абхазы и над могилой покойного «по праздничным дням кладут хлеб, фрукты, вина, а в стороне вешают полотенце для умывания и утирания рук»[1124].

Представлением о том, что, переходя в потусторонний мир, душа человека нуждается во всех тех благах, какими пользовался усопший при жизни, был вызван и ритуал посвящения покойнику коня. Цель обряда состояла в том, чтобы снабдить умершего человека загробным конем, который должен был служить ему и довезти до предназначенного покойнику места. Конь посвящался только мужчине, однако в ряде местностей Абхазии (так же, как, например, и в Южной Осетии) зафиксированы случаи, когда обряд посвящения коня совершался и при погребении женщин[1125], пользовавшихся авторитетом в обществе

находившегося в погребальной посуде: это мясная пища, молочная (чаще – кисломолочная), редко – растительная, «предназначенная умершему «в дорогу»», либо предкам, и вода, которая, вероятно, «требовалась для омовения при переходе в мир хтонических существ» (См. напр.: Текуева М. А., Нальчикова Е. А. Поминальная жертва и поминальная пища в традициях народов Северного Кавказа... С. 26–37). Биохимический анализ содержимого кувшинов позволяет уточнить, в каком виде готовилась погребальная еда: чаще это «каша» (растительный продукт) и мясной бульон (Массон В. М. Развитие древних обществ Евразии и адаптационные императивы... С. 13). В позднесарматских сосудах найдены остатки молочных продуктов, которые исследователи расценивают как кисломолочные.

[1123] Текуева М. А., Нальчикова Е. А. Поминальная жертва и поминальная пища в традициях народов Северного Кавказа... С. 26–37.

[1124] Мачавариани К. Д. Очерки Абхазии. Абхазская интернет-библиотека.

[1125] В некоторых могилах представительниц сарматской знати в I веке н. э. встречаются сопровождающие захоронения целые конские костяки (Соколова Могила; Усть-Джегута, кург. 41). Ритуальное заклание коня на Северном Кавказе стали заменять символическим, при котором в могилу клали, напри-

(по нашим полевым этнографическим материалам, посвящение коня имело место, например, при похоронах уважаемой женщины в 1980 г. в с. Кутол). Сказанное подтверждается археологическими раскопками цебельдинских могильников, в одном из которых было выявлено женское захоронение с конем[1126]. Лошадь усопшего у абхазов и адыгов три раза обводили вокруг его могилы[1127] (это по своему происхождению связано с магическими представлениями первобытной эпохи), позднее ограничивались приводом лошади к могиле. Обычно конь умершего, покрытый черным коленкором, оседланный и со свешивающимся через седло оружием во время оплакивания и перед выносом покойника стоял во дворе. Если умерший был женат, то выставляли и коня его жены[1128]. В участии в похоронном обряде наряду с конем умершего и коня его жены (чего нельзя было наблюдать, когда хоронили женщину) следует видеть пережиток обычая, когда посвящения умершим главам родственных коллективов коней, оружия, утвари и т. д. по мере усиления классового расслоения принимали все более яркое выражение и выливались в ряде случаев в убийство жены (или жен) вождя племени или военачальника. Когда умирала женщина (пусть даже замужняя), то выставлялся только ее конь.

Обычай приводить на могилу усопшего его лошадь наблюдался у абхазов до конца Средневековья и начала Нового време-

---

мер, конские удила, ещё в I тыс. до н. э. (См.: Цуциев А. А. Погребальная обрядность сарматов, алан и осетин. Археолого-этнографические параллели // Духовная культура осетин и современность: проблемы и перспективы. Сборник научных статей. Материалы республиканской научно-практической конференции. – Владикавказ, 2009. 226 с.)

[1126] См.: Воронов Ю. Н., Шенкао Н. К. Вооружение воинов Абхазии IV – VII веков // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII веков. – М., 1982. С. 121–165

[1127] Бгажноков Б. Х. Черкесское игрище. – Нальчик, 1991. С. 136.

[1128] Дмитрий Маргания (Маан) – протоиерей-просветитель. Статьи. Рапорты. Составление, предисловие и послесловие доктора филологических наук Х. С. Бгажба... С. 19.

ни, когда среди убыхов и приморских адыгов уже в то время, в связи с принятием ислама, эта традиция стала отходить в прошлое. В настоящее время у абхазов случается, что после смерти участника команды конников на похоронах выставляется и его оседланная лошадь.

В участии лошади в похоронном обряде, что было обязательным, согласно Б. В. Куфтину, выражались хтонический характер культа лошади и ее тесная связь с душой человека. В Мегрелии при погребении знатного человека процессию родственников провожали до церкви десять всадников, сидевших в седлах, положенных задом наперед[1129]. В могилу покойника клали конский волос[1130] (в конце XIX в. к могиле уже только подводили коня с черным покрывалом на седле[1131]; затем коня дарили священнику, служившему заупокойную службу)[1132].

Церемония с конем умершего является пережитком посвящения коня покойнику, который заменил обряд умерщвления коня усопшего. Существование обряда приношения коня в жертву умершему хозяину подтверждается материалами могильников Абхазии, начиная с VII–VI вв. до н. э.[1133]. Так, захоронения коня вместе с его хозяином (а также предметами вооружения и конского снаряжения) V–VI вв. н. э. обнаружены при раскопках на территории г. Сухума[1134]. В различных местах Цебельды в 1977–1986 гг. выявлено свыше десяти конских захоронений и

[1129] См.: Техов Б. В. Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н. э. – М., 1977.

[1130] Гиоргадзе Д. Обряд «посвящения коня» у горцев Восточной Грузии // МЭГ. 1972. Т. 16–17. С. 290.

[1131] Волкова Н. Г., Джавахишвили Г. Н. Бытовая культура Грузии… С. 152.

[1132] Там же. С. 200. По материалам же С. Макалатия, у мегрелов до окончания года лошадь покойного не работала, ее не продавали, ухаживали за ней особо. Чтобы она не похудела и не умерла, каждые 25 дней читали молитву от сглаза.

[1133] См.: Трапш М. М. Труды.. – Сухуми, 1975. Т. IV. С. 65; Барамидзе М. В., Бжания В. В., Квиркелия Г. Т. Раскопки в Адзюбжа // Археологические открытия 1978 года... С. 496.

[1134] Трапш М. М. Труды. – Сухуми, 1975. Т. IV. С. 65.

всаднических погребений с конем[1135]. Конские захоронения, кости лошадей, части седельной сбруи и т. д. обнаружены и в ряде мест Сочи – Адлера[1136], где в раннем Средневековье проживали абхазские и адыгские народности.

Обычай использования в погребальном обряде останков коня в виде целых туш, шкур с головой и конечностями или отдельных костей конского скелета (иногда определяемых как останки погребальной тризны), наиболее ярко представлен в могильнике Дюрсо, где обнаружено 16 погребений боевых коней, сопровождавших всадников-воинов с престижным инвентарем. Явно такое же значение имели и погребения лошадей в Цебельдинской долине[1137].

В некоторых случаях скелеты коней в цебельдинских захоронениях найдены в неестественном положении, что позволяет предполагать, что лошадей иногда хоронили живыми. Так, в раскопанном в 1984 г. в Цебельде захоронении воина с конем, в яму размером 2х3 м был опущен сначала живой конь со спутанными ногами. При засыпке он тянул голову вверх, сохранив эту трагическую позу до наших дней[1138]. В могильниках Цебельды конские кости в подавляющем большинстве случаев встречались в мужских погребениях, но иногда кости коней лежали самостоятельно[1139] (очевидно, это были лошади, умершие от болезней). Нужно полагать, что обряд жертвоприношения коня

[1135] Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х. Два всаднических захоронения апсилов из Цебельды... С. 70–71.

[1136] Так, к V–VII вв. относятся удила с разнотипными железными или бронзовыми поперечинами-псалиями и части конской упряжи, найденные в окрестностях Сочи (Воронов Ю. Н. Древности Сочи и его окрестностей... С. 80).

[1137] См.: Ахмедов И. Р. Конский убор из некрополей Цебельдинской долины // II Городцовские чтения. – М., 2005. Вып. 145. С. 251.

[1138] Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х. Главная крепость Апсилии... С. 52; Воронов Ю. Н. Научные труды. Том II... С. 546.

[1139] Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х. Главная крепость Апсилии... С. 58.

соблюдался для представителей знатных апсилийских воинов и их предводителей, о чем свидетельствует обычный набор оружия мужских погребений[1140].

Данные археологии и письменных источников свидетельствуют о том, что приношение коня в жертву, в частности у осетин (практиковалось вплоть до монгольского нашествия, а частично и после него в горах), совершали исключительно в честь родо-племенных вождей и военачальников[1141]. По свидетельству Б. А. Калоева, большой интерес представляет у осетин речь старика-посвятителя, в которой говорится о предстоящем путешествии покойника в загробный мир на его коне, а также о хороших земных делах умершего[1142]. По словам того же автора, обряд посвящения коня считался обязательным также у абхазов, сванов, хевсур, моховцев, а до принятия ислама – и у чеченцев, ингушей и адыгов[1143]. «Однако у этих народов он носил символический характер, в нем отсутствовали основные элементы – речь посвятителя, отрезание кончика уха у коня и т. д.[1144]. Посвящение коня «здесь ограничивалось тем, что оседланного коня приводили к телу покойника и оставляли некоторое время около умершего, а затем уводили»[1145]. Нужно, правда, при этом сказать, что данный вопрос на абхазском материале не изучен. В то же время необходимо отметить, что, как следует из выступления археолога Г. А. Сангулия на 65-ой Итоговой научной сессии АбИГИ (посвященной 100-летию со дня рождения Л. Х. Акаба, 6.04.2021 г.), он лично был свидетелем того, как в его родном с. Джгиарда при посвящении коня покойному несколько раз на похоронах произносили напутственную речь. Посвящение

[1140] См.: Воронов Ю. Н. Тайна Цебельдинской долины... С. 90–96; Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х. Главная крепость Апсилии... С. 52, 56–59.

[1141] Калоев Б. А. Осетины... С. 227.

[1142] Там же.

[1143] Там же.

[1144] Там же.

[1145] Там же. С. 228.

коня выполняло две функции: в результате проведения обряда усопший снабжался на том свете конем и получал напутственное слово перед нелегкой дорогой в царство мертвых; с другой стороны, речь посвятителя эстетически мощно воздействовала на нравственные представления пришедших на похороны людей[1146]. По абхазским этнографическим материалам, «бывало, что по последней воле покойника любимого коня после джигитовок на поминке убивали у могилы»[1147] (гибель лошади во время культовых скачек *атарчей* также считалась хорошим признаком, что являлось пережитком принесения боевого коня в жертву хозяину и захоронения его рядом с бывшим владельцем)[1148]. Обряд посвящения коня или приношения его в жертву умершему был известен у многих народов Поволжья, Сибири и Средней Азии. Распространение этого обряда среди народов Кавказа, по мнению Б. А. Калоева, «несомненно было связано со скифо-сарматами и аланами»[1149]. Скифские конские захоронения, ставшие для абхазов традиционными, обнаружены в Ад-

---

[1146] Бæхфæлдисын // Газ. «Северная Осетия». 19 октября 2018 г.

[1147] Дзидзария К. Ф. Похоронный обряд у абхазцев (похороны мужчины). Цит. по: Смыр Г. В. О похоронно-поминальных обрядах абхазов... С. 29.

[1148] Одним из идеологических проявлений, связанных с культом коня, восходящим к древней традиции абхазов, является образ божества – покровителя лошадей Аҽышьашьана (название связано с именем нарта Шьашьын, который присматривал за нартским табуном). В Нартском эпосе абхазов главный герой Сасрыкуа тесно связан со своим волшебным, легендарным конем Гъамыда (или Бзоу), наделенным рядом благородных качеств. Конь говорит человеческим голосом, активно включается в события, влияет на исход их. Конь Гъамыда (Бзоу), рожденный мифически, тесно связан с природой и стихией (См.: Бжания Ц. Н. Из истории хозяйства и культуры абхазов... С. 216).

[1149] Калоев Б. А. Осетины... С. 228. О том, что именно иранцы принесли этот культ на Кавказ, см. напр. также: Кузьмина Е. Е. Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого света // Средняя Азия в древности и Средневековье (история и культура). – М., 1977. С. 42, 43.

зюбже, Куланырхуа, Эшере, Цебельде и др. местах[1150]. Нужно отметить и то, что во второй половине IV в. до н. э. на городище Гюэнос и поселении Ахул-абаа (в окрестностях Сухума) совершались конские захоронения по обряду, имеющему прикубанский (меотский) характер[1151].

Остатком древнего обычая принесения в жертву покойнику коня являлся обряд обведения вокруг лошади петуха (который через несколько дней специально приносился в жертву умершему), практиковавшийся в некоторых местах Абхазии[1152].

Обычай захоронения, а позднее символического посвящения коня умершему местами на Западном Кавказе, особенно у причерноморских шапсугов, удерживался до начала XX в. Даже в 1960-е гг. там еще можно было видеть коновязи у некоторых старинных могил[1153].

В Абхазии каждая фамилия имела свои кладбища, а старые, патронимические кладбища сохранились до наших дней. У адыгов вплоть до настоящего времени также сохранялся фамильный характер захоронений, установления памятников и оград на могилах. Сейчас в некоторых аулах уже не соблюдается фамильный характер предания покойных земле, в некоторых аулах с захоронений убрали все ограды, чтобы сделать похожими на мусульманское кладбище[1154]. Надгробные памят-

---

[1150] См.: Бгажба О. Х. Скифы и древние абхазы // Нужная газета. 21 ноября 2000 г. Ср. также обычай приношения в жертву коней и царапания лица у славян (Известия ал-Бакри и других авторов о Руси и славянах. Часть 1 // Записки Императорской Академии наук. – СПб. 1879. Т. 32. Приложение № 2.

[1151] О существующих в научной литературе точках зрения по поводу появления на территории древней Абхазии ритуальных захоронений конских черепов меотами см.: Джопуа А. И., Нюшков В. А. К истории Гюэноса в эпоху эллинизма и поздней античности. Абхазская интернет-библиотека.

[1152] Инал-ипа Ш. Д. Очерки об абхазском этикете... С. 149.

[1153] Смирнова Я. С. Семья и семейный быт…С. 88.

[1154] См.: Тория Ж. Н. Традиции и новации в аспекте межкультурной коммуникации (на примере адыгского общества) // Журн. «Коммуникология». 2014.

ники делали из дерева или высекали из камня, над могилой устраивали досчатый навес (каменные надгробия делали, например, и убыхи)[1155]. В отличие от абхазов картвельские народы хоронили своих покойников на территории христианских храмов. У других народов Кавказа, в частности у ингушей, издревле – в фамильных склепах, расположенных недалеко от мест проживания. В настоящее время они предают земле в селах, где может быть несколько разных фамилий и одно общее кладбище, но тем не менее предпочтение отдают похоронам на родовом кладбище (в том числе по завещанию на родовом кладбище хоронят людей, которые жили в других селах). У народов Северного Кавказа, например у карачаевцев, тело умершей женщины иногда относили не на родовое кладбище мужа, а туда, где находились могилы её отца и других кровных родственников[1156]. По абхазским этнографическим материалам, умершая женщина, как и в прошлом, должна быть погребена на родовом кладбище мужа, но случается, что ее хоронят на кладбище ее отца. По сообщениям потомков абхазских махаджиров, абхазы, живущие в Турции, следуют пожеланию женщины, если же такового не было, то в зависимости от решения семейного совета ее хоронят на кладбище мужа или отца. В том же случае, если она была бездетна, ее могут похоронить на кладбище отца. Согласно полевым этнографическим материалам, записанным нами в 2006 г. от абхазских старожилов пос. Гулрыпш, «похороны жены не на кладбище мужа неправильно» даже в случае ее бездетности, и тем более если она воспитала для мужа чужого ребенка. Хоронят жену на ее родственном кладбище согласно воле умершей.

[1155] Анчабадзе Ю. Д. Абаза (к этнокультурной истории народов Северо-Западного Кавказа)... С. 161.

[1156] Болурова А. Н. Традиционные похоронные обряды карачаевцев // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики... С. 18–21.

В знак любви к почившему женщины иногда отрезали свои косы и клали их в гроб покойника или вешали свои волосы на его могиле. Подобные обычаи существовали у осетин, адыгов, чеченцев, армян, картвельских народов и др. Отрезание длинной косы или ее малой пряди равнозначно и означает отказ, отречение, отделение себя от прошлой жизни или предыдущего статуса. Это первый акт обряда. Второй акт знаменует собственно жертвоприношение, посвящение себя тому, в честь кого оно совершено. Так женщина связывала себя с сакральным миром, в который уходит ее супруг[1157].

Достаточно распространенной в разных культурах является традиция кормления скорбящих после похорон, что свидетельствует о непрерывности жизни и общинной солидарности. У абхазов, по словам Д. Т. Маргания (Маан), угощения приезжих и выполнивших свою роль оплакивания гостей шли «одновременно с церемонией оплакивания»[1158]. На поминках после похорон (*аиныхра*) «каждый сосед, – отмечал Н. С. Джанашиа, – обязан был приносить большой чурек, начиненный орехами, а соседки здесь же готовили похлебку из фасоли. В последнее время... угощают гостей уже хлебом, причем каждый двор обязан принести от 20 коп. до 10 рублей и более, смотря по состоянию и степени близости родства. Эта помощь называется акэцатэы – «то, что кладется, дается сверху»[1159]. Эти приношения принимались только в том случае, если не справляли годичных поминок[1160]. К. Д. Мачавариани о подношениях, которые приносились в случае смерти представителя высшего сословия абхазов, писал:

[1157] Об этом см. напр.: Нальчикова Е. А., Текуева М. А., Мусукаев А. И., Кагазежев Б. С. Борода и волосы как культурные маркеры в традициях кавказских народов // Вестник АГУ. Майкоп. 2017. Серия 1. С. 127–137.

[1158] Дмитрий Маргания (Маан) – протоиерей-просветитель. Статьи. Рапорты. Составление, предисловие и послесловие доктора филологических наук Х. С. Бгажба... С. 19.

[1159] Джанашиа Н. С. Статьи по этнографии Абхазии…С. 81.

[1160] Там же.

«…Каждый привозил мужу умершей княгини какой-нибудь подарок. Один несет деньги, другой вино, третий часы, четвертый ведет лошадь, корову и т. д. Всех приезжих надо угостить... И не будь этих подарков, не было бы и возможности даже зажиточному хозяину сделать приличное угощение всем им, не разорившись окончательно. Общий, так сказать, плебейский стол устраивается под навесом, а женщины и аристократия располагаются в доме»[1161].

На погребально-поминальный стол (в особенности похоронный) обязательно подносили (как и сейчас) острые растительные блюда, приготовленные в основном из фасоли (с орехом или без него). С фасолью подавали соления из капусты кольраби (*ахул*), сейчас капусту (на кольраби, по словам информантов, «прошла мода»). Ныне почти не подают на похоронный стол и чурек (его заменил хлеб). Сейчас в меню похорон у абжуйцев входит сыр, халва, лимонад, а из спиртного – вино и чача; у бзыбцев – фасоль, соления, хлеб, помидоры, огурцы, сладкая вода, вино и водка. Если у абжуйцев для похоронного стола готовят и жареную рыбу, то у бзыбцев в сс. Ачандара, Абгархук, Аацы в день выноса покойника жареную рыбу на стол не подают. В то же время жареная рыба подается на похоронный стол у христианского населения с. Лыхны. Жареную рыбу также выкладывают за похоронный стол все бзыбцы, проживающие в городах[1162].

[1161] Мачавариани К. Д. Некоторые черты из жизни абхазцев. Положение женщины в Абхазии. Абхазская интернет-библиотека.

[1162] Для поминального стола (сорок дней справляют, как правило, христиане, а мусульмане пятьдесят два дня, а годовщину – те и другие) абхазы готовили суп из баранины (ажьҟэаҟэа), с добавлением в него лапши домашнего приготовления (ашьаҳариа). К концу трапезы в холодном виде подавали как обязательное ритуальное (мучное) блюдо ачамыкэуа. Его нарезают на длинные куски и подают вместе с кислым молоком и медом. Готовят также сладкий плов из риса, изюма и масла. Изучение ритуальных похоронно-поминальных блюд абхазов показывает, что среди них были представлены архаические типы пищи, ныне также уже вышедшие из употребления. Таковым было кашеобразное мучное блюдо под названием ацэырцэма или цхала

Похоронным застольем у абхазов руководит старший из соседей или некровный родственник. Похоронная трапеза отличается от всех других именно своей непродолжительностью и строгой регламентацией количества тостов – полагалось произнести шесть-восемь обязательных. Они очень немногословны, во время произнесения тостов вставать не положено, как и не положено перепивать. У бзыбских абхазов, по материалам В. Чирикба и Г. Калимовой, последовательность тостов следующая: 1. За упокой души. 2. За семью умершего. 3. За кровных родственников. 4. За округу (поселок): этот тост объединяется с другим – за соседей. 5. За погибших и пропавших без вести на войне. 6. Тост, завершающий похоронное застолье[1163]. У абжуйцев, по нашим полевым этнографическим материалам, произносят восемь тостов в следующей очередности: 1. За упокой души. 2. За «дорогу» покойного. 3. За погибших на войне. 4. За семью умершего. 5. За кровных родственников. 6. За соседей. 7. За могильщиков. 8. За старшего стола.

Приведенные историко-этнографические материалы свидетельствуют о том, что погребальные обряды абхазов (и других народов Северо-Западного и Центрального Кавказа) включают в себя множество общих элементов, идущих от дохристианских верований, а позднее – от христианства. Часть элементов обрядов вообще характерна для широкого круга народов: вера в загробную жизнь, захоронение в гробах, деятельность родственников по подготовке умершего в загробный мир, стремление как можно скорее похоронить умершего.

хушала. Для поминального стола абхазы раньше готовили также молочную кашу из риса – апрынцьқашь. Как обязательное блюдо, ее подавали в конце трапезы и ели с кислым молоком и медом. Молочную кашу из риса абхазы по-прежнему готовят для поминального стола, однако она стала и повседневным блюдом.

[1163] См.: Калимова Г., Чирикба В. Фрагменты речевого этикета абхазов // Мосты. Сборник научных статей. – Сухум, 1994. С. 13–14.

До недавнего времени на похоронах у абхазов вместо традиционных плачей звучала траурная мелодия, записанная на магнитофонную ленту. Взамен коня усопшего у абхазов в день похорон иногда можно было увидеть легковую автомашину под черным покрывалом (у мегрелов делали так же). В 1960-е гг. на Северо-Западном, и в целом на Северном Кавказе стало исчезать оплакивание, сопровождавшееся расцарапыванием лица и вырыванием волос. Там же в период 1930–1960-х гг. распространяется черный цвет траурной одежды. Вплоть до второй половины 1990-х гг. умерших не хоронили в городах, отвозя их для погребения в родное село (аул). В прошлом мужчины-абхазы (как и женщины) носили черные повязки на лбу, концы которых завязывали на затылке. Такую же повязку в случае глубокого траура мужчины носили на рукаве. Подобная нашивка у абхазов получила распространение, скорее всего, из соседней Мегрелии, где бытовал этот обычай (траурные повязки на рукаве в Западной Грузии начали носить в 1940-х гг.) Сейчас черные повязки иногда надевают братья, если умер молодой человек. С конца 1950-х гг. в знак траура абхазы (в основном женщины) стали носить на груди мини-фотографию покойного (что тоже, по всей вероятности, является привнесенным в абхазскую среду из Мегрелии). По свидетельствам информаторов, в Абхазии мегрельские переселенцы с 40-х гг. XX в. приносили на похороны цветы, и абхазы стали придерживаться этой традиции (подобная традиция, однако, является скорее общекультурной, т. е. присущей всем народам). С начала XX в. на похороны у абхазов наряду с продуктами, приносили немного денег, но впоследствии (1960-е гг.) оказание помощи семье умершего деньгами вошло в обычай (в Западной Грузии этот обычай был широко принят в конце XIX в.; в начале XX в. в ряде западногрузинских районов он исчез, но затем вновь восстановился). По оценкам информаторов, на похоронах раньше ели и пили очень умеренно, придерживались традиционного числа стаканов, которые

выпивали в память умершего. Похоронные и поминальные столы в последние десятилетия стали накрывать в кафе или ресторанах. Отходом от религиозных норм является также создание совместных кладбищ.

Этнографические материалы вместе с тем свидетельствуют не только о значительном единстве обрядов похоронного цикла, но и о существенных различиях в этой области бытовой культуры абхазов и соседнего населения Западной и Восточной Грузии. Так, если у абхазов, как и в Западной Грузии в XIX в., был известен обряд массового оплакивания с пением «Азар», то подобного оплакивания не знали в Восточной Грузии. Если первая тризна в Восточной Грузии устраивалась после похорон (и здесь разрешалось есть мясо), то в Западной Грузии, как и в Абхазии, первая тризна устраивалась до похорон и еда была постной.

ГЛАВА III
ВОЕННАЯ КУЛЬТУРА

Вооружение

В условиях феодальных конфликтов и набегов вплоть до середины XIX в. в Абхазии сохранялась угроза военного и нападения и реальная опасность вооруженного вторжения. Основной мотивацией для постоянных военных вылазок являлся захват скота (*ашьамхы-раху* – скот и иное имущество, добытое в ходе набегов) либо пленников с последующей их продажей или использованием в домашнем хозяйстве[1164]. Причинами междоусобных столкновений также выступали похищения женщин, хозяйственно-бытовые разногласия и практика кровной мести.

Многочисленные вооруженные конфликты в жизни абхазов в Средние века и Новое время многократно увеличивают значение оружия. Археологические памятники этого периода содержат разнообразный набор вооружения, что должно свидетельствовать о достаточно высоком уровне развития военного дела у местного населения, прежде всего в период поздней античности и раннего Средневековья[1165]. Отмеченный исследователями значительный процент апсилийских могил с оружием указывает не только на большую степень милитаризации общества, но и

[1164] Инал-ипа Ш. Д Очерки об абхазском этикете... С. 23.

[1165] Потребности военной организации, вызвавшие к жизни заметный рост металлургического производства, связанный с появлением и относительно быстрым совершенствованием военного оружия древних абхазов, относятся к периоду бронзового века. Сама древняя Абхазия, как установлено археологическими материалами, на рубеже II и I тыс. до н. э. являлась одним из крупных центров металлопроизводства на Кавказе. Характерно при этом, что уже само по себе совершенствование оружейного производства влекло за собою ускорение имущественного расслоения общества: более прогрессивные виды вооружения, в особенности оборонительного, оказывались доступны лишь более состоятельным воинам (См.: История первобытного общества. Эпоха классообразования. – М., 1988. С. 212).

на то, что с оружием хоронилось практически все боеспособное мужское население независимо от социального статуса[1166]. Обращает на себя внимание тот факт, что если на территории древней и раннесредневековой Абхазии оружие часто представлено в могилах рядовых жителей, то этого не наблюдается в Центральной и Юго-Восточной Колхиде[1167]. Такое положение объясняется, скорее всего, тем, что на население древней и раннесредневековой Абхазии возлагалась, в частности, функция защиты страны от кочевников Предкавказья, тогда как в Центральном и Юго-Восточном Причерноморье угрозы со стороны кочевников не наблюдалось.

Для периода поздней античности и раннего Средневековья удалось установить, что на территории Абхазии среди различных видов ремесленного производства выделяется оружейное ремесло, хотя оно, по-видимому, еще не отличалось глубокой специализацией[1168]. Тем не менее О. Х. Бгажба указывает на богатый военный набор воина-апсилийца: мечи, наконечники копий, стрел, кинжалы, топоры и т. д.[1169]. Для периода VI–VII вв. число апсилийских погребений с оружием, согласно наблюдениям М. М. Казанского, сокращается, но зато появляются могилы с «воинскими» геральдическими поясами, видимо, за-

---

[1166] По этнографическим материалам XIX в., оружие у абхазов, как и у других народов Кавказа, ценилось практически больше всего. Абхазы были вооружены даже когда занимались обработкой своих полей или отгонным скотоводством. Холодное оружие в Древности и в Средние века также являлось частью погребального инвентаря умершего воина, сопровождая его на тот свет.

[1167] См.: Кахидзе А. Ю. Восточное Причерноморье в античную эпоху (VI–I вв. до н. э.)... С. 26.

[1168] См.: Бгажба О. Х. Черная металлургия и металлообработка в Древней и Средневековой Абхазии. – Тб., 1983. С. 97. Собственная металлургия Кавказа во все времена существовала только на Северо-Западном Кавказе (у абхазов, адыгов и сванов) и в Армении.

[1169] Бгажба О. Х. Черная металлургия и металлообработка в Древней и Средневековой Абхазии... С. 64–74, 78–82.

менившими помещение оружия в могилы. Эта воинская мода широко распространяется как в барбарикуме, так и в византийской армии, начиная с эпохи Юстиниана, то есть со второй трети VI в.[1170]. К указанному периоду, когда, возможно, наряду с оружейниками, появляются ножовщики, оружейное ремесло в Апсилии, по мнению О. Х. Бгажба, достигает своего высшего уровня в технике т. н. сварочного дамаска IV–VI вв.[1171].

По материалам О. Х. Бгажба, абхазский воин обладал до 150 видов наступательного и оборонительного оружия. Остановимся на некоторых примерах.

В наступательное оружие дальнего и ближнего боя абхазов входили копья – *аҧсақәа*. Прототипом абхазского копья служила деревянная пика-посох с острым железным наконечником – алабашьа (изготавливали в основном из пихты, клена или кизила)[1172]. Наконечник алабашьи делали обычно из чистого железа, качество которого зависело от мастерства кузнеца[1173], в дометаллический период конец посоха-алабашьи заострялся углями. Мы не исключаем, что слово «алабашьа» может дословно переводиться в связи с ее прямым военным назначением как «палка смерти» (*алаба* – «палка», *ашьы* – «смерть»)[1174]. По народным

[1170] Казанский М. М. Иерархия «воинских» погребений в Абхазии (II–VII вв.) и возможности социальной реконструкции // Социальная стратификация населения Кавказа в конце античности и начале средневековья: археологические данные. Материалы Международной научной конференции. Сухум, 31 мая – 5 июня 2015 г. – М., 2015. С. 94, 96.

[1171] Бгажба О. Х. Черная металлургия и металлообработка... С. 97, 98.

[1172] Слово «алабашьа», как было сказано, от абхазов перешло и к мегрелам (Антелава Нугзар. Абхазские мифы и ритуалы... С. 79 (на груз. и абх. яз.). Она использовалась для ходьбы в альпийской и ледниковой зонах, в гористых местах. Алабашьа у мегрелов применялась также в качестве подставки при стрельбе из ружья (См.: Грузины. Народы и культуры. – М., 2015. С. 213).

[1173] Бгажба О. Х. Избранные труды. – Сухум, 2023. С. 375.

[1174] Таким же образом этимологизировал указанный термин И. А. Аджинджал. Ш. Д. Инал-ипа понимал это слово как «алаба-шьа» в значении «палка братства» (от алаба – «палка» и ашьа – «кровь», «брат») (Инал-ипа Ш. Д.

представлениям, алабашью как орудие войны первыми начали употреблять *Айргьи* – божества войны. При стрельбе охотничий посох-алабашью втыкали в землю, а для точного прицела на его крючок в виде естественного отростка (ответвления) или специально вделанного крючка клали ствол ружья. При этом воин опирал ружье на свою алабашью только при стрельбе на длинные расстояния, спешившись с коня для более меткого попадания. При необходимости из двух таких алабашьев сооружали носилки, если нужно было спустить с гор раненого или тело погибшего человека[1175].

Железные наконечники копий рубежа античности и раннего Средневековья, выявленные во множестве в цебельдинских могильниках, по форме пера и другим признакам делятся на пять типов: копье с широким листовидным пером; с узким листовидным пером и граненым продольным пером; перо пламевидной формы (появляется, как считают, с VII в. под византийским влиянием), миниатюрное перо, снабжающее четырехгранную боевую часть копья; уплощенное ромбическое в разрезе перо[1176].

Абхазы. – Сухуми, 1965. С. 214. См. также: Габниа С. С., Смыр Г. В., Чеснов Я. В. Ритуально-обрядовые функции абхазских посохов... С. 122). По мнению Ш. Х. Салакая, термин «алабашьа» представляет собой композит: алаба – «палка» и шьа («ашьа») нога; буквально «палка нога», т. е. палка, на которую опирались во время ходьбы (Салакая Ш. Х. Абхазский героический эпос. – Тбилиси, 1966. С. 122. Об этом см. также: Шамба Р. П. О этнонимах апсуа, абаза, абхаз и других словах. – Сухум, 2010. С. 22).

[1175] См.: Габниа С. С., Смыр Г. В., Чеснов Я. В. Ритуально-обрядовые функции абхазских посохов... С. 119. Право носить «алабашью» в традиционном быту абхазов являлось, как известно, привилегией мужчин в возрасте от 60 до 70–80 лет. В Мегрелии же и в Сванети подобные факты не зафиксированы. Но не вызывает сомнения наличие у сванов самого посоха, служившего, впрочем, атрибутом путника в горах. По конструкции сванский посох напоминал абхазскую «алабашью», и в древности, как и у абхазов, он также использовался как оружие.

[1176] Воронов Ю. Н., Шенкао Н. К. Вооружение воинов Абхазии в IV – VII вв // Древности эпохи Великого переселения народов... С. 124–126. О наконечниках копий в античной Абхазии можно судить по находке одного его

Принято считать, что копья с железным наконечником состояли на интенсивном вооружении абхазов вплоть до VIII–IX вв. Копейщики у абхазов были верховыми, но могли перемещаться и пешком (в эпоху Абхазского царства копья с металлическим наконечником, по мнению некоторых авторов, не играли прежней роли, так как их частично могли заменить более усовершенствованные предметы вооружения)[1177].

Другим образцом наступательного оружия были дротики (*абӷакэа*)[1178]. Можно отметить и то, что вплоть до VII в. наконечники копий и дротиков имели такой характерный признак, как штамповка[1179]. Ближайшие аналогии абхазским наконечникам копий и дротиков со штампами известны как в нынешней Западной Грузии, так и на территории исторической Санигии и

экземпляра из могильника с. Адзюбжа, которое (наряду с другими железными предметами) было выявлено местными жителями в 1988 г. во время рытья могилы. Наконечник имеет плоское листовидное перо, продольная его ось переходит в разрезную снизу втулку, сделанную в виде свернутой трубки. Основные очертания сохранены, за исключением обломанного кончика. Поверхность в результате коррозии деформирована. Сохранившаяся длина наконечника – 25 см (при реставрации можно предположить, что общая его длина достигала 30 см), длина пера – 15 см. В том же захоронении был найден боевой топор с удлиненным молоточковидным обухом четырехгранной формы с клинообразно вытянутой в сторону лопастью. Длина топора – 15 см, ширина лезвия – 7 см. В 1978 г. археологическая экспедиция в с. Адзюбже (пос. Балан) раскопала и исследовала погребения, датированные III в. до н. э., в которых был обнаружен ряд аналогичных железных предметов – топоры, наконечники копий, стрел, ножи и т. д.

[1177] См.: Амичба Г. А. Абхазия в эпоху раннего Средневековья (Очерки по истории народного хозяйства и социально-экономических отношений в VI–Хвв.)... С. 131.

[1178] О том, что еще колхи, в том числе и предки абхазов, были вооружены короткими копьями и кинжалами, свидетельствовал Геродот (Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1947. № 2. С. 249).

[1179] Счастный Д. А. Наконечники копий и дротиков ромбического сечения со штамповкой из Восточного Причерноморья (Абхазия) // Абхазоведение. – Сухум, 2022. Вып. XII. С. 15–24.

Зихии, что можно объяснить этнокультурными связями населения указанных регионов с раннесредневековыми абхазами.

Среди наконечников копий и дротиков, которыми пользовались раннесредневековые абхазские воины, выявлены и наконечники особого типа дротиков, т. н. плюмбат, т. е. свинцовые дротики или дротики со свинцовым грузом. Последний крепился в месте соединения наконечника и древка. Являясь дополнительным фиксатором двух частей, свинцовый груз увеличивал массу оружия и тем самым обеспечивал дальность его метания до 200 футов (61 м)[1180].

В структуре вооружения абхазов на протяжении многих веков ведущее положение занимали лук и стрелы – основное наступательное оружие дистанционного боя. До середины IV в., судя по данным археологии, в погребальном снаряжении древнеабхазских воинов[1181] лук и стрелы встречаются не часто. Это позволяет сделать вывод, что усиление роли этого вида оружия происходит с конца IV в. (лук и стрелы приобретают облик, характерный для смежных районов Причерноморья)[1182]. При этом если деревянные луки и стрелы на территории Абхазии по известным причинам не обнаружены, то при раскопках Цебель-

[1180] Счастный Д. А. Наконечники плюмбат из Абхазии (III–VI вв.) // VIII «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Война и торговля как факторы исторического развития народов Западного Кавказа в древности и Средневековье: Материалы Международной археологической конференции (г. Анапа, 30 мая – 1 июня 2018 г.). –Краснодар, 2018. С. 305–312.

[1181] Воронов Ю. Н., Шенкао Н. К. Вооружение воинов Абхазии в IV–VII вв... С. 122. В то же время изобретение лука и стрел, по данным Ю. Н. Воронова, относится к началу неолитической эпохи. (Воронов Ю. Н. К вопросу об истории спорта в древней Абхазии... С. 16). Вместе с тем известно о том, что уже в верхнем палеолите у сибирских охотников имелся стрелковый лук. Об этом свидетельствуют археологические материалы из поздних слоев верхнепалеолитической Дюктайской культуры Якутии (33–10,5 тыс. лет до н. э.) (См.: Мочанов Ю. А. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. –Новосибирск, 1977. С. 18).

[1182] Шенкао Н. К. Научное наследие. – Сухум, 2021. С. 12–13.

динской крепости найдены обломки костяной накладки лука дуговидной формы (в башнях 2 и 3 в слое, датированном сер. и второй пол. VI в.)[1183].

В отличие от западноевропейских, например английских, лучников, которые были пехотинцами, абхазские лучники являлись всадниками (в некоторых случаях могли действовать как пешие лучники). Луки были трех видов: 1) простой лук; 2) сложный лук; 3) самострел[1184]. По описанию, сделанному А. Миллером в начале XX в., деревянный стержень приобретенного им лука имел в длину 90 см и толщину 2,5 см, на концах его сделаны надрезы, к которым привязана тетива – обыкновенная веревка: стрела подвешивается к луку, который сделан из каштанового дерева, с утолщением к концу; длина стрелы – 56 см; на конце вырезаны три зубца, сзади – углубление для тетивы[1185]. Эффективность стрельбы из лука достигалась за счет меткости и высокой пробивной силы. Абхазы, как и адыги, луком со стрелами действовали обычно весною и осенью, так как летом лук от жары становится слабым, а зимой от холода – чрезмерно тугим.

В зависимости от цели применения имелись конические, уплощенные и другие виды наконечников стрел. В Цебельдинской крепости выявлены относящиеся к VI в. втульчатые трехлопастные наконечники стрел – листовидной формы, черешковый, плоский, черешковые трехлопастные трех разновидностей (в основном для поражения легковооруженной пехоты), черешковые бронебойные двух разновидностей и т. д.[1186]. Выявлены трех и четырехгранные бронебойные стрелы, которые

[1183] Воронов Ю. Н., Шенкао Н. К. Вооружение воинов Абхазии в IV–VII вв... С. 122.

[1184] Подробнее об их изготовлении см.: Аджинджал И. А. Из этнографии Абхазии... С. 395–396; Счастный Д. А. Апсилийские луки позней античности и раннего Средневековья // Труды АГМ. – Сухум, 2018. Выпуск VII. С. 50–59.

[1185] Аджинджал И. А. Из этнографии Абхазии... С. 395–396.

[1186] Воронов Ю. Н., Шенкао Н. К. Вооружение воинов Абхазии в IV–VII вв... С. 124.

предназначались для пробивания кольчужных доспехов противника. Железная поверхность бронебойных наконечников стрел подвергалась насталиванию (цементации), таких наконечников бронебойных стрел в Цебельде было выявлено в количестве трех экземпляров. Найдены фрагменты сложного лука V в. н. э. На Гуарапском культовом памятнике имеется изображение всадника, вооруженного копьем и луком со стрелами. А на первой плите алтарной преграды из Цебельды (VI–VII в. н. э.) изображен всадник, держащий в левой руке небольшой лук со стрелой с раздвоенным наконечником[1187].

Довольно много двурогих железных наконечников было обнаружено на известном средневековом жертвеннике на склоне горы Напра (в западной части Бзыбского хребта), где в течение столетий было собрано свыше 15 тыс. экземпляров железных наконечников стрел[1188]. Эти двурогие наконечники употреблялись обычно в охоте на птиц, но встречались и в колчанах воинов. Один наконечник имел специальное полое утолщение с отверстиями – на лету стрела с таким приспособлением со свистом рассекала воздух, пела[1189]. По свидетельству Г. К. Шамба, им была найдена костяная свистулька, которая, по его мнению, имела военное назначение[1190] (подобные свистульки, которые

[1187] См.: Шенкао Н. К. К вопросу изучения дальнего метательного оружия у народа Абаза // XLV итоговая научная сессия АбИГИ. Тезисы докладов. – Сухум, 2000. С. 42–43. Стрела с раздвоенным наконечником по-абх. абырзал-абрдзал. Абрдзалом называлось у абхазов и двулезвийное копье, которое представлялось в их верованиях оружием божества молний Афы. В некоторых храмах соседней Мегрелии в честь св. Георгия хранились особые эмблемы – железные раздвоенные копья, именовавшиеся «бурдзали», соответствовавшие абхазским «абрдзал» (Акаба Л. Х. Из мифологии абхазов. – Сухуми, 1976. С. 72, 97).

[1188] Воронов Ю. Н., Левинтас В. Б. По древним тропам горной Абхазии... С. 16.

[1189] Там же. С. 16–17.

[1190] См.: Ахба Д. В. Игрушки в быту абхазов. // Труды АГМ. – Сухум, 2008. Вып. VI. С. 166.

воины ставили на стрелы, издавали в полете жуткий свистящий звук, что наводило ужас на врагов). А Г. А. Сангулия полагает, что свистулька имела назначение детской игрушки (устное сообщение).

Судя по ряду косвенных данных, в раннесредневековой Абхазии были специальные мастера-лучники: изготовление луков и стрел требовало больших знаний специфики этого оружия, свойств материалов и длительного производственного опыта.

Стрельба из лука производилась несколькими способами: стоя на земле, сидя верхом на лошади и на скаку лошади. Стрельба из лука было сложным занятием, а подготовка хорошего лучника требовала от 10 до 15 лет. Учились стрелять из лука на дальность, меткость и попадание в мишень на полном скаку. Средняя дистанция для реальной убойной стрельбы из скифского лука составляла от 120 до 150 м, а скорострельность от 10 до 12 выстрелов в минуту[1191]. Абхазы, по данным И. А. Аджинджала, стрелами попадали в цель на расстоянии от 100 до 200 м, но были отдельные стрелки, которые попадали в цель и на расстоянии до 400–500 м[1192]. Для более быстрого действия иногда в левой руке вместе с луком стрелок держал несколько штук стрел и выпускал в минуту от 8 до 10 стрел. Судя по литературным и полевым данным, с детских лет обучаясь стрельбе из лука и одновременно верховой езде, стрелки-лучники у абхазов, как и у других горских народов Кавказа, получали хорошую выучку (детские луки ахэмпал отличались от настоящих своими размерами, а также тем, что стрелы не имели металлических наконечников)[1193]. Наиболее опытные конные стрелки абхазов поражали цель на полном скаку. Чтобы лучники могли пора-

[1191] Гуляев В. И. К вопросу о наличии панцирной конницы у среднедонского населения в скифское время // Война и военное дело в скифо-сарматском мире. – Ростов-на-Дону, 2014. С. 81.

[1192] Аджинджал И. А. Из этнографии Абхазии... С. 398. Убыхские и адыгские лучники, например, также попадали стрелами в цель за 300–400 шагов.

[1193] Аджинджал И. А. Из этнографии Абхазии... С. 398.

жать цели за несколько сотен метров, в Средневековой Абхазии систематически устраивались конкурсы лучников[1194]. К абхазам и адыгским воинам-лучникам вполне приложимы слова М. В. Горелика, отмечавшего, что «широкое использование лука, наличие большого контингента хороших лучников возможны прежде всего в обществе, в котором развита охота и пастушеское скотоводство, а общественные отношения отличаются достаточно высокой степенью свободы индивидуума от трудовых, требующих изнурительной работы обязанностей по отношении к властям, что позволяло ему иметь досуг для тренировок, охоты и пр.»[1195].

Учитывая, что лучниками при стрельбе врагу наносился наибольший урон, попав в плен, лучники оказывались в наиболее уязвимом положении, так как им мстили за погибших товарищей с особой жестокостью[1196].

Еще одну группу снаряжения абхазского воина составляло метательное оружие. Важным его видом являлось ручное оружие – праща (ее абхазское название *ацэҳар* происходит от *ацэа* – «кожа», *аҳара* – «плести») – петля из плетеного кожаного ремня, куда вкладывалось каменное ядро[1197]. Таких круглых, хорошо обработанных камней в Абхазии найдено большое количество. Так, метательный камень шарообразной формы был найден, например, М. М. Трапш в 1962 г. на Адзюбжском городище (пос.

[1194] Инал-ипа Ш. Д. Очерки об абхазском этикете... С. 37.

[1195] Горелик М. В. Оружие Древнего Востока (IV тысячелетие – IV в. до н. э.). – М., 1993. С. 78–79.

[1196] См.: Макглинн Ш. Узаконенная жестокость: правда о средневековой войне. – Смоленск, 2011. С. 244.

[1197] Такое приспособление для метания камней широко применялось, как известно, в войнах народов Древнего Востока, а также древними греками и римлянами. В частности, как сообщают римские источники, при столкновении с Митридатом иберы «хотели помешать ему стрелами и пращами» (Аппиан. Митридатовы войны // ВДИ. 1946. № 4. С. 279).

Балан) серед. I тыс. до н. э.[1198]. На территории Анакопийского городища найдены десятки пращевых ядер круглой и яйцевидной формы диаметром от 3 до 8 см[1199]. Сотни таких же ядер весом от 25 до 40 кг выявлены внутри и вокруг всей территории Цебельдинской крепости[1200] (пращу в окрестностях Цебельды в VI в. широко применяли и византийцы)[1201]. Исследователи, занимающиеся изучением пращевых пуль, приходят к выводу, что максимальная дальность броска каменного ядра составляет 232 м (даже в настоящее время можно метать из пращи обычную гальку на 230–240 м)[1202]. Пращой, несомненно, действовали пешие воины, а обучаться владеть этим ручным оружием также начинали с раннего детства[1203]. Упражнением, писал И. А. Аджинджал, можно было достигнуть «значительной силы удара и точности попадания... Подтверждением того, что праща действительно бытовала в Абхазии, служит также и то, что в абхазских деревнях порою можно встретить детей, пользующихся во время своих игр пращой для метания камней. Пращу они делают из лыка молодых побегов деревьев, а иногда они используют

[1198] См.: Трапш М. М. Полевая запись. 7 марта 1962 г. Пос. Балан. Хранится в Отделе древней истории и археологии Абхазского государственного музея.

[1199] Аджинджал И. А. Из этнографии Абхазии... С. 393.

[1200] Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х. Главная крепость Апсилии... С. 25.

[1201] Об этом см. также Шенкао Н. К. Научное наследие... С. 21.

[1202] Дедюлькин А. В. «Пращевые» камни в погребениях скифской эпохи // //Война и военное дело в скифо-сарматском мире. – Ростов-на-Дону, 2014. С. 93.

[1203] См.: Чочуа А. М. Избранные сочинения... С. 28; Аджинджал И. А. Из этнографии Абхазии... С. 392–393. По мнению Ю. Н. Воронова, появление пращи относится к началу неолитической эпохи (Воронов Ю. Н. К вопросу об истории спорта в древней Абхазии... С. 16), но судя по всему метательное орудие, предназначенное для метания камней, появляется в позднем палеолите (См.: Кун Ласло. Всеобщая история физической культуры и спорта. – М., 1982. С. 28).

свои кожаные пояса»[1204]. При этом камни, обнаруживаемые на средневековых городищах Абхазии, могли использоваться для метания не только пращой, но и просто руками, когда в обороне участвовало все население.

Во время Анакопийского сражения с арабами в 738 г. на стенах и башнях Анакопийской крепости стояли катапульты, засыпавшие неприятеля камнями. В качестве метательного оружия анакопийцы применяли и «гарпуновидные» предметы с шипами, балластные камни из гранита (в Анакопийской крепости найден огромный баллистный шар из серого гранита диаметром 20–21 см)[1205]. Не исключено также, что в Средние века абхазскими воинами в бою могло применяться массивное каменное или деревянное метательное колесо под названием *аджинчарах*. Оно упоминается в нартских сказаниях абхазов[1206]. Могла применяться и катапульта, стрелявшая толстыми бревнами с помощью тетивы, свитой из множества бычьих жил.

Средневековые войны локализовывались главным образом на осадах замков и городов (которые выступали символами власти и могущества). Для разрушения крепостных стен и ворот, как можно утверждать на основании письменных и фольклорных материалов, абхазские воины использовали таран – *абаалдық*. При осаде войсками абхазского царя Баграта II и его армянскими союзниками Шамхорской крепости в начале XI в.[1207] туда были подтянуты камнеметы и приставлены стенобитные орудия[1208]. При штурме крепостей и других укреплений применялись также зажигательные стрелы, подкопы и некоторые другие средства. Чтобы обезопасить себя от вражеских стрел,

---

[1204] Аджинджал И. А. Указ. раб. Там же.

[1205] Трапш М. М. Средневековая Анакопия... С. 144–145.

[1206] Инал-ипа Ш. Д. Памятники абхазского фольклора... С. 73.

[1207] Шамхор – совр. Шамкир. Город в Азербайджане, к западу Гандзы (Гянджи) исторической страны Ран.

[1208] Цит. по: Чачхалиа Д. К. Абхазское царство. Эпоха Баграта II. 978–1014 гг. – М., 2019. С. 26.

абхазы делали плетеные корзины, наполняли и камнями и ставили перед собой[1209].

При наступательных действиях применялись также топоры (*аихақэа*), ножи (*аҳәызбақэа*, применялись и в качестве метательного оружия), мечи (*асақэа*).

Еще в V в. воины древней Абхазии использовали в бою римские мечи из дамасской стали[1210]. Абхазское название дамасской стали *афрангь* (т. е. «французская») О. Х. Бгажба считает возможным увязать с топорами-франциски или более поздними франкскими мечами из дамасской стали. Во всяком случае еще в IX в. франкские мечи попадали к Черному морю и дальше. Стоимость хорошего меча приравнивалась к стоимости слона[1211]. Поэтому в могильниках мечи встречаются реже, а погребения, в которых найдены мечи (кинжал или скрамасакс) в сопровождении богатого набора оружия, могут быть объяснены как принадлежавшие военным предводителям. Для периода VI–VII вв. такое погребение с мечом было найдено в Абгыдзраху (Цебельде). Меч с р-образной портупейной скобой был обнаружен и в погребений Пышта – Верхняя Эшера[1212]. На некоторых из цебельдинских мечей VI в. имеются фигурные накладки, приваренные к лезвию ниже перекрестья. Считают, что мечи того

[1209] Инал-ипа Ш. Д. Абхазы. – Сухуми, 1965. С. 404.

[1210] Бгажба О. Х. История железообрабатывающего производства в Западном Закавказье (I тыс. до н.э. – середина II тыс. н. э.) Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. докт. ист. наук. – М., 1994. С. 22. В период поздней античности, по данным М. М. Трапш, основным оружием абхазских воинов, наряду с наконечниками копий, являлись, как у сарматов, двулезвийные мечи. Он приходит к выводу о том, что «апсило-абазгские всадники могли рубиться мечами на полном скаку» и что конница в это время имела на вооружении как длинный, так и короткий меч или кинжал (Трапш М. М. Труды. – Тбилиси, 1971. Т. 3. С. 147. Его же. Труды. В пяти томах. – Сухум, 2021. Том III. С. 160).

[1211] См.: Бгажба О. Х. Мечи из «дамасской стали» в Абхазии // Известия АИЯЛИ им. Д. И. Гулиа. – Тб., 1985. Т. XIII. С. 76–77.

[1212] Казанский М. М. Иерархия «воинских» погребений в Абхазии (II–VII вв.) и возможности социальной реконструкции... С. 94 – 95.

типа имели римско-византийский источник. У большинства цебельдинских мечей найдены крупные бусы из горного хрусталя, которые подвешивались к рукояти, вероятно с помощью шнурка. Эта характерная черта эпохи великого переселения народов, как видно, была воспринята и раннесредневековыми абхазскими воинами[1213].

В различных сценах изображений цебельдинских алтарных плит, особенно в сцене чуда Св. Евстафия, присутствуют широкий прямой меч (у Евстафия) и не очень широкие мечи (у всадников)[1214]. Являясь одним из статусных видов наступательного вооружения древних и раннесредневековых абхазских воинов, двулезвийные мечи, даже сильно поврежденные, местные мастера старались реанимировать, соединяя две части ору-

---

[1213] См.: Воронов Ю. Н., Шенкао Н. К. Вооружение воинов Абхазии в IV–VII вв.... С. 124–126. Следует отметить, что в эллинистических погребениях на территории с. Эшера и Абгархук (IV–III вв. до н. э.) найдены скульптурные бронзовые фигурки всадников. Особо обращает на себя внимание то, что в Эшерской находке справа от стремительно несущегося всадника наличествует изображение собаки с ошейником и раскрытой пастью. Трудно сказать, идет ли речь в этом изображении о специальной боевой, или обычной сторожевой, или охотничьей собаке, которая сопровождала своего хозяина. Однако, учитывая, что древнеабхазское общество в античный период (как и феодальное абхазское) было сильно военизированным, можно полагать, что в эшерском изображении мы видим боевую собаку. Это означает, что в античное время в бою абхазы могли использовать тренированных собак для ранения, убийства лошадей или воинов противника. Известно, что после эпохи великого переселения народов боевые псы (и в частности у алан, которыми была выведена боевая порода собак под названием алаги) перестают применяться (их стали использовать в основном для охоты и охраны). Несомненно, что и абхазы в Средние века широко применяли собак как для охоты, так и для охраны своих жилищ, военных крепостей и укреплений. Они присутствуют и в Нартском эпосе абхазов. Обычно каждого конного нарта в походе сопровождали две-три боевые собаки, в качестве которых им иногда служили прирученные волки.

[1214] Хрушкова Л. Г. Скульптура раннесредневековой Абхазии. V–X века... С. 58–59.

жия вместе посредством металлических пластин (в тех случаях, когда повреждалась часть клинка ближе к хвостовику, для него изготавливали стакан из двух железных пластин и соединяли с хвостовиком с помощью заклепок). Следы таких реставраций путем металлических накладок на клинок были выявлены у нескольких мечей из Абхазии[1215]. Процедура восстановления поврежденных предметов была широко распространена на окраинах римско-византийского культурного мира. Такая работа могла производиться как в самих имперских мастерских, связанных с гарнизонами, дислоцированными в крепостях на территории Абхазии, так и местными мастерами.

Наряду с двулезвийными остроконечными мечами с длинной и короткой рукояткой, на вооружении в VI–VII вв. имелись однолезвийные железные мечи[1216]. Выявленный Г. К. Шамба в некрополе Ахаччарху (в р-не Цебельды) однолезвийный меч был датирован им IV–V вв. н. э. Такая датировка может свидетельствовать о том, что население нагорной части Абхазии было знакомо с этим видом оружия на самом раннем этапе его возникновения, когда двухлезвийность меча стала излишней и появились первые однолезвийные мечи, являющиеся переходной формой между двулезвийным мечом и саблей»[1217].

Отметим специфический способ использования мечей в военных условиях. Из переплетенных веревками мечей так же, как из посохов-алабашьев, составлялись носилки, на которых несли на плечах раненых воинов. Об этом, возможно, свидетельству-

---

[1215] См.: Счастный Д. А. Позднеантичные и раннесредневековые мечи со следами ремонта из Абхазии // Сборник материалов VII Всероссийской научной конференции с международным участием «Потемкинские чтения». 26–28 октября 2023 г. – Севастополь, 2023. I том. С. 52–58.

[1216] Трапш М. М. Труды. – Сухуми, 1975. Т. IV. С. 174.

[1217] Шамба Г. К. Ахаччарху – древний могильник нагорной Абхазии... С. 39. См. также: Шамба Г. К. Археологические разведки 1967 года в Гагрском районе // Материалы по археологии и искусству Абхазии. – Сухуми, 1974. С. 51.

ет само название носилок – асакаса, которые, надо полагать, представляют собой дублирование одного и того же слова аса – «меч» и которое в таком случае переводится как «меч к мечу».

Хотя мечи являлись наиболее универсальным оружием, которым можно было биться и пешим и конным, и в строю и в поединке, наиболее распространенным видом средневекового оружия (наряду с копьями) были топоры. Они стоили дешевле меча, кроме того, с топором все мужчины были знакомы с детства, и поэтому он являлся привычным оружием. Более того, меч плохо пробивал латы, и им можно было наносить только колющие удары в сочленения в доспехах. Топоры же разрубали щиты и доспехи противника. Еще в период поздней античности воины древней Абхазии использовали в бою метательные топоры – франциски. Топорище метательных франциск было короче длины руки воина, о чем Прокопий Кесарийский писал: «Деревянная... ручка (франциск – **О. М.**) очень короткая»[1218]. Тот же автор об использований франциск в качестве метательного оружия сообщал: «Обычно бросают во врагов эти секиры, разбивая их щиты, и убивают их самих»[1219]. По множеству найденных на территории Апсилии боевых топоров видно, что здешние воины массово были вооружены и этим видом холодного оружия. Собственно, цебельдинские топоры, которые из-за короткой рукояти находят аналогии среди франциск, с широким асимметричным лезвием, бывали как с угловатым, так и округлым обухом. Топоры же с узким лезвием имеют молоточковидный обух. Обе разновидности топоров датируют IV–VII вв. Если цебельдинские топоры, как полагает Ю. Н. Воронов, были действительно метательными, то эта традиция могла сохраняться здесь еще со времен бронзовых топоров[1220].

[1218] Прокопий Кесарийский. Война с готами... С. 239

[1219] Там же.

[1220] Воронов Ю. Н. Тайна Цебельдинской долины... С. 94. Цебельдинские топоры использовались и на других исторических территориях Абха-

В защитное вооружение воинов в этот период включались шлемы (*акэалӡхылԥақәа*), щиты (*аԥыракқәа*, абж. *аманызақәа*) и кольчуги (*акэылӡқәа*). Археологические находки из Келасура, Эшерского городища и других пунктов Абхазии позволяют считать, что применялись шлемы, относящиеся к греческим образцам, а у некоторых из них даже были заметны следы переделок местными мастерами[1221] (по Геродоту, колхи на головах носили деревянные шлемы)[1222]. Широко применялись воинами в средневековой Абхазии и кольчуги[1223], хотя в археологических материалах они представлены в малом количестве, фрагментами. Как основной вид доспеха, кольчуги были железными, длиной до локтей и до бедер, с отворотом для надевания их через голову. На высокое качество абхазских кольчуг указывает ряд сообщений письменных источников. Согласно Г. Клапроту, «особенно хорошие кольчуги изготавливаются только в землях абхазов у Черного моря»[1224]. О том же писал военный историк И. Бларамберг: «…кольчуги очень хорошего качества производятся также в Абхазии»[1225]. Учиты-

---

зии (Абасгия, Санигия). Так, данный тип оружия был найден в окрестностях г. Сочи, на с.-в. окраине Красной Поляны (Воронов Ю. Н. Научные труды. Т. IV. 2014. С. 345).

[1221] Воронов Ю. Н. Вооружение древнеабхазских племен в VI–I вв. до н. э. // Скифский мир. – Киев, 1975. С. 224–226.

[1222] Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1947. № 2. С. 249.

[1223] Бгажба О. Х. Черная металлургия и металлообработка в Древней и Средневековой Абхазии... С. 93. См. также: Сангулия Г. А., Кармов Т. М. Новая находка раннесредневекового ламеллярного доспеха на территории Абхазии // Кавказ в системе культурных связей Евразии в Древности и Средневековье. XXX «Крупновские чтения». Материалы Международной научной конференции. Карачаевск, 22–29 апреля 2018 г. – Карачаевск, 2018. С. 372–373.

[1224] Клапрот Г. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807–1808 гг. // Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов XIII – XIX вв. – Нальчик, 1974. С. 266.

[1225] Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое и во-

вая добротность абхазских кольчуг, их вывозили в другие части Кавказа[1226].

Щиты *аԥырак*[1227] были деревянными и обычно округлой формы. Они представляли собой плетеные из прутьев своеобразные жилеты, обтянутые шкурой животного (еще Геродот сообщал о том, что колхи имели небольшие щиты из сырой кожи)[1228]. Щиты усиливались в центре железными круглыми умбонами с перекрещенными поверх них фигурными пластинами и дополнительными оковками в центре и по краю щита. Воины Абхазии, по мнению некоторых авторов, являлись единственными в Кавказском регионе, которые использовали щит с металлическими умбоном и рукоятью, более типичный для европейских варварских народов (кельтов, германцев, балтов, прибалтийских финнов, фракийцев) и для позднеримской армии[1229].

Апсилы использовали четыре вида щитов: овальные с умбоном, круглые с умбоном, прямоугольные щиты без умбона, шестиугольные с умбоном[1230]. Использовались и щиты греческого происхождения. По материалам цебельдинских раскопок, поверхность щитов покрывалась кожей. У одного прямоугольного щита (49 х 68 см) углы были укреплены железными скобами, а торцы обшиты железными полосами на длинных гвоздях[1231].

енное описание Кавказа // Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. – Нальчик, 1974. С. 363.

[1226] Аствацатурян Э. Г. Оружие народов Кавказа. – Москва–Нальчик, 1995. С. 50.

[1227] Некоторые авторы от абх. «ацырак» производят и груз. «сапари» – «щит» (Кварчия В. Е. Из этнической истории абхазского (апсуа//абаза) народа или о языке и истории абхазов и абазин... С. 371–372).

[1228] Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. 1947. № 2. С. 249.

[1229] Казанский М. М. Иерархия «воинских» погребений в Абхазии (II–VII вв.) и возможности социальной реконструкции... С. 89.

[1230] Трапш М. М. Труды. – Сухуми, 1975. Т. IV. С. 87. Его же. Труды В пяти томах. – Сухум, 2021. Т. III. С. 21.

[1231] Воронов Ю. Н. Тайна Цебельдинской долины... С. 95.

Щиты овальной формы были диаметром до 0,7 м. Железные умбоны имели граненую или гладкую поверхность и плавный либо уступчатый переход к полям. Изнутри в центре щит имел деревянную рукоять с железным покрытием, связанную с умбоном с помощью гвоздей, иногда выковывавшихся слитно со щитком рукояти[1232]. Деревянные щиты, судя по имеющимся данным, использовались абхазами и в XIX столетии. Эдм. Спенсер во время своей поездки на Западный Кавказ в первой половине XIX в. описывает щиты местных воинов, которые были «сделаны из дерева и покрыты шкурой буйвола: щиты были скреплены полосками из железа или тисового дерева»[1233]. По некоторым данным, в древности и Средние века абхазы изготовляли и железные щиты. По аналогии с материалами археологических находок из античных городов Северного Причерноморья считают, что в III–IV вв. н. э. в Цебельде часть кавалерии пользовалась круглыми щитами. Это доказывается совместными нахождениями длинных всадниче ских мечей с остатками круглых щитов в некрополе Абгыдзраху (погр. № 12 и № 27). В том же некрополе в погребении № 6 железные двусоставные удила найдены в сопровождении с остатками круглого щита (такие щиты состояли и на вооружении пеших цебельдинских воинов)[1234]. По материалам Ю. Н. Воронова, в могилах знати апсилов IV–VI вв. были обнаружены импортные щиты с гербами, необычные для Кавказа[1235].

Воины носили особые панцири – «черепахи», которые применялись для защиты от всех типов метательных снарядов (кроме снарядов тяжелых метательных машин). При построении «чере-

---

[1232] Там же.

[1233] Спенсер Эдм. Описание поездок по Западному Кавказу. – Нальчик, 2008. С. 53.

[1234] Трапш М. М. Труды. В пяти томах. – Сухум, 2021. Том III. С. 170.

[1235] Воронов Ю. Н. Материальная культура апсилийской аристократии (Восточное Причерноморье) с IV–VI вв. // Абхазоведение. – Сухум, 2013. Вып. 8–9. С. 308.

пахой» воины поднимали щиты и закрывались ими сверху и со всех сторон. Если строй воинов в «черепахе» разъединялся или они не успевали прикрыться щитами, их поражали стрелами или копьями. Об этом Агафий Миринейский сообщал следующее: прежде чем мисимиане, пользуясь «черепахой», приблизились к римским сооружениям и «должным образом прикрылись, некий Сваруна по имени, славянин по происхождению, метнул копье в не успевшего еще прикрыться и поразил его смертельно. Тотчас же черепаха дрогнула и, рассыпавшись, рухнула. Раскрылись и остались без защиты люди, которых римляне легко перебили, поражая копьями»[1236].

Из цебельдинских материалов явствует, что на вооружении абхазов имелись железные панцирные пластины (более ста пластин от панциря было зафиксировано в Цебельде), подобные которым известны среди находок VI–VIII вв. в Северном Причерноморье и Средней Азии[1237]. В источниках нет твердого различия между понятиями «панцирь» и «кольчуга», но исследователь защитного вооружения Н. В. Гордеев предлагает различать их по способу крепления кольца – в кольчуге «на гвоздь», в панцире «на шип». Крепление «на гвоздь» состоит в том, что расплющенные концы согнутого в колечко отрезка проволочки с пробитыми отверстиями соединяют гвоздиком, проходящим в оба отверстия, концы которого расклепывают по обе стороны кольца. Крепление «на шип» заключается в том, что в одно из отверстий укрепляют конической формы шип, на его острие накладывают отверстие второго конца проволочки и расплющивают шип. При этой технике головка образуется лишь на одной стороне кольца, другая остается гладкой, и на ней иногда видно место укрепления шипа. Благодаря тому, что одна сторона кольца гладкая, панцири меньше рвут надеваемую под них оде-

[1236] Агафий Миринейский. О царствовании Юстиниана. – М., 1996. С. 71.

[1237] Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х. Материалы по археологии Цебельды... С. 84.

жду, чем кольчуги. Все панцири одинакового плетения, то есть каждое кольцо захватывает четыре других. Кольца у панцирей меньшего размера, чем у кольчуг, и панцири легче их[1238].

На вооружении абхазов в раннем Средневековье, очевидно, находились и ламеллярные доспехи «аварского» круга. Об этом говорят находки на территории цитадели в Хашупсинской крепости в Гагрском районе Абхазии железных пластин доспеха (имеют сходство с пластинами из Цебельды)[1239]. Находки фрагмента доспехов такого типа – не частое явление для археологии Абхазии и Восточного Причерноморья в целом[1240]. Это, очевидно, свидетельствует об ограниченном использовании абхазскими воинами данного защитного вооружения. По мнению большинства исследователей, подобный род защитного вооружения впервые в раннем Средневековье был занесен в Европу аварами, что в свою очередь увязывается с их центрально- или среднеазиатским происхождением.

Применялись, по-видимому, пластинчатые наручи (*аманызақәа*) и поножи (*ашьанызақәа*).

Из сообщений византийских источников в целом можно сделать вывод о том, что абхазские народности были хорошо вооружены, что предполагает существование собственных мастерских по производству вооружения. При этом абхазские народности, часто выезжая на службу и воюя в составе византийцев (в частности, принимая участие в кавказском походе византийского императора Ираклия в 20-х гг. VII в.), усваивали новые

[1238] [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.adygi.ru/index.php?newsid=11829; Гордеев Н. В. Русский оборонительный доспех // Сборник научных трудов по материалам Государственной оружейной палаты. – М., 1954.

[1239] Подробное описание доспеха см.: Сангулия Г. А., Кармов Т. – М. Новая находка раннесредневекового ламеллярного доспеха на территории Абхазии // Кавказ в системе культурных связей Евразии в Древности и Средневековье. XXX «Крупновские чтения»... С. 372–373.

[1240] Там же. С. 373.

знания в области военного дела[1241], вплоть до того, что вооружение абхазских войск не отличалось от византийских.

С образованием на территории Западного Закавказья Абхазского царства и складыванием абхазской феодальной народности можно говорить о формировании нового комплекса вооружения абхазов. Особо при этом отметим, что расширение территории государства за счет присоединения новых плодородных земель Эгриси способствовало увеличению посевных площадей и пастбищ, что позволяло, в частности, увеличить воспроизводство лошадей и создавать крупные конные воинские контингенты.

Установлено, что в этот период на территории Абхазии возникают уже специализированные мастерские мечников, ножовщиков[1242], которые ковали оружие типа франкских мечей. При действиях конницы абхазскими воинами употреблялись длинные двухлезвийные мечи, а при рукопашной схватке – короткие однолезвийные кинжалы[1243].

Вооружение абхазов в эпоху Средневековья, как было отмечено, испытывало влияние военной техники из различных регионов Евразии. В частности, длительное сопрокосновение абхазов с Византией (достигшие своего наивысшего развития в VIII–XI вв.), давало возможность пополнения состава своего вооружения образцами, стоящими на уровне лучших достижений военной техники того времени. И действительно, все имеющиеся данные указывают на то, что абхазские цари вооружали свой войска по византийскому образцу. Например, по свидетельству А. В. Фадеева, абхазы применяли византийскую новейшую военную технику, заимствуя их

[1241] Об этом см. также напр.: Касландзия Н. В. Формирование военной организации в раннесредневековой Абхазии (VI – VIII вв.) // АГУ. Юбилейное научное издание. – М., 2017. С. 290

[1242] Бгажба О. Х. Черная металлургия и металлообработка в Древней и Средневековой Абхазии... С. 99.

[1243] Гунба М. М. Новые памятники Цебельдинской культуры... С. 78, 83.

технические достижения[1244]. Экипировка и обмундирование абхазских отрядов были полностью идентичны византийским образцам, абхазское войско «было вооружено по византийскому обычаю в сплошные латы, в то время как другие кавказские народы носили кольчужные доспехи»[1245].

О том, как были вооружены абхазы в эпоху Абхазского царства VIII–IX вв., можно лишь судить по цебельдинскому рельефу. Изображенный на нем всадник вооружен широким мечом, кинжалом, небольшим луком и двурогим наконечником стрелы *абырзал*[1246].

На вооружении воинов в указанное время были пики, приспособленные для пробивания кольчуги врага. Ее появление было вызвано стремлением конников получить преимущество как над пешим, так и над конным противником, что было достигнуто удлинением копья. Можно в этой связи вспомнить византийских катафрактариев (ударную тяжелую кавалерию), имевших на вооружении почти пятиметровые двуручные пики (появившиеся у них под влиянием Персии), или классических средневековых рыцарей, таранным ударам которых мало кто мог противостоять.

Имеются основания полагать, что копья-пики длиной более 3 м были главным наступательным оружием тяжеловооруженных всадников в период Абхазского царства. Для защиты корпуса лошади делали нагрудники и попоны из толстой кожи, усиленные либо металлическими бляхами, либо «панцирным» набором. Говоря о железных пластинах из Цибилиума, предназначенных для защиты коня, О. Х. Бгажба отмечает: «Всадник надевал на

[1244] Фадеев А. В. Краткий очерк истории Абхазии... С. 79.

[1245] Грен А. Династия Багратидов в Армении // ЖМНП. 1893. № 11. С. 94; Георгика. – Тбилиси, 1961. Т. 1. С. 171.

[1246] См.: Бгажба О. Х. По следам кузнеца Айнара. Из истории кузнечного ремесла древней и средневековой Абхазии (VIII в. до н. э. – XV в. н. э.)... С. 49.

себя кольчугу, конь был закрыт в броню из этих пластин»[1247].

С VIII по XV вв. в качестве защитного вооружения использовали кольчуги, шлемы и деревянные щиты. В Абхазском царстве воины применяли и щиты, укрепленные металлом. Система усиления щитов металлом распространилась из Византии (в самой Византии усиление щитов металлом происходило, как считают, под влиянием Скандинавии, где существовала такая традиция)[1248]. Доспех дополнялся пластинчатыми наручами, поножами, наплечниками.

Ценную характеристику военного оснащения абхазского войска в X в. привел М. Броссе. Он подчеркнул, что абхазские всадники были закованы в латы: «у них были каски, увенчанные султанами, железные набедренники, на плечах – оборонительные доспехи, покрытые железными пластинками, щиты, которые не могли пробить копья и стрелы, и, кроме всего этого, они были вооружены большими и прочными мечами и луками. Привожу все эти подробности, – продолжает М. Броссе, – только потому, что они представляют интерес для истории военного искусства той эпохи... и, может быть, они говорят о величии, которым пользовались абхазы, воинственный народ, игравший огромную роль в истории Грузии в X в.»[1249].

Судя по приведенным М. Броссе сведениям, в его описании речь идет о тяжелой кавалерии в составе абхазского войска. Наличие в абхазском войске тяжелой конницы, естественно, предполагает существование и легкой конницы. Последние были вооружены мечами (саблями), пиками, дротиками (или метатель-

---

[1247] Бгажба О. Х. Избранные труды. – Сухум, 2023. С. 116.

[1248] См.: Цурцумия М. Эволюция средневековых щитов, укрепленных металлом // Военная археология. Сборник материалов научного семинара. – М., 2018. Вып. 4. С. 252–267.

[1249] Броссе М. История грузинских Багратидов до XI в. по сведениям армянских и греческих авторов. – СПб., 1843. С. 52 (на франц. яз.).

ными ножами), круглыми щитами (они могли также иметь луки и небольшие топоры)[1250].

Длинные, до 1 м, прямые обоюдоострые мечи, судя по некоторым документам, в этот период из-за ряда своих боевых качеств и удобства использования частично или полностью вытесняются саблями (*аҳэақҳэа*). Согласно изобразительным источникам, царь Георгий-Лаша на одной фреске изображен с мечом, а на другой – с саблей[1251]. Другими словами, если с 20-х гг. XIII в. изображение сабли уже встречается, то окончательное вытеснение мечей в разных регионах Абхазского царства происходило не единовременно. В восточных областях царства меч перестали употреблять, как принято считать, после монгольского нашествия в XIII в. (это имело место и в соседних с Абхазским царством странах), тогда как в ее западных регионах, в том числе на территории современной Абхазии, которой не коснулось монгольское нашествие, мечи могли сохраниться дольше. Появление изображения сабли в XIII в. не говорит о том, что она появляется в воинской среде Абхазского царства в тот же период. На территории Абхазии, и в частности в Анакопии, были обнаружены сабли, откованные из высокоуглеродной стали, которые датируются XI–XIV вв.[1252]. На этом основании можно считать, что сабли использовались абхазскими воинами и в более ранние века. В Северном Причерноморье и в Предкавказье сабля появляется в VII – VIII вв.[1253]. Это дает основание

[1250] Сведения М. Броссе об экипировке абхазских конных воинов и их снаряжении свидетельствуют также о социально-экономическом уровне развития Абхазского государства и его экономической состоятельности в рассматриваемые периоды истории.

[1251] Цит. по: Грузины. Народы и культуры. – М., 2015. С. 156. Известны при этом слова Н. Я. Марра о том, что «Георгий-Лаша «блестящий» не мог носить этого своего прозвища, явно абхазского... если б он не был абхаз».

[1252] См. напр.: Амичба Г. А. Абхазия в эпоху раннего Средневековья... С. 129.

[1253] Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Мечи и сабли IX–XIII вв.

считать, что с этого же времени сабли стали использовать и в Абхазском царстве.

В XI–XIII вв., по археологическим источникам, технология изготовления сабель, откованных из высокоуглеродной стали, усложняется[1254]. Как основной холодное оружие конницы и, частично, пехоты, сабли, превосходившие в бою с легковооруженным противником мечи, были в употреблении абхазских воинов на протяжении всего развитого и позднего Средневековья.

Когда не было возможности использовать в бою меч, саблю или копье в силу их размеров, применяли короткое колющее оружие, каковым являлся кинжал. На охотничьем языке абхазов кинжал называется *аҩҷы*, другое его название – *аԥкама*. По материалам цебельдинских погребений, кинжалы V–VII вв. были однолезвийные и двухлезвийные. Однако этот вид вооружения, судя по исследованиям Ю. Н. Воронова, не получил в Апсилии широкого распространения[1255]. Но в целом по Абхазии они использовались, в частности, и в период позднего Средневековья и в Новое время. Установлено, что абхазы носили усовершенствованные железные кинжалы разных размеров: 1) *лек* (лезгинский) маленький кинжал; размер клинка – 3 х 28 см; длина рукоятки – 10 см; 2) *хокемыса* – узкий, изящный кинжал, с хорошим стальным клинком, размер – 2,5 х 31 см; оба конца его были отделаны серебром, а рукоятка – слоновой костью; 3) *мсакей* (мсакеи); размер – 4 х 40 см; рукоятка – 12 см; клинок

– Москва–Ленинград, 1966. Выпуск первый. С. 61. На Руси сабли бытуют приблизительно с X в. и имеют восточное (кочевническое) происхождение. Для части славянских искривленных клинков предполагается местное производство. (Там же.)

[1254] Бгажба О. Х. Черная металлургия и металлообработка... С. 86–87, 90, 99.

[1255] По его же данным, в раннюю античность в Абхазии бытовали кинжалы трех типов: 1) кинжалы переднеазиатского происхождения; 2) кинжалы с наклонной рукоятью и штырями для крепления обкладки; 3) кинжалы с антенновидным навершием и серповидным лезвием (Воронов Ю. Н. Вооружение древнеабхазских племен... С. 222–224).

был из лучшей упругой стали. Качество клинка кинжала абхазы проверяли путем удара лезвия о железную цепь, висевшую над очагом[1256]. Если цепь глубоко прорезалась или вовсе перерезалась без повреждения лезвия, то качество кинжала считалось хорошим[1257]. Кавказский кинжал является, как известно, обязательным элементом одежды горца, перенятым и казаками. Это оружие с обоюдоострым клинком, которое позволяет не только колоть, но и наносить рубящие удары. Согласно сведениям хирурга Н. И. Пирогова, практиковавшего при осаде и взятии дагестанского аула Салты в 1847 г., кинжалами «действуют так же, как и шашками, с размаху», при этом кинжалы наносят раны более глубокие, хотя и не столь обширные. Мощный разрубающий удар кинжалом придавал воину авторитет, поскольку свидетельствовал о его силе и доблести[1258]. Абхазы также учили молодых воинов не колоть кинжалом, а «размахнуться и бить сверху, сечь», как это описано в романе К. Гамсахурдиа «Похищение луны»[1259]. При этом традиционные навыки обращения с кинжалом передавались с детства. В фондах Абгосмузея хранятся железный детский кинжальчик и бронзовый детский топорик[1260]. Детскую шашку и кинжал мы видим на рисунке Г. Гагарина (1840-е гг.), изображающего юного абхазского князя и его воспитателя убыха.

Абхаз, по свидетельству И. А. Аджинджала, никогда не расставался с кинжалом даже в домашнем быту, так же, как и с ножом (резал мясо, срезал прутья и т. д.), а при схватках с врагом

[1256] Бгажба О. Х. По следам кузнеца Аинара. Из истории кузнечного ремесла древней и средневековой Абхазии (VIII в. до н. э. – XV в. н. э.)... С. 31.

[1257] Аджинджал И. А. Из этнографии Абхазии... С. 404.

[1258] См.: Шереметьев Д. А. Образ кавказского кинжала: свойства, структура, целостность. С. 156, 157. Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Режим доступа: http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-294-4/).

[1259] Гамсахурдиа К. Похищение луны. – Тбилиси, 1989. С. 67.

[1260] Ахба Д. В. Игрушки в быту у абхазов // Труды АГМ. – Сухум, 2008. Выпуск VI. С. 159.

или зверем кинжал заменял ему пику[1261]. Поэтому, когда после Лыхненского восстания 1866 г. у абхазов (помимо того, что им было запрещено носить огнестрельное оружие) были изъяты кинжалы, это произвело на народ «в высшей степени неприятное действие: говорят, что все плакали»[1262].

При осаде городов и крепостей абхазы использовали не только зажигательные стрелы, как раньше, но и должны были широко применять наполненные нефтью зажигательные бомбы. Существование между абхазами и Хазарией в это время военно-политического союза (закрепленного абхазо-хазарским династическим браком) также должно было способствовать знакомству абхазов с передовыми достижениями хазар в военном деле. В частности, среди цебельдинских изделий из железа найдены панцирные пластины, часть которых имеет прямые аналогии с материалами VI–VIII вв. из Северного Причерноморья и Средней Азии[1263]. Военная техника хазар уже в середине VIII в. являлась более совершенной и качественной. Хазары использовали практически весь набор наступательного и защитного вооружения, не имевшего себе равных в Восточной Европе. Прежде всего, это снаряжение кавалериста – палаш, сабля, жесткое седло со стременами[1264]. Все эти данные, несомненно, являются весьма важными с точки зрения объяснения военных успехов и вообще внешнеполитических достижений Абхазского царства в последующий период.

В первой половине XI в. военная организация Абхазского царства получает дальнейшее развитие. Согласно грузинскому источнику XII в., абхазская пехота была вооружена «острыми и

[1261] Аджинджал И. А. Из этнографии Абхазии... С. 404.

[1262] Цит. по: История Абхазии. – Сухум, 1991. С. 185.

[1263] Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х. Материалы по археологии Цебельды... С. 84.

[1264] Подробнее см.: Комар А. В., Сухобоков О. В. Вооружение и военное дело Хазарского каганата // Восточноевропейский археологический журнал. 2 (3), март – апрель 2000.

отточенными стрелами, неустающими мечами и поражающими копьями»[1265]. К этому периоду (XII – начало XIII в.) относится и другое сообщение грузинского письменного источника «о метком стрелами абхазце»[1266].

Кроме копий пехотинцы были оснащены топорами, кинжалами, ножами. В XIII–XV вв. конные абхазские воины, составившие основной род войск, были вооружены копьями, луками со стрелами, саблями местного производства. Обследованные О. Х. Бгажба наконечники стрел XIV–XVI вв. в сечении были четырехугольными и ромбовидными. Все семь наконечников стрел, кроме двух, откованы из чистого железа. Остальные два были подвергнуты односторонней цементации. Содержание углерода в стали, пишет О. Х. Бгажба, высокое 0,8 – 0,9 %. В некоторых частях шлифа под микроскопом прослеживается даже ферритная сетка. Подобная довольно простая технология изготовления наконечников стрел вполне закономерна, ибо стрела один раз использовалась в бою[1267].

Как отмечалось, основным холодным оружием конницы и, частично, пехоты, являлись сабли. Для XIV–XV вв., по археологическим данным, известно о слегка изогнутых саблях (найденных в могильнике Ахул-абаа близ Сухума), с шириной клинка до 5 см[1268]. Экземпляр такого палашевидного типа сабли был исследован О. Х. Бгажба. По его результатам известно, что материал, из которого была откована сабля, был такой крепкий, что при выпиле шлифа не помогла ножовка. Пришлось выпиливать шлиф на станке с алмазным диском. Крепкость и гибкость стали была достигнута тем,

---

[1265] История и восхваление венценосцев... С. 49–50.

[1266] Метревели Р. В. Царица Тамар. – Тбилиси, 1991. С. 244 (на груз. яз.).

[1267] Бгажба О. Х. О кузнечном ремесле в позднесредневековой Абхазии (XIV–XVI вв.) // Известия АИЯЛИ им. Д. И. Гулиа. – Тбилиси, 1981. Вып. X. С. 117.

[1268] Бгажба О. Х. Черная металлургия и металлообработка... С. 90.

что кузнец сварил саблю из трех стальных полос: двух закаленных и одной незакаленной[1269]. Кроме сабель местного производства, абхазские воины и в основном представители знати в XIII–XV вв. покупали в причерноморских генуэзских торговых факториях широко известные на Кавказе генуэзские сабли с инкрустацией и гравировкой[1270]. Эдм. Спенсер, в первой половине XIX в. посетивший Абхазию, писал, что все абхазы, с которыми он встречался, были вооружены кинжалами, шашками и многие из этих оружий – «европейского производства», «принадлежавшие крестоносцам». Спенсер и его спутники купили у абхазов «много великолепных сабель и кинжалов... очевидно, значительной древности... на некоторых клинках были выгравированы или инкрустированы золотые буквы»[1271]. С ослаблением влияния генуэзцев на горцев и, наоборот, усилением турецкого воздействия генуэзцы решили вооружить против них горцев, и потому за бесценок продавали или раздавали им оружие. «…от того-то, – пишет М. Селезнев, – у горцев и доныне хранится оружие с генуэзскими надписями, резьбою, – особенно шашки и пистолеты с именем Лазарини, – которое они весьма дорого ценят и уважают»[1272]. Распространенные в Абхазии сабли и кинжалы с генуэзской символикой использовались абхазами и в период Кавказской войны XIX в. Об использовании сабель с генуэзской атрибутикой другими кавказскими горцами свидетельствует факт находки одним из казаков летом 1829 г. в долине Кубани на небольшом ее отрезке от Хумары до так называемого Каменного моста «сабли, она оказалась

[1269] Подробнее см.: Бгажба О. Х. О кузнечном ремесле в позднесредневековой Абхазии (XIV–XVI вв.)... С. 116–117.

[1270] Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии (VI–XVII вв.)... С. 245.

[1271] Цит. по: Дзидзария Г. А. Труды. – Сухуми, 1988. Книга I. С. 123.

[1272] Селезнев М. Руководство к познанию Кавказа. Кн. III... С. 42.

очень старой и имела надпись – «Генуя»[1273]. Мы полагаем, что генуэзцы могли быть первыми, кто познакомил абхазов с огнестрельным артиллерийским оружием и военным применением пороха[1274]. Л. И. Лавров в 1948 г. среди экспонатов Абхазского музея видел медные ствол пушки и приставную камору к ней, которые датировались XV–XVI вв. Найдены они были в Гагре[1275] (в Крыму впервые пушки были применены в первой половине XV в.). Хотя Л. И. Лавров не сообщает о том, где и кем изготовлен виденный им ствол пушки и приставная камора, не исключено, что пушка эта (вернее, часть ее) могла быть генуэзской (а генуэзские фактории в XIV–XV вв., как известно, укреплялись оборонительными башнями и вооружались пушками). И к адыгам огнестрельное оружие стало поступать через итальянские фактории и во время визитов черкесов в страны Европы[1276]. Словом, можно полагать, что округа итальянских торговых факторий во многом не только обеспечивала приток евро-

[1273] Минаева Т. М. К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. – Ставрополь, 1971. С. 11.

[1274] Огнестрельное осадное орудие впервые было использовано, скорее всего, китайцами еще в XIII в., а затем монголами и другими народами Евразии. Толчок к развитию пушек и ракет дали работы арабского ученого Хасана аль-Раммаха по синтезу взрывоопасного пороха. Пушки использовались и турками при осаде Константинополя в 1422 г. Дальнобойность турецкой пушки Базилика (или Османской Пушки — огромной бомбарды, отлитой из бронзы за три месяца венгерским инженером Урбаном в середине XV в. для султана Мехмеда II) в 1453 г. достигала 2 км. На Руси медные литые пушки появились в конце XV в.

[1275] Лавров Л. И. Этнография Кавказа (по полевым материалам 1924–1978 гг.). – Ленинград, 1982. С. 92. В настоящее время их местонахождение неизвестно.

[1276] Кушхабиев А. В., Наков Ф. Р. К проблеме перехода черкесских феодальных сословий на комплекс вооружения, сформировавшегося в крестьянской среде (конец XVII – начало XIX вв. // Вестник АГУ. 2017. Выпуск 4 (209). С. 111–118.

пейских образцов вооружения, тактики и стратегии, но и способствовала оттоку таких предметов вооружения в местную абхазскую и адыгскую среду[1277].

В генуэзский период абхазы, судя по имеющимся данным, использовали большие и малые луки. Размеры больших луков составляли примерно 120–130 см, а стрел – 70–75 см. Размеры малых луков и стрел – 80–100 см и 40–50 см (последние использовались конными воинами)[1278].

В XIII в. абхазские лучники применяли ромбические, секторовидные, лопаточковидные, тупоугольные, листовидные и другие наконечники, наиболее крупные экземпляры которых использовались для стрельбы по коням врага. Эти наконечники стрел, по мнению О. Х. Бгажба, в своем большинстве были занесены на Кавказ монголами в первой половине XIII в.[1279]. К XIII–XIV вв. относятся и подвергнутые исследователями анализу трехгранно-трехлопастные наконечники копий, что хронологически совпадает с присутствием в Кавказском регионе золотоордынцев. Монголами, скорее всего, был распространен

[1277] Можно при этом предполагать, что в генуэзский период рудники Абхазии были одним из центров поставки сырья для изготовления оружия в Золотую Орду. Так, Ю. А. Кулешов со ссылкой на О. Х. Бгажба отмечает, именно из-за налаженной генуэзцами транзитной торговли и, как следствие, расширения внешнего рынка в XIV–XV вв. в Абхазии значительно увеличивается рост железообработки (Кулешов Ю. А. Производство и импорт оружия как пути формирования золотоордынского комплекса вооружений // Золотоордынская цивилизация. Выпуск 3. – Казань, 2010. С. 90).

[1278] На Северном Кавказе в послемонгольское время окончательно сформировался тип сложносоставного лука. Получили распространение металлические и сердоликовые кольца, предохраняющие палец при спуске тетевы. Среди редко употреблявшегося оружия нужно назвать копья и булавы (Лавров Л. И. Культура и быт народов Северного Кавказа в XIII–XVI веках // История, этнография и культура народов Северного Кавказа. Межвузовский сборник статей. – Орджоникидзе, 1981. С. 7).

[1279] Бгажба О. Х. Черная металлургия и металлообработка... С. 91.

в Западной Грузии и Абхазии и новый тип плетеных щитов, у которых прутья между собой соединялись шелковыми нитями.

В XIII–XV вв. абхазские пехотинцы, в отличие от конных дружин, как и ранее носили кинжалы, копья, боевые топоры и ножи. Небольшое применение среди абхазов в этот период могли иметь арбалеты. Об этом может говорить факт обнаружения в 2010 г. на Красной поляне г. Сочи двойного крюка для натяжения тетивы арбалета XV в. Находка имела размеры 60 х 80 мм. Возможно, арбалетный крюк оказался в горах вместе с генуэзцем или местным наёмником, который ушел в горы после того, как гарнизон одной из генуэзской колонии сократили или одна из них была разрушена. Кроме того, арбалет мог быть и военным трофеем[1280]. Ограниченное применение арбалета абхазами и адыгами можно объяснить, прежде всего, конструктивными особенностями оружия, которое легко выходило из строя под воздействием сырости, а также его тяжеловесностью и возможностью эффективного применения из укрытия вследствие низкой скорострельности. Нужно при этом отметить, что арбалет, как и другие виды дальнобойного оружия (праща, катапульта), в период Средневековья вообще имел ограниченное применение. Основными видами оружия оставались мечи, пики, топоры, секиры и тараны, которые приводились в действие мускульной силой и были рассчитаны на ближний бой[1281].

Период конца XIV – начала XV вв. (с 1386 по 1403 гг.) являлся временем вторжений войск Тимура в Закавказье. Очевидно, что абхазы, как и другие народы Кавказа, находившиеся в составе армии Тимура (об этом см. ниже), могли перенимать и использовать оружие тюрко-монгольских воинов-кочевников. Последние были вооружены луками, саблями (килич), топора-

[1280] См.: Антонов Е. Как генуэзский арбалетный крюк XV века оказался на Кавказе? // Журн. «Наука и жизнь». № 5, май 2019.

[1281] См.: Тоффлер Э. Война и антивойна: Что такое война и как с ней бороться. Как выжить на рассвете XXI века. – М., 2005. С. 68.

ми, тяжеловооруженные всадники были облачены в панцири (кольчуги), шлемы. К этому времени относится выведенный А. Тарасовым в исторической повести «Тимур на Кавказе» образ горского пирата, который был вооружен кольчугой, налокотниками, кинжалом и шашкой, которая во время боя «сверкала как молния»[1282]. Абхазы в позднем Средневековье из холодного оружия носили килич – один из видов одноручной и однолезвийной умеренно изогнутой турецкой сабли, использовавшейся как пешими воинами, так и всадниками. Она изготавливалась, вероятно, в Европе по турецкому заказу. Эти клинки развились из турко-монгольских сабель, использовавшихся во всех землях, в которые вторгались и/или на которые оказывали влияние тюркские народы.

Абхазы носили и другую разновидность сабель, имевших хождение как в Турции и Иране, так и в некоторых других странах с XVII в. под названием *гаддарэ*. Также в зависимости от материальных возможностей владельца абхазы предпочитали носить сабли мамлюкского типа. Абхазы считали, что победа в сабельном бою является особо почетной.

Наряду с этим, в XVI–XVII вв., по всей видимости, не только на Северо-Западном Кавказе, но, например, и на территориях проживания тюрков, было известно хорошего качества холодное оружие, изготовленное абхазами. В этот же период ощущался дефицит качественного вооружения и имело место ухудшение снабжения войск татар Большой Орды, номадов Восточной Европы и Заволжья защитным и наступательным вооружением[1283]. Поэтому вопрос улучшения обеспечения оружием кочевничьих войск должен был решаться за счет поставок из других реги-

[1282] Тарасов А. Н. Тимур на Кавказе. Историческая повесть. – Владикавказ, 1992. С. 28.

[1283] Бобров Л. А. Тактическое искусство крымских татар и ногаев конца XV – середины XVII вв.// История военного дела: исследования и источники. – Санкт-Петербург, 2016. Специальный выпуск. V. С. 233.

онов. И судя по всему, для поставок оружия кочевники обращались и к абхазам, в связи с чем особое внимание привлекает свидетельство автора начала XVI в. М. Меховского о том, что заволжские татары приобретали у абхазов оружие[1284]. При этом не уточняется, о каком вооружении идет речь и об их количестве, что, может быть, объясняется тем, что этот факт старались скрыть[1285]. Более указаний о поставках абхазами кочевникам оружия нет, но можно предполагать, что помимо упомянутого М. Меховским были и другие.

Для характеристики же вооружения абхазов в позднем Средневековье можно обратиться к зарисовкам абхазских воинов середины XVII в., сделанным итальянским монахом Хр. Кастелли. На одной из них изображен конный предводитель абхазов, который вооружен луком со стрелами[1286], круглым щитом, а на его голове шлем[1287]. На другом рисунке Кастелли мы видим абхазского дворянина, держащего в левой руке длинное копье, за спиной которого висит лук и колчан со стрелами, а на поясе крепятся кинжал и сабля. Из этого следует, что длинное копье (пика), предназначенное для защиты пехоты от атак кавалерии (использовалось также в кавалерии), и в указанное время вхо-

---

[1284] Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. – М.-Л., 1936. С. 62–63.

[1285] Факт приобретения оружия у абхазов свидетельствует и о наличии у них в XVI в. квалифицированных мастеров-оружейников.

[1286] Ж. Шарден (XVII в.) также писал о 12 вооруженных луками абхазах, виденных им в Исгауре-Скурче.

[1287] С военным бытом абхазов был связан и отмеченный выше обычай отращивать на макушке густую прядь волос, наподобие запорожского чуба. Согласно преданию, абхазы оставляли на макушке пучок волос, чтобы в случае гибели в бою, когда враги будут отрубать голову, их руки «не оскверняли воина» и чтобы враги схватывали мертвую голову за чуб (См.: Пачулиа В. П. Падение Анакопии. Легенды Кавказского Причерноморья... С. 110–111). Обычай отрубания головы существовал и у абхазов еще в первой половине XIX в. Об этом свидетельствует тот факт, что человеку, совершившему непристойный поступок, абхазы говорят: «Ухы ақды иқэцаны ихырцэааит», – что означает: «Чтобы твою голову положили на бревно и отрубили».

дило в комплекс вооружения абхазской знати. Являясь грозным оружием таранного типа, при искусном использовании пика была сильнее черкесских шашек, турецких ятаганов и европейских палашей.

Выше говорилось о том, что абхазы в период позднего Средневековья как престижные вещи приобретали привозное оружие. Одну из статей импорта также составляли порох, медь и железо в брусках (полосах). Порох абхазы изготовляли и сами, но в небольшом количестве. В 30-х гг. XIX в. Ф. Ф. Торнау писал, что жители Ахчипсху в верховьях р. Мзымта делают порох, а «за свинцом ходят к Гумисте»; другой автор отмечал, что абхазы умели «и отливать пули для своих гладкоствольных ружей»[1288]. Имеются также сведения о том, что порох изготавливался абхазами, например, в пос. Хэшэыҳапы села Дурипш (сам термин *Хэшэыҳапы* с абхазского языка дословно переводится как «пещера лекарства (пороха)»[1289]. Если среди «народа абаза» для изготовления пороха не было недостатка в селитре, то, как писал Т. Лапинский, у них было мало серы, которая по большей части привозилась из Турции[1290].

Некоторые авторы писали о том, что в бухтах и заливах Черного моря, «на свинцовую пулю отцы часто меняли детей, а ловкие хищники – красивых горянок»[1291]. Однако обвинения в адрес отцов за то, что они якобы часто продавали своих детей, вряд ли имеют основания, так как детей обычно похищали или захватывали и продавали работорговцы. Это подтверждается Полем Гибалем (1820 г.), который писал о том, что «в Абхазии отец довольно редко продает своих детей, а большинство рабов

[1288] Цит. по: Дзидзария Г. А. Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX веке. – Сухуми, 1958. С. 78.

[1289] См.: Газ. «Апсны». 8 февраля 2021 г. № 2–3. С. 4.

[1290] Лапинский Т. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. – Нальчик, 2021. С. 38.

[1291] Натухайский В. Согденские скалы и еврейская община в горах Абхазии…С. 3. Цит. по: Инал-ипа Ш. Д. Абхазы. – Сухуми, 1965. С. 328.

являются воннопленными или несостоятельными должниками»[1292].

Первой армией в регионе Северо-Восточного Причерноморья, имевшей в своем составе пехотные подразделения ружейных стрелков, стали войска Крымского ханства. Временем появления первого огнестрельного оружия в Крыму может считаться первая половина XVI в.

Со второй половины XVII в. огнестрельное оружие распространилось и на территории Абхазии. Первоначально здесь появились фитильные ружья. В XVIII в. на Кавказе появляются ружья с искровым кремневым замком. Некоторые характерные особенности ранних кавказских ружей говорят об их конструктивном и орнаментальном сходстве с современными им турецкими ружьями. Это должно свидетельствовать о том, что кремневое оружие сюда привозилось из Турции.

Основная часть огнестрельного оружия изготовлялась в Западной Европе. Об этом можно судить и по названиям, которые абхазы давали импортным европейским ружьям, например: *алуман шәақь* – «алеманское (германское) ружье», *афырцьыстан шәақь* – «французское ружье», *амацьар шәақь* – «маджарское (венгерское) ружье» и т. д. Привозили в Абхазию, в частности, и кремневое «аджарское ружье». Курки этих ружей представляли собой скульптурку какого-либо стилизованного животного. Эти курки аджарцы называли так же, как и абхазское огниво – *чах-мах* (слово идет из османского языка и означает «курок у ружья»)[1293]. Поступали в Абхазию и пользовались большим успехом при дворе владетелей Чачба (Шервашидзе) и аджарские пистолеты.

Путь завоза огнестрельного оружия в Абхазию из европейских стран лежал через Крым, отчего, как полагают не-

---

[1292] См.: «Сведения французского коммерсанта Поля Гибаля об экономическом положении и социальных отношениях в Абхазском обществе» // Материалы по истории Абхазии XIX века (1803–1839 гг.). Том I. С. 147).

[1293] Чубинов (Чубинашвили) Д. И. Грузино-русский словарь... С. 1572.

которые авторы, у абхазов возникло и наименование ружья – «крымское». Однако речь здесь может идти и о самостоятельном производстве ружей в Крыму[1294]. Действительно, в конце XVI в. в столице ханства Бахчисарае изготавливались карабины[1295]. В XVIII в. Бахчисарай становится крупным центром производства ружейных крымских стволов, получивших широкое распространение на Северо-Западном Кавказе[1296]. М. Пейсонель, находившийся в Крыму до конца 1758 г., к числу товаров, имевших наибольший сбыт у абхазов (абазинцев) относил «ружья и пистолеты» (а также «ятаганы, называемые кинжалами, и другие, называемые камаs»)[1297]. Цена одного карабина могла достигать 200 пиастров (при цене лошади в 30 пиастров)[1298]. Славились также крымские пистолеты[1299]. Если верить Эвл. Челеби, в XVII в. в абхазском (садзском) «племени кеч» (Гечь) ружьями было вооружено около 2 тыс. чел.[1300]. И в последующем крымский оружейный импорт в Абхазском княжестве играл весьма значимую роль. На начальном этапе, когда огнестрельное оружие еще было

[1294] Аствацатурян Э. Г. Оружие народов Кавказа. – Москва–Нальчик, 1995. С. 153. И в Грузии из привозного огнестрельного оружия XVI–XVII вв. преобладали «крымские» ружья.

[1295] Абдулаева Г. Золотая эпоха Крымского ханства. – Симферополь, 2012. С. 77.

[1296] Зайцев И. В., Эминов Р. Р. Два ружья крымских ханов // Журн. «Археология евразийских степей». 2017. № 5. С. 211.

[1297] Пейсонель М. Исследование торговли на черкесско-абхазском берегу Черного моря в 1750–1762 годах (В изложении Е. Д. Фелицына) // Материалы для истории черкесского народа. – Краснодар, 1990. С. 12.

[1298] Подробное описание крымских ружьей см.: Аствацатурян Э. Г. Оружие народов Кавказа... С. 39. Тот же автор отмечает, что однотипность украшений и надписей на крымских ружьях, близость датировок и клеймо «испробовано», наводят на мысль о существовании какого-то единого крупного центра с налаженным производством. И таким центром вполне мог быть Бахчисарай. (Там же. С. 39.)

[1299] Зайцев И. В., Эминов Р. Р. Два ружья крымских ханов... С. 211.

[1300] Челеби Эвл. Книга путешествия... Вып. 3. С. 9.

редким, стоимость одного ружья у абхазов оценивалась почти в двести голов овец[1301].

Со временем абхазские мастера приступили к самостоятельному изготовлению оружия, используя привозные ружья в качестве образцов. Об изготовлении абхазами огнестрельного оружия сообщал тот же Эвл. Челеби, согласно которому, абаза из племени Хамыш делали ружья и пистолеты[1302]. Среди крымского войска и на Западном Кавказе более широкое распространение огнестрельное оружие, в частности, пистолеты (которые не могли составить конкуренцию лукам по дальности стрельбы), получило в 80-х гг. XVIII в.

Несмотря на проникновение огнестрельного оружия, вплоть до первой половины XIX в. на вооружении у абхазов находились луки и стрелы. По описанию Дж. Белла, кольчуга, шлем и лук составляли основное вооружение князей и дворян, потому что они стоили слишком дорого, чтобы могли стать общим достоянием, если даже разрешалось носить их «простым смертным». Кольчуга стоила от 10 до 200 быков (в зависимости от качества), а лук – дороже ружья и пистолета[1303]. Правда, в первой половине XIX в. кольчугу уже можно было купить за половину ее прежней стоимости, ввиду того, что, как убедились, она не могла служить защитой от огнестрельного оружия.

Еще в первой половине XIX в., как уже отмечалось, на вооружении у абхазов находились луки и стрелы местного происхождения, прицельная дальность стрельбы которых составляла в среднем 100–200 м, а отдельные стрелки попадали в цель и на

[1301] Цит. по: Джонуа Б. Г. Абхазское ружье // Современные проблемы кавказского языкознания и фольклористики. – Сухум, 2000. С. 131 (на абх. яз.).

[1302] Цит. по: Анчабадзе Г. З. Эвлия Челеби об Абхазии и абхазах / Журн. «Алашара». 1975. № 1. (на абх. яз.) // Вопросы абхазо-абазинских языков. Источники по истории абхазо-абазинских языков. – Сухум, 2013. V. С. 104.

[1303] Белл Дж. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837, 1838, 1839 гг... Т. I. Письмо семнадцатое // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. – Нальчик, 1974.

расстоянии до 500 м. По свидетельству Эдм. Спенсера, раны, оставляемые стрелами адыгов и абхазов, большей частью были смертельными. Тот же автор подчеркивал, что лук со стрелами является «самым эффективным и сильно пугает русских не только из-за смертельной раны, которую неизменно наносит удар стрелы, но также из-за того, что они не могут сказать, откуда им угрожают»[1304].

Часть имевшихся на вооружении абхазов луков приобреталась у соседних народов[1305]. Судя по словам Эвл. Челеби, писавшего о том, что среди товаров, доставлявшихся на судах к абхазскому берегу Черного моря, были луки и стрелы[1306], абхазы широко использовали турецкие луки. Они имели дальность полета стрелы 400–550 м и, как следствие, обладали высокой пробивной силой. Хороший стрелок за минуту мог сделать до 12 выстрелов[1307]. Кроме турецкого лука (длиной 110–116 см), предназначенного для стрельбы более короткими стрелами (ок. 70 см), среди абхазов в XV–XVII вв. был распространен «крымско-татарский» лук длиной ок. 140 см, со стрелами ок. 86 см и прогнутой внутрь рукоятью.

Эвл. Челеби среди вооружения, которое привозилось на продажу абхазам, называет также пики и щиты[1308]. Если абхазы пользовались деревянными щитами, то приобретаемые у турок были плетеными, изготовленными из гибких прутьев (турецкие и иранские плетеные щиты из-за своих хороших боевых качеств ценились очень высоко). Они были известны под турецким названием *калкан*, что берет свое начало от монг. «халха» – «щит» (термин «халха» производен, как считают, от слова «халхасун»,

---

[1304] Спенсер Эдм. Путешествия в Черкесию. – Майкоп, 1994. 153 с.

[1305] Челеби Эвл. Книга путешествия. Вып. 3... С. 10.

[1306] Там же.

[1307] См.: Аствацатурян Э. Г. Турецкое оружие в собрании Государственного Исторического музея. – СПб., 2002.

[1308] Челеби Эвл. Книга путешествия. Вып. 3…С. 10.

что значит «плетение»)[1309]. Корабли под турецким флагом везли в Абхазию также седла, сбруи, ножи, мечи (сабли). Выше отмечалось о завозе в Абхазию в XVIII в. ружей, пистолетов и кинжалов, т. е. наиболее популярных у абхазов в то время видов оружия. Защитное вооружение предводителей абхазов, помимо щитов, было представлено кольчугами (вышли из употребления с середины XIX в.). На вооружении абхазы в позднем Средневековье имели также обычные боевые копья, ножи.

У абхазов, судя по имеющемуся материалу, соседи заимствовали и определенные виды оружия, и военную терминологию. Так, абхазское слово *ар* («армия»), находим в грузинском термине «джари», что значит «войско», «сборище». По свидетельству Вахушти, одежду, вооружение и снаряжение абхазов и черкесов, «по привычке носят и имеретинцы»[1310]. Кроме того, манера ношения кинжала у тех же западных грузин была похожей на черкесскую. По этнографическим материалам также известно, что «имеретины носят кинжалы по обычаю черкесов»[1311].

Если из вооружения абхазов в 70-х гг. XVIII в. путешественники называли сабли, ружья, луки и стрелы[1312], то соседние мегрелы были вооружены копьями, луком, саблею и толстою палкою, а огнестрельное оружие в тот же период было «им мало известно»[1313] (при этом в Грузии, хотя и имелись луки местного

[1309] Горелик М. В. Халха-калкан (монгольский щит и его дериваты) // Культурные традиции Евразии: вопросы средневековой истории и археологии / Серия «Восток-Запад: Диалог культур Евразии». – Казань, 2004. Вып. 4. С. 182–195.

[1310] Сообщения средневековых грузинских письменных источников об Абхазии. Тексты собрал, перевел на русский язык, предисловием и комментариями снабдил Г. А. Амичба... С. 78–79. Об этом же см.: Абазины в источниках иностранных и российских авторов (с древнейших времен до первой четверти XX века)... С. 31.

[1311] См.: История Кабардино-Балкарской АССР. – М., 1967. Т. 1. С. 194.

[1312] Гюльденштедт И. А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа... из путешествия 1770–1773 гг. – СПб., 1809. С. 142.

[1313] Вас. Зуев. Об азиатских областях к Черному морю прилежа щих. Собр. соч., выбр. из Месяц. – СПб., 1790. Ч. 6. С. 30.

изготовления, широко были распространены турецкие и монгольские луки)[1314]. О северокавказских абазинах в самом конце XVIII в. Ян Потоцкий писал: «Благородные вооружены луками и стрелами. Другие имели оснащенные и не оснащенные железом палки, на которые они опирались с грозным видом»[1315].

С приходом в Абхазию русских, с первой половины XIX в., появляется больше письменных свидетельств российских военных и колониальных чиновников о вооруженности абхазов. В этой связи лейтенант Скирневский в 1807 г., описывая арсенал владетеля Абхазии, сообщал, что в нем хранились «луки, стрелы, ружья, пистолеты, палаши, кинжалы и дротики»[1316]. Постоянная стража владетельного князя Абхазии Келешбея Чачба (Шерашидзе) была вооружена ружьями, шашкам и пистолетами[1317]. По сообщению С. Броневского, абхазы употребляли ружья, пистолеты, сабли, кинжалы, стрелы[1318]. При этом наиболее состоятельные представители абхазской знати становились обладателями оружия самой высокой стоимости. По сообщению Дюбуа де Монпере, князь Гасанбей Чачба (Шервашидзе) имел в собственности саблю производства фирмы «Золинген», оценивавшуюся в 10000 р., что составляло доходы целой губернии[1319].

Вместе с тем в условиях сурового военного быта абхазов и других западнокавказских горцев, судя по высказываниям мно-

---

[1314] Грузины. Народы и культуры. – М., 2015. С. 154.

[1315] Абазины в источниках иностранных и российских авторов... С. 51.

[1316] См.: Материалы по истории Абхазии XIX века (1803–1839). Сост. Г. А. Дзидзария. – Сухум, 2008. Т. I. С. 64.

[1317] Трапш Н. А. Военная организация абхазского общества начала XIX столетия в синхронных иностранных нарративах // Война и воинские традиции в культурах народов Юга России. VI Токаревские чтения. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Ростов-на-Дону, 2017 С. 127.

[1318] Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч. I... С. 325.

[1319] Дюбуа де Монпере Фредерик. Путешествие вокруг Кавказа. Т. 1... С. 140.

гих авторов XIX в., и в частности С. Смоленского, даже «каждый бедняк... помимо ружья был еще вооружен кинжалом и если не двумя, то, по крайней мере, одним пистолетом»[1320]. Наиболее же бедные общинники и рабы у абхазов, как и у других народов, например, мегрелов, убыхов или абазин, не имея «средств приобрести себе оружие», носили «длинные, окованные железом палки»[1321].

Документом большой важности о вооруженности абхазов в первой половине XIX в. является изобразительный материал. В 1926 г. в Париже был издан альбом французского путешественника первой четверти XIX в. Гамба, куда включены типы кавказских народов в национальных костюмах. Среди них рисунок «Абхазский воин». Судя по этим данным, одежда воина начала XIX в. отличалась от одежды абхаза XVII в. типом вооружения. Лук, стрелы и пику воина времен Кастелли заменило огнестрельное оружие.

Ряд русских авторов особое внимание обращал на наличие у абхазов длинноствольных винтовальных кремневых ружей. Согласно описанию С. Смоленского (середина XIX в.), у виденного им абхазского воина за плечами «красовалась винтовка, с дорогой насечкой; за поясом заткнуто было два пистолета; кинжал или шашка в серебряной оправе довершали его вооружение»[1322]. Из-за высокой стоимости винтовками были вооружены князья и дворяне, тогда как рядовые воины довольствовались чаще всего гладкоствольными ружьями и пистолетами. Об этом в источнике за 1879 г. читаем, что абхаз был вооружен ружьем, кинжалом и шашкой[1323].

[1320] Смоленский С. Воспоминания кавказца // ВС. Т. LX VII (98). № 7–8. С. 176.

[1321] Лапинский Т. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. – Нальчик, 2021. С. 102.

[1322] Смоленский С. Указ. раб. № 9, 10. С. 169.

[1323] Народы России // Черкесы и абхазы. Санкт-Петербург. 1879. С.115. Нужно сказать, что лучшие кавказские (черкесские) шашки имели привоз-

Полностью вооруженным, по мнению Т. Лапинского, мог считаться воин-абаза имеющий очень легкое, «с длинным, узким и слабым прикладом», кремневое ружье (и шомполом к нему), носившееся на ремне за спиной «в непромокаемом чехле из козьей кожи шерстью», слегка изогнутую шашку или саблю, кинжал и пистолет (на воинах иногда можно было увидеть короткие пищали, лук и стрелы, секиры и пики, чаще встречались еще кольчуги)[1324].

Последний, т. е. пистолет, являвшийся самой дорогой частью оружия, обладал устройством, позволяющим легче пользоваться им левой рукой, чем правой. Из него в сражении стреляли на близком расстоянии и лишь после того, как воин обнажал саблю или кинжал, бросаясь в рукопашный бой[1325].

Новым явлением в военном деле местных народов со времени османского присутствия в Северо-Восточном Причерноморье стало, как сказано, использование огнестрельного оружия, и в том числе артиллерии. Последняя в войсках абхазских владетелей в основном всегда играла вспомогательную роль. Использование в Абхазском княжестве артиллерии приобрета-

---

ные клинки, иногда из Персии, но обычно европейские: немецкие, итальянские, венгерские, трансильванские и польские. Собственно кавказские клинки отличались довольно высоким качеством изготовления, но все же обычно уступали импортным. Шашка на Кавказе вытеснила саблю с распространением огнестрельного оружия и выходом из употребления металлических доспехов.

[1324] Лапинский Т. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. – Нальчик, 2021. С. 100–101. Н. Ф. Дубровин в отношении черкесов писал, что после выхода из употребления «панцирей, шлемов, лук, стрел и дамасских сабель», они сохранялись «в княжеских и дворянских домах» и надевались «не для боя, а в особенных только случаях для обозначения происхождения» (Дубровин Н. Черкесы (адиге) // Кавказ. Черкесия. – Нальчик, 2014. С. 315). Абхазы в период Кавказской войны, как выше отмечалось, использовали, например, сабли и кинжалы с генуэзской символикой.

[1325] Цит. по: Инал-ипа Ш. Д. Убыхи. Историко-этнографические очерки. – Сухум, 2015. С. 277.

ет постоянный характер с середины – второй половины XVII в. Большинство имевшихся у абхазов с этого времени пушек были турецкого происхождения и приобретались у османских торговцев, привозивших их к восточному побережью Черного моря в обмен на рабов. Чаще всего это были турецкие фальконеты, легко транспортируемые на небольших судах благодаря малым размерам[1326]. «Высокотехнологичные для своего времени орудия», как считают некоторые авторы, изготавливали и в Крымском ханстве[1327]. Если это соответствует истине, то, возможно, некоторое количество огнестрельной артиллерии привозилось Абхазию и из Крыма. Что касается абхазов, то у них, как и у адыгов, источники не фиксируют факты самостоятельного производства артиллерии, ввиду отсутствия производственной базы и научно-технической инфраструктуры[1328].

Можно при этом полагать, что турецкие власти стремились не допустить усиления военной мощи стран, которые, как они считали, находились от них в вассальной зависимости[1329]. Но

[1326] Остахов А. Артиллерия черкесов в Кавказской войне (1765–1864) // Археология и этнология Северного Кавказа. – Нальчик, 2017. С. 146–157.

[1327] Набиев Р. Ф. К вопросу о средневековой артиллерии мусульманских регионов современной России // Исламоведение. 2021. Т. 12. № 1. С. 35.

[1328] Стоявший в Сухумском порту в 1802 г. недостроенный 70-пушечный (История Абхазии. – Сухум, 1991. С. 159), по другим данным, 74-пушечный турецкий корабль (Чедия А. Р. Проблема османского управления черноморским побережьем Западного Кавказа через призму деятельности кавказского пиратства (абхазского, черкесского) // «Историческая и социально-образовательная мысль». Том 10. № 6/1, 2018. С. 43) был оснащен пушками уже в Турции. Отметим и то, что среди пушкарей, проживавших в квартале Стамбула – Топхане с XVII в., были и абхазы-абаза, а в их числе мастера как взятые в плен, так и нанятые за деньги.

[1329] Абхазское княжество с первой половины XVII в. официально находилось под протекторатом Турции, а абхазские владетели были ее вассалами. Но, судя по Эвл. Челеби, Абхазия и в XVII в. не была завоевана турками (Челеби Эвл. Книга путешествия... Вып. 3... С. 698). С 1737 г. в крепости Сухум-кале сидел двухбунчужный паша, и через контроль над этой крепостью турки имели некоторое политическое влияние в Абхазии.

увеличение или уменьшение количества поставлявшейся османами артиллерии зависело от складывавшейся военной обстановки. С конца XVII – начала XVIII в. и вплоть до 20-х гг. XIX в., в условиях расширения и укрепления влияния России в северовосточном Причерноморье для турецких властей одной из основных задач становится укрепление крепостей в регионе. В связи с этим с конца XVIII в. в Абхазию из Турции перебрасывались дополнительные силы янычар и отправлялись военные суда с пушками, что существенно усиливало боевую силу княжества.

Привозные пушки находились на вооружении абхазов и в XIX в. В 1802 г. против правителя Мегрелии Г. Дадиани владетель Абхазии Келешбей Чачба (Шервашидзе) выставил 20-тысячное войско с тремя пушками. Через четыре года, когда Келешбей пошел на открытый разрыв отношений с Турцией и для его наказания, султаном был послан флот, османы не решились на штурм Сухумской крепости, так как артиллерия крепости готова была открыть огонь по агрессору. По подсчетам лейтенанта Скирневского, в 1807 г. у Келешбея имелось 16 пушек: 12 медных и 4 чугунных[1330]. Нужно при этом сказать, что если в 50-х – 60-х гг. XVIII в. Сухумская крепость охранялась 50 пушками[1331], то при занятии этой же крепости царскими войсками в 1810 г. русскими было захвачено 62 пушки[1332].

В 1830 г. была основана Трапезундская компания английских купцов, ставшая организатором англо-турецкой контрабандной торговли оружием на восточном берегу Черного моря. В связи с

[1330] Цит. по: Фадеев А. В. Избранные труды. – Сухум, 2022. В двух томах. Том II. С. 166.

[1331] Пейсонель М. Исследование торговли на черкесско-абхазском берегу Черного моря в 1750–1762 годах (В изложении Е. Д. Фелицына) // Материалы для истории черкесского народа... С. 29.

[1332] Выписка из донесения флота кап.-л. П. А. де-Додта о занятии Сухума. 8 августа 1810 г. // Материалы по истории Абхазии XIX века. Сост. Г. А. Дзидзария. – Сухум, 2008. Т. I. С. 99.

этим С. Сафонов в 1836 г. отмечал, что в Гагре «англичане производят пушками торг, точно так, как и другими товарами»[1333]. Помимо приобретения абхазами пушек у турок, они могли быть добыты-ми как трофей у русских и принадлежать отдельным феодалам[1334]. Это подтверждается Эдм. Спенсером, который писал об абхазском (очевидно, садзском) феодале, который защищал свое поселение «парой латунных пушек, захваченных у русских, несколькими железными гаубицами, им самим сделанными»[1335] (заметим в связи с этим, что летом 2022 г. на территории Сухумской крепости были найдены две крупнокалиберные «русские 3-пудовые опытные береговые пушки» середины XIX в., состоявшие на вооружении российской армии). Тот же феодал, по словам Спенсера, «укрепил каменными стенами некоторые узкие ущелья»[1336], которые при наличии артиллерии становились почти непреодолимыми. Тем не менее в годы Кавказской войны у абхазов не было большого количества пушек, чтобы они могли противостоять российской армии. «Недостаток артиллерии один до сих пор даёт нашим войскам перевес над горцами, – писал начальник Главного штаба Кавказской армии Д. А. Милютин. – В противном же случае трудно было бы нам бороться с ними. Все выгоды на их стороне: и сила местности для обороны, и меткость их стрельбы, и ловкость, быстрота движений их по всем направлениям»[1337].

[1333] Сафонов С. Поездка к восточным берегам Черного моря. – Одесса, 1837. С. 33.

[1334] Другие горцы, например убыхи, также захватывали артиллерию в числе трофеев, а кроме того получали пушки из-за границы. Большую роль в ознакомлении убыхов с новой для них военной техникой играли иностранцы и русские беглецы (от крепостных порядков), которые устраивали артиллерийские позиции и учили артиллерийской стрельбе.

[1335] Спенсер Эдм. Описание поездок по Западному Кавказу в 1836 году. – Нальчик, 2008. С. 196.

[1336] Там же.

[1337] Цит. по: Агамирова Г. Р. Влияние кавказских обычаев и культуры на русские войска во время Кавказской войны 1817–1864 гг. // Журн. «Наука в мегаполисе». – М., 2023. № 6 (51).

В первой половине XIX в. абхазы продолжали обменивать у турецких торговцев местную продукцию на оружие и порох[1338] (еще в 60–70-х гг. XIX в. «порох турецкий и английский тайно продавался во всех прибрежных базарах Абхазии»)[1339]. Сами абхазские кузнецы, как и в XVIII в., ковали сабли, шашки, пистолеты, приклады[1340]. Хотя производство огнестрельного оружия в Абхазии (как и в некоторых других районах Северного Кавказа, например в Осетии), не носило массового характера, широко были известны качество и дальнобойность ружей, изготовлявшихся местными мастерами-оружейниками. Например, даже в начале XX в. кузнец-оружейник из с. Адзюбжа Осман Камкиа (Асадзуа) ковал сабли и абхазские пистолеты – *ансуа тапанча*[1341], имевшие среди абхазов большое распространение. Согласно сведениям А. Миллера, длина описанного им стального ствола кремневого пистолета составляла 30,5 см, он не имел нарезов, наружная поверхность украшалась резьбой, части курка покрывались золотой насечкой, рукоятка, кончающаяся шарообразным расширением, и ложе оковывались серебром, серебро было украшено чеканным узором, чернью и позолотой[1342].

И. Бларамберг, в отличие от некоторых современников высоко оценивая в целом оружейное дело абхазов, замечал, что «абхазы

[1338] Волкова Н. Г. Этнокультурные контакты народов горного Кавказа в общественном быту (XIX – начало XX в.)... С.164.

[1339] Из сведений о действиях владетеля Абхазии М. Г. Чачба–Шервашидзе и о положении края // Материалы по истории Абхазии XX века (1863–1874). Сборник документальных материалов. Сост. Куправа А. Э., Салакая С. Ш., Авидзба А. Ф. – Сухум, 2012. Т. 3. С. 14, 15.

[1340] См.: Reineggs J. Allgemeine historisch–topographische Beschreibung des Kaukasus. Bd. II. München. – СПб., 1797. С. 134; Миллер А. Из поездки по Абхазии в 1907 г. ... С. 78–79.

[1341] Маан О. В. Абжуа. Историко-этнологические очерки. – Сухум, 2006. С. 283. Отметим, что среди абхазов известно личное имя Сампал (Сампҷал), что производно от асамҷал – «курок ружейный».

[1342] Государственный музей этнографии народов СССР. № 1247–46 (с 1992 г. – РЭМ).

изготавливают ружья, кинжалы и сабли-шашки из железа, получаемого от турок или из Сухум-кале. Они умеют великолепно обрабатывать металл и превращают его в прекрасную сталь[1343]. Среди них есть и мастера-ювелиры, украшающие золотом и серебром оружие, пояса, газыри»[1344]. По его же словам, ружья, пистолеты и сабли абхазов прибретали карачаевцы[1345]. Относительно карачаевцев современный автор М. И. Баразбиев также подчеркивает, что «у абхазов балкаро-карачаевцы приобретали оружие, причем как холодное, так и огнестрельное»[1346]. Имеются свидетельства и о том, что адыги, у которых в XIII–XIX вв. изготовление оружия являлось одним из наиболее развитых видов ремесленного производства, приобретали холодное оружие у абаза. Об этом Эдм. Спенсер сообщал, что «черкесские витязи, будучи великолепными знатоками оружия, обычно добывают себе мечи и кинжалы у абазов, в высшей степени искусных как оружейников»[1347]. В Черкесию завозили и изготовленные абхазскими мастерами-бронниками кольчуги.

Условия военизированного патриархально-феодального быта абхазов накладывали определенный отпечаток и на их костюм. Одежда абхазского воина состояла из бурки, башлыка и полушубка, двух-трех пар обуви из сыромятной воловьей кожи и те-

---

[1343] В антропонимии абхазов присутствует личное имя Аджыр (Аҷыр), что в переводе с абхазского означает «сталь».

[1344] См.: Трапш Н. А. Абхазия первой половины XIX столетия в военно-этнографическом нарративе Иоганна Бларамберга // Северо-Западный Кавказ: от прошлого к настоящему. Сборник материалов Международной научной конференции. – Ростов-на-Дону, 2014. С. 116.

[1345] Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа... С. 46.

[1346] Баразбиев М. И. Торговые связи балкарцев и карачаевцев с народами Кавказа // Культурно-историческая общность народов Северного Кавказа и проблемы гуманизации межнациональных отношений на современном этапе. – Черкесск, 1999. С. 27.

[1347] Спенсер Эдм. Описание поездок по Западному Кавказу в 1836 году... С. 185.

плых войлочных или суконных носков (а зимою воины имели с собою также лыжи).

С военным бытом абхазов была связана, в первую очередь, черкеска, являвшаяся общей принадлежностью народов Кавказа. Черкеска у абхазов, отличаясь некоторыми местными особенностями, развилась, по-видимому, из костюма конного воина (абхазы не садились на лошадь, если в их форме не было черкески).

По словам И. А. Аджинджала, черкеска и бурка у абхазов «обычно не спускались ниже колен», в то время как у адыгов «они были длиннее»[1348]. Короткая черкеска у абхазов была одеждой, удобной для конных воинов и мореходов. В XVIII в., с широким распространением огнестрельного оружия, к черкеске стали пришивать газыри.

В середине XIX в. бурка (которую носили и офицеры царской армии) у абхазов была двух видов, первый вид – колоколообразная длинная, второй – колоколообразная короткая. М. Селезнев писал, что в пути абхазы, «вытерпливая стужу и непогоду без жалобы, закрываются буркою и башлыком... бурка с камнем и пнем под изголовьем есть почти всегдашняя их постель»[1349].

Кроме черкески и бурки основной общекавказской и национальной мужской одеждой абхазов являлись бешмет, башлык и другие головные уборы[1350].

Важным элементом военной формы одежды абхазов (и адыгов) являлась папаха – высокая барашковая шапка на толстой подкладке: она должна была «выдержать сильный сабельный удар»[1351].

Видное место в снаряжении воина играл тонкий абхазский пояс-ремень (*аҧсуа маҟа*), на котором носили оружие. Его оде-

---

[1348] Аджинджал И. А. Из этнографии Абхазии... С. 354.

[1349] Цит. по: Дзидзария Г. А. Народное хозяйство и социальные отношения... С. 334.

[1350] Аджинджал И. А. Из этнографии Абхазии... С. 354

[1351] Лапинский Т. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. – Нальчик, 2021. С. 80.

вание в Средние века, как и у других народов Кавказа, в частности у армян, помимо прически и ряда других атрибутов несло важные социальные функции, являясь показателем завершения обрядов инициации и посвящения юноши (абх. *арҧыс*) в разряд взрослых воинов[1352]. С правой стороны к поясу крепилась железная коробочка, в которой носили сало для смазки оружия; с левой стороны пояса носилась кожаная сумочка с металлическим инкрустированным украшением на лицевой стороне, служившая для ношения в ней стрел, а впоследствии пуль и пороха (об этом в источнике за 1879 г. читаем, что абхаз «на пояс... надевал пороховницу и металлический ящичек, в котором носит сало для смазывания пуль»)[1353]; на той же левой стороне пояса висела железная отвертка, украшенная белым металлом, прорезная, которой пользовались как отверткой для разбирания ружья, а выступающим концом взводили курок кремневых ружей[1354]. Взамен деревянной кружки для питья жидкости воины брали за пояс складной кожаный предмет под названием *амаҭар*.

По этнографическим материалам XIX в., к поясу, надеваемому поверх черкески или бешмета, крепились кинжал, нож в ножнах, кремень и кресало, необходимые в пути шило и шнурки. Набор этих вещей опять-таки говорит о функции военной молодых мужчин, об образе жизни вне дома, в дороге. Наконец само название представителей данной возрастной категории *арҧыс* является у абхазов древним военным термином (от *ар* – «войско, армия» и *аҧыза* – «вожак, предводитель») и досл. означает «вожак, предводитель войска».

[1352] В Средние века и у алан, например, юношу, включенного в состав дружинной организации, от мальчика отличал пояс с боевым оружием (См. напр.: Доде З. В. Костюм населения Северного Кавказа VII – XVII веков (Реконструкция этносоциальной истории). Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. докт. ист. наук. – М., 2007).

[1353] Народы России // Черкесы и абхазы... С.115.

[1354] Государственный музей этнографии народов СССР (РЭМ), № 1247–19 / а, б, с.

До середины XIX в. многие мужчины, наряду с кинжалом, сзади или спереди за поясом носили и кремневые пистолеты (мужчины, вернувшиеся с Первой мировой войны, ходили в гимнастерках, брюках галифе и азиатских сапогах; после Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и грузино-абхазской войны 1992–1993 гг. мужчины некоторое время донашивали военную форму).

Судя по материалам XIX в., абхазы готовились к походам основательно. Они брали с собой необходимый для походной жизни запас провизии. Каждый из воинов-абхазов обычно имел при себе немного пшена, копченого мяса, сыр, соль, сушеные фрукты. Незначительный запас продовольствия, видимо, был связан с непродолжительностью похода. При длительном походе питаться приходилось за счет жителей, воинов принимавших. Своих лошадей для набегов абхазы и другие горцы подготовляли, по словам Ф. Ф. Торнау, как для призовой скачки, переставали их кормить сеном, гоняли под попонами, купали по нескольку раз в день. На таких лошадях они пробегали потом неимоверные расстояния[1355]. Говоря о том, что одежда абхазов была хорошо приспособлена к военному быту, Г. И. Филипсон об абхазской милиции замечал: «Вековой навык к разбойничьим похождениям заставил горцев приспособить так свою одежду, обувь и оружие, что при ночных движениях никакой шум или бряцание им не изменяют»[1356]. К военной жизни была приспособлена и женская одежда абхазов: абхазские девушки с малых лет носили тесную нижнюю (*аилакь* – корсет) и верхнюю одежду, чтобы стать такими же легкими, ловкими и гибкими, как мужчины. Для езды верхом женщины

[1355] Торнау Ф. Ф. Воспоминания и кавказского офицера. – Черкесск, 1994. С. 136.

[1356] Филипсон Г. И. Воспоминания // Русский архив. 1883. [Кн. 3]. 6. С. 215.

носили специальные юбки, сшитые в форме брюк-шаровар[1357].

В качестве специфического атрибута экипировки конного воина абхазы использовали кнуты – *акамчы* (*аҟамчы*, от тюркск. «камча» – ногайка, плеть)[1358], применявшиеся в основном в конных поединках[1359]. Ш. Д. Инал-ипа предполагает, что «первоначально акамчы было не что иное, как пума, состоявшая из каменного шара, вшитого в кожу, и рукоятки»[1360]. Камчы, писал Т. Лапинский, «короткий из кожи скрученный кнут, который постоянно находится в работе и без которого ни один адыг не сядет на лошадь»[1361]. Употребляли его в рукопашном бою пешие или конные воины[1362] (впоследствии плеть сделалась исключительной принадлежностью верховых). В бою ударом акамчы оглушали противника, а опытные воины с ее помощью могли нанести смертельный удар или стащить с лошади и нанести вражескому седоку серьезные ранения. На Руси ногайка, по мнению ряда авторов, использовалась только как инструмент управления лошадью, но казаки применяли ее в боевых условиях при поломке основного вида оружия.

В ходе боевых действий использовали и арканы – *аҟуарақ*. Длина аркана составляла 10–15 м. Арканами абхазы (как, на-

---

[1357] Для названия женского седла в абхазском языке используется слово «аседла», которое происходит от русского «седло».

[1358] Г. А. Амичба говоря о верховой езде абхазов также отмечает, что во время военных действий акамчы использовали в качестве оружия (Амичба Г. А. Верховая езда абхазов. Сухум (Этнографический очерк). – Сухуми, 1978. С. 38 (на абх. яз.). Древко акамчы изготавливали из кизила, клекачки колхидской, крушины, лещины обыкновенной. Длина рукотки плети составляет 50–60 см.

[1359] Амичба Г. А. Верховая езда абхазов... С. 38–39.

[1360] Инал-ипа Ш. Д. Абхазы. Сухуми. 1960. С. 400.

[1361] Лапинский Т. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. – Нальчик, 2021. С. 35.

[1362] В античный период плети имели относительно ограниченное применение: она обычно служила для управления лошадью. Тяжелая однохвостная плеть с металлической гирькой на кончике применялась как вспомогательное вооружение древнеримских легионеров.

пример, служившие в византийской армии печенеги) в случае необходимости стаскивали с коня убегавшего противника. В походе воины имели при себе кляп в виде специального войлочного «мячика» под названием *ачапа,* с двумя продетыми в них шнурками, завязывавшимися на затылке. Ими затыкали рот пленным, захваченным во время набега, чтобы они не могли кричать. По словам К. Д. Мачавариани, чтобы у пленников «отнять всякую возможность дать кому-либо знать о постигшем их несчастии, клали в рот волосяные мячики довольно солидных размеров»[1363]. Из числа военнопленных формировалась категория низшего сословия абхазских крестьян – *ахашэала*.

Военное дело

Военное дело занимало в истории абхазов крайне важное место. Приморское положение Абхазии, ее геополитическое значение как «ключа к Кавказу», а также природные богатства определяли трагический вектор развития истории страны как череды бесконечных малых и больших войн[1364]. Изматывающие феодальные междоусобицы нередко принимали форму «большой» войны – в военные действия вовлекались сотни и тысячи крестьян, составлявших «армии» феодалов. Широко применялись также методы «Малой войны» – интриги, подкуп, покушения и т.п.[1365]. Военно-феодальные столкновения естественным образом делали необходимым, с одной стороны, защиту общин от внешних угроз (занимали в быту народа даже большее место,

[1363] Мачавариани К. Д. Очерки Абхазии. Абхазская интернет-библиотека.

[1364] Бройдо А. И. Проявления этнопсихологических особенностей абхазов в ходе Отечественной войны народа Абхазии 1992–1993 годов. – М., 2008. С. 50.

[1365] Фадеев А. В. Краткий очерк истории Абхазии. Часть первая... С. 106. К внутренним междоусобицам с XVI в. добавились неоднократные восстания абхазов, направленные против османского присутствия в Абхазии.

чем мирный повседневный труд)[1366], а с другой, столь же частые походы абхазов на соседние и дальние народы[1367].

Последнее обстоятельство нашло отражение в Нартском эпосе горских народов Кавказа, из которого следует, что основным занятием нартов были военные походы. Всякий нарт, когда он подрастал, должен был отправиться в поход – «на добывание славы»[1368]. Нартское племя, отмечает Ш. Х. Салакая, в целом мыслится как народ-воитель, проникнутый духом искательства, новых открытий, изобретений, чем собственно и мотивируются бесконечные походы этих богатырей[1369]. Цель войны – добыча сокровищ, взятие неприступных крепостей, принадлежащих злым существам, защита людей от великанов и чудовищ, открытие новых земель и т. п.[1370]. Нартский эпос в целом был ориентирован на воспитание каждого мужчины, прежде всего, воином и героем.

В народном сознании абхазский охотник был одновременно и воином, совмещавшим свои мирные занятия с военными обязанностями, которые сопрягались с его статусом члена общины. Все родовые объединения абхазов были территориально локализованы, где члены родственной группы компактно проживали в

[1366] Анчабадзе Ю. Д. Традиционные развлечения абхазского крестьянства в конце XIX – начале XX в. // СЭ. 1981. № 4. С. 117.

[1367] В условиях проведения абхазами военных операции против враждебно настроенных соседей, несомненно, захватывалась и военная добыча. Военные трофеи захватывались и в регулярных войнах. Так абхазские военачальники и правители умножали свое богатство военной добычей в обстановке персидско-византийских войн VI в., участвуя в борьбе на стороне то одного, то другого противника.

[1368] «Походы для добывания боевой славы» (хьзрацара) характерны вплоть до конца XVIII в., тогда как в начале XIX в. это акәылара (досл. «совершить набег, нападение»), как трансформированный пережиток военной демократии.

[1369] Салакая Ш. Х. Избранные труды. Фольклор. Литература. Искусство. – Сухум, 2019. В трех томах. Том 3. С. 23.

[1370] См.: Инал-ипа Ш. Д. Памятники абхазского фольклора... С. 98.

пределах отдельных родовых поселков-общин (ацута, ахабла), а военная повинность лежала на каждом взрослом члене общины. Об этом в документе XIX в. о фамильных союзах абхазов, отмечалось: «Главная обязанность, лежавшая на всех вообще членах союза, заключалась в исполнении военной повинности; каждый должен был, в случае надобности, явиться с оружием для защиты общей безопасности и действий против общих врагов»[1371].

Одна из важных, хотя и не определяющих основ военной организации абхазов вплоть до второй половины XIX в. опиралась на строгую структуризацию традиционного общества по возрастным категориям. Тем более что возрастные категории абхазов определяли совершеннолетие членов общества периодом, когда они становились способными носить оружие.

Важную роль в социализации подростка еще во второй половине XIX в. играл опыт его общения со сверстниками. Как только по достижении определенного возраста абхазский подросток получал возможность покидать родительский двор, он значительную часть своего свободного времени проводил в играх со своими одногодками. Группы сверстников складывались стихийно, являлись весьма аморфными образованиями, так как были свободны от каких бы то ни было организационных структур. Однако в более ранние периоды истории они были местом формирования мужской части сверстников, составлявших группы воинов для обороны общины и организации набегов. Эта воинская функция сопровождалась ритуальными практиками

На протяжении тысячелетий большую роль в военной истории человечества играла воинская магия. Не составляли исключения в этом отношении и абхазы, которые перед выступлением войска в поход для обеспечения удачи в бою совершали обрядовые и магические действия (и после возвращения из похода абхазы произносили благодарственную молитву покровителю

[1371] См.: «Очерк устройства общественно-политического быта Абхазии и Самурзакани» // ССКГ. – Тифлис, 1870. Вып. III. С. 14.

военных походов). Для этого они, в частности, надевали на голову козлиный череп с рогами, надеясь, что никакой злой дух и вообще враг не сможет одолеть их. Воинов на подвиги вдохновляли сопровождавшие их народные певцы, исполнявшие свои песни-гимны под аккомпанемент апхьарцы (популярного и в современном быту абхазов). Название этого смычкового музыкального инструмента по своему генезису тесно связано с военным бытом абхазов[1372].

В абхазской мифологии божеством, защищающим людей от опасностей, подстерегающих их на войне и в набеге, является уже упоминавшийся *Айргь* (Аергь)[1373]. Существовала специальная «Песня Айргьа», которая стала походной и вошла в жанр героических песен абхазов. Образ Айргьа (наряду с Ажвейпшаа) Ш. Д. Инал-ипа справедливо относил к эпохе первобытнообщинного строя. В более поздний период развития классовых отношений Айргь «постепенно приобретает и функции бога войны»[1374]. На возможность того, что Аиргь в свое время представлялся божеством насилия, указывает смертоносная палка, являющаяся его неотъемлемым атрибутом (*Аергь рлаба*); в то же время Аиргь являлся и покровителем набегов, разбоя и воровства, подобно древнегреческому Гермесу. Отметим и сохранившееся в абхазском языке древнюю форму ответа на вопрос собеседника о здоровье и самочувствии человека. На этот вопрос следовал ответ: «Я чувствую себя как Аиргь!» (*Аергь ҳәа*

[1372] Первая часть указанного слова апхьа значит «вперед», «впереди», вторая – «рца» состоит из аффикса побудительности (-р-) и основы «ца» от «ацара», что значит «хождение», и в целом термин «апхьарца» переводится как «побуждающее идти вперед».

[1373] По мнению Е. К. Аджинджала, покоровителем войны и военного дела у абхазов было божество Ареиааи. По материалам О. Бейгуаа, богом войны являлся Арес. Но существование таких божеств у абхазов не подтверждается ни данными этнографии и фольклора, ни словарным фондом абхазского языка.

[1374] Инал-ипа Ш. Д. Абхазы. – Сухуми, 1965. С. 519.

сыкоуп; Афы-Ергь ҳәа сыкоуп; Аергь-Афора ҳәа сыкоуп)[1375]. Фигурирующие здесь вместе с Аиргь *Афы* – это божество грома и молнии и грозовых явлений вообще, которое отчасти также обладает воинственными чертами.

Большинство авторов XIX в. высоко оценивало воинские качества абхазов и отмечало их отвагу и мужество. В условиях «произведения извне нападения (на Абхазию – **О. М.**) соседних враждебных племен», отмечалось, например, в газ. «Тифлисский листок», – естественно развились в народе воинственные наклонности». Подчеркивая воинственность абхазов[1376], их восточные соседи (мегрелы и имеретинцы) отзывались об абхазах как о людях мужественных и доблестных[1377].

Исторические материалы позволяют реконструировать некоторые черты военного быта абхазов. Так, чтобы исключить внезапное нападение неприятеля, абхазские воины тщательно заботились о боевом охранении и разведке. Когда ожидались нападения врагов, спали одетыми и обутыми, положив оружие

[1375] В данном случае слова «Чувствую себя, как Аерг», как ни странно, обычно воспринимаются в смысле «еле-еле душа в теле», то есть как показатель плохого настроения и упадка духа. Но это, очевидно, позднейшая метаморфоза и трансформация содержания первоначального торжественно-воинственного обращения в ответ на указанный традиционно-осведомительный вопрос (Инал-ипа Ш. Д. Очерки об абхазском этикете... С. 139). У абхазов существовало и специальное выражение для приветствия воина-соратника: «Да умножится твой очаг!» (Умцахара иазҳааит!). Воина же, благополучно возвратившегося с военного похода приветствовали словами: «Чтобы успешно ты возвращался обратно, куда бы ни отправился!» (Уахьца уаалеит!).

[1376] См.: Серебряков Л. М. Дорога из Сухума к Кубани через Главный Кавказский хребет // МС. 1865. № 6. С. 92; Ковалевский Е. П. Очерки этнографии Кавказа // ВЕ. 1867. Т. III. С. 103; Рыбинский Г. А. Абхазские письма. XVIII. // Газ. «Кавказ». 1894. № 12; Басария С. Вымершие народы. Убыхи и асадзуа // «Кавказский край». 1909. 27 сентября; Кудрявцев К. Сборник материалов по истории Абхазии... С. 72.

[1377] См.: Басария С. Вымершие народы. Убыхи и асадзуа // Газ. «Кавказский край». 27 сентября 1909 г.

рядом, чтобы, проснувшись, можно было тут же вступить в бой. Эту особенность образа жизни абхазов подметил Арк. Ламберти. Он писал, что в ожидании нападения абхазы «обыкновенно спят, одетые в броню с пикой в руках, щит кладут под подушку, а лошадь, оседланную, привязывают у своего ложа»[1378]. О том, что абхазы в любое время сохраняли осмотрительность, сообщал и М. Селезнев (40-е гг. XIX в.). По его словам, они «постоянно ходили вооруженными, надеясь отразить набег осторожностью»[1379]. Подтверждая приведенные сведения, автор 60–70-х гг. XIX в. А. Пахомов подчеркивал, что «необходимость защищаться от набегов соседних племен... сделала из абхазцев людей по-преимуществу военных... Всегда под ружьем, всегда наготове защищаться от врагов ведомых и неведомых, абхазец едва имел время думать об обеспечении себя только необходимым»[1380]. Не менее яркая характеристика принадлежит другому наблюдателю кавказского быта[1381].

[1378] Ламберти Арк. Описание Колхиды, называемой теперь Мингрелией... С. 179. Таким же милитаризованным был данный регион в античную эпоху. Яркой иллюстрацией этого является наличие разнообразного оружия в абхазских могильниках (Воронов Ю. Н. Археологические древности и памятники Абхазии (V–XIV вв.) // Проблемы истории, филологии культуры. – М.–Магнитогорск. 2002. Т. XII. Его же. Могилы апсилов. Итоги исследований некрополя Цибилиума в 1977–1986 годах. Пущино. 2003).

[1379] Селезнев М. Руководство к познанию Кавказа. Кн. II... С. 208.

[1380] Цит. по: Аджинджал И. А. Из этнографии Абхазии... С. 389. Аналогичную картину военизированной жизни адыгов приводит автор XV в. Дж. Интериано. Он пишет, что адыгские феодалы «спят с так называемым ими панцирем, то есть кольчужной рубахой под головой, вместо подушки, и с оружием наготове и, пробудившись внезапно, тотчас надевают на себя этот панцирь и оказываются сразу же вооруженными» (Джорджио Интериано. Быт зихов, называемых черкесами // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Сост., редакция переводов, введение и вступительные статьи к текстам В. К. Гарданова. – Нальчик, 1974. С. 49).

[1381] «Жизнь, проводимая в опасности», как писал генерал-майор русской императорской армии К. Ф. Сталь (1774–1824) в «Этнографическом очерке черкесского народа» (под черкесами автор имел в виду адыгов, абхазов, аба-

В условиях феодального общества и частых усобиц еще в XIX в. не были большой редкостью девушки и женщины, не уступавшие мужчинам в храбрости и умении владеть оружием. Их имена связывались не только со случаями удачной мести, но и с военными эпизодами. Информаторы помнили женщин, прославившихся своими набегами и военными подвигами. Так, старожилы рассказывали, что в 50–60-х гг. XIX в. «на всю Абхазию прогремела своими удачными набегами женщина по имени Зуху»[1382]. По словам долгожителя М. Саканиа, находящаяся в Гудаутском районе долина Макялпха-Апста названа по имени девушки Макял-пха, которая вместе с двумя помощниками-мужчинами – Муратом Андырба и Ахметом Авидзба – совершала набеги на северокавказские племена[1383].

Полевые этнографические материалы подтверждаются письменными источниками, согласно которым наиболее храбрые и искусные женщины нередко предводительствовали военными набегами. «Бывали примеры, – отмечал автор второй половины XIX в., – когда в ночных похождениях женщина являлась предводительницей абрегов...»[1384].

зин, убыхов) «развивает присутствие духа, быстроту соображения, телесную красоту, гибкость и силу» (Цит. по: Антология памятников права народов Кавказа. – Ростов-на-Дону, 2017. Том 28. С. 192).

[1382] Смирнова Я. С. Семейный быт и общественное положение абхазской женщины (XI –XX вв.)... С. 149.

[1383] Там же. В связи с военными подвигами абхазских женщин, нужно вспомнить сообщение И. Аверкиева о том, что во время одной из карательных экспедиций царских войск против общества Аибга, в первых рядах сопротивлявшихся с оружием в руках абхазов находились две молодые абхазки (Аверкиев И. С северо-восточного прибрежья Черного моря // Газ. «Кавказ». 1866. № 74).

[1384] «Но при всем этом, – продолжает автор, – требуется, чтобы абхазка была невинна, стыдлива и говорила перед старшими мужинами учтиво и вежливо» (Джанашвили М. Абхазия и абхазцы // ЗКОИРГО. – Тифлис, 1894. Кн. XVI).

Воспитание девочек по обычаю аталычества считалось неполным без умения управлять лошадью, владения оружием, как холодным, так и дистанционного боя, поэтому было немало женщин, которые могли сражаться наравне с мужчинами. Об этом имеется сообщение Де ля Мотрея, посетившего Абхазию в первой половине XVIII в. По его данным, «их женщины такие же хорошие всадники, как и они, настоящие джигиты... Подобно мужчинам... ловко стреляли из лука... Всадницы мчались галопом, сидя верхом, как мужчины»[1385]. И К. Д. Мачавариани писал, что в случае необходимости женщины у абхазов «являлись такими же образцовыми наездниками, как и их мужья»[1386]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что абхазские женщины могли с оружием в руках защищать свои семьи и имущество, если мужья погибали или на длительное время отправлялись на войну, в поход или на охоту.

По причине постоянного присутствия в жизни абхазов военной опасности, на подготовку воинов направлялись значительные ресурсы. В воспитании молодежи, как и в Западной Европе феодального периода, этому уделялось основное внимание. В отличие от раннефеодальной Европы, военную подготовку у абхазов и адыгов проходили не только юноши из знатных семей, но и дети простых людей, что, по сути, являлось пережитком доклассового общества.

[1385] Цит. по: Нунуев С. Х. Нахи и священная история. – Ярославль, 1998. С. 490. См.: Материалы по библиографии Абхазии. Сост. Р. Х. Агуажба // Диалог времен. История. Культура. Традиции. Альманах. – Сухум, 2018. № 2. С. 52–53). У многих древних народов женщины наравне с мужчинами участвовали в охоте и войнах. Например, кельты были не против того, чтобы их женщины, как и мужчины, участвовали в боях и походах. По сообщениям античных авторов, кельтские девушки часто бились и боролись друг с другом из-за мужчин, да и с мужчинами вполне могли вступить в бой. Так же и римляне, которые, хотя и не пускали своих женщин в битву, были не против того, чтобы те сражались в качестве гладиаторов. То же происходило и на Востоке: женщины из самурайских родов обучались владению холодным оружием на довольно серьезном уровне.

[1386] Цит. по: Аджинджал И. А. Из этнографии Абхазии... С. 354.

Суммируя материалы многочисленных исследований в области физического и военного воспитания народов Кавказа и сопредельных регионов, можно утверждать, что военно-физическое воспитание в жизни древнего населения Кавказа и Абхазии стало приобретать все большее значение в эпоху бронзового века. Военное обучение начиналось очень рано, и мальчиков в первую очередь обучали верховой езде[1387]. Этому способствовало появление стремян, так как при опоре на них верховая езда становилась более надежной, мальчик (и вообще наездник) не мог упасть с лошади при замахе и т. д. Для детей старшие вырезали из дерева или лепили из глины фигурки лошадей с женским или мужским седлом и с другими необходимыми конскими принадлежностями. Другими словами, с помощью игрушек с малых лет мальчики знакомились с тем, как нужно оседлать коня, что нужно для верховой езды и т. д.[1388]. С изготовлением

[1387] См.: Альбов Н. М. Этнографические наблюдения в Абхазии... С. 311.

[1388] Ахба Д. В. Игрушки в быту у абхазов... С. 161. В связи с верховой ездой у абхазов нужно вспомнить сообщения древних авторов о том, что гениохи были «страшными наездниками» (Лукан. Pharsalia. II, 590. Известия древних греческих и римских писателей о Кавказе // СМОМПК. – Тифлис, 1884. Вып. IV. Отдел I). Это объясняется не только мифическим происхождением гениохов от возниц Диосокуров, но и тем, что отдаленные предки абхазов, наряду с пиратством, славились как «выдающиеся наездники» (Цит. по: Инал-ипа Ш. Д. О мореплавании в Абхазии в античный период и феодальную эпоху // Труды АИЯЛИ. Вып. 30. – Сухуми, 1959. С. 77). Известно и о том, что абхазы практиковали активное «морское предпринимательство» вплоть до первой половины XVIII в. (Шенгелия Н. Н. Османские документальные источники о крепостях Анаклии и Рухи (XVII–XVIII вв.). – Тб., 1982. С. 93 – 94). Пиратство, являясь морским набегом, подразумевает внезапную, стремительную атаку и такой же быстрый отход. Поэтому можно допустить, что после высадки на берег древние и средневековые абхазские пираты могли захватывать и лошадей для быстрого передвижения, от чего мог зависеть успех их набега. Но точнее, очевидно, будет предположить следующее: раз гениохи и вообще абхазы вплоть до позднего Средневековья «господствовали на море», то они же, надо полагать, господствовали и на суше. Так или иначе, если абхазские моряки являлись еще и «выдающимися

«детского» оружия начинали обучать детей и обращению с холодным и огнестрельным оружием. При отсутствии регулярной армии, владение холодным оружием на коне было обязательным для военной подготовки мужского поколения[1389].

К десяти годам подростки постигали технику верховой езды, а самые способные с 10–12 лет участвовали в конных состязаниях. В литературе приводятся сведения о том, что довольно часто подростки из привилегированного сословия вместе со старшими участвовали в военных предприятиях[1390], проходя военную и физическую подготовку в условиях походной жизни.

Военно-физическое воспитание занимало важнейшее место во время обучения детей по обычаю аталычества. Аталык стремился к развитию таких качеств своего воспитанника, как выносливость, терпение, умение переносить бессонницу, чувство жажды, голода и т. д.[1391]. А. Н. Введенский отмечал, что с четырнадцати лет мальчика часто можно было видеть верхом на лошади, следующим за своим отцом или воспитателем[1392]. По этнографическим данным, после 14–15 лет (до 18–20 лет), т. е.

наездниками», то они могли добиться больших успехов в деле верховой езды обучением этому занятию с раннего детства.

[1389] Учитывая такое значение коня, в Средневековой Абхазии была выведена особая порода коней – знаменитые горбоносые трамо-лоовские скакуны, впоследствии известные как «кабардинские» (Бжания Ц. Н. Из истории хозяйства и культуры абхазов... С. 217).

[1390] См., напр.: Серебряков Л. М. Дорога из Сухума к Кубани через Главный Кавказский хребет... С. 97, 100. В 12–15-летнем возрасте дети у убыхов и адыгов также уже принимали непосредственное участие в военных действиях.

[1391] Ф. Боденштедт отмечал, что воспитание юного черкеса состоит главным образом в военных упражнениях, с верховой ездой, фехтованием, стрельбой, охотой и др., которые занимают большую часть дня. Все направлено на то, чтобы сделать юношу смелым, ловким, хитрым (Bodenschtedt Fr. Volker des Kaukasus und ihre Freiheitskampfe gegen die Russen. Berlin. 1855. Bd. II. S. 64).

[1392] Введенский А. Н. Экономическое положение туземного населения Сухумского отдела... С. 11–12.

с наступлением периода самостоятельности, юноши у абхазов обязаны были участвовать в военных действиях.

По случаю завершения воспитания, по обычаю аталычества, приемный отец должен был снабдить воспитанника кольчугой, саблей, кинжалом, ружьем, луком, стрелами и конем[1393]. По возвращении в дом юный дворянин публично демонстрировал, что он прежде всего хороший стрелок и наездник[1394]. Практика военной подготовки молодежи в среде дворянско-княжеских сословий абхазов поддерживалась по традиции еще во второй половине XIX – начале XX в.

Необходимостью воспитания воина до середины XIX в. диктовалась и отдача крестьянских детей в услужение знати, где воспитанники учились методам ведения боя и набегов. Формой физического воспитания представителей высшего сословия (кроме стрельбы и верховой езды), служила охота. Испытанием на ловкость и выдержку при военной подготовке считалась облавная охота на диких животных. Своеобразной репетицией военного похода, проверкой готовности отряда и войска к предстоящим военным действиям, выработке боевого духа, тактики ведения боя и ловкости бойца-наездника являлась охота с ловчими птицами[1395].

[1393] При вручении оружия юноше говорили: «Пусть прославит тебя!» (Хьӡы алоугааит!) или «Да пригодится тебе, где (когда) понадобится!» (Иахьыуҭахыу ухы иаурхэааит!).

[1394] Задачам военного воспитания было подчинено и большинство состязательных игр абхазов, которые решающим образом влияли на общий уровень боевой подготовки молодежи (подробнее об этом см. ниже).

[1395] Можно в данной связи отметить, что на территории Абхазии встречаются археологические находки с изображением ястреба. Имеются и письменные сообщения о том, что среди абхазов большой популярностью пользовалась ястребинная охота (Симаков Г. Н., Хеция А. Д. Очерки соколиной охоты у народов Кавказа. – Сухум, 2011. С. 58). Охота с ловчими птицами, являясь любимым развлечением абхазских царей, постепенно распространилась и среди остальной знати и воинской элиты. В силу законодательных ограничений, ястребиная охота в Средние века оставалась уделом высшего

К периоду раннего Средневековья временные вооруженные объединения абхазских общин для обороны или организации набегов, судя по имеющимся данным, трансформируются в постоянные военные отряды (на их формирование свой отпечаток наложило римско-византийское присутствие в Западном Закавказье). По археологическим материалам установлено, что у абхазов существовала специальная прослойка профессиональных воинов, составлявших ядро войска. Они во время войны командовали отрядами и полками, руководили сражениями. Выделение представителей военного сословия было прослежено исследователями по цебельдинским погребениям, в которых отсутствует хозяйственный инвентарь. В отличие от этого, в одновременных цебельдинским погребениям в населенных пунктах, расположенных вдали от военно-стратегических путей (Атара, Ачандара, Куланырхуа и др.), практически не выявлено вооружения и «не было представителей военной верхушки общества»[1396]. Отсюда делается вывод о том, что в могильниках вдоль военно-торговой дороги на Клухорский перевал были погребены профессиональные воины, охранявшие пролегавшие здесь пути. В тех же могильниках Цибилиума и Шапкы фиксируются мужские захоронения с богатым инвентарем, принадлежавшим знатным воинам[1397]. Это, очевидно, указывает на то, что статус

сословия абхазов. Абасгские охотничьи соколы очень ценились, например, в Византии (Памятники византийской литературы IX–XIV веков. – М., 1969. С. 121, 434). К концу XIX – началу XX в. охота с ловчими птицами на Кавказе стала спортом.

[1396] Скаков А. Ю., Джопуа А. И. Могильник абазгов в Бзыбской Абхазии // Материалы и исследования по археологии Кубани. – Краснодар, 2006. Вып. 6. С. 246.

[1397] См.: Казанский М. М., Мастыкова А. В. Привилегированные погребения федератов Восточной Римской империи на территории Абхазии (II–VII вв.) // Научные ведомости. 2009. № 9(64). С. 26–31; Казанский М. М. Иерархия «воинских» погребений в Абхазии (II – VII вв.) и возможности социальной реконструкции // Социальная стратификация населения Кавказа в конце античности и начале Средневековья: археологические данные... С. 47.

захороненных здесь воинов был выше, чем у остальных погребенных вооруженных людей Цебельды и ее окрестностей. Они же свидетельствуют о выделении среди цебельдинского населения слоя воинов-профессионалов и военной аристократии. Обнаружение в древнеабхазских мужских погребениях вместе с оружием останков коня, в виде целых туш или отдельных костей скелета, свидетельствут о воинском характере этого обычая[1398].

О наличии среди абхазов слоя воинов-профессионалов и военной аристократии, возможно, свидетельствует и факт увязки в письменных источниках происхождения почти всех фамилий абхазской знати с воинскими титулами. Так, о «племенных вождях и этнархах» абхазов Минай Медичи пишет следующее: «Главного из них называют *чачба*, т.е. шах; *ачба* – бек; *налика* (видимо Инал-ипа – **О. М.**) – феодал (деребей); *маан* – военачальник (беолюк-баши); *чирик* – офицер (забит); *цумба* – унтер-офицер (малый забит); *дабо* (очевидно, вымершая фамилия – **О. М.**) – племенной вождь; *лакырба* – дворянин, сыновья которого также считаются дворянами. Они выбирают своего *чачбу* – главного бея»[1399]. Нужно полагать, что военное дело, с которым было связано и само существование абхазского общества, сохранялось и развивалось именно в среде профессиональных воинов, избравших военное дело целью своей жизни. Причем и представители дворянства (*аамстҭара*) в прошлом фамилии получали, очевидно, за особые заслуги в военном деле, так как *аамста* было военнослужилым сословием.

Ранневизантийские источники не дают оснований для сомнений в том, что апсилы, абазги, мисимиане и др. владели различными приемами ведения военных действий. Не случайно, послы

[1398] См.: Ахмедов И. Р. Конский убор из некрополей Цебельдинской долины... С. 251.

[1399] Меликсет-Беков Л. М. Pontica Transcaucasica Ethnica. По данным Миная Медичи от 1815–1819 гг.) // СЭ. 1950. № 2. С. 171. Первоначально титул «бей» у тюрков означал «вождь», т. е. полководец, верховный военачальник.

мисимиан во время встречи с персидским полководцем Нахогараном в середине VI в. в Иверии подчеркивали: «…в военном деле мы опытны»[1400]. При этом одного из предводителей мисимиан, по Агафию, звали «Хада»[1401], что переводится с абх. яз. как «глава», «вождь», «предводитель». Возможно, что «Хада» не антропоним, а соционим-титул или обращение к «наиболее знатному», который был и политическим лидером. А Агафий воспринял это как личное имя.

С образованием Абхазского царства и формированием абхазской феодальной народности, судя по всему, можно говорить о формировании основы военной организации абхазов.

Вероятно, абхазские правители делали ставку на мелкое дворянство и «чистых крестьян», а при необходимости в ополчение могли призвать и крепостных. По мнению некоторых авторов, средневековое «абхазское войско состояло из мелкого дворянства, а также крепостных и наемных крестьян»[1402]. Иными словами, абхазские правители, по всей видимости, за военную службу выплачивали «чистым крестьянам» какое-то жалование (возможно, нерегулярное). Центральной власти в политическом отношении не подчинялись крупные феодалы, но в интересах обороны страны в целом они присоединялись в владетелю в большинстве случаев как союзники.

Тесные этнокультурные и политические контакты абхазов с византийцами, в том числе и имевшие место между ними войны, служба абхазов в византийской армии в качестве наемников и т. д., несомненно, обогащали их знаниями тактики и стратегии, получением военного опыта. В абхазских войсках, вероятно, имелись и советники-византийцы[1403].

[1400] Прокопий Кесарийский. Война с готами... С. 20, 39; Агафий Миринейский. О царствовании Юстиниана... С. 96.

[1401] Агафий. Кн. 4, 16.

[1402] Амичба Г. А. Средневековая Абхазия в грузинских нарративных источниках. – Сухум, 2011. С. 60.

[1403] Фадеев А. В. Краткий очерк истории Абхазии. Часть первая... С. 79.

В период VIII–X вв. основным родом абхазских войск являлась пехота[1404]. Конница составляла, как считают некоторые авторы, значительную часть абхазских войск, в том числе и в высокогорных районах страны[1405] (еще в VI в., по сообщению Агафия, против византийцев выступило «шестьсот... пеших и конных» воинов-мисимиан)[1406]. Но соотношение пеших и конных в войсках абхазов в высокогорных местах страны, видимо, было не одинаковым. Редкая встречаемость конской узды в древнеабхазских погребениях может косвенно свидетельствовать о том, что в основной массе абхазские воины были пешими.

Судя по письменным данным, в рассматриваемое время абхазы были в состоянии выставить против врага организованное войско, являвшееся серьезной силой. Во время арабского нашествия 737 г. против захватчиков выступили «две тысячи абхазов»[1407], которые в битве у стен Анакопии нанесли завоевателям поражение.

В период наибольшего могущества Абхазского царства с середины I тыс. н. э. основную роль в абхазском войске начинают играть конные дружины. Как было сказано, абхазы хорошо были знакомы с вооружением хазар. Поэтому в рассматриваемый период во главе отрядов абхазов, как и у адыгов[1408], стоят

[1404] Амичба Г. А. Абхазия в эпоху раннего Средневековья... С. 125. Для сравнения отметим, что в Русском царстве до нашествия монголо-татаров, пехота была основным и единственным родом войск.

[1405] Там же.

[1406] Агафий. Кн. 4, 16. О конных воинах предков абхазов, по видимому, шла речь и в сообщений Феофана Хронографа о том, что весной 711 г. «первенствующий князь» апсилов Марин явился на помощь византийскому посланнику Льву Исавру к стенам Сидерона во главе военного отряда в «триста человек» (Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора // Тексты, перевод, комментарий. – М., 1980. С. 67).

[1407] Сообщения средневековых грузинских письменных источников об Абхазии... С. 29.

[1408] См.: Схатум Р. Б. Военное дело адыгов в Средние века (вторая полови-

предводители, имеющие богатое конское снаряжение и вооружение. Очевидно, они являлись «тысячниками». Выделяются также «десятники» и «сотники». Кавалерия (*аҽцэа*) состояла из воинов-профессионалов, а пехота (*ашьаҟар*) – из ополчения.

Некоторые исследователи считают, что абхазские цари располагали хорошо вооруженным конным войском уже к началу X в.[1409], в это время окончательно выделяются тяжелая и легкая кавалерия[1410]. Именно тем фактом, что абхазским монархам удалось в короткое время создать тяжеловооруженное конное войско, во многом должны были быть предопределены успехи Абхазского царства во внешней политике[1411]. Тяжеловооруженными конными воинами являлись представители привилегированного слоя[1412]. В абхазском языке существует термин *аҽыжэӷара*, т. е. «поддерживание правого стремени при посадке всадника на лошадь», который, очевидно, был связан с необходимостью такой поддержки для тяжеловооруженного средневекового воина. Другое слово *аҽыжэхра* указывает на такое же поддерживание стремени при спешивании. Тяжеловооруженная конница, применявшая таранный удар копьем, стремилась решить исход сражения (уместно отметить и то, что абхазские воины приветствовали друг друга приподнятием тяжелого копья, которое было основным оружием первого удара). Очевидно, после первого столкновения тяжелая кавалерия абхазов (как и у

на VIII – XVII вв.). Автореф. дисс. на соиск. уч.ст. канд. ист. наук. – Майкоп, 2008. С. 19.

[1409] См.: Касландзия Н. В. К вопросу о генезисе феодальных отношений в Абхазии (конец VIII – первая половина XI вв.) // Первые Международные Инал-иповские чтения (Сухум, 9–12 октября 2007 г.). – Сухум, 2011. С. 397.

[1410] См.: Матушевский Г. О. Подходы к оценке социальной демографии средневековой Абхазии... С. 4. // Рукопись работы, предоставленной автору этих строк Е. К. Аджинджалом.

[1411] См.: Касландзия Н. В. Генезис и становление Абхазского царства. – Сухум, 2017. С. 156.

[1412] Там же. С. 157.

адыгов) отбрасывала копья и щиты и переходила на клинковое и ударное оружие. Легкая конница во время боя выполняла задачи разведки, завязки боя, действия на коммуникациях противника, изматывая тем самым его до нанесения решающего удара тяжелыми кавалеристами.

По данным исследователей, в апсилийском (апсило-абазгском) войске имелись подвижные отряды пеших и конных меченосцев[1413], конных лучников, панцирных кавалеристов. Такие же отряды, по устному сообщению О. Х. Бгажба, были и в войсках Абхазского царства. Это говорит о том, что сохранялись черты, унаследованные от ранней военной организации апсилов и абазгов. Роль пешего войска, широко используемого как в обороне, так и в нападении, возрастала в период освободительных войн, когда к оружию призывались широкие слои населения.

Исходя из наличного материала можно полагать, что основными звеньями абхазской армии периода царства являлись конница и лучники, при этом конные лучники составляли элиту войска. Скаковых и боевых лошадей абхазы традиционно закупали на Северном Кавказе, откуда их регулярно перегоняли в основном через перевалы Главного Кавказского хребта. Из представителей народов Северного Кавказа состояли главным образом и наемные военные отряды, входившие в состав абхазской армии (в частности, абхазские цари, несомненно, опирались на вооруженные силы зихов).

В X – первой половине XI в. военная организация Абхазского царства получает дальнейшее развитие. Согласно письменным источникам, часть знатных дружинников в свою очередь имела свои воинские отряды. По этому поводу в «Истории и восхвалении венценосцев» указывается, что абхазская высшая знать (вельможи, в груз. источниках – *дидебулы*) имела свои вооруженные подразделения. С усилением страны и ростом ее терри-

[1413] См.: Бгажба О. Х. Железный меч из Апсилии // Газ. «Советская Абхазия». 28 февраля 1990 г.

тории возникла потребность в создании воинских формирований более крупного масштаба, которые объединяли бы в своем составе военные силы нескольких воеводств. Ополчение как основная форма вооруженной организации народа весь последующий после XI в. период существования Абхазского царства сохранялось, по всей видимости, только в нагорных районах страны.

Лучшим тактическим построением считалось такое, в котором тяжелая конница располагалась в центре, а легковооруженные конные лучники – на флангах. В ходе боевых действий небольшими отрядами, преимущественно в горных районах, применялась тактика партизанской войны. Поскольку войска Абхазского царства использовали тактику, сходную с тактикой византийцев, то со временем в центре стала располагаться пехота, позади пехоты – тяжелая конница, на флангах – легкая конница. При обороне, наряду с деревянными укреплениями, опирались и на каменные сооружения. Последние на равнине не были расчитаны на длительную оборону, и поэтому при появлении серьезной опасности население уходило в горы.

При обороне крепостей абхазские воины использовали, как отмечено, метательные машины, которые обстреливали нападавших камнями. В качестве катапульты применяли и гарпуновидные предметы с шипами, балластные камни из гранита. При осаде крепостей абхазское войско также применяло камнеметы и стенобитные орудия.

Судя по данным средневековых письменных источников, постоянное «Абхазское войско»[1414] – аԥсҭыр – было создано в 80-х гг. X в. (в Византии регулярная армия также была создана к концу X в.)[1415]. Довольно многочисленная армия Абхазского

[1414] См.: Абхазия и абхазы средневековых грузинских повествовательных источников. Грузинские тексты на русский язык перевел, предисловием и примечаниями снабдил Г. А. Амичба... С. 76.

[1415] Мохов А. С., Капсалыкова К. Р. Представления о войне в византийской

царства подчинялась лично абхазскому царю. Во время военного положения феодалы страны были обязаны явиться со своим войском под царское знамя. Перед выступлением в поход царь устраивал войскам осмотр и благословлял войско. Общая численность войск Абхазского царства в XI – начале XIII в., по некоторым данным, могла составлять более 70–80 тыс. человек. Об экономической и военно-политической силе Абхазского царства в изучаемый период свидетельствуют данные армянского автора Хетума. Он писал, что «грузинский царь подчиняется самодержцу Азии, а абхазский царь силен народами и неприступными твердынями, поэтому ни самодержец Азии, ни монголы не могли взять их под свое иго»[1416].

Военное дело абхазов в условиях феодализма тесно было связано с совокупностью норм поведения и социальных представлений, включающих такие компоненты, как военная этика, рыцарская мораль, принципы взаимоотношений с противником и др. Важным концептом военной культуры абхазов является мужество (*ахаԥара*), под которым понимается совокупность таких качеств, как личная храбрость, бесстрашие, отвага, а также честь, выдержка, уважение к человеку, милосердие и многое др. Мужество было тесно переплетено с другим концептом военной культуры – человечностью (*ауаԥра*). Считалось недостойным мужчине оставление противнику своего оружия. Полагалось, чтобы победитель даровал жизнь хотя бы одному человеку из стана врагов и отпустил его обратно на родину в качестве «горевестника». Запрещалось оплакивать тех, кто пал в бою за свою родину, ибо, согласно представлениям абхазов, оплакивают только умерших бесславной смертью,

---

полемологической литературе X в. // Античная древность и средние века. – Екатеринбург, 2017. Вып. 45. С. 177.

[1416] Абгарян Г. В. Армянские источники об Абхазии и абхазах. – Ереван, 1969. С. 26.

а слава героев «воспевается в песнях и передается из поколения в поколение»[1417].

Парламентеры и сопровождавшие их лица являлись неприкосновенными: лица, уполномоченные одной из воюющих сторон для ведения переговоров с другой, не могли быть ни задержаны, ни убиты. Действовало правило не убивать женщин, детей, пленных. Рыцарская мораль требовала от противников во всех случаях оставаться «порядочными» врагами. Военная этика абхазов также требовала щадящего отношения к противнику и уважительного отношения к трупу павшего врага. Запрещалось нападать на противника безоружного, спящего или же находящегося в окружении детей и женщин. Большим позором считалась добровольная сдача в плен, что почти не наблюдается в военной истории народа. Сдавшегося в плен считали «живым трупом». Несмотря на то, что статус пленного считался весьма оскорбительным (так как он считался трусом), сдавшегося в плен врага не убивали (так как убийство труса унижало достоинство воина). В абхазском обычном праве отсутствовала смертная казнь как мера наказания, а также не допускалась пытка и любая форма физического воздействия на человека для получения сведений или признания, что свидетельствует о гуманном характере военной этики абхазов.

Сами абхазские воины с периода раннего Средневековья служили длительно или участвовали в отдельных походах средневековых правителей. Имеются основания считать, что уже в начале V в. отдельное кавалерийское соединение абазгов, состоявшее из не менее 500 всадников, находилось в качестве союзников в византийской армии, дислоцированной в Египте[1418].

[1417] Инал-ипа Ш. Д. Очерки об абхазском этикете... С. 24.

[1418] Георгика. Т. I... С. 171, 172; Гунба М. М. Абхазия в первом тысячелетии н. э. ... С. 7; Аджинджал Е. К. Об одном аспекте ранневизантийской дипломатии на Кавказе // ВДИ. 1987. № 3. С. 176; Хотелашвили–Инал-ипа М. К. Страницы военной истории абхазов (Материалы к институту военного отходничества у древних абхазов) // Абхазоведение. – Сухум, 2004. Вып. III.

Свой собственный отряд абхазских лучников в качестве личной охраны имел император Юстиниан. Абазги вместе с аланами и хазарами в качестве союзников византийцев принимали участие и в произошедшем в середине VII в. сражении с арабами в области Арменикос[1419]. В последующем абазги оказывали Константинополю активную военную поддержку посредством систематического пополнения императорских воинских частей. Так, став императором, Алексей Комнин в 1088 г. выдает грамоту (хрисовул) монаху и ктитору монастыря на о. Патмос (на юго-востоке Эгейского моря) Христодулу, в которой указывает, что монастырь освобождается от постоев как ромейских, так и «варварских» военных отрядов. Среди наемников иноземного происхождения называются абазги (авасги), наряду с аланами, болгарами, сарацинами и др.[1420]. Нужно при этом иметь в виду, что абхазы общинами проживали в Константинополе и других частях империи по крайней мере с X в.[1421]. Поэтому не все абазги, надо полагать, были наемниками в строгом смысле слова, так как длительное проживание в пределах империи позволяло им органично и прочно войти в военную систему Византии.

Купленные либо завербованные в Западной Черкессии (Адыгее) и Абхазии воины с IX в. составляли главную часть и египетских войск в период правления мамлюков. В большом количестве абхазы и черкесы продолжали пополнять армии Египта, Судана, Туниса и Ливии вплоть до XX в.

Лаконичные свидетельства об абхазских отрядах наемников, занимавшихся охраной Севастопольской (Сухумской) факторий

С. 161–167; Аргун Ю. Г. Работорговля и военное отходничество у абхазов. (Предыстория формирования абхазской диаспоры) // Абхазоведение. Вып. V–VI. – Сухум, 2011. С. 242.

[1419] Б а л а д з о р и. Книга завоевания стран. Баку. 1927. С. 8.

[1420] Цит. по: Малахов С. Н. Алано-византийские заметки (часть I) // Аланы: история и культура. Владикавказ. 1995. С. 385.

[1421] См. напр.: Инал-ипа Ш. Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов... С. 482.

за плату, приводятся, например, и в публикуемых С. П. Карповым исторических документах[1422].

Абхазы находились на службе и в Румском (Сельджукском) султанате, где некоторые из них являлись высокопоставленными командирами. Так, войсками султана Киас-эд-дина Кай Хосрова II в битве при Кесе-даге[1423] в 1243 г. против монголов командовал абхаз Дардын (Дардан) Чачба (Шервашидзе). В «Летописи монгольского времени» о нем, в частности, говорится: «...назначил [султан] предводителем войска абхазца Шарвашис-дзе, по имени Дардын, которого за его храбрость прежде сильно возвысил, и твердо держался он за веру... И завязалась беспощадная битва, и пало бесчисленное множество воинов султана, где и прославленный Шарвашис-дзе Дардын, абхазец, полководец их, был убит, и бежали войска султана»[1424].

Абхазские отряды служили и в армии Тамерлана. По сведениям И. Бларамберга, «в 1400 году абазы уже служили в армии Тимура и выступали против султана Баязета»[1425].

Часто использовали войска абхазов и черкесов владетели Мегрелии. Так, в начале 70-х гг. XVI в. Г. Дадиани для войны со своими братьями Мамией Дадиани и Гуриели «заполучил наемные войска абхазов, джиков и черкесов»[1426].

[1422] Карпов С. П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII – XV вв.: проблемы торговли. – М., 1990. С. 104.

[1423] В 60 км к с.-в. от Сиваса, ныне в Турции.

[1424] Сообщения средневековых грузинских письменных источников об Абхазии. Тексты собрал, перевел на русский язык, предисловием и комментариями снабдил Г. А. Амичба... С. 57.

[1425] Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. – М., 2010. С. 86. В Ангорском сражении 1402 г. между османской армией и войсками Тимура турки, как известно, были разбиты, а султан Баязид был взят в плен.

[1426] Цит. по: Мирзоев А. С. Институт выезда на службу и военное отходничество как часть военной культуры черкесов // Кавказология. Электронный журнал. – Нальчик, 2021. I. С. 58.

Представителей кавказских народов, в основном абхазов и адыгов, как наемную пехоту использовали власти Крымского ханства[1427]. Они находились и в составе корпуса ханской гвардии, называвшейся капы-кулу (аналога турецких янычар) – профессиональных воинов, состоявших на жаловании у султана[1428]. Эвл. Челеби указывает, что численность капы-кулу в Крымском ханстве равнялась некогда 12 тыс. воинов, а в его время не превышала 3 тыс. «Но враги всё ещё считают, что в Крыму находится двенадцать тысяч капу-кулу[1429]. Теперь они на положении хан-кулу[1430]. Однако они не татары. Это – целый полк из детей абхазцев, черкесов и грузин. Роду Османов от них никогда не случалось измены»[1431]. Время основания крымских капы-кулу Эвл. Челеби относит к периоду правления Менгли Гирея, которому их предоставил султан Баязид «в качестве воинов-стрелков из ружей» (были вооружены ружьями османского производства). Здесь Эвл. Челеби путает собственно османских янычар, направлявшихся Стамбулом для огневой поддержки татарской конницы, с тем подразделением, которое немногим позднее создал по османскому образцу Сахиб-Гирей[1432].

[1427] См.: Военное дело Крымского ханства [Электронный ресурс]. Режим доступа: //islam.in.ua/ru/istoriya/voennoe-delo-krymskogo-hanstva.

[1428] Этих воинов в разных мусульманских странах и в зависимости от происхождения рабов османы называли по-разному – гулямы, мамлюки и пр.

[1429] Челеби Эвл. Книга путешествия. Крым и сопредельные области. Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века. – Симферополь, 2008. С. 101. Но Эвл. Челеби и в данном эпизоде, очевидно, сильно преувеличивал число капы-кулу. По некоторым данным, капы-кулу насчитывали не менее 1000 человек.

[1430] Хан-кулу, т. е. «рабы хана».

[1431] Челеби Эвл. Книга путешествия. Крым и сопредельные области... С. 101.

[1432] Хотко С. Х. Черкесия: Генезис, этнополитические связи со странами Восточной Европы и Ближнего Востока (XIII–XVI вв.).– Майкоп, 2017. С. 380.

О военной силе абхазов в зрелое Средневековье (и о независимом положении Абхазского государства) свидетельствует письменный источник за 1459 г., где сказано, что абхазский правитель при необходимости выставлял собственное войско в количестве 30 тыс. чел.[1433] (с учетом, видимо, также союзников и вассалов). Такое количество воинов было даже больше, чем могли выставить, например, трапезундский император, армянский владетель и др. (для сравнения отметим, что в 1453 г. Константинополь с населением в 200 тыс. человек смог выставить лишь 5-тысячную армию и 4000 наемников). К сожалению, нет более никаких данных, которые позволяли бы перепроверить число войск, которое собирали в то время абхазские правители.

Сведения о численности абхазских войск в XVI в. в источниках отсутствуют. Для первой половины XVII в. информация о количестве войск абхазских феодальных владений приводится Эвл. Челеби. На территории Черноморского побережья Кавказа и прилегающих гор к юго-востоку от нынешнего Туапсе вплоть до Мегрелии он, как известно, называл 15 абазских обществ, с указанием количество населения и воинов, которые они были способны выставить. Нужно при этом иметь в виду, что под этнонимом «абаза» были известны абхазы, убыхи и адыги[1434]. Поэтому будем считать только число населения и воинов от юго-восточного прибрежного «племени чач» (т. е. населения, находившегося под управлением фамилии Чачба) от р. Фаша (Риони или Ингура) и до «племени садша» (садзов). Судя по данным Челеби, здесь имелось примерно 50 тыс. воинов[1435] (не считая еще 15 тыс. населения «племени чанда» и 30 тыс. жителей «племени арт»)[1436]. По словам Челеби, у «племени чач»

[1433] Пайчадзе Д. Г. Антиосманская коалиция европейских стран и Грузия в 60-х годах XV века. – Тбилиси, 1989. С. 95 (на груз. яз.).

[1434] См.: напр.: Маан О. В. Абаза // Абхазия. Краткая энциклопедия. Гл. ред. В. Ш. Авидзба. Сухум – СПб., 2022. В 2 т. Т. I. С. 11.

[1435] Челеби Эвл. Книга путешествия... Вып. 3... С. 9–10.

[1436] Там же.

насчитывалось «около десяти тысяч» воинов: «племя арлан»(в р-не Пицунды) также имело «около десяти тысяч бахадыров»; у «племени больших чанда» (в р-не Гагр) – «пятнадцать тысяч воинов»; у «племени кечи (общ-во Кеч-Геч с князьями Гечба – **О. М.**) десять тысяч воинов»; в «области Садз – семь тысяч храбрых, сильных бахадыров»[1437]. Но нужно иметь в виду, что для того, чтобы выставить войско в 10 тыс. человек, должно наличествовать население примерно в 50 тыс. человек. Прибавив к войску Чачба в 10 тыс. воинов силы других абхазских владений и владетелей (арлан – 10 тыс, чанда – 15 тыс, геч – 10 тыс., садз – 7 тыс.), получается, что в первой половине XVII в. абхазское население в пределах современных границ Абхазии составляло более чем 250 тыс. человек (еще больше абхазов будет, если считать тех, которые проживали далее Сочинского сектора, т. е. за северо-западной политической границей Абхазского княжества в XVII в.). Поэтому цифры о численности воинов «абаза», называемые турецким путешественником, вряд ли могут считаться объективными для более или менее приблизительного подсчета, тем более что их не с чем сопоставить. Челеби, надо полагать, преувеличивал количество воинов, которое могли выставить абхазские феодальные владения, для того чтобы они, по всей видимости, выглядели более устрашающе[1438].

В общей сложности, если во второй половине XVI – первой половине XVII в. Крымский хан, например, при населении государства в 250 тыс. человек и при максимальном напряжении всех сил ханства мог выставить в поле до 60 тыс. воинов[1439], то эти данные, как видно, незначительно расходится с цифрами Челеби о количестве абхазских воинов в 50 тыс. человек. Стоит

[1437] Челеби Эвл. Книга путешествия... Вып. 3... С. 9–10.

[1438] По данным Челеби, также, по-видимому, преувеличенным, население соседней Мегрелии располагало 40–50 тыс. воинов, вооруженных ружьями (Цит. по: Аствацатурян Э. Г. Оружие народов Кавказа... С. 152).

[1439] Пенской В. В. Военный потенциал Крымского ханства в конце XV – начале XVII в. // Журн. «Восток (Oriens)». 2010. № 2. С. 59.

при этом заметить, что армия в 50 тыс. человек являлось огромной силой, которой с трудом могли противостоять войска европейских государств.

Если по приводимым Челеби сведениям трудно определить реальное количество абхазских воинов, то неизвестно и число воинов, которое каждое из «племен» абаза выставляло под общеабхазское знамя. Но независимо от того, насколько цифры Челеби соответствуют действительности, можно полагать, что абхазское население в XVI–XVII вв. было многолюднее, нежели в последующее время. Этот факт находит объяснение в том, что в период с конца XVII в. происходят неоднократные выселения абхазов в Турцию (только в конце XVII и в XVIII в. имело место более пяти насильственных переселений абхазов)[1440] в другие страны, в том числе в результате работорговли, гибели множества людей в междоусобных войнах, болезней. Поэтому с указанного времени шел постоянный процесс сокращения абхазского населения. Это означает, что если количество жителей того же Крымского ханства с XVI по XVIII в. росло (к первой половине XVI в. численность населения ханства, как отмечено, составляла 250 тыс. человек, а в начале 80-х гг. XVIII в. под властью Крымского хана находилось примерно 430 тыс. или несколько более человек)[1441], то у абхазов происходит сокращение количества населения. Соответственно, это вело к уменьшению численности войска.

По данным источников первой половины XIX в., военная мощь абхазов «простирается до 12-ти тысяч человек, а при полном и всеобщем содействии цебельдинцев и самурзаканцев она доходила до 20 тысяч человек»[1442]. Владетельный князь Абха-

---

[1440] Дзидзария Г. А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. – Сухуми, 1975. С. 3.

[1441] Пенской В. В. Военный потенциал Крымского ханства в конце XV – начале XVII в. ... С. 57, 58.

[1442] См.: «Утверждение наше в Абхазии» // КС. – Тифлис, 1889. Т. XIII. С. 132. Как уже отмечалось, количество войска в 20 тыс. чел. было выставлено Келешбем Чачба (Шервашидзе) против правителя Мегрелии Г. Дадиани.

зии Келешбей Чачба (Шервашидзе), как отмечают историки, в случае военной угрозы «в считанные часы выставлял хорошо вооруженное 25-тысячное войско»[1443] (сюда нужно отнести еще 400–500 воинов владетельской дружины, являвшиеся политической и военной опорой владетеля). В данной связи уместно привести следующее замечание С. Броневского: «Известно, что собственного войска он (Келешбей – **О. М.**) может собрать не более как от 10 до 12 000; остальные были наемные или участные (контингентные), вероятно на... чрезвычайный случай приглашенные»[1444].

Основным родом войск у абхазов в период позднего Средневековья и раннего Нового времени являлась пехота, тогда как, по замечанию Эвл. Челеби, у них было «мало конных воинов»[1445]. Причину отсутствия у абхазов конницы Ф. Ф. Торнау видел в «недостатке в пастбищных местах»[1446]. Со сведениями русского разведчика согласуется и то, что Средневековая Абхазии, по археологическим и письменным источникам, вплоть до второй половины XIX в. характеризовалась недостатком удобных земель и прежде всего пастбищных мест для скота[1447]. Немаловажная

[1443] См. напр.: Трапш Н. А. Военная организация абхазского общества начала XIX столетия в синхронных иностранных нарративах // Война и воинские традиции в культурах народов Юга России. VI Токаревские чтения. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Ростов-на-Дону, 2017 С. 127.

[1444] Материалы по истории Абхазии XVIII–XIX века (1762–1859). Т. II... С. 63. По данным лейтенанта Скирневского (1807 г.), Келешбей мог выставить войско численностью до 8 тысяч человек (Цит. по: Фадеев А. В. Избранные труды. В двух томах. Том II... С. 166).

[1445] Челеби Эвл. Книга путешествия... Вып. 3... С. 103.

[1446] Дзидзария Г. А. Ф. Ф. Торнау и его кавказские материалы XX века. – М., 1976. С. 103.

[1447] Нехватка удобных земель и прежде всего пастбищных мест являлась одной из основных причин, вызывавших миграции абхазов за пределы своей этнической территории – на Северный Кавказа (абазины), Западное и Восточное Закавказье (Грузия), Византию и др.

причина отсутствия конницы состояла в дороговизне боевых коней (по словам М. Селезнева, даже обычная лошадь «бывала далеко не у всякого» абхаза)[1448]. О том, что боевым конем мог обладать не каждый, свидетельствует тот факт, что в Абхазии конская упряжь встречается только в погребениях знати. К тому же еще в начале XX в. хорошая верховая лошадь у абхазов стоила 40–50 руб. Кавказовед А. Н. Генко сильное развитие у абхазов в Средние века и в Новое время конокрадства объяснял тем, что лошадь, играя в основном роль верхового животного, имела «военное значение, чрезвычайно усиливая оборонительные и наступательные качества обладателя ее». Поэтому, заключает автор, «похищение лошади отражало естественную тенденцию усилить... свою военную мощь»[1449].

Вследствие феодальной раздробленности Абхазии владетель укреплял свои позиции путем заключения различных союзов с другими общинами и народами. Так, одна из жен Келешбея Чачба (Шервашидзе) была из рода Маршьан (правящих князей Псху, Дала и Цабала), что, разумеется, имело и политическое значение. Внук Келешбея, владетельный князь Михаил, являясь воспитанником убыхов по обычаю аталычества, часто использовал их как военную силу, «направляя их отряды для разорения наиболее сильных его вассалов»[1450]. Тот же Михаил считался воспитанником адыгов, всегда помогавших ему «доставкой отборнейшей дружины для защиты против врагов»[1451] (в конечном

[1448] Селезнев М. Руководство к познанию Кавказа. Книга II... С. 207.

[1449] Цит. по: Анчабадзе Ю. Д. «Один из наиболее интересных народов Кавказа...» Лекции А. Н. Генко по этнографии абхазов // Абхазия в русской словесности XIX–XX вв. – М., 2021. Т. 1. С. 124.

[1450] См.: Документы и материалы по истории Джигетии (1750–1868 гг.). (Сборник документальных материалов). Под редакцией А. А. Черкасова. – Сочи, 2016. С. 128.

[1451] Цит. по: Волкова Н. Г. Этнокультурные контакты народов горного Кавказа в общественном быту (XIX – начало XX в.)... С. 190. Нужно сказать, что и в период Абхазского царства, в условиях острой борьбы за власть, наслед-

итоге в 30-40-х гг. XIX в. Михаил сумел подчинить себе феодальную оппозицию с помощью русских войск).

По сравнению с ведением войны с внешним противником как значительно более сложная ситуация рассматривался внутренний вооруженный конфликт. Это было связано с тем, что каждой из враждующих сторон были хорошо известны все окрестности и характерные способы ведения войны противником.

Регулярные междоусобные войны на территории страны мешали объединению абхазов и отражению внешних угроз. При владетеле Абхазии Джикешии Зегнаковиче Чачба (Шервашидзе), жившем в конце XVII – начале XVIII в., на горные общества Псху, Ахчипсу и Аибга, входившие тогда в состав Абхазии, была наложена обязанность «защищать Абхазию от нападения других горцев»[1452]. Сами медовеевцы[1453], благодаря неприступному месту, которое они занимали, были хорошо защищены от нападения горцев с Северного Кавказа. Тесная и опасная дорога к Ахчипсы служила «для медовеевцев лучшею защитой с северной стороны. Сотня хороших ружей может здесь остановить целую армию, которой пришлось бы наступать поодиночке, человек за человеком, не имея никакого способа обойти неприяте-

---

ники абхазского престола нередко возвращали себе трон при помощи внешней поддержки. Так, в IX в. законный наследник абхазского трона Баграт с византийскими войсками вторгся в Абхазию, убил Адарнасе и возвратил себе престол. В X в. царевич Феодосий, получив поддержку картлийских феодалов, решил отвоевать престол у своего брата Дмитрия, но был разбит войском последнего (Сообщения средневековых грузинских письменных источников об Абхазии... С. 36; Абхазия и абхазы средневековых грузинских повествовательных источников... С. 71–72, 131).

[1452] Пахомов А. Исторические записки по истории Абхазии и князей Шервашидзе... С. 277.

[1453] Под именем медовеевцев, как было отмечено в источниках, объединялись горные общества Псху, Ахчипсу (Ахчипсху, Ахчипсы), Аибга, Чужгуча. В указанных общинах в первой половине XIX в. наличествовало «не более десяти тысяч» жителей» (Торнау Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера. – Черкесск, 1994. С. 141).

ля»[1454]. Вследствие выгодного военно-стратегического местоположения не было ни одного случая покорения медовеевцев, и в частности псхувцев, за исключением завоевания их территории российскими войсками в 1840-х гг. С ослаблением владетельской власти медовеевцы стали совершать набеги на внутренние части Абхазии. Примеры отношений медовеевцев с той частью Абхазии, которая находилась под управлением владетельного князя, показаны в работе А. П. Берже. По его сведениям, племя Псху «весьма склонно к хищничеству и производит торг пленниками, забираемыми преимущественно в Абхазии»[1455]; Айбуга – «разбойничье общество, производящее преимущественно грабежи в Абхазии»[1456]. Характеризуя ахчипсувцев, тот же автор подчеркивал, что «они отличаются духом воинственным, отважным»[1457].

Территорией для набегов со стороны исламизированных горных убыхов и черкесских «племен» Абхазия стала со времени принятия владетелями страны христианства[1458]. Абхазские горцы, не желая подчиниться власти русских, в отместку за принятие абхазами из владетельской Абхазии подданства царя периодически совершали на них грабительские набеги. Характеризуя

[1454] Торнау Ф. Ф. Указ. раб. С. 139. А. П. Берже об ахчипсувцах также писал: «Крайне гористая местность, при значительном народонаселении, затрудняет их покорение». (Документы и материалы по истории Джигетии (1750–1868 гг.)... С. 115).

[1455] С. П. Басария сообщал о том, что одно место в Бзыбском ущелье носит название «Соу еибашьырҭа» («место сражения Соу»). По преданию, в этом месте «храбрый Соу сражался один с псхувцами, отразив нападение многих десятков и сотен псхувских абхазов» (Басария С. П. Избранные сочинения. – Сухуми, 1967. С. 73).

[1456] Берже А. П. Краткий обзор горских племен на Кавказе, составленный Ад. Берже, правителем дел Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. – Тифлис, 1858. С. 8.

[1457] Там же.

[1458] См.: Документы и материалы по истории Джигетии (1750–1868 гг.)... С. 8.

горцев, Ф. Ф. Торнау отмечал, что медовеевцы «нередко отнимали у других покой, спускаясь к морю в Абхазию и на северную сторону гор»[1459]. Были случаи, когда они проникали почти до Сухума. «В двадцатых годах они проникли до Лыхны и осадили владетеля в месте главного пребывания его. Из-за Бзыби вторгались джигеты. Аспа была местом главных столкновений с этими последними, и вследствие того эта местность, несмотря на представляемые ею удобства к жизни, оставалась незаселенною. В каком отношении находились эти два народа к западной части страны, в таком же отношении находились цебельдинцы и сванеты к пространству между Келасурою и Ингуром»[1460]. В связи с этим можно вспомнить и сообщение Дюбуа де Монпере о том, что участившиеся набеги цебельдинцев «заставили князя Али-бея, чьи обширные владения находятся ниже Дранды, покинуть Джепуа и удалиться на берега реки Тамуиш»[1461].

Одними из наиболее опасных соседей абхазов являлись убыхи, военные отряды которых издавна совершали на Абхазию военные набеги. Их нападения на предгорную и равнинную части Абхазии происходили как вдоль Черноморской прибрежной полосы, так и со стороны гор (в их походах нередко принимали

[1459] Торнау Ф. Ф. Указ. раб. С. 142. Медовеевцы, пользуясь между горцами «репутацией отъявленных разбойников... за пределами своих крепких гор, – пишет Ф. Ф. Торнау, – находились во всегдашней опасности быть перебитыми без всякой жалости. За день до нашего приезда привезли в Агипсоу тела четырех убитых медовеевцев, которым мой знакомый кабардинский князь Исмаил Касаев, с Теченя, приказал отрубить головы за то, что они без спроса хозяйничали в его табуне» (Торнау Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера. – Черкесск, 1994. С. 142).

[1460] Из «Очерка устройства общественно-политического быта Абхазии и Самурзакани» П. Д. Краевича. 1869 г. // Материалы по истории Абхазии XIX века (1863–1874). Сборник документальных материалов. – Сухум, 2012. Т. III. С. 543.

[1461] Дюбуа де Монпере Фредерик. Путешествие вокруг Кавказа. Т. I. ... С. 152.

участие и ахчипсувцы)[1462]. Задачи таких набегов состояли в том, чтобы неожиданно появиться, истребить мужчин, захватить женщин и детей и быстро отступить, чтобы не понести значительные потери. При этом военные силы убыхов были велики, так как они, видимо, предполагали, что столкнутся с абхазами и те будут оказывать сопротивление. Так, летом 1825 г. отряд убыхов в количестве тысячи человек во главе с Сааткереем Адагуа-ипа Берзеком перешло в Абхазию по горным тропам. Абхазы, дав убыхам возможность спуститься на равнину, сами заняли все горные проходы, через которые неприятель мог отступать, и уничтожили почти весь отряд[1463]. Предводитель убыхов также погиб в стычке (после этого убыхи нападали на Абхазию только в зимнее время[1464], когда в горах их никто не мог выследить). Другое нападение убыхов на Абхазию было предпринято в 1833 г., когда они вновь в количестве 1000 чел. напали на с. Хуап [1465].

[1462] В 1830 г. в Бамборе, Пицунде и Гагре русские приступили к строительству крепостей, которые должны были закрыть для джигетов и убыхов тот прибрежный путь, по которому они вторгались в Абхазию (в задачу этих крепостей входило также упрочение российской власти в Абхазии). После проведения ген. Д. Ахлестышевым дороги в 1835 г. из Сухума в Гагру через Бамбору и Пицунду, из Бзыбско-Гагрской низины окончательно были изгнаны джигеты. Если захват Гагры русскими сразу не вернул абхазам территорию между р. Бзыбь и Гагрой, то теперь эта область перешла под юрисдикцию абхазского владетеля.

[1463] Инал-ипа Ш. Д. Убыхи. Историко-этнографические очерки... С. 290–291.

[1464] Званба С. Т. Абхазские этнографические этюды... С. 16.

[1465] См.: Документы и материалы по истории Джигетии (1750–1868 гг.)... С. 24. В результате нападения на с. Хуап в течение не более двух часов было убито пять местных абхазов, «взяли в плен мужского пола – 13 человек, женщин – 16, детей обоего пола – 8, сожжено домов – 6, угнано коз – сто штук, и при обратном следовании убит из ближайших к деревне Хопи (Хуапу – **О. М.**) селений абхазец один, ранены: трудно тавад Исмаила Эмухвари (который уже умер), дворянин Соломон Маргания и абхазцев три человека. Из партии черкесов убито абхазцами два человека... Нападение было сделано под предводительством черкесского кн. Берзил-Аджи Дагва-ипа, который

Через четыре года в «Кубанских областных ведомостях» по этому поводу сообщалось: «Пока князь Михаил собирал своих людей для преследования, горцы успели уйти восвояси с добычею, отбитым скотом и 63 пленными»[1466].

И в дальнейшем убыхи совершали набеги на Абхазию, как это имело место зимой 1841 г. В описываемое время убыхи во главе с Керантухом Берзегом совершил налет на с. Отхара, принадлежавшее владетелю Михаилу Чачба (Шервашидзе). Это нападение убыхов на Отхару было отбито российскими войсками[1467]. Таким образом следует, что набеги на Абхазию в большинстве случаев совершали горные общества, преследовать которых с целью отбить награбленное считалось бесполезным, так как они были защищены труднодоступными ущельями[1468]. Вторжения убыхов в Абхазию в большинстве случаев заканчивались для них поражениями и ощутимыми потерями, о чем С. Пушкарев писал: «…при ежегодных почти нападениях убыхов на пограничные селения абхазцев, нападениях скрытных и не-

---

имеет свое пребывание в дер. Пехво, за укреплением Гаграми в горах...» (Там же). Имеются также сообщения о том, что в 1839 г. убыхи разграбили с. Дурипш. Для наказания «за это владетель кн. Михаил, собрав сильную партию своих, отправился к ним; но... застал на границе их готовность к отражению, возвратился безуспешно и получил обещание горцев вскоре посетить его в Абхазии...» (Там же.)

[1466] См.: «Кубанские областные ведомости». 1890 г. № № 38, 40–47.

[1467] См.: напр.: Ачугба Т. А. История Абхазии в датах. – Сухум, 2016. С. 73. Данное вторжение убыхов в Абхазию являлось их ответом на карательную экспедицию Н. Н. Муравьева в Дал и Цабал.

[1468] Можно в связи со сказанным сослаться и на Дюбуа де Монпере, который о садзах, убыхах и медовеевцах писал: «Садзы числом хотя и не слабее убых и медовеевцев, но совершенно находятся под влиянием первых и часто переносят обиды от последних, причиною тому: согласие между убых, которым нетрудно управляться с садзами через разделение свое на отдельные общества, и неприступность мест, занимаемых медовеевцами, которым для хищничества легче спускаться к морю, чем садзам для отмщения им идти в горы» (Цит. по: Антология памятников права народов Кавказа. Том 28... С. 108).

чаянных, они отражали первых с значительным для них уроном»[1469]. Но такие поражения не останавливали убыхов от новых разорительных войн и набегов на абхазов и других своих соседей (убыхи, совместно со сванами и осетинами, совершали набеги даже на Мегрелию и Гурию).

Наиболее простым видом фортификационных сооружений абхазов в Средние века и в раннее Новое время было укрепление собственных жилищ. К характеристике подобных жилищ приложимо сообщение позднесредневекового источника о том, что «15 или 20 семейств (абхазов – **О. М.**) соединяются вместе и, выбрав вершину к.-н. холма, ставят на ней хижины и окружают их плетнем и глубокими рвами»[1470]. Главное назначение подобных поселений на естественном возвышении заключалось, очевидно, в том, чтобы не дать противнику, чаще всего всадникам, взять поселение наездом. И вообще, поселение на холме и без особых укреплений отвечало этим задачам.

Наряду с устройством оборонительных сооружений вокруг жилища, абхазы возводили замки и крепостные стены, известные у них со времен раннего Средневековья. Например, архе-

---

[1469] Пушкарев С. Абхазия и абхазцы // Газ. «Кавказ». 1854 г. № 61. Неудачный поход, повлекший большие потери, приносил позор предводителю и означал его политическую смерть. Так, после безуспешного похода в Абхазию в феврале 1846 г. убыхского предводителя Джембулата Берзега, в результате которого погибло 2/3 убыхского войска, его имя навсегда сошло с политической сцены (См.:: Мирзоев А. С. Генезис и эволюция традиционной военной культуры... С. 149).

[1470] Ламберти Арк. Описание Колхиды или Мингрелии // ЗООИД. – Одесса, 1877. Т. X. С. 212. Традиция строить укрепленные поселения на холмах наблюдается на территории Абхазии еще в эпоху поздней бронзы и раннего железа. В этот период, как показали, например, материалы из Сухумской горы и Гуадиху, по мере накопления богатств и увеличения числа неприятельских набегов, ощущается стремление древнеабхазского населения к постройкам на возвышенностях, на холмах, горках и т. д., где в свою очередь эти поселения укрепляли деревянными частоколами (Соловьев Л. Н. Диоскурия – Себастополис – Цхум // ТАГМ. – Сухуми, 1947. Вып. I. С. 107).

олог и спелеолог И. Я. Стеллецкий писал, что в окрестностях древней Диоскурии, как и при устьях почти всех «больших рек Кавказа (в частности Бзыби, Кодора, Ингура, Цхени-Цхали, Риона, Квирилы) высятся древние крепости, замки и башни, представляющие укрепленные оплоты, служившие для защиты древних торговых путей»[1471].

Стены городищ и крепостей укреплялись выступающими, как правило наружу, башнями и контрфорсами. В тех местах, где наступавшим легко было подвести стенобитные орудия, башни возводились полукруглыми в плане, а на труднодоступных участках они имели прямоугольный план. Крепостные башни обычно делались многоярусными, в два – четыре этажа.

В целях обороны использовались также рвы и валы, располагавшиеся перед воротами поперек перешейков, соединявших территорию укрепления с близлежащей местностью. В отдельных случаях система рвов и валов достигала значительных размеров (Клыч, Сатанджо и др.). Переход через рвы осуществлялся, по-видимому, с помощью подъемных деревянных мостков[1472].

Немало крепостей и башен было сооружено абхазами и в период после монгольского нашествия на Кавказ и Восточную Европу. Эти крепости и башни использовались абхазами и в позднем Средневековье, и в Новое время. По сообщению одного источника 70-х гг. XIX в., в таких башнях «вся... абхазская деревушка спасалась, когда ей грозило нашествие джигетов с севера или сванов с востока»[1473].

[1471] Стеллецкий И. Я. По забытому Кавказу. – Сухум, 2024. С. 71.

[1472] См.: Воронов Ю. Н. В мире архитектурных памятников Абхазии. – М., 1978. С. 12.

[1473] «Абхазы и Пицунда» // Журн. «Домашняя беседа». – СПб., 1877. Вып. 33. С. 329. Опасаясь нападения врагов, в укрепленных домах жили в первой половине XIX в. многие абхазские князя и дворяне. Так, Ф. Ф. Торнау, описывая жилище келасурского князя Гасанбея, отмечал, что на крытую галлерею его дома «вела узкая и чрезвычайно крутая лестница», облегчавшая его

Сооружения, обеспечивавшие охрану стратегически важных мест от набегов кочевых и горских народов и для охраны подгорной дороги – «Абхазского пути», строились не только в ущельях Кодора и Бзыби, но и в их низовьях. Так, на левом берегу нижнего течения р. Кодор выявлены остатки трех сооружений, являвшихся крепостными башнями[1474].

Наблюдательные башни были выстроены на севере с. Адзюбжа поблизости от жилищ, а две из них – на стратегических высотах. Башни, естественно, являлись средствами народной самообороны и были, очевидно, выстроены коллективным трудом одного из родов этих поселений. Местоположение указанных башен было таково, что, в случае необходимости, находившиеся в них имели возможность быстро связаться друг с другом. В дни невзгод башни могли использоваться как укрытие от врагов. Предупреждающим сигналом между караульными в ночное время мог служить огонь, а днем – дым. Согласно же историческим преданиям абхазов, связь между соседними крепостями или башнями осуществлялась с помощью протянутой между ними металлической проволоки. Кроме того, воины находясь на значительном расстоянии друг от друга, поддерживали связь между собой с помощью особого свиста (*аршэаа*), передавая друг другу информацию с вершины на вершину горы, с башни на башню. Однако, какими бы силами не располагало местное население, очевидно, подолгу здесь задерживаться было невозможно. При появлении серьезной опасности окрестное население, оповещенное дозорными–сигнальщиками, спасаясь от набегов, уходило, как сказано, в горы, за Абхазскую стену, под ее защиту.

оборону. «Двор был окружен высоким палисадом с бойницами... Довольно было взглянуть на постройку дома... чтобы понять всегдашнее состояние опасения, в котором Гассан-бей проводил свою жизнь» (Торнау Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера. – Черкесск, 1994. С. 21–22).

[1474] Подробнее см.: Маан О. В. Междуречье – низовья реки Кодор. – Ростов-на-Дону, 2013. С. 48–49.

Вопросы войны и мира решались на общинном сходе. Община несла ответственность перед своими членами, выкупала попавшего в плен воина[1475] и оказывала помощь семьям погибших в бою и т. д. Самыми тяжкими военными преступлениями считались измена, трусость в бою, бегство с поля боя. За это полагались смертная казнь или изгнание преступника и его семьи из общины. По словам С. М. Ащхацава, «труса или беглеца с поля сражения... связывали... и выставляли на середину многолюдной улицы, под звуки музыки снимали с него верхнюю мужскую одежду, и надевали женскую, и выгоняли из отечества»[1476]. В период ведения военных действий на народном собрании избирался военный предводитель (*аԥыза*) – чаще из представителей дворян. В случае необходимости, когда к участию в боях привлекалось все мужское население абхазов, способное держать оружие, во главе войск становился владетель. Хотя влияние Чачба-Шервашидзе, как отмечал Ф. Боденштедт, всегда было весьма ограниченным, при внешней угрозе и на время войны князь признавался главным предводителем и все добровольно объединялись под его знаменем[1477].

Выбор военного предводителя зависел и от личной храбрости и организаторских способностей. Особое преимущество при избрании на пост командующего имели люди, обладавшие военным опытом или служившие в армиях других стран. «Черкес, – пишет Эдм. Спенсер, – который мог служить в армиях

[1475] Чаще бывали случаи, когда абхазы, чтобы не попасть в руки врагов, кончали жизнь самоубийством. Так, в период завершения Кавказской войны, горстка абхазских храбрецов дралась до последней возможности, но и они были почти все истреблены. Оставшиеся десятка полтора воинов, чтобы не попасть в плен, на конях, вооруженными вошли в море и утопили себя (Цит. по.: Инал-ипа (Хотелашвили) М. К. На конях в море // Газ. «Амцахара». 2000. № 3).

[1476] Ашхацава С. М. Избранные труды. – Сухум, 2023. С. 98.

[1477] Там же. С. 128.

соседних держав, Турции или Персии, обычно имеет предпочтение при избрании на такой пост»[1478].

Боевым конем обладал не каждый. Л. М. Серебряков о цебельдинцах, например, писал, что у них «одни только князья и небольшое число дворян имеют лошадей, а прочие составляют отличную пехоту»[1479]. На десять всадников, как правило, приходилось тридцать-сорок пеших воинов. Семьи, в которых не было боеспособных мужчин, облагались налогом – мясом, сыром, шкурами и др. для содержания наемника. Мужчины, «оставшиеся от похода», также «должны были доставлять продовольствие и прочие предметы, необходимые для похода»[1480]. Военнообязанными считались мужчины в возрасте от 18 до 70 лет. От каждого хозяйства на военные сборы должен был явиться один человек. Однако считалось постыдным, чтобы кто-то отсиживался дома во время военной опасности, и на сборы являлось по два или более человек от семьи[1481]. В отличие от ведения оборонительных войн, участие в набегах не являлось обязательным для всех взрослых мужчин общины: набеги с целью захвата скота и пленных обычно предпринимались небольшими отрядами из 5–8 чел. Отдельные набеги, писал Н. Ф. Дубровин, «совершались или пешими партиями от 5 до 10 человек, или конными – от 20 до 30 всадников»[1482]. Инициаторами походов могли выступать один или несколько храбрецов, к которым присоединялись остальные желающие.

[1478] К черкесам Эдм. Спенсер относил всех абхазов и адыгов.

[1479] Серебряков Л. – М. Дорога из Сухума к Кубани через Главный Кавказский хребет... С. 92.

[1480] Ащхацава С. М. Избранные труды... С. 98.

[1481] При появлении врагов внутри края, писал Н. Ф. Дубровин о черкесах, «понятия о чести и достоинстве требовали... чтобы все участвовали в защите отечества, под опасением всеобщего презрения в случае неисполнения кем-либо этого долга чести и обязанностей» (Дубровин Н. Черкесы (адиге) // Кавказ. Черкесия... С. 315).

[1482] Дубровин Н. Черкесы (адиге) // Кавказ. Черкесия... С. 320.

Чаще партию для нападения собирал мужчина, отличившийся в более ранних набегах. Адыги «не брали в поход неженатого или пока бездетного мужчину, если он был в роду единственным»[1483], а у абхазов главную ударную силу войска составляли неженатые мужчины, которые в набеге, тем более если поход был удачным, покрывали себя славой. Это служило показателем достижения молодым человеком полноправного состояния в обществе.

Помимо прибретения славы и имущества, причинами набегов нередко бывало сведение счетов за ранее причиненные обиды. И. А. Гюльденштедт писал, что если абхазы «пускаются в набеги, то это большей частью чтобы отомстить за обиды, которые они претерпели». Он сообщает и о том, что перед набегом абхазы собирались «под старым дубом, в который они вонзают саблю, несколько раз обходят его и говорят на своем языке: «Мы снова идем, враги (которых они называют), пусть мы их поймаем или убьем»…[1484].

Перед выступлением в поход высылали разведчика, которому устраивали маскировку в виде снопа, связанного из высокой травы. Под его прикрытием караульный подползал к удобному месту и лежал незамеченным, спрятавшись в траве[1485]. Сигналами во время набегов служили звуки, которыми воины подражали диким животным и птицам.

Успех в походе давал его участникам две части добычи под названием «доли старшего» (*аиҳабхэша*). Предводитель-*аҧыза* должен был находиться впереди отряда, осуществляя общее командование: по бокам — его ближайшие соратники, а остальные дробились на несколько групп, неотступно следовавших за вожаками. Во время привалов ночью

[1483] См.: Мафедзев С. Х. О народных играх адыгов. – Нальчик, 1986. С.130.

[1484] Гильденштедт И. А. Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг. – СПб., 2002. С. 227.

[1485] Дубровин Н. Черкесы (адиге) // Кавказ. Черкесия... С. 322.

выставлялись караульные — *аԥшыхэцэа*, досл. «смотрители»[1486].

Тактика, по которому горцы в период Кавказской войны, как только им становилось известно о готовящейся акции со стороны русского командования, немедленно эвакуировали все население своих поселений в защищенные горные места, была выработана ими уже в начальные годы Кавказской войны. После вывоза населения мужчины объединялись в отряды, ожидая прихода русских войск в засаде.

Организация обороны и в условиях горного рельефа Абхазии обычно заключалась в том, что абхазы занимали все места, откуда должен был пройти враг, устраивали заслоны и закрывали удобнопроходимые пути, заранее, очевидно, рассчитывая на то, что враги (например, те же убыхи) не смогут воспользоваться своей численностью. По поводу такой тактики владетельный князь Михаил писал: «При ожидании вторжения неприятеля обыкновенно занимаются сильнейшими отрядами те места, которые более удобны для прохода неприятеля, а в местах удобопроходимых, располагаются секреты или пикеты, величина которых зависит от важности пунктов, занимаемых ими. Но если неприятель атакует край в нескольких местах, то при таком раздроблений сия защита его будет весьма затруднительна»[1487].

По литературным описаниям XIX в., в условиях труднопроходимой местности абхазы использовали внезапные атаки, действия в бою в одиночку, преимущественно пешими, и ложные тактические отступления с последующей контратакой. Узнав о направлении продвижения противника, они, как сказано, устраивали засаду и делали завалы, навязывая бой тогда, когда враг

[1486] Инал-ипа Ш. Д. Очерки об абхазском этикете... С. 26.

[1487] Документы и материалы по истории Джигетии (1750–1868 гг.)... С. 85. Из всех же путей, шедших в Абхазию, наиболее опасным, по мнению начальника Черноморской береговой линии А. И. Будберга, считался Псхувский (из Псху также можно было несколькими путями спуститься «в Бзыбский округ»). (Там же. С. 86, 87.)

находился в заведомо проигрышной позиционной ситуации[1488]. По этому поводу М. Селезнев сообщал, что абхазы «защищают с особенным искусством завалы и горные проходы» и что они «в горной войне изобретательны»[1489]. Умение абхазов сражаться на пересеченной местности, их смелость, меткую стрельбу, а также мастерство быстро и бесшумно двигаться большими массами отмечал Г. И. Филипсон. Он вспоминал, как темной безлунной ночью ждал абхазскую милицию, которая должна была присоединиться к войскам: «…я разослал офицеров искать ее, а сам ожидал в таком месте, где она непременно должна была проходить. Но прошло полчаса, а ее не было; новые посланные прибежали мне сказать, что она уже на месте и что отряд уже двинулся. Оказалось, что 1500 человек пеших абхазцев прошли от меня в 15 саженях[1490], а я этого не подозревал»[1491].

Укрываясь за естественными препятствиями (овраги, густые леса, заросли кустарника и т. п.), абхазы подпускали противника на близкое расстояние, открывали огонь из своих ружей и подавляли врага (такая тактика была использована абхазами, например, в июне 1836 г. недалеко от Драндского укрепления, в бою против регулярного русского воинского подразделения Черноморского линейного батальона)[1492].

[1488] По образцу горских народов с использованием засадной тактики вели военные действия и мегрелы. Ж. Шарден писал, что «при нападениях мингрельцы стараются занять брод на какой-нибудь реке и, стреляя из засады, препятствуют неприятелю переправиться на другой берег. При неудаче обращаются в бегство и укрываются в лесах» (Путешествие Шардена по Закавказью в 1672–1673 гг. Абхазская интернет-библиотека).

[1489] Селезнев М. Руководство к познанию Кавказа. Кн. II... С. 211.

[1490] Около 32 метров.

[1491] Филипсон Г. И. Воспоминания... С. 215.

[1492] Стефанов Т. Т. Михайловский крепостной пехотный батальон на Кавказе. 1819–1906. Юбилейный выпуск. – Батум, 1906. С. 163. Сказанное подтверждается корреспондентом газ. «Кавказ» от 8 сентября 1866 г., который, описывая ход восстания в Абхазии, в это время писал: «абхазцы удивительные мастера пользоваться местностью и прятаться за деревьями».

До появления огнестрельного оружия перед боем лучники абхазов производили залп по врагу, затем всадники, не давая противнику времени на восстановление строя, наносили стремительный удар по фронту. Врезавшись на полном скаку в ряды противника, они переходили к рукопашному бою с шашками или саблями.

М. Селезнев, отзываясь об абхазах как «удалых кавалеристах», особенно подчеркивал, что они «пренебрегали опасностями битвы»[1493]. При этом абхазы с похвалой отзывались о своих соседях-убыхах, которые как и западные абхазы-садзы считали недостойным сражаться иначе, как на коне и холодным оружием[1494]. Сравнивая боевые качества абхазов и убыхов, С. Т. Званба отмечал, как преимущество последних, умение действовать «массами» в открытом поле. «Абхазцы же, – пишет он, – между горскими племенами считаются отличными стрелками, дерутся очень хорошо врассыпную, пользуясь с особой смелостью местоположением, а в местах лесистых, перерезанных оврагами, всегда одерживают верх над убыхами»[1495]. Ф. Ф. Торнау,

---

[1493] Селезнев М. Руководство к познанию Кавказа. Кн. II... С. 205.

[1494] См.: Басария С. Вымершие народы. Убыхи и асадзуа // «Кавказский край». 27 сентября 1909 г. . Среди жителей Кавказа некоторые авторы особо выделяли боевые качества черкесов, которые «так же храбро сражались на коне, как и пешие, чем и отличались от других горцев» (Ковалевский Е. П. Очерки этнографии Кавказа. ВЕ. – СПб., 1867. Сент. Т. 5. Дек. Т. 4. // Кавказ. Черкесия. – Нальчик, 2014. С. 114).

[1495] Званба С. Т. Абхазские этнографические этюды... С. 51. Об умении абхазов стрелять метко и драться пешими говорится, например, и в работе «Пароход на крейсерстве у абхазских берегов // Библиотека для чтения. – СПб., 1843. Т. 56. С. 18. Стоит отметить, что умение метко стрелять расценивалось у абхазов как особый дар, обладать которым было чрезвычайно престижно. Поэтому меткая стрельба рассматривалась в мировоззрении народа как один из самых важных элементов характеристики образа абхазского мужчины. Как известно, чрезвычайно метким стрелком был руководитель Абхазии в начальный период советской власти Н. Лакоба, что, безусловно, было немаловажной составляющей его позитивного образа (Цит. по: Ботяков Ю. М. Традиционное парламентарство в годы грузино-абхазской войны 1992–

подтверждая репутацию абхазов как отменных стрелков[1496] (выделял медовеевцев «особенно отличавшихся цельною стрельбою»), также считал, что они умело использовали лесистую и гористую местность.

В целом же, из имеющегося материала можно сделать вывод о том, что абхазы являлись «отличными стрелками» и индивидуальными воинами, использовали преимущественно личное мастерство, нежели преимущества дисциплинированного строя воинской массы, и в то же время мало были способны противостоять организованному противнику.

Согласно источнику за 70-е гг. XIX в., особенности ведения военных действий у абхазов заключались в том, что «они отдельными селами обычно сражались против русской армии»[1497]. Поэтому часто отмечалось, что они могли объединиться и собрать большие силы лишь на короткое время, что обычно они действовали разобщенно и т. д. Военный специалист И. Бларамберг считал, что объединению всех сил черкесов в единую армию (это можно отнести и к абхазам) мешали «причины внутренней вражды и полнейшее отсутствие дисциплины и средств для содержания в течение определённого времени такой массы людей. Не будь этих препятствий, они представляли бы большую угрозу для своих соседей, имея в виду также и их воинственный характер: они были бы просто непобедимы в своих

1993 гг. Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Режим доступа: http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-02-025227-1/. С. 250).

[1496] Торнау Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера. – М., 1864. С. 61. См. также: Документы по истории Абхазии. XIX – начало XX века. Изд.: Г. Анчабадзе, М. Пагава, И. Туташвили. – Тбилиси, 2018. С. 25). По сравнению с абхазами, шапсуги, например, «не любили жечь много пороха», а были рубаками, предпочитая действовать шашкой, по выражению Ф. Ф. Торнау, «самым любимым и самым страшным черкесским оружием».

[1497] Газ. «Дроеба». 1876 г. № 36–37 (на груз. яз.).

краях»[1498]. Неоднократные попытки объединения военных сил абхазов для противостояния российским колониальным войскам особого успеха не имели, и, несмотря на то, что каждая община абхазов действовала независимо друг от друга, при необходимости они координировали свои действия с соседями[1499]. Лучшей военной организацией на Западном Кавказе, судя по материалам XIX в., обладали абхазы владетельской Абхазии, тогда как другие западнокавказские народности, включая сюда и горных абхазов, имели слабую дисциплину. Тем не менее горцам Западного Кавказа, как известно, многократно удавалось отражать нашествия различных завоевателей и отстаивать свою независимость вплоть до окончания Кавказской войны в 1864 г. Нужно учесть, что и условия рельефа Абхазии ограничивали действия больших масс войск, поэтому наиболее эффективным было ведение боевых действий небольшими отрядами. Именно природно-географическими факторами можно объяснить безуспешные попытки со стороны вражеских войск проникнуть внутрь Абхазии. Движению войск, незнакомых с местностью, препятствовали не только горно-лесистый характер страны, но и заболоченное побережье и почти полное отсутствие колесных дорог (по этим же причинам в период Кавказской войны, когда тяжело было использовать артиллерию, снижалось техническое превосходство русской армии). Таким образом, абхазы искусно использовали особенности рельефа для организации как оборонительных, так и наступательных действий на местности.

В то же время неоднократно отмечалось в источниках в целом военное искусство горцев. Е. П. Ковалевский в числе фак-

---

[1498] Цит. по: Мафедзев С. Х. О народных играх адыгов... С.127.

[1499] Следует отметить, что и в период грузино-абхазской войны 1992–1993 гг. в каждом селе Абжуйской Абхазии по аналогии с традиционными имелись военные структуры, которые точнее всего можно охарактеризовать как отряды самообороны сел. Их основные задачи заключались в первую очередь в обороне своих населенных пунктов, однако в период проведения общефронтовых операций они объединяли свои силы.

торов, которые содействовали успешной обороне абхазами и адыгами своих территорий, наряду с топографическим положением Абхазии и Черкесии с пересеченной местностью, особо выделял «личную храбрость» и «необыкновенное умение вести оборонительную войну в своих пределах»[1500]. Абхазы, таким образом, могли быстро перемещаться по знакомой им местности и наносить неожиданные удары противнику[1501]. Единственным непреодолимым препятствием для них стала российская императорская армия, целенаправленно подчинявшая горские сообщества Западного Кавказа[1502]. После окончания Кавказской войны, российские колониальные власти всячески способствовали переселению коренных жителей Западного Кавказа в Османскую империю, что позволяло им добиться окончательной победы в партизанской войне.

[1500] Ковалевский Е. П. Очерки этнографии Кавказа. ВЕ. – СПб., 1867. Сент. Т. 5. Дек. Т. 4. // Кавказ. Черкесия... С. 154.

[1501] Сложнее вести боевые действия в условиях, когда враг знаком с местностью и со свойственной абхазам тактикой ведения войны, как это было в период грузино- абхазской войны 1992–1993 гг. Тогда абхазам противостояло местное грузино- мегрельское население, которое, как и абхазы, легко везде ориентировалось.

[1502] Трапш Н. А. Военная организация абхазского общества начала XIX столетия в синхронных иностранных нарративах... С. 130. Тактика русской армии, как и всех европейских армий (в отличие от иррегулярных армий народов Кавказа), была основана на жесткой дисциплине, огневом превосходстве артиллерии, стрелявшей шрапнелью, и штыковой атаке. Свои действия российское командование облегчало, как сказано, последовательным уничтожением посевов, скота и жилищ. По данным В. В. Лапина, за весь период Кавказской войны погибло и умерло около одного миллиона коренного населения региона. Примерно такое же количество солдат потеряла на Кавказе и Россия, причем на одного убитого приходилось примерно девять умерших. Такое соотношение боевых и санитарных потерь характерно для кампаний, которые вели европейские войска за пределами Старого света. Огромны были и финансовые затраты (См.: Лапин В. В. Русская армия в Кавказской войне XVIII–XIX вв. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. докт. ист. наук. – Санкт-Петербург, 2008. С. 23).

Мореплавание и пиратство. Важнейшей частью военной системы абхазов, как и родственных адыгов, являлось морское дело[1503]. Поэтому в прибрежных районах с раннего детства физическое воспитание детей начинали с того, что их учили хорошо плавать. Плавание являлось одним из важных элементов в системе физического воспитания дворянско-княжеских детей – будущих воинов и моряков. По этнографическим материалам, абхазы с детства приучали своих детей к воде. Уже в 4–5 месяцев младенцы быстро осваивались в ней, в короткие сроки приобретали способность самостоятельно держаться на поверхности, выполняя инстинктивные движения руками и ногами, плывя и без особого труда ныряя. Неудивительно, что приморские абхазы, плавая в реках и на море, знали многие приёмы плавания: на спине, на животе, на боку, саженками, плавание так называемым собачим стилем, лягушачьим стилем и др.[1504]. Например, знаменитый пловец-абхаз Мамад Бадиа до выселения вместе с семьей в Османскую империю, живя на берегу р. Кодор, с раннего детства научился плавать в этой неспокойной горной реке[1505]. В литературе имеются сообщения и о том, что абхазы плавают «не хуже дикарей островов Южного океана»[1506].

[1503] О морском деле у абхазов более подробно см.: Дзидзария Г. А. Из истории мореходства в Абхазии // Труды СГПИ им. А. М. Горького. – Сухуми, 1958. Вып. XII. С. 85–104; Инал-ипа Ш. Д. О мореплавании в Абхазии в античный период и феодальную эпоху // Труды АИЯЛИ. Вып. 30... С. 73–90; Дзидзария (Дзария) О. П. Морская лексика в абхазском языке. – Сухуми, 1989; Маан О. В. Из истории судоходства в Абхазии // Абхазоведение. – Сухум, 2000. Вып. 1. С. 163–172. Его же. Проблемы этнического развития и традиционно-бытовой культуры абхазов... С. 63–89; Гожба Р. Х. К истории мореходства у абхазов: мифология, фольклор, история // Абхазоведение. – Сухум, 2004. Вып. III. С. 183–218, и др.

[1504] См.: Чочуа А. М. Избранные сочинения... С. 31–31.

[1505] См.: Легендарный пловец-спасатель. Составитель и ответственный редактор: чл.-корр. АН Абхазии Т. А. Ачугба. – Сухум, 2012. С. 5.

[1506] Торнау Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера. – Черкесск, 1994. С. 56.

По историческим письменным источникам хорошо известно о значительном развитии у абхазов морского судоходства, в котором они не смогли бы добиться больших успехов без достаточных предпосылок и древних местных традиций, передаваемых по наследству из поколения в поколение.

Широкое распространение мореходства у абхазов в период существования Абхазского царства проявилось, например, и в том, что они непременно должны были держать силы береговой охраны со своими хозяйственно-оборонительными сооружениями[1507].

Так как у абхазских правителей были военно-морские силы[1508] (*ашхуараа*)[1509] и значительное развитие получило мореходство[1510], в абхазском средневековом войске хорошо осуществлялась предварительная подготовка гребцов. О физической подготовке абхазских гребцов Поль Гибаль писал следующее: «Я часто видел, как они (абхазы – **О. М.**) гребут непрерывно в течение многих дней, не съедая и полфунта пищи, и при этом не было заметно, чтобы они теряли силы»[1511]. Несомненно, что гребное судоходство имело у абхазов и адыгов весьма древние традиции. В этой связи отметим, что в античную эпоху активно

[1507] Амичба Г. А. Абхазия в эпоху раннего Средневековья (Очерки по истории народного хозяйства и социально-экономических отношений в VI–X вв.)... С. 125.

[1508] Там же; Османские документальные источники о крепостях Анаклия и Рухи (XVII–XVIII вв.). Перевел с тур.на груз., написал введение, снабдил терминолог. словарем, факсимиле и указателем Н. Н. Шенгелия. – Тбилиси, 1982. С. 93–94.

[1509] Этим словом абхазы называли и пиратов.

[1510] Сообщения средневековых грузинских письменных источников об Абхазии. Тексты собрал, перевел на русский язык, предисловием и комментариями снабдил Г. А. Амичба... С. 78.

[1511] Сведения французского коммерсанта Поля Гибаля об экономическом положении и социальных отношениях в Абхазском княжестве // Материалы по истории Абхазии XIX века (1803–1839). Сборник документальных материалов. Сост. Г. А. Дзидзария...Т. I. С. 150.

занимались морским делом, очевидно, не только гениохи, зихи и ахейцы, но и их северные соседи – керкеты и тореты, жившие близ совр. Новороссийска. По свидетельству археолога А. Новочихина (принимал участие в раскопках одного из керкетских могильников, располагавшегося непосредственно на берегу моря), исследованиями антропологов было установлено, что у погребенных там мужчин наиболее развитыми были мышцы рук при отмеченной уплощенности бедер, что свидетельствует об интенсивном занятии греблей на весельных лодках[1512]. По отношению к абхазо-адыгским гребцам можно применить также характеристику, данную В. Королевым казачьим мореходам: «По всей вероятности, для облегчения гребли казаки, как и другие морские народы, использовали песни, приспособленные к ритму гребли. Они, к сожалению, не выявлены, и этим никто не занимался…» Казачьи песни «еще не подверглись специфическому изучению морскими историками, хотя обзор упоминаний стружочков, лодочек, бабаек, парусов и т. п. фольклористами сделан»[1513]. У абхазов также были лишь записаны некоторые специальные гребные песни («Шэах амарджа» – «Гребите мощнее», «Песня моряков»), а Ц. Н. Бжания еще в 1960-х гг. была записана и ритуальная песня, исполнявшаяся при спуске судна на воду – «Ашхэа ашэа» («Песня лодочников»), следующего содержания: «Еҳ-ҳе-ҳеи! Иашхәари! Дыҕәа-мыҕәа думгари, Иашхәари, еҳе-ҳе-ҳеи!»[1514].

[1512] Новочихин А. Пираты Понта Эвксинского: морской разбой на Черном море от аргонавтов до честных контрабандистов. 7 апреля 2021 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://knife.media/black-sea-pirates/.

[1513] Королев В. Казачья морская культура: традиции и инновации. 17.02.2010. [Электронный ресурс]. Режим доступа: /dikoe-pole.com/2010/02/17/korolev_morskaya_kultura/.

[1514] Бжания Ц. Н. Из истории хозяйства и культуры абхазов... С. 296. Древние греки и римляне при спуске кораблей на воду искали милости морского бога (Посейдона, Нептуна) и возносили ему молитвы (покрывали головы венками, пили вина и поливали корабль водой, благословляя его). У вави-

С древними и средневековыми абхазскими моряками был связан институт военного наемничества. По имеющимся сведениям, среди абхазов были моряки, которых нанимали как специалистов на иностранные суда[1515], в том числе в качестве лоцманов. Об этом свидетельствует пример абхазского махаджира, осевшего затем в Аджарии, Мамада Бадиа. Попав в Турцию, Бадиа, в 18–20-летнем возрасте, хорошо знавший морские течения, сопровождал турецкие суда, вывозившие лес из Абхазии. Лоцманом являлся, например, и абхаз на турецком судне, о котором сообщал Дюбуа де Монпере[1516].

Помимо наемничества и поставок строительного материала для судов, с территории Абхазии, по-видимому, нанималась и определенная часть абхазских судов.

Исследователи выделяют два основных типа абхазских кораблей, обусловленных их конструкцией и назначением: I тип – торгово-военные суда средних размеров (наподобие средних эллинистических кораблей), II тип – речные, а иногда морские суда – однодеревки разных размеров. В условиях масштабной торговли появляется судно с трюмом и парусным оснащением. Позднее оно уступает место еще более усовершенствованному абхазскому судну типа триеры[1517]. В различных историко-этнографических источниках и фольклорных материалах встречаются упоминания о корабле с большим числом ярусов, весел.

лонян, а позднее и в исламских странах молитвы сопровождались принесением в жертву животных, у викингов корабли освящались при помощи человеческой крови. Но если у других народов, в том числе и в Европе, уже к началу XVII в. церемония спуска корабля на воду начала терять религиозный характер и приобретать черты светской традиции, у абхазов традиция спуска судна на воду с сопровождением ритуальной песни сохранялась почти до середины XIX в.

[1515] Инал-ипа Ш. Д. Абхазы. – Сухуми, 1965. С. 290.

[1516] Дюбуа де Монпере Фредерик. Путешествие вокруг Кавказа. Т. 1... С. 143.

[1517] Дзидзария (Дзари-ипа) О. П. Морская лексика в абхазском языке... С. 7.

В частности, по свидетельству француза Гамба, у абхазов наличествовали большие восьмивесельные барки.

По данным, приводимым в литературе, киль корабля выдалбливался из огромного по длине и ширине дерева, нос и задняя часть были обтекаемыми. Планки и палубу делали из досок, скрепляя их друг с другом деревянными гвоздями. Борт корабля был невысоким. Для увеличения скорости судно имело два или три яруса. Триерой управляли широкими рулевыми веслами. Мачту ставили посередине корабля. При попутном ветре поднимали большой парус (*апрау*). Кроме основного паруса был еще один дополнительный, косой парус меньшего размера. На борту размещалось много гребцов[1518]. На мачтах боевых кораблей абхазских корсаров реяло «красное знамя с изображением левой серебристой ладони»[1519].

Судя по сохранившимся сведениям и описаниям морских судов абхазов и других причерноморских горцев первой половины XIX в., они в основном представляли собой плоскодонные суда, часто без киля. Весла их были очень короткими, прикреплялись к уключинам необыкновенной длины и имели поперечные перекладины для рук гребцов. К тонкому каркасу судна обшивка прикреплялась деревянными гвоздями. Суда этого типа были снабжены рулем и квадратным парусом.

Морское дело абхазов, по многим данным, имело собственную производственную базу. Об абхазском судостроительстве свидетельствует и тот факт, что абхазы, в числе некоторых других народов Причерноморья, в качестве морской повинности выплачивали Византийской империи готовые суда, а также предметы морской оснастки и морского снаряжения[1520]. Практи-

---

[1518] Там же. С. 15, 16. Схематическое изображение древнего абхазского судна см. в книге: Дзидзария (Дзари-ипа) О. П. Историко-этимологический анализ отраслевой лексики абхазо-адыгских языков... С. 4.

[1519] Дзидзария (Дзари-ипа) О. П. Морская лексика в абхазском языке... С. 7, 53.

[1520] Инал-ипа Ш. Д. Абхазы. – Сухуми, 1965. С. 282. Его же. Страницы

ка строительства морских судов абхазами, согласно некоторым письменным источникам, продолжалась на протяжении всего Средневековья. Так, на карте, приложенной к работе Ламберти «Описание Колхиды,…», на прибрежной территории «между реками Маркула и Мармал» изображена группа трёхмачтовых судов, довольно высоких и с длинными носами. Ламберти говорит о мастере, «который делал лодку»[1521]. Установлено, что судостроительные верфи существовали в Пицунде, Бамборе, Анакопии, Сухуме, Скурче, Тамыше и некоторых других местах. При этом интерес соседних государств к побережью Абхазии был вызван тем, что здесь можно было не только добывать сырье для кораблестроения (а также продовольствие), но и строить и оснащать корабли, базируясь на местные гавани и используя местных мастеров. Турецкий историк начала XIX в. Джевдет-паша, сообщив, что для пресечения морских рейдов абхазов на Черном море корабли их были захвачены и сожжены, далее отмечал, что лучше было бы поучиться у абхазских мастеров-корабелов строить суда[1522]. Профессиональное строительство абхазами и адыгами судов различных типов и размеров, о чем писал Ж. Гамба, дали ему же основание заключить, что искусство постройки кораблей на побережье Черкесии и Абхазии значительно более развито, чем на берегах Хопи и Фазиса[1523]. Крупные абхазские судна были с хорошими мореходными

исторической этнографии абхазов. – Сухуми, 1971. С. 206; История Византии. – М., 1967. Т. 1. С. 335; Дзидзария О. П. Море и абхазы. – Сухум, 2002. С. 11; Амичба Г. А. Абхазия в эпоху раннего Средневековья... С. 199; Трахо Р. Черкесы. – Нальчик, 1992. С. 15.

[1521] Дзидзария Г. А. Труды. – Сухуми, 1990. Книга II. С. 258–259.

[1522] Цит. по: Агуажба Р. Х. К истории создания одного романса // Труды АГМ. – Сухум, 2018. Выпуск VII. С. 105–106.

[1523] Гамба. Путешествие по Южной России. 1824 г. Абгосмузей. Материалы по истории Абхазии XIX в. (1807–1839 гг.). Ф. 4, оп. 1., д. 48. Цит. по: Гожба Р. Х. К истории мореходства у абхазов: мифология, фольклор, история // Абхазоведение. – Сухум, 2004. Вып III. С. 208.

качествами, пригодными к плаванию под парусом и на веслах, имевшие такую грузоподъемность, чтобы разместить команду, способную успешно вести боевые операции. Экипаж абхазских судов, ходивших под веслами и парусами, «состоял из 200–300 человек»[1524].

Известно о том, что в Средние века абхазы не гнушались помимо торговли и пиратством. Одним из методов нападения на суда противника в открытом море был внезапный захват корабля. Нырнув под воду и дыша через тростник, абхазы незаметно подплывали к кораблю и, убрав охрану, захватывали его[1525]. Иными словами, такие ныряльщики применяли методы боевых пловцов, хорошо известные в истории многих морских народов в древности и в Средние века. Очевидно, использование абхазами для дыхания под водой тростниковой трубки восходит к древним временам. Уместно отметить, что еще в IV–V вв. древние славяне при погружении в водоем для дыхания воздухом с поверхности также применяли тростниковую трубку. Ее длина определяла глубину погружения.

Боевые суда абхазы и адыги брали наиболее известным пиратским методом ведения боя – абордажем, а сцепку с судном осуществляли с помощью багров с крюками на концах. Для подобной тактики абхазов хорошо походили суда небольших размеров, которые были достаточно маневренными и с неглубокой осадкой. Кстати, в погребениях керкетских племен было встре-

---

[1524] Реклю Э. Земля и люди. Всеобщая география. – СПб., 1883. Т. VI. С. 78–79.

[1525] См.: Гожба Р. Абхазия – страна древних мореплавателей // Газ. «Республика Абхазия». 1–2 августа 1998 г. Опытные ныряльщики были способны задерживать дыхание под водой на долгое время. Например, про абхазского пловца Мамада Бадиа в журн. «Огонек» (№ 17 (161), 25 апр. 1926 г.) сообщалось: «Этот необычайно искусный пловец с легкостью ныряет на глубину до 15 саж. и может продержаться под водой до двух минут». В античные времена мужчин, умеющих задерживать дыхание под водой, считали искусными воинами.

чено немало предметов греческого происхождения, а положенные в могилы в качестве погребального инвентаря копья с небольшими железными наконечниками и длинный кинжал могли служить удобным оружием в абордажной схватке[1526]. О взятии абхазами судов противника на абордаж писал М. Пейсонель[1527]. Тактика морских сражений, применявшаяся горцами, отмечает в свою очередь Д. М. Аутлев, включала быстрое и внезапное сближение с кораблем противника и его захват в абордажной схватке. Внезапность достигалась тем, что нападение обычно совершалось либо ночью, либо со стороны солнца, либо в тумане. Борьба с крупными парусными кораблями велась, как правило, силами нескольких галер, атаковавших с разных сторон[1528]. Абхазские и черкесские пиратские галеры могли быть снабжены легкими пушками – фальконетами, которые были больше предназначены для обстрела экипажа, так как их небольшой калибр не позволял нанести серьезные повреждения большим кораблям. Пираты с помощью винтовок сбивали выстрелами экипаж с верхней палубы. Поднявшись на борт корабля, они с кинжалами вступали в рукопашный бой[1529]. На крупных судах для захвата корабля противника и находившихся на нём ценностей имелись специальные абордажные команды[1530].

Письменные источники позднего Средневековья дают основание считать, что главы территорий, которым принадлежали

[1526] Новочихин А. Пираты Понта Эвксинского: морской разбой на Черном море от аргонавтов до честных контрабандистов. 7 апреля 2021 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://knife.media/black-sea-pirates/

[1527] Пейсонель М. Исследование торговли на черкесско-абхазском берегу Черного моря... С. 31.

[1528] Аутлев Д. М. Военное дело у адыгов и его трансформация в период Кавказской войны (XVIII – 60 гг. XIX в.). Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. – Майкоп, 2009. С. 20.

[1529] Мирзоев А. С. Генезис и эволюция традиционной военной культуры... С. 167.

[1530] Схатум Р. Б. Военное дело адыгов в Средние века (вторая половина VIII–XVII вв.)... С. 23.

те или иные участки абхазского побережья, как и в целом владетельные князья страны, уделяли значительное внимание развитию собственных военно-морских сил. По словам Вахушти, «абхазы по-прежнему сильны на море, по морям ходят на судах oletcandar[1531] и нападают в пути на суда османлисов и лазов-чанов, и чаще всего у побережья Одиши (Мингрелии) и Гурии»[1532].

Большую роль сыграл абхазский флот в период военных действий против мегрельских феодалов в XVII в. Так, в результате очередной войны с Мегрельским княжеством в 60–70-х гг. того же столетия, пишет С. Хотко, граница Абхазского княжества поднялась до Кодора, но затем абхазы оттеснили мегрелов за Ингур. В 1672 г. Чачба сформировали мощный флот и атаковали в районе Поти флот Дадианов, в результате чего все мегрельские суда были уничтожены[1533]. После этого сокрушительного разгрома Дадиани более не предпринимали попыток противостоять абхазам на море.

В определенные периоды между абхазскими и мегрельскими владетелями устанавливались и союзнические отношения. Так, в 1704 г. наместник Кутаиса сообщал великому визирю: «К восставшему на суше Дадиани на море присоединились Абаза»[1534]. В 1705 г. Порта усилила соединение кораблей в Батуми, направив десять специальных судов типа *эшкамфуа* (фрегатов). Сулхан-Саба Орбелиани, возвращаясь в 1714 г. из путешествия по Европе, был вынужден задержаться в турецкой гавани в районе

[1531] По имени абхазского божества собак Алышкинтыр. Уместно отметить и то, что на Тамышском поселении эпохи бронзы в 90-х гг. XX в. археологами была найдена керамическая модель морского судна – ладьи с высокими бортами, клиновидной носовой частью и выступающим форштевнем в виде стилизованного изображения головы животного, скорее всего, собаки или волка.

[1532] Марр Н. Я. О языке и истории абхазов. – М.-Л., 1938. С. 143.

[1533] Берадзе Т. Н. Мореплавание и морская торговля в Средневековой Грузии. – Тбилиси, 1989. С. 221.

[1534] Там же. С. 222.

Трапезунда. «Я не могу повести корабль в Гурию, – заявил ему один из корабельных владельцев, – абхазцы пришли в смятение, боюсь, и если хотите, то поезжайте на маленьких лодках либо на Гурию, либо на Ахалцихе»[1535].

О силе абхазов на море можно судить по их восстаниям против турецкого присутствия в Абхазии, происходивших в 1725, 1728, 1733 и особенно 1771 г., когда временно удалось занять Сухумскую крепость и изгнать оттуда врага. Согласно современному турецкому историку Темелу Озтурку, абхазский флот представлял весьма серьезную угрозу для безопасности османских коммуникаций в регионе, а также для османских портов[1536].

Масштабы абхазского пиратства XVII – первой пол. XVIII в. позволяют понять данные, приводимые Озтурком. Процитируем его наиболее существенные наблюдения в изложении С. Хотко: «Завоевав эти регионы и превратив Черное море в Турецкое море, османы организовали их морскую защиту. За исключением казачьих атак в начале XVII в., безопасность Черного моря не подвергалась угрозе от войн первой пол. XVII в. до мира в Карловице (1699 г.). Тем не менее атаки абхазских разбойников, которые периодически беспокоили Фаш, Анакру и Сохум, особенно с начала XVIII в., обнаружили уязвимость этих прибрежных регионов... Так как атаки участились в первой половине XVIII в., стало очевидно, что регион нуждается в защите не только на суше, но и на море. В этот момент корабли, которые обеспечивали местную защиту, и вспомогательные службы, приданные им в Трабзоне, игравшем жизненно важную роль в системе безопасности всего региона, приобрели огромное значение. Корабли были правительственными судами. Они включали в себя пинасы, галеоны, галеры, барки, фрегаты и коли-

[1535] Сообщения средневековых грузинских письменных источников об Абхазии... С. 66.

[1536] Цит. по: Хотко С. Море в черкесской истории. Абхазская интернет-библиотека.

ки. Согласно документам, колик – тип судна с 12 посадочными местами, размером в 23 зира (один зира равнялся 75 см). Чаще других для целей защиты использовались пинасы. Кроме защиты, галеоны, галеры, фрегаты и колики использовались также для транспортировки военных грузов, когда торговые суда использовать было невозможно. Боеприпасы, например, перевозили на галерах и саиках во время Грузинской войны и Иранских войн первой половины XVIII в. (1723–1727 гг.). 103 галеона, галер, барок, фрегатов и колик были направлены в Черное море для обеспечения перевозки грузов. В 1714 г., например, четыре барки из главной верфи (tersane-i amire) были направлены на защиту Трабзона и его окрестностей против разбойников. Барки и фрегаты были приданы также для защиты Фаша и Сохума. Принадлежащие государству галеоны, как известно, были построены в Синопе частично для защиты этих же районов, тогда как пинасы были построены специально для защиты Фаша, Сохума и Анакры. Оборонные суда были построены на пристанях Синопа, Офа, Сюрмене, Фаша и Батума. Галеоны строились только в Синопе. Кроме Офа и Сюрмене, пинасы строились в Фаше и Батуме. Суда melekse строились в Офе и Сюрмене, где запасы строительного леса были более доступны для транспортировки, но и о пинасах известно, что они строились в этих же пунктах... В первой половине XVIII в. в Синопе было построено два галеона, а в Сюрмене и Офе – 12 пинасов. 5 пинасов были предназначены для крепости Сохум, 5 – для Фаша, 2 – для Анакры... Часть материалов для строительства кораблей – особенно корабельный лес – доставляли из Трабзона и его окрестностей. Когда боеприпасов, направляемых из Стамбула, было недостаточно, то требуемое для оснащения кораблей их количество поставлял трабзонский арсенал... Как только корабли были построены, они немедленно обеспечивались командой и капитанами. Еще во время строительства мог быть назначен способный адмирал. Он поддерживал связь с необходимыми департаментами для

обеспечения материалами, оборудованием, рабочими и специалистами, а также имел полномочия для набора команд и капитанов. Так, к примеру, по приказу адмирала Сулеймана в 1714 г. некто Хасан был назначен капитаном одного из пинасов, когда прежний капитан этого судна (ответственный за безопасность Анакры, Гонии и их окрестностей) Вейси был освобожден от своей должности. Как показывают документы, капитаны рекрутировались из числа наиболее компетентных уроженцев этого региона... Защитная роль кораблей на северо-восточном побережье Черного моря прекращалась как только заканчивалась военная угроза. Другими словами, когда северные – русская и грузинская – войны, а также нападения абхазских и мегрельских разбойников, часто упоминаемые в документах, закончились, служба кораблей прекратилась также, и они были отозваны. Документ, датированный 1719 г. показывает, что пинасы, защищавшие Анакру и ее соседние районы против абхазских разбойников, было предложено отозвать и прекратить плату salyane и заработную плату командам, а их дальнейшая служба сочтена ненужной. Снаряжение и боеприпасы с бортов этих кораблей были возвращены в крепость Трабзона. Так, в 1719 году на борту четырех пинасов в крепость Трабзона доставлено: 17 железных пушек, 4 бронзовых пушки, 5 железных пушек с фрегатов, 3 орудийных замка, 17 железных пушечных ядер, 4 железных бимса, 2 больших паруса, 33 еника (тип пушки), 36 старых катушек (воротов), 1 покров (комплект парусов)»[1537].

Абхазская флотилия оставалась грозной силой для турок и в первой половине XIX в. По сведениям, приводимым в статье «Абаза» в «Мухитул маариф» (Турецкой энциклопедии), «во времена султана Махмуда II для защиты торговых судов Оттоманской империи от абхазских корсаров, по рекомендации правителя Трапезонда Хасана-паши, принимались меры предосто-

[1537] Цит. по: Хотко С. Море в черкесской истории. Абхазская интернет-библиотека.

рожности. Все капитаны торговых судов обязывались, прежде чем проходить мимо абхазского побережья, зайти в Анапу, чтобы получить лоцманов и охрану их боевых судов от нападений со стороны абхазцев»[1538].

В 1820 г. капитан Готье во время своего плавания вдоль абхазских берегов оказался под угрозой нападения со стороны двух «пиратских судов». В 1823 г. было захвачено пиратами и отведено в Пшад небольшое судно, шедшее из Трапезунда. В 1826 г. было задержано судно с экипажем в 12 человек, принадлежавшее «абхазскому уроженцу Солиману» и следовавшее с солью из Трапезунда в Кодорскому мысу[1539].

Морские нападения абхазов на торговые суда и доставка контрабандного груза на побережье Абхазии продолжались вплоть до 30–40-х гг. XIX в. Только в районе Кодорского мыса источниками в этот период зафиксировано два нападения абхазов на иностранные суда[1540]. Во втором случае экипажи двух абхазских галер, в которых находилось 120 чел., «налегли на весла и исчезли в одно мгновение в устье Кодора, куда они, «по своему обыкновению, втянули за собой свои галеры»[1541]. Отметим, что в районе с. Адзюбжа (Скурче) и в настоящее время существует топоним «Акардон», что связано с учреждением русскими властями т. н. Черноморской кардонной береговой линии (чтобы отрезать горцев от морских сношений Турцией и воспрепятствавать всякой контрабандной торговле, в том числе работорговле). А на топографической карте Сухумского округа на берегу Скурчинского залива значатся пункты: на западе «Пикет», а на вос-

---

[1538] Б. Омер Бюйюка. «Абхаз митолоджи Анач мы?». – Стамбул, 1971. С. 170. Пер. с тур. Джезми Куджба и Р. Х. Гуажба // Агуажба Р. Х. Из истории кавказской диаспоры: абхазы, убыхи... – Сухум, 2014. С. 790.

[1539] Дзидзария Г. А. Труды. – Сухуми, 1990. Книга II. С. 263.

[1540] Дюбуа де Монпере Фредерик. Путешествие вокруг Кавказа. Т. 1... С. 143; Дзидзария Г. А. Из истории мореходства в Абхазии // Труды СГПИ. – Сухуми, 1958. Т. XII. С. 263.

[1541] Дюбуа де Монпере Фредерик. Указ. раб. С. 143–144.

токе – «Пост»[1542]. В 1843 г., когда было окончено строительство кардонной береговой линии, в Дранде было устроено «земляное укрепление на 300 человек, как для берегового сухопутного сообщения, так и для защиты входа в р. Кодор»[1543].

С учреждением Черноморской береговой линии и организацией крейсерской службы по Кавказскому побережью русского Черноморского флота мореходство абхазов приходит в упадок.

Таким образом, изложенные историко-этнологические материалы утверждают о весьма важной роли в исторической жизни древних и средневековых абхазов как морского, так и сухопутного военного искусства. Несмотря на частые внутренние войны, главные военные усилия в период зрелого и позднего Средневековья были направлены на борьбу с внешними врагами. Военное, в том числе морское дело, являясь одной из главных и неотъемлимых частей культуры абхазского этноса, менялось вместе с развитием техники и общественных отношений. При несомненном внешнем влиянии, основные элементы военной организации и комплекса вооружения средневековых абхазов продолжали свою эволюцию вплоть до XVIII в.

Народные военно-спортивные игры

В сохранении народных обычаев и традиций, существенное место принадлежит народным состязательным видам спорта и играм. Зародившись, вероятно, в очень отдаленные времена, народная игра, будучи сложным и многофункциональным явлением, на протяжении многих столетий отвечала жизненным

[1542] Топографическая карта Сухумского округа. Хранится в фондах Управления по геологии, геодезии и картографии Республики Абхазия.

[1543] Сведения об удобствах квартирного размещения всех родов войск в пределах Российской империи и квартирные карты губерний и областей. Абхазия. 1843 г. С. 18.

потребностям людей и оказывала влияние на многие стороны жизнедеятельности традиционного общества[1544]. Наиболее ранние сведения о военно-спортивных играх и состязаниях абхазов мы находим в Нартском героическом эпосе. Согласно сказанию, нарты очень любили спортивные игры, «состязаясь в быстроте и ловкости», а главный герой Сасрыкуа проявляет незаурядные физические качества и навыки в упражнениях и ищет кто сильней его[1545].

Исследованиями Ю. Н. Воронова установлено, что предки абхазов значительное время уделяли тренировкам, проводившимся в форме игр, ритуальных танцев и обрядов[1546]. Основываясь на археологических и письменных материалах, он полагает, что необходимость хозяйственного и жизнедеятельного освоения территории привела к развитию у древнейшего населения Абхазии специфических «спортивных» навыков. Это быстрое передвижение и преодоление препятствий, скалолазание, особенно способ, употреблявшийся при добыче дикого меда из-под навесов и из недоступных гротов, важный также и на охоте[1547]; приемы и умения в преодолении многочисленных водных преград, а также при занятии рыболовством. Лошадь, по утверждению Ю. Н. Воронова, на территории древней Абхазии получает широкое распро-

---

[1544] Согласно нидерландскому историку, философу, культурологу И. Хейзинге, истоки игры восходят не столько к появлению homo sapiens, сколько к игровым ситуациям, возникающим у животных. Автор стремится показать, что «истинная, чистая игра» сама по себе выступает как основа и «фактор культурной жизни» (Хейзинга И. Homo Ludens. Статьи по истории культуры / Пер., сост. и вступ. ст. Д. В. Сильвестрова, коммент. Д. Э. Харитоновича. – М., 1997. С. 24).

[1545] См.: Приключения нарта Сасрыквы и его девяноста девяти братьев. Абхазская интернет-библиотека.

[1546] Воронов Ю. Н. К вопросу об истории спорта в древней Абхазии... С. 17.

[1547] Там же.

странение только после скифских походов уже в античную эпоху[1548]. В период поздней античности у предков абхазов совершенствовались навыки верховой езды, приведшие затем к средневековому искусству конного спорта[1549]. Видное место в жизни древних абхазов занимали «настольные» игры и развлечения, в основе которых лежало соревнование и желание победить соперника, что придавало сил и уверенности в себе[1550]. Необходимо наконец особо отметить, что древние абхазы вплоть до развитого Средневековья упражнялись в метании, тренируясь в стрельбе из лука и, возможно, из

[1548] Там же. Необходимо вместе с тем отметить, что если до настоящего времени становление всадничества традиционно датировалось рубежом II–I тыс. до н. э., то материалы раскопок одного из курганов могильника «Новоильиновский-2» в Казахстане могут свидетельствовать о зарождении всадничества в Евразийской степи уже в начале II тыс. до н. э. (Подробнее об этом см.: Чечушков И. В., Овсянников А. А.,Усманова Э. Р. К вопросу о времени начала использования желобчатых псалиев и возникновения всадничества (по материалам могильника Новоильиновский II в Северном Казахстане) // Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск, 2020. Т. 48. № 2. С. 49, 58).

[1549] Воронов Ю. Н. К вопросу об истории спорта в древней Абхазии... С. 17.

[1550] О древних настольных играх позволяют судить найденные в ущелье р. Гумста керамические кружочки античного времени, внешним видом напоминающие шашки и употреблявшиеся в игре, вероятно, близкой к шашкам или нардам. Из Цебельды известны керамические фишки. При раскопках Себастополиса (Сухума) были найдены игральные кости (кубики) с точками на гранях от одной до шести. За игрой в кости, очевидно, проводили свой досуг, например, и дислоцированные в Себастополисе римские легионеры (Воронов Ю. Н. Научные труды...Т. IV. С. 245). Все настольные игры, по всей видимости, имеют древнейшие прототипы и, следовательно, общие корни. Полагают, что различные варианты игры в кости были одной из древнейших настольных игр (См.: Евгеньев А. Кости для игры и гадания: История // Апокриф: Культурологический журнал А. Махова и И. Пешкова. – М., 1992. № 2. С. 60–63). В каких-то играх употреблялись астрагалы – кости животных, до недавнего времени применявшиеся в детских играх (Воронов Ю. Н. К вопросу об истории спорта в древней Абхазии. Там же).

пращи, а также метали кинжалы, ножи, копья, дротики и топоры[1551].

Спортивные игры и физические упражнения, которые культивировали древние насельники Абхазии, не являлись их исключительной особенностью, а были характерны вообще для людей каменного века. Возникнув в условиях первобытной общины, многие физические упражнения и игры в усовершенствованном виде применялись в быту древних предков абхазов – гениохов. Среди последних отмеченные виды упражнений больше использовались в целях военной подготовки. Если гениохи, судя по свидетельствам древних авторов, были отчаянными морскими пиратами и выдающимися наездниками, то они, следовательно, отличались силой, закалкой, выносливостью в ходьбе и беге, плавании и гребле.

Приведенные выше сведения о распространенных у древних абхазов физических упражнениях – беге, прыжках, метании, конных соревнованиях, борьбе и др. – были аналогичны основным видам спорта древней Греции. Считаем несомненным тот факт, что предкам абхазов, которые были тесно связаны с античной Грецией социально-экономическими и культурными контактами и испытывали на себе значительное воздействие греко-эллинистической материальной и духовной культуры (а значит, и в области физической культуры)[1552], были известны Олимпийские и другие игры древности, их программа и зна-

---

[1551] Об использовании позднеантичными и раннесредневековыми абхазами топоров в качестве метательного оружия (а следовательно, и тренировочного орудия, которое метали на расстояние до 25 м) писал Прокопий (Прокопий Кесарийский. Война с готами... С. 239).

[1552] В этой связи можно сослаться, например, на работу В. Апекова «Физическая культура и спорт в Кабардино-Балкарской АССР», в которой выдвигается положение о заметном влиянии в ранний период истории на кабардинцев и балкарцев греко-римской системы физического воспитания (Цит. по: Тайсаев К. У. Этнография традиционного спорта у народов Северного Кавказа. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. докт. ист. наук. – М., 1997).

чимость[1553]. По образцу Олимпийских игр в древней Элладе было организовано несколько празднеств общегреческого типа, одним из которых являлись Великие Панафинеи[1554]. Победителей *гимнических* (спортивных) и *иппических* (конно-спортивных) состязаний на этих играх награждали панафинейскими призовыми амфорами, наполненными священным оливковым маслом, основной канон которых сложился около 530-х гг. до н. э.[1555]. Наш интерес к ним вызван тем, что одна такая призовая амфора была найдена и на территории Абхазии (Эшерское городище) археологом Г. К. Шамба[1556]. Высота сосуда – 70 см,

---

[1553] В античную эпоху между материковой Грецией и Восточным Причерноморьем существовал довольно оживленный морской путь. Например, Аристотель в IV в. до н. э. с иронией писал об афинских народных представителях, которые проводили целый день «на представлениях фокусников и в болтовне с приезжающими с Фасиса или Борисфена» (Цит. по: Берадзе Т. Н. Мореплавание и морская торговля в Средневековой Грузии... С. 154–155).

[1554] Панафинейские состязания проводились в Афинах в честь покровительницы города – богини Афины. Датой начала игр считают 565 г. до н. э. Проводились они каждые четыре года и продолжались девять дней.

[1555] См.: Блаватский В. Д. История античной расписной керамики. – М., 1953. С. 148–150; Галанина Л. К. Панафинейская амфора – награда атлету в Афинах. Л., 1962. С. 4. Панафинейская амфора всегда расписывалась в чернофигурной технике. На лицевой стороне амфоры была изображена Афина в шлеме, двигающаяся в левую сторону с копьем в правой, согнутой в локте руке и со щитом в левой руке. В центре щита было изображение обрамленной двумя рядами лучей головы Медузы Горгоны. Справа и слева от фигуры Афины – две колонны со стоящими на них петухами (символы состязаний). На оборотной стороне амфоры помещалось изображение различных состязаний панафинейской программы (См.: Гвоздева Т. Б. Великие Панафинеи: в тени Олимпийских игр // Вестник РУДН. 2011. С. 36–47.

[1556] Шамба Г. К. Древний Сухум... С. 68, 122–123. Единичные панафинейские амфоры были выявлены археологами и в Северном Причерноморье (Ульяпский курган № 4), причем не только в греческих, но и скифских и меотских захоронениях (См.: Ксенофонтова И. В. Панафинейские амфоры из коллекции Государственного музея Востока // ВДИ. 2000. № 4.С. 181–185. Об этом см. также: Бахтина М. Ю. К вопросу о находках панафинейских амфор в варварских памятниках Северного Причерноморья // Stratum. Пе-

длина дна – 22 см (эта греческая амфора сейчас хранится в Абгосмузее). На ее оборотной стороне изображена, как считает Г. К. Шамба, «сцена подготовки к выходу для участия в каком-то чрезвычайно важном событии»[1557]. Автор отмечает, что на амфоре представлена и «сцена подготовки к сражению» – «показаны четыре коня, впряженные в боевую колесницу» [1558] (сцена, изображенная на ней, могла быть и подготовкой колесниц к состязанию). Нет никаких оснований предполагать, что древнеабхазский правитель, на земле которого она была найдена, принимал участие в панафинейских играх (и был награжден этим призом), так как к ним допускались только греки. По мнению Г. К. Шамба, панафинейский сосуд из Эшерского городища был изготовлен в Аттике в VI в. до н. э. и «впоследствии приобретен одним из эшерских племенных вождей..., причем весьма состоятельным, в чьих руках было сосредоточено целое состояние; иначе трудно было бы приобрести столь дорогостоящую амфору-вазу, к тому же с росписью»[1559]. Здесь, правда, трудно определить, куплена ли была данная вещь местным вождем или же она являлась дарственной. Вместе с тем панафинейская амфора могла попасть к древнеабхазскому правителю и в качестве трофея. Или же победитель панафинейских соревнований, а таковым, судя по надписи на амфоре, являлся Никон, переселяясь на территорию древней Абхазии (где располагались древнегреческие поселения) мог привезти с собой свой приз, который затем попал к местному вождю (как трофей, в качестве подарка или в результате торговли)[1560]. Древнегреческие амфоры, включая па-

---

тербургский археологический вестник. – СПб.–Кишинев, 1997. С. 62, 63; См. также: Вдовиченко И. И. Панафинейские амфоры из Херсонеса: новые находки и открытия // Ученые записки КФУ имени В. И. Вернадского. 2016. Т. 2 (68). № 1. С. 70–81).

[1557] Шамба Г. К. Древний Сухум... С. 68.

[1558] Там же. С. 123.

[1559] Шамба Г. К. Древний Сухум... С. 68.

[1560] И. В. Ксенофонтова в отношении призовых амфор из Ульяпа отмеча-

нафинейские, преподносились и храмам в качестве жертвоприношений, в том числе, очевидно, и на территории современного Сухума.

Типично греческие соревнования *агоны*, в честь Гермеса[1561] – Гермейские игры, в III в. до н. э. проводились и в античной Горгиппии. В них принимали участие не только греки, но и представители местного варварского населения с такими именами, как Скиф, Синд и т. п. Восточнее Горгиппии, по свидетельству Страбона, обитали племена ахейцев, зигов и гениохов (последние, как принято считать, являлись прямыми предками абхазов). Исследователи полагают, что «камары» гениохов и близких им племен заходили в горгиппийскую гавань[1562] , и, следовательно, они могли принимать участие в соревнованиях (носили международный характер) в районе нынешней Анапы.

Многосторонние и длительные связи предков абхазов и других жителей Кавказа с античными греками нашли отражение в том, что и колонисты (мигранты) перенимали у местного населения их игры. Можно в этой связи сослаться на Л. Ю. Пасынкова, который, проводя параллели между кавказскими играми и играми греков и арабов, отметил: «…игрища древних осетин имели в себе ритмизированные представления о нартах. Античные соседи, колонизовавшие берега Кавказа, частично переня-

---

ет: «Панафинейские амфоры из эллинских погребений, которые иногда даже использовались в качестве погребальной урны, могли принадлежать победителям в состязаниях, которые впоследствии стали колонистами и перевезли с собой на новое место жительства в Северное Причерноморье предметы своей гордости и доказательства славы. Те же амфоры, которые обнаружены в варварских погребениях, могли попасть к их хозяевам либо торговым путем, либо в качестве военного трофея (Ксенофонтова И. В. Панафинейские амфоры из коллекции Государственного музея Востока... С. 185).

[1561] Помимо прочего, Гермес считался покровителем спорта и состязаний, поэтому его изображения нередко встречаются в греческих гимнасиях. В честь него проводились ежегодные Гермейские игры.

[1562] Кругликова И. Т. Синдская гавань. Горгиппия. – Анапа–М., 1977. С. 18, 31–32.

ли эти игры у осетин, судя по материалам древних описателей кавказских берегов: Понта, Танаиса и прочих»[1563].

В позднеантичный и ранневизантийский периоды истории Абхазии имеет место дальнейшее укрепление торгово-экономических отношений с римско-византийским миром. Влияние народов, которые стояли уже на более высокой ступени феодальной формы физической подготовки, несомненно, сказалось и на преобразовании и совершенствовании физической культуры абхазов. В первую очередь, ее развитию содействовали непосредственные и теснейшие этнокультурные контакты с наиболее цивилизованным европейским государством того времени – Византийской империей. При этом в Средние века играми называли, как известно, не только детские развлечения, но и театральные и цирковые представления. Хорошо известно и о том, что абхазские (абасгские) дети обучались и воспитывались в Константинополе. Получив образование в столице империи, они становились проводниками византийской политики в Абхазии, несли с собой все элементы римско-византийской культуры, в том числе и из области физической культуры ромеев[1564]. Часть молодых абасгов отправлялась в метрополию и для исполнения различных обязанностей при дворах должностных лиц, в усадьбах богатых византийцев. Сами ромеи также расселялись среди абасгов в разных пунктах страны[1565].

[1563] Пасынков Л. П. Быт и игры кавказских народов // Caucasica. Кавказоведение. Страницы прошлого. Антология. По материалам архива и библиотеки Северо-Кавказского горского историко-лингвистического научно-исследовательского института имени С. – М. Кирова (1926–1937). Составители: К. Э. Штайн, Д. И. Петренко. – Ростов-на-Дону, 2017. С. 432.

[1564] Провизантийская ориентация абхазских правителей в известной степени способствовала и сходству социальной структуры, хозяйственной деятельности, народного быта и т. д. Византии и Абасгии.

[1565] См.: Инал-ипа Ш. Д. Труды в 11 томах. Вопросы этнокультурной истории абхазов... Том III. С. 477–487.

Абхазы, приезжавшие в столицу империи (в их числе и послы), посещали театральные и цирковые зрелища. В свою очередь можно предполагать, что византийские труппы приезжали и в Восточное Причерноморье, судя по тому, что византийские труппы ездили на северные берега Черного моря[1566]. В связи с чем обращает на себя внимание сообщение Никифора Григора о том, что Константинополь посещали конные искусники из Египта, выступавшие также в Халдее, Аравии, Персии, Ассирии, Армении и Колхиде[1567]. В городах Византии в IV–VI вв. местом для проведения спортивных состязаний и культурных мероприятий являлся цирковой ипподром (где устраивались и бои гладиаторов). Самым же распространенным и азартным зрелищем того периода были конные состязания[1568]. Цирковой ипподром, как и в Константинополе, существовал, например, в древнерусском Корчеве (совр. Керчь), входившем в IX–XI вв. в состав Тмутараканского княжества. В Корчеве вплоть до XI в. также устраивались цирковые игры. В них могли принимать участие не только русские и приезжие из Византии артисты[1569], но и конники из ближайшего к Тмутаракани Абхазского царства.

Судя по экономическому и культурно-политическому подъему Абхазского царства в эпоху династии Леонидов[1570], к периоду его существования относится, как мы полагаем, бурное развитие в целом традиционных игр и состязаний абхазов. В эпоху становления и расцвета Абхазского царства традиционные игры несли дополнительную функцию военного смотра, являясь сво-

---

[1566] См.: Буренина О. Русский цирк: из Крыма в Константинополь // Материалы Международной научной конференции. Санкт-Петербург. 4–6 сентября. 2006. С. 204.

[1567] Грегори Н. Римская история (1204–1341). – СПб. Т. 1. 1862. С. 344.

[1568] Буренина О. Русский цирк: из Крыма в Константинополь... С. 205.

[1569] Там же. С. 203, 204.

[1570] См.: Амичба Г. А. Абхазия в эпоху раннего Средневековья (очерки по истории народного хозяйства и социально-экономических отношений в VI–Xвв.)... С. 141–142.

еобразной проверкой и демонстрацией физических сил. Едва ли можно сомневаться в том, что средневековые абхазы в эпоху наивысшего развития своей государственности создали свою феодальную физическую культуру в соответствии с их специфическими чертами.

По известным историческим источникам можно судить о том, что с периода Средних веков наиболее значительным местом конных состязаний и других народных игр абхазов в Юго-Восточной (Абжуйской) Абхазии являлась историческая поляна в с. Мыку *Мыҟэашҭа*. До настоящего времени в этом селе сохранился топоним «Аҽыр҂ырҭа», что означает «место конных состязаний» (скачек)[1571].

Отдельные сообщения письменных источников, а также данные фольклора позволяют предположить, что в Средние века Всеабхазские народные собрания, завершавшиеся конноспортивными соревнованиями и народными играми, в Гумской Абхазии проводились в с. Эшере. Народные состязания там проводились и в середине XVIII в. Очевидно, к этому времени относятся слова долгожителя Ашхангерия Бжания, записанные в 1946 г. Г. А. Дзидзария: «Гумистинский участок всегда побеждал на соревнованиях, состязаниях (на лошадях и т. д.)»[1572]. В Бзыбской Абхазии конноспортивные и другие народные соревнования проходили на исторической поляне *Лыхнашҭа*, где располагалась резиденция владетельных князей Абхазии Чачба (Шервашидзе). До установления советской власти, по этнографическим материалам Г. А. Амичба, конные скачки проводились в селах Окум, Мыку, Джгиарда, Абгархыку, Дурипш, Лдзаа[1573]. В 70–80-х гг. XX в. скачки устраивались в селах Елыр, Лыхны и на Эшерском ипподроме, где проводились республиканские соревнования.

[1571] См.: Кварчия В. Е. Топонимика Абхазии... С. 418.

[1572] Куправа А. Э. Люди: время и жизнь. – Сухум, 2010. С. 485–486.

[1573] Амичба Г. А. Верховая езда абхазов. Этнографический очерк... С. 58 (на абх. яз.).

Традиции искусства верховой езды у предков абхазов были весьма глубокими. Древнеримскому полководцу Гнею Помпею принадлежат слова о том, что что гениохи были грозными и страшными всадниками[1574] (на значительное развитие конного спорта в древней и средневековой Абхазии могут указывать и многочисленные конские захоронения и всаднические погребения с конем). С другой стороны, та громадная роль, которую с древности и на протяжении многих столетий играл конь в жизненном укладе абхазов и составляла основу престижности конных состязаний в средневековой Абхазии. Среди них особо выделялись скачки на длинные дистанции и конные игры[1575]. По технической и тактической подготовке всадников и лошадей скачки являются одним из сложных видов народного конного спорта, практикуемого и в настоящее время.

Абхазы при подготовке к конным состязаниям особое внимание уделяли тренировке лошадей и наездников: для лошадей устанавливали режим питания, мальчика приучали к лошади, на которой он должен был скакать, коннику также шили красную одежду, мягкую обувь[1576]. Для ловли лошадей и других животных использовали, как было сказано, пояса-веревки[1577]. В ходе состязаний с арканом (*аḱэараҷ*) учились не только заарканить животное, но и, в случае необходимости стаскивать с коня убегавшего противника. Скаковых лошадей в античности и в Средние века в значительном количестве закупали и перегоняли сюда, как сказано, из Северного Кавказа, хотя в Абхазии вы-

---

[1574] Лукан. Pharsalia. II, 590. Известия древних греческих и римских писателей о Кавказе // СМОМПК. – Тифлис, 1884. Вып. IV. Отдел I.

[1575] См. напр.: Басария С. П. Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении... С. 68–69.

[1576] Подр. см.: Амичба Г. А. Верховая езда абхазов. Этнографический очерк... С. 58–65.

[1577] Ламберти Арк. Описание Колхиды, называемой теперь Мингрелией // СМОМПК... Вып. 43. С. 41.

ращивали и местные породы лошадей[1578] (применялся древний табунный способ разведения скакунов). Иметь много лошадей считалось престижным. Относительно того, каким количеством лошадей владела абхазская знать, имеются разные сведения. Ф. Ф. Торнау отмечал, что даже князья обладали лошадьми «в небольшом количестве». По его же сведениям, «значительные табуны» имели «некоторые из князей... Анчабадзе, Шервашидзе, Маршания и Маргания»[1579]. При этом не только сами абхазские феодалы часто участвовали в скачках и джигитовке, – это было характерно для всех долгожителей Абхазии в дни их молодости, а отчасти и в зрелом возрасте[1580]. Участие в таких состязаниях, требовавших высокой физической активности, замедляло старение организма, помогало долгожителям на протяжении всей жизни сохранять хорошее здоровье и бодрость духа.

Одно из наиболее ранних изображений конных состязаний абхазов мы находим у итальянского монаха XVII в. Хр. Кастелли. В его рукописи хорошо сохранился рисунок, изображающий день церковного праздника у храма св. Георгия в с. Елыр[1581]. На рисунке изображены скачки, кружки абхазцев, их арбы и т. д.[1582]. Особое место у абхазов состязаний на конях подтверждают и сведения, приводимые Карлой Серена. Она же писала, что, падая с лошадей во время скачек, наездники получали серьезные травмы, а скакуны часто погибали. В своих путевых заметках она выделяла жителей с. Пакуаш, которые «предложили построить на их средства ипподром и учредить призы для конных скачек, которые будут проходить во время ярмарок, – еще одно нов-

[1578] См.: Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х. Два всаднических захоронения апсилов из Цебельды... С. 70–71.

[1579] Фон-Дервиз Н. В. Сухумский округ... С. 41.

[1580] Кобычев В. П. (при участии В. Л. Бигвава). Труд и физическая деятельность долгожителей // Абхазское долгожительство. – М., 1987. С. 161.

[1581] Кудрявцев К. Сборник материалов по истории Абхазии... С. 143.

[1582] Там же.

шество для Кавказа[1583], где до сих пор подобные развлечения не имели официального разрешения»[1584]. Отметив, что в Абхазии «не бывает ни одного праздника без конных игр», автор ставила конное мастерство абхазов превыше «так называемой «высшей школы верховой езды», которой мы аплодируем в цирке»[1585].

В начале XX в. у мужской части сельского населения Абхазии стали популярны скачки, проводившиеся по воскресеньям в Сухуме. По сведениям, приводимым Ю. Д. Анчабадзе, к этому дню обычно готовились заранее, так как выиграть там заезд считалось большой честью. На скачки приезжали целыми группами из разных областей Абхазии[1586]. Автор цитирует газ. «Сухумский вестник», которая в одном из номеров сообщала, что в воскресенье, 26 мая, на городской площади столпилась огромная толпа народа. Сюда явились, чтобы посмотреть на скачки или же принять в них непосредственное участие, «со всей Абхазии князья, дворяне и крестьяне... В город въезжали многочисленные группы всадников, по 40–50 и более человек в каждой... Всадники распевают национальные песни, причем песни эти сопровождаются гиканьем и пронзительными криками. Каждая такая группа представительствует какую-нибудь местность, которая и торжествует славу в том случае, если ска-

---

[1583] Первым нововведением для Абхазии, по мнению К. Серены, стало бы открытие в Пакуаше своего базара, в связи с чем «рассматривается вопрос об организации там ежегодной ярмарки» (Карла Серена. Путешествие по Абхазии... С. 65).

[1584] Карла Серена. Путешествие по Абхазии... С. 65. Известно, что в описываемое К. Сереной время абхазы (с 31 мая 1880 г. по 27 апреля 1907 г.) якобы за поддержку турок в годы Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. были объявлены царскими властями «виновным» населением. На жителей сс. Пакуаш и Елыр Кодорского участка (как и самурзаканцев) т. н. виновность не распространялась. Видимо, царское правительство границу виновности абхазов на юго-восток определило по р. Аалдзга.

[1585] Там же. С. 65–66.

[1586] Анчабадзе Ю. Д. Традиционные развлечения абхазского крестьянства в конце XIX – начале XX в... С. 109–110.

кун из этой местности берет приз. Так, например, принимали участие в скачках гудаутцы, кодорцы и пр.»[1587].

После установления советской власти в Абхазии первые скачки были проведены в Сухуме в 1923 г. Следующие Всеабхазские конноспортивные соревнования по постановлению ЦИКа Абхазии провели в 1924 г. Проводились они и в последующие годы[1588]. О подготовке лошадей и всадников к конным состязаниям в эти годы в одном из номеров газ. «Советская Абхазия» за 9 октября 1946 г. отмечалось: на конно-спортивном празднике, абхазские джигиты «на хорошо тренированных конях мастерски преодолевали различные полосы препятствий, показав высокий класс верховой езды». Побывавших в советские годы в Абхазии русских писателей удивляли лихие скачки абхазов. Так, в 1966 г. А. Твардовский писал об абхазских наездниках: «Нас восхитила резвость и выносливость лошадей местной породы... показавших под седлом прирожденных наездников-джигитов блестящие образцы бега на дистанциях до 15 километров и преодоления различных препятствий»[1589].

[1587] Там же. Большой интерес представляет и описание «Праздничных скачек в Сухуми», оставленное немецким физиком Манфредом фон Арденне, возглавившим после 1945 г. лабораторию «А» СФТИ в Синопе. В частности, М. фон Арденне писал: «Вспоминая о днях, проведенных в Абхазии, нельзя не сказать о скачках, которые проходят каждую осень на огромном поле северо-западнее Сухуми (Manfred von Ardenne. Mein Leben für Forschund und Fortschritt. München. 1984. С. 53). В длинных черных каракулевых бурках, участники праздника скачут на породистых скакунах. Мы смогли прочувствовать колоссальную внутреннюю силу горных народов южного Кавказа, когда увидели около тысячи всадников в своих национальных костюмах, вооруженных, с развивающимися знаменами, несущихся галопом по полю. При этом зрелище, которое проходило обычно под чистым небом, на фоне покрытой снегом центральной гряды Кавказа, мы вспомнили о волнующей романтике времен рыцарских набегов прошлых столетий» (Там же).

[1588] См.: Вахания О. В. Физическая культура и спорт в Абхазии... С. 62, 91, 121.

[1589] Газ. «Советская Абхазия». 12 октября 1966 г.

Обладавшие мастерством наездники соревновались в прыжках через двух поставленных в одну линию коней. Имело распространение выполнение сложнейших элементов на коне, когда, в частности, всадник на полном скаку спрыгивал с коня, догонял его и снова садился, не замедляя скачки. Русский советский писатель Н. Тихонов писал, что у абхазов «джигитовка сменяется буйным карьером, рубкой лозы и глины, простые скачки – барьерными»[1590]. Лучшие наездники принимали участие в «борьбе коней»: два всадника становились друг против друга, поднимали коней на дыбы и ловким маневром старались опрокинуть противника. Это требовало исключительной выносливости, силы, ловкости и отличного умения держаться в седле. Участники состязаний демонстрировали и свое умение управлять конем. Например, на полном скаку коня останавливали, после чего тот эффектно скользил на четырех ногах, оставляя ими сплошной след наподобие санного. Это состязание абхазов, которое не сохранилось до настоящего времени, носило название «Чараз»[1591]. Подобные упражнения на скачущей лошади служили эффективным способом отработки мастерства воинов-наездников[1592]. Другой военизированной конной игрой абхазов является метание дротика (абх. *аӷәыршәра*), также не раз описанное в литературе[1593]. Этот вид состязаний возник, очевидно, в древности для тренировки верховых копейщиков,

[1590] См.: Абхазия в русской литературе. Сост. И. И. Квициния... С. 308. В конном спорте скачки, как известно, делятся на три основных вида: без препятствий или гладкие, с препятствиями или барьерные, по пересеченной местности или стипль-чейз.

[1591] Описание игры см.: Вахания О. В. Абхазские народные игры... С. 23.

[1592] Бгажноков Б. Х. Черкесское игрище. – Нальчик, 1991. С. 121–130.

[1593] См.: Вахания О. В. Абхазские народные игры... С. 26; Зельницкая (Шларба) Р. Ш. Роль конноспортивных соревнований в традиционных народных сходах на примере Абжуйского района // Лавровский сборник. 2014–2015. С. 437–438; Конные игры в Абхазии, фоторепортаж и история. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://jam-news.net/ru/.

в основе которых лежала попытка двух соревнующихся всадников выбить друг друга из седла. О существовании у абхазов военных упражнений для подготовки верховых копейщиков, должно свидетельствовать и использование ими в древности и Средние века в бою копий различных типов.

Сложные виды упражнений на скачущей лошади имели широкое распространение среди зарубежной абхазской диаспоры. Очевидцы сообщали, что в Константинополе видели двух человек, которые, сидя верхом на одном коне, на всем скаку спрыгнули по очереди на землю и потом опять взлетали в седло. Видели и такого, который скакал во всю прыть сразу на двух лошадях, стоя одной ногой на седле первой лошади, а другой – на седле второй, и в то же время держал на себе человека, а этот второй человек, стоя во весь рост, очень метко стрелял из лука. Были и такие, которые пускали коня во весь опор вверх ногами в седле, причем голова находилась между двух сабель, прикрепленных к седлу[1594].

К обязательной джигитовке у абхазов (как и у других народов Кавказа, Средней Азии, казаков) относилось доставание на скаку различных предметов с земли. Наездники, выстроившись на расстоянии ста метров («100 конских голеней») в ряд, сидели в седле, держа в руках заряженные двуствольные пистолеты. Посредине, между всадниками и мишенью, на свежем виноградном листе клали мелкую золотую монету. Наездник на полном скаку должен был поднять монету и в то же мгновение, не останавливая коня, двумя выстрелами перерезать шелковые нити и затем, на скаку, не дав упасть ачыхə (кисти из сплетенных ниток), подхватить его. По данным, приводимым в литературе, некоторые наездники могли на полном скаку поднять «зубами с бурки пятирублевую золотую монету»[1595]. У черкесов, по свиде-

[1594] Цит. по: Агуажба Р. Х. «В настоящем мужчине скрыто дитя» // Журн. «Абаза». 2015. 10. 04. С. 41.

[1595] Там же. Аналогичные состязания проводились и другими жителями

тельству Дж. Белля, принято было считать верхом искусства на всем скаку выхватить ружье из чехла, поднять курок и выстрелом попасть на лету в шапку, брошенную на землю[1596].

Джигитовка (по-абхазски *ԥсуала аҽырхэмарра*) пользовалась известностью в Западной Грузии, где ценили высокую технику владения конем[1597]. Абхазскую джигитовку особенно проводили жители левобережья р. Ингура, которые называли ее *аԥхазур льааԥ*, т. е. «абхазская игра». Показательно, что

Кавказа. Очень популярной была джигитовка, например, у осетин, которые «поднимают на всем скаку с земли вещи» (См.: Селезнев М. Руководство к познанию Кавказа...Кн. II. С. 50). В. Желиховская о «татарах (азербайджанцах – **О. М.**) Бакинской, Елизаветпольской (Гянджинской – **О. М.**), Эриванской и отчасти Тифлисской губерний» пишет: «Джигитом – удальцом и наездником – стремится быть каждый татарин, начиная с 10 лет. Джигитовка, то есть скачка – вместе слава и наслаждение татарина. В праздничный день татары выезжают на ближайший луг и начинается джигитовка – удалая скачка со стрельбой, с опрокидыванием под брюхо лошади, с подбрасыванием оружия. На всем скаку, летя сломя голову, джигит и ружье заряжает, держа шашку в зубах, и стреляет в цель без промаху, и разом, словно падая, склоняется к земле, подымет свой папах, а иногда и мелкую монету, брошенную в пыль дороги; потом мгновенно выпрямляется в стременах и снова несется, размахивая оружием над забубенной головой или, растянувшись во всю длину на спине лошади, еле придерживается за гриву ея и летит, изображая из себя мертвое тело. Ловкость татар на коне изумительна!» (Желиховская В. Кавказ и Закавказье. – Санкт-Петербург, 1885. С. 78–79).

[1596] Цит. по: Инал-ипа Ш. Д. Очерки об абхазском этикете... С. 38. Об использовании абхазами и адыгами сложных приемов джигитовки в ходе военных действий свидетельствовал, например, и Эдм. Спенсер. По его данным, «черкесский воин спрыгивает со своего седла на землю, бросает кинжал в грудь лошади врага, снова прыгает на седло; затем становится прямо, ударяет своего противника... и все это в то время как его лошадь продолжает полный галоп» (Спенсер Эдм. Путешествия в Черкесию. – Майкоп, 1994. С. 44).

[1597] По данным, приводимым в литературе, «в игре на конях по-абхазски лучше абхазских лошадей не было» (Амичба Г. А. Верховая езда абхазов. Этнографический очерк... С. 22). Эта репутация сохранялась далеко за пределы Абхазии. Отметим и то, что среди мегрелов и грузин встречалась абхазская порода лошади, о чем можно судить, например, по рассказу «Баши-Ачук» А. Церетели, в котором дается описание коня под именем «Абхазура».

когда в Поти в начале XX в. устраивались конные состязания, мегрелы, особенно женщины и девушки, спрашивали: «А абхазы примут участие в соревнованиях?» Если становилось известно, что примут, место соревнований заполнялось зрителями. В той же Западной Грузии в Средние века и Новое время популярной была конная игра «Атарчей», которую мегрелы, очевидно, переняли у абхазов под тем же названием – «Тарчия»[1598]. Мегрелы говорили: «Тарчию сыграли», «Тарчию взяли» и т. д.[1599].

Во взаимосвязи с играми других народов развивались, например, и традиционные игры адыгов, в результате чего они заимствовались. Так, по словам Е. Ковалевского, «удальство их (черкесов – **О. М.**) в наездничестве и искусство в эквилибристических приемах (джигитовке) усвоены нашими казаками вполне»[1600].

Основы джигитовки (являясь демонстрацией наездником своего умения управлять конем и др.)[1601], закладывались в кон-

[1598] Вахания О. В. Абхазские народные игры... С. 28.

[1599] См.: Куправа А. Э. Вопросы традиционной культуры абхазов... С. 266. По материалам А. И. Робакидзе и В. И. Элашвили, «Тарчией» называется у грузин и игра для детей 9–12 лет. Инвентарем служит шарф или небольшой флаг. Участвуют две равные по численности команды. По правилам игры, флаг нужно как можно быстрее, передавая из рук в руки на бегу, доставить за линию финиша. Другая команда, догнав убегающих, должна отобрать флаг и самой провести его. Выигрывает команда, большее количество раз доставившая флаг за финишную линию (Робакидзе А. И., Элашвили В. И. Грузия // Игры народов СССР. Сост. Былеева Л. В., Григорьев В. М. – М., 1985. С. 158).

[1600] Ковалевский Е. П. Очерки этнографии Кавказа. ВЕ. – СПб., 1867. Сент. Т. 5. Дек. Т. 4. // Кавказ. Черкесия... С. 114.

[1601] Своей обязанностью показать искусство в верховой езде считал и каждый гость, отъезжая от гостеприимного дома. По словам К. Д. Мачавариани, гость «сначала... пускает лошадь во весь карьер, потом сразу останавливает ее и затем заставляет сделать такой прыжок, от которого плохой всадник свернул бы себе шею» (Мачавариани К. Д. Некоторые черты из жизни абхазцев. Положение женщины в Абхазии. Абхазская интернет-библиотека).

ных играх абхазов. Джигитовку абхазы, как, например, и осетины, устраивали в основном в дни торжеств в семейном и общественном быту, тогда как скачки – по большей части при похоронах и поминках. По этому поводу В. Б. Пфафф замечал, что на праздниках у осетин «происходило что-то вроде олимпийских игр, бывали состязания в верховой езде, кулачном бою, стрельбе, танцах, пении и т. д.»[1602]. То же самое происходило у абхазов; по словам Ш. Д. Инал-ипа на праздниках у абхазов устраивали своеобразные Олимпийские игры.

По письменным источникам и фольклорным материалам, абхазские князья и дворяне нередко устраивали соревнования с конниками соседних народов. Социальной верхушке разных этносов, наиболее вовлеченной в процесс международного общения на Кавказе, принадлежала активная роль в установлении этнокультурных связей и поддержании добрососедских отношений. В результате такого общения происходил обмен опытом и в области спортивных игр. Так, по материалам первой половины XIX в., абхазские князья проводили состязания, на которые приглашали лучших наездников с Северного Кавказа. Об этих имевших высокий уровень межнациональных скачках в источнике сообщалось: «Скачки, джигитовка, стрельба в цель, перетягивание свежей козьей шкуры и другие спортивные зрелища длились 7–10 дней»[1603]. Имело место и обратное участие абхазских наездников на скачках осетин, абазин, адыгов.

[1602] Пфафф В. Б. Путешествие по ущельям Осетии // ССКГ. – Тифлис, 1871. Т. I. С. 142.

[1603] Цит. по: Агуажба Р. «В настоящем мужчине скрыто дитя» // Журн. «Абаза»... С. 44. Кстати, М. Селезнев сообщал, что на «зеленом лугу, перед дворцом (владетеля в с. Лыхны – **О. М.**) соединяются толпы... абхазов и черкес: ...к ним всегда... выходит владетель Михаил, и, следуя медиаторскому положению законов, с важностью решает дела». Затем «часто в разных местах поют, в других стреляют из пистолетов, скачут на лошадях» (Селезнев М. Руководство к познанию Кавказа... Кн. II. С. 191).

О. В. Вахания отмечает, что «большой любовью у абхазов пользовалась грузинская конная игра «Кабахи»[1604]. Для игры в центре площадки ставили длинный шест (10 и более метров), с прикрепленными к нему ценными предметами. Всадник, вооруженный луком или ружьем, на полном скаку должен был выстрелом сбить тот или иной предмет. Всадник, поразивший цель, становился победителем, а сбитый предмет доставался ему в награду[1605]. Данная игра на Кавказе кроме грузин была известна осетинам, черкесам, чеченцам, ингушам, в том числе и народам Средней Азии. О ее происхождении Б. А. Калоев писал: «*Хъабахъ* (как называют его осетины – **О. М.**), занесенный (на Кавказ – **О. М.**), несомненно, их (осетин) предками из Средней Азии, где он встречался у огузов в Средние века и сохранился почти до наших дней у таджиков, узбеков и туркмен...»[1606]. Отмеченное состязание по стрельбе в цель в абхазском быту, как, например, у адыгов[1607] и осетин[1608], имея военно-прикладное и ритуальное значение, было разновидностью проводившейся на поминках у знатных абхазов игры *акиан* (*акьан*)[1609]. Игра *акиан*

[1604] Вахания О. В. Абхазские народные игры... С. 23, 26.

[1605] См.: Царевич Вахушти. География Грузии. Введение, перевод и примечания М. Г. Джанашвили... С. 16; Вахания О. В. Абхазские народные игры... С. 27–28.

[1606] Калоев Б. А. Осетины... С. 228–229; Чибиров Л. А. Традиционная духовная культура осетин. – М., 2008. С. 319.

[1607] Султан Хан-Гирей. Избранные труды и документы... С. 272, 446–447.

[1608] Уарзиати В. С. Народные игры и развлечения осетин. – Орджоникидзе, 1987. С. 138. См. также: Багаев А. Б. Военизированные игры и состязания по стрельбе у осетин // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история: сб. ст. по матер. LV междунар. науч.-практ. конф. - Новосибирск. 2015.

[1609] По описанию Хан-Гирея, къэбакъ на тризне у адыгов представлял собой «весьма длинный шест, к верхнему концу которого прибита круглая небольшая доска, и ловкие наездники, имея лук и стрелы наготове, летят на лихих скакунах один за другим, чтобы лошадь заднего скакала за лошадью передового прямо, ибо он уже не управляет поводьями и только левая нога его остается на седле, а весь его корпус держится ниже гривы лошади; в

у абхазов проводилась в годовщину смерти уважаемого в народе, опытного конника, проявившего себя в скачках и джигитовке. *Акианом* назывался предмет, по которому стреляли[1610].

Большой популярностью у абхазов пользовалась конная игра в мяч (конное поло) под названием *човган*: участники игры в мяч держат в руках своеобразные ракеты под названием «човган» длиною до 1,5–2 метров. Один из концов *човган (чоуган)* подобно теннисной ракетке имеет расширенную часть грушевидной формы с веревочной сеткой для ловли мяча[1611], с помощью которого стремятся забить мяч в ворота соперников. В XII–XIII вв. конная игра човган являлась любимой игрой, например, византийской знати. Она была заимствована европейцами у арабов, сами арабы усвоили игру човган от персов[1612]. О происхождении этого термина Д. Чубинашвили пишет, что «чогани» – персидское слово и означает «крючок для игры в мяч» (*сабуртали кави*), «лапта», «рыболовный сак»[1613]. Этот вид спорта в Средние века являлся, как сказано, традиционным спортивным развлечением феодальной аристократии[1614], однако

таком трудном положении, несясь, как вихрь, мимо шеста (кебек), он в то мгновение, когда лошадь на всем скаку сравняется с шестом, спускает лук, и пернатая стрела вонзается в доску, на верху шеста прикрепленную, а иногда, разбив ее, падает к ногам изумленных зрителей. Эта игра, забава или, лучше сказать, этот опыт необыкновенно ловкого наездничества принадлежит высшему классу» (Султан Хан-Гирей. Избранные труды и документы... С. 272, 446–447).

[1610] Габниа Ц. С. Миф и ритуал. Статьи и фольклорные записи... С. 56–57.

[1611] Вахания О. В. Абхазские народные игры... С. 26. См. также: Ламберти Арк. Описание Колхиды, называемой теперь Мингрелией. С картою 1654 года. Перевел с итальянского К. Ф. Ган... С. 105.

[1612] Игра човган (чоуган) появилась у древних персов, как считают, в V в. до н. э. или даже раньше, в нее играли еще Ахемениды. В 2019 г. почта Ирана выпустила марку, посвященную этой древней игре.

[1613] Чубинов (Чубинашвили) Д. И. Грузино-русский словарь... С. 1580.

[1614] Сегодня човган имеет распространение у азербайджанцев, таджиков и узбеков.

его сравнение с другими народными играми, по мнению А. И. Робакидзе, дает основание считать, что этот вид спорта берет начало из народных игр и представлял собой не только развлечение, но и служил целям физического воспитания[1615].

Другой распространенной игрой абхазов являлась игра в мяч *аимӡакьача*, напоминавшая собою грузинскую игру в мяч *лело* и ее разновидность *чакуни*[1616]. Игра в мяч *аимӡакьача* отличается от игры в мяч *лело* тем, что в игре *аимӡакьача* мяч вводится в игру ударами палки, чего нет в игре *лело*, где мяч подбрасывается руками и игрок имеет право, после того как его поймали, передать его своему товарищу, чтобы донести мяч до финиша, а между тем в игре *аимӡакьача* передать мяч товарищу нельзя; тот, кто поднял или поймал мяч, тот и должен донести его до финиша. Ог игры *чакуни* игра отличается тем, что в последней игроки должны загнать мяч за финишную линию только при помощи палки, наподобие хоккея»[1617]. В игре участники делились на две мужские команды, что дает основание усматривать в их организации трансформированный пережиток древних мужских союзов. Для периода феодализма значение *аимцакьачара* заключалось в том, что она являлась средством обеспечения подготовки народного ополчения абхазов, составлявшую во время внешней угрозы основную военную силу общин.

На основании приведенных выше данных можно сделать вывод о том, что в конных и других состязаниях абхазов, устраивавшихся в том числе на народных гуляниях, присутствовала игровая традиция с выраженным явно или в упрощенном виде военным содержанием (преодоление препятствий, джигитовка, борьба коней и др.), где в ходе противоборства с целью одержать победу над противником вырабатывались специальные, прикладные в воинском отношении умения, навыки и качества.

[1615] См.: Грузины. Народы и культуры... С. 654.

[1616] Аджинджал И. А. Из этнографии Абхазии... С. 498, 504.

[1617] Там же.

Такое воспитание вплоть до середины XIX в. было нужно в условиях систематических феодальных междоусобиц и политической нестабильности. Подобный воинственный уклад жизни сказался на специфике игр и упражнений, а особенно народного спорта, направленного на подготовку сильных и смелых воинов. По словам Л. Р. Пасынкова, «военные игры кавказцев, как решительно у всех народов земного шара – порожденье инстинкта самозащиты, обороны и нападения»[1618].

Одним из важных событий в хозяйственной жизни Абхазии, сопровождавшихся народными состязаниями, явилось окончание строительства в конце XIX в. Кодорского лесопильного завода В. Максимова. В честь этого события устроили большие игрища, в котором были проведены соревнования по игре в мяч *аимцакьачара*, стрельбе по цели и конным скачкам (в последних принимали участие гости-наездники и скакуны Н. Смецкого). Состязания были завершены наградами, в том числе и денежными вознаграждениями победителей и призеров от имени Максимова и абхазской знати. Показателем большого размаха и полноценности данного мероприятия служило наличие в составе игрищ конных скачек на ценные призы, что делало честь как его устроителю, так и всем участникам.

На больших празднествах в Средние века абхазы после скачек, по утверждению И. А. Аджинджала, устраивали стрельбу в цель из луков[1619]. Стреляли из лука на точность и прежде всего на дальность стрельбы по неподвижным и подвижным мишеням. Попадали в цель размером меньше человеческой головы на расстоянии, как уже отмечалось, от 100 до 200 м, но отдельные выдающиеся стрелки поражали цель и на расстоянии до 400–500 м.[1620]. По другим данным, «на большом расстоянии» из

[1618] Пасынков Л. П. Быт и игры кавказских народов // Caucasica. Кавказоведение. Страницы прошлого. Анталогия... С. 429.

[1619] Аджинджал И. А. Из этнографии Абхазии... С. 394.

[1620] Там же.

лука стреляли по подвешенной на раскачивавшейся ветке дерева пустой цельной яичной скорлупе (часто вешали десять таких целей)[1621]. По висячему яйцу стреляли и абхазы, проживающие в Турции[1622]. Игры с луком со стрелами развивали в детях и взрослых глазомер, легкость, точность движений, умение определить нужную силу натяжения лука. Абхазы состязались также в стрельбе из лука на полном скаку, для того чтобы, как и другие горцы, в аналогичной боевой обстановке уметь точно поразить цель. Судя по тому, что большинство абхазов стабильно попадали в цель, соревнования по стрельбе из лука устраивались так же часто, как и по другим видам спорта (бегу, борьбе, скачкам и т. д.).

С появлением огнестрельного оружия в качестве мишени при стрельбе абхазы, по словам С. П. Басария, использовали тарелки, подбрасываемые в воздух. Способы стрельбы по мишеням были самыми разными. По сообщению Ф. Ф. Торнау, абхазы соревновались в стрельбе «в цель из ружей... с присошек и с руки, в неподвижную и подвижную мишени, в кружок, поднятый на высоком шесте, и в живого орла, привязанного к вершине его на длинной веревке»[1623]. Об искусстве стрельбы абхазов М. Селезнев писал, что они «горлицу убивают пулей в сердце, в 100 шагах и более»[1624]. Великолепным мастером стрельбы считался, например, знаменитый народный герой Напха Кягуа, живший «несколько веков назад в Бзыбской Абхазии»[1625]. По данным И. А. Аджинджала, во всех значительных состязаниях в стрельбе, устраивавшихся на больших праздниках, Напха Кягуа брал первые призы[1626].

[1621] Агуажба Р. «В настоящем мужчине скрыто дитя»... С. 43.

[1622] См.: Бутба М. Кавказские воспоминания. – Сухум, 2021.С. 212.

[1623] Торнау Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера. – Черкесск, 1994. С. 71.

[1624] Селезнев М. Руководство к познанию Кавказа... Кн. II. С. 204.

[1625] Аджинджал И. А. Из этнографии Абхазии... С. 505.

[1626] Там же.

Для пастухов во время нахождения на горных пастбищах, мишенью обычно служили делавшиеся топором на деревьях надрезы (*аџэ́ьара*). Расстояния определялись шагами и устанавливались в зависимости от качества оружия и способа стрельбы. Каждый стрелял из своего ружья – винтовки, кремневки или пистолета. Стреляли стоя на коленях или лежа на земле, пользуясь опорой (например, алабашьей) или без нее, одной или двумя руками[1627]. Наиболее оживленные соревнования подобного рода происходили в последний день альпийского сезона, когда члены объединения пастухов расходились по домам. Особенно отличившимся давали несколько больших кружков сыра, барашка или козленка, шкуру животного или дичи и т. п.[1628]. В свободное время молодые мужчины и юноши устраивали соревнования в игре, очень напоминающей современный бокс, под названием *адыҟ*[1629], в прыжках с места, с разбега, толчком двумя ногами, что, как считали, развивало проворство, равновесие: для поддержания равновесия тренировались в стоянии на одной ноге; соревновались также в длительном пешеходном передвижении или быстрой ходьбе на длинные дистанции, что являлось своего рода тренажом для мышц и сердечно-сосудистой системы[1630], при этом примерно две трети абхазских долгожителей в дни их молодости, а отчасти и в зрелом возрасте, ходили от 5 до 10 км в сутки пешком[1631]. Лучшие ходуны у абхазов использовались

[1627] См.: Земледелие и скотоводство у абхазов... С. 163. По словам Р. Агуажба, для охотников в горах имелось специальное «состязание горных охотников», хотя автор и не уточняет, что это было за соревнование (См.: Агуажба Р. «В настоящем мужчине скрыто дитя»... С. 43).

[1628] Земледелие и скотоводство у абхазов... С. 163.

[1629] См.: Габниа Ц. С. Миф и ритуал. Статьи и фольклорные записи... С. 26.

[1630] См.: Козлов В. И. Заключение // Абхазское долгожительство. – М., 1987. С. 287.

[1631] Этому в известной мере способствовало разбросанность многих сел по холмам или их большая протяженность на местности и принятые у абхазов частые визиты к родственникам и друзьям по разным поводам не толь-

и как гонцы и глашатаи при важных происшествиях, требовавших срочного оповещения далеко находящихся людей. Древнеабхазская мера дальних расстояний – «день пешеходного пути» (*мыш-ныҟәа*) – равнялась около 50 км (в качестве мелкой меры длины была известна общепринятая в древнем мире – локоть (*ара*). Разные авторы (например, В. Чернявский) отмечали, что абхазы неутомимы в пути, легко проедут сотню километров в день по бездорожной стране, до пятидесяти километров в те же сутки пешком и даже с ношею до пяти пудов, довольствуясь при этом ничтожным количеством провизии[1632]. Абхазец, отмечал со своей стороны К. Ковач, «при ходьбе по горам крайне вынослив»[1633]. Среди абхазских народностей в неутомимости делавших в горах пешие переходы, Ф. Ф. Торнау выделял медовеевцев[1634], а К. Д. Мачавариани упоминает «знаменитого абхазского скорохода», князя Адамыра Маршьан[1635]. Штабс-капитан А. Н. Лаврентьев в середине XIX в. относительно Цебельды отмечал, что «пути сообщения здесь находятся «в первобытном состоянии», однако «сами цебельдинцы, по-видимому, нисколько не затрудняются этими недостатками: они большей частью ходят пешком и отличаются при этом чрезвычайной быстротою и неутомимостью; весьма часто цебельдинцы делают до 40 верст в сутки, нося при себе при этом значительные вьюки»[1636].

ко в своих селах, но и в других и даже в городах (См.: Кобычев В. П. (при участии В. Л. Бигвава). Труд и физическая деятельность долгожителей… С. 161).

[1632] Цит. по: Инал-ипа Ш. Д. Очерки об абхазском этикете... С. 25.

[1633] Ковач К. Песни кодорских абхазцев... С. 14.

[1634] Из докладной записки Ф. Ф. Торнау «Описание части восточного берега Черного моря от р. Бзыба до р. Сочи» // Материалы по истории Абхазии XIX века (1830–1839). Сборник документальных материалов. Сост. Г. А. Дзидзария. – Сухум, 2008. Т. I. С. 196.

[1635] См.: Мачавариани К. Д. Семь дней в горах Абхазии... С. 9.

[1636] Лаврентьев А. Н. Статистическое описание губерний и областей Российской империи, по Высочайшему повелению издаваемое Департаментом Генерального штаба Военного министерства. – СПб., 1858. Т. XVI. Кавказ-

Современные авторы подчеркивают, что абхазские горцы «привыкают с детства много ходить по горной местности», поэтому они «очень выносливы и могут за день осилить 14-часовой путь»[1637]. Нужно при этом отметить, что горный рельеф, преобладающий на большей части территории Абхазии, повлиял на формирование шага абхазов, которые ходят осторожными, спешными, отрывистыми шагами. Абхазы ценили быстроту и легкую поступь в перемещении, которая стала одной из причин сухощавого строения формы тела абхазов. Делая шаг, горцы ставят ногу на носок (полупалец), тем самым проверяя устойчивость поверхности (вдруг камень уйдет из-под ног), затем переносят тяжесть корпуса с опорной ноги на «рабочую», освобождая ее для последующего движения. Сопоставить горцам можно степных жителей, шагающих решительно, широко и твердо[1638].

Наиболее древним из легкоатлетических видов спорта является бег. В первобытном обществе он был способом добывания пищи, а позднее – компонентом военного искусства (позволявший настигать противника или спасаться от него). Бег выступал не только как элемент воинских игр и традиционных командных соревнований, но и как элемент ритуала и способ развлечения. Имеются основания полагать, что в период Средневековья бегом в горной местности занимались пастухи: со временем из-за натренированной выносливости из пастухов отбирали людей для военной службы, в том числе и охраны владетеля страны. Абхазы практиковали бег на

ский край. Ч. 5. Кутаисское генерал-губернаторство, состоящее из Кутаисской губернии, владений: Мингрелии, Абхазии и Сванетии – и приставств: Самурзаханского и Цебельдинского. Статистическое описание Кутаисского генерал-гурнаторства. С. 275.

[1637] См.: Бобров А. В. Загадки Псху. Исторический очерк. – М., 2017. С. 90.

[1638] См.: Гумба А. З. История развития хореографического искусства абхазов и современная действительность. Дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. – Сухум, 2022. С. 39.

короткие и длинные дистанции, бег с камнем, горный бег, включая самый сложный его вид – марафонский, – на пересеченной местности с подъемами и спусками. По данным историков, забеги на длинные дистанции, требовавшие особой подготовки и длившиеся несколько дней, проводились, например, от сел. Иаштхуа до Санчарского перевала[1639]. Там же в Западной Абхазии когда-то устраивался своеобразный марафон на гору Арбжьба, расположенную примерно в 20 км от берега моря. Эти соревнования проводились ежегодно, перед началом перегона скота на горные пастбища. Победителем считался тот, кто первым убивал зверя и доставлял его тушу на Бомбей иашта. Особой ловкостью среди абхазов отличались жители с. Псху, урочищ Дал и Цебельда. Один из жителей этих мест – Д. Маршьан был рекордсменом среди абхазских марафонцев[1640]. О марафонских качествах цебельдинцев адмирал Л. М. Серебряков сообщал: «С ловкостью и без утомления пробираясь по трудной горной местности, с помощью палки с окованным острым наконечником, которая также служит сошкою для стрельбы, они совершают переходы по 40 и более верст и после того весело поют и пляшут»[1641].

Исходя из влияния географической среды и материальных условий жизни на содержание и характер народных игр абха-

---

[1639] См.: Пачулиа В. Абхазский марафон // Газ. «Советская Абхазия». 12 апреля 1979 г. № 71. С. 4. Цит. по: Материалы по библиографии Абхазии. Сост. Р. Х. Агуажба // Диалог времен. История. Традиции. Культура. Альманах. – Сухум, 2018. № 2. С. 55–56.

[1640] Там же. По материалам И. А. Аджинджала, в прошлом в Абхазии было немало прославленных бегунов. Таковыми являлись, например, Киут Хапара, Шапковский Джидж, Джопуа Хасан и другие (Аджинджал И. А. Из этнографии Абхазии... С. 502–503).

[1641] Серебряков Л. М. Дорога из Сухума к Кубани через Главный Кавказский хребет... С. 93. Как показала практика, бегуны, которые живут в горной и предгорной местности, обладают лучшей физической подготовкой. Например, африканские бегуны, проживающие в горной местности, являются более выносливыми, поэтому удивляли своими результатами на длинных дистанциях.

зов, исследователи считают, что у «живущих в горах» преимущественно встречаются игры с метанием дротика («Алабаша» и др.)»[1642], тогда как среди абхазов, проживающих «на побережье Черного моря, чаще встречаются игры с мячом, с бегом на скорость»[1643]. В работе об абхазских играх, помещенной в сборнике «Игры народов СССР», О. В. Вахания дает более подробное деление и перечисление игр абхазов по географическому признаку. У абхазов, «живущих на Черноморском побережье, – отмечает О. В. Вахания, – более распространены игры с бегом на скорость, с плаванием, конной скачкой, игры с мячом и др.». Среди абхазских горцев преимущественно «распространены игры с метанием камней и дротиков[1644], с борьбой, поднятием тяжестей, преодолением препятствий[1645]. Хорошее физическое развитие в горных районах вырабатывалось подъемом на скалы. Об увлечении абхазов к взбиранию на крутые горные вершины А. Н. Дьячков-Тарасов сообщал: «Абхазцы известны по всему Западному Кавказу своим искусством карабкаться по головокружительным крутизнам»[1646].

В горах и на равнине абхазы занимались и некоторыми другими упражнениями: прыжками с палкой или шестом и, кроме метания коротких копий, тренировались с пикой. На это обращал внимание Арк. Ламберти. Абхазская молодежь, пишет он, проводила время, постоянно тренируясь в употреблении пики,

---

[1642] Вахания О. В. Абхазские народные игры... С. 19.

[1643] Там же.

[1644] С исчезновением военной опасности метание камня во многих играх было заменено на метание мяча, а боевого дротика на заостренную палку.

[1645] См.: «Игры народов СССР». Сост. Былеева Л. В., Григорьев В. М. – М., 1985. С. 159.

[1646] Дьячков-Тарасов А. Н. Гагры и их окрестности // ЗКОИРГО. – Тифлис, 1904. Кн. XXIV. С. 4. О способах восхождения абхазов на скалы для добывания меда сообщает, например, А. А. Миллер: при взбирании на скалы, охотники забивали дубовые колья в их расщелины и пользовались ими как ступеньками (См.: Миллер А. А. Из поездки в Абхазию в 1907 г.... С. 64–80).

а также в подбрасывании вверх тяжелых предметов, перескакивании через канавы, чтобы научиться ловкости[1647]. Можно составить представление и о прочих видах упражнений абхазской молодежи как в горах, так и на равнине, которые сложились в древние времена. Кроме прыжков в высоту с разбега через шест высотой до 2 м, это прыжки через большой костер, в том числе и на лошади, вбегание на гору, прыжки с обрыва в воду, лазание по оголенному стволу дерева. Наши сведения о естественных видах тренировок абхазской молодежи дополняются К. Д. Мачавариани. По его данным, «многие упражнения в перепрыгивании через барьер высотой в сажень или перепрыгивании через две бурки, расстеленные на ровном месте – в длину на 2–3 сажени. Кроме того, ставят подряд 5 или 10 человек и перепрыгивают через их головы»[1648].

В нагорной Абхазии, особенно в зимнее время, устраивали пробеги на большие расстояния на лыжах (*ашэафа*)[1649]. У абхазских лыж деревянный обод согнут, концы соединены веревкой или ремнями. Длина 30 см, ширина около 25 см. Обод соединен и переплетен тремя широкими продольными ремнями и шестью поперечными, на которые ставится нога. Ремни продеты в отверстия обода. Лыжи привязываются к ноге парой ремешков, прикрепленных к переплету[1650]. Соревнования на лыжах чаще всего организовывались в Западной Абхазии. Чтобы дети знали о том, что зимой, особенно в горах, трудно обойтись без лыж, им изготовляли детские лыжи в качестве игрушек.

[1647] Ламберти Арк. Описание Колхиды, называемой теперь Мингрелией // СМОМПК... Вып. 43. С. 188–189.

[1648] Мачавариани К. Д. Некоторые черты из жизни абхазцев. Положение женщины в Абхазии. Абхазская интернет-библиотека.

[1649] Новейшие данные позволяют предположить, что лыжи были изобретены в конце верхнего палеолита – примерно 15–20 тыс. лет назад (а не 5 тыс., как считалось ранее).

[1650] Государственный музей этнографии народов СССР (РЭМ). № 1247–40.

Начальными шагами в физическом развитии детей служили игры, которые проводились в большой или патриархальной семье. Она остаточно продолжала сохраняться у абхазов еще в начале XX в. и обычно состояла из 50–70 членов представителей 3–4 поколений. В подобных семьях кроме разнообразных игр и физических упражнений проводились групповые соревнования развлекательного характера между большим числом участников, в ходе которых у детей вырабатывались как физические (сила, ловкость, гибкость), так и волевые (воля к победе, упорство, целеустремленность и пр.) качества.

В играх и забавах сверстников весьма популярной являлась охотничья игра, проводившаяся следующим образом. Дети выбирали наиболее ловкого и проворного из своих товарищей, который изображал медведя, кабана и волка. Он скрывался в кустарниках – «лесу». Остальные участники игры вооружались палками, дубинками, изображавшими «ружья», засунутыми за пояс длинными, острыми щепками, являвшимися «кинжалами». Затем 3–4 мальчика (изображавших охотников с собаками) направлялись на поиски «зверя» в лес. Когда прятавшийся за кустом «зверь» выбегал, «охотник стрелял в него, и тогда зверь представлялся убитым или раненым»[1651].

Другой распространенной игрой являлась игра с луком и стрелами. В нее вплоть до недавнего времени играли мальчики, главным образом в сельской местности, в основном до 8–10 лет. При помощи лука и стрел с утонченным тупым концом дети охотились на птиц с большим успехом[1652].

[1651] Аджинджал И. А. Обычаи в дореволюционной Абхазии. Архив АИЯЛИ. Рукопись сгорела во время поджога АИЯЛИ в 1992 г.

[1652] Аджинджал И. А. Из этнографии Абхазии... С. 398. Нельзя не признать, что детская игра, обладая свойством сохранять древнейшие реалии (от способов охоты до неустоявшихся в прежнем виде культовых действий), привлекает внимание как материал для реконструкции. По справедливому мнению Г. С. Виноградова, если многие игры современных детей «являются шутливым подражанием серьезному жизненному делу», то в древности дети

Одним из главных компонентов многих состязаний абхазов в Средние века и в Новое время была народная борьба *аиқэҧара*, возможно наиболее древний вид соревнований. А. С. Мандзяк и О. Л. Артеменко с полным основанием подчеркивают, что борьба уже на ранних этапах своего существования приобрела характер «многофункционального действия и выступала как состязательное единоборство, игровое развлечение, ритуально-обрядовый акт, а также служила средством физической и воинской подготовки»[1653]. Борьба *аиқэҧара* в Средние века, судя по всему, входила в обязательный комплекс подготовки абхазских воинов-феодалов. Поединки борцов часто проводились в тех местах, где собирался народ и особенно молодежь. В письменных источниках первой половины XIX в. (1839 г.) сохранилось описание состязаний в борьбе, которые происходили в усадьбе Гасанбея Чачба (Шервашидзе)[1654] в Кяласуре. По словам анонимного автора, «поверженный в борьбе всегда приходил в особенную ярость и нередко раздражался до того, что готов был поразить своего противника первым оружием»[1655].

Специфику традиционной борьбы *аиқэҧара* следует сопоставить с соответствующей особенностью борьбы у других народов Кавказа, и в частности, у адыгов. С. Х. Мафедзев о практике адыгской национальной борьбы «банэ» отмечает, что она знала, как и у многих народов, две формы (в отличие от этого, борьба у абхазов, по утверждению заслуженного тренера Абха-

---

могли делать то же самое, поэтому они могут служить ценным источником сведений о древнем быте (См.: Виноградов Г. К изучению народных детских игр у бурят. – Иркутск, 1922. С. 3). Этот вывод Г. С. Виноградова подтверждается материалами детских игр абхазов, в том числе и приведенными выше примерами их детской игровой культуры.

[1653] Мандзяк А. С., Артеменко О. Л. Энциклопедия традиционных видов борьбы народов мира. – Минск, 2010. С. 6.

[1654] Сына владетеля Абхазии Келешбея.

[1655] См.: И. И. Согум-кале (из путевых записок о Кавказе) // Газ. «Одесский вестник». 1839 г. № 31.

зии по вольной борьбе Дзуки Бениа, была трех видов). Согласно первой, от единоборствующего требовалось, устояв самому на ногах, бросить противника на землю спиной вверх[1656]. Так как борьба велась в основном руками, не разрешались захваты головы или ног, но допускался захват двумя руками одной руки противника при броске через себя[1657].

Однако наиболее популярной, по мнению С. Х. Мафедзева, являлась вторая форма борьбы адыгов, которая преследовала ту же цель – повергнуть противника на землю, только спиной, «на лопатки»[1658]. Однако вразрез с подобной точкой зрения К. У. Тайсаев отмечает: «Вряд ли можно согласиться с таким утверждением. Широко известно, что в народных видах борьбы не требовалось обязательное касание лопатками земли или ковра борцом. Чтобы зафиксировать поражение, достаточно было первой формы (т. е. бросить противника на землю спиной вверх, а самому оставаться стоять на прямых ногах – **О. М.**). Очевидно, здесь сказывалось уже влияние правил таких международных видов, как вольная или греко-римская борьба[1659]. В подтверждение своего мнения К. У. Тайсаев приводит пример из истории борьбы у осетин. Со ссылкой на Ф. А. Агапова он отмечает: «В Осетии... на праздниках и в свободное от работы время широко практиковалась борьба. Боролись в одежде, сняв черкеску и шапку, на голой земле или лужайке. Борцы брали друг друга за пояс или в обхват. Каждый из них старался оторвать другого от земли. Тот, кто бросал противника на землю, считался победителем»[1660].

[1656] Мафедзев С. Х. О народных играх адыгов... С. 77–81.

[1657] Там же.

[1658] Там же. С. 79–80.

[1659] Тайсаев К. У. Состязания и игры, связанные с общественным и семейным бытом // Эльбрус. Литературно-художественный, общественно-политический независимый журнал. Выпуск по этнологии народов Северного Кавказа и Закавказья. – Нальчик, 1999. № 2. С. 185.

[1660] Там же.

В связи с последним необходимо подчеркнуть, что не везде победителем считался тот, кто только бросал противника на землю спиной вверх. По литературным источникам и нашим полевым этнографическим материалам, в абхазской борьбе *аиқэҩара* в большинстве абхазских общин для победы обязательно нужно было уложить борца на обе лопатки[1661] и лишь в некоторых местах Абхазии побежденным считался борец, прикоснувшийся к земле любой частью тела, кроме стопы[1662]. Доказательством сказанному служит то, что абхазы о сильном и непобежденном борце, имея в виду всю его спинную часть, включая лопатки, говорят: «*Изқэа адгьыл амбазаҷ*», что означает: «Его спина (лопатка) не видела (не касалась) земли».

В ходе борьбы использовались самые различные приемы: внутренний и внешний зацеп стопой и голенью, подножка, подбив, боковая подсечка, подсад коленом. Широко практиковались скрючивание, подтягивание, быстрое вращение соперника вокруг себя после отрыва от земли. Согласно нашим полевым этнографическим материалам, абхазы, проживающие в Турецкой Республике, проводили борьбу на абхазских свадьбах вплоть до 50–60-х гг. XX в.

Широкую известность в середине XIX – начале XX в. получили борцы: Хинтба Кди из с. Гуп, Царгуш Никдала из с. Ачандара, Хапара и Дмитрий Киут из с. Кындыг[1663], народный герой из Эшеры Кяхба Хаджарат»[1664]. У абазин был известен

[1661] См. также: Вахания О. В. Абхазские народные игры... С. 36.

[1662] Там же. В грузинской борьбе чидаоба для чистой победы необходимо провести бросок, при котором соперник упадёт на спину. При этом в некоторых регионах было достаточно любого касания спиной площадки, в других же требовалась фиксация противника на лопатках. То же известно о борьбе на поясах (куреш) у кочевников, например, у тлеутов и шорцев; победителем становился борец, положивший противника на обе лопатки.

[1663] Аджинджал И. А. Из этнографии Абхазии... С. 503.

[1664] Вахания О. В. Физическая культура и спорт в Абхазии... С. 24.

силач Мухарби, слава о котором обошла почти весь Северный Кавказ[1665].

У абхазов встречался и такой вид борьбы, как *шьамхыш ргыланы аиқэҧара*, т. е. борьба, в которой участники состязались стоя на коленях[1666].

Среди молодежи известностью пользовалась игра под названием *адзеибаржэ (азеибаржэ)* – «водная борьба» или в дословном переводе «насильно поить друг друга водой». В игре участвовали юноши и молодые люди от 15–17 до 25–30 лет. По правилам этой игры, в воду по колено или по пояс становились два соперника и начинали бороться. Победителем считался тот, который «топил» соперника. Старшим подражали и маленькие дети.

Наравне с борьбой и легкой атлетикой, к народному виду спорта абхазы относили плавание. О развитии плавания у абхазов можно судить по сообщению Ф. Ф. Торнау о том, что абхазы плавают «не хуже дикарей островов Южного океана»[1667]. Это находит косвенное доказательство и в работе А. В. Козлова, в которой утверждается, что «скифы, населявшие в VII–III веках до нашей эры северные причерноморские земли, и поселенцы Восточного Причерноморья (т. е. древнеадыгские, абхазские и часть картвельских племен – **О. М.**) были искусными пловцами»[1668]. Их отличительными

[1665] Тайсаев К. У. Этнография традиционного спорта у народов Северного Кавказа. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. докт. ист. наук. – М., 1997.

[1666] См.: Мандзяк А. С., Артеменко О. Л. Энциклопедия традиционных видов борьбы народов мира... С. 13.

[1667] Торнау Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера... С. 56.

[1668] Козлов В. А. Плавание доступно всем. – Лениздат, 1986. С. 4. Последующие авторы, например, М. Селезнев, также признавали, что абхазские дети не страшились стремительных и бурных течений горных рек и с охотой вызывались на рискованные переправы вплавь лошадей «через грозные, быстрые волны Кодора и особенно глубокой р. Бзыбь», проносясь через «большое пространство к морю», но «ребятишки вырывались из опасности победителями» (Селезнев М. Руководство к познанию Кавказа... Кн. II. С. 204).

качествами, как и других прибрежных народов, и в частности древних славян, было умение смело действовать в воде, плавать, нырять (кроме плавания под поверхностью воды с задержкой дыхания в Средние века у абхазов продолжала развиваться гребля).

Из литературы известно о том, что в соседней Грузии «было распространено несколько народных способов плавания: свободный, колхидский, абхазский, иберский и др.»[1669]. Однако не уточняется, о каком абхазском способе плавания идет речь. Но очевидно, под ним подразумевается плавание старинным вольным стилем под названием *жэԥатҧых* или *напҧҟьа* (бз. *напҧых*), которое характеризуется поочередным выбрасыванием вперед то одной то другой руки, с обязательным поворачиванием головы влево-вправо. «Абхазцы, – отмечает О. В. Вахания, – владели несколькими видами плавания: саженки – *жватых (жэԥатҧых)*, на спине – *гухардзиса (гухарӡса)*, лягушачий – *дагердзиса (даҕьрӡса)*»[1670].

Традиционные спортивные состязания абхазов обычно приурочивались к знаменательным датам народного календаря – Пасхе, Курбан-байраму и другим религиозным праздникам. Это отмечали многие авторы, и в частности священник И. Берзенов, который приводит описание скачек, состоявшихся в 1874 г. в Очамчыре в честь празднования турецкого Рамадана[1671].

[1669] См.: Грузины. Народы и культуры... С. 654.

[1670] Вахания О. В. Абхазские народные игры... С. 39.

[1671] «На площади перед домом бывшего владетеля Абхазии и на балконе этого дома, – писал И. Берзенов, – собралось множество народу и зрителей как турок, так и абхазцев и других почетных лиц... Абхазцы, получив дозволение местной власти, в 3 часа пополудни отправили скакунов в селение Гудава (в 12 верстах от Очемчир) для открытия скачки... пред заходом солнца первою прискакала лошадь князя К. Л., за нею вторая и третья лошадь; с четвертою же... случилось несчастие; она провалилась в речку, причем едва не утонул всадник, мальчик лет 13–14. Вообще скакали малолетние мальчики» (Газ. «Кавказ». 1874 г. № 6).

Православным религиозным праздником[1672], к которому в абхазской общине готовились особенно тщательно, была Пасха. Современники отмечали, что в этот день абхазы «едут верхами в церковь, причем по окончании службы они поздравляют друг друга... А потом стреляют из револьверов, джигитуют, танцуют и расходятся»[1673]. На Пасху также соревновались в игре в мяч *аимчакьачара*, борьбе, поднятии тяжестей с помощью универсального средневекового спортивного снаряда – камня. Состязались в том числе в переноске, метании и толкании камней. По нашим полевым этнографическим материалам, соревновались в следующих способах поднятия и толкания камней: обеими руками от груди поднимали камень вверх на уровень вытянутых рук; побеждал тот, кто больше всего раз поднимал камень; от груди камень толкали вперед на дальность; из-за головы метали камень двумя руками, назад прогибом, двумя руками снизу, двумя руками назад между ног. В литературе сохранилось описание состязания в толкании камней, которое относится к первой половине XIX в. (1839 г.). Анонимный автор по этому поводу сообщал, что абхазы в усадьбе Гасанбея Чачба (Шервашидзе) в Кяласуре состязались с мингрельцами «в бросании значительно больших камней: честь и слава тому, кто бросил камень далее

[1672] Игры и развлечения занимали значительное место и в дни проведения фамильных молений абхазов как в Западной, так и Южной Абхазии еще в конце XIX – начале XX в. Так, в день моления фамилии Лейба в Бзыбской Абхазии с раннего утра на поляне собиралось множество людей. Целый день здесь танцевали под пение и хлопанье в ладоши; мужчины состязались в стрельбе из револьверов, играли в мяч, джигитовали. Устраивалась также борьба лошадей, поднимаемых на дыбы. В с. Лдзаа в праздник в честь Ананлдзаа-ных, т. е. иконы Лдзавской Божьей Матери после коллективного застолья начиналось веселье, песни, танцы, различные состязания. В Самурзаканской Абхазии в с. Окум в роде Лацэышба по окончании фамильного обряда начинали игру в мяч (цит. по: Анчабадзе Ю. Д. Традиционные развлечения абхазского крестьянства в конце XIX – начале XX в. ... С. 116).

[1673] Анчабадзе Ю. Д. Традиционные развлечения абхазского крестьянства в конце XIX – начале XX в. ... С. 114.

других; эта игра употребительна и между греками»[1674]. Двумя годами ранее (1837 г.) о соревнованиях в бросании камня на Западном Кавказе упоминал Дж. Белл. По его свидетельству, во время долгих обсуждений, происходивших на одном из съездов черкесов в Шапсугии, «люди из свиты вождей забавлялись под палящим солнцем... тем, что они называли «бросать камень». Камень весил приблизительно… четырнадцать фунтов, и они его бросали без разбега на пятьдесят футов; и это тяжкое занятие, похоже, ни одного из них не заставляло потеть»[1675].

По словам Н. С. Джанашиа, в женскую Пасху (первое после Пасхи воскресенье) наиболее популярными у абхазов были скачки и состязания лошадей в беге[1676]. О широком бытовании военно-спортивных игр на весенних праздниках абхазов говорят и другие авторы[1677]. Ряд этнологов видят в такого вида состязаниях отголосок древнего культа плодородия, аграрно-магического ритуала, символизировавшего противоборство зимы и лета[1678]. По мнению В. Г. Ардзинба, в древности подобные состязания «имели функцию стимуляции и регенерации продук-

---

[1674] См.: И. И. Согум-кале (из путевых записок о Кавказе) // Газ. «Одесский вестник». 1839 г. № № 30, 31, 33 // Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX – нач. XX в.)... Книга I. С. 39.

[1675] См.: Белл Дж. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1839 годов. – Нальчик, 2007. Черкесский съезд. Т. I. Глава 5.

[1676] Джанашиа Н. С. Статьи по этнографии Абхазии... С. 45.

[1677] Басария С. П. Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении... С. 70; Вахания О. В. Абхазские народные игры... С. 86; Reineggs J. Allgemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus... Bd.II. С. 432; Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Забайкалья. – Л., 1970. Ч. 2. С. 107; Покровская Л. В. Земледельческая обрядность // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. – М., 1983. С. 49; Фрэзер Дж. Золотая ветвь. – М., 1980. С. 354.

[1678] Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Забайкалья... Ч. 2. С. 107; Покровская Л. В. Земледельческая обрядность // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев... С. 49; Фрэзер Дж. Золотая ветвь... С. 354.

тивных сил космоса в критические периоды жизни… прежде всего весной»[1679]. На связь таких состязаний у абхазов с земледелием указывает также то, что накануне праздничных скачек готовились лепешки из кукурузной муки *аквакьар*, после чего совершали моления за успех скакуна и его седока[1680].

У многих народов традиционными воинскими состязаниями сопровождались и погребальные торжества. Такие игры символизировали противоборство доброго начала вселенной против злых ее сил, и вместе с тем считалось, что они сопутствовали человеку в критический переломный момент его судьбы в качестве незримых покровителей общины, охранителей ее благополучия[1681]. Б. А. Рыбаков относил возникновение таких поминальных состязаний ко времени развития земледелия и аграрных культов[1682].

Среди конных соревнований, которые устраивали состоятельные абхазы в годовщину после смерти родственника, наиболее важное место занимал уже упоминавшийся «Атарчей»[1683].

[1679] Ардзинба В. Г. Ритуалы и мифы древней Анатолии. – М., 1982. С.80.

[1680] Аджинджал И. А. Обычаи в дореволюционной Абхазии. Архив АИЯЛИ. Рукопись сгорела во время поджога АИЯЛИ в 1992 г.

[1681] Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Забайкалья... Ч.2. С. 105,107.

[1682] Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. – М., 1987. С. 87, 89. Его же. Язычество древних славян. – М., 1981. С. 274.

[1683] Анчабадзе Ю. Д. Традиционные развлечения абхазского крестьянства в конце XIX – начале XX в. ... С. 112. По условиям игры «Атарчей», один из конников, получив от девушки шарф или другой предмет – «атарчей», пускался вскачь, остальные участники скачек бросались за ним вдогонку, стараясь отобрать у него атарчей (им служил специальный предмет из нанизанных на нем каштанов, либо фундука, т. е. ахьанап). Атарчей часто переходил из рук в руки. Удержавший атарчей на определенное время выходил победителем. Разновидностью атарчей, является шыджанэ, т. е. «рубашка коня» у черкесов и элем хасан у осетин (См.: Бгажноков Б. Х. Черкесское игрище... С. 136–138; Уарзиати В. С. Народные игры и развлечения осетин. – Орджоникидзе, 1987. С. 137). Термин «атарчей», возможно, происходит от турецкого derece, что значит «достоинство» (Турецко-русский словарь. Составил Д.

На поминках, как писал Н. М. Альбов, устраивались и специальные скачки – скачки детей[1684]. Давая высокую оценку конной скачке абхазов во время похорон Эмина Шакрыл, Ф. Ф. Торнау отмечал, что он «ничего не видел в Абхазии более увлекательного этой скачки»[1685].

Появление скачек *атарчей* относится к дохристианскому периоду. По описаниям XIX в., в скачках *атарчей* участвовало неограниченное количество всадников разных возрастов (по Ф. Ф. Торнау, у абхазов «скакали на тридцати лошадях»). Однако первоначально число участников скачек *атарчей* было ограничено, а наездниками являлись только родственики или знакомые. При этом обращает на себя внимание и перечень призов или подарков, предназначенных для участников скачек. Это вещи и собственность покойника: одежда, деньги, оружие, лошадь, скот, которыми стремились завладеть претенденты. Ввиду этого

А. Магазаник. Под. ред. чл.-корр. АН СССР. проф. В. А. Гордлевского. – М., 1945. С. 139).

[1684] Альбов Н. М. Этнографические наблюдения в Абхазии... С. 313. Конные состязания на похоронах были достаточно распространенным явлением в среде индоиранского населения. Они были приурочены к пороговой ситуации в жизни человека, когда ему предстояло перейти из этого мира в иной, в новую жизнь. Причем эти состязания были именно ритуалом, и участники состязаний являлись своего рода его исполнителями. Победа в состязании рассматривалась как жертва богам (Сотникова С. В. К вопросу о конных состязаниях на похоронах (по материалам памятников синташтинского типа // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения выдающегося российского археолога М. П. Грязнова. – Санкт-Петербург, 2012. Книга 2. С. 181).

[1685] Торнау Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера... С. 71. То же самое можно сказать о скачках у других народов Кавказа. Например, отзываясь с похвалой о конных скачках во время похорон, прадеды, деды и отцы информаторов из Северной Осетии, Чечни и Ингушетии подчеркивали, что «ничего более увлекательного и интересного никогда они не видели в жизни» (См.: Тайсаев К. У. Этнография традиционного спорта у народов Северного Кавказа. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. докт. ист. наук. – М., 1997).

в литературе высказано небезосновательное мнение о том, что эти скачки (поединки), проходившие еще у скифов со смертельным исходом, были результатом борьбы за наследство, которая разгоралась после смерти лица, за чье наследство боролись претенденты. Видимо, со временем, поединки с кровавым исходом заменили бескровными поединками-состязаниями – конскими ристалищами-скачками[1686]. Однако элементы древнего обряда сохранились, причем в сознании народа они слились с погребальными обрядами, хотя вначале таковыми не являлись.

О сопровождавших поминальные торжества абхазов соревнованиях также высказывали свое мнение С. П. Басария[1687], К. Ф. Дзидзария[1688], Ш. Д. Инал-ипа[1689] и другие авторы. Их сообщения подтверждают, что поминальные состязания являлись неотъемлимой частью дохристианского культа предков абхазов. Такие состязания были направлены на то, чтобы отогнать смерть, вообще злые силы от живых и воздать кровью предкам, от которых, согласно магическим представлениям, во многом зависело благополучие общины, в частности урожай будущего лета.

Состязательные игры (скачки, бой лошадей, вставших на дыбы, игра в мяч *аимчакьачара*, борьба, стрельба в цель и т. д.) широко бытовали и в составе свадебного обряда абхазов. И об этом сообщают И. А. Аджинджал[1690], Н. С. Джанашиа[1691],

---

[1686] Подробнее об этом см. напр.: Дзаттиати Р. Дугъ – скачки // Газ. «Северная Осетия». 17 марта 2020 г.

[1687] Басария С. П. Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении... С. 70.

[1688] Дзидзария К. Ф. Похоронный обряд у абхазцев (похороны мужчины). Цит. по: Смыр Г. В. О похоронно-поминальных обрядах абхазов (на абхазском и русском языках)... С. 28–29.

[1689] Инал-ипа Ш. Д. Абхазы. – Сухуми, 1960. С. 543.

[1690] Аджинджал И. А. Обычаи в дореволюционной Абхазии. Архив АИЯЛИ. Рукопись сгорела во время поджога АИЯЛИ в 1992 г.

[1691] Джанашиа Н. С. Статьи по этнографии... С. 100.

Ш. Д. Инал-ипа[1692], О. В. Вахания[1693] и др.[1694]. Они дают основание считать, что через подобные состязания прослеживается связь между календарной и поминально-свадебной обрядностью абхазов. Как и у других народов, поезжан, являвшихся за невестой, не впускали во двор, запирали ворота. При отъезде с невестой поезжан не выпускали со двора, чинили им различные препятствия. Односельчане невесты считали своим долгом свалить на землю хоть по одному разу всю свиту и даже отца жениха; происходил целый рукопашный бой: стаскивали с лошадей седоков, сваливали лошадей[1695]. Сопровождавший невесту конный поезд подвергался шуточным нападениям не только на всем пути следования по территории данной общины, но и это в той или иной степени повторялось в каждой общине по пути движения свадебной процессии[1696]. Подобные состязания пред-

---

[1692] Инал-ипа Ш. Д. Очерки по истории брака и семьи у абхазов // Инал-ипа Ш. Д. Этнография брачно-семейных и социальных отношений абхазов. – Сухум, 2016. Том I. С. 139.

[1693] Вахания О. В. Абхазские народные игры... С. 32.

[1694] Проводимые на свадьбах конноспортивные игры, как отмечал Ю. Г. Аргун, дольше сохранены абхазской диаспорой в Турции, нежели на исторической Родине, т. е. Абхазии. Смысл одной из таких игр заключался в том, что во время вывода невесты из брачного дома во двор и торжественного оглашения принесенных родственниками подарков переходили к заключительному этапу, т. е. выбрасывали заранее приготовленную шкуру группе всадников. И тот, кто проявлял решительность и смекалку, выхватывал эту шкуру, преодолевая всякие препятствия, увозил её с собой. Победитель прославлялся во всей округе, из уст в уста передавалась слава о нем, как обладателе шкуры на такой-то свадьбе (Цит. по: Авидзба В. В. Некоторые традиционные конные игры абхазов. Рукопись работы 2017 г.). Кстати, и собственно турки «переняли у кавказцев многое», позаимствовав у них, по мнению М. Ягана, конную игру «джирит» (Мурат Яган. Я пришел из-за гор Кавказа. –Краснодар, 2002. С. 282). Об усвоении турками и европейцами игр кавказцев и других народов см.: Пасынков Л. П. Быт и игры кавказских народов... С. 433–435.

[1695] Патейпа Н. С. Свадьба в Абхазии // Избранное. – Сухуми, 1978. С. 13.

[1696] Анчабадзе Ю. Д. Традиционные развлечения абхазского крестьянства в конце XIX – начале XX в... С. 112.

ставителей сторон жениха и невесты, во множестве встречающиеся в свадебных торжествах многих народов, генетически отражали дуальную организацию древних обществ. В такого рода состязаниях на свадьбе отчетливо просматривается и инициационный компонент. Магические «свадебные» бои осмысливались в русле противоборства со злыми силами, содействия благополучию молодых, деторождению и плодородию вообще.

Традиционные спортивные состязания в древности, очевидно, выполняли роль смотра сил общины, показывали, на кого общество могло более всего положиться в труде и войне. Общество возвышало сильных, смелых, справедливых и порицало слабых телом и духом. Личность испытывала постоянное и сильнейшее давление общины, воинские же игры выступали как одно из действенных средств, приводивших личность к уровню требований традиционного общества, выполняли функцию социализации[1697]. В то же время состязания на народных праздниках оказывали на зрителей сильное и разностороннее эмоциональное воздействие, состоявшее прежде всего в чувстве восхищения драматизмом борьбы, искусством владения силой, ловкостью, красотой противоборства.

Традиция состязательных игр абхазов в Средние века имела широкое распространение, выполняя роль военной тренировки и ряд других социальных функций. В ней отразилось и то, что в древности сознательная подготовка к жизнедеятельности сочеталась с приобретением опыта, который придавал реальным навыкам, обеспечивавшим существование общества, ирреальные формы в виде ритуально-магических действий, представлений, остатки которых сохранились еще в XIX в.

Таким образом, в традиционном абхазском обществе широко были распространены состязательные игры, которые занимали

[1697] См.: Маан О. В., Горбунов Б. В. Традиционные состязательные игры абхазов // Журн. «Аказара» («Искусство»). 1998. № 1. С. 8–10 (на абх. яз.). См. также: Горбунов Б. В. Палочные бои // ЭО. 1996. № 2. С. 69.

высокий общественный статус, выполняли важные социальные функции и имели военно-прикладное значение. Как видно из приведенных данных, на одних и тех же народных праздниках проводилось несколько традиционных состязательных игр. Можно также сделать вывод о закрепленности их в культуре абхазов, ведь бытовали они весьма широко еще в начале XX в. Спортивные состязания находились, по-видимому, на грани между настоящей битвой и игрой. Такой характер традиционных состязаний вполне соответствовал средневековому укладу жизни, но во второй половине XIX – начале XX в. они постепенно утратили свой социальный статус и воспринимались главным образом как праздничные развлечения.

Народные состязания, будучи активно включенными в систему традиционного досуга, составляли неизменное любимое народом зрелище. Они привлекали большое количество зрителей. Подобные состязания, по словам Н. С. Джанашиа, «собирают абхазов со всей их прекрасной Родины и они готовы на целые недели прервать свои работы, чтобы посмотреть на них»[1698]. З. Рихтер отмечала, что скачками интересуется все население. В дни скачек крестьяне забрасывают даже полевые работы, а в советских учреждениях приостанавливаются все дела. «Накануне скачек и до окончания их никто ни о чем ином не говорит, не думает. Абхазы соперничают из-за пальмы первенства, и великое счастье и гордость для целого района, если приз возьмет свой односельчанин»[1699]. Победа на соревнованиях при большом стечении народа и с участием нескольких общин, например, в скачках или борьбе, приносила общественное признание победителю, который тем самым зачастую становился достойным женихом.

В настоящее время из всех видов традиционных спортивных состязаний абхазов наиболее распространенными остают-

[1698] Джанашия Н.С. Статьи по этнографии…С. 88.

[1699] Рихтер З. В солнечной Абхазии и Хевсуретии // Диалог времен. История. Традиции. Культура. Альманах. – Сухум, 2016. № 1. С. 132–133.

ся конный спорт и борьба (из современных видов спорта это футбол). Федерация конного спорта в Абхазии, по сообщениям в печати, намерена и дальше развивать национальные виды конного спорта. Для привлечения молодежи к нему в республике открываются детские конноспортивные школы. Почти в каждом абхазском селе существует собственная любительская команда для участия в районных и общеабхазских состязаниях. Особой известностью пользуются национальные конноспортивные соревнования, устраивающиеся по завершении официальной части ежегодных народных сходов в *Лыхнашҭа* и *Мыҟэашҭа*, а также конные состязания, проводимые на Бзыбском ипподроме (скачки на нем проводятся дважды в год: 30 сентября – в День независимости Абхазии – и 9 мая – в День Победы). На ипподроме кроме национальных скачек проводится конный футбол, метание дротиков. Захватывающее зрелище для зрителей представляют заезды на различные дистанции: 800 м, 1000 м, 1600 м, 2000 м, 4000 м, 6000 м, 8000 м – с участием лошадей чистокровной и полукровной породы[1700]. Не менее интересной и увлекательной является джигитовка, правила которой за последнее десятилетие немного изменились. Если в прошлом одним из условий получения права на участие была национальная одежда, вплоть до седла (спортивное седло не разрешалось использовать), то сейчас участники могут ограничиться отдельными элементами, например башлыком. Игра начиналась с того, что в ряд друг против друга выстраивались все участники джигитовки. Наездник должен был проехать между ними три раза. Если, доезжая до одного конца, он повернул с левого плеча, то остальные оба раза он должен был поворачиваться с этого же плеча. Сложность игры заключалась в том, что не каждая лошадь проходила между остальными лошадьми. И именно в этом случае

[1700] См.: Зельницкая (Шларба) Р. Ш. Роль конно-спортивных соревнований в традиционных народных сходах на примере Абжуйского района... С. 439.

наездник и показывал свой характер, подчиняя себе лошадь. В настоящее время наездники показывают дорогу лошади, проезжая несколько раз по маршруту, только затем они проводят джигитовку. Кроме того, возраст участников снизился. Если еще в 70-е гг. XX в. в соревнованиях участвовали мужчины от 40, а порой и за 50 лет, то в настоящее время возраст наездников преимущественно до 35 лет[1701].

Кроме джигитовки, в наши дни, по данным Госкомитета по физической культуре и спорту, ежегодно в республике проходят конно-спортивные мероприятия, включающие состязания «по рубке, метанию дротиков, конному футболу и *абазшьтыхра*»[1702].

Некоторые из приведенных выше традиционных состязаний в настоящее время трансформировались в современные виды спорта. В частности, кроме борьбы это стрельба из лука, где наиболее популярной является стрельба стоя на земле. В республике действует клуб лучников «Афырхы», в последние годы проводится республиканский турнир по стрельбе из лука. Имея в своей основе народную традицию, стрельба из лука сегодня успешно практикуется в Абхазии для физической подготовки и воспитания молодежи. Важное место в системе физического воспитания молодежи занимают также соревнования по метанию копья, прыжкам в высоту с места, лазанию на шесте и толканию камня, которые в 2017 г. были включены в программу XVI Спартакиады школьников Абхазии по национальным видам спорта. Значительным шагом в развитии традиционных игр абхазов стало учреждение летом 2024 г. Федерации национальных видов спорта Абхазии.

[1701] Там же. С. 440.

[1702] Газ. «Республика Абхазия». 21–22 июня 2019 г.

ГЛАВА IV
ВОПРОСЫ ЭТНОЛОГИИ АБХАЗОВ В ИСКАЖЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ: КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Насильственное выселение основной части абхазского населения в султанскую Турцию в процессе и после завоевания царской Россией Кавказа привело к катастрофическому сокращению численности коренного народа на исторической родине, что на десятилетия предопределило резко отрицательный для абхазов демографический баланс. Этой ситуацией решили воспользоваться коммунистические власти Грузии, при которых особенно усилилась политика захвата абхазских земель и ассимиляции оставшегося абхазского населения. Для обоснования притязаний на абхазские земли в грузинской историографии были выдвинуты две концепции. Согласно одной из них, на территории Абхазии с древних времен проживали как абхазы, так и грузины. Другая концепция, которой придерживается большинство современных грузинских историков, заявляет о массовых переселениях «черкесов-апсуа» в Абхазию с Северного Кавказа. По их мнению, это происходило в XVI–XIX вв., некоторые авторы чуть удревняют начальный этап переселения, говоря о непрерывных миграциях с XIII по XVIII вв. Современные абхазы рассматриваются этими авторами как прямые потомки северокавказских переселенцев, смешавшихся с местным грузинским и грузинизированным населением. Вначале основной массой мигрантов считались представители адыгских племен, но впоследствии больше стали писать об абазинах, как наиболее близких абхазам в этническом отношении[1703].

[1703] Анчабадзе. Г. З. Изучение вопросов этнической истории абхазов на фоне грузино-абхазского конфликта // Аспекты грузино-абхазского конфликта. Выпуск 2. Материалы грузино-абхазской конференции. Конобеево (Московская область) Август 1999. – Ирвайн, 2000.

В эту антинаучную концепцию по отношению к истории абхазов и Абхазии значительную лепту вносят и грузинские этнологи. Так, ныне доктор исторических наук С. И. Бахия-Окруашвили с момента защиты ею кандидатской диссертации на тему «Абхазская «абипара» – патронимия» (Тб., 1986) опубликовала на абхазскую тематику ряд этнологических работ[1704]. Выступая с радикальных позиций по отношению к истории и этнографии абхазов, она солидаризируется с теми грузинскими авторами, которые считают абхазов на нынешней территории Абхазии мигрировавшим в позднем Средневековье с севера народом[1705]. Однако специалистами по вопросам истории и этнографии абхазов позднего Средневековья неоднократно отмечалось, что подобные толкования истории Абхазии носят явно политизированный характер. На этих вопросах в настоящей работе подробно не будем останавливаться, так как они детально рассмотрены проф. Ш. Д. Инал-ипа[1706].

Мы же обратим внимание на некоторые другие характерные высказывания Бахия-Окруашвили и ее коллег по вопросам этнологии абхазского народа.

По утверждению С. Бахия-Окруашвили, у абхазов «в глубине (центре) переднего двора, боковой стороной к воротам стоял большой дом «аюны ду». У грузин дом «ода» аналогично занимал центральное место жилого комплекса, но, в отличие от

[1704] См.: Бахия-Окруашвили С. И. «Основные черты семейного быта абхазов до революции // КЭС. Т. VII. Тб., 1988; ее же. «Абхазы». Этнографический очерк //Разыскания по истории Абхазии / Грузия. – Тб., 1999; ее же. Этнологическая интерпретация историко-культурных особенностей Абхазии // Очерки из истории Грузии. Абхазия с древнейших времен до наших дней. – Тб., 2009; ее же. Этнология абхазов. Учебное пособие (Тб., 2011, на груз. яз.).

[1705] См.: напр.: Бахия-Окруашвили С. И. Абхазы. Этнографический очерк //Разыскания по истории Абхазии / Грузия. – Тбилиси, 1999. Ее же. Этнологическая интерпретация историко-культурных особенностей Абхазии // Очерки из истории Грузии. Абхазия с древнейших времен... 2009.

[1706] Инал-ипа Ш. Д. Ступени к исторической действительности. – Сухум, 1992.

абхазского, он всегда стоял лицевым фасадом к воротам. Абхазский обычай ставить жилище боковым фасадом к воротам находит сходство с обычаем горцев Северо-Западного Кавказа (тем самым автор хочет доказать, что абхазы пришли в Абхазию из Северного Кавказа – **О. М.**). Что касается самого типа абхазских ворот, он идентичен типу ворот, встречающихся у адыгов. Абхазы стали строить ворота, подобные западногрузинским, только начиная со второй половины XIX века»[1707] .

Факты, приводимые С. Бахия-Округашвили, мягко говоря не соответствуют действительности. Прежде всего, неверно утверждение о том, что абхазы строят основной дом «боковым фасадом к воротам», так как *аюнду* абхазы всегда располагали и сейчас располагают передней стороной к главным воротам: у бзыбцев основной дом обычно ставят лицом к югу, у абжуйцев ориентиром служит дорога[1708]. Такой принцип расположения является характерным также для всей Западной Грузии. В отличие от этого, у адыгов жилой дом внутри двора был поставлен задней или боковой стороной к улице, что было в значительной мере результатом влияния ислама[1709]. Таким образом, мы видим, что расположение основного жилища абхазов по отношению к воротам, вопреки утверждению С. Бахия-Округашвили, отличалось от аналогичного расположения главного дома у адыгов. Что касается ворот, то их, подобно западногрузинским, строили в основном в Абжуйской Абхазии. Строителями их были рачин-

---

[1707] Бахия-Округашвили С. И. Этнологическая интерпретация историко-культурных особенностей Абхазии... С. 305–306.

[1708] По данным археологии, в ряде поселений железного века Абхазии фасадную (длинную) сторону жилища по древней традиции обращали к улице (пути), проходившей вдоль больших рек (См.: Сангулия Г. А. Поиск и изучение поселений Абхазии позднеколхидской эпохи // Археологические открытия. – М., 2011. С. 531). Причем, это засвидетельствовано на территории именно современного Очамчырского района Абхазии.

[1709] Малия Е. М., Акаба Л. Х. Одежда и жилище абхазов... С. 148.

ские и гурийские отходники[1710], которых называли *ақьырауаа,* т. е. «наемные мастера» (следует сказать, что в советское время абхазы перестали возводить особые навесы над воротами для защиты их от дождя).

Вызывает удивление и странное утверждение С. Бахия-Окруашвили о том, что абхазам «не было знакомо каменное зодчество»[1711]. Более того, она заявляет: «…абхазской культуре было не знакомо... и столярство и ваяние»[1712].

Прежде всего нужно вспомнить, что к эпохе неолита восходят многочисленные дольмены, разбросанные по всему Черноморскому побережью – от г. Анапы на юго-восток Абхазии. В Мегрелии, а тем более в Восточной Грузии, дольмены отсутствуют. Это говорит о том, что строителями дольменов в далеком прошлом являлись предки абхазов и адыгов. Дольмены, хотя и не относятся непосредственно к жилой архитектуре, тем не менее свидетельствуют о том, что строительства из камня (каменное зодчество) было также известно абхазо-адыгскому населению издревле[1713] .

С утверждением С. Бахия-Окруашвили никак нельзя согласиться еще и потому, что замки, крепости, башни, городища, встречающиеся в каждой абхазской общине, а также княжеские дворцы, жилища некоторых феодалов возведены из камня. Такие массивные каменные дома еще в первой половине XIX в. имелись, например, у князя Таташа Маршьан в с. Лата и Омара Анчабадзе в с. Сакьан[1714].

С. Бахия-Окруашвили, критикуя точку зрения В. Л. Бигуаа о том, что *акэаскьа* происходит от тюркского «кунак» (на самом

[1710] Аджинджал И. А. Из этнографии Абхазии... С. 80.

[1711] Бахия-Окруашвили С. И. Этнологическая интерпретация историко-культурных особенностей Абхазии... С. 303; Ее же. Этнология абхазов. – Тбилиси, 2011. С. 54 (на груз. яз.).

[1712] Там же.

[1713] См.: Кобычев В. П. Типы жилища у народов Северо-Западного Кавказа в середине XIX в. // КЭС. – М., 1972. Т. V. С. 164–165.

[1714] Инал-ипа Ш. Д. Абхазы. – Сухуми, 1965. С. 299.

деле маловероятно), пишет: «Есть больше фонетических и семантических основ для того, чтобы считать абхазский термин видоизмененным грузинским словом *коскі* -«башня»[1715]. В действительности, слово *коскі* «башня» не грузинского происхождения, а заимствован из персидского языка[1716]. Языковед О. П. Дзидзария отмечает, что название *акуаскьа* усвоено из персидского через турецкое *kosk* – «вилла, летний дворец»[1717].

Утверждению о том, что абхазам не было знакомо столярное дело противоречат полевые этнографические материалы и данные письменных источников. Из них следует, что деревообрабатывающая культура у абхазов имеет многовековые традиции, они исстари занимались обработкой дерева[1718]. Это подтверждается и наличием в быту абхазов довольно разнообразного плотничьего и резницкого инвентаря инструментов[1719]. Универсальным лесорубным и плотничьим интрументом являлся топор *айха*. Для мелких плотничьих работ и в некоторых случаях для резных употреблялся маленький топор – *аикуаҩа*. Большое значение имел нож – *аҳәызба*, тесло желобчатое – *агумжаҷ*. Инструментами для выдалбливания служили: долото – *аҟыга*, ложчатое долото – *амхаҷәҵыхга*, тесло прямое – *ацаҟьа ацаҟа*. Последнее служило еще и для тесания. Для строгания применялся своеобразный инструмент – *аҳымсаг*[1720]. Показателен приводимый Ф. Эшба факт о том, что в сс. Илори и Беслахуба всегда найдётся человек пять, которые с помощью топора, долота и пилы изготавливают столы, кровати, табуреты для домашнего

[1715] Бахия-Окруашвили С. И. Этнологическая интерпретация историко-культурных особенностей Абхазии... С. 304.

[1716] Чубинов (Чубинашвили) Д. И. Грузино-русский словарь... С. 626.

[1717] Дзидзария О. П. Историко-этимологический анализ отраслевой лексики абхазо-адыгских языков... С. 189.

[1718] Акаба Л. Х. Об орнаменте резьбы по дереву у абхазов // Труды АИЯЛИ. – Сухуми, 1963. Т. XXXIII–XXXIV. С. 180.

[1719] Там же.

[1720] Там же.

обихода[1721]. А изготовление домашней мебели, по сведениям Г. А. Дзидзария, в Абхазии в XIX в. было явлением повсеместным[1722]. Среди деревообделочников выделялись специалисты, исполнявшие более сложные работы: арбы (особенно колеса), части водяных мельниц (здесь также колеса), челноки и берда для ткацкого станка и пр. Кроме того, изготовляли оригинальные люльки, музыкальные инструменты, сундуки, различную посуду[1723].

Некоторые грузинские авторы, чтобы показать социально-экономическое отставание абхазов, пишут, что еще в XVII в. они довольствовались только дикими животными и лесными плодами, не зная не только пшеницы, но и соли[1724]. Но если подобное признать справедливым, это характерно и для других народов Кавказа, в том числе и картвельских[1725]. Относительно пшеницы можно сказать, что в древности на территории современной Абхазии возделывали и пшеницу[1726] (об этом говорилось выше).

Что касается соли, то у абхазов с раннебронзового периода существовал солеварный промысел, а изготовление соли у них имело место и в XIX в.[1727] (морскую воду абхазы запускали в

[1721] Цит. по: Дзидзария Г. А. Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX веке... С. 65.

[1722] Там же.

[1723] Дзидзария Г. А. Труды. – Сухуми, 1988. Книга I. С. 129.

[1724] Мамиствалишвили Э. Из истории Черноморского побережья Грузии // «Народное образование». 22 октября 1989 г. С. 11.

[1725] Кстати, «есть» (питаться, потреблять пищу) по-абхазски афара. «Закусывать, завтракать» обозначается у абхазов и словом акакалкра, что соответствует с мегрельскому какалуа - «закусить». При этом в прошлом легкая закуска у абхазов называлась аджкакал, досл. «плод дуба», что должно указывать на древность как употребления его в пищу, так и самого слова акакал у абхазов.

[1726] Чанба Р. К. Земледелие и земельные отношения в дореволюционной Абхазии... С. 23.

[1727] Соловьев Л. Н. Следы древнего соляного промысла близ г. Сухуми и г. Очамчира... С. 24, 45.

небольшие бассейны, вырытые за береговым валом, после естественного испарения воды рассол выпаривали на огне, а затем уже досушивали соль дома на широких досках)[1728].

Можно привести сведения автора XVII в. Арк. Ламберти, по которым в то время в Абхазии недорогие товары оценивались на соль[1729]. Это свидетельствует о том, что в XVII, а также в XVIII в. соль не имела высокой стоимости, ибо она не только добывалась на месте, но еще и завозилась в Абхазию, так что недостатка в соли у населения не было. Поэтому эти данные никак не говорят в пользу того, что в XVII в. абхазы «не знали соли».

Продолжая данную тему стоит отметить, что в 60-х гг. XX в. абхазской аджикой заинтересовались грузинские исследователи М. Джанелидзе и Д. Акели. Объехав Очамчырский район Абхазии, они собрали материал и включили его в свой труд в отдел «Народная медицина Очамчырского района», где пишут и об абхазской аджике в разделе «11 братьев и 11 сестер», подразумевая 22 разновидности растений, входивших в различные ее составы. Рукопись этого раздела книги была ими сдана в архив Абхазского института языка, литературы и истории. Но, к сожалению, в последнее время аджику уже не всегда называют абхазской. Ее теперь нередко называют грузинской. Как писал в своей статье журналист А. Кривенюк, «само право на происхождение продукта грузины приписывают себе, сообщая об этом во всех кулинарных книжках» (в старых этого не было). Аджика «на мировом рынке специй и трав презентуется изготовителями или ее продавцами в девяносто процентах случаев как продукт грузинской кухни, в остальных десяти процентах – как продукт кавказской кухни», чем наносится удар по самоидентичности сугубо национального исконно абхазского классического продукта[1730].

[1728] Там же. С. 45.

[1729] Там же.

[1730] См.: «В боях за аджику». Газ. «Чегемская правда», Сухум, 7 марта 2006 г. № 7; Хотелашвили-Инал-ипа М. К. Слово в защиту абхазской аджики // Газ. «Республика Абхазия». 11 июля 2006 г.

Как было выше отмечено, добычей соли из морской воды абхазы занимались с эпохи ранней бронзы. Исследования поселений прибрежной полосы Абхазии раннебронзового периода вместе с тем показали, что в хозяйственной жизни их обитателей дополнительным, а возможно, и главным источником пропитания служило рыболовство[1731]. Во второй четверти I тыс. до н. оно в прибрежных районах Абхазии продолжало занимать определенное место[1732]. Во второй половине IV–III вв. до н.э. (время расцвета Диоскуриады) на всей территории Абхазии рыболовство получает большой размах, о чем говорят, в частности, специально изготовленные по античным образцам спицы для вязки сетей и бронзовые рыболовные крючки, обнаруженные как в греческих, так и в туземных поселениях[1733].

Рыболовство у абхазов продолжилось и в период позднего Средневековья[1734], а также, с разной интенсивностью, в течение всего XIX в. (особенно активным оно было в начале XIX в., а также после присоединения Абхазии к России, т. е. с появлением рыночного спроса). Так как для ловли рыбы рыбакам необходимы были лодки, то развитие рыболовства косвенно указывает на строительство челноков и лодок, на которых население плавало в мелководных заливах и на небольших глубинах у морского берега[1735].

[1731] Бжания В. В. Поселения Очамчирской культуры в горах Абхазии // Кавказ и Восточная Европа в древности. – М., 1973. С. 65.

[1732] Анчабадзе З. В. История и культура древней Абхазии... С. 95.

[1733] Воронов Ю. Н. Диоскуриада – Себастополис – Цхум... С. 64.

[1734] См.: Антелава И. Г. К вопросу о феодальных отношениях в Абхазии в XVII–XVIII веках // ТАГМ. – Сухуми, 1947. Вып. I. С.68.

[1735] Более того, поскольку еще с эпохи неолита, а в особенности энеолита и ранней бронзы, основным занятием жителей прибрежной полосы Абхазии являлось морское рыболовство и охота на дельфинов (хорошо описанная в литературе), то эти промыслы, очевидно, также способствовали тому, что отдаленные предки абхазского народа, известные в античных источниках под именем гениохов (достигшие значительных успехов в судоходстве и большей частью пользовавшиеся славой пиратов), сделались мужествен-

Тем не менее грузинские авторы утверждают: «Достоверно известно, что (в XVIII–XIX вв. – **О. М.**) абхазы не занимались рыболовством, не умели обрабатывать и готовить рыбу, поэтому в их рационе рыбных блюд не было»[1736] . То же самое однако можно сказать и о грузинах: согласно Э. Эриксону, аджарцы, имеретины не едят рыбу вовсе, боясь греха[1737]; не ели рыбу (форель и лососину), например, и грузины-хевсуры. В то же время, сказанное выше о занятии абхазов в XVIII–XIX вв. рыболовством находит подтверждение и в сообщениях М. Пейсонеля, Ф. Дюбуа де Монпере, Ф. Торнау, А. Шугурова, В. Чернявского и др. Например, Дюбуа де Монпере, говоря о предках абхазов и адыгов – зихах, писал, что они «живут главным образом ловлей рыбы» и «едят мясо всевозможных домашних и диких животных»[1738]. Занятие рыбной ловлей упомянуто и в Нартском эпосе абхазов[1739].

Со ссылкой на указание Арк. Ламберти о том, что абхазы «рыбы не едят, хотя могли бы ловить ее в реках и море»[1740], в

ными мореплавателями. К тому же вряд ли древние предки абхазов смогли бы добиться больших успехов в морском судоходстве без древних местных традиций (См.: Лавров Л. И. Дольмены Северо-Западного Кавказа. // Труды АбИЯЛИ. – Сухуми, 1960. Т. XXXI. С. 107). Эти факты также противоречат концепции грузинских авторов о пришлости абхазов из Северного Кавказа в XVII в. Кроме того, и авторы XVII в., в частности голландец Н. Витсен в 1692 г. утверждал, что абхазы – «смелые мореплаватели и иногда из-за них бывает опасно мореплавание из Кафы в Константинополь» (Николас Витсен. Северная и Восточная Татария // Кавказ: европейские дневники XIII–XVIII веков. – Нальчик, 2010. С. 67. См. также: Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Сост., редакция переводов, введение и вступительные статьи к текстам В. К. Гарданова... С. 90).

[1736] Бахия-Окруашвили С. И. Этнологическая интерпретация историко-культурных особенностей Абхазии... С. 321.

[1737] Эриксон Э. Из воспоминаний о Батуме и его окрестностях // «Естествознание и география». 1899. № 6. С. 13.

[1738] Дюбуа де Монпере Фредерик. Путешествие вокруг Кавказа… С. 28.

[1739] Приключения нарта Сасрыквы и его девяносто девяти братьев: Абхазский народный эпос. – М., 1962. С. 172.

[1740] Ламберти Арк. Описание Колхиды, называемой теперь Мингрелией // СМОМПК... Вып. 43. С. 189.

книге Н. Г. Волковой и Г. Н. Джавахишвили «Бытовая культура Грузии XIX–XX веков: традиции и инновации» (М., 1982. С. 164) отмечается: «…абхазы в XVII в., в отличие от мегрелов, не ели рыбы и раков»[1741]. Но и в этот период, несмотря на сокращение у абхазов морского рыболовства, оно продолжалось в реках, где ловили ценные виды рыб (такие как осетр, форель, лосось) и когда рыба поднималась на нерест, и когда возвращалась обратно в море[1742]. (То же самое писал Ф. Торнау: «…прибрежные абхазцы занимаются рыбною ловлей. Устья горных речек, впадающих в море, изобилуют лососиной, которая составляет весьма лакомую пищу».)[1743]. Хотя и следует признать, что в новое время среди абхазов и причерноморских адыгов возникло отрицательное отношение к рыбной пище, которую как правило не подавали на стол гостям. То же отмечено и в быту картвельских народов, в частности сванов, однако как полагают – на основе почитания рыбы и связанной с ним табуации. О культе рыбы говорят и древние каменные статуи рыб, так называемые вишапы, достигающие до 5 м длины (встречающиеся от Северного Кавказа до южной Армении), восходящие к концу II тыс. до н. э., а также орнаментальные изображения рыбы на колхидских бронзовых топорах, в том числе с территории Абхазии[1744].

Неупотребление морской рыбы в пищу связано с преданием, что в рыбах «души абхазов», так как в период изгнания в Турцию рыбы питались плотью и кровью умерших абхазов, которых неприятели выбрасывали за борт корабля. По этой же причине у черкесов появился запрет есть рыбу из Черного моря.

[1741] Волкова Н. Г., Джавахишвили Г. Н. Бытовая культура Грузии XIX–XX веков: традиции и инновации... С. 164.

[1742] См.: Маан О. В. Проблемы этнического развития и традиционно-бытовой культуры абхазов... С. 68.

[1743] Торнау Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера. – Черкесск, 1994. С. 55.

[1744] Робакидзе А. И. К вопросу о некоторых пережитках культа рыбы // СЭ. № 3. 1948.

Не соответствуют действительности и утверждения о том, что абхазы в XVIII–XIX вв. якобы не умели готовить рыбу[1745]. В прошлом абхазы рыбу ели свежежаренную, соленую, копченую. Для копчения рыбу очищали от чешуи, потрошили, затем солили и оставляли в таком виде три-четыре дня. После этого ее нанизывали на длинные острые палочки и вешали над очагом[1746]. Ф. Торнау писал, что абхазы ели жареную на вертеле лососину[1747]. Описание способа приготовления рыбы у абхазов имеется и у В. Немировича-Данченко[1748]. В настоящее время речная форель, камбала, сазан, барабулька, морская селедка, лосось и другие виды рыбы если и не используются в пищу абхазов ежедневно, то присутствуют почти еженедельно. Рыбу жарят, солят, коптят, сушат (хамсу). В городах рыбу абхазы покупают на рынках[1749].

По утверждению С. Бахия-Окруашвили, «для обозначения названия растущего ввысь винограда западные грузины использовали названия деревьев, на стебли которых опиралась лоза: «дубовый виноград», «кленовый виноград», «ольховый виноград» и т. д. Эти термины переняло и абхазское население»[1750].

[1745] Бахия-Окруашвили С. И. Этнологическая интерпретация историко-культурных особенностей Абхазии... С. 321.

[1746] См.: Акаба Л. Х. Абхазы Очамчирского района... С. 76.

[1747] Торнау Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера... С. 55. По материалам, приводимым Полем Гибалем, абхазские рыболовы «первую пойманную рыбу съедают сами. Отдавать эту рыбу кому-либо, или поделиться с кем-либо, кроме членов своей семьи, они считают плохим предзнаменованием на все время рыбной ловли» (Сведения французского коммерсанта Поля Гибаля об экономическом положении и социальных отношениях в Абхазском княжестве // Материалы по истории Абхазии XIX века (1803–1839). Сборник документальных материалов... Т. I. С. 150–151).

[1748] Немирович-Данченко В. Море. Абхазское поморье. – М., 1897. С. 219.

[1749] Абхазы. Народы и культуры. – М., 2012. С. 514. Нужно отметить, что в настоящее время употребление рыбы в пищу населением Западной Грузии сократилось, что связано с тем, что рыболовство, игравшее большую роль еще в середине XIX в., например по Риони, утратило былое значение.

[1750] Бахия-Окруашвили С. И. Этнологическая интерпретация историко-культурных особенностей Абхазии... С. 315.

Однако абхазскими этнологами И. А. Аджинджалом, Ц. Н. Бжания, Ш. Д. Инал-ипа и др. нигде не зафиксированы подобные факты. А С. Бахия-Окруашвили не приводит конкретных примеров подобного заимствования. Отметим, что у абхазов состоятельные жители специально выращивали огороженные ольховые рощицы на своих участках для виноградников под древним, исконно абхазским названием *ақэаԥа*.

Виноградарство и виноделие в XIX столетии, по свидетельству Г. А. Дзидзария, представляло собой одну из важнейших отраслей сельского хозяйства Абхазии [1751]. И в настоящее время они являются частью культуры абхазского этноса и его быта. Поэтому у абхазов наблюдается особое отношение к аборигенным сортам винограда, которые сохранены до наших дней[1752] (об этом говорилось в разделе «Виноградарство и виноделие»).

Неверным является также утверждение С. Бахия-Окруашвили о том, что «технику обработки льна и хлопка для производства ткани абхазы... переняли у грузин»[1753].

Прежде всего отметим, что текстильное производство составляло одну из основных отраслей домашнего ремесла вообще жителей Восточного Причерноморья . О том, что еще в эпоху раннего железного века, в основном в первой половине I тыс. до н. э., ткачество у древних абхазов достигло большого развития, свидетельствуют отпечатки на своеобразных сосудах, найденных по всему Восточному побережью Черного моря на т. н. «селищах с текстильной керамикой». Для формовки сосудов употреблялись разнообразные ткани[1754].

[1751] Дзидзария Г. А. Труды. – Сухуми, 1988. Книга 1. С. 100.

[1752] Аиба В. Ш. Аборигенные сорта винограда Республики Абхазия – агробиологическая оценка и перспективы производства. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. сельхоз. наук... С. 4.

[1753] Бахия-Окруашвили С. И. Этнологическая интерпретация историко-культурных особенностей Абхазии... С. 319.

[1754] Соловьев Л. Н. Следы древнего соляного промысла близ г. Сухуми и г. Очамчира... С. 24. Его же. Селища с текстильной керамикой на побережье

Восточнопричерноморское льняное полотно было известно в древней Греции под колхидским же названием сардонической (данный термин, как уже справедливо отмечалось в литературе, следует увязать с абхаз. *аспа*, что значит «ткань», и *асарҭы* – «ткацкий станок»), которое «знали... греческие купцы и превратили в номенклатуру вывозимого ими товара»[1755]. Лен и льняные товары, пишет в свою очередь Г. К. Шамба, были материалами, традиционно экспортируемыми из Колхиды, в том числе с территории древней Абхазии[1756].

В этой связи вряд ли можно согласиться и с мнением некоторых исследователей о том, что «лен не выращивался на Понте»[1757], и «с определенной долей вероятности можно предположить, что в Северное Причерноморье привозились изделия из льна (в частности такая необходимая вещь, как одежда), которые производились в Египте»[1758]. Приведенные выше и другие материалы, прямо свидетельствующие о вывозе льняного полотна с территории Абхазии, должны указывать, что здесь широко занимались льноводством[1759], тем более что о завозе льна в древнюю Абхазию не существует никаких сведений. О древних традициях выращивания льна на территории Абхазии говорят и найденные М. М. Трапш в 50-х гг. XX в. в могильнике близ Сухумского маяка тленные остатки кусков льняного полотна и его

Западной Грузии//СА. – М., 1950. Т.14. С. 265–286. О «текстильной керамике» см. также: Анчабадзе З. В. История и культура древней Абхазии... С. 96, 98; Габелия А. Н. Абхазия в предантичную и античную эпохи... С. 127.

[1755] Куфтин Б. А. Материалы к археологии Колхиды.. – Тбилиси, 1950. Т. II. С. 296.

[1756] Шамба Г. К. Культура племен Абхазии в первом тысячелетии до н. э. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. докт. ист. наук... С. 15.

[1757] Кузнецов В. Д. Некоторые проблемы торговли в Северном Причерноморье в архаический период // ВДИ. 2000. № 1. С. 33.

[1758] Там же.

[1759] Аджинджал И. А., Адзинба И. Е. Материалы по изучению одежды абхазов // ТАГМ. – Сухуми, 1947. Вып. I. С. 239, 255–256.

отпечатки на некоторых металлических предметах, датируемые приблизительно VIII–VII вв. до н. э.[1760].

Однако наиболее важным свидетельством выращивания льна на территории древней Абхазии является находка льняных семян в 1980 г. во время раскопок Эшерского городища. Обнаружение льняных семян, которые лежали в слое II–I вв. до н. э., является первым случаем за все время изучения древности Кавказского Причерноморья [1761]. Подобные уникальные находки служат материальным подтверждением сообщений Геродота, Ксенофонта и других древних авторов о превосходных качествах колхидского льна и льняного полотна [1762].

Помимо льняных, древнеабхазское население занималось и изготовлением и шерстяных тканей. Это доказывается находками на поселениях Бамбора и Тамыш эпохи поздней бронзы и раннего железа небольшого количества глиняных и костяных пряслиц[1763].

Абхазы сеяли лен, а также коноплю в большом количестве вплоть до широкого проникновения фабричных материй. Ш. Д. Инал-ипа пишет, что еще в конце XIX в. из волокон льна абхазы приготовляли крученые нитки для шитья, а также выделывали довольно грубый холст для белья на семью. Из льняных ниток выделывали и внутренние пояса, продевавшиеся для стягивания брюк (*ахэымцьар*)[1764]. Но особенно славились настенники из хлопчатобумажной или льняной ткани, длиной до 10–12 м, которые покрывали почти три стены гостевой комнаты (такие настенники не имеют аналогов в среде других кавказских народов)[1765].

[1760] Инал-ипа Ш. Д. Абхазы. – Сухуми, 1965. С. 260.

[1761] Шамба Г. К. Древний Сухум... С. 46.

[1762] Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1947. № 2. С. 256.

[1763] Габелия А. Н. Абхазия в предантичную и античную эпохи... С. 128.

[1764] Инал-ипа Ш. Д. Абхазы. – Сухуми, 1965. С. 264.

[1765] Бгажба О. Х., Аргун Ю. Г. Ремесла // Абхазы. Народы и культуры. – М., 2012. С. 166.

По мнению С. Бахия, основа мегрельского термина «тури» (turi) (который мегрело-чанским корнем ti («семья») связывается с наименованием архаической общественной ячейки – семьи), прослеживается в абхазском *аҧэаацэа*, также означающем семью. В начале этого термина а- является характерным для абхазского языка аффиксом общности, -т- – основа, -ца – показатель множественности класса человека[1766].

Со своей стороны мы полагаем, что абхазский термин *аҧаацэа* было бы более верным увязать с *аҧаа* от глагольной основы *аҧаара* – «посещать» и *цэа* – показатель множественного числа, букв. «посещающие» (один очаг, одно место)»[1767].

[1766] Бахия С. И. Абхазская «абипара» – патронимия... С. 9.

[1767] См.: Гублиа Р. К. Очерки по абхазской этимологии... С. 235. Изучение традиционно-бытовой культуры абхазов при её сравнительном и сопоставительном анализе с картиной мира соседних народов может дать в руки исследователя проблемы ценные материалы, свидетельствующие о взаимодействиях этносов и этнокультурных заимствованиях. Однако не всегда факты тождественности или схожести элементов бытовой культуры соседствующих народов являются следствием их контактов, взаимовлияния, диффузии культурного достижения из одной этнической среды в другую. Например, обычай избегания, сущность которого заключалась в различного рода запретах (молчании, закрывании лица, запрет на имя, полное скрывание и т. п.), которые налагались на женщин и мужчин в различных жизненных ситуациях: между обручением и свадьбой, во время свадьбы, после свадьбы. Особенно строго обычаи избегания касались женщины (невестки) в отношении родственников мужа. Этот обычай, существующий практически у всех народов Кавказа, вряд ли следует или вообще нельзя объяснять заимствованиями. Дело в том, что данный факт тождественности может появиться самостоятельно в результате внутреннего саморазвития культуры, как один из способов ее самоорганизации в процессе адаптации к природно-экологическим и социально-экономическим условиям («спонтанная инновация», по терминологии С. А. Арутюнова) (Арутюнов С. А. Инновации в культуре этноса и их социально-экономическая обусловленность // Этнографические исследования развития культуры. – М., 1985; Волкова Н. Г., Джавахишвили Г. Н. Бытовая культура Грузии XIX–XX вв.: традиции и инновации. – М., 1982; Анчабадзе Ю. Д. Рец. на кн.: Уарзиати В.С. Культура осетин: связи с народами Кавказа. – Орджоникидзе, 1990. // СЭ. 1991. № 6. С. 146). В этом

Вопросы традиционного семейного быта абхазов рассматриваются С. Бахия-Окруашвили в статье «Основные черты семейного быта абхазов до революции». Она определяет традиционную абхазскую семью как «деспотическую»[1768], с чем трудно согласиться. При этом наличие «отдельных черт деспотизма» связывается с влиянием ислама[1769] . Однако известно, что значительная часть абхазов исповедовала христианство, что уже не позволяет распространять мусульманский фактор на весь этнос[1770]. Но главное в том, что даже у исламизированных абхазов, воспринявших, кстати, новую религию поверхностно и неглубоко, предписания шариата так и не превратились в реально действующий соционормативный комплекс. Социальная регуляция, в том числе в сфере семейного быта, осуществлялась на основе обычных, адатных установлений[1771].

Далее С. Бахия-Окруашвили продолжает утверждать: «…в старину абхазская семья, так же как и семьи горских народов Северного Кавказа, была полигамной. Мужчина мог одновременно иметь двух, даже трех жен, независимо от вероисповедания каждой из них (будь то мусульманка или христианка). Для населения западной Грузии, как для христиан, такая норма поведения была совершенно исключена»[1772].

Неизвестно из каких источников берет свою информацию С. Бахия-Окруашвили, но однозначно необходимо подчер-

---

отношении обращает на себя внимание обычай избегания у западногрузинских народов, и в частности у мегрелов. Интересно, что мегрелы, например, Цаленджихского района Западной Грузии, обычай избегания называли «абхазским обычаем» (Бигвава В. Л. Образ жизни абхазских долгожителей. – Тбилиси, 1988. С. 57–76).

[1768] Бахия-Окруашвили С. И. Основные черты семейного быта абхазов до революции... С. 109.

[1769] Там же.

[1770] См.: Анчабадзе Ю. Д. Рец. на кн.: Кавказский этнографический сборник. – Тбилиси, 1988. VII // СЭ. 1990. № 1. С. 162.

[1771] Там же. С. 163.

[1772] Бахия-Окруашвили С. И. Этнологическая интерпретация историко-культурных особенностей Абхазии... С. 325.

кнуть, что традиционная абхазская семья была моногамной. Еще Вахушти отмечал, что абхазы «знают... единоженство»[1773]. То же подчеркивает и Н. Дубровин: «…абхазы не придерживаются многоженства, а ограничиваются одною женою»[1774]. Даже абхазские мусульмане, как писал Ф. Торнау, имели не более одной жены, и «многоженство у жителей из магометан не в обыкновении»[1775]. В частности, и у аджарских абхазов, которые были мусульманами, основной формой брака оставалась моногамия[1776].

Сказанное находит подтверждение и в других документах о соседях абхазов, также относящихся к первой половине XIX в. Например, Д. Г. Анучин о западных адыгах и убыхах писал, что хотя по исламу им разрешалось иметь несколько жен, они «по большей части имели по одной жене»[1777]. В другом описании читаем: «…многоженство у черкесов, убыхов и не христиан абхазов допускается магометанскою религиею, но только немногие, имеющие достаток, пользуются этим правом»[1778]. Но нет конкретных примеров, пишет Ш. Д. Инал-ипа, настоящего многоженства и среди тех абхазов, которые «имели достаток»[1779]. И действительно, случаев многоженства не встречалось в Абхазии, даже к двоеженству прибегали здесь в

[1773] Царевич Вахушти. География Грузии. Введение, перевод и примечания М. Г. Джанашвили... С. 235.

[1774] Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе...Т. I. Кн. II. С. 44.

[1775] Дзидзария Г. А. Ф. Ф. Торнау и его Кавказские материалы XIX века... С. 120.

[1776] Копешавидзе Г. Г. Быт и культура абхазов, проживающих в Аджарии... С. 81.

[1777] Анучин Д. Г. Очерк горских народов правого крыла Кавказской линии // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. – Нальчик, 2001. С. 269–270.

[1778] Цит. по: Инал-ипа Ш. Д. Очерки по истории брака и семьи у абхазов. – Сухуми, 1954. С. 144.

[1779] Там же.

редких, можно сказать, исключительных случаях, причем вторая, «боковая жена» (*авартэа*, букв. «подсаженная»), как правило, поступала в дом не без ведома, а то и с согласия первой, которая или уходила к своим родичам, материально полностью удовлетворенная в соответствии с затраченным ею трудом у мужа, или продолжала оставаться по-прежнему главной хозяйкой в доме мужа[1780]. Чаще же вторую жену приводили в случае бесплодия первой. При этом важно подчеркнуть, традиции моногамной семьи продолжали существовать у абхазов несмотря и вопреки длительному присутствию в Абхазии турок и ислама, допускавшего и даже поощрявшего многоженство. Причем, то же самое мы наблюдаем, в частности, у кабардинцев, где также укоренившийся обычай имел преобладающую силу над мусульманством, вследствие чего редкий кабардинец держал более одной жены[1781].

«Начиная с древнейших времен, – пишет С. Бахия-Окруашвили, – на территории Абхазии засвидетельствовано множество различных обрядов захоронения, за исключением ингумации»[1782]. Но и данное утверждение не соответствует действительности, так как, согласно археологическим исследованиям, на могильниках предков абхазов прослежено параллельное исполнение двух погребальных обрядов: кремации и ингумации – обычного трупоположения[1783]. Далее С. Бахия-Окруашвили вновь утверждает, что обычай воздушного погребения, существовавший в Колхиде еще в VIII–VII вв. до н. э., является якобы мегрельским (грузинским) обрядом, что нет никаких осно-

---

[1780] Там же.

[1781] Вместе с тем следует отметить, что среди представителей высшего сословия, в том числе у владетелей Абхазии, хотя и редко, но встречались случаи двоеженства. Такие случаи имели место и среди высшего сословия мусульман Аджарии в Юго-Западной Грузии.

[1782] Бахия-Окруашвили С. И. Этнологическая интерпретация историко-культурных особенностей Абхазии... С. 306.

[1783] Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х. Главная крепость Апсилии... С. 50.

ваний считать его абхазским[1784]. В период описания этого погребального обычая, продолжает она, на всем пространстве от Кавказского хребта до Трапезунда обитали только колхские, то есть картвельские племена»(!?)[1785].

И данное положение С. Бахия-Окруашвили является совершенно предвзятым и тенденциозным, так как в науке является общепризнанным существование в древности двух значений термина «колхи». С одной стороны, «колхи» – один из этнонимов, употребляемый в узком (этническом) значении и локализуемый «отцом истории» Геродотом (V в. до н. э.) к югу от Фасиса (т. е. Риони)[1786]. С другой стороны, «колхи» – это обобщающее название значительного числа «племен», в античную эпоху заселявших Восточное Причерноморье[1787] и состоявших главным

[1784] Бахия-Окруашвили С. И. Этнологическая интерпретация... С. 307.

[1785] Там же. В свою очередь, грузинские археологи М. Барамидзе и Г. Пхакадзе пишут: «В этнографическом быту Мегрелии, Имерети и Абхазии засвидетельствовано, что данный погребальный ритуал одинаково характерен для всей территории западной Грузии, что должно указывать на однородность населения этой территории и является одним из заслуживающих внимания источников при изучении вопросов этнической истории региона» (См. их работу: Археологические памятники предантичной эпохи на территории современной Абхазии // Очерки из истории Грузии. Абхазия с древнейших времен до наших дней. Тбилиси. 2009. С. 35). Разумеется, грузинские авторы под «однородным населением» также имеют в виду картвельские племена, но и подобная точка зрения является совершенно тенденциозной. К тому же употребление термина Западная Грузия применительно к эпохе поздней бронзы некорректно, поскольку никакой Западной Грузии в то время не существовало.

[1786] Геродот. Кн. I, гл. 103–105. См. также: Страбон. География. Книга XI. Текст приводится по изданию: Страбон. География в 17 книгах. Репринтное воспроизведение текста издания 1964 г. – М., 1994. С. 498; Болтунова А. И. Аргонавты и Колхида. – Тбилиси, 1976. № 3. С.104; Воронов Ю.Н. Древняя Апсилия. – Сухум, 1998. С. 28–29; Шамба Г. К. Древний Сухум... С. 102, 128.

[1787] Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ.1947. № 3. С. 241–242; Анчабадзе З. В. История и культура древней Абхазии... С.131–132. Отметим, что вообще наименования племен Северо-Западного Кавказа античного периода часто представляют собой соби-

образом, по-видимому, из абхазо-адыгской этноязыковой группы[1788]. В географическом значении, очевидно, следует понимать и локализацию ранними авторами «колхов» на территории между Диоскуриадой (совр. Сухум) и Апсаром (совр. Гонио, на левом берегу Чорохи). «Колхов» в широком смысле, как жителей Колхиды, несомненно, имеет в виду Страбон, когда, называя район между Питиунтом и Диоскуриадой «местностями Колхиды», помещает в том же отрезке племена гениохов, соанов и т д.[1789]. Античные же авторы обычно не смешивали гениохийские племена и колхов, а упоминают их как два различных народа (в частности, можно отметить Ксенофонта, локализующего колхов (в узком смысле слова) в V в. до н. э. в районе Трапезунта до р. Чорохи.

Абсолютно не соответствуют действительности и утверждения некоторых грузинских исследователей о том, что античные писатели знают на территории Западной Грузии в VI–IV вв. до н. э. один народ – колхов (эту позицию отстаивает О. Лордкипанидзе). Соответственно, столь же необоснованно аналогичное утверждение Н. Ломоури: «…все античные авторы, описывающие ситуацию в Восточном Причерноморье, называют здесь лишь один народ – колхов»[1790]. Очевидно, что при описании этнической ситуации в Кавказском секторе Причерноморья в античную эпоху не следует упускать из виду двоякого содержа-

---

рательные термины, как например: «саки» персидской клинописи, «скифы», «савро-маты» и «меоты» греческих авторов (Калнстров Д. Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. – Л., 1949. С. 26).

[1788] Гунба М. М., Шамба Г. К. История Абхазии с древнейших времен до XX века. – Сухум, 2001. С. 30; Шамба Г. К. Древний Сухум…С.106.

[1789] Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии. – Тбилиси, 1959. С. 63; Воронов Ю. Н. Древняя Апсилия…С. 29.

[1790] Скаков А. Ю. Абхазия в эпоху античности: страна на перекрестке культур и коммуникаций// Материалы первой Международной научной конференции, посвященной 65-летию В. Г. Ардзинба. – Сухум, 2011. С. 126.

ния термина «колхи» и безоговорочно зачислять в ряд колхов в узкоэтническом смысле всякую этническую единицу, о которой какой-либо античный писатель сказал, что она является «колхским племенем»[1791].

Исходя из вышеизложенного, нет ни малейших оснований для категоричного утверждения С. Бахия-Окруашвили о том, якобы, что непосредственное отношение абхазов к обычаю «воздушного погребения» «абсолютно исключено»[1792]. Наоборот, исследователи, занимавшиеся изучением обряда «вторичного погребения» по материалам археологических раскопок Абхазии, пришли к заключению, что этот обряд уходит своими корнями по крайней мере в эпоху энеолита[1793]. Если этот обычай, как утверждается, является «мегрельским (грузинским) обрядом», то следует заметить, что обряд «воздушного погребения» античными авторами засвидетельствован только у колхов, а средневековыми авторами (И. Лукка, Эвл. Челеби, Арк. Ламберти) – у абхазов, но они не фиксируют его у мегрелов: с этим обрядом мегрелы, а тем более грузины, вообще не знакомы, и ничего об этом обряде у них в памяти не сохранилось.

Сказанное об отсутствии данного обряда у мегрелов имеет и археологическое обоснование. Так, если «обряд «воздушных захоронений мужчины» бытовал именно на территории Абхазии с древности до позднего Средневековья, «то в центральной Колхиде (например, в окрестностях Фасиса), где присутствие данного обряда, казалось, было бы логичнее, известны лишь кремационные площадки и погребальные ямы с предметами как мужского, так и женского обихода. В V–IV вв. до н. э. эти ямы сменились обычными грунтовыми захоронениями либо по-

[1791] См.: Анчабадзе З. В. История и культура древней Абхазии…С. 131–133.

[1792] Бахия-Окруашвили С. И. Этнологическая интерпретация... С. 307.

[1793] Трапш М. М. Труды. – Сухуми, 1969. Том II. С. 155.

гребениями в пифосах, больших кувшинах, предназначенных в быту для воды и вина»[1794].

Кроме того, обряд «воздушного погребения» генетически, естественно, неразрывно связан с обрядом «вторичного захоронения». Обряд же «вторичного захоронения» был зафиксирован археологами в дольменах.

А дольмены, во множестве разбросанные по всему Северо-Восточному побережью Черного моря, тянутся, как уже отмечено, от Таманского полуострова и далее вплоть до южных районов современной Абхазии. За пределами этого исконного обитания абхазо-адыгских племен на Кавказе, пишет Ш. Д. Инал-ипа, настоящих дольменов нигде нет[1795]. Важно и то, что следы «воздушного погребения» были отмечены и у адыгов. Согласно источникам, черкесы «большое оказывают уважение к телам умерших отцов и других родственников, которых ставят в деревянных гробах на высокие деревья»[1796]. Этот обычай был зафиксирован у черкесов в самом начале XVIII в., также сохранившись у них с древних времен, когда на территории Колхиды наличествовало субстратное абхазо-адыгское население[1797]. Следует также утверждать, что зафиксированный у колхов в античную эпоху обычай «воздушного погребения» дожил у абхазов вплоть до XIX в. «Этот обычай, пишет Ш. Д. Инал-ипа, имел своим источником абхазский обычай, согласно которому

[1794] Бгажба О. Х., Лакоба С. З. История Абхазии. С древнейших времен до наших дней. – Сухум, 2006. С. 60–61.

[1795] Инал-ипа Ш. Д, Труды. В 11 томах. Вопросы этнокультурной истории абхазов... Т. III. С. 98–99. С. Хотко и Б. Агрба также пишут, что в Мегрелии, Сванетии и в целом в Грузии, а также в Осетии, Чечне, Дагестане вообще нет ни одного дольмена. Там встречаются единичные мегалиты, но не имеющие типологически и внешне ничего общего с дольменами Северо-Западного Кавказа.

[1796] Ферран. Путешествие из Крыма в Черкесию через земли ногайских татар в 1709 г., докт. Феррана // РВ. 1842. Т. 6, № 4. Отд. 2. С. 52.

[1797] Джапаридзе О. – М. К этнической истории грузинских племен по данным археологии. – Тбилиси, 1976. С. 69, 320–341.

убитые молнией в течение некоторого времени действительно клались на высоких подмостках, а вокруг них устраивалось обрядовое хождение в сопровождении специальной песни в честь божества грома и молнии (*аф-рашэа*), но затем они все же непременно предавались земле[1798]. Далее Ш. Д. Инал-ипа резонно подчеркивает: «Если такой важный с этногенетической точки зрения обычай, как «воздушное погребение», был известен колхам и абхазам и, как подчеркивает Арк. Ламберти, нельзя больше его «найти ни у одного народа в мире, то не свидетельствует ли этот существенный факт об этническом родстве абхазов с теми колхами, которым приписывали античные авторы данный обычай, на что исследователи обращают недостаточно внимания»[1799]. Следует отметить и то, что в речи старожилов-абхазов встречаются выражения: «аʒахэа ухарцазшэа», дословно – «как будто тебе на шею накинули виноградную лозу»; «уажэымҭа аʒахэа ахарцааит» – «чтобы на твою старость накинули виноградную лозу». Последнее говорят человеку, совершившему непристойный поступок. В этом выражении вполне очевиден пережиток воздушного погребения, зыбкие представления о котором сохранились в народной памяти.

В 2011 г. в Тбилиси С. Бахия-Окруашвили издала книгу, в аннотации которой сказано, что это «первое учебное пособие по этнологии абхазов» для студентов[1800] (в действительности, первое учебное пособие «Этнология абхазов» для студентов было

[1798] Инал-ипа Ш. Д. Абхазы. – Сухуми, 1965. С. 547–548.

[1799] Там же. Функциональная преемственность обряда воздушных захоронений на территории Западного Кавказа, пишет со своей стороны О. Х. Бгажба, вполне может свидетельствовать и о генетической преемственности населения, проживавшего здесь на протяжении указанного хронологического периода (Бгажба О. Х. Ранние этапы этнической истории // Абхазы. Народы и культуры. – М., 2012. С. 61). На этот факт ранее обращал внимание М. М. Трапш (Трапш М. М. Труды. – Сухуми, 1969. Том II. С. 48–49).

[1800] [Электронный ресурс]. Режим доступа: abkhazeti.info/abkhazia/2012/1335935531.php.

издано выдающимся абхазским этнологом Ю. Г. Аргун еще в 2003 г.). Презентация «первого учебного пособия» состоялась 1 мая 2012 г. в Тбилиси, в так называемом «Сухумском государственном университете». Директор «Института абхазского языка и культуры» Т. Гванцеладзе объявил выход в свет данного издания «еще одним успехом грузинских абхазоведов»[1801]. Между тем, в этом «пособии» С. Бахия-Окруашвили, как и раньше, неверно и искаженно трактует основные вопросы абхазской этнографии.

Следует в этой связи сказать, что в свое время, когда С. Бахия-Окруашвили совершала экспедиции по селам Абхазии, ее гостеприимно встречали абхазы, оказывали ей всяческую помощь в сборе полевого этнографического материала. В 1983 г. в Тбилиси, перед защитой кандидатской диссертации на тему «Абхазская «абипара» – патронимия», где главным оппонентом выступал Ш. Д. Инал-ипа, сотрудники отдела этнографии Абхазского института оказали ей научную помощь, помогли привести диссертацию в соответствие с научной истиной, чтобы она не провалила защиту. Кстати, тогда в ее диссертации не содержалась антинаучная теория, пытающаяся отрицать наличие абхазов в Абхазии до XVII в.

Нельзя всерьез полагать, что С. Бахия-Окруашвили и другим грузинским авторам не были бы известны подлинные, неоспоримые факты, однако намеренное и целенаправленное искажение абхазской истории преследует цель закрепить за Грузией и грузинами так называемое историческое право на территорию Абхазии. Эта фальсификация, являясь частью информационной войны, и в настоящее время искусно ведущейся против абхазского народа, в конечном счете направлена против независимости Абхазии. Крайние взгляды относительно истории и этнологии абхазов и Абхазии, которых придерживаются Бахия-Окруашвили и другие грузинские авторы, были охарактеризованы,

[1801] Там же.

как ни странно, грузинским же исследователем Г. В. Цулая, как «тирания намеренного искажения фактов, выдача заведомого невежества в качестве академической истины»[1802].

Таким образом, становится совершенно очевидным, что пренебрежение подлинными этнологическими данными и элементарными нормами академической добросовестности со стороны Бахия-Окруашвили и ее коллег не является научной ошибкой – это сознательное искажение истории абхазского народа, лишенное всякой связи с подлинной наукой и исторической действительностью.

Эту закономерность подтверждают и прямые свидетельства: в начале 1990-х гг. сотрудник абхазского института спросил грузинского историка, почему искажается история абхазов, и получил откровенный ответ: «Это политика». Такой ответ четко показывает, что манипуляция с историческими фактами – не досадная случайность, а часть целенаправленного плана по обоснованию территориальных притязаний Грузии на Абхазию.

[1802] Цулая Г. В. Абхазия и абхазы в контексте истории Грузии. – М., 1995. С. 9.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. – М.–Л., 1949. Том I.

Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I, 2. – М.–Л. 1958.

Абазины в источниках иностранных и российских авторов. – Черкесск, 2008.

Абгарян Г. В. Армянские источники об Абхазии и абхазах. – Ереван, 1969.

Абдулаева Г. Золотая эпоха Крымского ханства. – Симферополь, 2012.

Абрюцкий 2-ой. Статистический взгляд на Абхазию // Краткие исторические сведения об Абхазии // Тифлисские ведомости. 1831 г. № 27–29.

Абхазия в русской литературе. Сост. И. И. Квициния. – Сухуми, 1982.

Абхазия и абхазы средневековых грузинских повествовательных источников. Грузинские тексты на русский язык перевел, предисловием и примечаниями снабдил Г. А. Амичба. – Тбилиси, 1988.

Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX – нач. XX вв.). Сост. Агуажба Р. Х., Ачугба Т. А. – Сухум, 2005. Книга I.

Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь. Сост. И. Н. 1898.

Абхазия и ее христианские древности. Составил А. Леонид. – М., 1887.

Абхазия. Краткая энциклопедия. Гл. ред. В. Ш. Авидзба. – Сухум–СПб., 2022. В 2 т. Т. I.

Абхазская с.-х. и лесная опытная станция в деле развития субтропических культур в Союзе Советских Социалистических Республик. – Сухум, 1929.

«Абхазское овощеводство и плодоводство» // Голос «Трудовой Абхазии». 23 июня 1923 г. № 141. Цит. по: Дбар А. Я.

Абхазия на первой Всесоюзной сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке 1923 г. // «Времена». Историко-культурный альманах. – Сухум, 2024. № 1–2.

Абхазское долгожительство. М., 1987.

«Абхазы и Пицунда» // Журн. «Домашняя беседа». СПб., 1877. Вып. 33.

Абхазы. Народы и культуры. – М., 2012.

Абазинско-русский словарь. – М., 1967.

Аверкиев И. С северо-восточного прибрежья Черного моря» // Газ. «Кавказ». 1866. № 7.

Авидзба В. Б. Посадим лозу абхазского винограда // Газ. «Республика Абхазия». 2011. № 63.

Авидзба В. Б., Адзинба Ю. Д. Абхазские аборигенные сорта винограда. – Сухум, 2013.

Авидзба В. В. Некоторые традиционные конные игры абхазов. Рукопись работы 2017 г.

Авидзба В. В. Трансформация института горевестника в традиционном абхазском обществе // Наука и образование: актуальные вопросы, достижения и инновации. Материалы Международной научной конференции. 28 июня 2018 г. – М., 2018.

Авидзба В. Ш. Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа: история, проблемы, перспективы // Кавказ: история, культура, традиции, языки. По материалам Международной научной конференции, посвященной 75-летию Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа АНА 28–31 мая 2001 г. – Сухум, 2003.

Агамирова Г. Р. Влияние кавказских обычаев и культуры на русские войска во время Кавказской войны 1817–1864 гг. // Журн. «Наука в мегаполисе». – М., 2023. № 6 (51).

Агафий. О царствований Юстиниана. Перевод, статья и примечания М. В. Левченко. – М.–Л., 1953.

Агафий Миринейский. О царствовании Юстиниана. – М., 1996.

Агуажба Р. О виноделии и винопитии у абхазов // Газ. «Новый день». 30 июня 2006 г.

Агуажба Р. Х. «В настоящем мужчине скрыто дитя» // Журн. «Абаза». 2015. 10. 04.

Агуажба Р. О виноделии и традициях застолья у абхазов // Журн. «Абаза». 2015 г. № 2.

Агумаа А. С. «Ас-ду» или «Большой снег» в 1911 году. – Сухум, 2009.

Агумаа А. Н. Черноморская береговая линия // Абхазоведение. – Сухум, 2012. № 7.

Аджинджал И.А. Обычаи в дореволюционной Абхазии. Архив АИЯЛИ. Рукопись сгорела во время поджога АИЯЛИ в 1992 г.

Аджинджал И. А., Адзинба И. Е. Материалы по изучению одежды абхазов // ТАГМ. – Сухуми, 1947. Вып. I.

Аджинджал И. А. Из этнографии Абхазии. – Сухуми, 1969.

Аджинджал Е. К. Об одном аспекте ранневизантийской дипломатии на Кавказе // ВДИ. 1987. № 3.

Аджинджал Е. К. Императрица Ромеи Марта – абхазка // 50-я Итоговая научная сессия (25–27 апреля). Тезисы докладов. – Сухум, 2006.

Адзинова З. Ю. Традиционная система хозяйства адыгов в XVIII – первой половине XIX вв. // Вестник МГТУ. 2018. № 2.

Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. – Нальчик, 1974.

Айба В. Ш. Аборигенные сорта винограда Республики Абхазия – агробиологическая оценка и перспективы производства. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. сельхоз. наук. – Краснодар, 2011.

Айба В. Ш., Трошин Л. П., Кравченко П. В. Изучение аборигенных сортов винограда Абхазии // Научный журнал КубГАУ. 2014. № 104 (10).

Айба М. В. Апсуара, апсуа кьабз, этническая идентичность //Апсуара. Материалы и исследования. Второй тематический сборник. – Сухум, 2014.

Акаба Л. Х. Абхазы Очамчирского района // КЭС. – М., 1955. Т. I.

Акаба Л. Х. Об орнаменте резьбы по дереву у абхазов // Труды АбИЯЛИ. – Сухуми, 1963. Т. XXXIII–XXXIV.

Акаба Л. Х. Из мифологии абхазов. – Сухуми, 1976.

Акаба Л. Х. Исторические корни архаических ритуалов абхазов. – Сухуми, 1984.

Акаба Л. Х. Избранные труды. – Сухум, 2021. В двух томах. Том I.

Альбов Н. М. Состояние садоводства в Абхазии// Из «Записок Императорского Общества Сельского Хозяйства Южной Россий». – Одесса, 1892. № 3.

Альбов Н. М. Из Абхазии // Альбов Н. М. Леса Абхазии // Из «Записок Императорского Общества Сельского Хозяйства Южной России». – Одесса, 1892. № 3.

Альбов Н. М. Состояние садоводства в Абхазии // Записки Императорского Общества Сельского Хозяйства Южной России. – Одесса, 1892 // Очарованный Абхазией. Жизнь и странствия Николая Альбова. – Сухум, 2016.

Альбов Н. М. Этнографические наблюдения в Абхазии // ЖС. – СПб., 1893. Вып. 3.

Альбов Н. М. Этнографические наблюдения в Абхазии // Очарованный Абхазией. Жизнь и странствия Николая Альбова. – Сухум, 2016.

Альбов Н. М. Ботанико-географические исследования в Западном Закавказье в 1893 году // ЗКОИРГО. Кн. XVI. – Тифлис, 1894.

Альбов Н. М. Ботанико-географические исследования в Западном Закавказье в 1894 году // ЗКОИРГО. Кн. XVIII. – Тифлис, 1896.

Амичба Г. А. Верховая езда абхазов. (Этнографический очерк). – Сухуми, 1978 (на абх. яз.).

Амичба Г. А. Абхазия в эпоху раннего Средневековья (Очерки по истории народного хозяйства и социально-экономических отношений в VI–X вв.). – Сухум, 2002.

Амичба Г. А. Историческая антропонимия абхазов. – Сухум, 2010.

Амичба Г. А. Средневековая Абхазия в грузинских нарративных источниках. – Сухум, 2011.

Анисимов С. С. Абхазские Альпы. – Москва–Ленинград, 1930.

Анисимов С. С. Кавказский край. – Сухум, 2022.

Антелава И. Г. К вопросу о феодальных отношениях в Абхазии в XVII–XVIII веках // ТАГМ. – Сухуми, 1947. Вып. I.

Антелава И. Г. Очерки по истории Абхазии XVII–XVIII веков. – Сухуми, 1949.

Антелава Нугзар. Абхазские мифы и ритуалы. – Тбилиси, 2012 (на груз. и абх. яз.).

Античные государства Северного Причерноморья. – М., 1984.

Антология памятников права народов Кавказа. Том 28. – Ростов-на-Дону, 2017.

Антонов Е. Как генуэзский арбалетный крюк XV века оказался на Кавказе? // Журн. «Наука и жизнь». Май 2019. № 05.

Анучин Д. Г. Очерк горских народов правого крыла Кавказской линии // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. – Нальчик, 2001.

Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии (VI–XVII вв.). – Сухуми, 1959.

Анчабадзе З. В. История и культура древней Абхазии. – М., 1964.

Анчабадзе З. В. Очерк этнической истории абхазского народа. – Сухуми, 1976.

Анчабадзе Ю. Д. Традиционные развлечения абхазского крестьянства в конце XIX – начале XX в. // СЭ. 1981. № 4.

Анчабадзе Ю. Д. Странные поминки // СЭ. 1982. №1.

Анчабадзе Ю. Д. Абаза (К этнокультурной истории народов Северо-Западного Кавказа) // КЭС. Вып. VIII. – М., 1984.

Анчабадзе Ю. Д. «Прекрасный обычай гостеприимства...» // СЭ. 1985. № 4.

Анчабадзе Ю. Д. Рец. на кн.: Кавказский этнографический сборник. – Тбилиси, 1988. VII // СЭ. 1990. № 1.

Анчабадзе Ю. Д. Рец. на кн.: Уарзиати В.С. Культура осетин: связи с народами Кавказа. Орджоникидзе. 1990 // СЭ. 1991. № 6.

Анчабадзе Ю. Д. Научное наследие Ш. Д. Инал-ипа в истории кавказоведения // Первые Международные Инал-иповские чтения. (Сухум, 9–12 октября 2007 г.). – Сухум, 2011.

Анчабадзе Ю. Д. «Один из наиболее интересных народов Кавказа...». Лекции А. Н. Генко по этнографии абхазов // Абхазия в русской словесности XIX–XX вв. Т. 1. – М., 2021.

Анчабадзе Ю. Д. Абхазы // Абхазия. Краткая энциклопедия в двух томах. Т. I. Сухум–СПб., 2022.

Анчабадзе Ю. Д. Этнография абхазов // Абхазия. Краткая энциклопедия в двух томах. Т. II. – Сухум–СПб., 2022.

Анчабадзе Г. З. Изучение вопросов этнической истории абхазов на фоне грузино-абхазского конфликта // Аспекты грузино-абхазского конфликта. Выпуск 2. Материалы грузино-абхазской конференции. Конобеево (Московская область). Август 1999. Ирвайн 2000.

Анчабадзе Г. З. Эвлия Челеби об Абхазии и абхазах / Журн. «Алашара». 1975. № 1 (на абх. яз.) // Вопросы абхазо-абазинских языков. Источники по истории абхазо-абазинских языков. V. – Сухум, 2013.

Аншба А. А. Абхазский фольклор и действительность. – Тбилиси, 1982.

Апакидзе А. М., Микеладзе Т. К., Лордкипанидзе О. Д., Рамишвили Р. М. Итоги археологических исследований Причерноморской археологической экспедиции АН ГССР летом 1960 г. – Тбилиси, 1962.

Апакидзе А. М., Лордкипанидзе О. Д. Новые материалы к археологии Диоскурии – Себастополиса // Труды АИЯЛИ. Т. XXXIII–XXXIV. – Сухуми, 1963.

Апакидзе Д. Б. Центральная Колхида в эпоху поздней бронзы. – Тбилиси, 1991.

Аппиан. Митридатовы войны // ВДИ. 1946. № 4.

Аппоев А. К. Лексико-семантические группы этнографической терминологии карачаево-балкарского языка // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 13 (228). Филология. Искусствоведение. Вып. 54.

Апсуара: Материалы и исследования / Под ред. Т. А. Ачугба. – Сухум, 2014.

Аргун Б. Г. Культура маслины в Абхазии. – Сухуми, 1962.

Аргун Ю. Г. Работорговля и военное отходничество у абхазов. (Предыстория формирования абхазской диаспоры) // Абхазоведение. Вып. V–VI. – Сухум, 2011.

Ардзинба В.Г. Ритуалы и мифы древней Анатолии. – М., 1982.

Ардзинба В. Г. Ритуалы и мифы и древней Анатолии // Ардзинба В. Г. Собрание трудов. Древняя Малая Азия: история и культура. Том I. – Москва–Сухум, 2015.

Арутюнов С. А. Инновации в культуре этноса и их социально-экономическая обусловленность // Этнографические исследования развития культуры. – М., 1985.

Арутюнов С., Вейнхольд Р. Напитки // Материальная культура. Серия «Свод этнографических понятий и терминов». Вып. 3. – М., 1989.

Асанова Э. С. Межэтническое взаимодействие в условиях национально-смешанных семей Республики Адыгея. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. социол. наук. – Майкоп, 2009.

Аскоченский В. Абхазцы и Пицунда // Домашняя беседа. Вып. 33. – СПб., 1877.

Аствацатурян Э. Г. Оружие народов Кавказа. – Москва–Нальчик, 1995.

Аствацатурян Э. Г. Турецкое оружие в собрании Государственного Исторического музея. – СПб., 2002.

Аутлев Д. М. Военное дело у адыгов и его трансформация в период Кавказской войны (XVIII – 60 гг. XIX в.). Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. – Майкоп, 2009.

Ахба Д. В. Игрушки в быту абхазов. // Труды АГМ. Вып. VI. – Сухум, 2008.

Ахмедов И. Р. Конский убор из некрополей Цебельдинской долины // II Городцовские чтения. Вып. 145. – М., 2005.

Ачугба Т. А. О проблемах национального самосознания населения Юго-Восточной Абхазии. – Сухум, 2006.

Ачугба Т. А. Этническая история абхазов. XIX–XX вв. Этнополитические и миграционные аспекты. – Сухум, 2010.

Ачугба Т. А. Некоторые аспекты ассимиляции абхазов Юго-Восточной Абхазии (XIX–XX вв.) // Первые Международные Инал-иповские чтения (Сухум, 9–12 октября 2007 г.). – Сухум, 2011.

Ачугба Т. А., Хашба А. Ш. Этнодемографическая характеристика и география расселения // Абхазы. Народы и культуры. – М., 2012.

Ачугба Т. А. История Абхазии в датах. – Сухум, 2011; 2016.

Ашхацава С. М. Избранные труды. – Сухум, 2023.

Багаев А. Б. Военизированные игры и состязания по стрельбе у осетин // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история: сб. ст. по матер. LV междунар. науч.-практ. конф. – Новосибирск, 2015.

Багапш Н. В. Этнодемографические процессы в Сухуме (конец XIX – начало XXI вв.). – Сухум, 2017.

Багапш Н. В. Этнодемографические процессы в Гудауте (конец XIX – начало XXI вв.). – Сухум, 2019.

Бæхфæлдисын // Газ. «Северная Осетия». 19 октября 2018 г.

Байбурин А. К., Топорков А. Л. У истоков этикета. Этнографические очерки. – Ленинград, 1990.

Бакрадзе Дм. Очерк Мингрелии, Самурзакани и Абхазии // Газ. «Кавказ». 1860. № 49.

Баладзори. Книга завоевания стран. – Баку, 1927.

Баразбиев М. И. Торговые связи балкарцев и карачаевцев с народами Кавказа // Культурно-историческая общность народов Северного Кавказа и проблемы гуманизации межнациональных отношений на современном этапе. – Черкесск, 1999.

Барамидзе М. В., Бжания В. В., Квирквелия Г. Т. Раскопки в Адзюбжа // Археологические открытия 1978 года. – М., 1979.

Барамидзе М. В. Археологические исследования в Гальском районе // Археологические открытия в Абхазии 1986–1987 гг. – Тбилиси, 1990.

Барамидзе М. В. Восточное Причерноморье во II – первой половине I тыс. до н.э.: (Основные проблемы): АД Докт ист. наук. – АН Груз., 1998.

Барамидзе М., Пхакадзе Г. Археологические памятники предантичной эпохи на территории современной Абхазии // Очерки из истории Грузии. Абхазия с древнейших времен до наших дней. – Тбилиси, 2009.

Барановский Б. Кавказ и Польша в XVII в. // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв. – М., 1979.

Барач Г. П. По Марухской тропе // Известия АБНО. – Сухум, 1925. Вып. 1-й.

Бардола К. Ю. Этапы переговоров о династическом союзе в практике византийской дипломатии // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна, 2017.

Басария С. Вымершие народы. Убыхи и асадзуа // «Кавказский край». 27 сентября 1909 г.

Басария С. П. Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении. – Сухум-кале, 1923.

Басария С. П. Избранные сочинения. – Сухуми, 1967.

Бахия С. И. «Абхазская «абипара» – патронимия». – Тбилиси, 1986.

Бахия-Окруашвили С. И. Основные черты семейного быта абхазов до революции // КЭС. Т. VII. – Тбилиси, 1988.

Бахия-Окруашвили С. И. Абхазы. Этнографический очерк // Разыскания по истории Абхазии / Грузия. – Тбилиси, 1999.

Бахия-Окруашвили С. И. Этнологическая интерпретация историко-культурных особенностей Абхазии. // Очерки из истории Грузии. Абхазия с древнейших времен до наших дней. – Тбилиси, 2009.

Бахия-Окруашвили С. И. Этнология абхазов. – Тбилиси, 2011 (на груз. яз.).

Бахтина М. Ю. К вопросу о находках панафинейских амфор в варварских памятниках Северного Причерноморья // Stratum. Петербургский археологический вестник. – СПб.– Кишинев, 1997.

Бгажба М. Т. Растениеводческие основы сельского хозяйства Абхазии. – Тбилиси, 1963.

Бгажба М. Т. Цитранж. – Сухуми, 1974.

Бгажба Х. С. Бзыбский диалект абхазского языка. – Тбилиси, 1964.

Бгажба О. Х. Очерки по ремеслу средневековой Абхазии (VIII–XIV вв.). – Сухуми, 1977.

Бгажба О. Х. О кузнечном ремесле в позднесредневековой Абхазии (XIV–XVI вв.) // Известия АбИЯЛИ. Вып. Х. – Тбилиси, 1981.

Бгажба О. Х. По следам кузнеца Аинара. Из истории кузнечного ремесла древней и средневековой Абхазии (VIII в. до н. э. – XV в. н. э.). – Сухуми, 1982.

Бгажба О. Х. Черная металлургия и металлообработка в Древней и Средневековой Абхазии. – Тбилиси, 1983.

Бгажба О. Х. Мечи из «дамасской стали» в Абхазии // Известия АИЯЛИ им. Д. И. Гулиа. Вып. XIII. – Тбилиси, 1985.

Бгажба О. Х. Железный меч из Апсилии // Газ. «Советская Абхазия». 28 февраля 1990 г.

Бгажба О. Х. История железообрабатывающего производства в Западном Закавказье (I тыс. до н. э. – середина II тыс. н. э.) Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. докт. ист. наук. – М., 1994.

Бгажба О. Х. У истоков металлургии железа // Абхазоведение. – Сухум, 2000. Вып. 1.

Бгажба О. Х., Аргун Ю. Г. Ремесла // Абхазы. Народы и культуры. – М., 2012.

Бгажба О. Х. Ранние этапы этнической истории // Абхазы. Народы и культуры. – М., 2012.

Бгажба О. Х., Лакоба С. З. История Абхазии. С древнейших времен до наших дней. – Сухум, 2007, 2015.

Бгажба О. Х. Русские и Абхазия // Информационный сборник. Вып. 2. – Сухум, 2013.

Бгажба О. Х. Избранные труды. – Сухум, 2023.

Бгажноков Б. Х. Образ жизни адыгской феодальной знати // Из истории Кабарды и Балкарии. – Нальчик, 1980.

Бгажноков Б. Х. Прием почетного гостя в традиционной культуре адыгских (черкесских) народов // Этнические стереотипы поведения. – Ленинград, 1985.

Бгажноков Б. Х. Черкесское игрище. – Нальчик, 1991.

Бебиа И. Мегрельские заимствования в абхазской земледельческой лексике // Материалы XX республиканской научной диалектологической сессии. – Тбилиси, 2000.

Безматерных А. Е. Античный керамический импорт в курганах скифского времени Днепро-Донского лесостепного междуречья: греческие амфоры. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. – Воронеж, 2006.

Белая книга Абхазии. Документы, материалы, свидетельства. 1992–1993. Сост.: Ю. Н. Воронов, П. В. Флоренский, Т. А. Шутова. – Москва, 1993.

Белл. Дж. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837, 1838, 1839 гг. Т. I. Письмо второе // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. – Нальчик, 1974.

Белл Дж. Дневник пребывания в Черкесии в течении 1837–1839 годов. Т. I. – Нальчик, 2007.

Бердзе Т. Н. Мореплавание и морская торговля в Средневековой Грузии. – Тбилиси, 1989.

Берже Ад. П. Краткий обзор горских племен на Кавказе, составленный Ад. Берже, правителем дел Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. – Тифлис, 1858.

Берже Ад. П. Отрывок из путешествия по Мингрелии // Газ. «Кавказ». 1868 г. № 25.

Бетрозов Р. Происхождение и этнокультурные связи адыгов. – Нальчик, 1991.

Бжания Ц.Н. Скотоводческое хозяйство в Абжуа. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. – Сухуми, 1954.

Бжания Ц. Н. Из истории хозяйства абхазов. Этнографические очерки. – Сухуми, 1962.

Бжания Ц. Н. Из истории хозяйства и культуры абхазов (Исследования и материалы). – Сухуми, 1973.

Бжания В. В. Результаты обследования Гумистинского поселения в 1964 г. // КСИА. Вып. 115.– М., 1969.

Бжания В. В. Поселения Очамчирской культуры в горах Абхазии // Кавказ и Восточная Европа в древности. – М., 1973.

Бжания В. В. Памятники майкопской культуры в горах Абхазии // V Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. – Махачкала, 1975.

Бжания В. В., Бжания Д. С., Когония Л. М., Джопуа А. И. Раскопки Тамышского поселения //Археологические открытия 1983 года в Абхазии. – Тбилиси, 1987.

Бжания В. В., Бжания Д. С. Древний могильник в Гагре. – Сухуми, 1991.

Бжания Д. С. Исследования вторичных погребений в Гагре // 50-я Итоговая научная сессия (25–27 апреля). Тезисы докладов. – 64. – Сухум: АбИГИ, 2006

Бигуаа Вяч. Абхазское виноделие // Журн. «Эхо Кавказа». № I. – М., 1992.

Бигвава В. Л. Современная сельская семья у абхазов. – Тбилиси, 1983.

Бигвава В. Л. Изменение брачного возраста у абхазов и грузин // Всесоюзная научная сессия по итогам этнографических и антропологических исследований 1986–1987 гг. Тезисы докладов. – Сухуми, 1988.

Бигвава В. Л. Образ жизни абхазских долгожителей. – Тбилиси, 1988.

Бигуаа В. Л. Виноградарство // Абхазы. Серия «Народы и культуры». Ответственные редакторы: Ю. Д. Анчабадзе, Ю. Г. Аргун. – М., 2012.

Бигуаа В. Л. Вопросы традиционной религии и бытовой культуры абхазов. – Сухум, 2012.

Бигуаа В. Л. Традиционно-бытовая культура абхазов и современная действительность. – Сухум, 2013.

Бигуаа В. Л. Ритуальный мир традиционной религии абхазов. – М., 2018.

Блаватский В. Д. История античной расписной керамики. – М., 1953.

Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. – М., 2010.

Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и и военное описание Кавказа // Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. – Нальчик, 1974.

Бобров А. В. Загадки Псху. Исторический очерк. – М., 2017.

Бобров Л. А. Тактическое искусство крымских татар и ногаев конца XV – середины XVII вв. // История военного дела: исследования и источники. Специальный выпуск. V. – Санкт-Петербург, 2016.

Болтунова А. И. Аргонавты и Колхида // Мацне. № 3. – Тбилиси, 1976.

Болурова А. Н. Традиционные похоронные обряды карачаевцев // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 3 (53): в 3-х ч. Ч. III. – Тамбов, 2015.

Б. Омер Бюйюка. «Абхаз митолоджи Анач мы?». – Стамбул, 1971. Пер. с тур. Джезми Куджба и Р. Х. Гуажба // Агуажба Р. Х. Из истории кавказской диаспоры: абхазы, убыхи... – Сухум, 2014.

Борзых Н. П. Межнациональные браки в СССР в середине 1930-х годов // СЭ. 1984. № 3.

Борисов А. В., Коробов Д. С. Древнее и средневековое земледелие в Кисловодской котловине: итоги почвенно-археологических исследований. – М., 2013.

Бороздин К. Крепостное состояние в Мингрелии // ЗКОИРГО. – Тифлис, 1866. Кн. 7.

Ботяков Ю. М. К вопросу о «странных поминках» в Абхазии // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2007 г. – СПб., 2008.

Ботяков Ю. М. Периферия сельского сообщества на Западном Кавказе в конце XIX–XX вв. // Северный Кавказ: традиционное сельское сообщество – социальные роли, общественное мнение, властные отношения. – СПб., 2007.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Режим доступа: http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-02-025227-1/.

Ботяков. М. Традиционное парламентарство в годы грузино-абхазской войны 1992–1993 гг. Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Режим доступа: http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-02-025227-1/.

Брашинский И. Б. Афины и Северное Причерноморье в VI–II вв. до н. э. – М., 1963.

Брилева О. А. Антропоморфная пластика из Бамборского клада. Новый взгляд // Первая Абхазская Международная археологическая конференция. Посвящена памяти Ю. Н. Воронова. – Сухум, 2006.

Бройдо А. И. Проявления этнопсихологических особенностей абхазов в ходе Отечественной войны народа Абхазии 1992–1993 годов. – М., 2008.

Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч. I. – М., 1823.

Броссе М. История грузинских Багратидов до XI в. по сведениям армянских и греческих авторов. – СПб., 1843 (на франц. яз.).

Брун Ф. Путешествие турецкого туриста вдоль по восточному берегу Черного моря // ЗООИД. Т. IX. – Одесса, 1875.

Брюсов А. Я. К вопросу о теории диффузии // СА. 1957. № 1.

БРЭ. 2005 – 2019.

БСЭ. – М., 1938.

Буачидзе Г. Мари Броссе. Страницы жизни. – Тбилиси, 1983.

Буренина О. Русский цирк: из Крыма в Константинополь // Материалы Международной научной конференции. Санкт-Петербург. 4–6 сентября 2006. – Санкт-Петербург, 2006.

Бутба М. Воспоминания о Кавказе. Анкара. 1990 // Абхазия – документы и материалы (1917–1921). – Сухум, 2009.

Бутба М. Кавказские воспоминания. – Сухум, 2021.

Вас. Зуев. Об азиатских областях к Черному морю прилежащих // Собр. соч., выбр. из Месяц. Ч. 6. – СПб., 1790.

Васильев А. В. Дикорастущие плодовые и пищевые древесные породы Абхазии. – Сухуми, 1938.

Васюков С. И. Русская община на кавказско-черноморском побережье // ВЕ. 1905. № 12.

Вахания О. В. Физическая культура и спорт в Абхазии. – Сухуми, 1958.

Вахания О. В. Абхазские народные игры. – Сухуми, 1959.

Вахушти. География Грузии. – Тбилиси, 1941.

«В боях за аджику». Газ. «Чегемская правда». Сухум, 7 марта 2006 г. № 7.

[Введенский А. Н.] Абхазцы. (Азега). По поводу сочинения г. Дубровина «Очерк Кавказа и народов, его населяющих» // ССКГ. Вып. V. – Тифлис, 1871.

Введенский А. Н. Экономическое положение туземного населения Сухумского отдела // ССКГ. Вып. VI. – Тифлис, 1872.

Вдовиченко И. И. Панафинейские амфоры из Херсонеса: новые находки и открытия // Ученые записки КФУ имени В. И. Вернадского. 2016. Т. 2 (68). № 1.

Верещагин А. В. Путевые заметки по Черноморскому округу. М., 1874.

В заброшенных углах Кавказа (Воспоминания о путешествии по Кавказу в 1894 г.) Н. М. Альбова. Пер. Ф. К. Гинкулов // «Землевладение». Т. VI. Кн. I–II. – М., 1900.

Вержбицкий Н. Курорт Псырцха (б. Новый Афон). – Тифлис, 1925 // Диалог времен. История. Традиции. Культура. Альманах. – Сухум, 2018. № 2.

Виноград в Абхазии [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://vinograd.info/stati/arhivy/vinograd-abhazii.html.

Виноградов Г. К изучению народных детских игр у бурят. – Иркутск, 1922.

Военное дело Крымского ханства [Электронный ресурс]. Режим доступа: //islam.in.ua/ru/istoriya/voennoe-delo-krymskogo-hanstva.

Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. – М., 1973.

Волкова Н. Г. Этнические процессы в Грузинской ССР // Этнические и культурно-бытовые процессы на Кавказе. – М., 1978.

Волкова Н. Г., Джавахишвили Г. Н. Бытовая культура Грузии XIX–XX веков: традиции и инновации. – М., 1982.

Волкова Н. Г. Этнокультурные контакты народов горного Кавказа в общественном быту (XIX – начало XX в.) // КЭС. Т. IX. – М., 1989.

Волков А. Г. Семья глазами демографа. – М., 1989.

Воронов Ю. Н. К вопросу об истории спорта в древней Абхазии // 4-я научная конференция работников по физической культуре и спорту Абхазской АССР. Тезисы докладов. – Сухуми, 1968.

Воронов Ю. Н. Археологическая карта Абхазии. – Сухуми, 1969.

Воронов Ю. Н. Тайна Цебельдинской долины. – М., 1975.

Воронов Ю. Н. Вооружение древнеабхазских племен в VI–I вв. до н. э. // Скифский мир. – Киев, 1975.

Воронов Ю. Н. О датировке абхазских ацангуар // СЭ. 1978. № 6.

Воронов Ю. Н. В мире архитектурных памятников Абхазии. – М., 1978.

Воронов Ю. Н. Древности Сочи и его окрестностей. – Краснодар, 1979.

Воронов Ю. Н. Диоскуриада – Себастополис – Цхум. – М., 1980.

Воронов Ю. Н., Левинтас В. Б. По древним тропам горной Абхазии. (Материалы по средневековому пастушеству). – Сухуми, 1982.

Воронов Ю. Н., Шенкао Н. К. Вооружение воинов Абхазии IV–VII вв.// Древности эпохи великого переселения народов V–VIII веков. – М., 1982.

Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х. Материалы по археологии Цебельды. – Тбилиси, 1985.

Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х. Главная крепость Апсилии. – Сухуми, 1986.

Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х. Два всаднических захоронения апсилов из Цебельды // Труды АГУ. Т. V. – Сухуми, 1987.

Воронов Ю.Н. Древняя Апсилия. – Сухум, 1998.

Воронов Ю. Н. Археологические древности и памятники Абхазии (V–XIV вв.) // Проблемы истории, филологи и культуры Т. XII. – М.–Магнитогорск, 2002.

Воронов Ю. Н. Могилы апсилов. Итоги исследований некрополя Цибилиума в 1977–1986 годах. – Пущино, 2003.

Воронов Ю. Н. Научные труды. Том I. – Сухум, 2006; Том II. – Сухум, 2009; Том IV. – Сухум, 2014.

Воронов Ю. Н. Русские в Абхазии (до 1917 года) // Русские в Абхазии. Под общей редакцией Чрезвычайного и Полномоч-

ного Посла Российской Федерации в Республике Абхазия С. В. Григорьева. – Сухум, 2011.

Воронов Ю. Н. Материальная культура апсилийской аристократии (Восточное Причерноморье) с IV–VI вв. // Абхазоведение. Вып. 8–9. – Сухум, 2013.

Всесоюзная перепись населения 1926 г., ЦСУ СССР. Том XIV. – М., 1929 г.

Выписка из донесения флота кап.-л. П. А. де-Додта о занятии Сухума. 8 августа 1810 г. // Материалы по истории Абхазии XIX века. Т. I. Сост. Г. А. Дзидзария. – Сухум, 2008.

Габелия А. Н. Абхазия в предантичную и античную эпохи. – Сухум, 2014.

Габниа С. С., Смыр Г. В., Чеснов Я. В. Ритуально-обрядовые функции абхазских посохов // ПИИЭ. – М., 1986.

Габниа Ц. С. Миф и ритуал. Статьи и фольклорные записи. – Сухум, 2012 (на абх. яз.).

Гадло А. Этнография народов Средней Азии и Закавказья: традиционная культура. – СПб., 1998.

Газ. «Апсны. 8 февраля 2021 г. № 2–3.

Газ. «Голос». 16 августа 1877 г. № 186.; 5 июня 1878 г. № 154.

Газ. «Дроеба». 1876 г. № 36–37. (на груз. яз.).

Газ. «Кавказ». 1846 г. № 39; 1868 г. № 129; 1874 г. № 6; 1877. № 122; 1882. № 153 // Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX – нач. XX вв.). Сост: Агуажба Р. Х., Ачугба Т. А. Книга II. – Сухум, 2008.

Газ. «Республика Абхазия». 1–2 апреля 1999г.; 21–22 июня 2019 г.

Газ. «Советская Абхазия». 12 октября 1966 г.

Газ. «Сухумский вестник». 30 октября 1912 г.

Газ. «Тифлисский вестник». 4 сентября 1977 г. № 191.

Газ. «Черноморский вестник». 1895 г. № 45; 1899 г. № 138.

Газ. «Черноморский селянин». 1-го августа 1912 г. № 15.

Газ. «Эхо Кавказа». 9 августа 2015 г.

Галанина Л. К. Панафинейская амфора – награда атлету в Афинах. Л., 1962.

Гамба. Путешествие по Южной России. 1824 г. Абгосмузей. Материалы по истории Абхазии XIX в. (1807–1839 гг.). Ф. 4, оп. 1., д. 48. Цит. по: Гожба Р. Х. К истории мореходства у абхазов: мифология, фольклор, история // Абхазоведение. Вып III. – Сухум, 2004.

Гамкрелидзе Б. В. Социально-культурные проблемы скотоводства горцев Центрального Кавказа. Дисс. на соиск. уч. ст. докт. ист. наук. – М., 1983.

Гамсахурдиа К. Похищение луны. – Тбилиси, 1989.

Ган К.Ф. Поездка в Мингрелию, Самурзакань и Абхазию // КВ. – Тифлис, 1902. № 4.

Гарданов В. К. Земледелие у адыгов в XVIII – первой половине XIX века // СЭ. 1965. № 4.

Гарданов В. К. Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX в.). – М., 1967.

Геродот. Кн. I, гл. 103–105.

Гвоздева Т. Б. Великие Панафинеи: в тени Олимпийских игр // Вестник РУДН, 2011.

Генко А. Н. Абхазско-русский словарь. – Сухум, 1998.

География Российской империи. 6-е изд. – СПб., 1892. Приложение.

Георгика. – Тбилиси, 1936, 1961, 1967. Т. 1, 3, 7.

Герман В. Виноградарство и виноделие в Сухумском округе // ЧСХ. Цит. по: Инал-ипа Ш. Д. Из истории виноградарства и виноделия в Абхазии. Рукопись. 1962–1963 гг.

Гиоргадзе Д. Обряд «посвящения коня» у горцев Восточной Грузии // МЭГ. 1972. Т. 16–17.

Гицба Т. Ш. Абхазские топонимы Кавказских гор и горных троп. – Сухум, 2002 (на абх. яз.).

Горбунов Б. В. Палочные бои // ЭО, 1996. № 2.

Городищев А. (А. Ф. Селиванов). Абхазия // Русская беседа. – С.-Петербург, июнь 1895.

Гогитидзе М. Д. Черкесские военные деятели. – Тбилиси, 2013.

Гожба Р. Абхазия – страна древних мореплавателей // Газ. «Республика Абхазия». 1-2 августа 1998 г.

Гожба Р. Х. К истории мореходства у абхазов: мифология, фольклор, история // Абхазоведение. Вып. III. – Сухум, 2004.

Гомер. Илиада. Одиссея. – М., 1967.

Гордеев Н. В. Русский оборонительный доспех //Сборник научных трудов по материалам Государственной оружейной палаты. – М., 1954.

Горелик М. В. Оружие Древнего Востока (IV тысячелетие – IV в. до н. э.). – М., 1993.

Горелик М. В. Халха-калкан (монгольский щит и его дериваты) // Культурные традиции Евразии: вопросы средневековой истории и археологии / Серия «Восток-Запад: Диалог культур Евразии». – Казань, 2004. Вып. 4.

Государственный музей этнографии народов СССР (с 1992 г. – РЭМ).

Грегори Н. Римская история (1204–1341). Т. 1. – СПб., 1862.

Грен А. Династия Багратидов в Армении // ЖМНП. 1893. № 11.

Григулевич Н. И. Традиции винопития и здоровье нации // Первые Международные Инал-иповские чтения. – Сухум, 2011.

Грузины. Народы и культуры. – М., 2015.

Гуажба Р. Из истории диаспоры: традиция и культура убыхов и абхазов // Газ. «Республика Абхазия», 9–10 октября 2007 г.

Гублия Р. К. К этимологии некоторых социальных терминов в абхазском языке // Журн. «Кавказские научные записки». – М., 2011. № 3.

Гублиа Р. К. Очерки по абхазской этимологии. – Сухум, 2013.

Гулиа Д. И. Собрание сочинений. Том шестой. – Сухуми, 1986.

Гуляев В. И. К вопросу о наличии панцирной конницы у среднедонского населения в скифское время //Война и военное дело в скифо-сарматском мире. – Ростов-на-Дону, 2014.

Гумба А. З. История развития хореографического искусства абхазов и современная действительность. Дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. – Сухум, 2022.

Гунба М. М. Новые памятники цебельдинской культуры. – Тбилиси, 1978.

Гунба М. М. Атарские гончарные печи. – Тбилиси, 1985.

Гунба М. М. Абхазия в первом тысячелетии н. э. – Сухуми, 1989.

Гунба М. М. Абхазия во II тысячелетий нашей эры (XI–XIII вв.). – Сухум, 1999.

Гунба М. М., Шамба Г.К. История Абхазии с древнейших времен до XX века. – Сухум, 2001.

Гильденштедт И. А. Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг. – СПб., 2002.

Гюльденштедт И. А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа... из путешествия 1770–1773 гг. – СПб., 1809.

Дашковский П. К., Карымова С. М. Вещь в традиционной культуре народов Центральной Азии: философско-культурологическое исследование. – Барнаул, 2012.

Дбар С. А. Исторические формы захоронений у абхазов // Кавказ: история, культура, традиции, языки. Материалы Международной научной конференции, посвящённой 75–летию Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА 28–31 мая 2001г. – Сухум, 2004.

Дедюлькин А. В. «Пращевые» камни в погребениях скифской эпохи // //Война и военное дело в скифо-сарматском мире. – Ростов-на-Дону, 2014.

Джавахишвили И. А. Экономическая история Грузии. Т. I. – Тбилиси, 1931.; Т. II. – Тбилиси, 1935. (на груз. яз.).

Джавахишвили И. А. История грузинского народа. – Тбилиси, 1960. Т. I.

Джалабадзе Г. В. Земледелие в Самегрело // Самегрело. Материалы по этнографическому изучению Самегрело. – Тбилиси, 1979. (на груз. яз. с русск. резюме).

Джанашиа С. Н. Труды. Т. II. – Тбилиси, 1952.

Джанашиа Б. П. Абхазская лексика виноградарства и виноделия. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. фил. наук. – Тбилиси, 1955.

Джанашиа Б. П. Абхазская лексика виноградарства и виноделия. – Тбилиси, 2010.

Джанашиа Н. С. Кое-что из быта Абхазии // Иверия. 1902 г. № 109 (на груз. яз.).

Джанашиа Н. С. Статьи по этнографии Абхазии. – Сухуми, 1960.

Джанашвили М. Абхазия и абхазцы // ЗКОИРГО. Кн. XVI. – Тифлис, 1894.

Джаошвили В. Ш. Население Грузии. – Тбилиси, 1968.

Джапаридзе О. М. К этнической истории грузинских племен по данным археологии. – Тбилиси, 1976.

Джибладзе Л. В. Стратиграфия, хронология и периодизация поселений Колхидской низменности в эпоху бронзы (на материалах центрального холма Пичорского комплекса). Автореферат. – Тбилиси, 1990.

Джонуа Б. Г. Абхазское ружье // Современные проблемы кавказского языкознания и фольклористики. – Сухум, 2000 (на абх. яз.).

Джонуа Б. Г. Заимствованная лексика абхазского языка. – Сухум, 2002.

Джопуа А. И. Исследование ацангуар в Соуипсара и Цыгу иашта // XLV Итоговая научная сессия (26–26 апреля): Тезисы докладов. – Сухум, 2001.

Джопуа А. И., Нюшков В. А. О генезисе апсилийской культуры в трудах Г. К. Шамба // Третья Абхазская Международная археологическая конференция: Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа. – Сухум, 2013.

Джопуа А. И., Нюшков В. А. Межэтнические связи населения Краснодарского побережья Черного моря и Абхазии // Сборник

научных статей в честь археолога А. В. Пьянкова. – Армавир–Краснодар, 2018.

Джорджио Интериано. Быт зихов, называемых черкесами // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII – XIX вв. Сост., редакция переводов, введение и вступительные статьи к текстам В. К. Гарданова. – Нальчик, 1974.

Дзаттиати Р. Дугъ – скачки // Газ. «Северная Осетия». 17 марта 2020 г.

Дзидзария Г. А. Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX веке. – Сухуми, 1958.

Дзидзария Г. А. Из истории мореходства в Абхазии // Труды СГПИ им. А. М. Горького. Вып. XII. – Сухуми, 1958.

Дзидзария Г. А. Декабристы в Абхазии. – Сухуми, 1970.

Дзидзария Г. А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. – Сухуми, 1975.

Дзидзария Г. А. Ф. Ф. Торнау и его Кавказские материалы XIX века. – М., 1976.

Дзидзария Г. А. Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции. – Сухуми, 1979.

Дзидзария Г. А. Труды. Книга I. – Сухуми, 1988.; Книга II. – Сухуми, 1990.

Дзидзария К. Ф. Похоронный обряд у абхазцев (похороны мужчины). Цит. по: Смыр Г. В. О похоронно-поминальных обрядах абхазов (на абхазском и русском языках). – Сухум, 2000.

Дзидзария (Дзария) О. П. Морская лексика в абхазском языке. – Сухуми, 1989.

Дзидзария О. П. Об этимологии некоторых мегрельских названий молочных продуктов // Труды АГУ им. А. М. Горького. Т. VII. – Сухуми, 1989.

Дзидзария (Дзари) О. П. Строительная лексика абхазского языка. – Сухум, 1998.

Дзидзария О. П. Море и абхазы. – Сухум, 2002.

Дзидзария (Дзари-ипа) О. П. Историко-этимологический анализ отраслевой лексики абхазо-адыгских языков. – Сухум, 2009.

Дмитриев В. А. Земледелие и виноградарство на Кавказе. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ethnomuseum.ru/zemledelie-i-vinogradarstvo-u-narodov-kavkaza.

Дмитрий Маргания (Маан) – протоиерей-просветитель. Статьи. Рапорты. Составление, предисловие и послесловие доктора филологических наук Х. С. Бгажба. – Сухум, 1999.

Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. – М., 1982.

Доде З. В. Костюм населения Северного Кавказа VII–XVII веков (Реконструкция этносоциальной истории). Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. докт. ист. наук. – М., 2007.

Документы и материалы по истории Джигетии (1750–1868 гг.). (Сборник документальных материалов). Под редакцией А. А. Черкасова. – Сочи, 2016.

Документы по истории Абхазии. XIX – начало XX века. Изд.: Г. Анчабадзе, М. Пагава, И. Туташвили. – Тбилиси, 2018.

Дондуа В. Д. Исторические разыскания. – Тбилиси, 1967 (на груз. яз.).

Древние пифосы из Маркулы [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://sputnik abkhazia.ru/news/20210731/1032945035/Drevnie-pifosy-byli-naydeny-na-arkheologicheskikh-raskopkakh-v-Merkule.html.

Древности Абхазии: могильник на горе Джантух // Вестник Кавказа. 27 июня 2013 г.

Друг А. На Кавказе. I. По Абхазии и Самурзакани // «Русский мир». № 345. 18 декабря 1877 г.

Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1. Кн. 2. – СПб., 1871.

Дубровин Н. Черкесы (адиге) // Кавказ. Черкесия. – Нальчик, 2014.

Думаа А. Н. Путь к свободе. – Сухум, 2013 (на абх. яз.).

Дюбуа де Монпере Фредерик. Путешествие вокруг Кавказа. Т. I. – Сухуми, 1937.

Дьячков-Тарасов А. Н. Несколько слов о заселении Цебельды // Газ. «Кавказ». 1868 г. № 129.

Дьячков-Тарасов А. Н. Через перевал Псеашхо к Черному морю // СМОМПК. Вып. XXXI. – Тифлис, 1902.

Дьячков-Тарасов А. Н. Гагры и их окрестности // ЗКОИРГО. Кн. XXIV. – Тифлис, 1904.

Дьячков-Тарасов А. Н. Абхазия и Сухум в XX столетии // ИКОИРГО. – Тифлис, 1910. Кн. XX. Вып. II // Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX – нач. XX вв.). Сост: Агуажба Р. Х.. Ачугба Т. А. Книга II. – Сухум, 2008.

Евгеньев А. Кости для игры и гадания: История // Апокриф: Культурологический журнал А. Махова и И. Пешкова. – М., 1992. № 2.

Желиховская В. Кавказ и Закавказье. – Санкт-Петербург, 1885.

Жуковский П. М. Культурные растения и их сородичи. – Ленинград, 1971.

Загадки Маркулы: что ученые нашли в древнем городище. Спутник Абхазия. 25 августа 2022 г.

Зайцев И. В., Эминов Р. Р. Два ружья крымских ханов // Журн. «Археология евразийских степей». 2017. № 5.

Записка начальника Черноморской береговой линии Н. Н. Раевского о женитьбах владетеля Абхазии М. Г. Чачба-Шервашидзе // Материалы по истории Абхазии XVIII–XIX вв. / Сост. А. Э. Куправа, С. Ш. Салакая, А. Ф. Авидзба. Т. II. – Сухум, 2011.

Зафесов А. Х. Некоторые обряды скотоводческого хозяйства адыгейцев в прошлом // Ученые записки АНИИЯЛИ. Т. IV. – Краснодар, 1965.

Званба С. Т. Абхазские этнографические этюды Составитель, автор биографо-библиографического очерка и ответственный

редактор член-корреспондент АН ГССР, профессор Г. А. Дзидзария. – Сухуми, 1982.

Зельницкая (Шларба) Р. Ш. Роль конноспортивных соревнований в традиционных народных сходах на примере Абжуйского района // Лавровский сборник. 2014–2015.

Зельницкая (Шларба) Р. Ш. Влияние трансформации абхазского общества в XX в. на изменения в похоронно-поминальной обрядности в современной Абхазии // Религиоведение. 2013. № 4.

Зельницкая (Шларба) Р. Ш. Карачаевский след в абхазском фольклоре // Известия Карачаевского НИИ. – Черкесск, 2016. Вып. 12.

Земледелие и скотоводство у абхазов. – Тбилиси, 1986.

Зиссерман А. Л. Двадцать пять лет на Кавказе (1842–1867). Часть вторая (1851–1856). – С.-Петербург, 1879.

Зубов П. Картина Кавказского края, принадлежащего России, и сопредельных ему земель в историческом, статистическом, этнографическом, финансовом и торговом отношениях // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Т. 2. – Нальчик, 2001.

Зухба С. Л. Абхазская мифология. Исследования. Сухум. 2012 (на абх. яз.).

«Игры народов СССР». Сост. Былеева Л. В., Григорьев В. М. – М., 1985.

Известия Сухумской садовой и сельскохозяйственной опытной станции. – Сухум, 1914. № 14.

Из воспоминаний Н. Н. Смецкого: имение Гулрыпш // ТАГМ. Вып. II. Материал подготовил к печати В. И. Карчава. – Сухум, 1957.

Из докладной записки Ф. Ф. Торнау «Описание части восточного берега Черного моря от р. Бзыба до р. Сочи» // Материалы по истории Абхазии XIX века (1830–1839). Сборник документальных материалов. Сост. Г. А. Дзидзария. Т. I. – Сухум, 2008.

Из сведений о действиях владетеля Абхазии М. Г. Чачба-Шервашидзе и о положении края // Материалы по истории Абхазии XX века (1863–1874). Сборник документальных материалов. Сост. Куправа А. Э., Салакая С. Ш., Авидзба А. Ф. Т. III. – Сухум, 2012.

Иверия. 1881. № 11.

Из «Очерка устройства общественно-политического быта Абхазии и Самурзакани» П. Д. Краевича. 1869 г. // Материалы по истории Абхазии XIX века (1863–1874). Сборник документальных материалов. Т. III. – Сухум, 2012.

И. И. Согум-кале (из путевых записок о Кавказе // Газ. «Одесский вестник». 1839. № 31.

Инал-ипа Ш. Д. О топонимике Очамчирского района. Рукопись. 1949 г. Домашний архив М. К. Хотелашвили-Инал-ипа.

Инал-ипа Ш. Д. Очерки по истории брака и семьи у абхазов. – Сухуми, 1954.

Инал-ипа Ш. Д. О мореплавании в Абхазии в античный период и феодальную эпоху // Труды АИЯЛИ. Вып. 30. – Сухуми, 1959.

Инал-ипа Ш. Д. Из истории виноградарства и виноделия в Абхазии. Рукопись. 1962–1963 гг.

Инал-ипа Ш. Д. Абхазы. – Сухуми, 1960, 1965.

Инал-ипа Ш. Д. Страницы исторической этнографии абхазов. – Сухуми, 1971.

Инал-ипа Ш. Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов. – Сухуми, 1976.

Инал-ипа Ш. Д. Памятники абхазского фольклора. – Сухуми, 1977.

Инал-ипа Ш. Д. Из скотоводческого культа абхазов (Алышкинтыр) // Известия АИЯЛИ им. Д. И. Гулиа. Вып. XII. – Тбилиси, 1983.

Инал-ипа Ш. Д. Очерки об абхазском этикете. – Сухуми, 1984.

Инал-ипа Ш. Д. Труды (Материалы и исследования по вопросам исторической этнографии абхазского народа). – Сухуми, 1988.

Инал-ипа Ш. Д. Зарубежные абхазы. – Сухуми, 1990.

Инал-ипа Ш. Д. Об изменении этнической ситуации в Абхазии в XIX – начале XX в. // СЭ. 1990. № 1.

Инал-ипа Ш. Д. Ступени к исторической действительности. – Сухум, 1992.

Инал-ипа Ш. Д. Антропонимия абхазов. – Майкоп, 2002.

Инал-ипа Ш. Д. Убыхи и их этнокультурные связи с абхазами // Джигетский сборник. Вопросы этнокультурной истории Западной Абхазии или Джигетии. – М., 2012.

Инал-ипа Ш. Д. Убыхи. Историко-этнографические очерки. – Сухум, 2015.

Инал-ипа Ш. Д. Очерки по истории брака и семьи у абхазов // Инал-ипа Ш. Д. Этнография брачно-семейных и социальных отношений абхазов. Вып. XII. – Сухум, 2016. Том I.

Инал-ипа Ш. Д. Труды в 11 томах. Абхазы. Т. II. – Сухум, 2022.; Вопросы этнокультурной истории абхазов. Т. III. – Сухум, 2011.

Инал-ипа (Хотелашвили) М. К. На конях в море // Газ. «Амцахара». 2000. № 3.

Информация о регистрации браков на территории Абхазии за первый квартал 2024 г. // Государственная миграционная служба РА. 13 мая 2024 г.

История Абхазии. – Сухум, 1991.

История Византии. Т. 1. – М., 1967.

История и восхваление венценосцев. – Тбилиси, 1954.

История Кабардино-Балкарской АССР. Т. 1. – М., 1967.

История первобытного общества. Эпоха классообразования. – М., 1988.

История садоводства в древней Руси. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.bibliotekar.ru/rusNovgorod/127.htm.

История скотоводства в Северном Причерноморье // Материалы и исследования по археологии СССР. Т. 53. – М., 1960.

Кавказ. Абхазия, Аджария, Шавшетия, Посховский участок. Путевые заметки графини Уваровой. Ч. 2. – М., 1891.

Кавказ: музей мировой истории. Марков Е. Л. Очерки Кавказа. – Нальчик, 2011.

Кавказская война: народно-освободительная борьба горцев Северного Кавказа в 20–60-х гг. XIX в. – Махачкала, 2006.

Кавказский берег // Газ. «Черноморский вестник». 1899. № 245.

Казанский М. М., Мастыкова А. В. Привилегированные погребения федератов Восточной Римской империи на территории Абхазии (II–VII вв.) // Научные ведомости. 2009. № 9(64).

Казанский М. М. Иерархия «воинских» погребений в Абхазии (II–VII вв.) и возможности социальной реконструкции // Социальная стратификация населения Кавказа в конце античности и начале средневековья: археологические данные. Материалы Международной научной конференции.Сухум, 31 мая – 5 июня 2015 г. – М., 2015.

Каландадзе А. Археологические памятники Сухумской горы. – Сухуми, 1954.

Калимова Г., Чирикба В. Фрагменты речевого этикета абхазов // Мосты. Сборник научных статей. – Сухум, 1994.

Калнстров Д. Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л., 1949.

Калоев Б. А. Осетины (Историко-этнографическое исследование). – М., 1971.

Калоев Б. А. Земледелие народов Северного Кавказа. – М., 1981.

Калоев Б. А. Скотоводство народов Северного Кавказа с древнейших времен до начала XX века. – М., 1993.

Канделаки Д. А. Доместикационный потенциал Абхазского Причерноморья и древнейшие очаги зарождения производящей

земледельческой экономики // Труды Ботанического института АН Абхазии. Выпуск III. – Сухум, 2014.

Кантария И. В., Чанба Р. К. Некоторые вопросы земледельческой культуры (грузино-абхазские параллели) // Этнографические параллели. – Тбилиси, 1987.

Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 2. – СПб., 1816.

Карла Серена. Путешествие по Абхазии. Автор проекта и редактор, предисловие и комментарии: Денис Чачхалиа. – М., 1999.

Карпов С. П. Торговля итальянских республик в Южном Причерноморье в XIII – XV вв. Дисс. на соиск. уч. ст. докт. ист. наук. – М., 1987.

Карпов С. П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XV вв.: проблемы торговли. – М., 1990.

Карпов С. П. Торговля зерном в Южном Причерноморье в XIII – XV вв. // ВВ. 1989. № 50.

Касландзия Н. В. К вопросу о генезисе феодальных отношений в Абхазии (конец VIII – первая половина XI вв.) // Первые Международные Инал-Иповские чтения (Сухум, 9–12 октября 2007 г.). – Сухум, 2011.

Касландзия Н. В. Генезис и становление Абхазского царства. – Сухум, 2017.

Касландзия Н. В. Формирование военной организации в раннесредневековой Абхазии (VI–VIII вв.) // АГУ. Юбилейное научное издание. – М., 2017.

Каталог археологических материалов. Музей Грузии. Т. II. – Тб., 1955.

Кахидзе А. Ю. Восточное Причерноморье в античную эпоху (VI – I вв. до н. э.). Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. докт. ист. наук. – Тбилиси, 1981.

Кварчия В. Е. Животноводческая (пастушеская) лексика в абхазском языке. – Сухуми, 1981.

Кварчия В. Е. Об абхазских этнонимах «осетин» и «сван» // Вопросы кавказской филологии и истории. – Нальчик, 1982.

Кварчия В. Е. Топонимика Абхазии. – Сухум, 2002 (на абх. яз.).

Кварчия В. Е. Из этнической истории абхазского (апсуа//абаза) народа или о языке и истории абхазов и абазин. – Сухум, 2015.

Квезерели-Копадзе Н. Дорожные сооружения древней Абхазии. – Сухуми, 1955.

Квициниа В. К. Новая находка древнего плуга из села Атара // Труды АГМ. Выпуск VI. – Сухум, 2008.

Кецховели Н., Рамишвили М., Табидзе Д. Ампелография Грузии. – Тбилиси, 1960.

Кипшидзе И. Грамматика мингрельского (иверского) языка с хрестоматиею и словарем. – С.-Петербург, 1914.

Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Мечи и сабли IX–XIII вв. Выпуск первый. – Москва–Ленинград, 1966.

Кишмахов М. Х.-Б. Проблемы этнической истории и культуры убыхов. – Сухум–Карачаевск, 2012.

Клапрот Г. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807–1808 гг. // Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях евпропейских авторов XIII–XIX вв. – Нальчик, 1974.

Климов Г. А. Этимологический словарь картвельских языков. – М., 1964.

Клинген И. Н. Основы хозяйства в Сочинском округе. – СПб., 1897.

Клинген И. Н. Основы хозяйства в Сочинском округе // Старые черкесские сады. Ландшафт и агрикультура Северо-Западного Кавказа в освещении русских источников 1864–1914 гг. Сост. С. Х. Хотко. Т. 2. – М., 2005.

Клычев Р. Н. О старом названии вина в абазинском языке // Вопросы абазинской и адыгской филологии. Вып. II. – Ставрополь, 1974.

Книга регистрации актов о браке Гулрыпшского района за 2000–2023 гг. // Архив Гулрыпшского загса.

Князь Александр Чачба (Шервашидзе). Статьи об искусстве. Отрывки из писем и записных книжек. Сост. Б. Аджинджал. – СПб., 1998.

Кобахия Ф. М., Ачба Н. В. Виноградарство и виноделие у древних абхазов. – М., 2020.

Кобахия Ф. М., Ачба Н. В. Становление промышленного виноделия в Абхазии // Перспектива – 2021. Материалы Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Том II. – Нальчик, 2021.

Кобищанов Т. Ю. Русские мамлюки в Османском Египте // Вестник МГУ. № 2. – М., 2008.

Кобычев В. П. Типы жилища у народов Северо-Западного Кавказа в середине XIX в. // КЭС. Т. V. – М., 1972.

Кобычев В. П. (при участии В. Л. Бигвава). Труд и физическая деятельность долгожителей // Абхазское долгожительство. – М., 1987.

Ковалевский Е. П. Очерки этнографии Кавказа // ВЕ. Т. III. 1867.

Ковалевский Е. П. Очерки этнографии Кавказа. ВЕ. – СПб., 1867. Сент. Т. 5. Дек. Т. 4. // Кавказ. Черкесия. – Нальчик, 2014.

Ковач К. 101 абхазская народная песня. – Сухум, 1929.

Ковач К. Песни кодорских абхазцев. – Сухум, 1930.

Кожин А. Е. Происхождение культуры цитрусовых и современные очаги их развития // Природа. 1936. № 8.

Козлов В. А. Плавание доступно всем. – Лениздат, 1986.

Козлов В. И. Заключение // Абхазское долгожительство. – М., 1987.

Кокоева А.Б. Поминальная трапеза у осетин // Фундаментальные исследования. 2013. № 10–4.

Колаковский А. А. Флора Абхазии. Т. II. – Тбилиси, 1982.

Колчин Б. А., Сайко Э. В. Особенности развития и организации производства // Становление производства в эпоху энеолита и бронзы. – М., 1981.

Комар А. В., Сухобоков О. В. Вооружение и военное дело Хазарского каганата // Восточноевропейский археологический журнал. 2 (3), март-апрель 2000.

Комарова Г. А. Этнография детства: междисциплинарные исследования. – М., 2014.

Конные игры в Абхазии, фоторепортаж и история. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://jam-news.net/ru/.

Копешавидзе Г. Г. Хозяйственно-бытовой уклад абхазов, проживающих в Аджарии (вторая половина XIX – нач. XX вв.). – Сухуми, 1978.

Копешавидзе Г. Г. Культура и быт абхазов, проживающих в Аджарии. – Тбилиси, 1985.

Коробов Д. С. Система расселения алан Центрального Предкавказья в I тыс. н. э. (ландшафтная археология Кисловодской котловины). Дисс. на соиск. уч. ст. докт. ист. наук. Т. 1. – М., 2014.

Королев В. Казачья морская культура: традиции и инновации. 17.02.2010 . [Электронный ресурс]. Режим доступа: / DIKOE POLE.COM/2010/02/17/KOROLEV_MORSKAYA_KULTURA/.

Кортуа Е. И. Абхазские народные песни и музыкальные инструменты. – Сухуми, 1959.

Косвен М. О. Семейная община и патронимия. – М., 1963.

Котович В. Г. О хозяйстве населения горного Дагестана в древности // СА. 1965. № 3.

Кохно Б. И. Садово-парковое искусство. Л., 1980.

Красовская Н. Р. Этнокультурная идентичность // Власть. 2020. № 3.

Кругликова И. Т. Сельское хозяйство Боспора. – М., 1975.

Кругликова И. Т. Синдская гавань. Горгиппия. Анапа. – М., 1977.

Кругликова И. Т. Античная археология. – М, 1984.

Крылов А. Б. Религия и традиции абхазов. – М., 2001.

Ксенофонтова И. В. Панафинейские амфоры из коллекции Государственного музея Востока // ВДИ. 2000. № 4.

Кубанские областные ведомости. 1890 г. № № 38, 40–47.

Кудрявцев К. Сборник материалов по истории Абхазии. – Сухум, 1922.

Куек А. С., Куек М. Г. Священное дерево у адыгов // Святилища абхазов и святые места адыгов. – Майкоп, 2015.

Кузнецов В. А. Алания в X–XIII вв. – Орджоникидзе, 1971.

Кузнецов В. А. Очерки истории алан. – Орджоникидзе, 1984.

Кузнецов В. Д. Некоторые проблемы торговли в Северном Причерноморье в архаический период // ВДИ. 2000. №1.

Кузьмина Е. Е. Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого света // Средняя Азия в древности и Средневековье (история и культура). – М., 1977.

Кукба В. Абхазы. Абхазская интернет-библиотека.

Кулешов Ю. А. Производство и импорт оружия как пути формирования золотоордынского комплекса вооружений // Золотоордынская цивилизация. Выпуск 3. – Казань, 2010.

Культура адыгов: пчеловодство, садоводство, охота. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://adygeya-republic.info/adyghe-culture/pchelovodstvo-sadovodstvo-okhota).

Кун Ласло. Всеобщая история физической культуры и спорта. – М., 1982.

Куправа А. Э. Крестьянство Абхазии в годы восстановительного периода. – Сухуми, 1959.

Куправа А. Э. Вопросы традиционной культуры абхазов. – Сухум, 2008.

Куправа А. Э. Люди: время и жизнь. – Сухум, 2010.

Куфтин Б. А. Материалы к археологии Колхиды. Т. II. – Тбилиси, 1950.

Куфтырева Н. С., Лашхия Ш. В., Мгеладзе К. Г. Природа Абхазии. – Сухуми, 1961.

Кучберия Л. Е. Из этнографии абхазов арабских стран // Журн. «Алашара». 1971. № 5 (на абх. яз.).

Кучмезов Б. Х. Земледелие у балкарцев // ЭО. 2001. №1.

Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI – 30-е годы XVII века. – М., 1963.

Кушнарева К. Х. О времени становления пашенного земледелия на Южном Кавказе (К постановке проблемы) // Историко-филологический журнал. 1977. № 4 (79).

Кушхабиев А. В. Очерки истории зарубежной черкесской диаспоры. – Нальчик, 2007.

Кушхабиев А. В., Наков Ф. Р. К проблеме перехода черкесских феодальных сословий на комплекс вооружения, сформировавшегося в крестьянской среде (конец XVII – начало XIX вв.) // Вестник АГУ. 2017. Выпуск 4 (209).

Лаврентьев А. Н. Статистическое описание губерний и областей Российской империи, по Высочайшему повелению издаваемое Департаментом Генерального штаба Военного министерства. – СПб., 1858. Т. XVI.

Лавров Л. И. Земледелие на Северо-Западном Кавказе//Материалы по истории земледелия СССР. 1951. Вып. 1.

Лавров Л. И. Абазины (Историко-этнографический очерк) // КЭС. Т. I. – М., 1955.

Лавров Л. И. Адыги в раннем средневековье // Сборник статей по истории Кабарды. Вып. I. – Нальчик, 1955.

Лавров Л. И. Дольмены Северо-Западного Кавказа // Труды АбИЯЛИ. Вып. XXXI. – Сухуми, 1960.

Лавров Л. И. Культура и быт народов Северного Кавказа в XIII – XVI веках // История, этнография и культура народов Северного Кавказа. Межвузовский сборник статей. – Орджоникидзе, 1981.

Лавров Л. И. Этнография Кавказа (по полевым материалам 1924–1978 гг.). – Ленинград, 1982.

Лакунова Д. Р., Тайсаев Д. М. Погребальная практика как отражение культурных кодов абхазо-адыгов // Успехи современной науки. 2016. № 9. Том 5.

Ламберти Арк. Описание Колхиды или Мингрелии // ЗООИД. Т. X. – Одесса, 1877.

Ламберти Арк. Описание Колхиды, называемой теперь Мингрелией. С картою 1654 года. Перевел с итальянского К. Ф. Ган // СМОМПК. Вып. 43. – Тифлис, 1913.

Лапин В. В. Русская армия в Кавказской войне XVIII – XIX вв. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. докт. ист. наук. – Санкт-Петербург, 2008.

Лапинский Т. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских // ЗКОИРГО. Кн. I. – СПб., 1863.

Лапинский Т. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. – Нальчик, 1995; 2021.

Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. 1. – СПб., 1893.

Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1947. №№ 2, 3.

Лебедев Л. Е. Война 1877–1878 гг. Т. III. Вып. II. – СПб., 1882.

Легендарный пловец-спасатель. Составитель и ответственный редактор: чл.-корр. АН Абхазии Т. А. Ачугба. – Сухум, 2012.

Лежава Г. П. Изменение классово-национальной структуры населения Абхазии (конец XIX – 70-е гг. XX в.). – Сухуми, 1989.

Леонид А. Абхазия и ее христианские древности с картой абхазского приморского берега в пользу миссионерской абхазской школы. – М., 1887.

Ломоури Н. Ответ профессору Ш. Инал-ипа // «Литературули Сакартвело». 20 октября 1989 г. (на груз. яз.).

Лукан. Pharsalia. II, 590. Известия древних греческих и римских писателей о Кавказе // СМОМПК. Вып. IV. Отдел I. – Тифлис, 1884.

Лукин А. Л. Материалы по археологии Бзыбской Абхазии // Эрмитаж, Ленинград, отдел истории первобытной культуры. Труды. Т. 1. – Л., 1941.

Лукин А. А. Неолитическое селище Кистрик близ Гудаут // СА. Вып. XII. – М., 1950.

Маан О. В., Горбунов Б. В. Традиционные состязательные игры абхазов // Журн. «Аказара» (Искусство). 1998. № 1 (на абх. яз.).

Маан О. В. Из истории судоходства в Абхазии // Абхазоведение. Вып. 1. – Сухум, 2000.

Маан О. В. Абжуа. Историко-этнологические очерки. – Сухум, 2006.

Маан О. В. Дневник этнографической экспедиции АбИГИ АН Абхазии 2005 года. Тетрадь 1, л. 5, 6 (домашний архив).

Маан О. В. Из истории семьи и семейного быта абжуйских абхазов (XIX – начало XXI в. // ЭО. – М., 2009. № 3.

Маан О. В. Из истории торгово-экономических связей древней и средневековой Абхазии (VI в. до н. э. – 70-е гг. XIX в.). – Сухум, 2012.

Маан О. В. Апсуара в социальных отношениях абхазов (XVIII – первая половина XIX века). – Сухум, 2012.

Маан О. В. Междуречье – низовья реки Кодор. – Ростов-на-Дону, 2013.

Маан О. В. Проблемы этнического развития и традиционно-бытовой культуры абхазов. – Сухум, 2014.

Маан О. В. О некоторых сторонах этнокультурной истории абхазов // Абхазия в мировой истории и международных отношениях. Памяти Владислава Григорьевича Ардзинба. К 70-летию со дня рождения. Материалы Международной научной конференции. Сухум, 14–17 мая 2015 г. Сухум – Москва. 2016.

Маан О. В. Абхазы и внешний мир: этнокультурные, политические и экономические связи (VIII–XVIII вв.). Историко-этнологическое исследование. – Сухум, 2020.

Маан О. В. Военная культура // Абхазия. Краткая энциклопедия. В 2-х т. Т. I. – Сухум–СПб., 2022.

Маан О. В. Абаза // Абхазия. Краткая энциклопедия. Гл. ред. В. Ш. Авидзба. В 2 т. Т. I. – Сухум–СПб., 2022.

Макалатия С. История и этнография Мегрелии. – Тбилиси, 1941 (на груз. яз.).

Макарова И. А. Межэтнический брак: концептуализация понятия // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2014. № 164.

Макарова И. А. Развитие теоретического знания в изучении межэтнических браков // Вестник ЗабГУ. 2014.

Макглинн Ш. Узаконенная жестокость: правда о средневековой войне. – Смоленск, 2011.

Максидов А. Х. Исторические и генеологические связи адыгов с народами Причерноморья. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. – Нальчик, 2001.

Малахов С. Н. Алано-византийские заметки (часть I) // Аланы: история и культура. – Владикавказ, 1995.

Малинова Р., Малина Я. Прыжок в прошлое. Эксперимент раскрывает тайны древних эпох. – М., 1988.

Малия Е. М., Акаба Л. Х. Одежда и жилище абхазов. – Тбилиси, 1982.

Малия Е. М. Древо–Свечи в поминальной обрядности абхазов // Кавказ: история, культура, традиции, языки. Материалы Международной научной конференции, посвящённой 75–летию Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА 28–31 мая 2001г. – Сухум, 2004.

Малия Е. М. С. Т. Званба // Абхазия. Краткая энциклопедия. Гл. ред. В. Ш. Авидзба. В 2-х т. Т. I. – Сухум–СПб., 2022.

Малкова А. А. Этническая идентификация у женщин, состоящих в межэтническом браке // Вестник ЮУрГУ, 2017. Т. 10. № 4.

Мамиствалишвили Э. Из истории Черноморского побережья Грузии // Газ. «Народное образование». 22 ноября 1989 г.

Мандзяк А. С., Артеменко О. Л. Энциклопедия традиционных видов борьбы народов мира. – Минск, 2010.

Марр Н. Я. О языке и истории абхазов. М. – Л., 1938.

Марков Е. Л. В горах Абхазии. – Москва–Ленинград, 1930.

Марков Е. Л. Очерки Кавказа. СПб. – М., 1887; Нальчик, 2011.

Марковин В. И., Мунчаев Р. М. О двух типах каменных орудий Северного Кавказа // КСИА. Вып. 84. – М., 1961.

Масловский А. Хронология импорта тарной керамики в Золотоордынский город Азака (Тану) в XIII–XV вв. // Первая Абхазская Международная археологическая конференция. – Сухум, 2006.

Массон В. М. Проблема неолитической революции в свете новых данных археологии // ВИ. 1970. № 6.

Массон В. М. Поселение Джейтун. Проблема становления производящей экономики. – Л., 1971.

Массон В. М. Развитие древних обществ Евразии и адаптационные императивы // Орудия труда и система жизнеобеспечения населения Евразии. – Санкт-Петербург, 2004.

Материалы и записки по вопросу о владетельских и имущественных правах потомков светлейшего князя Михаила Шервашидзе, последнего владетеля Абхазии. Веден. 1913. Утвержденный Александром I 17 февраля 1810 года. Текст документа: I. ПСЗРИ. – СПб., 1830. Т. X.

Материалы по истории Абхазии. 7.

Материалы по истории Абхазии XIX века (1803–1839). Сборник документальных материалов. Сост. Г. А. Дзидзария. Т. I. – Сухум, 2008.

Материалы по истории Абхазии XVIII–XIX вв. (1762–1859). Сборник документальных материалов. Сост. А. Э. Куправа, С. Ш. Салакая, А. Ф. Авидзба. Т. II. – Сухум, 2011.

Матушевский Г. О. Подходы к оценке социальной демографии средневековой Абхазии. Рукопись работы, предоставленной автору этих строк Е. К. Аджинджалом.

Мафедзев С. Х. Символика в коммуникативном поведении адыгов // Национальная культура и общение. – М., 1977.

Мафедзев С. Х. О народных играх адыгов. – Нальчик, 1986.

Маҳинур Папапҳа. Ҩажэей жэохэ шықэса Беигуаа Омар иаанда. Аҟуа. 2016.

Мацкевич В. В., Лобанова П. П. Сельскохозяйственная энциклопедия. Т. 5. – М., 1974.

Мачавариани К. Д. Абхазские вина // Газ. «Кутаисские губернские ведомости». 1888. № 124.

Мачавариани К. Д. Некоторые черты из жизни абхазцев. Положение женщины в Абхазии. Абхазская интернет-библиотека.

Мачавариани К. Д. Семь дней в горах Абхазии. – Батум, 1900.

Мачавариани К. Д. Очерки Абхазии. Абхазская интернет-библиотека.

Мачавариани К. Д. Описательный путеводитель по городу Сухуму и Сухумскому округу. С историко-этнографическим очерком Абхазии. – Сухум, 2009.

Мегрелидзе И. В. Женские фамильные именования в южно-кавказских языках и фольклоре // Памяти акад. Н. Я. Марра. – М.–Л., 1938.

Меликсет-Беков Л. М. Pontica Transcaucasica Ethnica. (По данным Миная Медичи от 1815–1819 гг.) // СЭ. 1950. № 2.

Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии. – Тбилиси, 1959.

Менабде В. Л. Ботанико-систематические данные о хлебных злаках древней Колхиды // Сообщения Грузинского филиала АН СССР. Т. I. № 9. – Тбилиси, 1940.

Меретуков М. А. Семья и брак у адыгских народов. – Майкоп, 1987.

Мерперт Н. Я. Древнейшее земледелие на Ближнем Востоке // Природа. 1981. № 11.

Мерперт Н. Я. «Неолитическая революция» на Ближнем Востоке (некоторые моменты разработки проблемы в зарубежной науке) // КСИА. 1984. № 180.

Метревели Р. В. Царица Тамар. – Тбилиси, 1991 (на груз. яз.).

Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. – М.–Л., 1936.

Миллер А. А. Из поездки по Абхазии в 1907 г. // Материалы по этнографии России. Т. 1. – СПб., 1910.

Минаева Т. М. К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. – Ставрополь, 1971.

Мирзоев А. С. Генезис и эволюция традиционной военной культуры черкесов (Средневековье – Новое время). – Нальчик, 2021.

Мирзоев А. С. Институт выезда на службу и военное отходничество как часть военной культуры черкесов // Кавказология. Электронный журнал. I. – Нальчик, 2021.

Мирзоев А. С. Традиционные институты военной культуры черкесов и их трансформация в период с Раннего Средневековья по 30-е гг. XX в. Дисс. на соиск. уч. ст. докт. ист. наук. – Сухум, 2024.

Михайлова М. А. Этнокультурная идентичность в условиях культурной глобализации // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. Вып. 14.

Молев Е. А., Молева Н. В. Кавказские находки в материалах Китейской экспедиции // Первая Абхазская Международная археологическая конференция. – Сухум, 2006.

Мордовцев Д. Прометеево потомство // Абхазия в русской литературе. Сост. канд. филол. наук И. И. Квициния. – Сухуми, 1982.

Мохов А. С., Капсалыкова К. Р. Представления о войне в византийской полемологической литературе X в. // Античная древность и средние века. Вып. 45. – Екатеринбург, 2017.

Мочанов Ю. А. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. – Новосибирск, 1977.

Музей этнографии народов СССР. № 1247 – 40.

Мунчаев Р. М. Кавказ в эпоху энеолита и ранней бронзы (IV–III тыс. до н. э.). Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. докт. ист. наук. – Тбилиси, 1971.

Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века. – М., 1975.

Мунчаев Р. М., Бадер Н. О. Раннеземледельческое поселение в Северной Месопотамии // Вестник АН СССР. 1979. № 2.

Мунчаев Р. М. Новейшие археологические исследования в Месопотамии // Первая Абхазская Международная археологическая конференция. – Сухум, 2006.

Мурат Яган. Я пришел из-за гор Кавказа. – Краснодар, 2002.

Муртазов Т. А. Абазг, абаза, абазин. – Пятигорск, 2014.

Мусаева М. К. Похоронно-поминальная обрядность народов Дагестана в современных городских условиях // Журн. «История, археология и этнография Кавказа». – Махачкала, 2017. № 4 (52).

Набиев Р. Ф. К вопросу о средневековой артиллерии мусульманских регионов современной России //Исламоведение. 2021. Т. 12. № 1.

Надеждин П. П. Кавказский край. Природа и люди. – Тула, 1895.

Нальчикова Е. А. Смерть в ментальном восприятии и повседневной практике адыгов. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. – Нальчик, 2007.

Нальчикова Е. А. Риторика скорби в культуре адыгов: гендерный аспект // Вестник ДНЦ РАН. 2008.

Нальчикова Е. А., Текуева М. А., Мусукаев А. И., Кагазежев Б. С. Борода и волосы как культурные маркеры в традициях кавказских народов // Вестник АГУ. Серия 1. – Майкоп, 2017.

Народное хозяйство Абхазской АССР. – Сухуми, 1973.

Народы Кавказа. Этнографические очерки. – М., 1962.

Народы мира. Народы Восточной Европы. Ежемесячное приложение к журналу «Вестник знания». 12-я книга. – Ленинград, 1928.

Народы России // Черкесы и абхазы. – Санкт-Петербург, 1879.

Натухайский В. Согденские скалы и еврейская община в горах Абхазии. Цит. по: Инал-ипа Ш. Д. Абхазы. – Сухуми, 1965.

Небиеридзе Л., Цквитинидзе Н. Неолит Западного Кавказа. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://saunje.ge/index.php?id=1615&lang=ka).

Небольсин Д. В. Современные жертвоприношения в Сухумском округе (Из записок туриста) // Газ. «Новороссийский телеграф». Одесса. 7 сентября 1896 г.

Неделчев Н., Кондарев М. Виноградарство. – София, 1959.

Немирович-Данченко В. Море. Абхазское поморье. – М., 1897.

Николас Витсен. Северная и Восточная Татария // Кавказ: европейские дневники XIII – XVIII веков. – Нальчик, 2010.

Новицкий Г. В. Анапа и закубанские поселения // ЗКОИРГО. Т. 2. – Тифлис, 1853.

Новочихин А. Пираты Понта Эвксинского: морской разбой на Черном море от аргонавтов до честных контрабандистов. 7 апреля 2021 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://knife.media/black-sea-pirates/.

Нунуев С. Х. Нахи и священная история. Ярославль. 1998. С. 490. Цит. по: Материалы по библиографии Абхазии. Сост. Р. Х. Агуажба // Диалог времен. История. Культура. Традиции. Альманах. № 2. – Сухум, 2018.

Обри де ла Мотре. Путешествие по Европе, Азии и Африке // Кавказ: европейские дневники XIII–XVIII веков. Сост. В. Аталиков. – Нальчик, 2010.

Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы Забайкалья. Ч. 2. – Л., 1970.

Олонецкий А. А. Сельское хозяйство Абхазии перед войной 1914 г. // ТАГМ. Вып. II. – Сухуми, 1957.

Омаров А. И. «Набеговая система» как фактор горской социально-экономической жизни // Вестник ДГУ. 2015. Том 30. Вып. 4.

Орелкин В. С. Культовый памятник древнего скотоводства абхазов // Известия АИЯЛИ. Вып. VI. – Тб., 1977.

Орынянский А. и Фадеев А. По Советской Абхазии. (Путеводитель). – Сухум, 1935.

Осетинская этнографическая энциклопедия. Гл. редактор Л. А. Чибиров. – Владикавказ, 2013.

Османские документальные источники о крепостях Анаклия и Рухи (XVII–XVIII вв.). Перевел с тур. на груз., написал введение, снабдил терминолог. Словаем, факсимиле и указателем Н. Н. Шенгелия. – Тбилиси, 1982.

Остахов А. Артиллерия черкесов в Кавказской войне (1765–1864) // Археология и этнология Северного Кавказа. – Нальчик, 2017.

Отчет комиссии по исследованию земель на северо-восточном берегу Черного моря между реками Туапсе и Бзыбью. – Тифлис, 1867.

Очерк устройства общественно-политического быта Абхазии и Самурзакани» // ССКГ. Вып. III. – Тифлис, 1870.

Очерки истории Абхазской АССР. Ч. I. – Сухуми, 1960.

Очерки истории Грузии. Т. II. – Тбилиси, 1988.

Пайчадзе Д. Г. Антиосманская коалиция европейских стран и Грузия в 60-х годах XV века. – Тбилиси, 1989 (на груз. яз.).

Памятники византийской литературы IX–XIV веков. – М., 1969.

Пантюхов И. И. Самурзаканцы // Газ.«Кавказ». 1892 г. № 77.

«Пароход на крейсерстве у абхазских берегов // Библиотека для чтения. Т. 56. – СПб., 1843.

Пасынков Л. П. Быт и игры кавказских народов // Caucasica. Кавказоведение. Страницы прошлого. Антология. По материалам архива и библиотеки Северо-Кавказского горского историко-лингвистического научно-исследовательского института имени С. М. Кирова (1926–1937). Составители: К. Э. Штайн, Д. И. Петренко. – Ростов-на-Дону, 2017.

Патейпа Н. С. Свадьба в Абхазии // Избранное. – Сухуми, 1978.

Пахомов А. Абхазия в сельскохозяйственном отношении // ЗКОСХ. – Тифлис, 1868. № № 1–2.

Пахомов А. Исторические записки по истории Абхазии и князей Шервашидзе // Исторический вестник. Т. 7. – Тбилиси, 1957.

Паустовский К. Где нашли золотое руно // Абхазия в русской литературе. Сост. И. И. Квициния. – Сухуми, 1982.

Пачулиа В. П. Из Сочи в Сухуми. – М., 1965.

Пачулиа В. П. А. М. Бутлеров в Абхазии // Газ. «Советская Абхазия». 2 апреля 1977 г.

Пачулиа В. Абхазский марафон // Газ. «Советская Абхазия». 12 апреля 1979 г. № 71. Цит. по: Материалы по библиографии Абхазии. Сост. Р. Х. Агуажба // Диалог времен. История. Традиции. Культура. Альманах. № 2. – Сухум, 2018.

Пачулиа В. П. Русские писатели в Абхазии. – Сухуми, 1980.

Пачулиа В. П. Жемчужина Причерноморья. – М., 1987.

Пачулиа В. П. Падение Анакопии. Легенды Кавказского Причерноморья. – Сухум, 2009.

Пейсонель М. Исследование торговли на черкесско-абхазском берегу Черного моря в 1750–1762 г. – Краснодар, 1927.

Пейсонель М. Исследование торговли на черкесско-абхазском берегу Черного моря в 1750–1762 годах (В изложении Е. Д. Фелицина) // Материалы для истории черкесского народа. – Краснодар, 1990.

Пелих А. Л. Некоторые примеры контактов населения Закавказья и Прикубанья в позднебронзовое время // Первая Абхазская Международная археологическая конференция. – Сухум, 2006.

Пелях М. А. Янтарные гроздья. – Кишинев, 1963.

Пенской В. В. Военный потенциал Крымского ханства в конце XV – начале XVII в. // Журн. «Восток (Oriens)». 2010. № 2.

Пиотровский Б. Б. Археология Закавказья. – Л., 1949.

Пиотровский Б. Б. Развитие скотоводства в древнейшем Закавказье // СА. Вып. XXIII. – М., 1955.

Пиотровский Б. Б., Джанполадян Л. М. Виноделие в Урарту // Виноделие и виноградарство СССР. 1956. № 1.

Пиотровский Б. Б. Ванское царство (Урарту). – М., 1959.

Плеханов Г. В. Избранные философские прозведения. Т. V. – М., 1958.

По обе стороны Большого Кавказа. Сборник документов. Абазины и «черкесский» вопрос. Автор-составитель М. Экзеков. Том I. – М.–Санкт-Петербург, 2012.

Подозерский К. И. Следы и остатки ледников в верховьях р.р. Бзыби, Гумисты и Амткела // ИКОИРГО. Т. 15. Вып. 3. – Тифлис, 1902.

Подозерский К. И. Санчарская через Главный Кавказский хребет тропа в урочище Псху // ИКОИРГО. Т. 16. – Тифлис, 1903.

Покровская Л. В. Земледельческая обрядность // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. – М., 1983.

Покровский М. В. Из истории адыгов в конце XVIII – первой половине XIX века: социально-экономические очерки. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.kavkaz–uzel. ru/articles/198649/.

Потапов Л. П. Очерки по истории Шории. // Труды Института востоковедения. Т. 15. – М.– Л., 1936.

Приключения Нарта Сасрыквы и его девяносто девяти братьев: Абхазский народный эпос. – М., 1962.

Прокопенко Ю. А. Этнокультурные связи оседлых и кочевых народов Центрального Предкавказья во второй половине I тыс. до н. э. Дисс. на соиск. уч. ст. докт. ист. наук. – М., 2006.

Прокопий Кесарийский. О постройках // ВДИ. Т. 4. – М., 1939.

Прокопий Кесариийский. Война с готами. – М., 1950. Абхазская интернет-библиотека.

Путешествие Шардена по Закавказью в 1672–1673 гг. – Тифлис, 1902.

Путник. На спокойном Кавказе // «Окраины России». 1910. № 24.

Пушкарев С. Абхазия и абхазцы // Газ. «Кавказ». 1854 г. № 61.

Пфафф В. Б. Путешествие по ущельям Осетии // ССКГ. Т. I. – Тифлис, 1871.

Пятых Г. Г. Земледелие энеолита – бронзы как индикатор классогенеза // Цивилизационные центры и первобытная периферия в эпоху раннего металла: модели взаимодействия. Тезисы докладов круглого стола, посвященного памяти Н. Я. Мерперта. 5–7 февраля 2013 г. – М., 2013.

Равдоникас Т. Д. Кормильство на Боспоре // СЭ. 1981. № 1.

Рандхава М. Сады через века. – М., 1981.

Рапорт командира отдельного Кавказского корпуса Е. А. Головина военному министру А. И. Чернышеву о намерении убыхов вторгнуться в Абхазию // // Материалы по истории Абхазии XVIII – XIX вв. / Сост. А. Э. Куправа, С. Ш. Салакая, А. Ф. Авидзба. Т. II. – Сухум, 2011.

Рейнеггс Я. Всеобщее историко-топографическое описание Кавказа. – Нальчик, 1974.

Реклю Э. Земля и люди. Всеобщая география. Т. VI. – СПб., 1883.

Решетов А. М. Основные хозяйственно-культурные типы ранних земледельцев // Ранние земледельцы: Этнографические очерки. – Л., 1980.

Рихтер З. В солнечной Абхазии и Хевсуретии. – Москва–Ленинград, 1930.

Рихтер З. В солнечной Абхазии и Хевсуретии // Диалог времен. История. Традиции. Культура. Альманах. – Сухум, 2016. № 1.

Робакидзе А. И. К вопросу о некоторых пережитках культа рыбы // СЭ. 1948. № 3.

Робакидзе А. И. Некоторые черты горского феодализма на Кавказе // СЭ. – М., 1978. № 2.

Робакидзе А. И. Традиционные формы поселения в Аджарии // Очерки этнографии Аджарии. – Тбилиси, 1982.

Робакидзе А. И., Элашвили В. И. Грузия // Игры народов СССР. Сост. Былеева Л. В., Григорьев В. М. – М., 1985.

Русские. Народы и культуры. – М., 1999.

Русско-абхазский словарь. В трех томах. Том первый. А – М / сост. В. А. Касландзия, Б. Г. Джонуа. – Сухум, 2016.

Русско-карачаево-балкарский словарь. – М., 1965.

Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. – М., 1981.

Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. – М., 1987.

Рыбинский Г. А. Абхазские письма // Газ. «Кавказ». 1893. № 186; 1894. № 12.

Рыбинский Г. А. Сухумский округ. Абхазия в сельскохозяйственном и бытовом отношении. – Тифлис, 1894.

Рябова Т. Б. Женщина в истории западноевропейского Средневековья. – Иваново, 1999.

Садовой А. Н. Традиционная культура и природопользование (автохтонное население Черноморского побережья Кавказа в XIX веке) // Вестник КемГУКИ. 2015. № 32.

Сакания С. М. История распространения христианства в Абхазии по материалам церковной археологии IV – XIII вв. Дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. – Сухум, 2024.

Салакая Ш. Х. Абхазский героический эпос. – Тбилиси, 1966.

Салакая Ш. Х. Обрядовый фольклор абхазов // Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор. – М, 1974.

Салакая Ш. Х. Избранные труды. Фольклор. Литература. Искусство. В трех томах. Том 3. – Сухум, 2019.

Салпагарова А. Ш. Торговые отношения в этнокультурных взаимосвязях абхазов и карачаевцев в XVIII – XIX вв. [Электронный ресурс]. Режим доступа: Ilmu.su/torgovye-otnosheniya-v-etno.

Самоладас Т. Х. Культура лимона в СССР. – Сухуми, 1978.

Сангулия Г. А. Поиск и изучение поселений Абхазии позднеколхидской эпохи // Археологические открытия. – М., 2011.

Сангулия Г. А. Джгиардский клад железных орудий труда (Очамчырский район, Абхазия) // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Махачкала, 23–28 апреля 2012 г. – Махачкала, 2012.

Сангулия Г. А. Древнейшие обрядовые памятники в историко-культурном наследии Абхазии (по исследованиям Л. Н. Соловьева) // «Кавказ и Абхазия в древности и в Средневековье: взаимодействие и преемственность культур». Сборник материалов IV Абхазской Международной археологической конференции, посвященной памяти видного археолога-кавказоведа Л. Н. Соловьева (26–30 ноября 2013 г., г. Сухум). – Сухум, 2017.

Сангулия Г. А., Кармов Т. М. Новая находка раннесредневекового ламеллярного доспеха на территории Абхазии // Кавказ в системе культурных связей Евразии в Древности и Средневековье. XXX «Крупновские чтения». Материалы Международной научной конференции. Карачаевск, 22–29 апреля 2018 г. – Карачаевск, 2018.

Сафонов С. Поездка к восточным берегам Черного моря. – Одесса, 1837.

Сведения об удобствах квартирного размещения всех родов войск в пределах Российской империи и квартирные карты губерний и областей. Абхазия. 1843 г.

Сведения К. Коха и Эд. Спенсера о Грузии и Кавказе, перевела с немецкого, снабдила введением и комментариями Л. Г. Мамацашвили. – Тб., 1981(на груз. яз.).

Сведения французского коммерсанта Поля Гибаля об экономическом положении и социальных отношениях в Абхазском княжестве. 21 мая – 24 декабля 1820 г. // Материалы по истории Абхазии XIX века. (1803–1839). Сост. Г. А. Дзидзария. Т. I. – Сухум, 2008.

Седакова О. А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. – М., 2004.

Селезнев М. Руководство к познанию Кавказа. Кн. II – СПб., 1847.; Кн. III. – СПб., 1850.

Селезнев М. Руководство к познанию Кавказа. Книга II // Материалы по истории Абхазии XVIII–XIX вв. (1762–1859). Сборник документальных материалов. Т. II. – Сухум, 2011.

Сергей Меч. Кавказ. – Москва, 1905.

Серебряков Л. М. Дорога из Сухума к Кубани через Главный Кавказский хребет // МС. 1865. № 6.

Сизов В. И. Восточное побережье Черного моря: Археологические экскурсии // МАК. Вып. II. – М., 1889.

Симаков Г. Н., Хеция А. Д. Очерки соколиной охоты у народов Кавказа. – Сухум, 2011.

Симанович Е. А. Развитие виноградарства и виноделия на Северном Кавказе во второй половине XIX в.–1914 г. Дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. – Краснодар, 2005.

Синская Е. Н. Историческая география культурной флоры (на заре земледелия). – Ленинград, 1969.

Скаков А. Ю., Джопуа А. И., Цвинария И. И. К вопросу о времени бытования мотыжек типа «Сочи-Адлер» // Четвертая Кубанская археологическая конференция. – Краснодар, 2005.

Скаков А. Ю., Джопуа А. И. Могильник абазгов в Бзыбской Абхазии // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 6. – Краснодар, 2006.

Скаков А. Ю. Абхазия в эпоху античности: страна на перекрестке культур и коммуникаций// Материалы первой Международной научной конференции, посвященной 65-летию В. Г. Ардзинба. – Сухум, 2011.

Скаков А. Ю., Джопуа А. И. Новые исследования на Джантухском могильнике: 2010–2012 гг. Предварительное сообщение // Абхазоведение. Вып. VIII–IX. – Сухум, 2013.

Скрипникова М. И. Рукотворные террасовые агроэкосистемы горных ландшафтов Евразии // Вестник АГАУ. 2007. 10 (36).

Словарь абхазского языка. Второй том. – Сухуми, 1987.

Смирнова Я. С. Семейный быт и общественное положение абхазской женщины (XIX–XX вв.) // КЭС. Т. I. – М., 1955.

Смоленский С. Воспоминания кавказца // ВС. 1872. № 9, 10.

Смыр Г. В. Ислам в Абхазии и пути преодоления его пережитков в современных условиях. – Тбилиси, 1972.

Смыр Г. В. Религиозные верования и свободомыслие у абхазов. (Этнокультурные аспекты). Дисс. на соиск. учен. ст. докт. ист. наук. – Майкоп, 1997.

Смыр Г. В. О похоронно-поминальных обрядах абхазов (на абхазском и русском языках). – Сухум, 2000.

«Советское золото Колхиды». [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://tsitsaka.ge/blog/soviet-gold.

Соллогуб В. А. Собрание сочинений. – СПб., 1855. Т. V.

Соловьев Л. Н. Энеолитическое селище у Очемчирского порта в Абхазии // Материалы по истории Абхазии. Сб. 1. – Сухуми, 1939.

Соловьев Л. Н. Диоскурия – Себастополис – Цхум // ТАГМ. Вып. I. – Сухуми, 1947.

Соловьев Л. Н. Следы древнего соляного промысла близ г. Сухуми и г. Очамчира // ТАГМ. Вып. 1. – Сухуми, 1947.

Соловьев Л. Н. Селища с текстильной керамикой на побережье Западной Грузии//СА. Т. XIV. – М., 1950.

Соловьев Л. Н. Новый памятник культурных связей Кавказского Причерноморья в эпоху неолита и бронзы – стоянки Воронцовской пещеры // Труды АИЯЛИ. Т. XXIX. – Сухуми, 1958.

Соловьев Л. Н. Об итогах археологических раскопок в гроте Хупынипшахва в 1960 г. // Труды АИЯЛИ. Т XXXII. – Сухуми, 1961.

Соловьев Л. Н. Первобытное общество на территории Абхазии. Природа и человек нижнего и среднего палеолита Абхазии. – Сухуми, 1971.

Соловьев Л. Н. Мотыгообразные орудия сочи-адлерского типа // Известия АИЯЛИ. Вып. I. – Тбилиси, 1972.

Соловьева Л. Т. Роль миграционных процессов в этническом развитии Самурзакано // Межэтнические контакты в развитии национальных культур. – М., 1985.

Соловьева Л. Т. Семейные и фамильные традиции в современной Абхазии // Современная сельская Абхазия. Сб. статей. – М., 2006.

Соловьева Л. Т. Судьба традиции в эпоху глобализации: Абхазия в начале XXI века // «Кавказ & Глобализация». Том 1 (3). 2007.

Соловьева Л. Т. Этнокультурные контакты в Юго-Восточной Абхазии в XIX – начале XX в. и развитие языковых процессов // Кавказские научные записки. 2011 г. № 4(9).

Сообщения средневековых грузинских письменных источников об Абхазии. Тексты собрал, перевел на русский язык, предисловием и комментариями снабдил Г. А. Амичба. – Сухуми, 1986.

Сотникова Н. Н. Этноэкологическая культура как адаптивное средство жизнеобеспечения этносов // Современные проблемы науки и образования. – М., 2012.

Сотникова С. В. К вопросу о конных состязаниях на похоронах (по материалам памятников синташтинского типа // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения выдающегося российского археолога М. П. Грязнова. Книга 2. – Санкт-Петербург, 2012.

Спенсер Эдм. Путешествия в Черкесию. – Майкоп, 1994.

Спенсер Эдм. Описание поездок по Западному Кавказу в 1836 году. – Нальчик, 2008.

Спутник Абхазия. 19 февраля 2023 г.

ССКГ. 1872. Вып.VI. Отд. III.

Стеллецкий И. Я. По забытому Кавказу. – Сухум, 2024.

Степанченко А. П. К вопросу о виноделии у адыгов и абхазов // Археология и этнография Понтийского-Кавказского региона. Вып. 3. – Краснодар, 2015.

Степанченко А. П. Развитие виноградарства и виноделия в Северо-Восточном Причерноморье (II в. до н. э. – середина XIX в.). Дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. – Краснодар, 2016.

Стефанов Т. Т. Михайловский крепостной пехотный батальон на Кавказе. 1819–1906. Юбилейный выпуск. – Батум, 1906.

Сухум. Путеводитель по городу и окрестностям. Составил И. М. Тези. – Харьков, 1903.

Сухум: справочник (Под ред. В. Ю. Шидловского. Сухум, 1925) // Редкие книги об Абхазии. Сборник. Выпуск II. – Сухум, 2023.

Страбон. География. Книга XI. Текст приводится по изданию: Страбон. География в 17 книгах. Репринтное воспроизведение текста издания 1964 г. – М., 1994.

Студенецкая Е. Н. Одежда народов Северного Кавказа. XVIII–XIX вв. – М., 1989.

Султан Хан-Гирей. Избранные труды и документы. – Майкоп, 2009.

Схатум Р. Б. Военное дело адыгов в Средние века (вторая половина VIII–XVII вв.). Автореф. дисс. на соиск. уч.ст. канд. ист. наук. – Майкоп, 2008.

Счастный Д. А. Апсилийские луки позней античности и раннего Средневековья // Труды АГМ. Вып. VII. – Сухум, 2018.

Счастный Д. А. Наконечники копий и дротиков ромбического сечения со штамповкой из Восточного Причерноморья (Абхазия) // Абхазоведение. Вып. XII. – Сухум, 2022.

Счастный Д. А. Наконечники плюмбат из Абхазии (III–VI вв.) // VIII «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Война и торговля как факторы исторического развития народов Западного Кавказа в древности и Средневековье: Материалы Международной археологической конференции (г. Анапа, 30 мая–1 июня 2018 г.). – Краснодар, 2018.

Счастный Д. А. Позднеантичные и раннесредневековые мечи со следами ремонта из Абхазии // Сборник материалов VII Всероссийской научной конференции с международным участием «Потемкинские чтения». 26–28 октября 2023 г. Том I. – Севастополь, 2023.

Таблица демографической картины с. Адзюбжа. По данным администрации с. Адзюбжа на 1. 01. 1992 г.

Тайсаев К. У. Этнография традиционного спорта у народов Северного кавказа. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. докт. ист. наук. – М., 1997.

Тайсаев К. У. Состязания и игры, связанные с общественным и семейным бытом // Эльбрус. Литературно-художественный, общественно-политический независимый журнал. Выпуск по этнологии народов Северного Кавказа и Закавказья. – Нальчик, 1999. № 2.

Таниа Е. Ш. Земледельческая лексика в абхазском языке. – Сухум, 2013 (на абх. яз.).

Тарасов А. Н. Тимур на Кавказе. Историческая повесть. – Владикавказ, 1992.

Тарба Б. Г. Вопросы нравственного воспитания в абхазской этнопедагогике // Труды АГУ. Т. VI. – Сухуми, 1988.

Текеев К. М. Карачаевцы и балкарцы. Традиционная система жизнеобеспечения. – М., 1989.

Текуева М. А., Нальчикова Е. А. Поминальная жертва и поминальная пища в традициях народов Северного Кавказа // Известия СОИГСИ. 2019. № 33 (72).

Техов Б. В. Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н. э. – М., 1977.

Титов В. С. Древнейшие земледельцы в Европе. Археология старого и нового света. – М., 1966.

Токарев С. А. Религиозные пережитки среди черкесов-шапсугов и их преодоление // Религиозные пережитки у черкесов-шапсугов. – М., 1940.

Токарев С. А. История изучения календарных обычаев и поверий // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. – М., 1983.

Токарев С. А. Ранние формы религии. – М., 1990.

Толстая С. М. Обрядовое голошение: семантика, лексика, прагматика // Мир звучащий и молчащий: Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян. – М., 1999.

Топографическая карта Сухумского округа. Хранится в фондах Управления по геологии, геодезии и картографии Республики Абхазия.

Тория Ж. Н. Традиции и новации в аспекте межкультурной коммуникации (на примере адыгского общества) // Журн. «Коммуникология». 2014.

Торнау Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера. М., 1864; Черкесск. 1994.

Торговля Новгородской республики. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.agmi.ru/category/istoriya_rossii/torgovlya1.phtml.

Тоффлер Э. Война и антивойна: Что такое война и как с ней бороться. Как выжить на рассвете XXI века. – М., 2005.

Традиции последнего пути // «Эхо Кавказа». 25 марта 2016 г.

Трапш М. М. Полевая запись. 7 марта 1962 г. Пос. Балан. Хранится в Отделе древней истории и археологии АГМ.

Трапш М. М. Труды. Т. I. – Сухуми, 1970.; Т. II. – Сухуми, 1969.; Т. III. – Тбилиси, 1971.; Т. IV. – Сухуми, 1975.

Трапш М. М. Труды. В пяти томах. – Том II. – Сухум, 2019.; Том III. – Сухум, 2021.; Том IV. – Сухум, 2021.

Трапш Н. А. Абхазия первой половины XIX столетия в военно-этнографическом нарративе Иоганна Бларамберга // Северо-Западный Кавказ: от прошлого к настоящему. Сборник материалов Международной научной конференции. – Ростов-на-Дону, 2014.

Трапш Н. А. Военная организация абхазского общества начала XIX столетия в синхронных иностранных нарративах // Во-

йна и воинские традиции в культурах народов Юга России. VI Токаревские чтения. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Ростов-на-Дону, 2017.

Трахо Р. Черкесы. – Нальчик, 1992.

ТАГМ. Вып. II. Материал подготовил к печати В. И. Карчава. – Сухуми, 1957.

Турецко-русский словарь. Составил Д. А. Магазаник. Под. ред. чл.-корр. АН СССР., проф. В. А. Гордлевского. – М., 1945.

Турчанинов Г. Ф. Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. – Л., 1971.

Тхагушев Н. А. Адыгейские (черкесские) сорта яблони и груши. – Майкоп, 1948.

Тхамокова И. Х. Традиционное хозяйство и культурные ландшафты Шапсугии в первой половине XIX в. // Исторический журнал: научные исследования. – М., 2020.

Уарзиати В. С. Народные игры и развлечения осетин. – Орджоникидзе, 1987.

Уарзиати В. С. Культура осетин: связи с народами Кавказа. – Орджоникидзе, 1990.

Улитин В. В. Торговые связи меотских племен Прикубанья с античным миром в конце VII – первой половине I в. до н. э. (По материалам греческой керамической тары) // Первая Абхазская Международная археологическая конференция. – Сухум, 2006.

Услар П. Этнография Кавказа. Языкознание. Абхазский язык. – Тифлис, 1885. Услар П. К. О колхах // ИКОИРГО. Т. XIV. Вып. 2. Абхазская-интернет-библиотека.

Утверждение наше в Абхазии // КС. Т. XIII. – Тифлис, 1889.

Ученые выяснили, в какие игры играли древние люди. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://az.sputniknews.ru/20180701/xokkej-regbi-drevnie-ludi-415999017.html.

Фадеев А. В. К вопросу о феодализме в Абхазии. – Сухум, 1931.

Фадеев А. В. Краткий очерк истории Абхазии. Часть первая. – Сухум, 1934.

Фадеев А. В. Хозяйство и двор абхазского помещика накануне реформы 1870 года // Материалы по истории Абхазии. Выпуск XV. Сборник первый. – Сухуми, 1939.

Фадеев А. В. Избранные труды. В двух томах. Том II. – Сухум, 2022.

Фейзба Я. Р., Шамба О. Б. Национальная экономика Абхазии. – Сухум, 2002.

Ферран. Путешествие из Крыма в Черкесию через земли ногайских татар в 1709 г., докт. Феррана // РВ. Т. 6, № 4. Отд. 2. 1842.

Филипсон Г. И. Воспоминания // РА. 1883. [Кн. 3]. 6.

Филипсон Г. И. Воспоминания. М., 1855 // Материалы по истории Абхазии XIX века (1803–1839). Сборник документальных материалов. Т. I. – Сухум, 2008.

Фон-Дервиз Н. В. Сухумский округ в сельскохозяйственном и лесном отношениях // КСХ. 1894. № 48.

Фон-Дервиз Н. В. Сухумский округ // ЗКОИРГО. Кн. XXV. Вып. 8. – Тифлис, 1906.

Форов Е. Мегрелы (мингрелы) – мудрые и суровые. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://travelask.ru/articles/megrely-mingrely-mudrye-i-surovye.

Формозов А. А. Каменный век и энеолит Прикубанья. – М., 1965.

Франгуланди А. Греки-понтийцы: дорога длиной в 2,5 тысячи лет. – Сухуми, 1991.

Фрэзер Дж. Золотая ветвь. – М., 1980.

Фрэзер Дж. Фольклор в Ветхом завете. – М., 1986.

Ханаху Р. А. Адыгская (черкесская) философия и культура. Энциклопедия. – Майкоп, 2022.

Харсиев Б. М.-Г. Обычаи семьи и семейного быта горцев Кавказа с конца XIX до середины XX века. – Магас, 2015.

Хатисов И. С., Ротиньянц А. Д. Отчет комиссии по исследованию земель на северо-восточном берегу Черного моря // ЗКОСХ. № 1–2. – Тифлис, 1867.

Хачатрян Л. А., Чадова А. А. Межнациональная семья в современном российском обществе // Вестник Пермского университета. 2016. Вып. 1 (25).

Хашба Л. Х. Культура грецкого ореха в Абхазии. – Сухуми, 1959.

Хашба И. М. Абхазские народные музыкальные инструменты. – Сухуми, 1979.

Хашба А. Ш. Состояние межэтнической брачности населения Абхазии в 1960–2000 годы // ACTA HISTORICA: труды по историческим и общественным наукам. 2021. Т. 4. № 2.

Хашба А. Ш. Этнодемографические процессы современной Абхазии (конец XX – начало XXI вв.). – Сухум, 2023.

Хварцкия М. Х., Полякова Н. Е., Очередной А. К. Мачагуа – памятник среднего каменного века в Абхазии. – СПб., 2005.

Хейзинга И. Homo Ludens. Статьи по истории культуры / Пер., сост. и вступ. ст. Д. В. Сильвестрова, коммент. Д. Э. Харитоновича. – М., 1997.

Хеция А. Д. Терминология охотничьего вооружения в абхазском языке // Кавказ: история, культура, традиции, языки. По материалам Международной научной конференции, посвященной 75-летию Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа АНА. 28–31 мая 2001г. Сухум. – Сухум, 2004.

Хеция А. Д Лексема «алаба» в абхазском языке. Рукопись 2012 г. (на абх. яз.).

Хибба Р. А. Вопросы политической и социально-экономической истории Абхазии XVI–XVIII вв. – Сухум, 2014.

Хондзия З. Г., Требелева Г. В. Памятники Цебельдинской культуры в селе Куланырхуа // Проблемы истории, филологии, культуры. 2017. № 3.

Хорава Б. Мухаджирство абхазов 1867 года. – Тбилиси, 2013.

Хотелашвили М. К. О древнейших земледельческих орудиях Абхазии // Сборник статей преподавателей и аспирантов СГПИ им. А. М. Горького. – Сухуми, 1970.

Хотелашвили-Инал-ипа М. К. Слово в защиту абхазской аджики // Газ. «Республика Абхазия». 2006, 11. 07.

Хотелашвили-Инал-ипа М. К. Очерк о мукомольном производстве в Абхазии с древнейших времен // ТАГМ. Вып. VI. – Сухум, 2008.

Хотелашвили-Инал-ипа М. К. Страницы военной истории абхазов (Материалы к институту военного отходничества у древних абхазов) // Абхазоведение. Вып. III. – Сухум, 2004.

Хотелашвили-Инал-ипа М. К. История и этнография Абхазии. Сборник научных статей. – Сухум, 2019.

Хотко С. Море в черкесской истории. Абхазская интернет-библиотека.

Хотко С. Х. Очерки истории черкесов от эпохи киммерийцев до Кавказской войны. – СПб., 2001.

Хотко С. Х. Этногенез карачаевцев // Карачай. Страна на вершине гор. – Майкоп, 2011.

Хотко С. Х. Генезис адыгского (черкесского) этнополитического пространства в XIII–XVI вв.: проблемы и перспективы исследования. Дисс. на соиск. уч. ст. докт. ист. наук. – Майкоп, 2017.

Хрушкова Л. Г. Скульптура раннесредневековой Абхазии. V–X века. – Тбилиси, 1980.

Цагарели Ал. Мингрельские этюды. – СПб., 1880.

Цагарели А. Сношения России с Кавказом в XVI–XVIII столетиях. Т. 1. – СПб., 1891.

Царевич Вахушти. География Грузии. Введение, перевод и примечания М. Г. Джанашвили. – Тифлис, 1904.

Цветущие уголки биоразнообразия. – Рим, 2011.

Цвижба Л. И. Джигетские князья Гечь в XIX веке. Абхазская интернет-библиотека.

Цулая Г. В. Абхазия и абхазы в контексте истории Грузии. – М., 1995.

Цурцумия М. Эволюция средневековых щитов, укрепленных металлом // Военная археология. Сборник материалов научного семинара. Вып. 4. – М., 2018.

Цуциев А. А. Погребальная обрядность сарматов, алан и осетин. Археолого-этнографические параллели // Духовная культура осетин и современность: проблемы и перспективы. Сборник научных статей. Материалы республиканской научно-практической конференции. – Владикавказ, 2009.

Цхадая П. А. Топонимия горной Мегрелии. Автореф. канд. дисс. – Тбилиси, 1975.

Чамагуа Е. И. Виноград Абхазии. – Сухуми, 1968.

Чанба Р. К. Село Мгудзырхва. (Хозяйство и культура в прошлом и настоящем) // Сборник статей преподавателей и аспирантов Сухумского государственного педагогического института им. А. М. Горького. – Сухуми, 1970.

Чанба Р. К. Земледелие в дореволюционной Абхазии (XIX – нач. XX вв.). Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. – Ленинград, 1971.

Чанба Р. К. Земледелие и земельные отношения в дореволюционной Абхазии (XIX – начала XX вв.). – Тб., 1977.

Чанба Р. К. Пахотные орудия Западного Кавказа XIX в. // Всесоюзная научная сессия по итогам этнографических и антропологических исследований 1986–1987 гг. Тезисы докладов. – Сухуми, 1988.

Чанба Р. К. Полеводство // Абхазы. Народы и культуры. – М., 2012.

Чанба Н. В. Героическая хоровая песня абхазов. – Сухум, 2014.

Чачхалиа Д. К. Абхазское царство. Эпоха Баграта II. 978–1014 гг. – М., 2019.

Чедия А. Р. Проблема османского управления черноморским побережьем Западного Кавказа через призму деятельности кав-

казского пиратства (абхазского, черкесского) // «Историческая и социально-образовательная мысль». 2018. Том 10. № 6/1.

Челеби Эвл. Книга путешествия. Вып. 1, 2, 3. – М., 1961, 1979, 1983.

Челеби Эвл. Книга путешествия. Крым и сопредельные области. Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века. – Симферополь, 2008.

Черкесское и абхазское виноградарство и виноделие на Северо-Западном Кавказе [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://winekuban.ru/cherkesskoe-vinodelie-na-kavkaze.

Черноморское побережье Кавказа: Справочная книга. Абхазия (географо-исторический очерк)». – М., 1916; М., 2009 // Абхазия – страна души в 2 т. Сост. М. и В. Котляровы. Т. 2. – Нальчик, 2011.

Чернявский В. Плоды Абхазии, Джигетии и Мингрелии, дикорастущие и полукультурные // Вестник императорского Российского общества садоводства. – СПб., 1877. № 2.

Чеснов Я. В. Нравственные ценности в традиционном абхазском поведении // ПИИЭ 1980–1981 гг. – М., 1984.

Чеснов Я. В. Размышления о народной культуре абхазов // СЭ. 1989. № 1.

Чеснов Я. В. Ценность жизни и экофильные ориентации в традиционной абхазской культуре // ЭС. – М., 1991.

Чеснов Я. В. Молодые мужчины в традиционном абхазском обществе. // Газ. «Алашара». Вестник Московского общества абхазской культуры «Нартаа». Январь 1991 г.

Чеснов Я. В. Народная культура. Философско-антропологический подход. – М., 2014.

Чечушков И. В., Овсянников А. А.,Усманова Э. Р. К вопросу о времени начала использования желобчатых псалиев и возникновения всадничества (по материалам могильника Новоильиновский II в Северном Казахстане) // Археология, этнография и антропология Евразии. Т. 48. № 2. – Новосибирск, 2020.

Чибиров Л. А. Традиционная духовная культура осетин. – М., 2008.

Чиковани Т. А. О традиции строительства гостиных домов на территории Колхиды // Мацне. 1972. № 1 (на груз. яз.).

Чиковани М. Я. Народный героический эпос о прикованном Амирани. – М., 1966.

Чирг А. Ю. Культура жизнеобеспечения адыгов // Культура и быт адыгов. –Майкоп, 1991.

Чирикба В. А. Абхазские заимствования в мегрельском языке // Абхазоведение. Вып. 3. – Сухум, 2009.

Читая Г. К вопросу о происхождении абхазских пахотных орудий // Сообщения АН Груз. ССР. Т. II. № 3. – Тбилиси, 1941.

Чичеров В. И. Русское народное творчество. – М., 1959.

Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора // Тексты, перевод, комментарий. – М., 1980.

Чочуа А. М. Избранные сочинения. – Тбилиси, 1987.

Чубинов (Чубинашвили) Д. И. Грузино-русский словарь. – Тбилиси, 1984.

Чурсин Г.Ф. Очерки по этнологии Кавказа. – Тифлис, 1913.

Чурсин Г. Ф. Материалы по этнографии Абхазии. – Сухуми, 1957.

Чурсин Г. Ф. Абхазы. Опыт этнологического исследования. – Сухум, 2019.

Шакрыл К. С., Конджария В. Х. Словарь абхазского языка. Первый том. – Сухуми, 1986.

Шамиладзе В. М. Альпийское скотоводство в Грузии. – Тбилиси, 1969.

Шамба Г. К. Ахаччарху – древний могильник нагорной Абхазии. – Сухуми, 1970.

Шамба Г. К. Археологические разведки 1967 года в Гагрском районе // Материалы по археологии и искусству Абхазии. – Сухуми, 1974.

Шамба Г. К. Раскопки древних памятников Абхазии. – Сухуми, 1984.

Шамба Г. К. Культура племен Абхазии в первом тысячелетии до н. э. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. докт. ист. наук. – Ереван, 1987.

Шамба Г. К. Древний Сухум. – Сухум, 2005.

Шамба Г. К., Джопуа А. И. Керамическая печь в поселке Гуандра // Сухум. Журнал литературы, науки и публицистики. 2006. № 1.

Шамба С. М. Монетное обращение на территории Абхазии (V в. до н. э. – XIII в. н. э.). – Тбилиси, 1987.

Шамба С. М. Гюэнос–1. – Тбилиси, 1988.

Шамба Р. П. О этнонимах апсуа, абаза, абхаз и других словах. – Сухум, 2010.

Швейгер-Лерхенфельд А. Ф. Женщина. Ее жизнь, нравы и общественное положение у всех народов земного шара (пер. с нем.). – СПб., 1885.

Шелов Д. Б. Античный мир в Северном Причерноморье. – М., 1956.

Шенгелия Н. Н. Османские документальные источники о крепостях Анаклии и Рухи (XVII – XVIII вв.). – Тбилиси, 1982.

Шенкао Н. К. К вопросу изучения дальнего метательного оружия у народа Абаза // XLV итоговая научная сессия АбИГИ. Тезисы докладов. – Сухум, 2000.

Шенкао Н. К. Научное наследие. – Сухум, 2021.

Шенкао М. А. Основы философской танатологии. – Черкесск, 2002.

Шереметьев Д. А. Образ кавказского кинжала: свойства, структура, целостность. Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Режим доступа: http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-294-4/).

Шервашидзе Л. А. Средневековая монументальная живопись Абхазии. – Тбилиси, 1980.

Шиллинг Е. М. В Гудаутской Абхазии // Этнография. 1925. № 1–2.

Шкунов В. Н. Абхазия в системе внешней торговли Российской империи в XIX веке // Журн. «Известия Самарского научного центра РАН». № 2. – Самара. 2010.

Шлыков Г. Н. Интродукция и акклиматизация растений. – М., 1963.

Шмит А. О. Что кому из нас сажать в своих садах // «Полеводство». 1889. № 4.

Шнирельман В.А. Возникновение производящего хозяйства. – М., 1989.

Штриттер И. Г. Авасгика. Апсилика. Мисимианика. Переведенные труды византийских авторов (перев. Л. Аджинджал). – Анакопия–Новый Афон, 2011.

Элиава Г. В. Топонимика Абашского и Гегечкорского районов. – Тбилиси, 1977 (на груз. яз.).

Элиава Г. О. К вопросу о терминах «ацангуара» и «агуара» // Этнографические параллели / Материалы VII Республиканской сессии этнографов Грузии. – Тбилиси, 1987.

Эриксон Э. Из воспоминаний о Батуме и его окрестностях // «Естествознание и география». 1899. № 6.

Энеолит СССР. – М., 1982.

Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза. – М., 1994.

Этнография. Под редакцией Ю. В. Бромлея и Г. Е. Маркова. – М., 1982.

Эхо Кавказа. 7 декабря 2016 г.; 25 августа 2022 г.

Яброва-Колаковская В. С. Альпийские пастбища Абхазии. – Сухуми, 1958.

Behringer Wolfgang, Kulturgeschichte des Klimas. Munchen. 2007.

Bodenschtedt Fr. Volker des Kaukasus und ihre Freiheitskampfe gegen die Russen. Berlin. 1855. Bd. II.

Fleischer, Cornell H. From Sehzade Korkud to Mustafa Ali: Cultural Origins of the Ottoman Nasihatname // III rd Congress on the Social and Economic Histori of Turkei. 1983. 2 August.

Herbert J.W. History and developmemt of the citrus industry // The Citrus Industry. 1967. VoI. I. P. 1–52.

Manfred von Ardenne. Mein Leben für Forschund und Fortschritt. München. 1984.

Mansel Ph. Constantinople. 1453–1924. L., 1995.

Reineggs J. Allgemeine historisch–topographische Beschreibung des Kaukasus. Bd. II. München. – СПб., 1797.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АБНО – Абхазское научное общество
АГАУ – Алтайский государственный аграрный университет
АГМ – Абхазский государственный музей
АГУ – Абхазский государственный университет
АГУ – Адыгейский государственный университет
АИЯЛИ – Абхазский институт языка, литературы и истории
АНИИЯЛИ – Адыгейский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
БРЭ – Большая Российская энциклопедия
БСЭ – Большая советская энциклопедия
ВВ – Византийский временник
ВЕ – Вестник Европы
ВИ – Вопросы истории
ВДИ – Вестник древней истории
ВС – Военный сборник
ДГУ – Дагестанский государственный университет
ДНЦ – Дагестанский научный центр РАН
ЖМНП – Журнал Министерства народного Просвещения, СПб.
ЖС – Живая старина
ЗабГУ – Забайкальский государственный университет
ЗКОИРГО – Записки Кавказского отдела Императорского русского географического общества
ЗКОСХ – Записки Кавказского общества сельского хозяйства
ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей
ИКОИРГО – Известия Кавказского отдела императорского Русского географического общества
КВ – Кавказский вестник
КемГУКИ – Кемеровский государственный университет культуры и искусств
КС – Кавказский сборник

КСИА – Краткие сообщения института археологии

КСХ – Кавказское сельское хозяйство

КубГАУ – Кубанский государственный аграрный университет

КФУ – Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

КЭС – Кавказский этнографический сборник

МАК – Материалы по археологии Кавказа

МГТУ – Майкопский государственный технологический университет

МГУ – Московский государственный университет

МС – Морской сборник

МЭГ – Материалы по этнографии Грузии

ПИИЭ – Полевые исследования Института этнографии АН СССР

ПСЗРИ – Полный свод законов Российской империи

РА – Руский архив

РВ – Русский вестник

РГПУ – Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

РУДН – Российский университет дружбы народов

РЭМ – Российский этнографический музей

СА – Советская археология

СГПИ – Сухумский государственный педагогический институт им. А. М. Горького

СМОМПК – Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа

СОИГСИ – Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева

ССКГ – Сборник сведений о кавказских горцах

СЭ – Советская этнография

ТАГМ – Труды Абхазского государственного музея

ЧСХ – Черноморское сельское хозяйство

ЭО – Этнографическое обозрение

ЭС – Экологический сборник

ЮУрГУ – Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

Глава I

Культура традиционной хозяйственной деятельности 15
Земледелие 15
Виноградарство и виноделие 75
Садоводство 119
Отгонно-яйлажное скотоводство 165

Глава II

Соционормативная культура 209
Этикетные нормы и черты социального строя 209
Межэтнические браки 240
Из традиционной семейно-общественной обрядности 285

Глава III

Военная культура 326
Вооружение 326
Военное дело 379
Народные военно-спортивные игры 437

Глава IV

Вопросы этнологии абхазов в искаженной перспективе: критические заметки 483

Источники и литература 508
Список сокращений 573

Научное издание

Маан Омар Владимирович

Вопросы этнологии абхазов

Редакторы *Л. С. Пачулия, И. В. Ружавинская*
Компьютерная верстка *А. Ш. Беренджи*

Подписано в печать 26.01.2026 г.

Формат 60x84 1/16. Усл. печ. лист 36,125
Тираж: 200 экз.

Отпечатано в соответствии с
предоставленными материалами
в типографии АГУ

г. Сухум, ул. Университетская 1.
E-mail: tipografiya.agu@mail.ru